

ПРОРОКИ ВИЗАНТИЗМА

■ БЕСЕДЫ

РУССКИЕ ■

Переписка
К. Н. Леонтьева
и Т. И. Филиппова
(1875–1891)

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

Переписка
К. Н. Леонтьева
и Т. И. Филиппова
(1875—1891)

ПРОРОКИ ВИЗАНТИЗМА

Составление, вступительная статья,
подготовка текстов и комментарии
О. Л. Фетисенко

Издательство
«Пушкинский Дом»
Санкт-Петербург
2012

УДК 882(044)Леонтьев
ББК Ш5(2=Р)52
П81

Рецензенты:
д-р филол. наук В. А. Викторovich,
д-р филол. наук В. А. Котельников

Исследование выполнено и издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ, проекты № 08-04-00110а и 11-04-16148д)

П81 Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии О. Л. Фетисенко. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. — 728 с.; 4 с. цв. вклейка (Сер.: Русские беседы).
ISBN 978-5-91476-040-0

Не последнее по значению место в обширном литературном наследии писателя и мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891) занимает эпистолярный, до сих пор не собранный и не изданный в полном объеме. Одним из ближайших и особо доверенных корреспондентов К. Н. Леонтьева был государственный и церковно-общественный деятель Третий Иванович Филиппов (1825—1899). Их переписка, которая велась в 1875—1891 гг., сохранилась практически без утрат и представляет собой ценнейший источник новых сведений об истории русской консервативной мысли, политике, литературе, журналистике и общественной жизни последней трети XIX в. Среди упоминаемых здесь лиц — Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, Вл. С. Соловьев и К. П. Победоносцев, И. С. Аксаков и Н. Н. Страхов, М. Н. Катков и В. П. Мецкерский, А. М. Горчаков и Н. П. Игнатьев, старцы Афона и Оптиной пустыни, русские и греческие церковные иерархи, министры и дипломаты. Большинство писем публикуется впервые.

УДК 882(044)Леонтьев
ББК Ш5(2=Р)52

ISBN 978-5-91476-040-0

© Издательство «Пушкинский Дом», 2012
© О. Л. Фетисенко, сост., вступ. ст., подгот.
текстов, коммент., 2012
© Е. П. Фокина, оформление серии, 2012

«Ревнители охранения обуреваемых святынь»

О переписке К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова

Выдающийся русский писатель, публицист и мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (13 января 1831 — 12 ноября 1891) оставил обширное литературное наследие — романы, повести, мемуарные очерки, публицистические, историософские и литературно-критические статьи, записки и деловые проекты, рецензии и цензорские отзывы.¹ «Литературны» даже многие его служебные документы (прежде всего дипломатические отзывы). Эпистолярное наследие Леонтьева до сих пор не собрано и не издано в полном объеме (сходная ситуация, кстати, прослеживается и в публикации писем русских славянофилов), между тем эта часть его творческой биографии принадлежит к наиболее значимым, ничуть не уступая публицистике.

Особенно интересны, как по тематике, так и по стилю, письма последних двух десятилетий жизни мыслителя, адресованные Н. Н. Страхову, К. А. Губастову, А. А. Фету, Л. А. Тихомирову, А. А. Александрову, О. И. Фуделю, В. В. Розанову и др. Ряд его крупных публицистических произведений или создан в жанре писем с указанием конкретного адресата,² или является более развернутым продолжением размышления

¹ Это наследие сейчас активно собирается и изучается. В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН издается собрание сочинений академического типа: *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текстов и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000 — (изд. продолжается). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (при необходимости — книги) и страницы.

² Так, статья «Национальная политика как орудие всемирной революции» имеет подзаголовок «Письма к О. И. Фудель», один из эстетических манифестов («Не кста-ти и кста-ти») — письмо к А. А. Фету по поводу его юбилея; последние крупные работы Леонтьева «Культурный идеал и племенная политика» и «Кто правее?», оставшиеся незавершенными, представляют собой огромные открытые письма, адресованные, соответственно, П. Е. Астафьеву и Вл. С. Соловьеву. Из не изданных при жизни автора

о той или иной проблеме, намеченного в предшествующих появлению статьи «обычных» письмах.

Настоящее издание впервые вводит в научный оборот уникальный по своему историческому значению источник, который затрагивает широкий круг тем и является ярким литературным памятником последней трети XIX в., — многолетнюю переписку Леонтьева с одним из его ближайших и особо доверенных корреспондентов, публицистом консервативного направления Тertiем Ивановичем Филипповым (24 декабря 1825 (5 января 1826 н. ст.) — 30 ноября 1899).

Т. И. Филиппов вошел в историю как крупный государственный и церковно-общественный деятель, представлявший собой более влиятельную фигуру, чем А. Н. Муравьев в эпоху митрополита Филарета. Петербургский чиновник, занимавший высокие посты в Государственном контроле и в конце концов возглавивший его в 1889 г., он был в то же время одним из создателей Петербургского Славянского комитета (1868), а в 1872—1880 гг. его председателем, в 1876 г. возглавил комиссию для сбора пожертвований при комитете, являлся вице-председателем Общества любителей духовного просвещения, входил в совет Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, созданного в Петербурге в 1881 г., был вице-председателем Императорского Православного Палестинского общества (с момента его учреждения в 1882 г.), эпитропом Гроба Господня (с 1883 г.). Велика его роль в сношениях с Восточными Патриархиями, в отстаивании канонической правоты Вселенской Патриархии в так называемой «греко-болгарской распре»³ 1860-х — 1870-х гг., в процессе установления подлинного церковного единства со старооб-

произведений можно вспомнить письмо к Н. Н. Страхову «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ал. Григорьеве» и создававшиеся с мыслью о М. В. Леонтьевой «Афонские письма» (в более поздней редакции — «Четыре письма с Афона»).

³ См. примеч. 33.

рядцами, вернувшимися в общение с Греко-Российской Православной Церковью, — единоверцами.

С именем Филиппова связывались надежды на оживление «русской, а через нее и вселенской церкви», на движение «воды в нашей застоявшейся церковной купели».⁴ Неоднократно молва прочила его то в министры народного просвещения, то в обер-прокуроры Св. Синода,⁵ но этому не суждено было осуществиться: противоборствующий Филиппову всеильный К. П. Победоносцев счел за лучшее придержать его в Контроле, нежели допустить к посту, связанному с идеологией.⁶

Понятно, что «одиноким мыслителем» Леонтьев находился совсем в других внешних обстоятельствах. В его дружбе с Филипповым роли распределились так: Филиппов — благодетель, Леонтьев — благодетельствуемый; Леонтьев просит, Филиппов помогает (редко-редко наоборот — когда Леонтьев по просьбе Филиппова пишет рецензии на его книгу или защищает его от нападок либерального священника-пуб-

⁴ Цитируется письмо от 30 июля 1889 г., которым Вл. Соловьев поздравил Филиппова с назначением на должность государственного контролера. Выше в нем говорилось: «...вступление Ваше в первый ряд государственных сановников кажется мне несомненным предзнаменованием некоторой общей перемены правительственных взглядов в той области (...) относительно которой Ваш образ мыслей и Ваши заслуги слишком известны, чтобы не быть принятыми во внимание и в настоящем случае» (Соловьев. Письма. Кн. II. С. 328).

⁵ См.: Фаресов А. Памяти Т. И. Филиппова // ИВ. 1900. № 2. С. 675. Леонтьев, присоединявшийся к этим благопожеланиям, однажды написал своему молодому другу О. И. Фуделю о Филиппове: «Он человек с большим влиянием, с большим тактом и большою смелостью, при замечательно тонком и просвещенном уме. — Если Господь присудит ему кончить жизнь Обер-Прокурором Св(ятейшего) Синода — то это будет большим благом для Церкви. — Другого — такого и не найдем!» (из письма от 1 марта 1889 г. — Преемство от отцов. С. 121).

⁶ В 1882 г. Победоносцев писал своему другу, известному педагогу С. А. Рачинскому: «...Филиппова полезно и благоразумно употреблять в надлежащей пропорции (...) я не желал бы, чтобы он когда-либо дорос до самостоятельной власти. Пользы от этого не будет» (цит. по: Фатеев В. А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002. С. 119).

лициста). «Я благодарю Бога, что мне дано было быть ему опорой и утешением и спасти его от нищеты», — записал Филиппов в дневнике 6 июня 1892 г., вспоминая своего друга.⁷ Впрочем, в сам момент знакомства такого резкого разрыва в положении двух будущих друзей еще не было. Леонтьев только недавно вышел в отставку после десятилетней дипломатической службы в Османской империи, а Филиппов еще не достиг поста товарища государственного контролера.

Но было в их дружбе и другое соотношение. Филиппов прекрасно сознавал все преимущества Леонтьева — мыслителя, которому не всегда же придется быть в безвестии; восхищался, упивался его мыслью, его духовной свободой. И здесь, — пусть это и не проговаривалось, — Леонтьев был безусловным лидером.

Третий Филиппов на четыре года с небольшим старше Леонтьева, он родился во Ржеве в рождественский сочельник, 24 декабря 1825 г., в семье провизора. Современной исследовательницей С. И. Алексеевой установлена немаловажная подробность, которую Филиппов всю жизнь тщательно скрывал: он не просто разночинец, но еще и родившийся от невенчанного брака (мать принадлежала к старообрядцам-беспоповцам, поэтому был невозможен ее брак с православным), т. е. фактически незаконнорожденный сын.⁸ Он с успехом окончил Тверскую гимназию

⁷ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7 об.

⁸ См.: Алексеева. С. 10—21. Впрочем, история рождения Филиппова (пусть и в неточном преломлении) не оставалась секретом для петербургских сплетниц. «...Он незаконный сын ржевского почтмейстера», — записала одна из них в своем дневнике 2 января 1890 г. (Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 130). Леонтьев, как сейчас нам известно, — тоже фактически внебрачный сын. Его настоящим отцом был вовсе не заурядный обедневший калужский помещик Н. Б. Леонтьев, но родовитый В. Д. Дурново (см. подробнее: б₁₋₂; по указателю). Едва ли, впрочем, Леонтьев и Филиппов поделились друг с другом этими тайными подробностями своих биографий.

и историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в 1-й Московской мужской гимназии,⁹ где обратил на себя внимание митрополита Филарета (Дроздова) своей речью в актовый день, 3 октября 1854 г. «Она была увенчана хвалою Митрополита Филарета, который мне, тогда еще юноше, пожелал, „чтобы мои (Ваши) мысли проникали более и более в область общественного воспитания“».¹⁰

Леонтьев же к этому времени был досрочно выпущен с медицинского факультета того же университета со званием «лекаря» и уже с весны 1854 г. служил в крымских госпиталях.¹¹

Пути их в этот период отстоят друг от друга далеко, хотя есть в них и доля схожего. Скажем, оба в молодости придерживались достаточно оппозиционных убеждений. Но Леонтьев был близок западникам, посещал салон гр. Е. В. Салиас де Турнемир, в литературе был протеже И. С. Тургенева, а Филиппов дружил с Ап. А. Григорьевым, А. Н. Островским, Е. Н. Эдельсоном, П. М. Садовским, И. Ф. Горбуновым. Пока Леонтьев печатал свои первые повести в «Отечественных записках» А. А. Краевского, Филиппов сформировался как один из ведущих сотрудников погодинского «Москвитянина», член так называемой его «молодой редакции».

Но больше разделило бы их другое: Леонтьев в те годы если и думает о Церкви, то видит в ней какую-то далекую от него почтенную «бабушку» (его позднейшее выражение в одном из автобиографических романов),¹² до христианского обращения тогда еще очень далеко. Филиппов же, напротив, уже в 1850-е гг. был подлинным «сыном Церкви»¹³

⁹ Филиппов был здесь «старшим учителем». См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1900. Кн. 14. С. 320.

¹⁰ Письмо к В. П. Мецкерскому от 3 января 1890 г. (РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 3).

¹¹ См.: Памяти Леонтьева. С. 30—40.

¹² См.: 5, 168.

¹³ Ап. Григорьев писал 13 ноября 1857 г. Е. Н. Эдельсону (тоже входившему в «молодую редакцию» погодинского журнала): «Третий... но если б знал, до чего и сколь

(по-видимому, он позднее любил себя так называть, за что и получил от неводержанного на язык Н. С. Лескова злое прозвище «церквин сын»¹⁴). Духовным отцом Филиппова был духовник Н. В. Гоголя, известный ржевский протоиерей Матфей Александрович Константиновский.¹⁵ Позднее Филиппов начинает бывать в Оптиной пустыни, посещает старца Макария¹⁶ и становится участником оптинской книгоиздательской и переводческой деятельности.¹⁷ Наиболее известны из его

основательно развилась во мне вражда к официальному православию, в которое он ушел ...» (А. А. Григорьев: Материалы для биографии. Пг., 1917. С. 184).

¹⁴ «Церквина сына Тertia» он вспоминает, например, в письме к А. С. Суворину от 26 марта 1888 г. (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 374), а 6 июня 1894 г. сообщает новость Т. А. Толстой: «Пишут, будто „церквин сын Филиппов“ повторяет Дамаскина: снимает с себя „величье, знатность, власть и силу“ и идет в монахи, и будет „патриархом“ Тарасием. Точно дети в куклы играют» (АН. М., 2000. Т. 101, кн. 2: Неизданный Лесков. С. 404). Лесков цитирует поэму А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин». Интересно отметить возникающие здесь аллюзии на эпоху иконоборчества. Помимо преп. Иоанна Дамаскина в тексте скрыто присутствует и один из восстановителей иконопочитания, св. патриарх Константинопольский Тарасий (ведь, вероятнее всего, именно его имя должен был бы, согласно передаваемому Лесковым слуху, принять посвящаемый). Особенно любопытна эта историческая аллюзия тем, что сам Филиппов дал прозвище из той же эпохи своему главному врагу, Победоносцеву (см. с. 329 наст. изд.). Далее ссылки на наст. изд. даются в тексте с указанием в скобках страницы.

¹⁵ Об отношениях Филиппова с ним см.: Щеглов Ив. (Леонтьев И. А.) К характеристике о. Матвея Константиновского // НВр. 1902. 16 марта. № 9350. С. 2.

¹⁶ Старец Макарий, познакомившись с Филипповым, отзывался о нем так: «Третий Иванович очень понравился нам по своей христианской, приятной простоте и неизысканному деликатно-свободному общению» (цит. по: Четвериков С., прот. Правда христианства. М., 1998. С. 366). Впоследствии духовным отцом Филиппова был настоятель Исаакиевского собора протоиерей И. Н. Полисадов (устанавливается по письму Филиппова к жене от 5 мая 1877 г.; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 3132. Л. 18), а после его кончины — другой чтимый петербургский протоиерей, о. Алексей Колоколов. См.: Фетисенко О. А. Паломничество на Успенский остров в 1886 г.: Неизвестное письмо Т. И. Филиппова // София. 2009. № 1. С. 20—23.

¹⁷ См.: А. Н. (Никодим (Кононов), архим.) Старцы о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 452—620.

трудов тех лет — переводы толкования преп. Максима Исповедника на молитву «Отче наш» (1853)¹⁸ и его же «Глав о любви» (1856).

В середине 1850-х гг. происходит сближение Филиппова с И. В. Киреевским,¹⁹ который рекомендовал Филиппова А. И. Кошелеву в качестве редактора затеваемого славянофилами журнала «Русская беседа». В письме к Кошелеву от 13 августа 1855 г. он хвалил замечательное трудолюбие и переводческий талант своего молодого знакомого²⁰ и, предупреждая возможные сомнения своего корреспондента, убеждал его: «Что же касается до Филиппова, то мне кажется, ты ошибаешься, думая, что в его руках журнал будет вял и односторонен. Филиппов в вашем кругу будет проникнут вашим духом и воззрением на литературу и проч., ибо ваш дух также верующий, как и его, но только больше развит в отношении к внешней образованности. Пишет он не только не вяло, но с замечательным талантом. А деятельность и легкость работы у него в замечательной степени. (...) Для журнальной деятельности это клад».²¹

Но Филиппов пробыл в редакции «Русской беседы» немногим более года, не сумев сблизиться ни с кем, кроме самого издателя Кошелева и, пожалуй, А. С. Хомякова.²² В 1857 г. имя Филиппова исчезает со страниц «Русской беседы», объявление об издании на 1858 г. подписано уже

¹⁸ См. отзывы И. В. Киреевского и старца Макария об этой брошюре: *Киреевский И. В. Полн. собр. соч.*: (В 2 т.) М., 1911. Т. 2. С. 262—263, 283—284.

¹⁹ Само знакомство состоялось, вероятно, в 1850 г. и, возможно, именно Киреевский и привел Филиппова в Оптину. В дальнейшем Филиппов хранил верность памяти философа-славянофила, а в конце жизни даже «укрыл свои произведения под сень» его имени — посвятил Киреевскому сборник своих статей (Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. VI).

²⁰ Здесь говорилось, что Филиппов за один день перевел какую-то греческую книжку (а день при этом был праздничный, значит, начался с литургии и продолжился долгой трапезой).

²¹ *Киреевский И. В. Полн. собр. соч.* Т. 2. С. 287.

²² См.: *Фетисенко О. А. Третий Филиппов — первый редактор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись.* СПб., 2011. С. 100—123 (Славянофильский архив. Кн. 1).

одним Кошелевым. В 1857 г. в редактировании журнала принимает участие П. И. Бартенев, в конце года — М. А. Максимович, а с июня 1858 г. место соредактора занимает И. С. Аксаков, который, как нетрудно догадаться, по отношению к периоду редакторства Филиппова был настроен весьма критично. Его раздражали не столько действия редактора, сколько его убеждения.²³

Уход Филиппова был предreshен, думается, уже вскоре после кончины приведшего его в журнал Киреевского.²⁴ Вскоре для него открывается другое поле деятельности. Осенью 1856 г. обер-прокурором Св. Синода становится гр. А. П. Толстой, он подбирает себе помощников, в число которых попадает и Филиппов. В самом начале 1857 г. тот определен чиновником особых поручений, в чине коллежского советника (VI класса по Табели о рангах).²⁵

²³ В письме к Н. С. Соханской от 21 ноября 1859 г. И. Аксаков нелестно вспоминал Филиппова, как он считал, много повредившего репутации журнала, — «имевшего обыкновение читать по воскресеньям Апостола в модной московской церкви и, наконец, перешедшего на службу в Синод, где и загнул он совершенно „по-духовному“» (РО. 1897. Т. 43, февр. С. 600; в публикации, появившейся при жизни Филиппова и в относительно дружественно к нему настроенном журнале, его фамилия, конечно, была сокращена до первой буквы). Позднее и Лесков прозрачно указал на Филиппова в одной из своих статей как на добровольного чтеца петербургской домово́й церкви обер-прокурора Синода: в ней «до самой недавней поры дьячил один не даровитый, но в своем роде известный писатель» (Лесков Н. С. Синодальные персоны. Период борьбы за преобладание (1820—1840 г.) // ИВ. 1882. № 11. С. 403). В поведении Филиппова, который хотел «не зарывать свой талант в землю» (а у него был большой певческий дар; вероятно, и псаломщиком он был отменным), Аксаков, Лесков (и, конечно, не они одни) видели только нечто вроде желания подольститься к начальству.

²⁴ См., между прочим, описание молодым М. И. Семевским искренней скорби Филиппова в дни прощания с Киреевским: Славянофилы и «Русская беседа» в письмах М. И. Семевского к Г. Е. Благоветлову (1856) / Вступ. ст., публ. и примеч. О. Л. Фетисенко // «Русская беседа»: История славянофильского журнала. С. 355—358.

²⁵ См. письмо Филиппова к супруге обер-прокурора, гр. А. Г. Толстой, от 3 февраля 1857 г. (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1263. Л. 3 об.—4).

При графе Толстом и еще некоторое время после его отставки (в 1862—1864 гг. при А. П. Ахматове) Филиппов служит в Синоде чиновником по особым поручениям, а затем, «по усиленному настоянию статс-секретаря Татаринова»,²⁶ переходит в Государственный контроль. В начале 1860-х гг. печатается изредка в «Библиотеке для чтения» и «Русском вестнике», позднее — в «Журнале Министерства народного просвещения» и «Беседе». С 1870-х гг. он становится постоянным автором газеты «Гражданин».²⁷ Ряд речей и записок Филиппова, преимущественно по вопросам педагогики, был издан отдельными брошюрами. Выступления по двум важнейшим для него церковным вопросам — о греко-болгарской распре и о русском единоверии²⁸ — собраны

²⁶ Внутреннее обозрение // РВ. 1889. № 9. С. 376.

²⁷ За редким исключением он печатался здесь под псевдонимами или анонимно.

²⁸ В одной из редакционных заметок «Гражданина» (предисловии к публикации одного из выступлений Филиппова) Ф. М. Достоевский назвал вопрос «о судьбах нашего „единоверия“» «вопросом глубоким и имеющим чрезвычайную и, главное, современную важность» (Гр. 1874. 11 марта. № 10. С. 293; то же: *Достоевский* Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 292). Этим вопросом Филиппов занимался, по выражению обозревателя «Гражданина», «от дней своей юности», он «был, пока жил в Москве, постоянным участником в прениях с раскольниками, происходившими в ту пору около Кремлевских соборов» (Петербургское обозрение // Гр. 1873. 5 марта. № 10. С. 284). В 1873—1874 гг. в Обществе любителей духовного просвещения слушались филипповские чтения «О нуждах единоверия», вызвавшие большую полемику, отраженную и на страницах периодики. Оппонентами Филиппова выступили профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Ф. Нильский, И. А. Чистович, И. В. Чельцов, прот. И. В. Васильев и др. Противники Филиппова старались представить его самоуверенным «дилетантом науки», «любителем ученых книг», который вмешивается не в свое дело (Церковно-общественный вестник. 1874. № 9. 20 янв. С. 1—2; № 33. 17 марта. С. 1—3), а то и просто подкупленным «пособником» старообрядцев, неблагонадежным человеком, возмутителем спокойствия и чуть не еретиком (об «инкриминациях» проф. Нильского см.: Гр. 1873. 17 дек. № 51. С. 1365; *МВед.* 1874. 2 апр. Особ. прибав. к № 80. С. 3). После подобного оборота полемики Филиппов в апреле заявил, что выходит из состава Общества, но вскоре отказался от своего заявления. Отметим, что деятельность Филиппова высоко оценивается современными старообрядцами. См., например: *Боченков* В. Истина историческая против истины миссионерской: К истории

в книгу «Современные церковные вопросы» (СПб., 1882). Следующее собрание его работ вышло только в 1896 г. под названием «Сборник Т. Филиппова».

Примерно тогда же, когда Филиппов подумывает об уходе из Синода, Леонтьев, испытавший и нужду, и первую ломку убеждений при столкновении с петербургским миром «честных тружеников», военных «лишь по мундиру», готовых «оплакивать свою судьбу» (5, 84), «легальных социалистов» и т. п., решает коренным образом изменить свою жизнь и поступает на службу в Азиатский департамент МИДа. Очень скоро он получает и первое назначение — секретарем консульства на Крите. В 1860-е гг. блестяще служит в Адрианополе, Тульче, Янине. В 1870 г. достигает поста генерального консула в Салониках. Его донесения пользуются успехом у самого князя А. М. Горчакова.²⁹ В то же время Леонтьева-беллетриста охотно печатает в «Русском вестнике» М. Н. Катков. И все это обрывается в июле 1871 г. — внезапной болезнью, покаянием, обетом принять монашество, исцелением, поездкой на Афон, где потом Леонтьев проведет почти год. «Nous n'avons pas besoin de moines»,³⁰ — скажет тот же Горчаков, предрешая отставку консула. Но в этот момент Леонтьев вовсе не переживает о том, что оборвалась его служебная карьера, развивавшаяся столь удачно. Он уже знает свое новое дело и призвание — призвание публициста и философа.

Друг о друге они узнали, вероятно, почти одновременно. Филиппов, несомненно, в начале 1873 г. прочитал статьи о панславизме «Н. Кон-

отмены клятвы собора 1667 г. // Церковь. 2004. № 6. С. 50—59). Об отрицательной реакции старца Амвросия Оптинского и о. Климента (Зедегольма), друга молодости Филиппова, на его выступления в защиту единоверцев см.: Фетисенко О. А. Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян» // Христианство. 5. С. 271—293.

²⁹ См.: 6, 132; 6, 356—357, 394.

³⁰ Нам монахи не нужны (франц.). См.: Памяти Леонтьева. С. 298.

стантинова» в «Русском вестнике».³¹ Он не мог не заметить их. Статьи широко обсуждались в обеих столицах (между прочим, их сразу заметил Ф. М. Достоевский)³² и были посвящены теме, которой Филиппов сам отдал много лет своей жизни — греко-болгарской церковной распри.³³ А Леонтьев, когда еще только писал эти работы для Каткова, узнал ста-

³¹ «Панславизм и греки» (1873. № 2) и «Панславизм на Афоне» (1873. № 4). Статьи были написаны в 1872 г.

³² См. об этом: 7, 605—607.

³³ Так принято называть церковно-национальный конфликт, назревавший еще с 1850-х гг. и приведший в итоге к началу 1870-х к образованию по национальному признаку Болгарской Церкви, которая отделилась (не без помощи турецкого правительства) от Вселенского Патриархата. Поместный Константинопольский Собор 1872 г. отлучил болгарских епископов и сформулировал положение о новейшей ереси, названной «филетизмом» («племенничеством», учением о том, что каждой нации «полагается» «своя» Церковь; греч. *φυλετίζμος*). Впрочем, националистические страсти, конечно, обуревали не только болгар, но и греков, которые, воспользовавшись данным поводом, начали активную борьбу с панславизмом. (Между прочим, и о Леонтьеве греческие газеты в то время писали как о панславистском агенте. В самом его пребывании на Афоне горячие головы видели чуть не шпионские цели.) Российский Св. Синод, направляемый обер-прокурором гр. Д. А. Толстым, занял тогда неопределенную, выжидательную позицию, впрочем, не вступая в каноническое общение с Болгарским Экзархатом. Что же касается «общественности» и прессы, то они в России, за редчайшим исключением, были целиком на стороне болгар против «злокозненных» фанариотов (само это слово, означающее жителей константинопольского греческого квартала Фанар, в котором находится Патриархия, сделалось в русской печати чуть не бранным). Вся информация подавалась исключительно в проболгарском духе. Леонтьев был свободен от этой односторонности, потому что, находясь, так сказать, в эпицентре конфликта, в Салониках, на Афоне, в Константинополе, мог сам сделать выбор. И сделал его — раз навсегда поставив церковно-каноническое выше «племенных сочувствий». Отношение к Болгарскому вопросу с тех пор стало для Леонтьева пробным камнем в оценке того или иного государственного или общественного деятеля. То, что это «вопрос капитальный, всемирно-исторической важности», признавал и Ив. Аксаков (цитируемые слова взяты из его письма к Филиппову от 13 июля 1878 г.; *Фанариоты*. 1. С. 138), не видевший, впрочем, до полного освобождения Болгарии никаких путей его решения.

тии Филиппова о Болгарском вопросе.³⁴ На них указал ему секретарь посольства в Константинополе, его друг К. А. Губастов. Вероятно, прежде всего он мог прочитать изданную в виде отдельной брошюры работу «Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря».³⁵ Отвергнутая гр. Д. А. Толстым (он был одновременно обер-прокурором Синода и министром народного просвещения) вторая часть этой статьи под другим названием («Решение Греко-болгарского вопроса») была помещена в «Русском вестнике».³⁶ Менее доступна могла быть напечатанная в «Гражданине» (еще редакции Достоевского) статья «Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском Экзархате»,³⁷ но не исключено, что у Губастова была и она.

Немудрено, что и формальным поводом для знакомства (сначала эпистолярного) Филиппова и Леонтьева тоже стал Болгарский вопрос, точнее — устройство статьи Леонтьева «Еще о греко-болгарской распри»,

³⁴ Имеются в виду статьи, написанные уже в разгар церковной распри. А вообще к болгарской теме Филиппов подошел еще в 1858 г., возразив, по поручению обер-прокурора Синода, на статью Х. Даскалова, появившуюся в «Русском вестнике» (Д. Даскалов Х. К.) Турецкие дела // РВ. 1858. Февр., кн. 2. Отд.: Современ. летопись. С. 245—265). Его «Ответ г-ну Д.» без подписи был напечатан сперва в «Московских ведомостях» (1858. 5—14 авг.) и в том же году вышел в виде брошюры под названием «Ответ „Русскому Вестнику“ по болгарским делам». Об этом эпизоде см. подробнее: Фетисенко О. А. Третий Филиппов — редактор «Русской беседы». С. 118—122. Филиппову принадлежит также изданная за границей брошюра «По вопросу о болгарском патриаршестве» (Берлин: Тип. К. Шульце, 1860; она упоминается в письме Филиппова к гр. А. П. Толстому от 8 июля 1860 г. — ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 73—75).

³⁵ Впервые: Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 2. С. 245—301 (паг. 2-я); № 3. С. 1—54 (паг. 2-я).

³⁶ РВ. 1870. № 6. С. 678—723. Сначала Филиппов предлагал ее Аксакову (под названием «Несостоявшийся Собор Православной Церкви») для публикации в задуманном тем сборнике (не вышедшем). См. письма Филиппова к Аксакову от 5 и 20 февраля и 5 марта 1870 г.: *Фанариоты*. 1. С. 123—126.

³⁷ Гр. 1872. 9 окт. № 23. С. 161—164; 16 окт. № 24. С. 194—197; 30 окт. № 26. С. 249—253; 6 нояб. № 27. С. 289—294.

продолжившей начатый в 1872 г. цикл статей о панславизме. Она предназначалась для «Русского вестника», уже была сверстана, но в последний момент изъята Катковым из февральской книжки за 1875 год.³⁸ И. Аксаков посоветовал отправить эту статью в Петербург (Леонтьев сообщил об этом своему бывшему начальнику гр. Н. П. Игнатьеву в письме от 7 апреля 1875 г.).³⁹ Единственной редакцией, куда мог в то время обратиться Леонтьев, была газета-журнал «Гражданин» кн. В. П. Мещерского. Туда он и послал статью, которую в переписке называл «Болгарский вопрос» или «болгарская статья». Но и здесь его постигла неудача. Поскольку статья уже и так пролежала год у Каткова, медлить было нельзя. С просьбой о помощи Леонтьев обратился к своему новому приятелю Ф. Н. Бергу (они познакомились в Москве вскоре по приезде Леонтьева из Турции).⁴⁰ В то же время он написал и Филиппову (это первое письмо не сохранилось),⁴¹ по-видимому, зная о его близости к редакции «Гражданина» и постоянном сотрудничестве в этом издании.

28 мая 1875 г. Берг отвечал: «Статью Вашу у князя я взять не мог, потому что его нет в П(етер)бурге, а без него не знают. Вы прислали письмо Филиппову, но он уехал в отпуск за границу на три месяца (...). Значит, то, об чем Вы его просили, не выйдет».⁴²

В это время в Боснии и Герцеговине началась подготовка к восстанию против турецкого порабощения. Еще до того как оно разгорелось, в России было разрешено устраивать подписки в пользу пострадавших славян. Петербургский Славянский комитет затевает издание сборни-

³⁸ Статья «Еще о греко-болгарской распри» впервые опубликована Г. Б. Кремневым (Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 82—94). См. также: 7, 272—297.

³⁹ См.: 7, 644.

⁴⁰ См. об этом в записках Леонтьева «Моя литературная судьба» (6, 82—84).

⁴¹ К сожалению, неизвестно в настоящий момент и местонахождение писем Леонтьева к Ф. Н. Бергу. Известны только ответные, находящиеся в ГЛМ.

⁴² Цит. по: 7, 644.

ка, средства от продажи которого стали бы пожертвованиями для семей восставших.⁴³ Леонтьев рассчитывает на помощь своих петербургских друзей и хорошо им знакомого Филиппова (председателя комитета) и предлагает свою статью в этот сборник. Тут как будто счастливо совпали интересы автора и составителей. Один из них, В. И. Ламанский, в конце сентября через Аксакова искал возможности получить какую-нибудь статью Леонтьева, с которым успел свести знакомство в Константинополе в 1864 г.,⁴⁴ но, прочитав в ответном письме, по-видимому, нелицеприятную характеристику желаемого автора, отступился со вздохом: «О Леонтьеве доносились до меня разные странные слухи. Слышал от его брата об его мистицизме, об Афоне, но давал всему этому свое толкование. (...) Жаль его».⁴⁵

3 октября Берг писал уже не самому Леонтьеву, а его племяннице, Марье Владимировне: «Статья передана Филиппову. Славянский комитет очень желает ее поместить в своем Сборнике». В письме от 11 октября сообщалось уже об официальной передаче статьи в комитет.⁴⁶ Автору же статьи Берг, вероятно, написал более подробно, потому что уже 12 октября Леонтьев счел нужным заручиться поддержкой еще одного своего петербургского приятеля, историка К. Н. Бестужева-Рюмина, также входившего в Славянский комитет: «Мне пишут, что статья моя (...) находится в Славянском Комитете и что относительно печатания ее голоса разделились. — Одни находят *нужным*, а другие *невозможным* ее издание при нынешних обстоятельствах. (...) ...известите меня по-

⁴³ В 1876 г. он вышел под названием «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины».

⁴⁴ Письмо к Аксакову от 27 сентября 1875 г. (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 88—89). Ламанский даже знал, что у Леонтьева «много разных набросков и отрывков» (Там же. Л. 89). Благодарю А. П. Дмитриева, познакомившего меня с текстом этого и следующего писем Ламанского.

⁴⁵ Там же. Л. 90 об. (письмо от 8 октября 1875 г.).

⁴⁶ См.: 7, 644.

скорее, чем решилась ее судьба и какие именно нашлись препятствия к ее обнародованию».⁴⁷

Бестужев, который не был напрямую задействован в редакционной комиссии, занимавшейся сборником, ответил только через месяц, 11 ноября: «... Я долго искал человека, который бы имел сведения о Вашей статье и наконец вчера попал на такого человека. Это Филиппов, который относится к ней очень сочувственно, а по Вашей литературной деятельности и лично к Вам. Он полагает, что она будет напечатана».⁴⁸

Еще до получения этого известия Леонтьев писал редактору сборника Страхову, напоминая о своем отказе от гонорара (его следовало перечислить в пользу герцеговинцев) и прося прислать оттиски или несколько книжек сборника.⁴⁹

Вот тогда-то, 8 декабря, Филиппов и напишет уже почти отчаявшемуся Леонтьеву: «Ваша замечательная статья (...) испытывает не менее замечательную судьбу» (с. 71). Началась более-менее регулярная переписка, и уже скоро Леонтьев ощутит согревающую его «бдительность добра и приязни».⁵⁰ Впервые увиделись они в самом начале января 1877 г., когда Леонтьев после долгого перерыва наконец сумел выбраться в Петербург. В письме к Губастову от 22 февраля 1877 г. при перечислении высокопоставленных лиц, с кем успел встретиться Леонтьев, назван и Филиппов (между Бергом и Бестужевым-Рюминым).⁵¹ Позднее Леонтьев вспоминал: «... как он целовал меня при первой встрече, как восхищался *единомыслием* и заочным сочувствием нашим».⁵² О «золотой

⁴⁷ Цит. по: 7, 644—645.

⁴⁸ Цит. по: 7, 645.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Выражение из его письма от 5 февраля 1876 г. (с. 85).

⁵¹ См.: 6, 653.

⁵² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 13 об. (письмо к Н. Я. Соловьеву от 4 января 1879 г.).

цепи единомыслия», их связавшей, будет впоследствии говорить и Филиппов.⁵³

Действительно, совпали их взгляды на Греко-болгарский вопрос (оба они, вопреки господствовавшему в России «болгаробесию»,⁵⁴ были на стороне Вселенского патриарха), а также на вопрос о необходимости восстановления патриаршества в России для «восстановления» самой Церкви. Леонтьев, правда, не исключал возможности сохранения в будущем и синодального правления (при условии постоянно проводимых Соборов). Мечта Леонтьева перенести центр российской церковной и государственной жизни на Босфор также была близка Филиппову. (Однако, согласно воспоминаниям публициста Н. Н. Дурново, хранящимся в частном архиве, Филиппов впоследствии доказывал своему другу неосуществимость его идеи: греки никогда не смирились бы с приходом русских на Босфор и, конечно, Церковь Константинопольскую охотнее подчинили бы синодальным Афинам, нежели Москве, пусть даже патриаршей.) Главный труд Леонтьева «Византизм и Славянство» Филиппов читает по выходе его «с большим удовольствием и вниманием».⁵⁵ Можно сказать, что оба публициста и являлись служителями и пророками идеи Византизма (особый, с усиленным указанием на воспринятые именно от греков начала, извод триады «Православие — самодержавие — народность»),⁵⁶ обособляющего русскую культуру в ее широком понимании и от новой европейской, и от славянской. Полного единомыслия не было, пожа-

⁵³ См. с. 293. Их дружба и была прежде всего *умственной*. Ср. в письме Леонтьева к Н. Соловьеву: «Я верю его (Филиппова. — О. Ф.) *умственному* расположению столько, сколько вашему *сердечному*» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 45).

⁵⁴ «Наше болгаробесие» — название одной из статей Леонтьева (1879).

⁵⁵ Письмо от 7 мая 1876 г. (с. 95).

⁵⁶ Леонтьев в конце жизни подробно объяснил, чем он руководствовался, выбирая свой термин, а не пользуясь, как все, привычной «уваровской триадой» (8, 144—162).

луй, лишь в суждениях о русской литературе: Филиппов восхищался Гоголем, Леонтьев боролся с «гоголевщиной» в литературе; Леонтьев обличал «лжепророка» Достоевского, Филиппов пытался смягчить резкость такой оценки.

Леонтьев и Филиппов чаще обменивались письмами, чем виделись. Филиппов несколько раз в год приезжал в Москву, но не в каждый приезд, особенно в последние годы, успевал встретиться со своим другом. Леонтьев же, из-за вечного безденежья, редко выбирался в столицу, да и не очень туда стремился. После короткой поездки в январе 1877 г. он приехал сюда в январе 1878 г. и пробыл в Петербурге и Любани до апреля. В это время он пытался вновь устроиться на дипломатическую службу, и Филиппов усиленно помогал ему в его хлопотах, в частности, специально ездил просить об этом А. Ф. Гамбургера.⁵⁷ «Он *всех и все* знает и все *ходы и подходы* ему известны в Петербурге; Великие Князья жмут ему руку (я сам это видел) ...» — рассказывал Леонтьев о Филиппове в письме к Н. Я. Соловьеву.⁵⁸

Выше в том же письме Леонтьев так характеризует Филиппова: «... Он богослов, набожный человек, хороший и строгий семьянин⁵⁹ (...) *сердцем русский человек. (...) ...каменная гора надежды* по своему стойкому и аккуратному характеру (...). Он очень сдержан и хитер даже, но очень содержателен и обязателен, деятелен и аккуратен не в пример больше еще меня. — Таких заботливых *для идеи* людей в России я еще и не встречал».⁶⁰ В апреле того же года он пишет о том же и своей племяннице

⁵⁷ См. примеч. 2 к п. 12 (с. 100).

⁵⁸ ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 26 об. (письмо от 18 февраля 1878 г.).

⁵⁹ Филиппов был женат на М. И. Ираклионовой, сестра которой была невесткой М. П. Погодина, имел двух дочерей, Марию и Наталию, и сына Сергея. В эпоху «случайных семейств» его семья выделялась особым единением и любовью, глубокой и непоказной церковностью.

⁶⁰ Там же. Л. 24—26 об.

М. В. Леонтьевой: «Только Т. И. Филиппов остается Православным и деловым, т. е. русским в хорошем смысле».⁶¹

Это сочетание качеств до того удивляло Леонтьева и казалось ему столь редким в России, что позднее он дважды интересовался, не была ли матушка Филиппова немкой.⁶²

Итак, Филиппов в 1878 г. усердно помогал Леонтьеву. Но вот, получив в том же году высокое назначение на пост товарища государственного контролера, он не отвечает на два письма своего друга, и обиженный Леонтьев пишет Н. Соловьеву 4 января 1879 г.: «... На *самые* нужные письма никто не отвечает. — Все отшатнулись от меня как от заразы. — И самый этот Филиппов, который не далее как прошлого года нарочно ездил по Петербургу хлопотать за меня, теперь на два давнишних письма моих не нашел времени и охоты ответить ...»⁶³

Тут бы дружбе и погаснуть, но к возобновлению общения нашелся самонужнейший предлог: появление новой газеты. Надо сказать, что Филиппов, испытывший себя в молодости как сотрудник и редактор журналов, постоянно мечтал о собственном печатном органе. Тесное сотрудничество в «Гражданине» его не очень удовлетворяло. Он искал место, где мог бы выражать свои идеи наиболее плодотворно (об этом скажем далее), а попутно не уставал поддерживать и близких ему по убеждениям журналистов, основывавших свои периодические издания. Поскольку все это происходило уже в пору знакомства с Леонтьевым, получалось так, что во все эти вновь возникающие (или обновляющиеся) издания

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 68. В письме к племяннице от 11 февраля 1878 г. Леонтьев замечал о Филиппове: «... он не менее нас с тобой православен» (Там же. Л. 51—52).

⁶² См. письма от 27 ноября 1887 г. и 29 марта 1891 г. (с. 471, 623).

⁶³ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 13 об. Прочитав еще в конце ноября письмо Н. Соловьева с упоминанием о том, что Филиппов сильно «поважнел» (см. с. 100), Леонтьев 7 декабря 1878 г. отвечал, что «*поджиманье губ* Терц(ия) Ивановича» он давно знает, но на это не нужно обращать внимания (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 8 об.).

он своего друга рекомендовал. Впервые это произошло весной 1879 г. при возникновении в Москве газеты «Восток», основанной Н. Н. Дурново, в прошлом секретарем Московского Славянского комитета.

Н. Соловьев писал Леонтьеву 13 марта 1879 г.: «Я виделся с Филипповым; он хотел немедля Вам писать: некто Дурново очень ценит Ваши идеи и знания и просил Филиппова познакомить его с Вами; Филиппов и мне рекомендует это знакомство, когда я поеду в Москву; издание это опирается на хорошие средства и пока не имеет целью наживы или спекуляции».⁶⁴

В газете «Восток» Леонтьев поместит две статьи из цикла «Письма отшельника». Прочитав второе «письмо» («О пороках фанариотов и о русском незнании»),⁶⁵ Филиппов напишет жене 22 июля 1879 г.: «А молодец Леонтьев! Как он разит либеральную сволочь! Просто прелесть!»⁶⁶

В декабре 1879 г. Леонтьев получил приглашение стать помощником редактора «Варшавского дневника». С Филипповым он в это время обсуждает, что предпочесть — «казенную» службу или это сотрудничество. Филиппов хлопотал об устройстве Леонтьева цензором в Москву, но поскольку это получилось не сразу, Леонтьев успел провести в Варшаве несколько месяцев, о которых потом вспоминал как о времени наибольшей творческой свободы.⁶⁷

Но «Варшавский дневник» потерпел в то время серьезный финансовый крах. В конце апреля Леонтьев отправился в Петербург и в Москву хлопотать о субсидиях. Филиппов познакомил его с Победоносцевым,⁶⁸

⁶⁴ Цит. по: 7, 741.

⁶⁵ В редакции 1885 г. составило III главу статьи «Письма отшельника».

⁶⁶ Цит. по: 7, 746.

⁶⁷ См. с. 235, 267.

⁶⁸ До этого Филиппов успел обратить внимание Победоносцева на леонтьевские статьи, а тот, в свою очередь, показал некоторые из них Цесаревичу (см. об этом: 7, 851). При личной встрече в доме кн. Мещерского Победоносцев поставил леонтьевские передовые выше статей самого Каткова (см.: Там же. С. 791).

в Москве посоветовал посетить викарных архиереев Амвросия и Алексия и купцов-меценатов. Все было тщетно. На словах все восхищались направлением газеты, на деле — ничем не помогли. В Варшаву Леонтьев уже не вернулся, а в декабре 1880 г. поступил все-таки на «коронную службу».

Уже в ту весеннюю поездку за частными или казенными субсидиями Леонтьев узнал о том, что Филиппов мечтает основать или преобразовать издание, которое стало бы выражать интересы Православной Церкви, способствуя ее освобождению от государственного притеснения.⁶⁹ Собственно газеты, по воззрению Филиппова, составляли «одно из могущественнейших орудий разложения христианских обществ», но раз уж они существуют, то этим органам разрушения должны противостоять «такие издания, которые именуют Имя Божие и брань творят со змием».⁷⁰ По просьбе Филиппова Леонтьев разрабатывает концепцию подобного издания — в «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге».⁷¹ К этой теме они возвращаются и после Первого марта. (Леонтьев вновь побывал в Петербурге в начале мая 1881 г., а до этого буквально накануне царевубийства передал с Филипповым письмо к Победоносцеву.⁷² Филиппов возвратился в Петербург как раз в день этой исторической катастрофы.) Предпринимались

⁶⁹ Большие заслуги в этом направлении Филиппов усматривал за газетой «Современные известия», издателю которой Н. П. Гилярову-Платонову он писал позднее (16 апреля 1885 г.): «... я дорожу Вашим изданием, как прибежищем притесненной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери» (Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и Т. И. Филиппова / (Публ. А. П. Дмитриева) // Историко-философский ежегодник. 2008. М., 2009. С. 355).

⁷⁰ Из письма к Гилярову-Платонову от 19 сентября 1882 г. (Там же. С. 348).

⁷¹ Впервые опубликовано: Леонтьев К. Н. Собр. соч.: (В 9 т.) М., 1912. Т. VII. С. 497—508. См. также: 8, 7—18.

⁷² Местонахождение этого письма неизвестно. Следующее, датированное 10 марта, см.: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 5—6 об.

Филипповым попытки обновления редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» (1881—1883), тоже оставшиеся безуспешными. В те же годы, пока Филиппов окончательно не рассорился с Победоносцевым, он пытался устроить Леонтьева на службу при Синоде.

Неудачным оказался опыт и с газетой «Голос Москвы»,⁷³ начатой в 1885 г. учеником Филиппова по 1-й гимназии Н. В. Васильевым. Газета вскоре перешла к доктору медицины И. И. Зарубину, совершенно изменившему ее направление.⁷⁴ Новые надежды Филиппов связал поначалу с основанной С. Ф. Шараповым газетой «Русское дело», задуманной как «преемница» «Руси» Аксакова. 13 февраля 1886 г. он писал Леонтьеву: «„Руси“ не будет, но Шарапову разрешается издание ежедневной газеты, и вот случай — дать исход тем идеям, которые нигде доселе, кроме „Гражданина“, не находили радушного приема. Но тут надобно действовать, сколь возможно, осторожнее, с постепенностью...» (с. 331).

«Гражданин», где сотрудничали и Филиппов, и Леонтьев, был лишь терпимым «за неимением лучшего пока».⁷⁵ Кстати, именно Филиппову принадлежала роль «миротворца» в улаживании частых недовольств Леонтьева в отношениях его с Мещерским.

После нового ряда неудач с газетными проектами, уже в 1892 г. Филиппов писал в дневнике о своих надеждах на журнал «Русское обозрение», новым редактором которого он помог стать ученику Леонтьева, филологу и поэту А. А. Александрову: «Есть надежда, что Церковь

⁷³ 22 февраля 1884 г., когда подготовка к изданию газеты еще только начиналась, Победоносцев писал Е. М. Феоктистову о том, что участие в ней Филиппова «подозрительно» (АН. М., 1935. Т. 22/24. С. 509). В начале марта 1884 г. разрешение на издание газеты было получено (Там же. С. 510).

⁷⁴ Современный исследователь писал об этом так: «... „Голос Москвы“ стал другой газетой. Всякая тень серьезности покинула его, все затопило бульварное чтиво, а церковный отдел просто исчез» (Владимир Соловьев (из несобранного). Церковные дела. Письмо первое / Разыскания Н. В. Котрелева // Вестник РХД. № 158. 1990. С. 157).

⁷⁵ Выражение из письма Леонтьева к Филиппову от 3 сентября 1889 г. (с. 561).

обретет наконец свой орган, который будет защищать ее „и от князь и от народа множества“ <...> кто знает? — на этот раз, б(ыть) м(ожет), и правда увидит свет, и мне на закате дней еще дано будет утешиться поведением нашего учения».⁷⁶ Александров в первые годы, действительно, испытывая чувство благодарности Филиппову, обращался к нему за советами, принимал в журнал статьи ряда сотрудников Государственного контроля (ставшего в ту пору настоящей колонией литераторов-славянофилов),⁷⁷ но в случае с «Русским делом» надежды Филиппова, конечно, ни на чем не могли быть основаны: ведь для ученика Аксакова, каким был Шарапов, Третий Иванович был не союзником, а представителем петербургской охранительной партии, влияние которого в высших сферах полезно использовать в трудную минуту, не обязываясь из благодарности петь «с его голоса».

Когда Филиппов писал в дневнике о том, что ему удалось «спасти» Леонтьева «от нищеты», это было не для красного словца. Имелась в виду в первую очередь неоценимая помощь Филиппова в деле выхода Леонтьева в отставку и исхлопотания ему «усиленной пенсии»,⁷⁸ что дало писателю возможность провести последние годы в любимой Оптиной пустыни, в хорошо устроенном доме, который там быстро про-

⁷⁶ Цит. по: Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888—1890) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // РЛ. 2004. № 1. С. 158.

⁷⁷ А. И. Фаресов писал позднее о Филиппове: «...Его влекло к русской литературе <...> он не страдал боязнью литераторов на службе» (Фаресов А. Памяти Т. И. Филиппова // ИВ. 1900. № 2. С. 671). В Государственном контроле служили А. В. Васильев (генерал-контролер Департамента военной и морской отчетности), Н. П. Аксаков, С. А. Грамматчиков, М. П. Петров, С. Ф. Шарапов (недолго), О. И. Кабищ, кандидат богословия Т. П. Соловьев, которого Шарапов назвал «Русским Дарвином» за его книгу «Теория волевых представлений» (СПб., 1892), и, конечно, В. В. Розанов, у которого, как известно, было к Филиппову резко негативное отношение.

⁷⁸ См. об этом: 6, 626—637.

звали «консульским». Без помощи Филиппова и еще немногих друзей Леонтьев буквально пропал бы еще в 1881—1882 гг., когда приходилось брать все новые и новые долги, чтобы заплатить проценты в банк, где было заложено имение. Без помощи Филиппова полуумирающий уже Леонтьев не оказался бы в Оптиной в 1886 г. (тогда удалось получить полугодовой отпуск, и сам Филиппов привез в монастырь своего друга). Об этом подтексте нужно постоянно помнить, знакомясь с их перепиской. Единомыслие и общность понимания главных «вопросов», определяющих бытие Церкви, государства, общества, и, конечно, глубокая личная симпатия сделали письма Леонтьева и Филиппова искренними, духовно наполненными и значительными, даже если речь шла о таких прозаических делах, как ходатайство о пенсии.

Конечно, для Леонтьева Филиппов, взявший на себя попечение о его житейских делах,⁷⁹ был не только благодетелем, но прежде всего одним из любимых *собеседников*. Ему «в знак невыразимой признательности за неизменную поддержку в долгие дни (...) умственного одиночества» посвящен главный труд Леонтьева-публициста, двухтомник «Восток, Россия и Славянство» (1885—1886).

Для Филиппова Леонтьев — тоже излюбленный собеседник и близкий по духу публицист («Мне дышится легче, когда я Вас читаю»,⁸⁰ — написал он однажды) и — больше того — духовный друг. «Будем по силе нашей во взаимную опору друг другу! Брат от брата помогаем, яко град утвержден ...»⁸¹

Переписка Леонтьева и Филиппова является важнейшим источником новых сведений об истории консервативной русской мысли, о политике, литературе, журналистике и общественной жизни последней

⁷⁹ Зная об этом, ученики Леонтьева, присутствовавшие в Сергиевом Посаде в день его кончины, немедленно обратились с просьбой о помощи именно к Филиппову.

⁸⁰ Письмо от 12 апреля 1888 г. (с. 498).

⁸¹ Письмо от 22 июня 1880 г. (с. 148).

трети XIX в. Среди постоянно упоминаемых здесь лиц — Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, Вл. С. и Вс. С. Соловьевы и К. П. Победоносцев, И. С. Аксаков и Н. Н. Страхов, А. А. Фет и П. Е. Астафьев, М. Н. Катков и сотрудники его изданий, кн. В. П. Мещерский и С. Ф. Шарапов, кн. А. М. Горчаков и гр. Н. П. Игнатьев, старцы Афона и Оптиной пустыни, русские и греческие церковные иерархи (в том числе крупнейшие русские проповедники того времени, архиепископы Никанор и Амвросий), министры (И. А. Вышнеградский и Н. П. Гирс, гр. Д. А. Толстой и И. Д. Делянов) и дипломаты. Рядом с великими представлены и «малые мира сего» — чиновники Московского цензурного комитета, петербургские и московские газетчики.

Предметом обсуждения или дискуссий корреспондентов становились не только актуальные современные проблемы, но и классическая литература (ряд писем посвящен, например, Гоголю и «гоголевщине» — излюбленное словцо Леонтьева), наследие старших славянофилов (А. С. Хомякова и И. В. Киреевского), фигуры недавней русской (И. Ф. Паскевич и М. Н. Муравьев, А. П. Толстой и митрополит Филарет) и современной всемирной истории (О. Бисмарк и Л.-М. Гамбетта).

Без обращения к переписке с Филипповым невыясненными оставались бы многие вопросы творческой истории леонтьевских текстов (вплоть до их датировки, установления этапов работы над ними, истории названий и т. п.). Часто именно эти письма являются единственным источником сведений о нереализованных замыслах писателя, в том числе и беллетристических. Чрезвычайно интересны данные Филипповым развернутые оценки леонтьевских статей и сообщаемые им сведения о том, как воспринимались эти статьи в правительственных сферах.

В последние годы жизни Леонтьев в шутку называл Филиппова своим цензором,⁸² посылал ему до публикации статьи на просмотр, ждал его советов и даже готов был, в случае отрицательного отзыва, отказаться от

⁸² См. с. 470, 494, 495, 552, 559.

продолжения работы над тем или иным произведением. В свою очередь, и Филиппов обращался к своему confidentу за советом и оценкой, а порой и за рецензией. Рецензия, помещенная в 1882 г. в «Современных известиях», включена Леонтьевым в книгу «Восток, Россия и Славянство».⁸³ В том же году Леонтьеву пришлось прервать намеченный ход цикла «Письма о Восточных делах», чтобы защитить Филиппова от нападков острогожского священника Д. И. Склобовского.

Филиппов же, хоть и обещал неоднократно откликнуться в печати на то или иное произведение или книгу Леонтьева, ни одной рецензии так и не написал. Правда, в 1887 г. (на волне удачи с делом об усиленной пенсии для Леонтьева) поместил в «Гражданине» заметку о нем без подписи в рубрике «Дневник», в которой подчеркнул, что Леонтьев-художник «должен быть поставлен рядом с высшими представителями русской литературы последних десятилетий», а как публицист, способный к преподаванию «мудрых государственных советов», «имеет еще большее значение», особенно для тех, кто хочет «уразуметь весь горький смысл событий последнего времени»: «По чистоте исповедания, по глубине и способности воззрений, никого из современных русских писателей невозможно поставить над ним».⁸⁴

Одной из сквозных тем переписки было обсуждение церковных вопросов. Церковные интересы были для Филиппова важнейшими, Леонтьев считал его одним «из самых видных представителей Православия», человеком, замешанным «в историческую борьбу нашего времени» (с. 456). Вопрос о национальной Церкви, об отношениях Церкви и нации — наиболее важный для нашего времени из всех затронутых в переписке. То, что произошло с Болгарской Церковью, для Филиппова

⁸³ См. примеч. 6 к п. 52 (с. 191).

⁸⁴ *Гр.* 1887. 3 мая. № 36. С. 13—14. См. Приложение 1, с. 637—639.

служило знаком наступления новой эпохи, знаком стремления к обособлению национальных Церквей (это сбылось в XX в.). Филиппов и Леонтьев понятие «Церковь» считали неизмеримо более важным, чем понятие «нация» (в этом из современников им близок, пожалуй, только Вл. Соловьев⁸⁵).

Опасность нового «филетизма» Филиппов предвидит во время благополучного царствования Александра III (при этом к самому царю он относился с благоговением и любовью). В это время нарастает еще задолго до Константинопольского Собора начавшееся обособление не только от католического и протестантского Запада, но и от православного Востока. Вместо *единства церковного* в России виделось иное: равнодушие и даже пренебрежение к другим Церквям, нескрываемое признание только Русской Церкви подлинно Православной, не нуждающейся ни в чьих советах или ободрении.

Обоих корреспондентов не усыпляло внешнее благополучие Церкви в России. Благополучие не скрывало признаков кризиса: «разорение», «запустение», почти полное отсутствие «добрых пастырей». «Времена чрезвычайно трудные для Православного Христианства и для верных слуг Государя и родной земли», — так определял положение дел Филиппов в одном из писем 1885 г. (с. 293). Ср. в письме Леонтьева от 10 октября 1880 г.: «И в делах самого Православия я вижу на каждом шагу такую пустоту, такую распущенность, равнодушие, что лучше и не говорить» (с. 160). Об униженном положении Церкви в «православном государстве» Филиппов решался говорить не только в частной переписке, но и в своих статьях. Не случайно ему так понравились статьи молодого

⁸⁵ О Соловьеве хорошо сказал Страхов в письме к И. Аксакову от 12 декабря 1884 г.: «Соловьев мне очень дорог, потому что разъяснил мне понятие церкви. Он один настоящий церковник, т. е. не только утверждает, что вне церкви нельзя спастись, но и ясно понимает, почему это так» (И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка = I. S. Aksakov — N. N. Strakhov. Correspondence / Сост. М. И. Щербакова. (Оттава; М.,) 2007. С. 120).

публициста И. И. Кристи (ученика Леонтьева), тоже решившегося выступить против тех, кто уверял, будто «у нас в церковных делах „все обстоит благополучно“»⁸⁶ (намек на печально знаменитые донесения генерала Ф. Ф. Радецкого с Шипкинского перевала, где, согласно им, было «все спокойно»).

Филиппов переживал время Александра III эсхатологически. Отсюда и возникают в характеристиках современных ему государственных деятелей апокалиптические образы (или образы из эпохи иконоборчества). Например, Победоносцев для него — «новый Копроним», чуть ли не предтеча Антихриста; Победоносцев вкупе с Катковым — «миниатюрное изображение зверя со змием», те «коим дано „творити пакость три лета и пол“». Катков в одном из писем уподоблен Иуде («раб и льстец»)⁸⁷. В этом случае даже обычно несдержанный Леонтьев был несколько мягче в своих суждениях.

Особую роль в письмах Филиппова играет образ архиепископа Феофана (Прокоповича), «от которого прияло начало предательство Церкви ее епископами» (с. 225).⁸⁸ Вопреки внешнему возвращению к допетровской и, значит, дофеофановской церковности (неорусский стиль в храмовой архитектуре, оживление интереса к старине — знаменному распеву и древнерусской иконописи), он видит в современной ему церковной жизни торжество именно *Феофанова духа*, духа лицемерия и государственной церковности. Православие на службе государства, Церковь, превращенная в «Ведомство православного исповедания». Прямыми наследниками Феофана Филиппов считал митрополита Московского Макария (Булгакова) и тех же Победоносцева и Каткова.

⁸⁶ См.: Сергиевский П. <Кристи И. И.> Письма из Москвы // Гр. 1886. 9 янв. № 3. С. 8.

⁸⁷ Комментарии к этим образам см. на с. 294, 308, 331—332.

⁸⁸ См. также: Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 296, 332, 356.

Воцарявшееся в России лицемерие представлялось ему даже более страшным, чем открытый нигилизм. «Кроме прямого отрицания Христа, — писал он Леонтьеву в 1882 г., — теперь ежеминутно появляются самые разнообразные его подмены (...) которые не менее прямого отрицания опасны и во всяком случае еще более омерзительны и гнусны» (с. 225). Господствующими чертами столичной церковной жизни становились показное благочестие государственных мужей, лицемерие в суждении о церковных делах, воздание царской власти «божеских» почестей — неразделение кесарева и Божия. «... Когда у Истинного Бога крадут Ему Единому подобающую честь, повергая ее к стопам человека, тогда нет смягчающих обстоятельств, и преступление не имеет пределов» (с. 524).

«Нехристианскому» почитанию монарха вполне отвечало обожествление «народа» демократическими кругами и почвенниками. Эта деталь также оценена в переписке с церковной точки зрения.

Филиппова печалила господствующая в России нетерпимость к иному воззрению, затруднения в открытом обсуждении церковных проблем. Зная об этом Вл. Соловьев, поздравляя Филиппова с назначением на должность государственного контролера, подчеркнул, что видит в этом событии «радостное и бодрящее предвестие будущего освобождения» (разумеется, освобождения Церкви).⁸⁹ О позиции Филиппова лучше всего говорит избранный им эпитафия из св. Григория Богослова, предпосланный книге «Современные церковные вопросы»: «Не победить ищем, но прияти братию, их же разлучением терзаемся».⁹⁰

⁸⁹ Соловьев. Письма. Кн. II. С. 329.

⁹⁰ Источник — Слово 41 св. Григория «На святую Пятидесятницу». Ср. в русском переводе: «Мы домогаемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас» (Григорий Богослов, св. Собрание творений: В 2 т. (репр. изд.: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. СПб., б. г.) Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 580).

Одним из проявлений нетерпимости к инакомыслию в России для Филиппова была судьба леонтьевских статей, которые отказывались печатать (или печатали после долгого промедления) и Катков, и Аксаков, и Гиляров-Платонов, несмотря на то, что хоть кто-нибудь из них мог бы выступить и союзником Леонтьева. Но для славянофилов неприемлем суровый «византизм» («...Его убеждения до того крайние, что *это ужасно!*» — восклицает Аксаков;⁹¹ «Он не столько христианин, сколько церковник», — вторит ему племянник Гилярова-Платонова Федор Гиляров⁹²), для Каткова и Победоносцева Леонтьев уж слишком «свободен». «Как ни замечательны Ваши статьи (...) и как ни возвышенны исповедуемые Вами охранительные начала, они Копрониму и иже о нем не годятся (...). Душа свободная и независимая, хотя бы покорная государственному и гражданскому долгу, им ненавистна, как обличение их подлого рабства и своекорыстной лести», — объяснял Филиппов (с. 330).

Странным было и положение самого Филиппова: высокие чины и признанные всеми заслуги не способствовали исполнению его желания о появлении собственной газеты, где можно было бы открыто «возвысить голос за Церковь».

Рассмотрим еще один сквозной мотив переписки. Он связан с темой «нашего нового христианства» и олицетворявшими его в глазах Леонтьева великими писателями — Достоевским и Л. Толстым. Начало основного сюжета, связанного в этом эпистолярии с Достоевским, восходит к Пушкинским торжествам 1880 г. 22 июня Филиппов заканчивает письмо Леонтьеву в Кудиново припиской: «После праздника Пушкина нам нельзя бездействовать! О пира мерзка!» (с. 149).

⁹¹ Слова из разговора Аксакова с О. А. Новиковой весной 1882 г. (см.: 6, 454). Другому собеседнику, Н. Н. Дурново, Аксаков за год до того заявил, что Леонтьев оскорбляет Бога своими «уподобительными» заявлениями о неограниченности царской власти (с. 192).

⁹² Азгеев. С. 10.

«О пира мерзка!» — значимая цитата из богослужения на день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи; т. е. здесь пиру царя Ирода уподоблены московские торжества, носившие выраженный либеральный характер (достаточно сказать, что одним из распорядителей праздника был редактор «Русской мысли» С. А. Юрьев, которого Леонтьев считал пропагандистом неприемлемой для него идеи всеобщего мира и благоденствия «на этой земле»⁹³). Филиппов этой фразой призывает своего корреспондента к вмешательству, говорит о необходимости возражения, ответа.⁹⁴ Правда, для него ключевой фигурой тогда был не восторженно принятый публикой Достоевский, а бойкотируемый либеральными участниками праздника Катков. (Он произнес тост о необходимости «примирения», и его протянутая с бокалом рука не встретила протянутой навстречу.)

Ответное письмо Леонтьева, вероятно, не сохранилось. В следующем письме (2 июля) Филиппов разъясняет недоумение. Оказывается, его сведения были не вполне верными: «Никакого incident-Каткова не было; все от а до ѿ — чистейшая ложь!» (с. 150).

Эти строки были вызваны появлением известного отклика Леонтьева, возможно, инспирированного Филипповым, — статьи «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина».⁹⁵ Первая ее часть, датированная 28 июня, вышла 15 июля. Это ответ на призыв «не бездействовать». Здесь Леонтьев первый раз упоминает о речи Достоевского, выделяя

⁹³ Ср. в статье «Кто правее?»: 8, 148. Выше в той же статье Леонтьев с иронией упоминает Юрьева как «любвеобильного и лично-почтенного разрушителя» (8, 146).

⁹⁴ Так строится и цитируемое песнопение: в конце стихир верные призываются именно противостать этому «пиру». «Но мы Крестителя, яко в рожденных женами больша, достойно чтуще ублажаем». Так же заканчиваются и две следующие стихир.

⁹⁵ ВД. 1880. 15 июля. № 150. С. 3; 21 июля. № 155. С. 3—4. Статья вошла во второй том сборника «Восток, Россия и Славянство» (М., 1886. С. 143—158). См.: 7, 186—207.

«пророческую мысль о „космополитическом“ назначении славян» (7, 187). Вторая часть датирована 4 июля, значит, тоже, вероятно, написана до получения письма Филиппова или в сам день получения (опубликована 21 июля). Во второй части статьи Леонтьев вновь называет речь «пророческой», заявляя, впрочем, о своем несогласии с мыслями ее автора. Это несогласие побуждало к полемике с Достоевским; так появилась статья «О всемирной любви», написанная 13—30 июля в калужском имении.⁹⁶

«Варшавский дневник» мало читался в России, и, может быть, поэтому Леонтьев не считал тему закрытой. Уже после смерти Достоевского он возвращается к вопросу «о всемирной любви» и намеревается даже заострить его. «Лже-пророк Достоевский и его лжехристианское учение» — так собирается он назвать новую брошюру, «благословения» на что и просит в письме к Филиппову от 14 мая 1881 г.

«Тут будет не *он один* — и еще: *бояться ли нам социализма* (или что такое социализм? — маскированная, сама себя не понимающая реакция будущего. Только славянство может осуществить *охранительный* социализм, не трогая веры и Державы! ...)» (с. 181).

Что могло послужить стимулом к появлению этого нового замысла? Не просто ведь это отклик на смерть Достоевского? К резкой формулировке «лжепророк» (она, заметим, не отрицала собственно пророческого дара писателя, но была предостережением — случается, что и пророки впадают в прелесть⁹⁷) могли побудить статьи о Достоевском, в которых звучало слово «пророк».

⁹⁶ ВД. 1880. 29 июля. № 162. С. 3—4; 7 авг. № 169. С. 3—4; 12 авг. № 173. С. 3—4. Вошло впоследствии во второй том сборника «Восток, Россия и Славянство» (с. 280—309). О том, как воспринял статью Достоевский, см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. А., 1984. Т. 26. С. 483—486.

⁹⁷ Мотив «прелести» присутствовал, кстати, в первой редакции статьи «О всемирной любви» (РГАДА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 13), но при публикации автор отказался от него.

Развитие замысла было связано с основными идеями Леонтьева-публициста. И в письме Филиппову он, очевидно, говорит не о двух разных темах (Достоевский, социализм); для него это одна тема. На самом деле речь идет о такой проблеме как возможность золотого века,⁹⁸ Царства Божия на земле.

У Леонтьева было свое понимание социализма («градативная», «организующая» «реакция будущего»)⁹⁹. Об этом стало широко известно из некоторых его писем, которые начали издавать в 1890-е — 1910-е гг., из воспоминаний его учеников и друзей, хотя осторожные подходы к размышлениям о «новом порядке» обнаруживаются и в леонтьевской публицистике.¹⁰⁰ В переписке с Филипповым Леонтьев также проговаривался о волновавшей его теме, что важно для нас, часто в тех самых письмах, где шла речь и о Достоевском (например, 20 сентября 1882 г.). «Прогрессивно-охранительная» программа, включавшая в себя и указание на неизбежность прихода к государственному устройству, обозначенному как «*новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ*» (8, 16), была изложена Леонтьевым в предназначавшейся для «высших сфер» «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге». В цитированном выше письме от 14 мая обсуждался этот проект — записка была только что прочитана Филиппову при встрече в Москве.

Итак, один из аспектов занимавшей Леонтьева темы — христианство и социализм. Естественно, имя Достоевского не могло не прозвучать.

⁹⁸ Не случайно Н. С. Лесков дал своей второй полемической статье о «Наших новых христианах» название «Золотой век» (см. примеч. 7 к п. 80 на с. 264).

⁹⁹ См. с. 233. Леонтьев близок здесь Г. Спенсеру с его пророчествами о «грядущем рабстве».

¹⁰⁰ Ср. в «Письмах о Восточных делах»: «...если человечество еще не утратило способности *организоваться* (...) оно вынуждено будет прийти к новым формам юридического неравенства, к новому и сознательному поклонению *хроническому*, так сказать, *деспотизму* новых отношений» (8, 47).

чать в таком контексте. Здесь соединяются и юношеское увлечение Достоевского французскими утопистами (Леонтьев часто делал акцент на схожести позиций позднего Достоевского и утопистов¹⁰¹), и его мечта о роли славян в будущем Европы, о миссии России, о «всемирной любви» ... Здесь было с чем спорить.

«Гартман и Шопенгауэр кой-чем ближе ко Христу, чем эти „усладители“...», — пишет Леонтьев Филиппову 24 февраля 1882 г., подразумевая Достоевского и Вл. Соловьева (с. 195).¹⁰² Словечко «усладители»

¹⁰¹ П. Б. Струве справедливо заметил, что «Леонтьеву претила характерная для Достоевского примесь к христианству гуманизма и сентиментализма, отчасти совершенно самобытного, почти народнического, отчасти заимствованного у западных социалистов (главным образом у Фурье и Жорж Санд)» (*Струве П. Б. Константин Леонтьев // РЛ. 1992. № 3. С. 96; ср. на эту тему: Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 363—364*). Тут нужно бы назвать еще одно имя — Сен-Симона, которому и принадлежит, собственно, идея «нового христианства». Еще в 1872 г., не используя термин «новые христиане», Леонтьев писал об этом именно виде «примесей» к христианству: «...Если мы хотим быть в самом деле православными, а не какими-то воздушными, фантастически летающими и порхающими христианами, принимая французскую утилитарную гуманность и немецкий сентиментализм за истинное Христианство» (7, 236). Через несколько лет в книге об о. Клименте (Зедергольме) Леонтьев противопоставит церковное понимание христианства тому, «как хотят понимать теперь его многие исключительно в смысле школ и благотворительных заведений» (6, 324).

¹⁰² Ср. с оценкой «пессимизма» Э. фон Гартмана в статье «Как надо понимать сближение с народом?» (1880): «Конечно, „пессимизм“ Гартмана вернее, умнее, мужественнее, в научном смысле честнее и реальнее веры в прелести индустриально-бюргерского благодушия и в неприкосновенность всякой, самой гнусной европейской „личности“, все ниже и ниже спускающейся в эстетическом и нравственном отношениях ... (...) отрицательная сторона этого учения вовсе не разрушительна и не вредна.

Отвергая прямо всеспасительность эвдемонического прогресса, признавая зло и страдания неотразимой принадлежностью жизни, это учение должно вести и в области общих идей, и на практике к примирению со всеми теми неудобствами государственной и общественной жизни, против которых так упорно борются либеральные прогрессисты (...).

На почве, глубоко-расчищенной учением пессимизма, могла бы свободно произрастать и приносить свои прекрасные плоды какая угодно положительная религия (...).

Его (Гартмана. — О. Ф.) учение дорого только как приготовительное средство для тех несчастных людей, которые прямо истин Веры принять не в силах!...» (7, 171—173).

напоминает еще об одном аспекте полемики, отсылая к знаменитому определению «розовое христианство», которое, правда, появилось чуть позже; в статье 1880 г. говорилось лишь о слишком «розовом» оттенке, внесенном в христианство этой речью Достоевского.¹⁰³ Развернутое определение «того одностороннего христианства, которое можно позволить себе назвать христианством „сентиментальным“ или „розовым“» дано лишь в предисловии к брошюре 1882 г.¹⁰⁴ За этими характеристиками (что, как правило, не замечается читателями) — представление не о цвете,¹⁰⁵ но о «розовой», подслащенной воде. «Вода жизни» трудна для *среднего европейца*, и «усладители» предлагают ему «розовую воду», сиропчик¹⁰⁶ (или, если угодно, — парфюмерное средство). Впервые этот фразеологизм употреблен Леонтьевым за несколько месяцев до Пушкинской речи в передовой «Варшавского дневника»: «Поменьше и о той любви без страха, того Христианства à l'eau de rose, которым иные простодушно морочат и себя, и нас» (7, 22). Видимо,

¹⁰³ Леонтьев К. Н. Собр. соч. М., 1912. Т. VIII. С. 199. О. А. Белкина к месту вспомнила и об определении «розовый славизм», прозвучавшем в другой статье 1880 г. в связи с Ф. И. Тютчевым (см.: 7, 172); но, раскрывая это определение, она привела не относящуюся к нему цитату (Белкина О. А. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в восприятии К. Н. Леонтьева // РЛ. 1992. № 3. С. 141—148).

¹⁰⁴ «... Эта своего рода „ересь“ (...) весьма распространена у нас теперь в образованном классе.

Об одном *умалчивать*; другое *игнорировать*; третье *отвергать* совершенно; иного *стыдиться и признавать* святым и божественным только то, что наиболее приближается к чуждым православию понятиям европейского утилитарного прогресса — вот черты того христианства, которому служат теперь многие русские люди...» (Леонтьев К. Н. Напи новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой: (По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?»). М., 1882. С. IV).

¹⁰⁵ Даже у тонкого и проницательного С. Г. Бочарова однажды противопоставлены «розовая» и «черная» ереси Достоевского и Леонтьева (Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 358).

¹⁰⁶ Ср. в статье о Толстом: «...проповедник строгий (...) скрылся за проповедником *сладким*» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 169).

в задуманной брошюре «Лжепророк...» он хотел обратить внимание именно на эту подмену.

Тема подмены (суррогата) найдет продолжение в одном из поздних писем к Филиппову. Леонтьев, не упуская случая противопоставить себя автору «Братьев Карамазовых», сообщал 10 января 1890 г. о том, что, по благословению старца Амвросия, начинает роман «в правосла(авном) духе» (речь идет о неоконченном романе «Подруги»); при этом он не преминул подчеркнуть, что заботиться намерен прежде всего о том, «чтобы христианское учение было в нем настоящее, а не „марга-риновое“ (как у Достоевского)...» (с. 571).¹⁰⁷

Вернемся, однако, к письмам весны 1881 г. 19 мая Филиппов в своем ответе разделил два замысла — о Достоевском и о социализме, категорически отменив название «Лже-пророк Достоевский» как не соответствующее «свойству и мере заблуждений покойного». Впрочем, он одобрил саму мысль о необходимости обличить «ту сторону христианского воззрения, которая истинному христианству не сообразуется» (с. 184).

Отвечая на это письмо 23 мая, Леонтьев обещает написать «обстоятельнее» (в том числе и о Достоевском) «позднее» (с. 185), однако такого письма не сохранилось; следующее датируется уже 7 сентября.

¹⁰⁷ Между прочим, Филиппова тоже занимала тема подмен, но в другой области. Он говорил, например, о фальшивом (мельхиоровом, а не серебряном) патриотизме Победоносцева, вспоминая, вероятно, понравившуюся ему строку из ходившей по столице эпиграммы на обер-прокурора (см. с. 423 и 426). «Мельхиор» стало одним из прозвищ Победоносцева (тем более идущим к нему, что это, по преданию, имя одного из евангельских волхвов). Мельхиор (сплав меди и никеля) как замена серебра и заменитель масла маргарин (в самом названии его обыграна тема подмены: слово образовано от греч. *μαργαρος* — жемчуг) — два изобретения XIX в. Первое было уже давним (1812) и широко вошедшим в обиход, а вот маргарин, изобретенный И. Меж-Мурье в 1869 г., в России и в конце века еще оставался новинкой. И новинка эта, к слову сказать, еще долгое время вызывала серьезные возражения и опасения. В 1889—1892 гг. в печати развернулась целая кампания о вреде маргарина. См., например: Маргарино-вая язва // *НВр*. 1889. 5 февр. № 4648. С. 1—2; Memento // Там же. 11 февр. № 4654. С. 2.

Возможно, других писем и не было, а тема «лжепророчеств» обсуждалась при встрече.

Замысел не был осуществлен; 24 февраля 1882 г. Леонтьев рассказывает о своих литературных делах и, как часто бывало в это время, сетует, что ему приходится заниматься беллетристикой, дающей заработок, в то время как нереализованными остаются давние публицистические планы — написать «о том, что Влад(имир) Соловьев есть один из Предтеч антихриста, что „братья Карамазовы“ гадость и ложь, что Гартман и Шопенгауэр — кой-чем ближе ко Христу, чем эти „усладители“, что немцы правы, считая славянство только революционной силой» (с. 195).

Здесь вновь рядом Достоевский (в последнем его романе Леонтьев, вероятно, намеревается обличить «розовое христианство» старца Зосимы) и «славянский» социализм. Существенно нового Леонтьев так и не создает, но готовит брошюру, объединяющую статьи о Достоевском и Толстом.

Летом 1882 г. Леонтьев написал рецензию на рассказ Толстого «Чем люди живы?».¹⁰⁸ В брошюру «Наши новые христиане» она войдет под названием «Страх Божий и любовь к человечеству». Не случайно эта статья была подписана псевдонимом «Православный мирянин», больше Леонтьевым не использовавшимся, а в данном случае прямо переводящим разговор о новом произведении Толстого в сферу христианской, церковной проблематики.

Об этой статье идет речь в письме Филиппова от 30 июня 1882 г. На следующий день он отправил рукопись кн. Мещерскому с сопроводительным письмом.¹⁰⁹ В обоих письмах Филиппов высказывал намерение написать статью на ту же тему. Таким образом, Филиппов был первым читателем статьи Леонтьева о Толстом, свой же замысел он, вероятно, не осуществил.

¹⁰⁸ Гр. 1882. 8 июля. № 54. С. 7—10; 11 июля. № 55. С. 6—9.

¹⁰⁹ См. с. 224.

С просьбой подыскать издателя для брошюры Леонтьев обращается именно к Филиппову. Но, быть может, последнему принадлежала и сама идея подготовки этого издания. 21 августа 1882 г. Леонтьев сообщал О. А. Новиковой: «Филиппов собирается подговорить Графа Шереметьева¹¹⁰ издать на свой счет в Петербурге брошюрку под заглавием: *Гр. А. Толстой и Ф. М. Достоевский как Христиане*».¹¹¹ В письме от 27 августа 1882 г. он вновь делится этой новостью; правда, за эту неделю успел появиться окончательный вариант названия: «Филиппов хочет предложить Графу Шереметьеву издать в Петерб^ург^е брошюркой мои 2 критики на Л. Толстого и на речь Достоевского под общим заглавием: *Наши новые христиане*».¹¹² Предположим, что, если Филиппов и не является автором этого заглавия, то рождалось оно не без его участия (ведь обсуждение темы началось именно с названия «Лжепророк»).

13 сентября Леонтьев, начавший сомневаться в согласии Шереметева дать деньги на издание, намеревается послать Филиппову в Петербург «заметки о Достоевском и Толстом», чтобы искать новые «средства их издать» (с. 229); но уже через неделю сообщает о том, что «дело сладилося» (с. 232). Брошюра печатается в типографии Д. М. Погодина (сына известного историка и писателя), занимается ее подготовкой Н. П. Барсуков.¹¹³

¹¹⁰ Речь идет о гр. С. Д. Шереметеве.

¹¹¹ РГБ. Ф. 126. К. 3323. Ед. хр. 21. Л. 18 об.

¹¹² Там же. Л. 21 об. Графу Шереметеву Филиппов писал 9 сентября: «У К. Н. Леонтьева явилась мысль издать свою статью о повести Гр^афа Толстого, вместе с прежнего его статьею о Достоевском, отдельною книжкою, с особым предисловием, которое он мне послал. Издержки на это издание не очень большие, а потому я позволяю себе обратиться на это дело Ваше внимание. Если мысль Ваша сложится, то Леонтьев живет в М. Песковском переулке, в доме Боде» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 1807. Л. 13 об.). Благодарю Г. Б. Кремнева, сообщившего мне этот фрагмент.

¹¹³ См. переписку с ним: РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 154, 174, 2096, 278—278 об.; ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 83.

Для того чтобы «улучшить распродажу книжки», нужны не только объявления о ней в газетах (эта тема также постоянно присутствует в переписке), но и отзывы. Леонтьев вновь обращается к своему покровителю и другу: «Вот если бы Вы Вашим золотым тонким и твердым перышком написали бы строчек 20 в „Петерб(ургских) Ведом(остях)“ — порадовали бы Вы меня».¹¹⁴ Он вправе рассчитывать на такую поддержку, поскольку сам еще недавно горячо отзывался на подобные просьбы Филиппова.

Молчание Филиппова вызывает обиду, о которой Леонтьев не может забыть и через несколько лет (об этом свидетельствует, например, письмо к Губастову от 4 июля 1885 г.). Его радуют даже полемические отклики Вл. Соловьева и Лескова (1883). О них он, кстати, сообщает и Филиппову в письме от 25 ноября 1883 г. Статьи Лескова он читал собравшимся в салоне П. Е. Астафьева 5 сентября 1883 г.,¹¹⁵ а еще до этого (11 июля) писал о них Новиковой: «Лесков, вот тот так чудак!.. <...> Опять на днях 2 новых и громовых статьи против меня. Взывает и к Аксакову и к друг(им), чтобы они сказали свое мнение. Смеется над Влад(имиром) Соловьевым за то, что вошел в мою „богоматерию“. Конечно, это занимательнее молчания, — и он подает хороший пример людям нерешительным, друзьям коварным и т. п. ...»¹¹⁶

Почему же Филиппов не откликнулся? Может быть, потому, что не разделял обличительные взгляды Леонтьева на Достоевского? Он мог

¹¹⁴ Письмо от 26 ноября 1882 г. (с. 238).

¹¹⁵ 6 сентября П. Е. Астафьев писал Леонтьеву: «Пришлите-ка, если возможно, читанные Вами вчера вырезки из „Новостей“ (статья Лескова). Я просмотрел бы их пока, и, быть может, надумал бы написать что-нибудь „по поводу“ ...» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 4).

¹¹⁶ РГБ. Ф. 126. К. 3608. Ед. хр. 2. Л. 16 об.—17. Между прочим, Лесков считал это свое выступление против Леонтьева причиной «изгнания из Министерства народного просвещения» (письмо к М. О. Меньшикову от 11 ноября 1893 г.; цит. по: АН. Т. 101, кн. 2. С. 356). Известно, однако, что он ушел со службы сам, да еще и, образно говоря, громко хлопнув дверью.

бы поддержать Леонтьева простым разъяснением некоторых понятий («страх Божий», «любовь»), так, как позже, 18 января 1888 г., он сделал это для А. Ф. Кони.¹¹⁷ «Благоговение <...> означает высшую степень уважения или почитания, внушаемого существом высшим или священным и посему сопряженного с чувством страха. Понятию благоговения к Божеству вполне соответствует понятие „страх Божий“, о котором так легкомысленно иногда рассуждают наши глаголемые „писатели“, забывая: а) что страх Божий совершенно изгоняет вон страх человеческий и б) что в состав истинной любви входит, как необходимый *ingrediens*, именно тот страх, который называется благоговением и без которого любовь обращается в пошлое амикошонство. Страх чем-нибудь оскорбить, чем-нибудь не угодить, чего-нибудь не сделать такого, к чему обязывает любовь: вот благоговение!»¹¹⁸ «Глаголемые „писатели“» здесь — это Толстой и, возможно, Лесков и Вл. Соловьев.

Прошло несколько лет. В 1885 г., включая «Наших новых христиан» в сборник «Восток, Россия и Славянство», Леонтьев пишет обширное примечание, в котором оценки становятся еще резче, чем в 1882 г. В одной из статей 1885 г. упоминается «нервная и космополитическая обмолвка Достоевского о каком-то русском окончательном слове: „всеобщей гармонии“» (8, 157) — т. е. все та же Пушкинская речь.

¹¹⁷ В фонде Филиппова в ГАРФ сохранилось письмо А. Ф. Кони от 17 января 1888 года. Обращаясь к «филологическому авторитету» своего корреспондента, он так объяснял суть своей просьбы: «По одному делу мне приходится истолковывать слово „благоговение“. Наши юристы-практики говорят, что истинный смысл этого слова определить невозможно, но нарушение благоговения может быть постигнуто лишь по обстоятельствам дела <...> так — с полупоэтической точки зрения — смотрел доселе и Сенат. — Но мне кажется, что слово это должно иметь ясный и определенный смысл и содержать в себе, по своему происхождению, указание на связанное с ним конкретное понятие.

Не откажите сообщить Ваше мнение о составе, значении и происхождении этого слова ...» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1988. Л. 10—10 об.).

¹¹⁸ РГБ. Ф. 126. К. 3608. Ед. хр. 2. Л. 16 об.—17.

Как уже было сказано, обсуждению темы Достоевского и Пушкинской речи в переписке предшествовало обсуждение «инцидент-Каткова» на празднике в Москве. Любопытно, что еще раз эти имена пересекались в письмах 1887 г. На следующий день после смерти московского публициста, 21 июля, Филиппов написал для «Гражданина» его некролог, резко отличающийся по тону от всех остальных откликов «охранителей»: о покойном здесь были сказаны не только хвалебные слова. «Московские ведомости», оскорбленные, как им представлялось, недооценкой роли своего покойного редактора и прозвучавшими в некрологе намеками на его политические ошибки, начали полемику с «Гражданином» в крайне грубой манере, провоцируя Филиппова ответить тем же.¹¹⁹ Этот эпизод и сама проблема отношения к Каткову-политику стали темой нескольких писем и, что особенно любопытно, — вызвали еще одно воспоминание о Достоевском.

В декабре именно в связи со спором о Каткове Леонтьев напомнил Филиппову о своем старом замысле и о том, как был удержан от резкого обличительства: «Помните, я одно время хотел писать брошюру: „Лжепророк Достоевский“, и Вы мне сказали: „не прибавляйте без нужды количества наших врагов; многие, которые теперь хоть не *против* нас, а тогда они станут“» (с. 476—477). Леонтьев, таким образом, ссылаясь на самого Филиппова, призывает его к примирению с последователями и преемниками Каткова, чтобы не умножать количества врагов.

Откликаясь на это напоминание, 21 декабря 1887 г. Филиппов еще раз объясняет свою позицию: «...искажение и унижение нашего священного символа принесло бы и приносит ему более вреда, чем объявленная ему прямая война.¹²⁰ <...> От Каткова даже нам пришлось бы обо-

¹¹⁹ См. об этом с. 449.

¹²⁰ Под искажением «священного символа» подразумевается свойственный Каткову и подобным ему политикам и журналистам взгляд на Церковь как на служанку государства и национальных интересов (конечно, открыто редко выражавшийся).

ронять верховное начало нашего исповедания — Церковь; во сколько же раз увеличилась опасность для Церкви при его епигонах. Где же тут возможность мира? И не грех ли сопоставлять с сими епигонами Достоевского, который мог иного не понять в Христианстве, но с Феофаном заключить мира не мог. Меня испугало тогда Ваше заглавие „Лжепророк“, в котором заключалось несравненно более обвинения, чем в Достоевском было вины. А против полемики с ним вообще я не нашел бы возражений: она даже была нужна. Вот Гр(афа) Толстого не грех назвать так! Это действительно лжепророк!» (с. 479).

Что означает в этом тексте имя «Феофан», уже ясно из изложенного выше. Подразумевается здесь автор «Духовного регламента» епископ Феофан (Прокопович), олицетворяющий, по мысли Филиппова, обмирщение Церкви. Итак, Достоевский — пытается доказать Леонтьеву Филиппов — скорее союзник, а не противник в общем их деле противостояния «духу лестчу», потому что не был «другом миру». Наследники Феофана — это те, кто способствует обмирщению Церкви, подчиняет Ее государственным, национальным или еще каким-либо интересам.

Филиппов, хорошо знавший Достоевского (в частности по Обществу любителей духовного просвещения),¹²¹ свидетельствует о церковности писателя, признавая при этом и его заблуждения. Подхватывая словечко «лжепророк», он переключает внимание Леонтьева на другого «нашего нового христианина» — Толстого, учащего «заповедем человеческим».

После этого воспоминания о теме лжепророчеств в 1888 г. Леонтьев также не пишет непосредственно о Достоевском, но отголоски давнего «посмертного» спора безусловно присутствуют в основных работах этого года, отданного полемике с Вл. Соловьевым, которого Леонтьев считал в определенных вопросах учеником Достоевского. Эти отголоски

¹²¹ Письма Филиппова к Достоевскому, относящиеся к этому периоду, были опубликованы в «Литературном наследстве» (М., 1934. Т. 15. С. 150—156).

слышны и в «Воспоминании об архимандрите Макарии...» (1889). Рассказывая о почившем афонском старце, Леонтьев подчеркивает «несентиментальность» «дедовского» Православия и святогорского монашества¹²² и напоминает о том, что пекущиеся «о практической земной морали, о пользе ближних и т. д.» еще далеки от «сущности» христианства (6, 754). Не случайно упомянуты здесь и петрашевцы, замышлявшие «безбожный и кровавый переворот», — «разрушители по любви к уравненному и опошленному „человечеству“» (6, 758, 759).

В последний раз Достоевский упоминается в переписке уже в конце жизни Леонтьева, в связи с его программной статьей об «охранении» — «Над могилой Пазухина». 8 марта 1891 г., в день публикации в «Гражданине» четвертой, заключительной части статьи, Филиппов писал: «На благую минуту душа Ваша зачала и породила нынешнюю статью <...> она достойна внимания Государя по глубине и самобытности мысли и по своему государственному значению...» (с. 615—616).

В этой понравившейся Филиппову статье имя писателя названо два раза: сначала, вместе с Вл. Соловьевым, в примечании к цитате из поучения епископа Феофана Затворника («Приятно встречать у некоторых писателей светлые изображения Христианства в будущем, но нечем оправдать их»),¹²³ затем — с заметной иронией — в знаменитом фрагменте о народе-«богоносце», «от которого ждал так много наш пламенный народолюбец Достоевский» и который может очень скоро превратиться в «богоборца» (8, 458). В цитировавшемся выше письме есть строки, непосредственно перекликающиеся с пассажем о «пламенном народолюбце». Филиппов противопоставляет церковное «упование» (здесь означающее, по-видимому, вообще мировоззрение) суетному, человеческому, основанному «на произвольном обого-

¹²² Ср.: 6, 780.

¹²³ Фраза выделена курсивом, примечание к словам «светлые изображения Христианства в будущем»: «Например», у Достоевского и Влад. Соловьева» (8, 452).

творении народного характера».¹²⁴ «Я едва ли могу уступить кому бы то ни было (древним ли Славянофилам, Достоевскому ли) в любви и уважении к русскому народу; но те черты, которые я чту в нем благоговейно, воспитаны и утверждены в нем Церковью, Которой и подобает то поклонение, которое мимо Ея вздумали воздавать самому народу и ему одному» (с. 616).

Достоевского Леонтьев вспоминал и в следующей статье цикла «Записки отшельника» («Славянофильство теории и славянофильство жизни»);¹²⁵ завершала цикла статья «Достоевский о русском дворянстве»,¹²⁶ написанная в духе примирения. О том, кто прежде был назван лжепророком, теперь говорилось: «...его религиозные стремления не всегда правильные и ясные, положим, — но всегда глубокие и сильные...» (8, 478). Это примирение, по-видимому, было вызвано изменением ситуации.¹²⁷ Через десять лет после смерти Достоевского главными объектами полемики, главной опасностью для России Леонтьеву представляются Соловьев и «яснополянский юрод», как он называет Льва Толстого.¹²⁸ На их фоне Достоевский выглядит «своим». Именно этим вызваны слова: «Он только *прибавлял* нечто свое, излишнее и

¹²⁴ Эти строки Леонтьев отметил на полях крестиком.

¹²⁵ См.: 8, 461.

¹²⁶ Гр. 1891. 25, 26 и 27 июля. № 204, 205, 206. Леонтьев писал тогда своему ученику Александрову: «Вы должны радоваться; я его (Достоевского. — О. Ф.) хвалю там (до изв(естной) степени) (...) мне похвалить его — вовсе не легко; — я его „уродливых“ романов терпеть не могу; хотя и понимаю их достоинства» (Александров. С. 115; уточнено по автографу: РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 669. Л. 159 об.).

¹²⁷ Ср. с началом статьи «Над могилой Пазухина»:

«Умер Пазухин (...). Давно ли мы погребали и гр(а)фа Дмитрия Толстого (...). Рухнули в вечность два столпа Церкви Русской — Алексей и Никанор. А „Вестник Европы“ жив. Издаются по-прежнему „Новости“ (...).

И все эти русские и полурусские Терзиты не только живы и действуют, но даже за последние два года им посчастливилось втянуть в свою заразительную трясиину и тако-го Акса мистической и философской мысли, как Владимир Соловьев!» (8, 445).

¹²⁸ Ср.: 6, 805.

неправильное; но он ничего правильного, ничего издавна Иерархией освященного не только не отвергал, но и готов был всегда горой стоять за это правильное и освященное» (8, 479). Немалую роль в самой возможности такой оценки могли сыграть евангельские слова, которые еще в начале 1880-х гг. напоминал Леонтьеву Филиппов: «Кто не против вас, тот за вас».

И все же в своей последней статье «Оптинский старец Амвросий»¹²⁹ Леонтьев еще раз обращается к столь задевшим его произведениям Достоевского, даже использует эпитеты «слащавый», «сентиментальный» (6, 816). Упомянуты, конечно «Братья Карамазовы», но в подтексте прочитывается и неназванная Пушкинская речь. Полное примирение, видимо, не могло состояться.

Филиппов, как мы уже видели, неоднократно направлял и корректировал Леонтьева в его публицистических выступлениях. В конце 1880-х гг. он побуждал его к походу на Вл. Соловьева. На полемику с Соловьевым он «благословлял» Леонтьева еще в 1884 г., заметив в одном из писем: «Необходимо ограничить неудержимую произвольность его суждений и выводов» (с. 276).¹³⁰ Леонтьев тогда намеревался «писать Соловьеву (Владимиру) возражение „Патриарх или Папа?“» (с. 274). Филиппов с одобрением воспринял мягкую критику Соловьева в статьях Кристи. В то же время он способствовал появлению одной из значительных статей Соловьева («Церковные дела») в газете «Голос Моск-

¹²⁹ Гр. 1891. 3 нояб. № 305. С. 2; 11 нояб. № 313. С. 2.

¹³⁰ Ср. с резким суждением Страхова: «При всей его даровитости, я не нахожу у него одного — настоящего убеждения, настоящей серьезной мысли. Когда пишет Лев Николаевич, то, что бы он ни писал, Вы чувствуете его руку — и это всегда интересно (...). Когда же пишет Соловьев — то это — игра ума, именно *игра*, потому что настоящей умственной работы нет никакой» (из письма к А. А. Фету от 21—22 апреля 1890 г.; ИРЛИ. Архив А. А. Фета. № 20 290, ч. IV. Л. 10 об.).

вы»¹³¹ и, скорее всего, был причастен к ее публикации еще и как автор сопровождавшей ее передовой статьи.

В 1887 г. в Загребе вышел первый (и оставшийся единственным) том из задуманной Соловьевым богословской трилогии «История и будущность теократии» — книга, которой особенно восхищался Леонтьев. В 1888 г. Соловьев опубликовал свою французскую лекцию о русской идее («L'idée russe»), а через год — начатую еще в 1887 г. в России книгу «La Russie et l'Eglise universelle» («Россия и Вселенская Церковь»). Эти издания были запрещены в России духовной цензурой, но широко обсуждались как в печати, так и в частной переписке. В письмах Соловьева того времени не раз встречаются упоминания о негативной реакции власть предержащих на его новые работы и об опасности (так ему казалось) возвращения в Россию.¹³² С Соловьевым теперь полемизируют или даже разывают отношения те, для кого прежде он был любимцем и надеждой и стоял в одном ряду с А. С. Хомяковым и Ю. Ф. Самариным.¹³³ Первым предвестием этого разрыва была статья «Великий спор и христианская политика» (1883), а основательным поводом (непосредственно перед появлением «Русской идеи») — направленная против Н. Я. Данилевского и его последователей статья «Россия и Европа».¹³⁴

Сразу по прочтении «Русской идеи» 3 октября 1888 г. Филиппов предложил своему другу, посоветовавшись с Оптинскими старцами, подумать о лучшей форме ответа Соловьеву.¹³⁵ Очень важно, что появление

¹³¹ См. об этом: Владимир Соловьев (из несобранного). Церковные дела. Письмо первое. Разыскания Н. В. Котрелева // Вестник РХД. № 158. 1990. С. 147—159; Фетисенко О. А. Вл. Соловьев в «Голосе Москвы» (новые материалы) // Минувшее и непереходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева: Материалы междунар. науч. конф. 14—15 февр. 2003 г. СПб., 2003. С. 388—395.

¹³² См., например: Соловьев. Письма. (Кн. IV). С. 36, 116.

¹³³ См. подробнее: Христианство. 4.

¹³⁴ ВЕ. 1888. № 2. С. 742—761; № 4. С. 725—761.

¹³⁵ См. с. 507—509.

французской брошюры ставится Филипповым в самый широкий церковно-исторический контекст (от петровской церковной реформы до отпадения Болгарской Церкви от Константинопольского Патриархата) и побуждает его к размышлению о проблемах отношений Церкви и нации, Церкви и государства. «... Положительные выводы Соловьева, — считает он, — опрокинуть можно, и это не так трудно; но этим удовлетворить Правде и успокоить возмущенное православное чувство отнюдь нельзя. <...> Как тут быть? Чего требует от нас христианский долг?» (с. 509).

Ответ Леонтьева, написанный через неделю, представлял собой основательный конспект возможной статьи-«возражения» (при этом он еще не успел отыскать и прочесть новые соловьевские работы). «Вопросы, затронутые Соловьевым, до того важны, что этой борьбе не скоро конец. Она, вероятно, еще *только начинается!*» (с. 515). Старец Амвросий благословил на полемику с Соловьевым обоих — и Леонтьева, и Филиппова. Но Леонтьев все-таки от спора со своим любимцем воздержался, а Филиппов написал небольшую заметку «Запрещенная книжка», которую поместил в «Гражданине» без подписи.¹³⁶ Атрибутировать ее можно по письму Леонтьева от 10 ноября 1888 г.¹³⁷ и, конечно, по содержанию.

Внимание рецензента сосредоточено на церковном вопросе (характерно даже, что автор называет Соловьева богословом, а не философом). Вопреки господствовавшему воззрению на брошюру, автор заметки не увидел в ней «озлобления против строя нашего церковного быта». Для него книжка Соловьева — «это пущенная по миру мечта идеалиста, где по тому самому нет даже признаков научного или сердечного отношения к вопросу»; мечта, которой дано слишком много воли.¹³⁸

¹³⁶ Гр. 1888. 30 окт. № 302. С. 1.

¹³⁷ См. с. 525.

¹³⁸ Мотив «мечты» получает в тексте рецензии дальнейшее развитие, приобретая неожиданно сочувственную окраску: «греза наболевшего сердца и много пострадавшей души».

Это целиком совпадает с более ранней филипповской оценкой Соловьева-мыслителя: «Большой и сильный, самобытный ум. Орлий полет. Но сколько своеволия и своемыслия». ¹³⁹

Главная претензия рецензента к автору «Русской идеи» заключается в том, «что он свои строгие и пристрастные суждения против своей родной Церкви выносит в область смущения для одних и злорадного сочувствия для других». Несомненно филипповская мысль рецензии, разделяемая, кстати, иеромонахом (будущим митрополитом) Антонием (Храповицким): Соловьев не замечает, что все его «укоры» обращены к *новой* Русской, т. е. «Петровской», синодальной Церкви, а при этом сам Петр почти восхваляется в брошюре.

Статья должна была быть продолжена. Последняя ее фраза звучит так: «Об этой нынешней Русской Церкви в ответ г. Соловьеву мы поговорим особо». Однако продолжения не появилось.

Леонтьев поначалу не оставлял намерения «возражать Соловьеву». С просьбой достать ему запрещенную в России брошюру он обратился к общему своему с Соловьевым знакомому, А. П. Саломону. Местонахождение его письма от 2 ноября 1888 г. неизвестно, но сохранился ответ этого «ученика Соловьева», ¹⁴⁰ написанный 7 ноября: «Буду очень рад, если мне удастся исполнить Ваше поручение и постараюсь сделать это, но ранее приезда Вл<адимира> Серг<еевича> (его ждут со дня на день) не надеюсь найти экземпляра „l'Idée Russe“. Я читал эту брошюру и нахожу, что если нужно возражать на нее, то только Вы и можете за это взяться. Во-первых, Вы любите Вл<адимира> Серг<еевича> (а это главное), ¹⁴¹ во-вторых, Вы способны подниматься на высоту грандиозных концепций, не испытывая головокружения. Большинство же тех, кто

¹³⁹ Из письма к Леонтьеву от 5 декабря 1884 г. (с. 275—276).

¹⁴⁰ Ср. отзыв Леонтьева о нем на с. 515—516.

¹⁴¹ Замечательны эти слова о любви как условии настоящей полемики. Ср. с высказыванием Филиппова по поводу статей Кристи (с. 347).

дерзает состязаться с Соловьевым, настолько *terre à terre*,¹⁴² что кроме грубой брани ничего не умеют сказать человеку идеи». ¹⁴³

Соловьеву посвящено еще одно письмо Саломона к Леонтьеву (от 10 июня 1889 г.), сопровождавшее посланную брошюру. Интересно оно прежде всего тем, что содержит упоминание об одном нереализованном замысле Леонтьева, о котором шла речь в несохранившемся ноябрьском письме (ответ на него, как видим, был написан лишь через полгода!), — ряде писем «о папстве». ¹⁴⁴ «Теперь посылаю Вам „l'Idée Russe“, за которую я заступился в „Гражданине“. Если Вы задумали ряд писем к А. С. о папстве, я охотно вступаю с Вами в ту единственную полемику, которую признаю, т. е. основанную на умении разъяснить спорный вопрос с разных точек зрения, а не на желании во что бы то ни стало „разбить“ противника; ибо над двумя воззрениями есть всегда третье высокое, на котором можно сойтись, или же подождать, когда найдется носитель этого лучшего воззрения, чтобы стать под его знамя». ¹⁴⁵

¹⁴² Приземленны (франц.).

¹⁴³ Цит. по: *Христианство*. 4. С. 409. См. там же значительно более развернутую цитату из этого письма.

¹⁴⁴ Это ноябрьское письмо с проектом статьи, как выясняется из письма к Леонтьеву Кристи от 5 марта 1889 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 11), Саломон зимой прочитал самому Соловьеву. Тогда же Леонтьев написал и Соловьеву. На это письмо Соловьев не ответил; но, видимо, по его просьбе Кристи написал Леонтьеву 22—24 марта: «Константин Николаевич, не сердитесь на Соловьева. Вы знаете его лень писать, и кроме того он писал какую-то публичную лекцию и уехал в Петербург, боясь, что опять произойдет скандал. Называется „о грехах и болезнях“. Ужасно его жаль; более всего жаль, что он глупое капризное дитя, а его делают каким-то тайным иезуитом» (Там же. Л. 18). Статья «О грехах и болезнях» появилась в «Вестнике Европы» (ВЕ. 1888. № 1. С. 356—375). На оттиске, посланном Леонтьеву, Соловьев написал: «Посылаю Вам, дорогой Константин Николаевич, эти палочные удары по спине нашего общего приятеля (имеется в виду Страхов. — О. Ф.), дабы Вы видели, что я в либерализме не педант» (цит. по: *Фудель С. И. Наследство Достоевского*. М., 1998. С. 266).

¹⁴⁵ Цит. по: *Христианство*. 4. С. 410.

Заступничество в «Гражданине», о котором упоминает Саломон, — это, как удалось установить, его рецензия на статью доцента Санкт-Петербургской духовной академии о. Антония (Храповицкого) «Вселенская церковь и русский патриотизм»,¹⁴⁶ имеющая подзаголовок «Новые возражения на брошюру „L'idée Russe“ Вл. С. Соловьева» и подписанная инициалами «А. С.».¹⁴⁷ Только в форме рецензии на «возражение», пожалуй, и можно было тогда защищать идеи Соловьева.

В этой статье были развиты тезисы, намеченные в письме к Леонтьеву (о взглядах Соловьева на «задачи Церкви»). Но здесь они приняли более «цензурный» вид. В качестве примеров приводились уже не св. равноапостольный князь Владимир, Н. Г. Чернышевский и старец Амвросий,¹⁴⁸ а Владимир Мономах, А. И. Герцен и Серафим Саровский. Так же, как и в письме к Леонтьеву, Саломон признает, что французская брошюра — «слабейшее из произведений» Соловьева: идеи здесь изложены слишком популярно, «высшие идеальные задачи человечества поставлены рядом со злобою исторического дня, точно это равные величины».¹⁴⁹

Главные грехи России, — здесь Саломон целиком согласен с Соловьевым, — «наш ложный патриотизм, поддерживающий вражду между народами, и государственный характер нашей церкви». Подлинная полемика с Соловьевым должна, по мнению рецензента, касаться двух вопросов: «Действительно ли наше общество заражено шовинизмом, или

¹⁴⁶ Антоний ((Храповицкий)), и(ер)м. Вселенская церковь и русский патриотизм: (По поводу брошюры Вл. Соловьева «L'idée Russe») // Церковный вестник. 1888. № 46. С. 852—853; № 47. С. 872—873 (речь, сказанная на торжественном заседании Братства Пресвятой Богородицы). Еще один отклик «Церковного вестника» на «L'idée Russe» содержится в статье: А. К. Обзорение духовных журналов за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы // Там же. № 52. С. 978—979.

¹⁴⁷ Гр. 1889. 23 янв. № 23. С. 3—4.

¹⁴⁸ См.: Христианство. 4. С. 410.

¹⁴⁹ Гр. 1889. 23 янв. № 23. С. 3.

г. Соловьев принял воинственные клики некоторых газет за подлинное выражение общественного мнения? Оттого ли наша церковь слаба, что она испытывает тяжесть и гнет мирских уз, или оттого, что наше общество совершенно равнодушно к ней и к ее представителям?»¹⁵⁰

Примечательно, что в статье Саломона вспоминается и Леонтьев: «...о. Антоний должен быть поставлен рядом с почтенным сотрудником „Гражданина“ К. Н. Леонтьевым, разбиравшим статью Вл. С. Соловьева — „Россия и Европа“.¹⁵¹ Было бы желательно, чтобы этот талантливейший и вполне самобытный писатель сказал свое слово о брошюре „L'idée Russe“, ибо над ним, конечно, обаяние французского языка не будет настолько сильно, чтобы 46-ю страницами, напечатанными в Париже, заслонить ряд книг и статей, вышедших из-под русского типографского станка: „Критику отвлеченных начал“, „Чтения о Богочеловечестве“, „Религиозные основы жизни“, „Национальный вопрос“ и т. д.».¹⁵²

Леонтьев так и не написал статьи, являющейся непосредственным откликом на «Русскую идею» или «Россию и Вселенскую Церковь», но подспудно его спор с Соловьевым продолжался, находя, конечно, отголоски и в переписке с Филипповым.¹⁵³ Перечисленные Саломоном труды Соловьева он не переставал высоко ценить, за исключением сборников «Национальный вопрос в России», куда вошли главным образом статьи, впервые опубликованные в ненавистном Леонтьеву «Вестнике Европы».

¹⁵⁰ Там же. С. 4.

¹⁵¹ Речь идет о статье Леонтьева «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888).

¹⁵² Там же. С. 3. Перечислены докторская диссертация Соловьева «Критика отвлеченных начал» (М., 1880), его знаменитые петербургские лекции 1877—1878 гг. «Чтения о Богочеловечестве» (отд. изд.: М., 1881), книга «Религиозные основы жизни» (1882—1884; в 3-м изд., 1897 г., книга получила название «Духовные основы жизни») и сборник статей «Национальный вопрос в России» (М., 1884; 2-е изд., доп.: М., 1888; 3-е изд. в двух выпусках вышло в 1891 г.).

¹⁵³ См., например, письмо от 3 сентября 1889 г. (с. 559—560).

Убедительно возражать Соловьеву было трудно. Это любил подчеркивать и он сам, замечая, что «готов прямо и решительно отказаться от всякого своего мнения, как скоро ложность его будет обличена на самом деле».¹⁵⁴ Друг и ученик Леонтьева о. Иосиф Фудель также задумывался о трудностях полемики с автором «России и Вселенской Церкви». Он видел «силу Соловьева <...> в его страшной логической последовательности, чего не хватает *всем* его противникам».¹⁵⁵ «... Для борьбы с В. Соловьевым нужна *иная* почва, здесь нужна в противовес ему *такая же* ясность мысли и *желаний*. <...> Мало, кроме того, знать, в чем ошибка В. Соловьева; надо еще противопоставить ложному идеалу Соловьева — такой же *ясный* свой идеал. А у кого из нас он есть? В этом вся беда».¹⁵⁶

Еще за пять лет до появления «Русской идеи» Соловьев писал Аксакову: «Не в моей власти исцелить разделенные церкви, но в моей власти и *обязанности* не растревлять их ран полемикой, а смягчать их словом справедливости и примирения. Если я не умею сказать этого слова, пусть скажет его кто-нибудь другой, но никто не говорит. Если мой путь не ведет к цели, пусть укажут другой, лучший, но никто ничего не указывает <...> обличение не облегчает и вражда не врачует».¹⁵⁷ В цитированном же письме к Филиппову Соловьев прибавлял: «А что касается путей, то только честный опыт может показать, какой из них верен и какой ошибочен. <...> Запрещение не есть обличение, и насилие не есть свидетельство истины».¹⁵⁸

Особого исследования заслуживает представление в переписке ведущих политических и общественных деятелей той эпохи. Письма Филип-

¹⁵⁴ Письмо к Филиппову от 30 июля 1889 г. (Соловьев. Письма. Кн. II. С. 329).

¹⁵⁵ Из письма к Леонтьеву от 16 мая 1890 г. (Преемство от отцов. С. 209).

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Соловьев. Письма. (Кн. IV). С. 21.

¹⁵⁸ Там же. Кн. II. С. 329.

пова показывают, что он фактически находился в 1880-е гг. в одиночестве, противостоя и Победоносцеву, и Каткову,¹⁵⁹ а такого «союзника», как издатель «Гражданина», нельзя было принимать всерьез. Тем драгоценнее было сознание, что есть Оптина пустынь, откуда присылаются в Петербург новые и новые статьи цикла «Записки отшельника».

В письмах Филиппова часто используется противопоставление «мертвого» и «живого». Леонтьев для него — это свобода и жизнь. Катков, Победоносцев и «иже о них» — те, кто пользуется чьим-то «живым» в той мере, в какой им это необходимо, и своим прикосновением умерщвляет его. Те, кто только «охраняет», но ничего живого предложить и развить не может. Точно так же и Леонтьев оценивал Победоносцева: «Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничего не будет» (с. 196).

Между тем, недостаточно быть только «охранителем». «Отраднa и, может быть, будет спасительна задержка того разрушительного направления, по которому Россию устремляли к отверзтой пропасти освободители, но недостаточно задерживать, необходимо дать своему времени

¹⁵⁹ Неприязнь Филиппова к Каткову имела, помимо «идеологических расхождений», еще и личные причины. Их взаимная «нелюбовь» восходила, считал Филиппов, еще к 1854 г., к его первому триумфу — одобренной Филаретом актовой речи. «Вся Москва, бывшая в 1 гимназии в этот день, обступила меня с дружескими приветствиями; один только человек смотрел на меня, как тигр, и сей человек был Катков» (письмо к кн. В. П. Мещерскому от 3 января 1890 г.; РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 3—3 об.). О взаимоотношениях Филиппова и Победоносцева, перешедших от тесного сотрудничества к острой вражде, см.: Алексеева С. И. К. П. Победоносцев в оценке Т. И. Филиппова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбилейной науч. конф., посв. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К. П. Победоносцева. СПб., 2007. С. 120—126; Фетисенко О. Л. Столп Церкви или новый Копроним: К. П. Победоносцев *sub oculis* Т. И. Филиппова и К. Н. Леонтьева // Там же. С. 109—119. Весной 1889 г. Леонтьев так раскрыл в письме к Фуделю суть конфликта двух политиков: «... „враг“ (истинно — так!) посеял между ними раздор за идеи, обратившийся потом, как водится, и в личную неприязнь» (*Преемство от отцов*. С. 141).

⟨...⟩ прохлаждающее, освежающее и утверждающее Богом благословенное ястие и питье» (с. 523).

Деятели охранения «творческого», готовящего Россию к созданию новой культуры, Леонтьев хотел воспитать своих учеников. Лучших из них он представлял Филиппову, а одного, не самого талантливого, но (на тот момент) одного из самых преданных — Г. И. Замараева — рекомендовал на службу в Контроль.

Переписка, бывшая наиболее плотной в 1886—1887 гг., почти прекратилась после назначения Филиппова в 1889 г. государственным контролером. Через год Леонтьев так объяснял это одному из знакомых: «Высшие должности и сами по себе гораздо труднее средних: а у него и кроме служебной специальности есть сотни других дел и забот, *самого высшего порядка...* (Церковные интересы и т. д.)». ¹⁶⁰ Но уже вскоре после этого появляется новая серия писем, может быть, еще более значительных по содержанию, подводящих итоги всему многолетнему общению.

В июле 1891 г. Филиппов последний раз посетил Оптину пустынь. Встретился, конечно, с Леонтьевым, побывал и у старца Амвросия, который жил тогда на хуторе Руднево, принадлежавшем Шамординскому монастырю. 12 июля преп. Амвросий писал своему письмоводителю, давнему приятелю Филиппова, о. Эрасту (Вытропскому, в монашестве Еразму): «Я теперь нахожусь в Рудневе, и ко мне ⟨...⟩ приезжал Т. И. Филиппов и очень пожалел, что тебя нет в Оптине, куда он в тот же день и отправился». ¹⁶¹ А сам Филиппов в письме к о. Эрасту от 16 января 1892 г. передал и детали этой встречи. Он рассказал, что получил от старца «напутствие на защиту святых Божиих церквей, о мире и благо-

¹⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 3 об.

¹⁶¹ ⟨Еразм (Вытропский), мон.⟩ Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Вновь составленное Е. В. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 125.

стоянии коих возносятся ежедневно во всей России молитвы». Возложив руку на голову Филиппова, старец сказал: «Да будет в этой главе всегда воля Божия».¹⁶²

Через месяц после этого краткого «наезда» Филиппова, 18 августа, Леонтьев был тайно пострижен в мантию с именем Климент, в честь их общего с Филипповым покойного друга, оптинского иеромонаха Климента (Зедергольма). Старец Амвросий, предчувствуя свою скорую кончину и зная, кроме того, потребность Леонтьева в хорошем лечении застарелых болезней, благословил его переехать поближе к Москве, в Троице-Сергиеву Лавру, но наместник, о. Леонид (Кавелин), однажды уже отказавшийся приютить Леонтьева во вверенном ему монастыре (тогда, в 1873 г., это был подмосковный Новый Иерусалим),¹⁶³ вновь воспротивился. После неудачных поисков подходящей квартиры пришлось обосноваться в Новой Лаврской гостинице.

Прощаясь с духовным сыном, о. Амвросий утешал его: «Скоро увидимся».¹⁶⁴ Это оказалось пророчеством: 10 октября скончался старец, а 12 ноября от острой пневмонии умер в Сергиевом Посаде монах Климент.¹⁶⁵ О. Эраст (Вытропский) писал тогда Филиппову: «Усопший в мире К. Н. Леонтьев в последнее время — особенно смирил себя. — Переезд его в Лавру был в мое отсутствие, но, по странному недоразумению, снабдил его деньгами, на переезд, я (из средств о. Амвросия)».¹⁶⁶

¹⁶² РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 14—14 об. (копия о. Эраста). См. также: А. Н. <Никодим (Кононов), архим.> Старцы о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский... С. 615.

¹⁶³ См.: 6, 336.

¹⁶⁴ См.: Памяти Леонтьева. С. 138.

¹⁶⁵ От той же болезни скончался и о. Климент (Зедергольм). А в судьбе Леонтьева этот диагноз еще тем знаменателен, что именно на примере клинической картины острой пневмонии он описывал в книге «Византизм и Славянство» «триединый процесс развития».

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1599. Л. 1а об.

Немногие ученики, бывшие тогда рядом с Леонтьевым, сначала просто испугались — его было не на что хоронить. В Петербург к Филиппову полетели телеграмма и письмо.¹⁶⁷ Но тут же выяснилось, что Леонтьев незадолго до смерти успел получить пенсию за два месяца, небольшие средства были собраны и с помощью сочувствовавших знакомых. Отпевал Леонтьева о. Антоний (Храповицкий), ректор Московской духовной академии, в сослужении шестерых священников, но поскольку в день похорон была очень плохая погода, только один из них, о. Николай Толстой (вскоре перешедший в католичество), провожал его гроб из церкви в лаврском Доме призрения, где соборно совершилось отпевание, до могилы на кладбище Гефсиманского скита.¹⁶⁸ Начальница Дома призрения Е. С. Кроткова (Филиппов ее хорошо знал, а Леонтьев и просто прятельствовал с нею с юности), как и молодые друзья Леонтьева, в день его смерти дала телеграмму Филиппову, а вскоре послала и письмо с подробным рассказом о последних днях покойного.¹⁶⁹

17 июня 1892 г. Филиппов посетил могилу монаха Климента в Гефсиманском скиту,¹⁷⁰ после чего сделал в своем дневнике развернутую запись-размышление, где Леонтьев сопоставлялся с их давним оппонентом Иваном Аксаковым. На сопоставление наводило само сравнение их памятников (могила Аксакова находилась в самой Лавре, недалеко от Успенского собора).

«Могилка скромная с большим деревянным выбеленным крестом, на котором изображено имя покойного! Ему — если бы он мог свою могилу видеть — этого было бы мало: он очень любил славу и дорожил признанием его дарований. Но мне приятнее было смотреть на смиренный вид его могилы, чем на гордый памятник Аксакова, не соответственный

¹⁶⁷ См. с. 645—647.

¹⁶⁸ Толстой Н. Памяти инок Климента // *МВед.* 1916. 12 нояб. № 262. С. 3.

¹⁶⁹ См. Приложение 3 (с. 641—643).

¹⁷⁰ Сопровождал его туда тот же о. Н. Толстой.

размеру его заслуг и дарований, созданный не одною любовию, но и суетностию. Я не хотел бы этою заметкою ввести кого-нибудь в заблуждение, будто я не отдаю Аксакову должного; нет! я знаю цену его подвигу. Дело нешуточное держать — в роде сем прелюбодейном¹⁷¹ — знамя чистого учения, проповедовать святость и верховное достоинство Церкви; стоять за угнетенные преобразованием Петра священные начала. Но он был в полном смысле *страж* — не более того — отданного ему на сохранение духовного сокровища, к которому он не прибавил ни единого обода.¹⁷²

Между тем Леонтьев был мыслитель самобытный; он торговал своим товаром и жеванным никогда никого не кормил. Он был искренний и преданный служитель монархического начала, но чуждый катковских наемнических побуждений и неспособный воздать кесареви Божие. В свою очередь, при встрече в греко-болгарском вопросе начала церковного и племенного, он твердо стал за Церковь против болгарского народного мятежа, поддерживаемого Аксаковым, в исполнение заповеди — охранять Ее „от князь и от народа множества“. Вот почему он, как не сотворивший себе кумира, и не мог дожидаться, и не должен был ожидать шумного признания своих даров и заслуг и оскорбительных для христианского чувства воплей и рукоплесканий при его похоронах. Зато он не лишен был истинных и трогательных перед кончиною утешений в любви и глубоко уважении своих юных последователей, в восторженной оценке В. В. Розанова, в напутствии святого старца Варнавы.¹⁷³ По смерти его

¹⁷¹ Аллюзия на Мф. 12: 39; 16: 4.

¹⁷² Аксаков сравнивается здесь с «ленивым рабом» из притчи о талантах. Филиппов почти дословно вторит Леонтьеву, который в 1885 г. при подготовке сборника «Восток, Россия и Славянство» значительно расширил фрагмент, посвященный Аксакову в статье «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина». В достаточно комплиментарном фрагменте есть, однако, слова: «он приложил очень много своего труда к развитию подробностей прежнего учения, но едва ли прибавил что-либо свое к основам его» (7, 203).

¹⁷³ Преп. Варнава Гефсиманский — последний духовник Леонтьева, исповедавший и причащавший его перед смертью.

как-то сразу осветилось значение его деятельности, и теперь знаменитый Суворин уже не скажет про него, как прежде, „некто Леонтьев“». ¹⁷⁴

Свое «житейское попечение» о Леонтьеве в тот год Филиппов перенес на его «осиротевших учеников» — Анатолия Александрова и о. Иосифа Фуделя (последнему он помог вернуться из Белостока в Москву, а первому — возглавить журнал «Русское обозрение»). Благодаря Филиппову и еще немногим петербургским друзьям Леонтьева получили пенсии его вдова и племянница, ¹⁷⁵ иначе их существование не было бы обеспечено ничем.

Сразу по кончине Леонтьева Филиппов проявил беспокойство о судьбе своих писем. И немудрено: ведь в них давались столь нелестные оценки здравствовавшим в тот момент видным государственным деятелям (прежде всего, конечно, его могло беспокоить возможное обнаружение фрагментов о Победоносцеве). С просьбой о получении этих писем Филиппов обратился к Е. С. Кротковой. Та незамедлительно передала просьбу М. В. Леонтьевой, которая написала Филиппову 1 декабря 1891 г.: «Как только я имела возможность приступить к разборке писем разных лиц к покойному моему дяде Константину Николаевичу Леонтьеву, я нашла письма к нему Вашего Высокопревосходительства — все отобранные самим дядей. Согласно выраженному Вами госпоже Кротковой желанию иметь Ваши письма обратно, спешу переслать их почтою Вашему Высокопревосходительству в полной целости». ¹⁷⁶

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 15 об.—16. Имеется в виду заметка в рубрике «Среди газет и журналов», начинавшаяся словами: «Некто г. К. Леонтьев помещает в „Варшавском Дневнике“ уже вторую длинную статью...» (НВр. 1880. 24 июля. № 1581. С. 2).

¹⁷⁵ См.: 6, 672—673.

¹⁷⁶ ГЛМ. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 56 (на машинописной копии ошибочно поставлен 1892 г.). Полный текст письма см. в Приложении 3 (с. 645).

Итак, уже в 1891 г. Филиппову были посланы письма, отобранные Леонтьевым; другая, меньшая их часть (13 писем), осталась у М. В. Леонтьевой и в 1925 г. была подарена ею С. Н. Дурылину. В этой небольшой подборке оказались одни из самых интересных писем. Все они, за редчайшим исключением, посвящены теме Церкви.

Основной корпус писем Леонтьева хранился у сына Филиппова, Сергея Тertiевича. Начиная работу над собранием сочинений Леонтьева, о. И. Фудель обращался к племяннице писателя с просьбой написать С. Т. Филиппову и «просить у него писем К(онстантина) Н(иколаевича) к его отцу».¹⁷⁷ М. В. Леонтьева сообщила в ответ, что с этими письмами вышла какая-то путаница: за адресом младшего Филиппова она обратилась к А. М. Коноплянцеву (первому биографу Леонтьева), который, как потом выяснилось, утаил, что им уже были сняты копии. «Он просил меня, когда я их прочту, дать и ему на прочтение, но так как я, вероятно, сообщила ему ответ Серг(ея) Терт(иевича), то после этого он уже не упоминает о них».¹⁷⁸

Вот как, вероятно, обстояло дело. Коноплянцев мог познакомиться с этой перепиской через друга Леонтьева, К. А. Губастова. Именно Губастов еще в январе 1910 г. первым обратился к С. Т. Филиппову с просьбой предоставить письма для публикации в готовящемся сборнике «Памяти К. Н. Леонтьева» и «отчеркнуть места, не подлежащие к напечатанию».¹⁷⁹ 6 февраля сын Тertia Ивановича принес письма Леонтьева Губастову, который, просмотрев их, обнаружил, что некоторые обозначенные в описи рукописи отсутствуют. Он сразу же написал об этом владельцу архива:

¹⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 23 об. (на машинописной копии ошибочно поставлен 1892 г.).

¹⁷⁸ Там же. Л. 23 об.—24.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 3 об.—4.

«Я получил от Вас в исправности, согласно описи, письма за 1875—1886 года по № 1787¹⁸⁰ включительно.

Писем же за последние пять лет, 1887—1891 (№ 1857—3008), в связке, мне переданной, налицо не оказалось. <...> Зная порядок, царящий в Ваших бумагах, я не сомневаюсь, что Вы их найдете без труда и, при случае, передадите их мне».¹⁸¹

Очевидно, так и произошло. Письма были найдены, подготовлена их машинописная копия (вероятно, «список» именно с нее, сделанный для собрания сочинений, сейчас хранится в фонде Дурюлина в РГАЛИ;¹⁸² нельзя в то же время исключать, что Губастов просто передал свою копию о. Иосифу для работы). Однако публикация не состоялась (как не вышли по независящим от о. Иосифа обстоятельствам и тома писем в собрании сочинений), и лишь в небольшом предисловии к статье Конопланцева «Жизнь К. Н. Леонтьева» переписка с Филипповым была названа в качестве одного из источников, использованных при составлении биографии писателя.¹⁸³

Вероятно, в это же время и на той же машинке была сделана и копия писем Филиппова, но оказалась она впоследствии в другом архиве — в Отделе рукописей Государственного литературного музея,¹⁸⁴ причем подборку завершала копия письма к Филиппову М. В. Леонтьевой от 1 декабря 1891 г. (О письмах, оставшихся у М. В. Леонтьевой, Губастову и Конопланцеву не было известно, иначе, несомненно, они бы предприняли попытку сделать копии также и с них.)

В обоих комплектах копий множество опечаток, особенно во французском и греческом текстах и в словах, которые были непонятны копиисту (по-видимому, копии делались кем-то из малообразованных

¹⁸⁰ В архиве Филиппова существовала сквозная нумерация рукописей.

¹⁸¹ Там же. Л. 5—5 об.

¹⁸² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1023—1025.

¹⁸³ *Памяти Леонтьева*. С. 3.

¹⁸⁴ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 271.

подчиненных Губастова). Тем не менее, сопоставление с сохранившимися автографами позволяет оценить эти копии как весьма точно передающие особенности речевой личности авторов писем. Поэтому и в отсутствие автографов мы можем с большой долей уверенности полагаться на верность этих копий.

Из большой подборки, скопированной в начале 1910-х гг., в виде автографов сохранилось лишь 17 писем Филиппова (16 января 1876 — 8 марта 1891), расположенных не подряд. Они находятся в фонде Филиппова в РГИА.¹⁸⁵ Сюда же попал и чудом уцелевший, уже почти «угасающий» автограф письма Леонтьева от 16 марта 1882 г.¹⁸⁶

Еще несколько автографов оказались разбросанными по разным архивным фондам. Это письма Филиппова от 23 октября 1890 г.¹⁸⁷ и от 6 июля 1891 г.¹⁸⁸ В фонде Филиппова в ГАРФ находится пять писем Леонтьева, которые не были известны издателям сборника 1911 г.¹⁸⁹ Это тоже автографы.

Важное по содержанию письмо Филиппова от 3 октября 1887 г. сохранилось в копиях Э. К. Вытронского, сделанных тогда же для Леонтьева¹⁹⁰ и для Филиппова¹⁹¹ (Леонтьев переслал эту копию Филиппову со своей припиской).

Наконец, те самые, прибереженные М. В. Леонтьевой, 13 писем Филиппова (11 сентября 1885 — 29 мая 1890) отложились в фонде Дурылина в РГАЛИ.¹⁹² Здесь же сохранился конверт с надписью Дурылина:

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 4.

¹⁸⁶ Там же. Ед. хр. 39.

¹⁸⁷ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 270.

¹⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 63.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2084.

¹⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 53. Здесь же хранятся и копии писем Филиппова к Вытронскому.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2084. Л. 7—8 об.

¹⁹² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1035.

№ 1. 13 писем
52 стр.
почтового
формата

Письма Т. И. Филиппова
к К. Н. Леонтьеву
(оригиналы)
Подарок
(От М. Вл. Леонтьевой *мне*. 1925 г.).¹⁹³

Всего на сегодняшний день известно 209 писем. Несколько оказалось утрачено еще до того, как делались машинописные копии: ответы Леонтьева на письма Филиппова от 19 декабря 1880, от 8 и 28 апреля 1882 г., а также письмо — отклик на событие Первого марта; апрельское письмо Филиппова 1880 г. и сентябрьское 1889 г., ответ на письмо Леонтьева от 24 ноября 1884 г., а также ряд телеграмм. Большой временной разрыв существует между письмами Филиппова от 7 мая 1876 г. и Леонтьева от 11 ноября 1878 г. Майское письмо 1876 г. не предполагало ответа. Филиппов обещал написать о своих впечатлениях от «Византизма и Славянства», дождавшись «(среди лета) условного досуга» (с. 95). Вероятно, этого не случилось. Письмо 1878 г., судя по всему, написано после долгого перерыва (и на него тоже не последовало ответа), но нельзя исключать, что до или сразу после встреч в Петербурге в 1877-м и в начале 1878 г. какой-то обмен письмами все же мог происходить. Почти полугодовой перерыв предшествовал декабрьскому письму Филиппова в 1879 г. Пауза в переписке возникла также между 7 сентября 1881 и 22 февраля 1882 г. (помимо обычных трудов, Филиппов в это время был занят проектом церковно-приходских школ), а затем с декабря 1883 до середины сентября 1884 г. Не ответил Филиппов на письмо от 6 июля

¹⁹³ Там же. Л. 38.

1885 г., и возобновлению переписки помогло посредничество Вл. Соловьева.

Как уже было сказано, переписка использовалась Коноплянцевым при подготовке биографии Леонтьева, некоторые письма здесь обильно цитировались.¹⁹⁴ Дурылин приводил несколько цитат из писем Леонтьева к Филиппову в комментариях к автобиографическому повествованию Леонтьева «Моя литературная судьба».¹⁹⁵ Известные по публикациям Коноплянцева и Дурылина фрагменты воспроизведены и в «Избранных письмах» Леонтьева, изданных Д. В. Соловьевым (СПб., 1993), — книге, которая заслужила дурную репутацию как рекордсмен по неточностям и ошибкам. Ряд писем (в основном из того же набора) приведен и в монографии В. И. Косика.¹⁹⁶ Несколько публикаций было подготовлено Г. Б. Кремневым (ссылки на них даны в примечаниях к соответствующим письмам).

В последние годы мною был подготовлен ряд статей и публикаций с использованием материалов переписки Леонтьева и Филиппова,¹⁹⁷

¹⁹⁴ *Памяти Леонтьева*. С. 114—116, 118—119, 121, 124, 129—131, 133, 135.

¹⁹⁵ *ЛН. М.*, 1935. Т. 22/24. С. 473, 478.

¹⁹⁶ *Косик В. И.* Константин Леонтьев: Размышления на славянскую тему. М., 1997.

¹⁹⁷ Назову некоторые из них: 1) «Брат от брата помогаем...»: (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // *Нестор: Ежекварт. журн. истории и культуры России и Восточной Европы*. 2000. № 1. С. 165—205; 2) «Златая цепь единомыслия»: Церковь и мир в неизданной переписке Константина Леонтьева и Тертия Филиппова // *Новая Европа*. 2001. № 14. С. 104—113; 3) К истории Пушкинской речи: (Достоевский в неизданной переписке К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // *Достоевский: Материалы и исслед.* СПб., 2001. Т. 16. С. 330—342; 4) «Как быть с Соловьевым?»: «L'idée russe» в отзывах современников (по неизданным архивным материалам) // *Христианство и русская литература*. СПб., 2002. Сб. 4. С. 398—415; 5) «С Львом Толстым я не тягаюсь и не равняюсь»: (К теме «К. Леонтьев и Л. Толстой») // *Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания*. 2003. Вып. 20. С. 105—116; 6) Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты»: I. Переписка И. С. Аксакова и Т. И. Филиппова (1870—1885); II. И. Аксаков и К. Леонтьев. Цензорский доклад К. Леонтьева о сборнике «Взгляд назад» // *РА*. 2006. № 1. С. 115—146; № 2. С. 146—

активно использовалась она и в комментариях к Полному собранию сочинений и писем Леонтьева, но только теперь стало наконец возможным отдельное издание этого поистине уникального эпистолярного комплекса.

Письма печатаются по автографам и машинописным копиям с сохранением особенностей авторской орфографии; пунктуация приближена к современным нормам. Написания слов с прописной буквы не унифицируются, расхождения такого рода отражают авторские колебания и временные изменения. Свойственные Филиппову написания «Спб» и «СПБ» исправлены на общепринятое «СПб». Подчеркивания одной чертой переданы светлым курсивом, двойные подчеркивания — полужирным курсивом, подчеркнутое тремя чертами — прямым полужирным шрифтом. Опечатки в копиях исправлены без специальных оговорок.

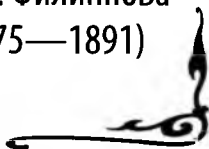
В Приложение 1 включены ранее не переиздававшаяся рецензия Леонтьева на книгу Филиппова «Современные церковные вопросы» и заметка Филиппова о Леонтьеве, напечатанная в «Гражданине», которая также не переиздавалась. В основном корпусе книги в качестве приложений помещены сохранившиеся хотя бы в копиях письма третьих лиц или к третьим лицам, которые пересылали друг другу для прочтения участники переписки (например, письма Леонтьева к Победоносцеву и Феок-

160; 7) Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян»: (Старец Амвросий и о. Климент (Зедеггольм) о богословских сочинениях А. С. Хомякова и Т. И. Филиппова) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 260—295; 8) Из предыстории переезда В. В. Розанова в Петербург: Письмо В. В. Розанова Т. И. Филиппову / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. О. А. Фетисенко // РЛ. 2006. № 4. С. 131—137; 9) Н. П. Гиляров-Платонов, Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев в их жизненных и литературных взаимоотношениях // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. статей и материалов. Коломна, 2007. С. 98—118; 10) Столп Церкви или новый Колпроним: К. П. Победоносцев *sub oculis* Т. И. Филиппова и К. Н. Леонтьева // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбилейной науч. конф., посв. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К. П. Победоносцева. СПб., 2007. С. 109—119.

тистову). Письма же, лишь упоминаемые корреспондентами, цитируются в комментариях; два текста (письма П. Е. Астафьева и преп. Исаакия Оптинского к Филиппову), не упомянутые непосредственно в переписке, но тесно связанные с ней сюжетно, публикуются в Приложении 2. Первое письмо дополняет раскрытую в переписке историю устройства Астафьева на службу в Московский цензурный комитет, второе важно как свидетельство многолетней связи Филиппова с Оптиной пустыней. Наконец, Приложение 3 составили письма к Филиппову, рассказывающие о последних днях и кончине монаха Климента (Леонтьева).

О. Л. Фетисенко

Переписка
К. Н. Леонтьева
и Т. И. Филиппова
(1875—1891)

8 декабря 1875 г.,
Петербург

1

Филиппов — Леонтьеву

Милостивый Государь
Константин Николаевич.

Ваша замечательная статья о «Греко-болгарской распре»¹ испытывает и замечательную судьбу. Катков от нее отказался;² С(анкт-)П(етер)-б(ургский) Славянский Комитет,³ несмотря на энергические заявления А. Ф. Бычкова и мои, не решился принять ее в Сборник, предназначенный для герцоговинцев,⁴ — не потому, однако, чтобы он находил Вашу статью неудобной по отношению к болгарам и вообще славянам, а потому что большинство членов Издательной Комиссии опасается дурного впечатления на правительство. — Почему это и откуда страх, — я понять не могу; но дело решено, однако, в том смысле, что статья в Сборник не пойдет. При таком положении дела я остановился на мысли предложить ее «Гражданину»,⁵ который возьмет ее с восторгом, если только Вам угодно будет на то согласиться. С нетерпением буду ожидать от Вас решения по этому делу, ибо нестерпима для меня мысль, что такого достоинства мысли, каковы Ваши, могут остаться похороненными. Даже то, что мне кажется в Вашей статье ошибкой, имеет свою цену, как обнаружение самобытного и вполне мужественного мышления.

Если Вы согласны на помещение в «Гр(аждани)не», то потрудитесь написать мне об условиях, — и так как Мещерский уезжает,⁶ то прошу не замедлить ответом. Ваше предположение пожертвовать гонорар в пользу герцоговинцев⁷ теперь связывать Вас не должно, после такого приема, который оказан Вашей статье присяжными печальниками восставших славян. Итак, ожидаю ответа. А как бы хотелось повидаться с Вами лично — трудно даже выразить.

В Вашем соседстве есть еще лицо, которое я желал бы видеть, или по крайней мере слышать о нем что-нибудь. Это знаменитый старообря-

Автограф неизвестен.
Машинописная
(далее: м/п) копия:
ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 1.
Впервые
(без последнего
абзаца):
7, 646—647.

дец, автор «Окружного писания», Илларион Егорович Ксенос.⁸ Убегая молвы, он поселился в Мосальском уезде на Готовских постоянных дворах у Семена Карпова,⁹ откуда и получил от него письмо от 10 июля 1874 г.,¹⁰ на которое и отвечал. Но дальнейшего ответа уже не имел.¹¹ Не можете ли Вы мне узнать о нем что-нибудь: где он? Как ему писать? и т. п. Быть может, Вы как близкий сосед Готовских дворов¹² могли бы иметь случай спросить у Семена Карпова, где живет его друг, к которому мне нужно писать. Помогите, если можете. Пишу к Вам как к близкому человеку, даром что никогда Вас не видел, ибо из писанного Вами ощутил духовное с Вами родство.

От всего сердца уважающий Вас Т. Филиппов.

СПб. 8 декабря 1875. Государственный Контроль.

¹ Леонтьев начал писать статью «Еще о греко-болгарской распре» в 1873 г. на о. Халки после завершения первой редакции книги «Византизм и Славянство», как дополнение к ней и к статьям «Панславизм и греки» и «Панславизм на Афоне». Подробнее см.: 7, 642—650. См. также: 6, 233.

² Статья была написана для «Русского вестника» и отправлена в редакцию в 1874 г. Здесь после долгого промедления она была сверстана для февральской книжки журнала за 1875 г. (см.: 7, 642), но в последний момент Катков отверг ее. Как признавался позднее Леонтьев, Катков «хотел непременно ее напечатать; но по разным редакторским расчетам медлил», автору же «наскучило ждать» (письмо к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 12 октября 1875 г.; цит. по: 7, 645).

³ Санкт-Петербургский Славянский комитет (с 1878 г. Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество) — общественная благотворительная организация, созданная в 1868 г. (в Москве Славянский комитет существовал уже с 1858 г.). См.: Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960.

⁴ Речь идет о сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (см. о нем во вступительной статье, с. 18). 24 декабря 1875 г. Леонтьев сообщал К. А. Губастову: «За Статью „О Болгарск(ом) вопросе“ шла в Комиссии издания Славянского сборника — долгая борьба. — Я слышался по этому поводу, по обычаю, много лестного, — и все не легче. — Филиппов, главный защитник ее, недавно написал мне, что все-таки ее не решились публиковать; — он просит моего разрешения отдать статью в *Гражданин*, „который примет ее с восторгом“?? Посмотрим!» (цит. по: 6, 645—646).

⁵ Статья весной уже побывала в редакции «Гражданина» (см.: 7, 644). Теперь же Филиппов, в начале октября забравший оттуда рукопись, предлагает свое личное ходатайство для ее возвращения в «Гражданин».

⁶ Мецкерский уезжал тогда в имение своего отца.

⁷ Ср. в письме Леонтьева к Бестужеву-Рюмину от 12 октября 1875 г.: «... Хотя у меня денег так мало, что не на что в столицу из деревни выехать, однако я все-таки рад пожертвовать статью на Герцеговинское восстание, денег не возьму, а прошу Вас передать кому следует, чтобы плату доставили от моего имени в Редакцию *Русского Мира* в общий сбор, который при этой газете открыт» (цит. по: 7, 645).

⁸ «Окружное послание» (24 февраля 1862), призывающее старообрядцев признать равночестность написания «Иисус» и «Исус», четвероконечного и восьмиконечного креста, благодатность священства Синодальной и Греческой Церквей и необходимость молитвы за Царя, было составлено И. Г. Кабановым (Ксеносом) и подписано несколькими архиереями Белокриницкой иерархии. Его появление привело к разделению старообрядцев-поповцев на «окружников» и «неокружников». В 1863 г. собор «окружников» вынес решение о разрыве с Белой Криницей. См.: Окружное послание (...) с приложением Устава и Омышления / Изд. Н. И. Субботина. М., 1893. О Ксеносе см.: *Кожевников В. Е.* Воспоминания о покойном Иларионе Георгиевиче, составителе Окружного Послания // Братское слово. 1885. № 17. 1 нояб. С. 441—462; № 18. 15 нояб. С. 514—532; № 19. 1 дек. С. 596—615.

Филиппов, по всей видимости, был сыном старообрядки (см. примеч. на с. 8). Отсюда у него интерес к расколу и глубокое знание его истории и современного положения. Незадолго до знакомства с Леонтьевым Филиппов выступил в Обществе любителей духовного просвещения с рядом чтений «О нуждах единоверия», вызвавших большую полемику (см. подробнее во вступительной статье, с. 13).

⁹ Имеется в виду С. К. Сальников (фамилия установлена по письму Н. Я. Соловьева к Филиппову от 19 мая 1878 г. — ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 3). О Готовских дворах (постоялых дворах д. Готово Мосальского уезда Калужской губ.) как старообрядческом центре см.: *Боченков В. В.* Годы и приходы. М., 2001. Ксенос был уроженцем Глотова.

¹⁰ М/п копия этого письма сохранилась в фонде М. А. Балакирева в РНБ (Балакирев был близким другом Филиппова). Приведем его начало:

«Твердый и непобедимый Поборник Истины, Третий Иванович.

Замечательнейшие статьи чтения Вашего в отношении клятв Московского собора 1667 года я почитаю, по совести и убеждению моему, вполне справедливыми и непреоборимыми. Они исполнены правоты, беспристрастного исследования, здравого рассуждения и светлого взгляда на вещи. Читать оные и слушать отрадно, сладостно и превозжеленно» (РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 1873. Л. 1). Филиппов получил это письмо через единоверческого священника Иоанна Тимофеевича Верховского, которому сообщал

14 августа: «... письмо Илариона Егоровича меня немало и тронуло. Человек большого ума!» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1140. Л. 39).

¹¹ Установить отношения с Кабановым (Ксеносом) Филиппову в дальнейшем помогал Н. Соловьев, живший в 1878 г. в Мосальске. В письме от 19 июня 1878 г. Филиппов благодарил своего корреспондента «за сведения об Иларионе Егоровиче» и высказывал следующую просьбу-совет: «Если Вам можно было бы съездить на Глотовские дворы и познакомиться с Иларионом Егоровичем, а через него и с другими тамошними старообрядцами, то очень могло бы случиться, что это знакомство навело бы Вас на какой-нибудь творческий замысел. Поводом Вы могли бы взять мою просьбу повидаться с ним и спросить его, нет ли какого-либо благоприятного в моем смысле движения в среде его единомысленных и известны ли ему последние обращения единоверцев в Св. Синод. И знает ли он мои рассуждения о Греко-Болгарском вопросе? Это было бы для меня чрезвычайно любопытно — узнать, как он взглянет на этот мой труд, который мог бы быть ему доставлен» (РГАЛИ. Ф. 463. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1—1 об.). Соловьев в письме к Леонтьеву от 3 июля 1878 г. дословно приводил этот ответ Филиппова, замечая в скобках по поводу наведения на «творческий замысел»: «ну это-то трудновато». Далее он рассказывал: «Как раз за несколько часов (до) получения этого письма приходил ко мне сей Кабанов — умная, нервная и неприятная физиономия — расспрашивал о Филиппове; на следующей неделе, управившись здесь, я побываю в Глотове и тогда буду писать Филиппову» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 54—55).

¹² Леонтьев владел имением Кудиново в Мещовском уезде Калужской губ. (сейчас — умирающая деревня Юхновского района).

2

Леонтьев — Филиппову

27 декабря
1875 г., Москва

27 декабря 1875, Москва.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Я третий день как в Москве¹ и спешу убедительно просить Вас, чтобы Вы известили меня двумя хоть словами — чем решилась судьба моя в «Гражданине»?² Я все ожидаю худшего и худшего!

Видно, что все эти уму непостижимые препоны не от людей, а от чего-то иного.

Пока я стою в Лоскутной гостинице Мамонтова на Тверской, № 89.³
Но, может быть, дня через 3-4 перееду в другое место, и потому вернее
бы писать на Тверскую же в гостиницу «Мир».⁴

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023. Л. 1.
Цитируется: 7₂, 647.

Душевно благодарный Вам за Ваше участие и искренно уважающий
Вас

К. Леонтьев. Ответ на п. 1.

¹ 29 декабря Леонтьев пишет Н. Соловьеву: «... я третий день в Москве. — В четверг или в пятницу уезжаю в Петербург — не знаю на сколько времени» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1016. Л. 8). Скорей всего, точен он именно в письме к Филипову. В рождественский сочельник Леонтьев писал из Калуги Губастову: «Я еду завтра в самый день Рождества в Москву, а потом, может быть, и в Петербург» (Там же. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 31). Леонтьев переживал тогда полное безденежье. В Москву он смог приехать на 150 рублей, присланных Катковым как аванс за новые главы романа «Одиссей Полихрониадес» (см.: Там же. Л. 31 об.). Безденежье сделало невозможным и задуманную поездку в Петербург.

² Речь идет об устройстве статьи «Еще о греко-болгарской распре».

³ Гостиница близ Воскресенской площади с Иверской часовней. Здесь Леонтьев уже останавливался осенью 1874 г. (до 1 октября). См.: 6₁, 72. В дальнейшем он еще несколько раз селился в «Лоскутной».

⁴ В гостиницу «Мир» (Старогазетный пер., д. 4), принадлежавшую обрусевшей француженке М. П. Шеврие, Леонтьев перебрался только 4 января 1876 г. См. в его письме к Н. Соловьеву: «... я остаюсь в Москве до февраля (...). — Я до сих пор по-неволе стоял в Лоскутной гостинице Мамонтова, но теперь в гостинице „Мир“ опростался № и я завтра перехожу туда» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 2). В этой гостинице Леонтьев впервые остановился в октябре 1874 г. См.: 6₁, 84; 6₂, 311, 325.

1876

2 января 1876 г.,
Петербург

3

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 2 января 1876 г.

Милостивый Государь
Константин Николаевич.

Поздравляю Вас с Новым годом и от всей души желаю Вам нового счастья, потому что старое никуда, как кажется, не годилось. И дал бы Бог, чтобы это новое счастье пошло с моей легкой руки. «Гражданин» взял Вашу статью с тем, чтобы печатать ее с первого же номера, и думаю, что это будет исполнено непременно.¹

Прочел я «Дитя души»² с большим удовольствием, зачитался так, что не мог заснуть, и кончил залпом в 6 часов утра; но решительно не знаю, какой бы журнал мог взять повесть такого содержания и направления. Если бы не некоторые сцены, то это было бы большим подарком для детей высшего возраста и с этою целью могло бы быть помещено в журнале Кашперовой.³ А теперь я пока в совершенном недоумении. И от чего это «Р(усскому) Вестнику» не взять бы Вашу повесть? То, что Вы печатаете там свое другое произведение, разве может препятствовать помещению этой?⁴

Подумайте сами: «Вестник Европы», «Отеч(ественные) Зап(иски)» — ну, как они примут Вас и как Вы к ним пойдете?⁵ А еще-то и нет ничего? «Гражданин» не может взять по недостатку средств. Если Вам угодно, я попытаюсь провести Вашу вещь в «Вестн(ик) Европы»; но прежде считаю долгом спросить на это Вашего разрешения.

Искренно уважающий Вас Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 2.
Цитируется:
3, 755; 7, 647.

¹ Речь идет о статье «Еще о греко-болгарской распре». Впоследствии редакция «Гражданина» отказалась от ее публикации.

² Сказочную повесть «Дитя души» Леонтьев закончил 14 ноября 1875 г. (см.: 3, 754). В сентябре он посылал первые главы Ф. Н. Бергу, обсуждая возможность опубликовать сказку в «Ниве» или в газете «Русский мир». Узнав об отказе, к Рождеству Леонтьев отправил рукопись Филиппову. Впоследствии это произведение было опубликовано в «Русском вестнике» (1876. Кн. 6. С. 571—645; Кн. 7. С. 197—271).

³ Речь идет о журнале «Семейные вечера».

⁴ Подразумевается роман-эпопея Леонтьева «Одиссей Полихрониадес. Воспоминания загорского грека», печатавшийся в «Русском вестнике» с 1875 г.

⁵ В «Отечественных записках» А. А. Краевского Леонтьев много печатался в 1855—1864 гг. С новой, некраесовской, редакцией у него действительно не могло бы наладиться никаких сношений.

4

Леонтьев — Филиппову

8 января 1876 г.,
Москва

8 января 1876, Москва.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Благодарю, благодарю Вас за Ваше участие! При свидании (в феврале, я надеюсь)¹ я Вам выражу мою благодарность живее, чем могу это сделать на бумаге. Я с Вами знаком несколько и *лично*; есть на свете один замечательный иеромонах (которого я не назову, чтобы Вы догадались сами); он учился с Вами вместе в молодости и вспоминает о Вас с теплотою сердечною.² Что касается до *умственной* симпатии, то я, конечно, никогда и не мог бы написать своих статей,³ если бы Ваши статьи,⁴ исполненные твердости и ясности, не придали бы и мне тех оснований, которых у меня не было; ибо я и теперь с церковными узаконениями почти не знаком, а писал, долго живя в Турции, *по инстинкту* и, так сказать, *по наглядности*... Мне прежде всего было противно видеть — как разважничалось это либеральное *хамье* болгарское противу Церкви, которой я *лично* верю и которую исторически чту.

Благодарю Вас за поздравление с Новым Годом. — Вы желаете, чтобы с Вашей легкой руки мои литературные дела пошли лучше, — дай Бог! Я только этого и желаю...

Однако сегодня я видел «Гражданин» от 5 января, и моей статьи там нет. Что же это значит? Я просто не понимаю!

Если статья еще не отпечатана, то не лучше ли будет приложить к ней и то *предисловие*, в котором я говорю о *герцеговинцах* и о том, что статья долго лежала в редакциях?⁵ Разумеется — *исключивши* теперь о том, что *вознаграждение* жертвуется *восставшим*. Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы устроили это, вычеркнувши сами то, что *нейдет*.

Есть уже около года еще 2 статьи мои в редакции «Гражданина». Князь и не печатает их и даже одну из них не возвращает мне, несмотря на то, что я просил об этом и послал даже прошлой весной *деньги на пересылку*! Он уехал тогда,⁶ а без него, несмотря на эти деньги, не выслали и, кажется, не могли отыскать даже статьи? Я говорю не об *афонских письмах*,⁷ а о статье «*Национальный психический характер русских, греков и юго-славян*».⁸

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023. Л. 1—2.

Цитируется: 6, 409;

7, 647, 714.

Жаль мне будет, если она пропадет от какого-нибудь недосмотра в редакции!

Не знаю, как бы мне ее достать. Если бы она пролежала у Вас до моего приезда в Петербург, я был бы покоен... Очень рад, что моя сказка Вам понравилась.⁹ О старообрядце еще раз писал в деревню.¹⁰

Ответ на п. 3.

Душевно преданный Вам К. Леонтьев.

¹ Поездка в Петербург не состоялась.

² Речь идет об иеромонахе Клименте (Зедегольме). Он учился с Филипповым на историко-филологическом факультете Московского университета (см. 6, 254; 6, 407—409). С 1874 г. их общение было прервано из-за расхождений во взглядах на старообрядчество. См. подробнее: *Христианство*. 5. С. 278—289. После кончины о. Климента Филиппов рассказывал о плодах этой размолвки в письме к гр. А. Г. Толстой от 7 мая 1878 г.: «Мне особенно горько то, что у меня сложилось к покойному какое-то не то что немирное, а какое-то очень уж равнодушное расположение: он был мне со-

всем как чужой! А некогда он находился со мною в очень тесном сердечном союзе» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1263. Л. 140 об.—141).

³ Имеются в виду статьи «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне», «Византизм и Славянство».

⁴ Статьи Филиппова «Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском экзархате» (Гр. 1872. № 23—28), «Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря», «Решение греко-болгарского вопроса» и др. вошли позднее в его книгу «Современные церковные вопросы» (1882). См. также с. 16.

⁵ Местонахождение этой рукописи неизвестно.

⁶ См. п. 1.

⁷ Статья (жанровую принадлежность этого произведения, впрочем, определить трудно) «Афонские письма» была впоследствии (1884) переработана, но оставалась неизданной. Опубликована посмертно в 1913 г. под названием «Четыре письма с Афона». В 1878 г. рукопись находилась у Филиппова (см. письмо Леонтьева к Н. Соловьеву от 7 декабря 1878 г.; РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 8—8 об.).

⁸ Имеется в виду первая редакция статьи «Русские, греки и юго-славяне», начало работы над которой восходит еще к 1873—1874 гг. (см.: 7, 713). Помочь вернуть рукопись Леонтьев безуспешно просил также Ф. Н. Берга и Н. Н. Страхова (7, 714). Затем рукопись оказалась у Вс. С. Соловьева, который 7 января 1877 г. писал Леонтьеву: «О „Психическом строе“ буду говорить с „Гражд(анином)“; но предупреждаю Вас, что они там не согласны с Вашими взглядами в „Византизме“» (цит. по: Там же). В конце концов, уже в новой редакции, статья была в 1878 г. напечатана в «Русском вестнике» (1878. № 2. С. 747—788).

⁹ См. п. 3.

¹⁰ Речь идет об И. Ксеносе. Вероятно, Леонтьев писал о нем М. В. Леонтьевой в Кудиново.

5

Филиппов — Леонтьеву

Милостивый Государь,
Константин Николаевич!

16 января 1876 г.,
Петербург

Видно, в самом деле Вам не везет. Статья Ваша ¹ была принята «Гражданином» безусловно, — правда, без предварительного рассмотрения в Редакции, просто, по кредиту ко мне. А когда Пуцыкович стал ее читать, то нашел в ней мнения, которые он от имени «Гр(аждани)на» пускать

Автограф:
РГИА. Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 4. Л. 3—3 об.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 3.
Впервые: 7, 648.

в оборот не решается.² Между тем статью ни изменять, ни сокращать нельзя, хотя бы Вы и дали на то право, или взяли бы это на себя. При таких обстоятельствах Кн(язь) Мещерский хотел, после объяснения со мною, предложить Пуцыковичу (нынешнему хозяину «Гр(аждани)на»), чтобы он пустил эту статью особо при одном из номеров «Гр(аждани)на». Теперь я жду ответа и о том, что будет, сообщу Вам.

Искренно уважающий Вас

Т. Филиппов.

Ответ на п. 4.

СПб. 16 янв(аря) 1876.

¹ «Еще о греко-болгарской распре».

² Вероятно, имеются в виду резкие высказывания Леонтьева о болгарях.

19 января 1876 г.,
Москва

6
Леонтьев — Филиппову

19 января 1876, Москва.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Я почти в одно и то же время получил из деревни сведения о Ксено-се и письмо от Вас, что моя статья встретила еще *новые*, неожиданные препятствия для появления в печати... О Ксеносе (чтобы не переписывать) я прилагаю здесь ту страничку в подлиннике, которая до него касается.¹ То, что касалось *не до него*, я зачеркнул. Особа, которая наводила о нем справки,² сама должна быть скоро в Калуге и не замедлит оттуда дать нам о нем известия. Что касается до статьи моей, то поверьте, что с моими статьями это не первый раз уже случается.³ Буду надеяться. Но попрошу Вас об одном только, — если уже ей суждено напечататься, то, пожалуйста, прибавьте к ней и мое предисловие, чтобы объяснить

ее запоздалость и т. п. вещи, которые Вы сами знаете. Разумеется — Вы потрудитесь сами вычеркнуть или изменить те места, которые касаются пожертвования, так как «Гражданин» денег не даст и жертвовать при всей доброй воле нечего будет герцеговинцам. — Но, может быть, «Гражданин», раз решившись печатать, согласится дать мне 50 оттисков. Больше ничего мне не нужно. Если же формат издания таков, что оттиски давать трудно, то пусть мне пожертвуют сколько возможно №№ «Гражданина», в которых будет моя статья. Я буду очень рад этому.

С нетерпением жду февраля: быть может, удастся наконец в Петербурге повидаться с теми людьми, которых так хотелось бы видеть!⁴

С сердечным уважением и искренней благодарностью за Ваше содействие остаюсь навсегда готовый к услугам

К. Леонтьев. Ответ на п. 5.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023. Л. 3.
Цитируется: 7, 648.

³⁴ Письмо не сохранилось.

³⁵ Вероятно, М. В. Леонтьева.

³⁶ Действительно, к этому времени многие произведения Леонтьева претерпели сходную судьбу (например, очерк «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве», отвергнутый Страховым в 1869 г.) или даже были вообще утрачены (как статьи, посланные И. С. Аксакову или тому же Страхову). Статья «Грамотность и народность» была напечатана Страховым только после особых и долгих настояний.

³⁷ Ср. в п. 8.

7

Филиппов — Леонтьеву

31 января 1876 г.,

Петербург

Милостивый Государь,
Константин Николаевич!

Для того, чтобы Вам устроить свою статью, нет других средств, как приехать в Петербург, на что есть и другие причины, а именно: я желал бы Вам передать одно предложение, — которое может быть Вам угодно было бы принять. Берг, редактор «Варшавского Дневника», пишет

Автограф: РГИА.
Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 4. Л. 1—2.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 4.
Цитируется:
7, 648, 760.

Ответ на п. 6.

мне,¹ что по проекту нового Положения о сем «Дневнике» редактор будет иметь помощника, которому содержание будет 2000 р. в год, без квартиры. Полагаю, что, кроме этого, будет построчная или полистная плата. Берг хотя немного скучноватый человек (много очень говорит), но с ним жить очень можно. Если бы это было Вам на руку, то потрудитесь меня уведомить; он обратился ко мне с просьбою указать человека, полагаясь на мой выбор. Приезжайте-ко! Познакомимся и побеседуем ктому не тростию и чернилом, но усты ко устам.²

Прошу принять уверением в моем глубоком уважении.

Т. Филиппов

СПб. 31 янв(аря) 1876 г.

¹ Письмо в настоящий момент не выявлено.

² Парафраз 3 Ин. 1: 13. Ктому — уже (ц.-сл.).

8

5 февраля 1876 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

5 февраля 1876, Москва.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Я получил 3-го дня Ваше письмо с предложением ехать в Варшаву, дал себе сутки на размышление и теперь отвечаю Вам на это вот что. Во-1-х, я Бог знает как дорого бы дал, чтобы Вы могли *видеть*, до чего *искренно*, до чего *глубоко* я тронут Вашими обо мне заботами и Вашей, так сказать, заочной дружбой. У меня были и есть друзья добрые и искренние, но не в литературном мире. Только в Вас и в Ф. Н. Берге¹ я встретил то, что меня так ободряет и трогает.² Если когда-нибудь увидимся и поговорим

по-старинному, не спеша, то я Вам расскажу о своей литературной судьбе³ вещи, которые Вас поразят... (а может быть, и нет — может быть, Вы, живя в Петербурге, видели столько несправедливостей и бездарности в мире печати, что Вас ничем не удивить!).

Теперь о деле. — Приехать сейчас в Петербург, верьте, никак не могу. Денег на это мог бы достать у Каткова рублей 200; но и то не совсем удобно, недавно брал у него.⁴ А расчеты у нас с ним особые: я по приезде в Россию оказался ему должным до 4000 р.;⁵ теперь после *Одиссея* (который был напечатан летом)⁶ осталось 2800, и Катков сам предложил впредь до погашения долга отдавать мне $\frac{1}{2}$, а $\frac{1}{2}$ употреблять на погашение долга. Так что мне ужасно трудно, и стыдно, и тяжело беспрестанно обращаться к нему за деньгами и путать счета, которые понемногу начинают очищаться. Впрочем, или на 2-й или на 3-ей неделе поста, или в апреле я постараюсь непременно побывать в Петербурге (я говорю *непременно* — настолько, насколько это от меня зависит). Я *ужасно* хочу сам Вас видеть, хочу видеть Берга, В. Ламанского, К. Н. Бестужева, Н. Н. Страхова!⁷ Но что делать! Жизнь учит терпению! *Варшавского дела* поэтому до личного свидания откладывать нельзя. А надо решить его на письмах. Я бы согласился (хотя и не с особенной радостью, потому что не могу себе ясно вообразить, *что это такое?*), если бы знал, что занятий мне будет немного и что я могу утром до 1 часу, до 2-х заниматься у себя серьезным умственным трудом (мне 45 лет и ночью я никогда не работал; а служа даже на Востоке — просителей и т. п. принимал с 12 часов; до 12 утром запершись — писал для себя) ... Писать для газеты без подписи имени — я, признаюсь, не люблю и считаю это тратой времени. Поэтому я немного боюсь этой должности и желал бы знать: 1) много ли у меня будет дела, 2) в какие часы и 3) какого рода дело... Если Вам не трудно — напишите об этом хоть приблизительно. А если трудно, оставьте. Я больше рад Вашему *расположению*, чем самому месту. Если можно заглазно это кончить и если можно заглазно же хоть приблизительно понять род и количество деятельности, которые будут

предстоять, то я, может быть, и приму это предложение. А нельзя ничего сделать на письмах и все надо кончить скоро — то, видно, *не судьба!* А решаться, не обсудивши все это, — будет ли благоразумно с моей стороны? Теперь, хотя у меня кроме небольшого имения,⁸ которое больше хорошенкья дача, чем доходная статья,⁹ и 600 рублей пенсии, из которой вычитают 200 в пользу кредиторов в Турции,¹⁰ — нет ничего верного, но зато я свободен, и начатого и конченного, но не *напечатанного* столько, что если я настойчиво буду преследовать начатые здесь в Петербурге дела, то через года полтора с *Божией помощью* и с поддержкой доброжелателей, подобных Вам и Ф. Н. Бергу, — положение мое будет, вероятно, иное. Одного *Одиссея* будет написано на 2000 рублей еще — если не больше, — это будет как *Gil-Blaze de Santillon*.¹¹ А этот труд требует большей свободы и большего внимания.¹² Слышу, все его хвалят больше, чем я ожидал (я свои маленькие *повести* больше люблю).¹³ В типографии Каткова печатаются теперь отдельным изданием мои «Повести и рассказы» *из жизни христиан в Турции*.¹⁴ Не знаю, когда мы их пустим — к *Пасхе* или осенью. Вернее, что теперь. Если будут статьи в «Русском мире»,¹⁵ «*Journal de S.-Petersbourg*», который всегда меня выхваляет,¹⁶ потом еще может быть в «Ниве», «Крутозоре» или «Гражданине»; у Каткова статьи, вероятно, будут;¹⁷ при таких условиях издание может пойти, я полагаю, недурно. Все зависеть будет, конечно, от редакции и критиков, что касается до публики, то я каждый день слышу похвалы *Одиссею*; королева Виртембергская — даже и та очень довольна...¹⁸ Да что королева Виртембергская, — такого рода дамам и маленькие мои повести давно уже нравились, ибо все они рады видеть что-нибудь совсем от *Гоголевины*¹⁹ нашей свободное. Нет, — Ив(ан) Серг(еевич) Аксаков, который за статьи мои о славянах²⁰ раз и еще за какую-то личную, свойственную мне (какую *Вам*²¹) смесь блудницы покаянной и искренней ханжи — не благоволит ко мне²² (он больше сам на честного полугерманского фарисея похож²³), и тот говорит: «прекрасно! не надо в Эпир²⁴ ездить!»

Сказку Катков также летом печатает.²⁵ Он даже не отказывается совсем и от нашей несчастной Болгарской распри.²⁶ Я говорю ему на днях: «что делать! я с повинной головой! Прошлого года отнял у Вас статью и не мог ее никак пристроить. Если немного изменить, сообразно с *текущими делами*, — возьмете опять?» Он же рече: «посмотрю, отчего же!» — И я в радости возвратился в дом мой.²⁷

Все это излагаю Вам, чтобы Вы, раз уже Вы хотите мне добра, могли бы взвесить все это и легче сообразить, — стоит ли мне удаляться в Варшаву? Если можно решить (приблизительно, как все решается на практике), что эти 2000 не расстроят всех *этих дел*, — то, разумеется, это будет хорошо и очень хорошо. А иначе как-то страшно и сомнительно.

Только ради Бога не обременяйте себя хлопотами, я боюсь этого! Я хочу *экономизировать* для будущего Ваше расположение и ту энергию, ту бдительность добра и приязни, которую я в Вас уже издали подозреваю. Не надоел бы я Вам вдруг — пока еще можно как-нибудь и без Варшавы обойтись, но помощь статьям и повестям и отдельному изданию в 10 раз нужнее. *Я ни к какой партии не принадлежу* — вот моя вина, вот мое несчастье, вот моя печать отвержения, — теперь я это понял и потому все надежды я должен возлагать на *отдельных людей, а не на кружки!* Еще вот что скажу (простите, ради Бога, что письмо так отвратительно длинно) — если дело о помощнике Н. В. Берга не очень спешно и если я при моих *оговорках* не гожусь для этого, — то не годится ли Вам другое лицо,²⁸ которого свойства и положение следующие: 1) ни куска хлеба верного, 2) учитель в школе при Николо-Угрешинском монастыре,²⁹ 3) менее 30 лет, 4) много ума, бездна энергии, мало познаний, языков иностранных ни бельмеса, но *замечательный талант* писать для сцены, 5) направление, меняющееся теперь все более и более к положительному и охранительному взгляду.

Дарование его признано и актерами,³⁰ но цензура решительно Бог знает *почему* не дает ему хода. Ничего, ничего вредного нет, напротив. Что же, если я не гожусь, то сделаем вместе доброе дело? Человек сфор-

мируется, может быть, под руководством Н. В. Берга, который и умен, и опытен, и, как все говорят, характера приятного. Только ему уж никак монастыря оставлять нельзя иначе как *наверное*. Это его единственное убежище. Надо, чтобы, в случае Вашего согласия, Вы на мой вкус положились бы так, как Берг на Ваш. Греха же не будет: он не по призванию послушником, а по нужде. В заключение письма прошу Вас выслать мне статью мою о *Болгарской* распре, а если можно, то и те две, которые князь Мещерский, по словам его, передал *Ф. Н. Бергу*.³¹ Ах! этот князь Мещерский! Прилагаю на пересылку 1 р. (я думаю, довольно?). Быть может, Богу угодно, чтобы они *измененные* здесь напечатались.

Позвольте мне крепко, крепко Вас обнять и прошу Вас не изменяться к сердечно признательному Вам К. Леонтьеву.

Р. S. Пожалоста, если увидите *Ф. Н. Берга*, передайте ему, что очерк для «*Русского мира*» наполовину уже готов и чтобы он приберег ему место в газете.³² Я, кажется, теперь понял, *что* им нужно. Нужна некоторая отрывочность, делимость.

Еще Р. S. Сейчас ушли от меня два человека — Аверкиев и еще другой;³³ я сказал им, что есть *такое-то* место в Варшаве; они уговаривают ехать и уверяют, что газета мала и что дела будет так мало, что легко будет продолжать серьезные занятия для г. Каткова. В этом и весь вопрос; незнание условий этого труда и причиняет мое колебание. Буду ждать Вашего ответа на этот вопрос.

НВ. Я не понимаю, что я могу сделать в Петербурге лично для моей статьи, когда *Вы* не могли пристроить ее?

Еще два слова.

Не судьба этому письму кончиться!

1) Эта должность в Варшаве не лишит ли меня *пенсии*, которую я получаю? Если она казенная?

2) Пожалоста, если можно, сделайте Ваши строгие замечания и возражения *на статью*, отправляя ее мне. Мне это будет очень нужно и полезно.

Ответ на п. 7.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023. Л. 4—8.

¹ О Ф. Н. Берге, с которым познакомился в редакции «Русского вестника» в 1874 г. (см.: 6, 82—84), Леонтьев писал К. А. Губастову 15 января 1875 г.: «...большой почитатель моих сочинений, имеет их в особенном переплете и личный мне друг после краткого знакомства в Москве» (цит. по: 6, 319).

² См.: 6, 78, 83; 6, 322—323.

³ Формулировка «литературная судьба» возникла у Леонтьева на рубеже 1874—1875 гг., когда он впервые с особой силой ощутил «странность» и ненормальность своего положения в литературе. В это время им были начаты автобиографические записки под названием «Моя литературная судьба».

⁴ См. примеч. 1 к п. 2.

⁵ См. 6, 87, 234, 235; 6, 385.

⁶ Летом 1875 г. в «Русском вестнике» была напечатана первая часть романа, под названием «Мое детство и наша семья (Воспоминания Одиссея Полихрониадеса, загорского грека» (РВ. 1875. № 6. С. 536—605; № 7. С. 199—265; № 8. С. 489—549).

⁷ С В. И. Ламанским Леонтьев познакомился и два месяца тесно общался в начале 1860-х гг. во время своей «ссылки» в Буюк-Дере (после увольнения с должности секретаря Критского консульства). См. об этом в письме Ламанского к И. С. Аксакову от 8 октября 1875 г. (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 90 об.; благодарю А. П. Дмитриева, указавшего мне на это письмо). С Бестужевым-Рюминым и Страховым Леонтьев был знаком еще с начала 1860-х гг.

⁸ См. примеч. 12 к п. 1.

⁹ См.: Леонтьева М. В. Отрывок из воспоминаний. (Как проводил время К(онстантин) Н(иколаевич) в Кудинове) (6, 116—136).

¹⁰ Леонтьев остался много должен янинским кавасам (охранникам консульства) Яни Папасу и Тодори.

¹¹ Леонтьев сравнивает свой замысел — по объему — с плутовским романом А.-Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантьяны» (1715—1735).

¹² Об этом же значительно подробнее говорится в записках «Моя литературная судьба» (6, 73—75).

¹³ См. об этом в письмах к Вс. С. Соловьеву: 3, 709—710. «Маленькие повести» — повести «Хризо», «Пембе» и др.

¹⁴ В первые два тома «Из жизни христиан в Турции» вошли повести «Хризо», «Пембе», «Аспазия Ламприди» и др.

¹⁵ Ожидания Леонтьева оправдал Вс. Соловьев, тогда штатный литературный критик «Русского мира», посвятивший новой книге одно из своих обозрений «Современная литература» (1876. 25 апр. № 112. С. 2). До этого в «Русском мире» о Леонтьеве уже писал В. Г. Авсеенко (А. О. (Авсеенко В. Г.) Очерки текущей литературы // Русский мир. 1875. 11 июля. № 96. С. 1—2).

¹⁶ Действительно, вскоре здесь появилось обозрение М. А. Загуляева с благоприятным отзывом о новых главах романа «Одиссей»: L. V. (Загуляев М. А.) Les revue rus-

ses // Journal de S.-Petersbourg. 1876. 29 fevr. № 56. P. 2 (см.: 4, 957). Газета в свое время откакалась на «греческую повесть» Леонтьева «Аспазия Ламприди». См.: 3, 744.

¹⁷ «Московские ведомости» поместили посвященную Леонтьеву «Литературную заметку» В. С. Неклюдова (1876. 24 апр. № 100. С. 4).

¹⁸ Об отзыве королевы Вюртембергской Ольги, дочери Императора Николая I, Леонтьеву мог сообщить, скорее всего, Неклюдов.

¹⁹ Ср.: 6, 73. Еще в 1863 г. Леонтьев писал: «Вышло так, что реализм и объективность у нас приняли характер особенно отрицательный. Полагалось, что у нас быть верным жизни — значит насмешливо смотреть на нее. (...) ...большая верность жизни, почти всегда *равенство ей* по содержанию, верная до кропотливости обработка характеров, любовь к мелочам (...) благоговение перед реальным фактом, большая или меньшая воздержанность от лиризма и личного увлечения, перевес комизма над трагизмом; обязательность некоторых юмористических приемов, более робкое обращение с положительной стороной жизни, чем с отрицательной, насмешливость (...) совершенное забвение (...) мистического, сверхчувственного, восторженного, величавого, слабость лирического элемента» (цит. по: 6, 312—313). Простой пример самоуничтожительной «гоголевщины» в речи, который подмечает Леонтьев: употребление слова «захолустье» вместо «провинция» (см.: 7, 88).

²⁰ Аксакову нравились статьи Леонтьева о панславизме, но уже «болгарские» главы «Византизма и Славянства», прочитанные им в рукописи, раз и навсегда оттолкнули его от Леонтьева — политического публициста.

²¹ Леонтьев подчеркивает «Вам», чтобы показать, что перед Аксаковым он ничуть каяться не намерен. Ср. в «Моей исповеди» (1878) по поводу сложных отношений с Катковым: «Смирение мысли перед Церковью дело иное; высокое — *смирение моей мысли перед умом Каткова невозможно*, а продавать мои убеждения я не могу, не умею ...» (6, 238).

²² См. подробнее: Фетисенко О. Л. К. Леонтьев и Ив. Аксаков о двух типах христианства // РЛ. 2008. № 3. С. 129—140. Позднее Леонтьев будет говорить о себе: «Я — плачущая свинья» (см. п. 98 и запись в дневнике И. Л. Леонтьева-Щеглова от 27 июня 1891 г.: «КН. — Я — *плачущая свинья*». — ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова. № 1419, ч. 1. Л. 25).

²³ Ср. в письме к Губастову от 24 декабря 1875 г.: «Аксаков оказался пока довольно неприятным Фарисеем» (цит. по: *Фанариоты*, 2. С. 120).

²⁴ Эпир (область на западе Греции с центром в г. Янина) — основное место действия в романе «Одиссей Полихрониадес».

²⁵ См. примеч. 2 к п. 3.

²⁶ Подразумевается статья «Еще о греко-болгарской распре».

²⁷ «... Возвратился в дом свой» — парафраз Лк. 1: 56. «Он же рече» — также стилизация под устойчивый оборот евангельских повествований.

²⁸ Далее речь идет о Н. Соловьеве, с которым Леонтьев познакомился осенью 1874 г. в Николо-Угрешском монастыре (см. след. примеч.).

²⁹ Николо-Угрешский монастырь основан в 1380 г. св. благоверным князем Дмитрием Донским на месте явления чудотворной иконы св. Николая Чудотворца. В XIX в. этот процветающий общежительный мужской монастырь в шести верстах от станции Люберцы имел одиннадцать храмов, училище для мальчиков (где и преподавал в сер. 1870-х гг. Н. Соловьев), гостиницу и странноприимный дом. Леонтьев поступил сюда послушником осенью 1874 г., привлеченный настоятелем, архимандритом Пименом (Мясниковым), с которым познакомился летом в Москве. Однако отношения с о. Пименом у Леонтьева не сложились (слишком разительным был контраст с афонскими и оптинскими старцами), да и жизнь в монастыре сразу обернулась для него с самой суровой стороны (см.: 6, 238—242; *Памяти Леонтьева*. С. 217). Летом 1875 г. Леонтьев, по благословению старцев Макария Афонского и Амвросия Оптинского, окончательно оставил Угрешь. Тесное общение с Н. Соловьевым, завязавшееся в монастыре, продолжилось и в дальнейшем. Леонтьев всеми силами помогал ему выйти на самостоятельную дорогу; познакомил его с А. Н. Островским, а в дальнейшем способствовал и «эмансипации» молодого драматурга от Островского. См.: *Дунаева Е. Н. Островский в переписке Н. Я. Соловьева и К. Н. Леонтьева* // АН. Т. 88, кн. 1: А. Н. Островский. Новые материалы и исследования. М., 1974. С. 568—575; *Данилова А. С. Островский и Н. Я. Соловьев в работе над пьесой «Светит да не греет»* // Там же. С. 499—510.

³⁰ Леонтьев к этому времени познакомил Н. Соловьева с актером И. В. Самариным (см. п. 12).

³¹ Т. е. для публикации в газете «Русский мир». Речь идет о статьях «Афонские письма» и первой редакции статьи «Русские, греки и юго-славяне».

³² В это время обсуждалась возможность публикации в «Русском мире» повести «Сфакиот», которая впоследствии была напечатана в «Русском вестнике» (1877. № 1—3).

³³ Вторым посетителем Леонтьева был, скорее всего, друг Д. В. Аверкиева — А. Н. Антропов (ср.: 6, 800).

9

Филиппов — Леонтьеву

Милостивый Государь
Константин Николаевич.

10 февраля
1876 г., Петербург

По недосугу отвечаю только на самонужнейшее: 1) В Варшаву Вам ехать не следует. Ваши настоящие занятия (ради Иисуса, а не хлеба куска)

пострадают существенно от должностных занятий по редакции. Бергу я уже дал знать, чтобы он на Вас не рассчитывал, а обратился бы к другому лицу (К. А. Заруцкому),¹ который был бы для него находкой, если бы только пошел к нему. Газета ежедневная.

2) Греко-болгарскую статью Вашу и другие, находящиеся у «Гр(аждани)на»,² постараюсь выручить сегодня же. Присланный Вами рубль есть церемония, это все равно, что, ехавши к кому-нибудь в гости, захватить с собою графин воды из боязни ввести хозяина в убыток. Другое дело большие деньги, и я от души желаю Вам поскорее очистить Ваши счета с Катковым: долги — это неволя.

3) Когда будут в свет Ваши сочинения, я тряхну стариной и сделаю о них отзыв.³ Все, что Вы пишете, очень занимательно. Аксаков прав, когда говорит, что читавшему «Одиссея» нет нужды ездить в Ипир.⁴ Я бы желал услышать от Вас «пространнее» (рцы нам еще пространнее⁵), что разумеете Вы под «гоголевщиной»: включаете ли Вы в этот термин и его самого, или же только его эпигонов?

4) Аксакова фарисеем нельзя назвать ни в каком смысле, по моему мнению. Беда его и его друзей в том, что они не ставят правды выше своих сложившихся и для них как бы обязательных мнений. Есть точка, дойдя до которой, и они, забыв истинного Бога, становятся на колени перед своим умотворным кумиром.

5) Ваше присутствие в Питере было бы полезно и даже необходимо, если бы статьи Ваши печатались в «Гр(аждани)не». Пуцыкович требовал изменить; кто же кроме Вас самих мог взять на себя эти изменения? Статья такая цельная, как будто это не рассуждение, а художественное создание. Чужая рука, если бы и была на это уполномочена, могла бы очень повредить ее достоинству. Возражения я не пишу, а когда она появится в печати, тогда непременно выду ей навстречу.⁶

6) Людям, живущим идеею, не нужно знать друг друга в лицо, чтобы любить друг друга. Разлученные телесы, совокупленные же духом.⁷

Обнимаю Вас.

Сердечно преданный Вам Т. Филиппов.

СПб. 10 февраля 1876.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 5.
Цитируется: 7, 649.

Ответ на п. 8.

¹ Кир Заруцкий — сотрудник «Гражданина», писавший на церковные темы (см.: 6, 334, 343), по взглядам был близок Филиппову. Леонтьев познакомился с этим публицистом у Аксакова (см.: 6, 116).

² В редакции «Гражданина» находились «Афонские письма» (см. примеч. 6 к п. 4) и первый вариант статьи, названной впоследствии «Русские, греки и юго-славяне».

³ По-видимому, это намерение осталось неосуществленным.

⁴ Ипир — Эпир (см. примеч. 24 к п. 8). Филиппов придерживался в греческом языке «византийского» произношения, отражая это и в орфографии.

⁵ Цитата из чина епископской хиротонии («... Како веруеши? Рцы нам пространнее»).

⁶ Намерение не было исполнено.

⁷ Измененная цитата из первой стихиры «на Господи воззвах» на праздник свв. Апостолов Петра и Павла: «Киими похвальными венцы увязем Петра и Павла, разделенныя телесы и совокупленныя духом...»

10

Леонтьев — Филиппову

3 марта 1876 г.,
Москва

3 марта 1876, Москва.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Христос Воскресе!

Я сегодня же послал Вам два тома моих повестей,¹ напечатанных в типографии Каткова, послал через Ф. Н. Берга.² Прочтите их, когда будет Вам время, и подумайте обо мне, которому в Петербург теперь нет никакой возможности приехать.³

Теперь я могу наконец *речь несколько пространнее* (по желанию Вашему)⁴ о Гоголе и Гоголевщине. Прежде всего, сознаюсь — не помню, по поводу чего именно я упомянул об этом. Не по поводу ли сравнения *Одиссея* с небольшими моими повестями? Если это так, то скажу теперь вот что. Я различаю *реализм формы от реализма содержания*.⁵ Таким образом Толстой (Лев) реалист по приемам, по форме, но идеалист по направлению. С другой стороны, *Лукреция Флориани* Ж. Санда⁶ не имеет в содержании, *в духе* своем христианского идеализма; но *форма*, приемы этого прекрасного произведения вовсе чужды реалистической мелочности описаний, той *грубой выразительности*,⁷ которая свойственна почти всем без исключения нашим русским писателям, а из французов — Бальзаку, напр(имер), и Эмилю Зола (и здесь опять-таки разница — Бальзак скорее католик, консерватор, т. е. идеалист по духу; Зола — революционер; но по форме оба схожи с этой точки зрения).

У нас не имеет этой *грубой выразительности* — только Пушкин в «Капитанской дочке» и др(угих) повестях, а из новейших только М. Вовчок в первых прекрасных своих произведениях⁸ (ее потом нигилисты испортили; но и то не в форме, а в содержании). После *гениальной грубости* Гоголя — все наши писатели просто разучились писать, как бы это так выразиться... *просто, кратко, благоуханно*.

Я большой поклонник Льва Толстого, но и он той же школы, того же стиля; только всех других даровитей и всех других предшественников своих, поместившихся между Гоголем и им, — положительнее, изящнее по внутреннему духу, по содержанию.

Чтобы еще было яснее, я скажу, что великий писатель нашего времени, совсем оригинальный, был бы тот, у кого манера первых повестей М. Вовчка (лирическая, нежная, душистая)⁹ соединилась бы с содержательностью и силой «Войны и мира» и «Карениной».

В этом-то смысле мне и мои собственные попытки на этом пути возврата к душистой старинной простоте стиля (напр(имер), «Хризо»,

«Хамид и Маноли» и т. п.)¹⁰ больше нравятся, чем «Одиссей», более, так сказать, в угоду дурным привычкам публики написанный.

Одиссей грубее, мелко выразительней. Вот что я этим хотел сказать.

Болгарская статья моя все еще лежит недочитанная на столе Каткова! Видно, ей не судьба.¹¹

Позвольте мне пожелать Вам всего хорошего и еще раз хоть заочно похристосоваться с Вами.

Дай Бог Вам праздник встретить здоровым и веселым и не забывать меня. Я же скоро еду в деревню. Все нездоров.

Остаюсь навсегда душевно признательный Вам за Ваше теплое участие К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023. Л. 9—10.

Цитируется: 6, 313,
291; 7, 649, 313.

Ответ на п. 9.

¹ Имеются в виду только что вышедшие первые тома сборника «Из жизни христиан в Турции».

² Берг, видимо, послужил посредником и позднее, когда вышел третий том восточных повестей. Ср. в письме Леонтьева к Вс. С. Соловьеву от 15 января 1877 г.: «Я послал Фед(ору) Никол(аевичу) Бергу целый ящик с 3-им томом моих повестей для рассылки доброжелателям (...). — И дал даже на это 3 рубля серебр(ом) комиссионеру за труды. — Но Федор Никол(аевич), при всем своем расположении ко мне, почему-то думает, что быть небрежным в этого рода делах — ничего и что редактору некогда заниматься подобными делами для отсутствующих друзей. — Поэтому — я прошу Вас, возьмите у него из ящика свой экземпляр и если можете — распорядитесь и помогите, чтобы комиссионер и всем другим по назначению (т. е. по надписям) разнес» (РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 50—50 об.).

³ Леонтьев смог приехать в Петербург только в январе 1877 г. См. подробнее во вступительной статье (с. 19).

⁴ См. п. 8. Цитату, употребленную Филипповым, возможно, Леонтьев и не rozpoзнал. См. примеч. 5 к п. 9.

⁵ Одна из важнейших идей Леонтьева — литературного критика.

⁶ «Лукреция Флориани» (1846, рус. пер. 1847) — роман Ж. Санд. См.: 1, 469; 6, 64; 6, 351.

⁷ Выражение заимствовано из статьи П. В. Анненкова «„Дворянское гнездо“. Роман И. С. Тургенева». Ср.: «... образы главных действующих лиц написаны автором далеко не с тою грубою выразительностью, которая совершенно освобождает зрителя от труда составлять о них мнение...» (РВ. 1859. Т. 22, авг., кн. 2. С. 523). Леонтьев использовал эту микроцитату уже в статье «Письмо провинциала к г. Тургеневу»:

«...Герои ваши здесь, как справедливо выразился г. Анненков, представлены не с *грубой выразительностью*» (Леонтьев К. Н. Собр. соч.: (В 9 т.). М., 1912. Т. VIII. С. 5). Это «хорошее выражение П. В. Анненкова» Леонтьев вспоминал и в письме к Н. Н. Страхову от 12 марта 1870 г. (РНБ. Ф. 747. Ед. хр. 17. Л. 23 об.).

⁸ Ср.: «У М. Вовчка — тогда не было и следа нашей мужской грубости, того юмора, *de mauvais-aloi* (дурного пошиба, *франц.*), к(оторому) мы до сих пор почти все подчиняемся. (...) ... 1-е ее вещи следует признать несравненно более классическими, чем, напр(имер), тургенев(ские)» (6, 55—56); «... Она как-то сумела избавиться от общего топорного пошиба нашей мужской литературы. — Талант ее был не богат, и ее слишком скоро испортили нигилисты, внушившие ей *направление*; но первые маленькие произведения ее верх совершенства» (6, 127). «... У М. Вовчка, — писал Леонтьев Страхову 12 марта 1870 г., — проявилась хотя бы и мельком, — пока ее не испортили — эпическая ясность и непритворная теплота...» (цит. по: 6, 351). Леонтьев посвятил этой писательнице статью «По поводу рассказов Марко-Вовчка» (ОЗ. 1861. Т. 135, № 3. Отд. III. С. 1—37; см. также: Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 17—63).

⁹ В цитированном выше письме к Страхову Леонтьев рассуждал о том, что «нужен поворот» «к лиризму, к высокой *несложности* изображения, к *чертам* простым, широким и свободным (...) к *благородной бесцветности*» (цит. по: 6, 351, 291).

¹⁰ «Хризо» — повесть «из критской жизни», написанная в 1864—1868 гг. и впервые опубликованная в «Русском вестнике» (1868. Т. 76, № 7. С. 24—80); «Хамид и Маноли» (1869) — повесть, впервые опубликованная в журнале «Заря» (1869. Кн. 11. С. 4—28).

¹¹ Статья «Еще о греко-болгарской распре» так и не была напечатана Катковым.

11

7 мая 1876 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 7 мая 1876.

Милостивый Государь,
Константин Николаевич!

Не судите меня строго за мое долгое молчание и не вмените мне в добровольную вину того, что я до сих пор не поблагодарил еще Вас за два подарка.¹ Я совсем растерялся от множества и разнообразия работ, которые довели меня до потери половины моего ума. «Византизм

и Славянство»² я прочитал с большим удовольствием и вниманием и встретился в этом рассуждении с большим количеством новых для меня мыслей, которые задали работы не мало моему уму. Когда дождусь (среди лета) условного досуга, перечитаю еще раз Вашу книгу и тогда напишу Вам о моих впечатлениях. Среди моих знакомых сложилось два противоположных мнения: одни хвалят, другие порицают. Это во всяком случае хорошо; ибо горе вам, аще добре рекут вам вси человеци.³

А до повестей Ваших еще и не касался; отдам пока читать детям. Пишу только для того, чтобы Вы не оставались в недоумении.

Искренно уважающий Вас и преданный

Т. Филиппов.

Автограф: РГИА.

Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4. Л. 4—4 об.

М/п копия: ГЛИМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 4.

¹ Имеется в виду собрание повестей «Из жизни христиан в Турции» и оттиск «Византизма и Славянства» (см. след. примеч.).

² В конце февраля 1876 г. с большим опозданием наконец вышла третья книга «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» за 1875 г. и отдельные оттиски напечатанной в ней леонтьевской статьи. 26 апреля оттиски были отправлены в Петербург (см.: 7, 672—673).

³ Ак. 6: 26.

1878

12

Леонтьев — Филиппову

11 ноября 1878 г.,

Козельск

11 ноября 1878 года. Козельск, дом Иноземцовой.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Н. Я. Соловьев в первом своем письме из Петербурга¹ написал мне, что Вы по-прежнему «готовы для меня сделать все, что от Вас зависит» (так он выразился),² а в последнем сообщает, что Вы уже написали обо

мне Ону и советуете самому мне сделать то же.³ Я ни на минуту не сомневался не только в Вашем желании, но и в Вашем *умении* сделать для меня все, что Вам доступно. Я именно настаиваю на слове *умение*, ибо у меня по России и в самом Петербурге найдется довольно много людей, имеющих ко мне довольно искреннее, но слишком уже платоническое и бесплодное расположение. Есть и такие, которые даже негодуют то на русское общество за то, что оно чего-то во мне не видит, то на Каткова, что он мало денег мне платит, то на Министерство Иностранных Дел, что оно посерьезнее не взглянет на ту пользу, которую оно могло бы извлечь из меня, — негодуют и не сделают и шагу с своей стороны для улучшения того, что возбуждает в них негодование. Я вспоминаю при этом слова К. А. Губастова: прошлой зимой Ф. Н. Берг расспрашивал меня о Соловьеве и о том, как я розыскал его в Угрешском монастыре, как я вставал нарочно ранее обыкновенного, чтобы застать актера Самарина, как я познакомил его (Соловьева) с Островским,⁴ с которым сам не был знаком, и т. п. Берг хвалил меня за это, а Губастов воскликнул: «да, я знаю очень много русских людей, но только у двух из этих русских я видел способность действовать в пользу другого бескорыстно для одной *идеи* — один это Т. И. Филиппов, а другой — вот Леонтьев». И я, по правде сказать, с этим согласен: у меня это есть и для этого я нередко обнаруживал гораздо более сметливости и усердия, чем для каких-нибудь личных житейских интересов. Поэтому-то я верю Вам вполне и, несмотря на то, что личных отношений близких и сердечных не могло еще между нами образоваться при краткости наших свиданий и бесед, — я гораздо больше полагаюсь на Вас и Вашу искренность, чем на содействие моих личных и старых друзей, пребывающих в той платонической симпатии, на которую я выше жаловался.

Боюсь только, нет ли какого-нибудь *fatum'a* или, правильнее сказать, «Промысла», мешающего моему возвращению на службу.⁵

Прошлого года, напр(имер), обстоятельства были довольно благоприятны. Князь Горчаков, в лицо меня никогда не выдавший, но *очень*

довольный, заглазно так сказать, моей службой в Тульче и Янине⁶ (довольный тем более, что это в 68—69—70 годах эти два поста были совершенно противоположны по духу своему — в Тульче надо было быть весьма деятельным и предприимчивым,⁷ а в Эпире в то время очень сдержанным «миротворцем»,⁸ и я в обе роли вошел с таким успехом, что благодарности, заочные комплименты и награды⁹ сыпались на меня из Царьграда и Петербурга), — князь Горчаков, говоря я, тотчас же сказал Гирсу, чтобы подыскать мне место и позднее еще весной (так писали мне из Аз(иатского) Департамента) выразился про меня очень выгодно.¹⁰ Игнатъев предлагал мне, как Вы помните, вероятно, губернаторство в Болгарии;¹¹ Жомини всегда говорит мне любезности;¹² Вы ездили к Гамбургеру и Гамбургер обещал Вам дать мне место.¹³ Ону, который тогда был в особой силе, мне приятель и единомышленник по многим вопросам: мы с ним были и тогда в переписке, и ему хотелось, по-видимому, пристроить меня в самом Константинополе.¹⁴ И что ж? Игнатъев *на другой же почти день* после разговора со мной был послан в Вену и, возвратившись, сошел со сцены.¹⁵ Сошел со сцены *именно тот* человек, который из всех высших деятелей Министерства знал меня хорошо и лично как чиновника, и который при всех недостатках своих менее всех других гонится за второстепенными и формальными вопросами при выборе людей! А я *почти в то же время* простудился и *пролежал* в Любани безвыездно весь Великий пост.¹⁶ Это не судьба? Другой пример: я верю, что Ону был бы не прочь видеть меня в самом Константинополе, но так как по-турецки я хорошо не знаю, то трудно меня было сделать вторым драгоманом, а надо было придумать какую-нибудь особую комбинацию; Ону по своим делам собирался в Петербург и там он, вероятно, замолвил бы что-нибудь в мою пользу: и что же! Государь вдруг вызывает Лобанова в Ливадию,¹⁷ и Ону остается в Константинополе надолго.¹⁸ Вот о каких сочетаниях обстоятельств я говорю. Н. Я. Соловьев пишет мне, что Вы между прочим сказали: «живя в деревне, места не получишь».¹⁹ Если так, то разве и это не *рок*? Нынешний год я могу приехать в Петербург

только в случае положительного официального вызова. В таком только случае можно решиться где попало занять денег. Иначе невозможно. По крайней мере *теперь* я не вижу источника. Ону в последнем письме своем написал мне между прочим, что начальство колеблется дать мне *деятельный* пост по слабости моего здоровья.²⁰ Я думаю, что начальство тут право: только не совсем. Обыкновенные мои страдания невралгические, и потому нередко от подавленной скуки мне хуже, чем от деятельности; не *деятельный* пост вреден, а *лихорадочный* город. На самой деятельной должности в Константинополе, напр(имер), где я лихорадкой не страдал, я был бы гораздо полезнее, чем в провинциальных городах Турции, которые *все без исключения* лихорадочны и для меня гибельны. Это факт — медицинской географии и моих патологических особенностей. Провинция Турецкая трехлетней лихорадкой сломила мое здоровье, а в Константинополе эта лихорадка прошла, оставив только навсегда после себя десятки мелких невралгий, иногда очень неприятных, но делу не мешающих. Не скрою от Вас, что если бы мне предложили бы какой-нибудь пост и выгодный денежно, но в *дальней* провинции, то я бы разве для того принял бы его «pour avoir le pied dans l'étrier»²¹ и верно через год стал бы хлопотать все *о том же*, т. е. о переводе в Константинополь. Сознаюсь Вам, что служба в провинции турецкой (или хотя бы и европейской) мне нравилась, когда было много еще впереди и когда я был здоров, а теперь мысль об этом наводит на меня ужас. Но с другой стороны — я возьму вероятно все, что мне предложат... Что делать? Надо и с ужасами скуки, лихорадки и забвения мириться «о Христе». Это одно меня поддерживает. Для службы же я был бы всего полезнее в Царьграде. Удивляюсь, отчего они не *прикомандируют* меня просто к посольству? Иногда они это делали. Впрочем, да будет воля Божия. Бывает и хуже.

Простите, Третий Иванович, деловую сухость этого длинного, эгоистического и скучного письма. Не такие письма и не о таких предметах, а *совсем об иных* я желал бы вести с Вами переписку! И, может быть, и гораздо лучше было бы, чтобы ничего не устроилось? Не правда ли?

Жму Вам крепко и признательно руку и остаюсь глубоко уважающий Вас К. Леонтьев.

Супруге Вашей и всем домашним свидетельствую мое искреннее почтение.

Если бы Вы знали, *какие* замыслы статей и многого другого у меня в уме! И все это сгорает — так, само по себе... Недостает времени, недостает удобств, недостает серьезной нравственной и практической поддержки... Но может быть, *так и нужно*.

Появлению этого письма предшествовало еще одно, в котором Леонтьев, видимо, поздравлял Филиппова со вступлением в должность товарища государственного контролера. Ср. упоминание о нем в письме Филиппова к Н. Соловьеву от 19 июня 1878 г.: «А где Константин Николаевич? Я ему не отвечал еще на его милое письмо, но дело в том, что я теперь только начинаю приходить в себя и вступаю в обладание моим разумом, испытывавшим такие сильные потрясения» (РГАЛИ. Ф. 463. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1 об.—2). Дословная цитата приведена Соловьевым в письме к Леонтьеву от 3 июля 1878 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 54 об.). На письмо от 11 ноября Филиппов тоже не отвечал, погруженный в свои заботы, а необходимые советы передавал Леонтьеву через Соловьева (см. примеч. 3). У Леонтьева же начался один из самых сложных периодов его жизни. Ему, как он пишет в ноябре 1878 г. Соловьеву, «очень заботно, очень трудно и очень страшно иногда даже за ближайшее будущее» (Там же. Ед. хр. 59. Л. 42). В это время Леонтьев среди полного безденежья вновь, как и весной того же года, предпринимает попытки вернуться на дипломатическую службу. В августе он «написал Гирсу (...) нечто вроде официальной просьбы» (*Памяти Леонтьева*. С. 287), писал и кн. А. М. Горчакову (Там же. С. 289). Не дождавшись ответа, 12 декабря он в последний раз обратился к «самому светлейшему князю» (Там же. С. 303), но это письмо было встречено молчанием. В то же время в министерстве не находили нужным и выдать Леонтьеву его аттестат с указом об отставке.

Автограф неизвестен.

М/п копия:

РГАЛИ. Ф. 2980.

Оп. 1. Ед. хр. 1023.

Л. 10—14.

Цитируется: б., 394, 395—396.

¹ О знакомстве с Н. Соловьевым см. примеч. 28—29 к п. 8. В 1878 г., когда Соловьев бедствовал в Мосальске, где служил учителем математики в мужской гимназии и женской прогимназии, Леонтьев предложил ему свое ходатайство об устройстве на службу к Филиппову (см. письмо к Соловьеву от 18 февраля 1878 г.: *Леонтьев К. Н. Избранные письма*. СПб., 1993. С. 189—190). В апреле 1878 г. Соловьев получил краткосрочный отпуск и поехал в Петербург, чтобы переговорить с Филипповым. См. его письмо к Леонтьеву от 4 апреля 1878 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 49 об.). Осенью того же года Соловьев переехал в Петербург.

² Имеется в виду письмо Соловьева от 15 октября 1878 г., в котором говорилось: «У Филиппова я был два раза, он очень любезен, для Вас он все готов сделать, а когда

я заикнулся о Высочайшем покровительстве, то он выразился: „ну, на это-то рассчитывать нечего!“ С Гамбургером обещал переговорить, только прибавил, что „сидя в деревне места нельзя получить!“ На этой неделе я буду опять у него и поведу еще речь о вас; оба раза он был очень занят...» (Там же. Л. 59—59 об.). На это письмо Леонтьев отвечал 17 октября.

³ Леонтьев ссылается на следующий фрагмент из письма Соловьева от 1 ноября 1878 г.: «Сегодня был у Филиппова, — по Вашей инструкции завел речь о Вас, — на днях ему нужно что-то писать Ону, где он упомянет о Вас, советует и Вам писать; здесь же пока никого нет, — приедут с Двором 19-го сего; но во всяком случае Фил(и)п(пов). полагает, что для получения чего-либо поездка сюда Вам необходима» (Там же. Л. 62 об.). Леонтьев отвечал на это:

«Филиппова поблагодарите горячо за то, что он писал Ону; — я Ону на прошлой неделе сам писал. (Местонахождение этого письма неизвестно. — О. Ф.)

И хотя Вы знаете, что мне мало охоты служить за границей; но, решившись, я не отступаю и буду продолжать переписку по этому делу. — Филиппову на днях напишу самому большое письмо. — Я долго не писал ему именно от того, что хотелось бы сказать ему *больше*. Я верю его *умственному* расположению столько, сколько Вашему *сердечному*.

Жду и я возвращения Двора: до тех пор писать в Министерство не буду» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 45).

Леонтьев, обращаясь к Филиппову 11 ноября, уверен, что его письмо к Ону уже послано, однако это было не так. 26 ноября Соловьев рассказывал ему: «На обеде у Остр(овского) на прошлой неделе встретился опять с Филипповым; передал Вашу благодарность, оказалось, что он еще только собирается написать Ону; Ваше письмо получил он и обещал скоро отвечать Вам; знаете, я заметил, или мне кажется, что с своим повышением Филл(иппов) „поважнел“ и больше оттопыривает губы; — (а это его прием) после как он уехал, я беседуя с драматург(ом) Остр(овским) выразил свое удивление относительно этого лица Филип(ова): какое у него здоровое, невозмутимое лицо, посреди этих больных, скорбящих и озлобленных лиц Питера. — „Он — эгоист!“ было ответом, и более мы не продолжали; а я видел, что еще за обедом между ними бегала какая-то „мышь“. Вообще на мой неопытный глаз и чутье привета и простоты у брата Остр(овского) (тоже государственного мужа) много больше, чем у Филл(иппова)» (Там же. Ед. хр. 230. Л. 65 об.—66). Леонтьева, однако, этот рассказ не смутил: «Определение Островского-брата не открытие, не новость (это само собою разумелось); но эгоизм Филиппова именно тем и хорош, что он покойный и умный, а не жолчный и болезненный, как у большинства петербургских деятелей. — Он мне фактами доказал, что он твердо исполняет свои обещания и прошлого года не он был виноват, а Гамбургер, что я не получил хорошего места; он был у Гамбургера и говорил обо мне все, что мог, и Гамбургер обещал непременно и не исполнил. — Или уж судьба виновата — не знаю; но не Филиппов.

А что, может быть, он стал чуть-чуть погордее от повышения: это возможно» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 8 об.—9; письмо от 7 декабря).

В письме от 23 декабря Соловьев вновь выступал посредником между Леонтьевым и Филипповым. Оказывается, Филиппов сообщил ему о своих сложных отношениях с Министерством иностранных дел: там не могут простить, что когда-то С. А. Грейг, «возвратясь с Востока, доложил, что Церковные дела там может устроить один только Филиппов». Новые просьбы Леонтьева напомнить о письме к Ону Филиппов встретил отказом, объясняя Соловьеву: «Ону на Востоке едва держится сам, так что обращение к нему бесполезно». «... Он советовал бы вам, — заканчивал свой эпистолярный отчет Соловьев, — писать прямо Лобанову; так как сей — единственная сила в настоящее время на Востоке, — а здесь вообще „сутолока“ какая-то!» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 67 об.). Наконец, 20 января 1879 г. Соловьев сообщил: «... был как-то у Филиппова: сей виделся с Гирсом, который сказал, что место теперь получить трудно Вам, — „да и я плохой предстатель теперь в Мин(истерстве) Ин(остранных) Д(ел)“, добавил Филл(иппов)» (Там же. Ед. хр. 231. Л. 1 об.).

⁴ См. примеч. 29 к п. 8.

⁵ Размышления о фатуме, влияющем на его литературную и «житейскую» судьбу, неоднократно будут темой писем Леонтьева.

⁶ Леонтьев знал о том, что он на «таком хорошем замечании у Министра», от директора Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухова (см.: 6₂, 355—357; *Памяти Леонтьева*. С. 297—298). В письме к гр. Игнатьеву от 1 декабря 1870 г. Леонтьев пересказывал разговор своего брата Владимира со Стремоуховым: «... он еще прибавил, что Князь Горчаков, когда видит мои донесения, всегда говорит: „А! это из Янины, от Леонтьева!“ — и обращает на них особенное внимание» (цит. по: 6₂, 356). Вице-консулом в Тульче (на Нижнем Дунае) Леонтьев служил в 1867—1868 гг., консулом в Янине — в 1869—1871 гг. Некоторые эпизоды службы в Тульче отражены в «консульских рассказах» (см.: 6₁ и коммент. в 6₂). О янинском периоде см. в воспоминаниях М. В. Леонтьевой: 6₂, 84—91, 96—102.

⁷ 1867 г. был наполнен ожиданием большой европейской войны, началось критское восстание и волнения в славянских областях Турции. На Нижнем Дунае, где служил тогда Леонтьев, появились отряды болгарских повстанцев, оживилась польская эмиграция. Это и заставляло тульчинского вице-консула быть особенно деятельным.

⁸ М. В. Леонтьева вспоминала о жизни в Янине в 1869 г.: «В политическом отношении время это (...) было очень тихое; с турками прекрасно ладило русское Консульство (...) за отсутствием политической борьбы — дел почти не было в Консульстве...» (6₁, 87).

⁹ В апреле 1865 г. Леонтьев был награжден орденом св. Анны 3-й степени, в марте 1868 г. — св. Станислава 2-й степени, в марте 1871 г. — св. Анны 2-й степени.

¹⁰ Эти сведения Леонтьев получил от Е. С. Карцовой, матери своего молодого приятеля Ю. С. Карцова, служившего в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (см. ее письмо без даты: ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 8—9). 4 марта 1878 г. Леонтьев писал М. К. Ону из Петербурга в Константинополь: «Князь Горчаков сказал Гирсу слова два в мою пользу, а Гирс сказал мне, что ему „очень приятно“ видеть меня снова на службе» (*Киприан (Керн), архим.* Из неизданных писем Константина Леонтьева. Париж, 1959. С. 25—26). Горчаков в 1878 г. отзывался о Леонтьеве как о «наблюдательном уме» (Там же. С. 279, 283).

¹¹ 28 марта 1878 г. Леонтьев писал Н. Соловьеву из Любани: «Граф Игнатъев предлагает мне губернаторство в Болгарии, говорят, 6000 жалованья. — Но подождите, не радуйтесь за меня. — Во-1-х, и Игнатъев не Бог Саваоф (как вы сказали про Аверкиева), а во-2-х, мне подобная, хоть и весьма лестная, должность отвратительна. — Я ненавижу не само губернаторство, не власть, не 6000, — к этому, по правде сказать, я только равнодушен; — я Болгарию не люблю и тамошних лихорадок боюсь. (...) Игнатъев единственный живой человек в нашем Министерстве. На него скорее всех можно положиться; не потому что он правдив, а потому, что он очень деятелен и любит всякую изобретательность. Упустить его было невозможно: не потому чтобы я непременно хотел достать что-нибудь и не потому чтобы какие-нибудь 6000, купленные ценою скуки и борьбы на закате дней, были бы мне дороги, а потому что мне бы хотелось с своей стороны сделать все, что я в силах, для уплаты моих долгов и для улучшения положения тех, которые от меня зависят. (...) И вот вместо Калуги еду в Петербург. Погода ужасная. Я нездоров, нанимаю карету; узнаю, в котором часу Игнатъев принимает. От 8 до 10 утра. Некогда и кофе выпить по-моему (...). Оставляю восхитительное общество раньше времени с вечера; заказываю карете приехать в 8 часов; — до 4-х утра бессонница; в 7 ч. меня будят; на мне нет лица, карета не приезжает; сажусь на извозчика и с больной поясницей, с ненавистью к Петербургу половину по снегу, половину по мостовой еду на санях очень далеко к Игнатьеву. (...) Еще одна маленькая подробность, но очень важная: — после бессонной ночи я был очень бледен; Игнатъев же терпеть не может на службе больных людей; но случайно воротник рубашки был узок, я бесился, и кровь прилиwała к лицу. Таинственный рок делал свое дело, независимо от моей воли. Игнатъев принял меня прекрасно и, сказавши, что у меня хорош и очень свеж цвет лица, предложил мне губернаторство. — Ужаснувшись в душе, я однако протестовать не спешил и, заручившись словом его, написал сам в Оптину, не скрывая от о. Амвросия, что мне города болгарские противны, но что я готов с радостью ехать туда, если это можно считать как щепки о. Пимена. (Леонтьев вспоминает, как угрешский настоятель посылал его зимой 1874—1875 гг. на двор собирать щепки. — О. Ф.) (...) И вот теперь в надежде на Бога, на благословение Батюшки и на некоторую гибкость своей природы, сижу у моря и жду погоды; не смея даже молиться о чем-нибудь определенном, ибо не знаю, ни где мне душу суждено спасти или погубить, ни где жить мне по-

легче будет, или даже где я для литературы больше сделаю» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 28 об.—30 об.). Ср. в письме к племяннице от 4 апреля того же года: «Игнатъев предлагает мне Губернаторство в Болгарии — Тырново (скучное) или Филиппополь (лихорадочный). — Жалованья 6000 (по Губастову); а в газетах напечатано 16 000. — И жалобы, что напрасно так много дают Губернаторам. — От Батюшки получил безусловное благословение на этот новый крест; конечно, я приму его; но с тем чувством, с каким принимается *послушание отвратительное*. — О. Амвросий пишет — ехать для того, чтобы выкупить Кудиново, а потом построить домик в Оптиной около больницы. — *Вернусь ли живой? ...*» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 65—66). Тырново — город на севере Болгарии на р. Янтра, столица Второго Болгарского Царства (1187—1396). Филиппополь (болг. Пловдив, тур. Филибе) — город во Фракии (см. примеч. 5 к п. 15) на р. Марица, основанный в 342—341 гг. до н. э. царем Филиппом II Македонским, чье имя и носил.

¹² Барон А. Г. Жомини высоко оценил повесть Леонтьева «Аспазия Ламприди» (ее выходные данные см. в примеч. 12 к п. 97), богатую историко-этнографическими наблюдениями и полезную в этом отношении для дипломатов, служащих на Востоке (см. с. 314).

¹³ Об этом Леонтьев писал племяннице 11 февраля 1878 г.: «А Т. И. Филиппов, состоящий в личной дружбе с Гамбургером, нарочно ездил к нему, чтобы говорить обо мне, и тот обещал ему свое содействие. (...) ...место в К(онстантино)п(о)ле для дел с Патриархией я сочту за истинный дар Господень. И Т. И. Филиппов готов придать этому *духовное значение*; а он не менее нас с тобой православен» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 51—52).

¹⁴ 28 февраля 1878 г. Леонтьев писал племяннице: «Насчет службы мало нового. — Игнатъев скоро будет. — Мне сказали, что назначение мое 2-м драгоманом много зависит от согласия Ону, к(ото)рый теперь в Константинополе. — Я ему напишу» (Там же. Л. 62). М. К. Ону Леонтьев написал 4 марта 1878 г. (*Керн (Киприан), архим.* Из неизданных писем Константина Леонтьева. С. 25—27), а тот отвечал ему 29 марта (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 16—17).

¹⁵ Игнатъев был послан в Вену в марте 1878 г. См.: Чернов С. А. Миссия Н. П. Игнатъева в Вену (К вопросу о русско-австрийских отношениях накануне Берлинского конгресса 1878 года) // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 224—245.

¹⁶ Ср. в письме к М. В. Леонтьевой от 4 апреля 1878 г.: «...здоровье до того плохо, что решился *даже мясо* есть с 3-ей, кажется, недели или с 4-ой и до Страстной. — На Пасхе поеду в Петербург. — У меня в спине и в правой ноге после двух-трех недель постной пищи сделалась такая нервная боль, какая была в руке прежде. — Нестерпимо! — Одно время совсем писать не мог, а диктовал Кате и Л(юдмиле), которых почерк один наводит уныние. — Теперь после мяса и кой-каких других мер мне лучше; но все-таки ходить трудно от боли» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 65). В Любани

Леонтьев жил в приюте ген. П. П. Мельникова, которым заведовала его племянница Е. В. Самбикина.

¹⁷ В м/п копии Губастов сделал к этому месту примечание: «Призыв Кн. Лобанова на посольский пост в Константинополе состоялся в апреле 1878 г. в Петербурге» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1023. Л. 13).

¹⁸ М. К. Ону в это время оставался старшим служащим посольства.

¹⁹ См. примеч. 2.

²⁰ См. письмо М. К. Ону от 21 сентября 1878 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 20—21 об.).

²¹ Чтобы иметь надежду на успех (франц.).

1879

8 марта 1879 г.,
Петербург

13

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

В Москве будет издаваться газета «Восток»,¹ которая Вам будет очень сочувственна и издатель которой — Николай Никол(аевич) Дурново — просил меня быть между ним и Вами посредником, дабы привлечь Вас к деятельному в сей газете сотрудничеству. Положение тех именно дел, которые Вас и меня наиболее занимают² и важнее которых, по моему убеждению, на свете нет, таково, что требует от нас всей нашей энергии, всего нашего мужества и полной преданности. Наступает кризис; на днях, как мне передавали, будет отправлен к патриарху ответ Св. Синода (в редакции Преосв(ященного) Макария) на его запрос о общении нашего духовенства с болгарским.³ Чем разрешится узел, — предугадать нельзя; ни содержания, ни тона изготовленного ответа я не знаю. И хотя, по отзыву Ону, патриарх Иоаким III отвечает всем требованиям, созданным усложнениями вопроса;⁴ но очень легко может случиться, как уже случилось дважды,⁵ что наш ответ окажется неудовлетворительным и породит последствия бесконечно важные и столь же плачевные. Если Вы в обители,⁶ то предложите старцам, да воздеют свои преподобные руки⁷

на Начальника мира⁸ с мольбой об утишении волн, взимающихся⁹ на
Его священный корабль. Не о гибели корабля я пишу, —

Да ся пенит море и бесит,
Корабля бо Иисусова полонити не может,¹⁰ —

Но я не могу без ужаса себе представить, что мы выбросимся из этого
спасительного корабля в среду грозного и гибельного волнения и — кто
знает? — будем ли мы в состоянии на него опять взобраться. Все эти
вопросы выше человеческих сил и соображений; но тут-то и предлежит
подвиг тем, кому открыт истинный смысл событий, сам по себе весьма
ясный, но искусственно заслоняемый предубеждениями.

Всею душею преданный Вам Т. Филиппов.

Дурново живет: на Остоженке в 3-м Зачатейском переулке, дом Со-
колова.

СПб. 8 марта 1879.

Филиппов написал Леонтьеву после долгого перерыва в их корреспонденции (до этого он не от-
ветил на два леонтьевских письма, из которых известно в настоящий момент только одно —
п. 12).

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 5.
Впервые: *Нестор*.
С. 169.
Цитируется: 7,
740—741.

¹ Филиппов воспринимал эту газету в первую очередь как церковно-обществен-
ный орган. О газете «Восток» сообщал Леонтьеву и Н. Соловьев в письме от 13 марта
1879 г.: «Я виделся с Филипповым; он хотел немедля Вам писать: некто Дурново пред-
принимает в Москве издание газеты „Восток“. Этот Дурново очень ценит Ваши идеи
знания, и просил Филиппова познакомить его с Вами; Филл(иппов) и мне рекоменду-
ет это знакомство, когда я поеду в Москву; издание это опирается на хорошие сред-
ства и пока не имеет целью наживы или спекуляции» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 231.
Л. 10 об.). 5 апреля Соловьев писал, что на следующей неделе побывает в Москве и
в частности — у Дурново (Там же. Л. 14).

² Подразумеваются церковные дела, в том числе и связанные с греко-болгарской
церковной распрей.

³ Речь идет о случаях совместного служения во время недавней русско-турецкой
войны. Макарий — Макарий (Булгаков), в то время архиепископ Виленский и Литов-
ский.

⁴ 15 октября 1878 г. М. К. Ону писал Филиппову: «Солунский Митрополит Иоаким выбран в Патриархи, как Вам уже известно; не считайте его отъявленным Русофобом, — как некоторые его представляют. Он, конечно, грек в душе, — но он человек благонамеренный, образованный и взятюк не знающий. Пока его главный недостаток — это его молодость; он очень популярен между греками, и я надеюсь, что он нас не слишком припрет к стенке болгарской. По моему мнению, при смешении у нас национальных понятий с иерархическими, при общем и хаотическом смешении всех понятий, мы не добьемся от *наших* ясного слова к враждующим сторонам; пока единственная надежда наша на будущего Болгарского Князя, которого мы могли бы выдвинуть вперед на пути к примирению с Патриархией, не компрометируя себя» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2323. Л. 4 об.). Другой фрагмент этого письма о греко-болгарских церковных делах цитируется в комментариях: *Нестор*. С. 194.

⁵ Подразумевается реакция Св. Синода на Окружное послание Вселенского патриарха Григория VI (1868), призывавшее к созванию Вселенского Собора (1868), и на решения Поместного Константинопольского Собора 1872 г.

⁶ Леонтьев в это время жил в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни. Здесь он пробыл до первой половины мая (письмо от 11 мая отправлено еще из Оптиной), а затем уехал в Кудиново.

⁷ Ср.: «В нощех воздежите руки ваша во святая...» (Пс. 133: 2).

⁸ Образ из гимна «С нами Бог» (ср.: «Бог крепок, властитель, Начальник мира...»), восходящего к Книге пророка Исаии.

⁹ *Взимающихся* — поднимающихся, восстающих (ц.-сл.).

¹⁰ Слова св. Иоанна Златоуста, сказанные перед низложением и отправкой в ссылку: «... Пусть пенится и ярится море, но камня оно не может сокрушить; пусть вздымаются волны, но Иисусова корабля не могут потопить» (Лопухин А. Жизнь и труды св. Иоанна Златоуста // Иоанн Златоуст, св. Творения: В 12 т. М., 1991. Т. I, кн. 1. С. 80). *Корабль* — Церковь.

14

Леонтьев — Филиппову

23 апреля 1879 г.,
Оптина пустынь

23 апреля 1879 года, Оптиная пустынь.

«Лучшее враг хорошего».¹ От желания написать Вам, глубокоуважаемый Третий Иванович, побольше и получше, *побольше сказать Вам*, я бессовестно опоздал Вам ответить на Ваше дружеское письмо.

Дела срочного и «насущного» до того много и все это так принудительно, что я Вам выразить не могу. Поэтому прошу Вас, поймите мое долгое молчание именно так, как я его объясняю. Получив Ваше письмо, я списался с Н. Н. Дурново и отчасти условился.² Но до сих пор ни газеты его не получаю и никаких о ней сведений не имею. Не знаю, как это возможно будет писать отсюда что-нибудь основательное, когда обстоятельства меняются каждый день и фактов новых и *по-своему* понятых здесь нельзя знать. Конечно, я сделаю все, что могу. Старцам Оптинским я передавал Ваши опасения за единение церквей; но если я не ошибаюсь, им или по отдалении вопрос этот не ясен, или уж вообще печальное состояние православия в самой России сделало их настолько пессимистами, что они ничего хорошего и не ждут, а только стараются сами жить поправильнее и паству свою получше пасти. Что ж, а если в самом деле — *ждать* хорошего нечего? Это ведь не противоречит учению. Благодать может отойти от народа, которого высшие классы отступают от веры. Оправданы будут лица «претерпевшие до конца»,³ а не нация и не государство. Это, впрочем, мое личное мнение и больше ничего.

Я нередко думаю и боюсь, что именно разрешение «Восточного Вопроса»⁴ ускорит наше разложение. И если бы я видел хоть какой-нибудь прок в этих юго-славянах, то я бы сказал себе: что ж, славянский союз будет еще богаче содержанием, чем та Россия Петровского стиля, в которой мы родились. Но увы! Чего ждать, напр(имер), от болгар... Вы сами знаете. С первого шага *Бельгийская конституция!*⁵ Прямо из пастырской грубости в *европейское хамство*. Дорого бы я дал, чтобы знать правду о том, что там, в Болгарии, делается...⁶ Что делают все эти противные Дриновы и Каравеловы.⁷ Мне все кажется — это правда, что единственно порядочного человека — Балабанова выгнали тогда из палаты...⁸ Хотя у Каткова это опровергалось;⁹ но я и Каткову не верю, он ведь очень непоследователен (я думаю, преднамеренно) и, основательно преследуя либерализм у нас, снисходителен почему-то к болгарскому ли-

берализму. Едва-едва решился похулить слегка «конституцию»; ¹⁰ тогда как при его влиянии он мог бы сделать пользу, заранее позаботившись об этом. Мало дальновидности или мало добросовестности — не знаю? Или он изнемогает, трудясь головой один, потому что помощники его бездарны, а способным и дельным он ходу не дает. Кто ждет развития дальнейшей казенной либеральности на Востоке, тому относительно православия остается одно — *в душе жалеть о турках*. Они гораздо менее были вредны для Церкви, чем можем быть мы. ¹¹

Все это так печально и вместе с тем ко всему этому день за день так привыкаешь, что иногда спрашиваешь себя только: стоит ли писать что-нибудь против этого смрадного и всесокрушающего потока?

Прибавьте к этому личные обстоятельства, ¹² до невозможности просто дошедшие, благодаря равнодушию, несправедливости людской. В министерстве все не хотят ни отказать мне и *не советуют* брать назад бумаг, которые я представил, ни должности не дают. ¹³ То есть, лучше об этом и не говорить. Я покоен сердцем — только потому, что думаю: бессмысленное поведение людей относительно меня — нельзя иначе объяснить, как Божественной волей. Не скоты же люди и не дураки совсем, а если Катков поступает со мной, как свинья, и если министерство ведет себя глупо относительно меня, если друзья не протягивают мне серьезной руки помощи, то это безумие есть лишь проявление какого-либо тайного Промысла Божия. Иначе, согласитесь, без *этой веры* отчего бы *не покончить разом все*? Это вовсе уже не так трудно. Правда ведь?

Остаюсь глубоко уважающий Вас
и преданный Вам К. Леонтьев.

НВ. Я очень радовался Вашему повышению, ¹⁴ но все-таки я желал бы, чтобы Вам были поручены *высшие церковные дела*, а не «бирки». ¹⁵ Для бирок и кроме Вас нашлись бы, а Обер-Прокурор или комиссар для церковных дел Востока *кроме Вас в России* нет. Духовенство вообще по делу греко-болгарскому ужасно близоруко. *Ужасно!!*

Тот же день, вечером.

Простите. Распечатал это письмо, чтобы вложить в него записку одного здешнего сельского учителя о моих сочинениях,¹⁶ т. е. о греческих повестях (Вами столь любимых). Интересно, что «Записки Охотника» не нравятся в деревне. Знаете, я часто думал и прежде: народ не реалист в литературе (в песнях и т. д.) — Тургенев изображает все грубо... не это ли? Или что сюжеты уж очень *просты*, слишком знакомы? Народ любит что-нибудь поражающее воображение? Не знаю. Но мне пришло в голову Вам это послать, и я вспомнил Ваше желание издать «книгу для народа». «Дитя души», должно быть, нравится.¹⁷ Впрочем, мне обещали более точные справки о том, *что* им нравится. Я этого учителя в глаза не знаю и *села* его не знаю. Но случилось все это вот как. *Николай Кузьмич* — это *Николаша*, 18-летний козельский мещанин, который уже 2 года мне служит. Он ужасный шалун, воинственный, отчаянный, но честный и чрезвычайно умный мальчик. Я ему подарил мои повести; он сам до сих пор не собрался от лени и ветренности их читать, но любит угощать ими других — знай наших, мол! Мой хозяин вот какой сочинитель!

Я и не знал, что он отдал их этому учителю, до тех пор, пока он не отдал мне этой записки.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 15—18.
Впервые (без приписки): *Нестор*.
С. 170—171.

Ответ на п. 13.

¹ Одна из любимых пословиц Леонтьева, чаще всего приводимая им на французском языке.

² Местонахождение письма Леонтьева неизвестно. Ответное недатированное письмо Дурново, где он лично подтверждал приглашение к сотрудничеству, см.: 7₂, 742—743 (автограф: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 1—1 об.).

³ Мф. 10: 22.

⁴ Восточный вопрос — термин, принятый в историографии и дипломатии для обозначения комплекса международных геополитических проблем, связанных с судьбой Османской Империи и поработенных ею народов. Впервые термин был употреблен на Веронском конгрессе Священного союза народов (1822). См.: *Котельников В. А.* Восточный вопрос в русской политике и литературе // *РА*. 2004. № 2. С. 3—29. Леонть-

евское понимание Восточного вопроса разносторонне и глубоко раскрыто в монографии К. А. Жукова «Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева». «Основной заслугой» Леонтьева автор этого исследования считает «то, что он перевел трактовку Восточного вопроса из плоскости борьбы европейских держав за **османское наследство** в рамки нравственных и законных прав России на единоличное обладание **наследством византийским**, связав это с естественным ходом развития русского культурно-исторического типа» (Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006. С. 91).

⁵ «Тырновская конституция» была принята в освобожденной от турецкого владычества Болгарии Учредительным народным собранием 22 февраля 1879 г. Ее проект («Органический устав государственного устройства Княжества Болгарского») был разработан в Петербурге специальным Особым совещанием. Эта конституция, за основу которой была принята бельгийская, являлась в то время наиболее демократической в Европе. В январе 1880 г. Леонтьев писал: «Бельгийская либеральная гримаса, исказившая ни с того ни с сего многострадальный лик Православной и патриархальной Болгарии, — эта карикатура, называемая болгарской конституцией...» (7, 108). А после принятия конституции в частном письме высказывался еще резче: «Чего ждать от человечества — когда во Франции *Греви*; ... Микадо Японский *надел цилиндр* прогресса, и даже в Болгарии, **в Болгарии**... вместо какого-нибудь здравенного Царя-Пастыря — ... *Бельгийская Конституция*... Это все не шутка, а очень серьезная, грубая и простая вещь. — Европа есть прогресс, т. е. ложь и заблуждение. — Франция (и Бельгия — отчасти) есть культурный пуп Европы. — *Цилиндр* (парижский, т. е. прямо из глубины пупа) есть признание Европы, прогресса, эвдемонизма, *лжи в принципе*... Бельгийская конституция в Тырнове есть не что иное, как Орлеанизм, Тьеризм в самом *новом* гнезде Славянства, отречение *сразу* от Самодержавно-Византийских преданий, — ступень к болгарскому *Греви* и к скрытому за ним *Гамбетте*...» (РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 37—37 об.; письмо к Вс. Соловьеву от 1 марта 1879 г.).

⁶ Дурново в своих письмах к Леонтьеву стал сообщать ему новости о болгарских и сербских церковных делах и указывал на статьи в русских газетах, где можно было найти материал об этом вопросе.

⁷ Этих болгарских политических деятелей Леонтьев неоднократно с иронией упоминал в своих статьях. См.: 7, 347, 541, 554; 8, 57.

⁸ Леонтьев вспоминает об инциденте, произошедшем в Учредительном народном собрании 29 марта 1879 г., о котором он узнал из «Московских ведомостей» (*МВед.* 1879. 31 марта. № 81. С. 3). См. об этом в его статье «Наше болгаробесие» из цикла «Письма отшельника» (7, 541—542). В газетном варианте этой статьи Леонтьев называл болгарского политика «серьезно-образованным и правильно (православно) мыслящим человеком» (7, 438).

⁹ Возможно, Леонтьев имеет в виду корреспонденцию: *Стоянов <С.> Из Тырнова // МВед. 1879. 10 апр. № 89. С. 4—5.* Позднее Леонтьев писал в газете «Восток»: «Пусть только половина всего этого правда; но и половина эта неутешительна. И если все это клевета, если даже *ничего подобного* не было вовсе, то, должно быть, злой клеветник умен и коротко знаком с духом болгарской интеллигенции» (7, 542).

¹⁰ Имеется в виду передовая статья от 19 апреля, посвященная состоявшемуся 17 апреля 1879 г. избранию принца Александра-Йосифа Баттенбергского князем «для начинающего жить новою жизнью болгарского народа». Здесь говорилось:

«Русская администрация, что касается ее временного управления, честно исполняла свои обязанности. Но, к сожалению, мы не захотели ограничиться временным управлением; мы сочли нужным *слиберальничать*, одарить освобожденный нами народ полным „устройством“ по последнему шаблону ходячих фраз; русские чиновники принялись сочинять и сочинили „конституцию“ для Болгарского княжества. Созванное затем „учредительное собрание“ принялось перекраивать любезно заготовленный для него проект, и Бог весть чего там не прибавлено и не убавлено. Английские корреспонденты со злорадством рассказывали, что болгарские представители обнаружили-де при этом перекраивании большую „независимость“, благодаря именно тому, что за спиной их нашлись добрые иностранные советники, которые растолковывали им что нужно, а те были-де так смыслены, что поняли.

Дай Бог, чтоб этот „устав“ не привел к печальным последствиям, чтоб он не возбудил прежде времени деморализующую народ бесцельную борьбу партий, какая была в Румынии, Греции, Сербии и какой не знает Черногория. Твердая власть была бы теперь всего полезнее для Болгарии, болящей и измученной; в единении с народом, эта власть вернее выработала бы учреждения согласные с духом народа и его действительными потребностями» (*МВед. 1879. 20 апр. № 98. С. 3*).

¹¹ Сходные места есть и в публицистике, и в художественных произведениях Леонтьева. Ср., например, в «Письмах отшельника»:

«Живя в Турции, я скоро понял истинно ужасающую вещь (...) *что благодаря только туркам* и держится еще многое истинно православное и славянское на Востоке...

Я стал подозревать (...) что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...

Я стал бояться, что мы не сумеем, не сможем, не успеем *вовремя* заменить давление Мусульманства другой, более высокой дисциплиной, — дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим*... » (7, 546).

В трактовке темы промыслительной «пользы» турецкого ига Леонтьев не был одинок. Его предшественниками были сами греки, пожелавшие в 1453 г. «лучше чалму в Царьграде видеть, чем тиару папскую». Русский дипломат греческого происхожде-

ния К. М. Базили писал в своей книге «Босфор и новые очерки Константинополя» (1836): «Мы должны благоговеть перед Божественным Промыслом, который послал плен и рабство на эту столицу, когда она, выполнив свое высокое предназначение, стала колебаться между православием и папизмом (...). Плен Востока освободил его племена от Папы, упрочил между ними узы религии (...) страданиями научил христиан веровать и не умствовать о вере (...) и приготавил сии долговечные восточные племена к великому дню возрождения религиозного и политического...» (цит. по: Жуков К. А. Восточный вопрос в историсофской концепции К. Н. Леонтьева. С. 32). О турках, невольно послуживших сохранению в поработанных ими народах «нравственной народной самобытности», см. также: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 269.

¹² С 1876 г., а еще активнее в последние месяцы русско-турецкой войны, Леонтьев пробовал вернуться на дипломатическую службу. Росли его долги по процентам банку, где было заложено имение (см. примеч. 6 к п. 15).

¹³ Бумаги, которые в 1878 г. Леонтьев представил в Азиатский департамент в связи с попыткой поступления на службу, должен был забрать оттуда Ю. С. Карцов. Н. Соловьеву Леонтьев писал 29 декабря 1878 г.: «Нет! видно не судьба мне снова поступить на службу в Мин(истерство) Иностр(анных) Дел. На днях потребую у них, чтобы они возвратили мне мой аттестат об отставке. — Будьте так добры, голубчик, заезжайте в Азиатский Департамент (...) и вызовите в коридор Юрия Сергеевича Карцова, передайте ему прилагаемую записку и скажите ему и от себя, что я убедительно прошу его выхлопотать мне через Вице-Директора Азиатского Департамента г. Мельникова мой аттестат об отставке, посланный прошлым летом г-ну Гирсу. — Их нерадивость и небрежность, по которой они, явно не желая мне дать места, не хотят потрудиться даже отказать мне прямо, а тянут за душу, эта небрежность хуже для меня, чем отказ; чем скорее решат мою участь (хотя бы отрицательно) — тем мне будет легче. — Мне необходимо, я вижу, взять какое бы то ни было место и где-нибудь. — Когда я получу из Мин(истерства) Ин(остранных) Дел прямой отказ, мне свободнее будет искать что-нибудь другое, хотя бы попроще и пониже» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 46—46 об.). Но из-за тяжелых домашних обстоятельств такую записку Карцову, а также «формальное прошение о возвращении документов» Леонтьев смог написать уже только в январе, перебравшись из Козельска в скит Оптиной пустыни. Карцов сначала ответил отказом, переданным в письме его матерью (об этом — в февральском письме к Н. Соловьеву); затем, 31 марта 1879 г., Леонтьев сообщил Соловьеву: «...из Министерства Карцову не выдали моих бумаг и сказали — „Зачем их брать; К. Н.—чу еще, может быть, дадут место“» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 34). 13 апреля Леонтьев возвращается в письме к Соловьеву к этой же теме: «...в Петербурге не возвращают бумаг моих, говоря: „нет, ему еще может быть найдется место. — Толь-

ко с К. Н. трудно тем, что он хочет быть сразу Министром-Резидентом“. — Как это все странно — не правда ли? В моей судьбе ничего не поймешь?» (Там же. Л. 36).

¹⁴ Филиппов в 1878 г. был назначен товарищем государственного контролера.

¹⁵ Леонтьев мечтал видеть Филиппова обер-прокурором Св. Синода.

¹⁶ Автограф отправленного Филиппову письма И. П. Борисова к слуге-воспитаннику Леонтьева Николаю Орлову, по-видимому, не сохранился. Но тогда же самим Орловым с него была сделана копия, сохранившаяся в первой тетради с наклейками отзывов о сочинениях Леонтьева, которая находится в частной коллекции в Москве. Ниже приводим письмо по этой копии.

¹⁷ Вероятно, здесь ошибка копииста. Следует читать: «„Дитя души“ должно бы нравиться». См. примеч. 2 к п. 3.

14 а

И. П. Борисов — Н. К. Орлову

Николай Кузмич!¹

1879 г., Козель-
ский уезд
Калужской
губернии

Извините, пожалуйста, извините меня, что я так долго не имел средств отослать к Вам сочинения г. Леонтьева.² — Браните меня за неаккуратность, я не скажу Вам ни слова. Но дайте мне по своей добротности право оправдательного слова. — Начав учение в сельской народной школе (Козельского уезда Коробки), я не нашел более удобных книг г. Леонтьева для старшего отделения, конечно, только в некоторых статьях, а то мне многое непонятно. — Что касается книг Водовозова, то они под конец очень сбивчивы по своей длинноте. Ивана Сергеевича Тургенева только и есть два экземпляра: «Певцы» и «Бирюк»,³ да и эти не понравились учителям и даже ученикам; от них ничему жизненному нельзя научиться, разве только брани и роскоши:⁴ он только о себе и своих сочинениях ведет речь; говорит, что он ездил в дрожках и т. п. Ах, сколько бы меня обязали, если бы г. Леонтьеву предложили составить несколько статей для начальных народных училищ, чтобы они были по содержанию не очень длинные, занимательны и поучительны. — Жаль,

что вы не знаете, как сельские школы бедны книгами, годными для чтения. — Но видно так и быть; оставим говорить об одних дрожках — трижды.⁵ Пересылаю вам два тома Леонтьева и тысячу благодарностей за них.

Остаюсь известный вам доброжелатель

Иван Павлович
Борисов.

Автограф неизвестен. В тетради, где наклеена копия с этого письма, Леонтьев в 1891 г. сделал примечание для
Копия Н. С. Орлова: В. В. Розанова: «Сельский учитель Козельского уезда к моему слуге Николаю Орлову. — Впрочем — Ник(олай) Ор(лов) уверял, что учитель этот глуп; и потому его поклонение не лестно».
частный архив (Москва).

¹ Николай Орлов (в доме Леонтьева его для благозвучия звали не Николаем Кузьмичом, а Николаем Сергеевичем; см. 6₂, 34) — козельский мальчик, служивший в гостинице в Оптиной пустыне. Леонтьев обратил на него внимание Успенским постом 1878 г., зимой взял его прислуживать себе в скитской келье, а летом привез в Кудиново (см.: 6₂, 132—133). В 1882 г. Николай женился на Фене, дочери кудиновского повара, также жившей у Леонтьева на положении полуприслуги-полувоспитанницы.

² Речь идет о первых двух томах трехтомника «Из жизни христиан в Турции».

³ Рассказы из цикла «Записки охотника»: «Певцы» (1850) и «Бирюк» (1848).

⁴ От слов «да и эти не понравились» подчеркнуто Леонтьевым. К этому месту Леонтьев сделал следующее примечание: «Довольно глупое суждение; „Брань“ правда есть в „Бирюке“; а слово „роскошь“ некстати употреблено по поводу „Певцов“. — „Пьянство“, „разгул“; а какая же „роскошь“! — в кабаке. — *Вредного для морали ничего для детей простых я в этих очерках Тургенева не вижу, но я нахожу, что они вредны литературно для народа и своей грубой и тонкой яркостью, и многообразностью языка. — Народные рассказы Льва Толстого — вот образец — чистый по форме.*

⁵ Дрожки упоминаются в рассказе «Бирюк» даже не три, а пять раз.

11 мая 1879 г. Оптиная пустынь.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Николай Яковлевич Соловьев пишет мне, что он Вас не так давно видел и что Вы сказали ему: «Леонтьеву следовало бы мне написать о своих условиях».¹ Я этого не знал и потому писал Н. Н. Дурново следующее: «если Вы желаете иметь во мне постоянного и энергичного помощника, то обеспечьте мне 150 р. верных в месяц, и я приеду в Москву даже летом».² Он мне на это ответил, что газета этого не в силах сделать, но чтобы я присылал отсюда свои статьи, они будут скоро напечатаны и оплачены «как следует» (это его выражение).³ Я думаю, Тертий Иванович, Вы мне поверите, если я скажу Вам, что я готов бы трудиться и даром для такой газеты как «Восток» (я получил уже 1-й № ее и *вдохнул свободнее*, как давно уже не вздыхал. Особенно когда прочел статью об ответе Синода Патриарху...⁴ наконец-то слышишь *правду!*). И я уделял бы часть своего времени хоть бесплатно на такую газету, если бы я был, напр(имер), на службе, на должности с хорошим окладом или если бы имение мое Кудиново давало бы доход, вместо того, чтобы требовать с меня рублей 200-250 в год лишних на свою поддержку. Но мое положение до того неопределенно (особенно этот год), что я половину времени моего трачу на самые насущные заботы если не о завтрашнем дне, то о *следующем месяце*. Чем жить через месяц или два? Поэтому и занятия мои таковы. Все эти «Воспоминания о Фракии»⁵ и т. д. («Русский Вестник») печатаются лишь для того, чтобы было или чем % в банк заплатить,⁶ или чтобы потом хоть 2-3 недели отдать чему-нибудь более близкому сердцу, более дорогому для ума. Я осенью начал работу из современной русской жизни⁷ (в самом пессимистическом духе и анти-ли-

беральном вместе с тем); прав ли или нет в том пессимизме, который проповедует мой герой; но у меня нестерпимая потребность это написать; написал 5-6 глав еще до Рождества; но с тех пор благодаря *секвестру* Каткова (о котором я, кажется, Вам писал)⁸ не могу оторваться от срочных трудов и не могу к работе возвратиться. Из этого одного Вы видите, каковы дела мои.

Положим, я до того рад появлению газеты «Восток», что все-таки урвусь писать для нее статьи и даже тотчас по приезде моем в деревню (я еду завтра, имение мое от Оптиной 60 вер(ст)) — займусь для начала одной небольшой статейкой по поводу виденного мною недавно в Калуге *братства для борьбы против староверов*.⁹ Я думаю, Вы моей заметкой будете довольны; я сведу на Болгарский вопрос и напомним, что Болгарский раскол несравненно хуже русского по 1000 причин.

Кроме того, у меня есть почти готовая статья, написанная прошлым еще летом по поводу Берлинского трактата¹⁰ совсем не в духе пошлого Катковского всесокрушения препятствий.¹¹ *Есть соображения* поглубже немедленного разрушения Турции — в наших интересах — я думаю, что, отдавши *некоторую* справедливость Берлинскому трактату (именно в смысле *нерешения*), я сделаю цензурную пользу газете. И вообще надо бы хвалить Пр(авительст)во где только можно для того, чтобы быть как можно свободнее по церковному вопросу. Прежде всего, с точки зрения церковной надо образумить нашу публику и нашу дипломатию и обличать все строже и строже либерализм известной части нашего духовенства.

— «Все это так, Вы скажете, но где же условия?»

Условий *никаких*; я буду писать когда могу и без условий; я неисправим в моей искренности и в моей вере в добрые чувства людей; построчной платы в этой газете я не знаю; но думаю, что мне будут платить лучшую цену. А что было бы мне дороже и приятнее теперь всего — это хоть 50 р. *верных в месяц*. Понимаете, лучше плату построчную понижайте, но чтобы Дурново *высылал* мне до осени в деревню к каждому первому числу 50 р.; тогда я могу оставить на время почти всякую другую рабо-

ту; а запаса у меня достаточно. Правда, меня смущает немного бедность *справочных* средств (в деревне и здесь), но это еще не беда: у Дурново все есть под рукой; он может исправить и дополнить факты. Одним словом — силы бы мои утроились, если бы Вы согласились и убедили бы Дурново выслать мне к 1-му июня 50 р. и т. д. *до октября только в виде опыта*, и если я все это не заработаю с избытком и с успехом, то можно осенью изменить систему на обыкновенную. Мое положение исключительное, характер мой тоже какой-то особенный, и потому надо мне верить; я сам знаю лучше, что мне удобнее для работы. Стоит мне в *моей* деревне иметь верных 50, 70 р. в месяц — я нигде, ни в Оптиной, ни в столичной гостинице *на юру* не могу так много наделать дела.

Вот вам откровенная моя речь, глубокоуважаемый Третий Иванович! Вы еще не видали меня в настоящем деле и при сносных условиях. Я могу сделать еще очень многое. Надо дать мне дышать. Может быть, Вы придумаете-таки, как бы на зиму меня в Москве устроить. Там, конечно, надо больше в месяц; но раз нанявши себе холостую квартиру и устроившись покойно — я бы мог иначе жить и трудиться, чем в гостинице, которая пожирает деньги, а покоя не дает.

В заключение этого письма прибавляю два слова о службе. Во-1-х, в министерстве нашем все еще не хотят от меня отказаться и ничего не решают. Во-2-х, на днях я ездил в Калугу по делам имения и банков и познакомился там у Губернатора Шевича с граф(иней) Блудовой,¹² которая хочет тоже обо мне хлопотать. В-3-х, сам Шевич взял у меня записку о моей прежней службе и хочет постараться добыть мне вице-губернаторское место.¹³ Я предпочитаю это консульству. И консульство возьму, но *поневоле*, а вице-губернаторское место с радостью. *Особенно* в это смутное время. Этого рода борьбу я люблю и солуньской скуки,¹⁴ южной лихорадки, петербургской сырости и тифа (да еще плохих перевозов через воду) боюсь гораздо больше, чем всех этих подлецов, которых с совершенным спокойствием готов и предать и даже сам повесить, если можно... Один вид не только нигилиста, но даже и либерала располагает

меня просто к жестокости. Это все я Вам сообщаю для того, чтобы Вы могли мне и с этой стороны Вашим влиянием и Вашими связями облегчить дело, если Вам угодно.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 18—21.

Цитируется: 6, 361;

7, 743—745.

С глубоким уважением и искренней признательностью остаюсь Ваш
К. Леонтьев.

Я пишу в контроль, потому что в Петербурге очень часто меняются квартиры; не знаю, тот ли Ваш адрес. А мой до осени: Кал(ужской) г(уб.) Мещовского уезда почтовая станция Щелканово, сельцо Кудиново.

¹ Письмо Н. Соловьева не сохранилось, ответ Леонтьева на него тоже, к сожалению, неизвестен.

² Местонахождение письма неизвестно.

³ Ср. в письме Н. Н. Дурново: «... При всем желании иметь Вас ежедневным сотрудником, мне приходится довольствоваться теми статьями, которые Вы пришлете из тихой Оптиной пустыни; впрочем я не отказываюсь присылать Вам некоторые материалы для статей, в виду нынешних событий на Востоке. (...) Статьи присылайте, они будут оплачены, как то следует» (цит. по: 7, 742).

⁴ Речь идет о статье: (Дурново Н. Н.) По поводу послания Всероссийского Синода Вселенскому Патриарху // В. 1879. 1 мая. № 1. С. 5—8. В ней говорилось о неправоте болгар в церковной распри со Вселенской Патриархией. Статья вызвала возмущение И. Аксакова (см. его письмо к Гилярову-Платонову от 7 мая 1879 г.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Ч. 2. Т. 4. С. 282—283).

⁵ «Мои воспоминания о Фракии» (РВ. 1879. № 3. С. 256—289; № 5. С. 206—224; № 9. С. 111—182). Фракия — область на юго-востоке Балканского полуострова (от Карпат до Эгейского моря и от Черного моря до границы с Македонией, проходящей по р. Вардар). Центр этой области — г. Адрианополь (тур. Эдирне), в котором Леонтьев служил в 1864—1867 гг.

⁶ Имеется в виду Калужский общественный земельный (Малютинский) банк в Калуге, где в 1874 г. было заложено имение Леонтьева под 1300 руб. кредита (см.: 6, 310). Эта операция втянула писателя в череду новых и новых долгов.

⁷ Речь идет о неоконченном романе «Пессимист» (варианты названия: «Пророк в отчизне», «Против течения»). См.: 5, 906—913.

⁸ См. п. 8.

⁹ Подобные братства возникали в 1870-е гг. в ряде епархий (в 1872 г. в Москве основано Братство св. митрополита Московского Петра, в Поволжье еп. Иоанникием (Рудневым) было учреждено Братство св. Креста, и т. д.).

¹⁰ Берлинский трактат — договор, подписанный на Берлинском конгрессе 1 (13) июля 1878 г., окончательно утвердивший результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Сербия, Черногория, Румыния и Болгария (Болгарское Княжество — северные территории Болгарии) признавались независимыми государствами. Южная Болгария (в Турецкой Империи называемая Восточной Румелией) становилась автономной провинцией, управляемой генерал-губернатором. Македония и Южная Фракия оставались в составе Турецкой Империи.

¹¹ Местонахождение статьи неизвестно. Вероятно, она создавалась для газеты «Русский мир». В 1878 г. там было опубликовано две статьи Леонтьева: «Враги ли мы с греками?» (11 янв. № 9. С. 1) и «Территориальные отношения» (7 февр. № 36. С. 1; подп.: Н). Написанная в январе для той же газеты статья «Храм и Церковь» была отвергнута редакцией и напечатана чуть позже в «Гражданине» (7 марта. № 10. С. 195—197; 19 марта. № 11—12. С. 221—223).

¹² Гр. А. Д. Блудова приходилась калужскому губернатору И. Е. Шевичу теткой (по матери, А. Д. Шевич, урожд. гр. Блудовой). 26 ноября 1879 г. Леонтьев рассказывал о встрече с ней в письме к Н. П. Игнатьеву: «Весной здесь проезжала Графиня Блудова (ее племянник И. Е. Шевич у нас губернатором); она познакомилась со мною и тоже взялась ходатайствовать за меня в Петербурге. — Я буду ей писать» (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3301. Л. 19 об.—20).

¹³ Ср. в том же письме к Игнатьеву: «...г. Шевич, весьма ко мне расположенный, полагает, что меня бы без труда могли бы сделать Вице-Губернатором, если бы нашелся человек с весом, который захотел бы горячо рекомендовать (меня) Министру Внутренних Дел и г. Мансурову» (Там же. Л. 20).

¹⁴ О Салониках (центре Македонской области) в 1871 г. см. в воспоминаниях М. В. Леонтьевой: 6₂, 105—106.

16
Филиппов — Леонтьеву

Вожделенный Константин Николаевич.

Председателем Московского Цензурного Комитета только что назначен Тайный Советник Кожухов,¹ который поручил мне передать Вам, что в сем Комитете предвидятся упразднения. Одно из будущих праздных мест, т. е. должность цензора с 3000 р. содержания, могла бы быть предоставлена Вам, если Вы не имеете решительного нераспо-

Начало декабря
1879 г., Петербург

ложения к цензорским обязанностям. Если бы Вы были против этого, то потрудитесь уведомить меня, дабы я мог в свою очередь известить Кожухова, который в таком случае перестанет на Вас рассчитывать. Аще ли же соизволяеши сему доброму подвигу,² то, по получении сего письма и по благословении у старца, поезжайте в Москву, чтобы познакомиться с человеком, который будет сердечно рад приобрести в Вас сотрудника. Он тоже студент Московского университета, кончивший курс в 1846 году.

Жму дружески Вашу руку или еще лучше: Целую вы аз Тертый, написавый послание сие о Господе.³

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 7.

Цитируется:

б., 659—660, 421.

Сию минуту кончил Вашу статью об о. Клименте.⁴ При свидании кое-что поправлю в Вашем рассказе; теперь же ограничусь замечанием, что о. Климент поступил в Оптину уже по смерти о. Макария.⁵ Сей последний скончался в 1861 году, а о. Климент оставался моим товарищем до марта 1862 г., т. е. до выхода из Св. Синода Гр(афа) Толстого.⁶

¹ Речь идет о Е. А. Кожухове.

² Источник не установлен. Возможно, это контаминация цитат. Ср.: 2 Тим. 4: 7 («Подвигом добрым я подвизался...»).

³ Рим. 16: 22. Филиппов любил, прибегая к этой цитате, напоминать о своей соименности со св. апостолом Тертием. В 1879 г. он даже пользовался печатью с этой надписью, что вызывало осуждение современников. См.: *Фанариоты*. I. С. 141—142.

⁴ В декабрьской книжке «Русского вестника» закончилась публикация книги «Отец Климент» (РВ. 1879. № 11, 12; см.: 6, 339). В постскрипуме к письму гр. А. Г. Толстой от 5 декабря 1879 г. Филиппов упоминает эту вещь: «Вы заметили, без сомнения, статью г. Леонтьева об о. Клименте в Р(усском) Вестнике?» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1263. Л. 194 об.). Гр. Толстая хорошо знала о. Климента, служившего некогда в Синоде под началом ее мужа; кроме того, о. Климент в 1873 г. ездил в Германию напутствовать св. тайнам умиравшего гр. А. П. Толстого.

⁵ В книге Леонтьева приводился рассказ о. Климента о том, как старец Макарий благословил его стать монахом (см.: 6, 280).

⁶ Филиппов точен: К. Зедергольм поступил в скит 31 марта 1862 г., в Лазареву субботу; 3 августа 1863 г. он был пострижен в рясофор, 9 сентября датирован указ духовной консистории об определении его в скитское братство. См. также: 6, 422.

14 декабря 1879 г. Калуга.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Я, придерживаясь с Вами старого изречения, что в иных случаях лучшая политика есть политика откровенности,¹ скажу Вам в ответ на Ваше доброе и глубоко тронувшее меня письмо — вот что: *не знаю, что мне делать!* Вообразите, Ваше письмо с предложением Кожухова пришло вслед за письмом Губастова из Варшавы.² Он был так мил, что, не зная вовсе, где я теперь, написал *три одинаковых письма*: в редакцию Каткова, в Оптину и в мою деревню. Теперь я получил *два* и ожидаю 3-го. По-сылаю Вам один экземпляр, чтобы Вы наглядно представили себе, как искусительны его предложения.

Накануне получения Вашего письма я ответил ему телеграммой, что *согласен*. Конечно — Губастов друг и лицо в этом деле частное; отказаться можно в виду лучшего. Но что лучше? Вот вопрос! В Цензурном Комитете я буду получать, строго говоря, не 3000, а 2400, потому что на действительной службе лишусь тех 600 р. пенсии, которые получаю. Я не говорю уже о тех шансах издавать что-нибудь самому помимо всяких Катковых, как обещает Губастов. Боюсь, не будет ли это слишком по моим годам (и главное по службе моей) — слишком молодо — увлекаться через меру надеждами на деятельность литературную более удачную, чем судил мне Бог до сих пор (именно Бог, ибо только мысль о воле Божией может помирить меня с той *недостаточной* литературной ролью, которая мне выпадала до сих пор и которую, отлагая неуместное между нами лже-смирение, я считаю, конечно, вовсе не сообразной с моими силами). Итак, дело не в одном только «типографском станке», предоставляемом мне друзьями в Варшаве, а во многом другом.

Напр(имер), вообще здоровье еще не дурно теперь. «Сам собой — ничего», как говорят докторам мужики-солдаты, но горло часто болит уже который год и, не представляя никакой опасности, этот скучный катарр каждую зиму меня очень стесняет и мешает той деятельной жизни, которую я бы желал вести и которую веду, когда это дурацкое горло не заставляет меня выходить с *респираторами*, возиться с *пульверизаторами*³ и т. п. гадкими изобретениями прогресса.

В *Варшаве зима сравнительно легка*, и я верю врачам, когда они говорят, что вполне от этого катарра может меня излечить только *vis naturae medicatrix*,⁴ т. е. перемена климата. Но и на это можно возразить: кто же мешает человеку, прослуживши год старательно и терпеливо, взять позднее отпуск даже в Ниццу на 3-4 самые морозные наши месяцы? Коронная служба широка и великодушна (сравнительно с частной зависимостью) ... И т. д. и т. д. и т. д.

Колебание тут естественно между Вашим проектом и предложением кн. Голицына, — не потому, что то и другое плохо, а потому, что и то и другое представляется очень хорошим для человека, прожившего пять лет в раздирающей зависимости от Каткова и Калужских банков, безвыходный круг, который вдруг в двух местах неожиданно разверзается на весьма приятные перспективы. Кстати о Каткове, — у него столько коммерческого цинизма в сношениях с сотрудниками (по крайней мере со мной), что он, пожалуй, цену удвоит мне за то, что я цензор и получаю 3000 и могу без него в крайности обойтись.

Вот еще условие в пользу Москвы. А главное условие — это зависимость от *матушки-казны*, от *Государя* и его министров.

Нужно попробовать, (кто знает,) что значит зависеть от зверя-редактора — тот оценит это вполне ...

Итак, что же? А вот что: Вы меня любите, Вы меня «жалуете», как говорит народ у нас в Калуге (вместо *любите*). Я Вам *верю*. Решайте Вы *безбоязненно*, Третий Иванович, даю Вам слово, что и в мысли у меня никогда укора и раскаяния не явится. Вы лично все-таки мало меня знаете.

Но будьте уверены, что в этого рода вопросах у меня много твердости, я не укорю и себя никогда за то, что положился на Вас. С годами я стал фаталистом настолько, насколько вера наша это разрешает — именно в житейских делах. Я не *Вашей* воле мою тут подчиняю: нет! Я *перекрестился* и сказал себе: «пусть устами Филиппова скажется мне воля Господня». И Вы сделайте вот что: тоже перекреститесь и, прочтя письмо Губастова, поступайте так, как шепнет Вам сердце Ваше, если в пользу Москвы, то не говоря ни слова Кожухову о Варшаве, скажите ему, что я согласен, и напишите мне, что мне делать, когда, куда и кому подавать прошение — ехать ли сейчас в Москву и т. п., а если Вы склонитесь в пользу Варшавы — то так и напишите мне; только Вы сами знаете, что медлить нельзя. Самое лучшее, если бы Вы потрудились телеграфировать мне несколько иносказательно для приличий и очень *ясно для меня*. Вы пишете: благословясь у старца. Старец мой занят, болен, далеко, Вы мой старец в этом случае и кончено. Впрочем, я отцу Амвросию написал извещение об этих делах;⁵ и, излагая ему кое-что о Варшаве, сказал, чтобы он не скрыл бы от меня, если он имеет противу жизни в Варшаве что-нибудь с *духовной точки* зрения. Но что он может найти противу этого? Общество католиков — утвержденному Православию полезно — оно его лишь возбуждает...

Я писал ему на этот раз по обычаю духовного сына, который его очень любит, и больше ничего. Я знаю, что он даже и не станет вмешиваться в подобное решение. Не возьмет на себя, и потому Ваше старчество с его благословением в антагонизме не будут.

Еще прибавлю, чтобы не ввести Вас в заблуждение, — колебания мои не болезненного, а напротив, очень веселого рода: мне нравится и то и другое по разным причинам. Поэтому не стесняйтесь. Впрочем — если это предоставление судьбы моей на Вашу волю кажется Вам уже слишком оригинальным, то ответьте поскорее, будьте так добры, и я решу немедленно сам, говоря: и так — воля Божия: *все равно!*

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 21—25.

Цитируется: 6, 399.

Ответ на п. 16.

Благодарить много не буду: письмо и без того непозволительно велико. Вы мне поверьте и так, если я скажу только: *чувствую, чувствую, чувствую!*⁶ и остаюсь признательный и преданный Вам К. Леонтьев.

Катков или Любимов выбросили из статьи *все*, что я сказал отчасти от себя, отчасти устами Климента в пользу Вселенской Патриархии.⁷ Что за свинство! Дурново жалуется на ожесточение даже и Каткова противу «Востока».⁸ Чего эти люди хотят, — не пойму!

¹ Перевод французской пословицы.

² См. письмо К. А. Губастова от 4 декабря 1879 г.: 7, 763—764. Губастов в это время служил в Варшаве при генерал-губернаторе дипломатическим чиновником и одновременно был цензором газеты «Варшавский дневник», куда и пригласил Леонтьева в качестве помощника редактора (кн. Н. Н. Голицына).

³ В копии: «пульвизаторами».

⁴ Целительная сила природы (лат.).

⁵ Местонахождение писем Леонтьева к преп. Амвросию Оптинскому не выявлено.

⁶ Леонтьев любил употреблять парафраз на тему речей купцов А. Н. Островского: «А ты чувствуй!» (ср. в комедии «Не все коту масленица»: «Да только ты чувствуй это!»; в комедии «Воевода (Сон на Волге)» (1865): «Ты это чувствуй»). Ср. в п. 164 и 189 (с. 468, 558).

⁷ В отдельных изданиях Леонтьев, к сожалению, не имел возможности восстановить эти места.

⁸ Об этом Н. Дурново писал Леонтьеву 4 августа 1879 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 3) и в недатированном письме, которое по содержанию относимо как раз к декабрю того же года (Там же. Л. 4). Ср. письмо Дурново к Филиппову от 7 июля 1879 г.: 7, 750.

18

Филиппов — Леонтьеву

17 декабря
1879 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Москва лучше Варшавы, и потому поезжайте в Варшаву только в том случае, если Москва не удастся. В Москве свободного места еще нет, но между Кожуховым и Питером решено, что их будет два, а может быть и

три. Второе из них хронологически будет Ваше, ибо первое предназначено уже избраннику кн. Долгорукого.¹

Цензорское место казенное — 8 класса, из этого пристанища можно выйти, при благоприятном стечении обстоятельств, и на более видное и приятное место. А из Варшавы куда пойдешь?

Итак, по моему мнению, надобно собрать последние крохи и ехать в Москву, где, как мой приятель, Вы будете приняты à bras ouverts.² И затем уже, если Вы увидите, что в Москве Вам что-нибудь сильно не понравится, переезжайте в Варшаву — *faute de mieux*.³ Сию минуту получил верное извещение от самого Берга, чрез посредство Л. Ф. Тухолки (бывшего) Филиппопольского губернатора), что Берг уже не редактор «Варшавского Дневника» и что на его место назначен кн. Голицын. Как помирить это с тем, что Вы приглашаетесь на должность помощника только до выбытия Берга? Виноват. Перечитав, вижу, что Вам предлагается место помощника, лишь только Берг будет вытеснен. Ну он, слава Богу, уже не редактор.

Еще раз: поезжайте в Москву, где ничего не узнают о Варшавском предложении, пока Вы сами о нем не скажете.

Прибавлять к 3000 р. заработок гораздо веселее, чем к 1200 р. Шутка сказать, на 2000 р. написать строчек. Хорошо тому, кому ни одна строчка не стоит никакого душевного напряжения. А писать от сердца и из душевной глубины, да поставить на 2000 р. строчек. С ума сойдешь. Целую Вас.

Ваш Т. Филиппов.

СПб. 17 декабря 1879.

Жду ответа.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 8.

Цитируется: 6, 660.

Ответ на п. 17.

¹ Возможно, речь идет о В. В. Назаревском, поступившем в Московский цензурный комитет одновременно с Леонтьевым. Долгорукий — московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков.

² С распростертыми объятиями (франц.).

³ За неимением лучшего (франц.).

19 декабря
1879 г., Петербург

19
Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

На другой день после отправления к Вам письма получил письмо от Кожухова,¹ где он уведомляет меня, что ему дозволено провести праздники в Твери (где он был вице-губернатором и где остается до лета его семья) и что в Москву он отправится только 3 января 1880 г. При этом он просит меня еще раз Вам написать, что мною уже и сделано. Между нами сказать, он получил свое назначение при моем настойчивом содействии и потому Вам с ним будет хорошо: он человек весьма способный к признательности, а это свойство очень хорошее, даже редкое.

Хорош человек, который поит и кормит, а вдвое лучше, кто старую хлеб-соль помнит.

Теперь вопрос: ехать ли Вам к нему в Тверь? Если только Вам позволяют средства, то я советовал бы; ибо коль скоро у Вас с ним будет все покончено, то за Питером дело уже не станет. Не рвите совсем с Варшавой, а как-нибудь протяните решение какими-либо из известных Вам дипломатических приемов. Мне было бы очень горько, если бы мое вмешательство в Вашу судьбу обратилось как-нибудь Вам в ущерб; но преимущества цензорского положения (при данной обстановке) пред тем, что Вам сулит Варшава, до того разительны, что тут нечего сравнивать. Кн. Голицын Вас во всяком случае подождет.

Пишите мне скорее, едете ли Вы в Тверь, или поедете после 3 января в Москву? Во всяком случае, т. е. если бы Вы в Тверь (где доживает еще Ф. Н. Глинка, офицер 1802 года²) ехать не решились, то напишите Евгению Алексеевичу Кожухову письмо.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 19 декабря 1879.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 9.

Цитируется: 6, 660.

¹ Письмо не выявлено.

² Ф. Н. Глинка служил в Твери в 1830—1832 гг. советником губернского правления, а с 1862 г. обосновался в этом городе, приобретя дом на Козмодемьяновской ул. (ныне ул. Желябова, д. 30; дом сохранился). См.: Жизневский А. К. Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890. Филиппов точен в подробности биографии Глинки: в 1802 г. по окончании 1-го Кадетского корпуса тот был выпущен прапорщиком в Апшеронский полк (в современной российской армии это соответствует званию младшего лейтенанта). Возможно, в именовании Глинки офицером содержится отсылка к названию самой известной его книги — «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год» (1815 — 1816).

20

Леонтьев — Филиппову

20 декабря

1879 г., Калуга

20 декабря 1879, Калуга.

Вы пишете, глубокоуважаемый Тертый Иванович, что место цензора *еще сейчас не свободно*, а из Варшавы жду с часу на час денег на дорогу, и мне телеграфируют с просьбой быть туда к 28 декабря. Я отвечал вчера, что *постараюсь*.¹ О Москве даже и Губастов не знает ничего и не будет знать до срока. Я решаюсь так: на днях, как получу деньги, так все-таки поеду в Варшаву на Москву. Мне кстати расчет видеть Каткова. В Москве повидаюсь с Кожуховым, и он скажет мне, кому и как подать прошение; ему я скажу, что по личному частному делу еду на короткое время в Варшаву и явлюсь оттуда тотчас по назначении. Так ехать в Москву прямо решительно невозможно. Откровенно говоря, просто денег нет и негде достать и, наконец, может быть, придется и месяц и более ждать

окончательного назначения на должность цензора. Так же, как я говорю, будет всем безобидно. Вы согласитесь с тем, что коронная служба хотя и лучше варшавской зависимости от одного лица (кн. Голицына), но ведь *надо получить назначение*, а то, как бывало и в Азиатском Департаменте, до последней минуты не знаешь, кого метят назначить в Тульчу или Янину, меня или другого.²

Голицын и Губастов не могут быть в претензии на меня за то, что вслед за их частным приглашением мне вдруг пришло другое — лучшее. Я Губастову скажу об этом тогда, когда все в Москве и Петербурге будет окончено в мою пользу. Зачем его ставить противу Голицына в ложное положение. А может случиться и так: свидание с Кожуховым в Москве решит все скорее, чем теперь кажется... тогда я останусь в Москве, а Голицыну вышлю обратно деньги. В Москве я для такого случая всегда у Калигулы своего Михаила Никифоровича³ найду.

Я сам Москву уже потому предпочитаю, что она может быть мне *пристанью* по вкусам моим; а в Варшаве умереть не хотелось бы.

Не правда ли, я хорошо продумал в смысле *самосохранения*? На Вас надеюсь, как на каменную стену, и потому доверяю Вам всю *суть* этой моей *борьбы за существование* (à la Дарвин).

Не знаю только адреса *Кожухова*, но это легко будет узнать в Москве. Если Вы имеете что мне сказать на это, напишите в *редакцию Каткова* — *оставить до востребования*, а то они перешлют сюда и письмо может меня не застать. Впрочем, ранее 26-27 я отсюда не думаю выехать.

Ответ на п. 18.

Остаюсь навсегда всей душой Вам преданный К. Леонтьев.

¹ Леонтьев, вероятно, отвечал также телеграммой. Его письмо к Губастову датировано уже 26 декабря 1879 г. (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 88—89 об.). В Варшаву Леонтьев прибыл не позднее 5 января.

² После тульчинского вице-консульства нового назначения Леонтьев дожидался около трех месяцев и не был уверен, что попадет именно в Янину. 15 ноября 1868 г. он писал Губастову из Петербурга: «Я на волоске по обыкновению. Если после Святослава»

я не буду Консулом в Янине или в Смирне (...) и если не устроюсь на днях выгодно с редакцією нового журнала „Заря“ — так просто беги с этого света!» (Памяти Леонтьева. С. 205).

³ Речь идет о Каткове.

1880

21

Филиппов — Леонтьеву

15 января 1880 г.,
Петербург

СПб. 15 января 1880.

Многоуважаемый Константин Николаевич.

Я не писал Вам, потому что очень занят, а между тем с сентября болят глаза. Когда что будет нужно, то непременно напишу. Кожухов уже в Москве с 7 января; надобно ждать — лучше с терпением, ὑπομονῆς ἔχετε τῇν χρείαν.¹ Впечатление на Кожухова Вы сделали обаятельное. «Варшавский Дневник» я получал при Берге, а при кн. Голицыне не получаю и потому Вашей фурибундной статьи не читал.²

Вам неизменно преданный Т. Филиппов.

По-видимому, не сохранилось письмо (или телеграмма) Леонтьева, на которое отвечает здесь Филиппов. Леонтьев, конечно, не мог не поздравить его с Рождеством, Новым годом, именинами (о последних см. примеч. 1 к п. 40).

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 6.

¹ Греч. текст Евр. 10: 36 («Терпение нужно вам ...»). Указано В. Б. Прозоровым.

² От франц. *furibond* — яростный, неистовый. Первая статья Леонтьева в «Варшавском дневнике» — «Болгарские дела и „Русские ведомости“» (ВД. 1880. 7 янв. № 5. С. 3; подп.: К. Н. Л—ъ) — была посвящена волновавшему и его, и Филиппова Болгарскому вопросу и представляла собой отклик на передовую «Русских ведомостей» (1879. 31 дек. № 332. С. 1), где говорилось о государственном перевороте в Болгарии. См.: 7, 108—110.

22 февраля
1880 г., Варшава

22
Леонтьев — Филиппову

22 февраля 1880. Варшава
(Адрес: Редакция *Варшавского Дневника*).

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Вы, конечно, знаете очень хорошо, что значат срочные занятия при газете, и потому поверите мне, если я Вам скажу, что более месяца *мечтал* написать Вам письмо и никак осуществить этой мечты не мог до сегодняшнего утра.

Я получил от г. Кожухова с месяц назад письмецо в пять строк с приглашением к *терпению*.¹ Да я нетерпения и не выражал, а хотел только известить его о том, что я еще жив и *жду* вызова с его стороны. Вот и все. Но до сих пор нет ни слуха ни о какой вакансии. Видно, тем *старикам*, о которых он говорил, министерство финансов медлит назначить хорошую пенсию.² «Варшавский Дневник» мог бы, конечно, совершенно поглотить меня, если бы он был не *Варшавский*, а *Московский*. Все-таки неприятно — трудиться серьезно (и не *без претензии*, конечно) при органе почти провинциальном, который сколько ни старайся говорить дело, все-таки не заставит обратить на себя настоящего внимания. К тому же и *Варшава* мне ужасно не нравится; пусть бы это был город совсем оригинальный, по крайней мере, настолько, как Царьград, а то ни для *объективного* созерцания ничего тут нет, ни утешений для русского сердца.³ Что касается до Редактора князя Н. Н. Голицына, то это благороднейший человек: ⁴ он бьется с этой газетой, почти один заведую всей материальной частью, и до сих пор видит только одно — что подписка увеличивается. Последние дни на улице продавали только здесь по 1000 №№; но князю, разумеется, не хотелось бы ограничить свое влияние

одной Варшавой или Польшей. Не посоветуете ли Вы, Третий Иванович, как способствовать тому, чтобы газета приобрела и в столицах значение, как орган, выражающий мнения, *кажется, в наше время не лишние?*

Князь не знает ничего о моих надеждах получить казенное место, я не хочу его огорчать этим, но вместе с тем не могу и жертвовать своей обеспеченностью и своим относительным спокойствием делу, во-1-х, не очень верному, а во-2-х, недостаточно *влиятельному*, чтобы результаты его вознаграждали меня и за неверность положения (при всякой газете), и за варшавскую скуку, и за тягость срочной работы. Разумеется, что я предпочту место цензора моей варшавской деятельности (то, по крайней мере, полезно, скромно, покойно и не *претендательно*); но помочь князю в его благородных и искренних намерениях я и издали готов всей душой: и *писать* рад буду для него и из Москвы. Не поможете ли и Вы ему как-нибудь Вашим огромным влиянием?

Меня очень огорчило, что Вы оставили Председательство Славянского Комитета;⁵ К. Н. Бестужев очень хороший человек, но я бы не его желал видеть во главе подобного учреждения. Он и не изобретателен, и не смел!

О Петербурге и о делах его я молчу... Я нахожу, что нам решительно на умеренно-либеральном пути нет спасения и, может быть, нам осталось только одно средство сорваться с общеевропейских рельсов — это молить Бога, чтобы *поскорее* променять *Неву на Босфор* или *варяг в греки!* Вероятно, и Вы того же мнения.

С глубоким почтением остаюсь навсегда искренно преданный Вам
К. Леонтьев.

«Газету» Вам высылают; я думаю, что князю был бы очень приятен Ваш письменный *ему самому* привет и ободрение.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 27—28.
Цитируется:
7, 771—772.

⁵ Местонахождение писем Е. А. Кожухова к Леонтьеву и письма Леонтьева, на которое в январе 1880 г. Кожухов отвечал, неизвестно.

² Речь идет о цензорах Я. И. Прибиле и Ф. И. Рахманинове.

³ Ср. в письме к Л. Н. Толстому от 2 марта 1880 г.: «Сам город этот (Варшава) сделан для того, кажется, чтобы возненавидеть еще больше *нынешнюю* европейскую цивилизацию. — Здесь все лишь *худшее* взято из европейских столиц и скука живому русскому человеку тут нестерпимая!» (цит. по: 7, 782).

⁴ Ср. в том же письме к Толстому о кн. Голицыне: «... человек благородный, даровитый, убежденный, твердый» (цит. по: 7, 760).

⁵ Филиппов сменил на этом посту скончавшегося в 1872 г. А. Ф. Гильфердинга.

23

Филиппов — Леонтьеву

1 марта 1880 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Пишу только два слова, чтобы выразить Вам чувство моей радости и признательности за то, что Вы дали прочесть мне в «Варшавском Дневнике». ¹ Многое, что сказано Вами, поразительно и неожиданно хорошо. «Неожиданно» для меня.

Буду писать и кн. Николаю Николаевичу ² и благодарить его за благосклонное доставление газеты. Проносить имя ее, яко благо, ³ буду всюду и сегодня отправляясь на обед с Катковым, ⁴ беру с собою последний номер «Варшавского Дневника», где Вы беседуете с жалким Градовским. Жаль, что Вы в числе стоящих ошуюю поставили Брайта и в числе *десных* поставили *(пропуск в копии)*. ⁵ Бrait и Гамбетта — что же тут общего? Бrait с благоговением относился к какому-то знаку благосклонности Императрицы Александры Федоровны к его дочери (расспрошу у Грейга и Вам обязательно напишу); ⁶ а Паскевич не Муравьев, *(пропуск в копии)* к которому я послал строгий запрос, не получаю ничего. Может быть, это делается *смотрительно*, ибо литература должна иметь Вас целиком. Это не значит уменьшение моих работ, но так как-то оказалось при встрече с замедлением вовсе неожиданным и при вести об отставке Григорьева. ⁷ Не у явися, что будем. ⁸

Говорят очень много об отставке Гр(афа) Толстого, и на этот раз так громко и так высоко, что это получает серьезное значение.⁹

Обнимаю и целую Вас. Хотел было написать два слова, но уста мои отверзошася к вам, Коринфяне.¹⁰

Ваш Т. Филиппов.

СПб. 1 марта 1880.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 9.

Цитируется:

7, 850—851, 855.

¹ Филиппов откликается на первую часть статьи «Чем и как либерализм наш вреден?» (ВД, 1880. 27 февр. № 46. С. 3—4; 13 марта. № 59. С. 3—4; вошла впоследствии в сборник «Восток, Россия и Славянство»: М., 1886. Т. II. С. 123—142). На эту статью Филиппов обратил внимание Победоносцева, который, в свою очередь, передал ее Цесаревичу с сопроводительной запиской. См.: 7, 851.

² Редактору «Варшавского дневника», кн. Н. Н. Голицыну. Местонахождение письма неизвестно.

³ Перифраз Лк. 6: 22 («Блаженни будете, егда <...> пронесут имя ваше яко зло...»).

⁴ Катков в это время был в Петербурге.

⁵ Филиппов откликается на слова: «Многим дворянам Гамбетта или Брайт нравятся больше, чем Муравьев (Виленский) или Паскевич...» из статьи «Чем и как либерализм наш вреден?» (7, 127), вызванной напечатанной в газете «Голос» статьей А. Д. Градовского «Смута» (1880. 14 февр. № 45. С. 1—2).

⁶ Намерение осталось неисполненным. О С. А. Грейге как давнем и постоянном покровителе Филиппова см.: Алексеева. С. 23, 25. Эпизод, припоминаемый Филипповым, относится к началу 1854 г., когда Дж. Брайт посетил Петербург вместе с делегацией квакеров, которая засвидетельствовала Императору Николаю I, что выступают против Восточной войны.

⁷ В. В. Григорьев покидал пост начальника Главного управления по делам печати.

⁸ 1 Ин. 3: 2. В копии ошибочно: «будет». В русском переводе: «...Еще не открылось, что будем».

⁹ Гр. Д. А. Толстой покидал посты обер-прокурора Св. Синода и министра народного просвещения.

¹⁰ Измененная цитата: 2 Кор. 6: 11 («Уста наша отверзошася к вам, коринфяне...»).

12 марта 1880 г.,
Варшава

24
Леонтьев — Филиппову

12 марта 1880 года, Варшава
(Вержбовая улица, Английская гостиница, № 11).

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

В ответ на Ваше последнее письмо я начну прежде всего с моих дел (простите!). Посылаю Вам *доверительно* письмо Игнатьева,¹ из которого Вы узнаете престранные вещи. Я писал ему еще из Калуги, осенью,² до получения приглашения в Варшаву и до письма Вашего о цензурской должности. По совету Калужского Губернатора Шевича (племянника гр. Блудовой) — я стал думать еще с этой осени о получении Вице-Губерн^аторского места. Сам Шевич хотел хлопотать обо мне, как только поедет в Петербург. Что касается до Игнатьева, то он не раз мне на деле доказывал, что желает поддержать меня. В этом я верю ему; иначе, напр^аимер, какая бы и нужда ему была писать мне письмо и еще через несколько месяцев помнить! Что Вы скажете (или что Вы *подумаете* по крайней мере) о тех лицах, которые в Минист^арстве Внутр^аенних Дел не одобряют с государственной точки зрения мои статьи в «Востоке» о болгарской схизме?³ Я же не знаю, что и подумать. Еще прежде получения письма от Игнатьева я телеграфировал Кожухову так: *неужели мои надежды должны рушиться?* И вот какую ответную получил. Неблагоприятного пока в ней ничего нет; но взявши в расчет сведения Игнатьева, я полагаю, что с одной стороны надо бы и тени подозрения Кожухову не давать о *литературных взглядах* (должно быть, Мансурова⁴), а с другой — найти средства нового давления на Минист^арство Внутр^аенних Дел в мою пользу. Я место цензора в Москве всему предпочитаю — и Вице-Губернатору, и деятельности при газете, и возвраще-

нию на Восток. Я все-таки устал в этой тщетной борьбе с неопределенностью положения с тех пор, как вышел в отставку, и в Москве мог бы найти себе пристань. *Чего, видит Бог один — до чего я желаю.*

Мне кажется, впрочем, что это замечание Игнатьева о *моих статьях в «Востоке»* можно и не принимать как очень серьезное препятствие. Во-1-х, потому, что по житейскому опыту моему я знаю, как одна и та же вещь, кажущаяся серьезным препятствием сегодня, завтра или при небольшой перемене обстоятельств — становится ничем; и во-2-х, я еще спрашиваю себя, *правду ли пишет Игнатьев*, может быть, это он сам недоволен статьями «Востока», хотя и уверяет, что он их не читал. Он человек разнообразный и сложный, и хотя и с одной стороны ему не хочется оскорблять меня *по многим причинам*, а с другой — если когда-нибудь между нами были неудовольствия, то это только и случилось именно за болгар: он все хотел убедить меня еще в 73—74 году, чтобы я писал в их пользу, а я не хотел и опирался на Ваши брошюры. Вот теперь и расплачивайся за так называемую твердость убеждений. Раскаиваться я не намерен и уповаю на милость Божию; а так только *констатирую факт* и Вас, Тертый Иванович, прошу принять все это к сведению! Относительно занятий при «Варшавском Дневнике», то это вовсе не легко и не утешительно. На нас никто не обращает, *по-видимому*, внимания, а в самом-то деле, врагов все больше и больше. Вот если бы Цитович мне дал *хорошие деньги*, это бы еще было бы другое дело.⁵ Тут на виду. Но и этому я предпочитаю Москву и Цензорство.

Я обдумал ясно и начал еще прошлого года большой роман и очень правдивый из современной русской жизни.⁶ Но, поверьте, срочные занятия и вообще «борьба за существование» не дают мне возможности его продолжать. Называется он «Против течения». Я уверен, что он Вам очень бы понравился, и я бы его кончил в один или полтора года, если бы мог хоть *три раза* в неделю за него садиться. Но ни жизнь моя в деревне моей, ни жизнь в Варшаве не дают возможности ничем кроме *срочной работы* заняться. Так все и пропадает. Впрочем — да будет воля

Божия! Похлопочу, нельзя ли недели через две мне побывать в Петербурге.⁷ А пока позвольте еще раз выразить Вам *очень слабо то, что я чувствую к Вам*, и просить Вас не забывать на Вас только и надеющегося и Вам только вполне *доверяющего* покорного слуги Вашего К. Леонтьева.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 29—31.

Цитируется: 5, 910;

6, 386; 7, 661,

751, 772.

NB. С кем же бы Цитович мог хорошо так вести дело, как со мной, если бы он хотя бы для опыта условился со мной на год или два не скупясь. Мне нужна известная доля свободы в занятиях и удобства для моих мелких недуг; при этих удобствах они мне не мешают делать очень много дела.

Будьте так добры, Третий Иванович, возвратите мне письмо Игнатъева.

Ответ на п. 23.

¹ Леонтьев пересылает Филиппову на прочтение письмо гр. Н. П. Игнатъева от 31 января 1880 г.; оно пришло сначала в Калугу.

² Имеется в виду письмо от 26 ноября 1879 г., в котором Леонтьев заверял гр. Игнатъева в своем желании вернуться на службу в МИД (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3301. Л. 19—20 об.).

³ Имеется в виду цикл «Письма отшельника» (В. 1879. 10 июня. № 7. С. 99—101; 17 июня. № 8. С. 114—115; 15 июля. № 12. С. 180—183). Леонтьев опасался неодобрительного мнения об этих статьях в Министерстве внутренних дел, поскольку готовился в это время к поступлению на цензорскую службу, а цензура находилась в ведении указанного министерства. 21 марта 1880 г. он отвечал Игнатъеву: «Вы не читали моих статей в „Востоке“, но если бы кто-нибудь мог быть недоволен ими, так это именно Вы; — я там очень бранил болгар и все за Патриархию и за то потрясение Церкви, которое они произвели своим нетерпеливым „либерализмом“ <...>.... Вы бы могли скорее нежели кто-либо из власть имеющих досадовать на меня за слишком резкие нападки мои на то, что я в этих статьях „Востока“ назвал „русским болгаробесием“. — Однако, я уверен, если бы Вы их прочли, Вы сумели бы отделить основную мысль от резкой формы и отдали бы справедливость тому религиозному и гражданскому чувству, которое руководило прямым и честным пером» (7, 751—752).

⁴ Леонтьев предположил, что о «Письмах отшельника» министра внутренних дел А. С. Макова проинформировал Н. П. Мансуров.

⁵ Имеется в виду возможное сотрудничество в газете «Берег», выходившей на правительственную субсидию.

⁶ См.: 5, 906—908.

⁷ Леонтьев приехал в Петербург только в конце апреля.

15 марта 1880 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Автор возвращаемого мною письма¹ едва ли в силах сделать для Вас что-нибудь в настоящую минуту, если бы и желал того от души: желание скопче растлит ли девицу?²

Короткая московская телеграмма производит впечатление очень неприятное; если за нею не последует письма к Вам или по крайней мере ко мне, дополняющего эту телеграмму и подающего какие-либо определенные надежды, то мне придется лишать К(ожухо)ва моего доверия и расположения. Впрочем, теперь вопрос идет о преемнике Григорьеву,³ который подал в отставку. Говорят, что это место было предлагаемо Рязанскому Губернатору Н. С. Абазе, но им не принято.⁴ Упоминают и другие имена, но я подожду известиями, пока выбор не остановится на ком-либо окончательно. И тогда, еще Бог восхощет и живы будем, сотворим сие и оно!⁵

Известию, будто бы Ваши статьи в «Востоке» пришлись не по нраву Министру Внутренних Дел, особого значения не придавайте; может быть это и так, а может быть и нет. Разведывать не буду, ибо это для Вас еще хуже. Во всяком случае смысл и тон Ваших статей не может вредить Вам в деле устройства Вашей судьбы. Участие в «Береге», не знаю, будет ли для Вас возможно; патроном газеты называют П. А. Валуева, которого мнения с Вашими не сойдутся.⁶ Впрочем, об отношениях Валуева к «Берегу» я слышал из такого источника, которому большой цены сам не даю. Постараюсь узнать и буду действовать сообразно с тем, что узнаю. Очень бы желательно видеть Вас в Питере пристроенным к хорошему патриотическому делу.

В искренность и в постоянство моего желания быть Вам полезным продолжайте верить. Очень жаль, что только «еже хотети прилежит

Автограф: РГИА.
Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 4. Л. 6—7 об.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 11.
Цитируется:
б₂, 660—661;
7₂, 772, 751.

Ответ на п. 24.

мне, а еже содеяти несть мое».⁷ Впрочем, здесь мы оба с Вами приходим к воле Божией, коей и вручим сами себе, друг друга и весь живот наш.⁸

Ваш искренне Т. Филиппов.

СПб. 15 марта 1880.

¹ Подразумевается гр. Н. П. Игнатьев (см. п. 24).

² Сир. 20: 4 («Желание скопчо растлит ли девицу?»). В рус. переводе: «Что — пожелание евнуха растлит девицу...»

³ Имеется в виду В. В. Григорьев.

⁴ Начальником Главного управления стал именно Н. С. Абаза.

⁵ Иак. 4: 15.

⁶ Умеренному либералу гр. П. А. Валуеву Леонтьев показался бы ультраконсервативным.

⁷ Неточная цитата: Рим. 7: 18 («... еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю»).

⁸ Одно из прошений ектении.

26

Филиппов — Леонтьеву

25 марта 1880 г.,
Петербург

СПб. 25 марта 1880

Дорогой и глубоко уважаемый
Константин Николаевич!

Спешу переслать Вам записочку К. П. Победоносцева, полученную мною в ответ на посылку одного номера «Варш^авского» Дневн^ика».¹ Это сообщение должно придать Вам бодрости и отрады. Поздравляю Вас и Кн. Николая Николаевича от всей души; Вы не можете себе представить того освежения и той тонкой прохлады,² которую испытываю я при чтении Ваших статей. Какая самобытность мысли и какая мужественная откровенность исповедания! Наконец, какое изящество — преимущественно внутреннее — в самом изложении. Говорю «внутрен-

нее» собственно по тому, что внешняя сторона, т. е., собственно слог, при всех его замечательных достоинствах, не чужд недостатков эпохи. В этом отношении, когда течет Ваша бодрая и умная речь, иногда хочется сказать с Горацием:

.... erat, quod tollere velles.³

Но это с такой уже строгой точки зрения, что мне, может быть, и не следовало бы делать этой заметки.

От Кожухова известий нет; вероятным преемником Григорьева считают Ф. Ф. Веселаго. Человек очень давно знакомый и добрый! «Как есть, из Русских!»⁴ Моряк; был инспектором студентов, вероятно, Вашего времени.⁵ Там его не любили, но это еще не много значит.

Вы не выходите из моей мысли ни на минуту.

Очень может случиться, что в августе в обществе Любителей Духовного Просвещения я сделаю некоторое сообщение по поводу отчета Овербека о его пребывании в Константинополе⁶ и его же обращении с Вселенским Патриархом, его Синодом и μετὰ πολλῶν ἄλλων λογίων τῆς Βασιλίδος τῶν πόλεων.⁷

Господь да даст тебе глагол!⁸

Ваш искренний читатель

Автограф: РГИА.

Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4.

Л. 8—9 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 11.

Цитируется: 6, 661;

7, 785

В левом верхнем

углу карандашная

помета: [30] 29/3 80.

Т. Филиппов.

¹ Отклик на публикацию в ВД (1880. 13 марта. № 59). См.: 7, 851.

² Аллюзия на 3 Цар. 19: 2.

³ <В речи> было <то>, что хочешь устранить (лат.). Цитата из 4-й сатиры первой книги сатир Горация.

⁴ Источник не установлен.

⁵ В ответном письме Леонтьев подтвердил свое знакомство с Ф. Ф. Веселаго именно как с инспектором Московского университета.

⁶ До этого, 23 марта 1880 г., с докладом на эту же тему в Обществе любителей духовного просвещения выступил А. А. Киреев. См.: 8, 878—879. Филиппов выступил

в Обществе 6 апреля с речью «о принятии в православную Церковь лиц, подобных доктору Овербеку» (см.: Берег. 1880. 12 апр. № 28. С. 2).

⁷ Со многими другими просвещенными людьми Царицы городов (*греч.*, пер. В. Б. Прозорова).

⁸ Сокращенная цитата из священнического возгласа, обращенного к диакону, готовящемуся к чтению Евангелия за Божественной литургией.

27

29 марта 1880 г.,
Варшава

Леонтьев — Филиппову

29 марта 1880, Варшава.

Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Сейчас только получил Ваше письмо (с запиской Победоносцева) и *сейчас* отвечаю только *два* слова.

Веселаго был в 53—54 году моим начальником в университете. Напомните ему: молодого *врача* Леонтьева, *военного*, который ехал в Крым на войну,¹ и он, взявши каску из моих рук, показывал мне, что верхние украшения металл(ические) могут предохранить голову от сабельного удара. Ах, как бы я был рад получить цензорское место в *Москве* и в часы досуга добраться до моего большого *романа*!²

Веселаго был расположен ко мне, и он бы принудил Кожухова не уклоняться от прежних намерений своих.

Простите, хочу сегодня поспеть на почту. О «Варшавском Дневнике» и т. д. *на днях*.

Остаюсь все тот же *не умеющий* выразить Вам признательность свою

К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 31—32.

¹ Леонтьев был выпущен лекарем с 4-го курса университета для службы в военных госпиталях в Крыму.

² См. примеч. 7 к п. 15. См. также п. 28.

15 апреля 1880, Варшава.

Я и сам, глубокоуважаемый Третий Иванович, несколько дней тому назад решил ехать в Петербург недели на две. Но, конечно, Ваше письмо (которое я получил сегодня и где идет речь о повести Коваленской)¹ еще более придало мне к этому охоты. Я надеюсь выехать в четверг или в пятницу на Святой неделе и быть в Петербурге в субботу или в воскресенье Фомино.²

Я бы хотел помимо себя и «Варшавскому Дневнику» сделать пользу.³ Что касается до меня лично, то не знаю, что Вам сказать. В моем положении здесь много хорошего; воля писать что хочу; цензура приятельская и смелая (Губастов — цензор особый), но подписка, хотя и возросла до 1000 и несколько более, все-таки едва покрывает расходы и редактору *ничего* (кроме казенной квартиры) не остается. Жизнь здесь очень дорога, и я ему становлюсь между прочим не дешево,⁴ при всей моей доброй воле его облегчить. Наши столичные газеты (*обоих* лагерей, заметим — Катков и «Голос», «Берег» и Суворин,⁵ «Молва»⁶ и «Страна») все согласились точно нас игнорировать.⁷ Как же может возрасти подписка, когда нас в России и даже отчасти здесь так мало знают; *имени* нашего даже в печати не слышат!

И никто не подает руки! ...

Неужели, если уж газета *местная*, то, печатая в ней, не имеешь той ценности, которая возбуждает или сочувствие, или полемику? Я понимаю, если статьи, напр(имер), или весь *дух* редакции князя Голицына — не стоят внимания сами по себе, то это наша вина; но когда Вы, Победоносцев, Маркевич, Ф. Н. Берг, Вс. Крестовский и другие люди весьма разнообразного положения, склада и способностей, но согласные лишь в сочувствии охранительным началам, — свидетельствуют нам со всех

сторон *частными письмами* симпатии свои,⁸ отчего же *печать молчит*? Ведь все редакции видят, что затея Князя Голицына серьезная. Он старается вести газету по-столичному, каково же *это ему*? Если бы я не трудился при нем, то и тогда говорил бы то же. Очень это обидно и больно! О службе в Петербурге и о «книге для народа» поговорим. Я, конечно, предпочел бы служить в Москве, которую я люблю, или в Варшаве, где хоть климат мне здоров. Но как Богу угодно! Да будет воля Его! Хотя не скрою от Вас, что меня *ужасно* утомили все эти *подневольные* странствия и место цензора в Москве мне нравилось как пристань; самое лучшее, что можно было бы сделать и для меня лично, и для *сочинений* моих будущих — это придумать такую среднюю обеспеченность быта, которая (подобно Евгению Маркову) позволила бы мне жить на родине,⁹ в Калужской губ(ернии), не терзаясь нуждой и не тратясь на *срочные* работы (как было до сих пор со дня моей отставки). Вот если бы Вы с К. П. Победоносцевым сообщая через наследника придумали бы мне *синекуру* какую-нибудь, при которой я летом мог бы ездить к себе в деревню; или бы Цитович (с тем, судя по «Берегу», можно сойтись) — дал бы мне рублей 200 *помесячно* и отпустил меня *домой*, так, чтобы у меня оставалось бы времени и для серьезных трудов, то, *верьте, я бы в 10 раз* мог сделать больше, чем сделал до сих пор. *Верьте*, Третий Иванович! А в *книгу для народа*¹⁰ у меня есть в голове прекрасная повесть из современного сельского быта (и господа, и народ): ничуть не отрицательная, *реальная*, вполне «с натуры», но не реалистическая. История одной девочки бедной, и как ей повезло, и как ее господа хорошо замуж выдали, и как *все* были довольны, но она умерла в *первых родах*, и все расстроилось. *Но все в Боге*. С каким бы я ее удовольствием написал. Но надо *подышать* свободно хоть год, хоть два! А у меня заботы мелкие, *сроки* банков Калужских, прекрасное, но разоренное имение,¹¹ которое я *содержу* (оно мне из моих трудов 400 р. в год становится!) и т. п. Главное — *месяца* не дают обстоятельства сосредоточиться на обдуманном труде. Вот хоть бы «Варшавский Дневник»: можно бы в течение 2-х лет,

напр(имер), отрывая от времени, ему посвященного, по несколько дней в месяц, кончить большой роман «Против течения». Но крепко ли это издание? Едва ли! Прекрасные начинания князя не будут поддержаны *как нужно* по расходам на издание ни публикой, ни даже субсидиями, и оно не долго выдержит в своем теперешнем виде и падет, если обстоятельства не изменятся, до состояния каких-нибудь Губернских Ведомостей. А если это случится — мне опять предстоит переворот, потеря времени, смущение и т. п., не говоря уже о многом другом!

Вот, Третий Иванович, что у меня вырвалось сегодня в ответ на Ваше письмо, которому я уже не подберу и эпитета, до чего оно ободрительно!

Простите, что все это так длинно и бессвязно. Не Вы же это написали в «Береге» о Вселенском Соборе? ¹² Что-то есть Ваше, хотя, кажется, и не совсем! ¹³

Благодарю Вас и остаюсь 1000 раз признательный Вам

К. Леонтьев.

Извините, ради Бога: только кончая письмо, я увидал, что по ошибке написал на страницах двух разных листов и готов был из вежливости переписать, если бы не предстояла еще сегодня ночная работа, именно для газеты по поводу статьи «Берега» о Соборе. ¹⁴

¹ Леонтьев написал для «Варшавского дневника» рецензию на повесть А. Г. Коваленской «В сорочке родилась» (РМ. 1880. № 2. С. 136—157), оценив в ней в первую очередь «проповедь смирения перед Богом и примирения с горестями и утратами жизни» (ВД. 1880. 8 апр. № 77). Рецензия вошла впоследствии в сборник «Восток, Россия и Славянство» (М., 1886. Т. II. С. 223—230).

² День Св. Пасхи в 1880 г. — 20 апреля, соответственно, Фомино воскресенье (первое воскресенье после Пасхи) приходилось на 27 апреля.

³ Леонтьев хлопотал о субсидиях или частных пожертвованиях на издание «Варшавского дневника».

⁴ Губастов позднее вспоминал о том, что в Варшаве Леонтьев «оказался дорогим и неудачным журналистом» (цит. по: 7, 762).

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 32—34.

Цитируется:

6, 696—697;

7, 772, 773; 8, 819.

Ответ на неизвестное
письмо Филиппова.

⁵ Т. е. издаваемая А. С. Сувориным газета «Новое время».

⁶ Вопреки утверждению Леонтьева, «Молва» откликала на статьи «Варшавского дневника» в январе. См.: 7, 766—767.

⁷ Ср. в письме к А. Н. Толстому: «Газеты столичные стараются нас игнорировать, изредка подтрунивают мимоходом и потом, обкрадывая наши местные известия, о серьезных статьях молчат» (цит. по: 7, 768). О том же — в письме к М. В. Леонтьевой (начало утрачено, датируется, скорее всего, февралем 1880 г.): «...»Голос“ и „Новое время“ назло все игнорируют нас и отмачиваются» (цит. по: 7, 850).

⁸ См., например: 7, 765—766 (письмо Ф. Н. Берга к Губастову от 5 января 1880 г., в котором речь идет о Леонтьеве) 784—785 (письмо В. В. Крестовского к Леонтьеву от 29 января 1880 г.).

⁹ Публицист и прозаик Е. А. Марков (некоторые его статьи Леонтьев высоко ценил) вернулся в 1870 г. в свое имение Патебник в Щигровском уезде Курской губ., откуда неоднократно выезжал в путешествия, дававшие ему темы для новых книг.

¹⁰ Составление книги для народного чтения оставалось мечтой Филиппова на протяжении нескольких лет. Епископ Алексей (Лавров-Платонов) писал ему 27 июля 1884 г.: «Обрадован я известием Вашего Высокопревосходительства о намерении Вашем составить книгу для народного чтения. Я уверен, что из Ваших рук такая книга выйдет вполне церковною и народною, какова и должна быть книга, читаемая народом. Пора вытеснить из народной школы Ушинского с братиею. Народ давно ропщет на таких просветителей своих и ждет истинного света» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1346. Л. 24).

¹¹ Лето 1880 г. станет последним, проведенным Леонтьевым в Кудинове.

¹² Речь идет о статье в рубрике «Внутреннее обозрение» (Берег. 1880. 12 апр. № 28. С. 2—3), вызванной толками печати о возможном приезде на коронацию Александра III предстоятелей Восточных Церквей как поводе для проведения Вселенского Собора.

¹³ Действительно, большинство высказанных автором статьи идей Филиппов вполне разделял. Здесь доказывалось, например, что уже сама встреча патриархов могла бы, предваряя Вселенский Собор, «установить единообразие во взглядах на некоторые догматические и канонические вопросы, по которым в настоящее время существует разделение» (Там же. С. 3). Сам же Собор мог бы способствовать воссоединению старообрядцев с Церковью, отменив клятвы на старый обряд (1667). В то же время нельзя быть уверенным, что Филипповым могла быть высказана мысль о том, что в Соборе должны принять участие и «водители зарождающихся так называемых национальных западных Церквей, стремящихся к воссоединению с Церковью православною, каков, например, глава старокатоличества, достопочтенный Деллингер». И уж совершенно невозможны под пером Филиппова выражение о Соборе: съезд «всех интеллигентных представителей христианского православного мировоззрения», а также апеллирую-

щая к обычаям *века сего* мотивировка созвания Собора вроде следующей: «Мы живем в век политических конгрессов, съездов ученых (...) в век господства совещательной формы решения всякого рода вопросов. Неужели будет игнорировать этот способ решения своих проблем и недоразумений Церковь православная ...» (Там же).

¹⁴ Не берусь с уверенностью утверждать, что Леонтьев выполнил эту «ночную работу» (или выполнил так, как собирался, т. е. написав заметку, работа над которой требовала много времени). Отклик на статью «Берега» появился в «Варшавском дневнике» лишь 25 апреля (Газета «Берег» о Вселенском Соборе // ВД. 1880. 25 апр. № 84. С. 4—5) и представлял собой фактически короткие врезки в перепечатанную почти целиком статью. Эти фрагменты могут принадлежать как Леонтьеву, так и кн. Голицыну, который мог завершать работу уехавшего в Петербург сотрудника. В тексте встречается, например, слово «болгароманы», которое Леонтьев не употреблял.

29

Филиппов — Леонтьеву

30 апреля 1880 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Покорнейше прошу пожаловать ко мне завтра (1 мая), в 9 часов вечера, не ранее, — ибо до 9-ти буду переговаривать с лицами, от коих жду материальной помощи изданию.¹

Очень жаль, что сегодня вечером Вы не вошли и не подождали меня; я приехал вслед за Вашим уходом.

Ваш Т. Филиппов.

30 апр(еля).

Автограф: РГИА.
Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 4. Л. 5.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 9.

¹ См. примеч. 3 к п. 28.

Филиппов — Леонтьеву

1 мая 1880 г.,
Петербург

Автограф: РГИА. Ф. 728.

Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 10.

В верхней половине
листа (край обрезан)
карандашом рукой
С. Т. Филиппова: 80?

Приеду к Вам и прошу и Константина Аркадиевича¹ позволения привести с собою Феоктистова, которого я к себе пригласил и который Вашего общества не испортит.

Ваш Т. Филиппов.

1 мая.

¹ Губастов (примеч. С. Т. Филиппова в автографе). Следовательно, Губастов в это время также находился в Петербурге.

Леонтьев — Филиппову

30 мая 1880 г.,
Кудиново

Копия¹

30 мая 1880.

Кудиново.

Копия с письма, отправленного в Петербург

Пишу Вам, *единственный и ни с кем для меня несравнимый* Третий Иванович, пишу сам не зная куда; не знаю, где Вы теперь: во Ржеве² или Петербурге.³ — Пошлю это письмо в Петербург; а *копию* с него в Ржев. — Я приехал домой совсем больной, капризный, усталый, разочарованный какой-то, несмотря на все «нравственные» успехи мои в столицах.⁴ — Вот уже вторая неделя я здесь, и не только литературой и политикой не мог заняться (*руки даже болели!*), но и до решимости — написать это письмо едва *дожил!*

По приказанию Вашему был у обоих Викарных в Москве;⁵ Амвросий дал 12 руб(лей) на «Варшавский Дневник»; а Алексей был еще любезнее. Катков прямо осыпал меня вниманием как никогда! Кормил, поил,

целовал, о долге моем в 2000 сказал, что это пустяки, о которых и упоминать больше не стоит, и дал еще денег.

О Ксеносе справки навел; он в отлучке; к Троицыну дню⁶ будет назад. Просил убедительно староверов щелкановских⁷ предупредить его. — «На что бы это им наш законник?» — спросили они моего посланца. — Однако записали ваше имя и звание: — «Тертий, Тертий, не Терентий ли? Это не русское имя?» — А мой человек: «Помилуйте, это самый Православный человек как есть!...» Впрочем, старовер этот, хотя и влиятельный у нас, но, кажется, не затейлив умом.

Завтра вынужден ехать за 35 верст в Мещовск к доктору; зайду еще сам и попрошу. Только бы Вы были довольны мною.

НВ. Племянника моего *Владимира Владимировича* перевели из Калуги на станцию *Троицкая*, между *Мятлевым* (с которого Вам ко мне сворачивать⁸) и *Калугой*.⁹ — Можете телеграфировать ему из Москвы; а то и на самой *Мятлевской* станции Начальник *Николай Иванович Шишмарев* все сделает для Вашего успокоения. — Он знаком мне и будет предупрежден на днях же о возможности Вашего приезда. — Не знаю, что Вам сказать в заключение; жму Вашу руку, целую, обнимаю, благодарю, люблю, уважаю донельзя... Все!

Верно: К. Леонтьев.

Написано рукой
М. В. Леонтьевой:
ГАРФ. Ф. 1099.
Оп. 1. Ед. хр. 2084.
Л. 9—10 об.
Цитируется: 7, 779.

¹ Слово «копия» написано рукой Филиппова.

² Каждый год Филиппов много времени проводил на родине, во Ржеве, где у него был собственный дом.

³ Филиппов вернулся в Петербург в день кончины императрицы Марии Александровны (письмо к гр. А. Г. Толстой от 30 мая 1880 г.; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 17), т. е. 22 мая, а 6 или 7 июня собирался снова в Москву. О дальнейших планах он сообщал гр. Толстой: «Из Москвы я думаю проехать в Оптину пустынь и уже оттуда пушусь за границу, на Варшаву. В Оптину собираются со мною еще несколько человек, так что мы там устроим нечто вроде соборного совещания» (Там же. Л. 17 об.—18). Но эти планы были скорректированы осложнением болезни глаз (см. ниже, п. 33).

⁴ Леонтьев приехал в Кудиново ранее 27 мая. О результатах поездки в Москву см.: 7, 781 (письмо К. П. Победоносцеву).

⁵ Речь идет о еп. Дмитровском Амвросии (Ключарева) и епископе Можайском Алексии (Лаврове-Платонове). С обоими Филиппов на протяжении многих лет переписывался, с обоими он желал сблизить и Леонтьева. Преосвященный Алексий был одним из самых близких Филиппову по духу русских иерархов (ср. отзыв о нем в письме от 1 июля 1882 г., с. 226). Филиппов писал гр. Толстой вскоре после посвящения Алексия во епископы: «Познакомились ли Вы с новым Викарием? Если нет, то прошу Вас это сделать. Ему наша Церковь обязана великою услугой, и сам он до того приятен и чист душой, что знать его — большая радость» (письмо от 29 июня 1878 г.; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1263. Л. 145). О епископе же Амвросии, после перевода его в Харьков, в письме к той же корреспондентке от 7 сентября 1882 г. отзывался так: «Не было никакой надежды на то, чтобы он ужился с новым Митрополитом, который не мог бы спокойно переносить явного превосходства над ним его викария; это самое опасное для подчиненного положение, когда и все со стороны видят, и сам начальник сознает свою перед ним несостоятельность» (Там же. Ед. хр. 1264. Л. 97).

⁶ Троицын день в 1880 г. приходился на 8 июня.

⁷ Село Щелканово, вблизи которого находилось леонтьевское имение Кудиново.

⁸ Возможно, Филиппов намеревался посетить Кудиново после поездки в Оптину пустынь (см. примеч. 2). И то и другое не состоялось.

⁹ Леонтьев устроил своего незадачливого племянника Владимира (младшего брата М. В. Леонтьевой) служить в железнодорожное ведомство. С весны 1880-го до осени 1882 г. тот был урядником на станции Мяталево Ряжско-Вяземской железной дороги, затем — конторщиком на станции Орел-товарная.

32

Филиппов — Леонтьеву

22 июня 1880 г.,
Москва

Кожухов сказал, что 20 июля Прибиль подает отставку¹ и что он представит Вас. Пришлите ему копию с аттестата² и докладную записку с 60-тикопеечною маркой. Я буду хлопотать об утверждении у Абазы. Писать более не могу: еще не позволяют глаза. Целую и обнимаю!

Берегитесь уныния! Будем по силе нашей во взаимную опору друг другу! Брат от брата помогаем, яко град утвержден (тверда).³

Т. Филиппов

Москва. 22 июня 1880.

После праздника Пушкина нам нельзя бездействовать!⁴ О пира мерзка!⁵

Автограф: РГИА.
Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4.

Л. 11—11 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 11.

Цитируется: 6, 661;

7, 887—888.

¹ По-видимому, отставка Я. И. Прибиля состоялась несколько позже. См. п. 34 и 35. В результате Леонтьев был определен на место скончавшегося в ноябре цензора Ф. И. Рахманинова.

² Через месяц, 22 июля, Леонтьев послал копию аттестата Е. А. Кожухову с сопроводительным письмом-прошением (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 2). 29 июля датировано представление Кожухова начальнику Главного управления по делам печати (Там же. Л. 1—1 об.), сопровождавшее пересылаемую в Петербург копию аттестата Леонтьева (Там же. Л. 4—5 об.; копия датирована 25 сентября 1877 г.). В Петербурге эти бумаги были получены уже 30 июля. Кожухов в своем докладе характеризовал Леонтьева следующим образом: «... коллежский Советник Леонтьев (...) мне лично известен как человек отлично развитой, нравственный и благонамеренный (...) приобретение на службу такой личности, как г. Леонтьев, вполне полезно и желательно» (Там же).

³ Притч. 18: 19.

⁴ Подразумевается инцидент, произошедший на обеде, устроенном 6 июня 1880 г. Московской городской думой в зале Благородного собрания: бойкотирование госта Каткова, призвавшего писателей, разделенных по разным лагерям, к объединению. Леонтьев сразу откликнулся на призыв не бездействовать: 28 июня датирована первая часть его статьи «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина». Завершена статья 4 июля. Сведения о ее первой публикации см. на с. 34. Любопытно замечание Филиппова в письме к гр. А. Г. Толстой от 30 мая 1880 г.: «На праздник Пушкина я не попал, да и не очень жалею. Наше поколение не сумеет воздать ему подобающей чести и не достойно такого празднования!» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 18).

⁵ Цитата из стихир на день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (29 августа ст. ст.).

33

Филиппов — Леонтьеву

2 июля 1880 г.,

Москва

Москва. 2 июля 1880.

Дорогой и вожденный мой
Константин Николаевич!

Я поехал было за границу, но из Варшавы возвратился в Москву, испуганный вредом, который причинила моим глазам дорога. Если, рассу-

ждал я, дорога еще в своей земле, где мне предоставлено было столько лишних удобств, успела расстроить мои глаза, быстро поправившиеся в Москве благодаря Маклакову (бывшему) моему ученику),¹ то что же бы случилось с ними в дальнейшем пути, где меня могли бы посадить прямо против солнца, в вагоне накуренном и т. д. Вернулся к Маклакову и чувствую себя опять лучше.

Завтра поеду во Ржев пить там Киссинген² и лечиться от глаз по указаниям Маклакова. А там что Бог даст! Если останется дней десятков отпуска, то возобновляю мечты о посещении Ваших краев. Абаза, вероятно, писал ко мне в Киссинген.³ Сегодня увижу Кожухова и спрошу его о положении дела.

В Варшаве виделся с Голицыным, который просидел у меня часа три. Из разговоров о нашей в мечте существующей газете⁴ я мог усмотреть, что он более всего занят тем, что он собственно будет для этой газеты. Он обещал выслать мне свою записку об этом. Вероятно, я увижу Каткова и с ним заведу об этом беседу. Моя мысль такова, что главным действующим лицом газеты должны быть Вы. По многим *вовсе не личным* причинам желал бы сам иметь на нее влияние. Устроиться она может и без Голицына, но без Вас не может. Вы должны быть тоном газеты. Но пока я не возвращу себе глаз, дело не двинется; чувствуется мне, что осуществление этой мечты «отложено» мне.⁵

Как ни дурно положение тех дел, которые более всего занимают наш ум и нашу душу, а терять бодрости не следует: может бо Бог и от каменья сего воздвигнуть чада Аврааму!⁶

О празднике Пушкина я написал Вам, не зная, что на деле он — т. е. первый его день — прошел очень хорошо. Я виделся с Катковым и от него слышал это. Никакого incident-Каткова не было;⁷ все от а до ѿ — чистейшая ложь!

Будем же бодры, милый Константин Николаевич! Есть, наверное есть множество честных душ, исполненных жаждою слышания благовестия истины.⁸ О них да помним и им да послужим!

Обнимаю Вас!

Ваш Т. Филиппов.

Автограф: РГИА.

Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4.

Л. 12—13 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 12.

Цитируется: 7, 888;

8, 820.

¹ Т. е. по 1-й Московской гимназии. Ср. в письме к гр. А. Г. Толстой от 30 мая 1880 г.: «Вихри здешние, в соединении с ярким светом погребальных свечей и с исходящею от них копотью, расстроили мой правый глаз, который, благодаря гомеопатии и Гр(афу) Матеи, долго держался в очень удовлетворительном состоянии. В Москве надеюсь показать его моему другу Маклакову» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 17 об.).

² Минеральные воды (по названию курорта Бад-Киссинген в Баварии).

³ Письмо не выявлено.

⁴ См. об этих планах во вступительной статье (с. 24).

⁵ Источник выражения не установлен. Возможно, это просто архаизированный синоним к «отсрочено для меня».

⁶ Мф. 3: 9; Лк. 3: 8.

⁷ См. примеч. 4 к п. 32.

⁸ Аллюзия на Ам. 8: 11 («... Послаю глад на землю, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня»).

34

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич!

20 августа 1880 г.,

Петербург

Не писал я Вам очень долго потому, что на свои два письма к Абазе не получал никакого ответа,¹ вследствие чего начинал уже считать Ваше дело проигранным. Но вчера он приехал ко мне сам сказать, что он исполнит мое желание с особенным удовольствием. «Вы можете, прибавил он, написать г. Леонтьеву, что, *по колику* дело его *зависит от меня*, его надобно считать конченным». — «А что же значит: „по колику...“?» — «Оговорка эта необходима на тот совершенно невероятный случай, если бы Гр(афу) Лорису-Меликову понадобилось поместить сюда кого-либо из лиц, ему близких».

Я считаю дело оконченным и с радостью спешу Вам об этом сообщить; Прибилю дан срок, который истекает на днях, а представление Кожухова о Вас уже здесь, в Гл(авном) Управлении по делам печати.²

Говорить ли Вам о том, как я буду счастлив, когда Приказ о Вашем определении состоится?

В то же время я говорил и каждый раз говорю о Вас с Победоносцевым в том смысле, чтобы Вас пригласить к участию в делах управления Церковного. Он видимо этим занят и спрашивал, в какую же рамку я его вставляю. «Подготавливайте ему помаленьку место вице-директора». Так как вопрос, который нас с Вами связал так крепко, должен будет вскоре занять все внимание Русского Правительства, то и Победоносцеву нужно иметь человека сведущего, и Вам достойно и праведно³ будет принять живое участие в священном деле примирения. Тут могут быть и поездки на Восток, καὶ τὰ λοιπὰ.⁴

Читая Ваши статьи, я захлебываюсь.⁵

Ваш навсегда Т. Филиппов.

СПб. 20 авг(уста) 1880.

Автограф: РГИА.

Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4.

Л. 14—15 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 13.

Цитируется: 6, 661.

¹ Письма в настоящий момент не выявлены.

² См. примеч. 2 к п. 32.

³ «Достойно и праведно» — начало одного из песнопений Евхаристического канона («Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу...»).

⁴ И прочее (греч.).

⁵ Ср. в письме к жене от 15 августа 1880 г.: «Какие статьи пишет Леонтьев! Решительно — первый человек! Хочу сегодня говорить с Победоносцевым, чтоб он его принял к себе на службу» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 3135. Л. 41 об.; 7, 785).

27 сентября
1880 г., Петербург

27 сентября 1880

Милый и дорогой Константин Николаевич.

По получении письма Вашего я тот же час написал Абазе, и вот его ответ.¹ Почему Прибыля не увольняют до сих пор, не понимаю; но Вы видите, что данное слово назад не взято.

Потерпи ты, сестрица! Потерпи, родная!²

А между тем у нас здесь есть особые намерения, в коих и Вам отводится одно из главнейших мест. Редактор «С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ургских⟩ Ведом⟨остей⟩»³ обратился ко мне с просьбой спасти его и предаст мне в руки свою газету с тем, чтобы я, пощадив его живот, т. е. обеспечив ему некоторую доходность, составил свою редакцию и нашел капитал для издания.⁴ Я начал мои советы с Победоносцева и затем виделся и очень долго говорил с гр. Лорис-Меликовым, которому Победоносцев говорил уже о Вас, как о человеке *hors ligne*.⁵

Таким образом над «С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ургскими⟩ Вед⟨омостями⟩» устраивается тройственный протекторат — Л⟨орис-⟩М⟨елико⟩в, Поб⟨е-⟩доносце⟨в⟩ и я, причем мне предлежат все заботы по устройству дела. Очевидно, что я берусь за дело единственно в той надежде, что Вы в него вступите и ему посвятите Ваши замечательные дары. Обеспечение должно быть очень хорошее, без этого нельзя и начинать дела, — «да с радостью сие творят,⁶ а не воздыхающе».⁷ Будет для Вас место и в Св. Синоде; подыщем. И квартира. Лишь бы только Бог благословил наше начинание. Теперь ищем денег и соображаем. Дайте мне Вашу руку на то, что Вы впряжетесь в корень, если дело состоится. Я употреблю свои усилия на то, чтобы материальная сторона издания была оставлена на

какого-нибудь верного человека. «Вы же в служении слова да пребудете».⁸ Имя же редактора или соредактора (не знаю, как выдет) должно будет принадлежать Вам.

Кн. Голицын не входит в мои соображения единственно потому, что он на такое издание не пойдет. Оно принадлежит правительству, которое в собственность его никогда не уступит. На 8 лет Комаров его арендует. А кн. Голицын, передавая свои мысли мне в Варшаве, говорил, что он пойдет только в такую газету, которая, будучи основана на паях, могла бы чрез известный срок быть им выкуплена и обратиться в его собственность.

Не пишу пока больше, ибо главное сказал. Так как дело это не верное, хотя и весьма близкое к осуществлению, то я не перестану заботиться о скорейшем определении Вашем на цензурство. Жду немедленного ответа.

Целую Вас.

Ваш Т. Филиппов.

О. Ювеналий хорошо делает, что не едет.⁹ Но умоляйте его, чтобы от епископства не отказывался. Еще кто епископства хочет, добра дела хочет.¹⁰

¹ Видимо, Филиппов переслал письмо Н. С. Абазы Леонтьеву (местонахождение неизвестно).

² Цитата из русской народной песни «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко...», о которой — как об источнике русского «воззрения» — Филиппов писал, между прочим, в своей ранней статье о пьесе А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» (Русская беседа. 1856. Кн. I. Отд. III. С. 88—90; то же: Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. 31—33).

³ Речь идет о В. В. Комарове.

⁴ Планы переустройства «Санкт-Петербургских ведомостей» обсуждались Филипповым с Е. М. Феокистовым, М. Н. Островским и др. Письмо к Феокистову от 7 октября 1880 г. см.: 8₂, 823—825.

⁵ Выдающемся (*франц.*).

⁶ В копии ошибочно: «говорят».

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 14.
Цитируется:
8₂, 821—822.

Ответ на неизвестное
нам письмо Леонтьева.

⁷ Евр. 13: 17.

⁸ Измененная цитата: Деян. 6: 4 («Мы же в молитве и служении слова пребудем»).

⁹ Архимандрит Ювеналий (Половцов), с 1871 г. живший на покое в Оптиной пустыни, отказался в это время от какого-то предложения настоятельства. Он принял его только в мае 1884 г., став наместником Киево-Печерской Лавры.

¹⁰ 1 Тим. 3: 11.

36

Филиппов — Леонтьеву

6 октября 1880 г.,
Петербург

СПб. 6 октября 1880.

Дорогой Константин Николаевич.

Вчера писал к моему другу в Москву, чтобы он послал Вам 150 р. в бессрочную ссуду.¹ Абаза в Москве, будет назад на этой неделе;² за тем состоится немедленное Ваше определение.

О переходе Вашем в Питер отложим пока всякое рассуждение. Ваша личная судьба мне слишком дорога, чтобы я ею пожертвовал предпрятию еще не верному. Мы обязаны сперва здесь завести машину и устроить ее будущие действия, а за тем уже может быть и вопрос о Вашем сюда передвижении.

Помогите мне выбрать имя, которое могло бы стоять на издании. Мне кажется, хорошо бы устроиться с Всеволодом Соловьевым. Он и к Вам имеет нежность, и меня почитает. Работы внутренние могут быть распределены между тем и другим лицом; но чистое имя редактора совершенно необходимо. Цитович может быть приобретен как сотрудник. Будьте пободрее. Я вижу, что Вы проходите школу сурового опыта. Что же делать? ὁποῦντες ἔχετε χρεῖαν.³ Кажется, наступает минута не для торжества наших чувств и понятий, а для возможности явить их России и свидетельствовать о них.

Поклон земной обители, в которой Вы проводите время своего искуса, и прошение смиренное о том, чтобы богодоходные молитвы спасающихся в ней покрыли нас, погибающих в суетах мира.

Целую Вас и обнимаю.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 15.

Цитируется: 6, 663;

8, 822—823.

Ваш Т. Филиппов.

Нельзя ли пробрать филетические⁴ статьи Муркоса, напечатанные в «Московских Ведомостях» не без ловкости, с весьма тонким ядом.⁵ В поддержку болгарской схизме⁶ он выдвигает арабский вопрос.

¹ Возможно, речь идет о Я. И. Лабзине.

² Н. С. Абаза выехал в Москву 5 октября, прибыл туда 6-го (см.: *НВр.* 1880. 6 окт. № 1655. С. 4; *МВед.* 1880. 6 окт. № 278. С. 3), а вернулся в Петербург 14-го (*НВр.* 1880. 15 окт. № 1665. С. 4).

³ См. примеч. 1 к п. 21. Ср. также в п. 83.

⁴ От слова «филетизм» (*греч.* *φιλетισμός*), племенничество, церковно-национальный сепаратизм.

⁵ Речь идет о статье Г. О. Муркоса «Мнение православных арабов о греко-болгарской распри» (*МВед.* 1880. 31 авг. № 241. С. 3; 1 сент. № 242. С. 3), напечатанной тогда же в виде отдельной брошюры. См.: 8, 872.

⁶ Схизма — раскол (*греч.* *σχίσμα*).

37

Леонтьев — Филиппову

9—10 октября
1880 г., Оптина
пустынь

9 октября 1880. Оптинский скит.

Письмо Ваше, Третий Иванович, требует, мне кажется, длинного ответа. Начну вот с чего. У меня есть тетрадь, написанная вся года два тому назад.¹ Я был тогда в положении сходном с теперешним: мыслить ни о чем другом, кроме своих дел, своего горя и своей скуки не мог. Ни до чего мне не было дела. В этой тетради я в виде исповеди кратко описал для отца Амвросия главные случайности моей жизни с 1871 года до 78-го, т. е. с первого обращения моего в Православие² и до неудачной

поездки в Константинополь корреспондентом Каткова (я из Киева вернулся *больной*).³ Кроме отца Амвросия и одного давнего друга⁴ никто этой тетради не читал. Я очень жалею, что ее не было со мной в Петербурге; Вам бы я дал ее прочесть, и Вы бы увидали, что до 71 года (т. е. до времени моего «обращения») рука Божия (не) тяготела на мне.⁵ Напр(имер), кто-нибудь в своих предприятиях счастлив; но стоит ему взяться за *мое* дело или позаботиться о *моем* интересе, так сейчас постигнет и его неудача. Напр(имер), Катков с большой охотой берется издать на свой счет мои Греческие повести. Повести до сих пор лежат у него, и он не мог свои расходы покрыть. Игнатьев собирается рекомендовать меня Губернатором в Тырнов или Филиппополь.⁶ На *следующий* же день Государь отправляет его в Вену, где его переговоры не достигают цели и он удаляется в Киев.⁷ Губастову ни одна из его попыток в мою пользу не удастся. Историю «Варшавского Дневника» Вы тоже знаете. Отвратительный результат моей весенней поездки в Петербург — также Вам известен. Я задолжал только деньги хорошим людям, которые мне сочувствовали и, имея хорошее мнение о моих способностях, ждали от этой моей поездки многого. Вы сами удивлялись, что не можете даже какого-нибудь обыкновенного места мне найти. Поэтому первая мысль моя по прочтении Вашего письма была вот такая: «Чем Филиппов искреннее заботится обо *мне*, чем живее его ко мне симпатия, тем хуже для *него*: что-нибудь да помешает ему там, где он не ожидает!» Мне кажется, если бы Лорис-Меликов, во всем столь счастливый, достал бы сам где-нибудь 150 000 р. для *моей* газеты, то на другой же день за полчаса до получения денег его бы убил какой-нибудь нигилист. Дай Бог, чтоб я хоть на этот раз ошибся!

Вот что я хотел Вам сказать прежде всего.

Теперь прямой ответ на Ваш решительный вопрос: «согласен ли я запречься в корень?» Согласен и с удовольствием, если будут даны *свобода* и большие деньги. Не стану с Вами хитрить и напомню то, что говорил Вам в вагоне. Нужно домашних устроить *сразу*, чтобы о них больше

не думать и чтобы всецело посвятить себя большому делу. Я не могу *ничего* сделать при условиях средних: недуги, закоренелые привычки, петербургский климат и петербургский образ жизни, этот *вихрь*... Неудача *варшавского* дела, которая, как неисцелимая рана, пожирает меня до сих пор; расстроенное имение, проценты в банк, все эти *сроки* платежей, необходимость бросить все другие литературные замыслы, которые были бы мне приятнее публицистики, бедные люди, которые от меня зависят и которых я оставить не могу;⁸ жена, *впавшая в слабоумие*, о которой надо *заранее* позаботиться, потому что она просто, как другие, ни наследовать, ни распорядиться даже самой ничтожной движимостью разумно не может... И т. д. ... и т. д. ... Вам все эти подробности неизвестны; но вот духовник отец Амвросий говорил моим близким: «что он таких *сложных* обстоятельств, как мой, еще ни разу не встречал».

Все это надо *отстранить* в том смысле, чтобы совесть и сердце мои могли сказать мне: «я сделал все, что мог. Ныне отпускаешь раба Твоего»...⁹ Начало дела, согласитесь, самое трудное; поэтому в самом начале и нужно, чтобы вся мысль моя, все мои физические слабеющие силы были посвящены этому делу и более ничему. Правда, я чувствую, что еще есть во мне священный огонь для борьбы. Но само дело, занимающее Вас, выиграет от моей беззаботности о домашнем. Тот же отец Амвросий, увидав меня раз в одну из самых невыносимых минут моей жизни, сказал мне: «другой давно бы умер, если бы испытал все то, что Вы испытали за последние 10 лет, а Вы живы, *да еще и пишете*. Бог знает, какие силы Он Вам дал!»¹⁰ Надо все это взвесить. Реакционная газета в столице — это не такая простая вещь, как цензорское место. Конечно, цензорство из-за 3-х тысяч рублей есть своего рода «смирение». Но по крайней мере, не особенно хитро и повернее. Есть и еще вопросы. Чем будет отзываться *тройной* Протекторат, о котором Вы пишете? Оставляя Вас в стороне, как друга, не придется ли разрываться между Победоносцевым и Лорис-Меликовым? И еще вопрос: разве можно совместить управление большой газетой и должность серьезную при Св. Синоде?

И еще: а моя пенсия (600 р.)? Это не шутка. Эта скромная пенсия содержится в Козельске, по соседству Оптиной, бедную жену мою.¹¹ Если я буду цензором — эту пенсию отнимут; вернут ли мне ее тотчас же, когда я брошу опять службу для издания газеты? Не буду ли в случае какой-нибудь неудачи в безвыходном положении? Вот вопросы, которые невольно приходят на ум.

Это не значит, что мне не нравится Ваш проект; *он не может не нравиться*; но я боюсь, напротив, что он *слишком* хорош, и еще больше боюсь каких-нибудь ужасов безвыходности в случае даже и позднейшей неудачи. Интересно бы знать, какого размера капитал Вы находите достаточным для этого предприятия? Я полагаю, что нужно 150 000, не менее, чтобы можно было вести года три борьбу против «Голоса», «Нового Времени» и друг(их) богатых изданий. Я полагаю также, что капитал надо просто доверить мне (бывает ли на это контроль или нет, я не знаю; но, разумеется, я ничего против контроля не имею); а тот хозяин и счетчик, о котором Вы говорите, должен зависеть от меня, а не я от него. С этим Вы согласитесь, конечно. Замечу также, что Воскобойников у Каткова (2-е лицо по газете) имеет 10 000 р. в год и даровую квартиру (за последним я, впрочем, не особенно гонюсь; казенные квартиры в Петербурге все очень гадки).

Я пишу Вам все это не для того, конечно, чтобы отнять у Вас охоту заботиться обо мне, а в виде рассуждения и прошу Вас ничего *решающего* в этом письме не видеть. Оттенков и соображений, я знаю, может быть в подобном деле множество. И при личном свидании, конечно, все это может обсуждаться иначе, при возражениях с той и другой стороны. А я пишу то, что пришло мне на мысль с первого раза. Об одном я желал бы знать положительно: можно ли надеяться *отделить что-нибудь достаточное сразу* для покрытия некоторых долгов и для *скромного* устройства домашних наших дел? Как это делается, я не знаю по опыту, но полагаю, что это и возможно и полезно для самого дела в том смысле, как я говорил выше, т. е. для свободы моей же мысли от домашних тягостей.

Во всяком случае письмо Ваше было для меня лучом света, и я буду искусственно возбуждать в себе надежды, даже обманывать себя, чтобы было веселее и для того, чтобы хоть повесть Каткову¹² как-нибудь дописать, а то я с июля месяца утратил было всякую способность к творчеству.

С отцом Ювеналием поговорю при случае, хотя признаюсь, с ним говорить об его делах очень неприятно, достоинств у него много, но он *не прост*; самолюбие *à double fond*,¹³ а не простое; прежде чем принять хорошо участие, он начинает всячески охлаждать человека, и только моя прямота и простота в этих случаях берут верх над его церемониймейстерством и над его гордыми изворотами!

Прошу Вас передать мое сердечное уважение Марии Ивановне и дочерям Вашим.

10 октября.

Я хорошо сделал, что дал этому письму полежать два дня; вчера вечером я получил другое письмо Ваше о 150 р. и о Всево(лоде) Соловьеве. Если московский друг Ваш и не исполнит Вашей просьбы, то мне и то будет утешением, что Вы так горячо и, как бы это сказать... совсем *не по-русски* обо мне печетесь. Каюсь, грешный человек, за последние годы слово *русское* для меня стало почти бранным. И в делах самого Православия я вижу на каждом шагу такую пустоту, такую распущенность, равнодушие, что лучше и не говорить. Не говоря уже о немцах, французах или англичанах, если бы греки имели те средства умственные и вещественные, которые имеем мы в России, то не такой, конечно, *вид* и не такую силу имела бы и Церковь. Утешаюсь я, видя Вашу твердость и деятельность, не только потому, что мне они лично приятны и выгодны, но и потому, что Вы всей особой своей осязательно доказываете мою теоретическую правоту, подтверждаете мой национальный идеал: вот как может быть полон, многосторонен, тверд и горяч русский человек, понимающий, *что значит быть хорошим русским!* Пусть думает, кто хочет,

что я с одной стороны ослеплен дружбой и благодарностью, а с другой озлоблен на большинство за неуспехи мои. Я могу доказать ложь такого обвинения тем, что сам себя готов причислить в некоторых отношениях к этому большинству русских. Каким образом? Не по пустоте мнений, не по ничтожеству идеала, не по роду убеждений и вкусов, а по характеру и по поведению моему. Например, теперь. Вы пишете, что назначение мое на службу состоится на днях; Вы ищете капитал для большой газеты, а *я* что думаю? Я сижу в скиту, в келье покойного Климента, смотрю из окна на большие сосны бора, курю на диване и думаю: «дай Бог газету с богатым капиталом, а цензорство повернее и попроще; а еще лучше цензорства и 3000 р. в Москве *здесь* каких-нибудь 75 р. *с(еребром)* в месяц *до гроба и ровно ничего не делать*. Вот блаженство! Вот счастье! Ни газет не читать, ни *сочинять* ничего самому к сроку и за деньги. Ни монашеского послушания, ни борьбы, ни честолюбия мирского. В субботу всеношная, в воскресный день поздняя обедня; изредка в козельском трактире закусить чего-нибудь получше; не знать почти, что делается на свете (как я с июля почти не знаю, потому что даже и «Московских Ведомостей» не читаю и даже племяннице,¹⁴ которая за меня их получает, не вею ничего мне рассказывать: «скучно! что мне за дело!»). И цензорством я дорожу лишь *по нужде*, потому что *нет этих 75 р. даровых*. Вы пишете: «*будьте бодрее*». Вот моя бодрость! Недавно в ответе Победоносцеву у меня сорвалось слово о *скорби* моей, об *унынии* и т. д.¹⁵ Конечно, есть дни, в которые скорбь и уныние велики; но это скорбь о кофее *в ноябре*, о *табаке* и *теплой шапке* новой; о старых слугах, оставшихся в имении, которым тоже надо есть и которых бросить я *не могу*! Но как скоро жалование послано, табак, свечи и кофей есть на 15 дней и никто ко мне целое утро нейдет и не зовет куда и ни к чему не принуждает, так я и доволен! Раз в неделю полчаса беседы с духовником;¹⁶ ни газет, ни мирского чтения, ни духовного; вечером поиграть в бирюльки (из серных спичек)¹⁷ с мальчиком, который мне давно служит,¹⁸ и послушать его рассказы о том, как кто в Козельске подрался и как кто женился,

и какой монах чем проштрафился, и что сделал отец игумен¹⁹ и т. д. Отлично! Иногда горло болит, иногда лучше, разложение организма идет своим чередом, но медленно и с роздыхами. Один день скорбный почему-то, а другой ничего; хотя я и на молитву так же стал ретив, как на все другое (кроме курения табаку и бирюлек), но совесть шепчет, что Господь простит мне и помилует в день Страшного Суда. И отлично! Беда в том, что эта восхитительная Нирвана, более животная, однако, чем аскетическая — есть лишь один волшебный миг забвения. И действительность вопиет громко: «смотри! Ты лишен и того, что имеют многие скотоподобные люди — у тебя нет и не будет ни 75, ни 50 р. в месяц верных и обеспеченных. У тебя есть лишь 49 р. пенсии, которые ты должен отдавать своей доброй и убогой (умом убогой) жене и ее служанке на содержание в Козельске; а ты должен что-то мыслить, что-то воображать, что-то писать и печатать, чтобы есть, пить, спать, курить и т. д.». И вот и начинается скорбь: беру тетрадь, повесть для Каткова: «слышал», что она хороша; попробую... ни с места! ни зги Божией не вижу, ни строки... Кладу назад и на диван, и опять рад... Вчера молодой служитель мой заболел, я рад случаю: пошел сам с утра хлопотать о провизии к обеду, о том, о другом, чтобы *только не писать*. Вот моя бодрость, вот моя мечта, вот мое счастье — *ничего*, кроме телесного спокойствия. Порывистая *инициатива* моя за последние 7-8 лет внушает мне одно презрение; ибо все эти попытки, поездки, вся эта энергия, все эти *мысли*, все эти *Одиссеи* и «Варшавские Дневники», «Византизмы» и «Отцы Клименты» привели лишь к тому, что Гирс предлагает мне из милости мальчишечье место в Варшаве в полторы тысячи²⁰ (из них надо вычесть 600 р. теряемой пенсии, итого 900 р. (!) в городе почти столичном), что даже Ваше счастье в приискании мест людям изменяет Вам, что Катков вместо того, чтобы удвоить и утроить мне цену за лист, *прощает* мне долг в 2000 нынешней весной или что Суворин «венчает» меня таким отзывом: «некто г. Леонтьев, пишущий в „Варш(авском) Дневнике“»...²¹ И потому я *чувствую, что я прав* в своем желании этой невинной Нирва-

ны и в своей скорби о том, что если что *дадут*, то надо с благодарностью брать, ибо на «Нирвану» нет и 50 руб. в месяц. И если не мучаться этим *презренным*, истинно *презренным* трудом — то сладкая и приятно-скупноватая Нирвана обратится в ад *телесных* лишений, *которые я тем менее намерен выносить*, чем пустее и пустее становится мой внутренний, никому серьезно не нужный видно, мир! Вот Вам моя бодрость! Да! Настоящим унынием я это не назову! Я испытал не раз и его, но это не то. Это презрение к своей прежней деятельности и равнодушие ко всему остальному. Но Господь так смирил меня, что я даже и *на это* не имею прав! а должен ждать с радостью назначения на цензорство; уже потому с радостью, что это проще, пустее и покойнее литературы! Все поближе к Нирване. Меньше я и больше *не я*; и потому и меньше той непостижимой *анафемы*, которая лежит на моем я. Довольно об этих сокровенных тайнах сердца. Теперь проще о газете. Вс. Соловьева я очень люблю и верю, что из него можно создать нечто крупное; нужно утвердить его в нашем направлении: Он сам мне сказал, что согласен идти ко мне в *ученики*. Или почти. Но я, признаюсь, не ясно понимаю, что у Вас за план слагается? Будемте откровенны. Вы, может быть, думаете, что я не распорядителен, а только могу *писать*. Нет, это была бы большая ошибка! Вы меня с этой стороны не знаете, спросите у Губастова (я даже угадываю, что он скажет, он скажет: «отлично распорядится, лучше многих; он в Турции молодцом поворачивал дела; но все это пока не устанет, пока не надоело ему»). В этом есть доля правды; хотя «усталость», вернее «нетерпение». Я говорю, как о другом, беспристрастно. Я думаю, что надо или переманить все-таки Голицына, которого немощи я уже знаю и который и со мной умеет обращаться, или просто предоставить мне всю свободу и всю инициативу дела, раз деньги будут найдены, а я уже сам *обставляю себя* людьми с помощью Ваших советов и содействия. Хуже будет, если я не буду *хозяином*. Хозяин в *тесном* смысле, т. е. счетовод и распорядитель второстепенный, необходим,²² но лучше будет, если он будет мне подчинен. Я не определяю частных теперь, а говорю

только вообще: если Вы уж хотите дела широкого и крупного, так передайте его *прямо мне и только мне*; я заведу (конечно, с Вашей помощью) машину; а через год или два приготовлю другого... хотя бы Всеволода Соловьева. Но сначала и он должен от меня зависеть. Или же совсем напротив — выдать мне *хороший задаток* сразу для устройства моих домашних дел и для того, чтобы было куда спастись, когда распоряжения *другого* без моей вины погубят дело; и назначить мне очень хорошее содержание в год, как второму лицу, сотруднику и советнику без *построчной платы*, а огулом в год, ибо моя идиосинкразия такова, что я сделаю лучше и *больше*, если меня не будут душить *ежедневно* или очень часто передовыми статьями. Ф. Н. Берг, кажется, *по хозяйственной* части очень хорош и меня любит и Вас очень уважает. Он, кажется, экономен до скупости. А *главное* надо, чтобы я мог *выход* себе хоть скромный обеспечить *сначала*, сразу. Без этого цензорство бросать было бы в мои лета безумием.

Больше ничего я не нахожу сказать на этот раз... Обнимаю Вас крепко, благодарю и буду готовиться в Москву.

Вам преданный К. Леонтьев.

Ответ на п. 36.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 35—43.

Фрагмент впервые:

8, 825—827.

Цитируется: 6, 383;

8, 780.

¹ Речь идет о «Моей исповеди», написанной в декабре 1878 г. в Козельске для старца Амвросия. См.: 6, 228—252; 6, 382—384.

² В июле 1871 г. в Каламари под Салониками Леонтьев пережил смертельно опасную болезнь, во время которой дал обет перед иконой Божией Матери в случае исцеления поехать на Афон и стать монахом.

³ Еще в январе 1878 г. Леонтьев просил у Каткова денег на поездку в Турцию для работы над романом из болгарской жизни, но тот отказал ему. «Он находит, что тот роман из болгарской жизни я могу писать и здесь и еще лучше, потому что военные впечатления „отвлекут-де вас от того, что вам нужно для этой цели“ и т. д. Я очень рад!.. Он полагает между прочим, что все-таки Константинополь будет наш с помощью „Русского Бога“» (письмо к М. В. Леонтьевой от 10 января 1878 г.; РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 41). Несмотря на то, что в 1874 г. Леонтьев уже испытал невозможность для себя работы журнального «сотрудника», теперь он согласился на подобную деятельность. «Катков хочет опять, чтоб я у него помесечно работал. — Он очень был

любезен и заказал мне к январской книжке *Политическое обозрение*, которым я завтра и займусь». Правда, тут же Леонтьев признается: «Но едва ли я вынесу это!...» (Там же). И действительно — не вынес. Уже 16 января он с самоиронией повествовал в письме к племяннице об этой неудачной попытке стать «честным тружеником»: «... Чуть-чуть было в самом деле не начал *трудиться* у Каткова. — Воскобойников предложил было мне ходить *читать* немецкие газеты в Редакцию (рублей за 50 в м(еся)ц и это во внимание к моим... и т. д., а молодежи — не угодно ли по 25 руб.); сверх того я было сунулся *составить* по „Моск(овским) Вед(омостям)“ за декабрь политическое Обозрение к январской книжке. — Коридорный Василий даже сшил мне газету за весь декабрь.... Два утра я читал и ничего не мог начать. — Написал: „Падение Плевны и геройский штурм Карса....“ и остановился. — Смотрю Англия; пустые фразы, осторожные, скучные; все одно и то же. — Не знаю, кто такое Корнарвон, Форстер какой-то, кажется, за нас, а я ему за это вовсе не благодарен; гляжу — Франция; Италия; Австрия. — Все скука и пустота. — Во Франции знаю только Мак-Магона; какой-то Дюфор еще тут явился; хоть убей — не знаю, что об нем сказать, кажется Министр Юстиции... Но на что он мне?... Этот буржуа? — Виктор-Эммануила несколько мне не жал; а Осман-Пашу жалею, ... И т. д. А книжка должна скоро выйти и боюсь, Мих(аил) Никифоров(ич) скажет: „Леонтьев опять капризничает!“ <...> Не знаю как быть... Не умею; не умею себя принудить *не свое* писать! — Но Бог все помогает и разными путями. — От напряжения ли ума и раздражения или от сухости воздуха в гостинице, от духовых этих печей, сделалась бессонница и такое возбуждение нервов, что сказать не могу... Поэтому, заснувши в 5 часов, проснулся в 11-ть с тяжелой головою, заниматься нельзя. — Ну — тем лучше! — Сел, поехал в Редакцию и с жаром искреннего раскаяния отказался. — А Воскобойников о немец(ких) газетах молчит с тех пор. — И я, молча, тоже благословляю Бога» (Там же. Л. 42—43). После этого Леонтьев поехал в Петербург, там заболел, а когда в мае вернулся в Москву и сообщил Каткову, что хочет летом отправиться в Константинополь, тот снабдил его авансом и предложил писать с дороги корреспонденции в «Московские ведомости». О дальнейшем Леонтьев рассказывал в письме к Губастову от 1 июня:

«Я (...) пустился в путь. — Взял и Машу с собой и хотел ехать прямо даже на Одессу, чтобы не опоздать. — Машу я намеревался устроить где-нибудь в семье греческой подешевле и приучить ее писать *фон* корреспонденций, чтобы мне оставалось больше времени для других работ; — более серьезных, более *моих* — так сказать. — При этих условиях, если бы Маша скоро выучилась, то можно бы приобретать одними корресп(онденциями) рубл(ей) 350-400 в м(еся)ц (Катков желал *каждый день*). — В случае конгресса он соглашал(ся), чтобы я ехал на Румелию и Болгарию и писал бы с пути и оттуда. — Чем же плохо? — Но... человек предполагает, а Бог располагает...

Дорогой от мелкой тряски рельсов и плохо проведенных ночей мне становилось все хуже и хуже, а в Киеве стало так трудно, боль ноги так усилилась, что я побоялся

запутаться еще более, если бы оказался там негодным вскорости к делу, которое требует теперь здоровья и подвижности. — Лучше задолжать 500 (взятых на дорогу), чем больше! *И вот я вернулся в Кудиново* и теперь немного отдохнул и начинаю недалёко ходить.

Что делать! — Трудно мне будет теперь расплачиваться с Катковым... Но надеюсь на помощь Божию и не унываю, а принялся скорее писать» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 79 об.—77 об.).

⁴ Неизвестно, о ком здесь идет речь. Возможно, о Н. М. Бобарыкине, будущем душеприказчике Леонтьева.

⁵ Ср.: 1 Цар. 5: 6, 11.

⁶ См. примеч. 11 к п. 12.

⁷ См. примеч. 15 к п. 12.

⁸ Леонтьев говорит о бывших кудиновских дворовых, которым он продолжал платить небольшие пенсии.

⁹ Лк. 2: 29.

¹⁰ Ср. в письме к Н. Соловьеву от 4 января 1879 г.: «Отец Амвросий, утешая меня, говорит так: „Другого — давно на свете не было бы, если бы он перенес бы хоть часть того, что Вы перенесли за последние 7 лет; а Вы живы и еще пишете и печатаете... Бог знает меру сил“» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 14 об.).

¹¹ Ср. в воспоминаниях М. В. Леонтьевой «Лизавете Павла(овне) дядя нанял квартиру в Козельске недалеко от меня; определил Варю к ней; а сам с Николаем опять занял келью в скиту...» (6, 136).

¹² Имеется в виду роман «Египетский голубь».

¹³ С двойным дном (франц.).

¹⁴ Е. В. Самбикина.

¹⁵ Перед этим Леонтьев писал Победоносцеву 27 мая 1880 г. (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1—4 об.).

¹⁶ Имеется в виду старец Амвросий Оптинский.

¹⁷ Бирюльки — старинная русская игра, заключающаяся в том, что из кучки мелких фигурок нужно пальцем или крючком вытаскивать эти предметы один за другим, не задев и не рассыпав при этом остальных. Настоящие бирюльки (маленькие деревянные фигурки различной формы, часто с просверленными отверстиями) Леонтьеву и его слуге заменяли спички.

¹⁸ Речь идет о Н. Орлове.

¹⁹ Преп. Исаакий Оптинский.

²⁰ Возможно, Леонтьев предлагалось место Губастова, который вскоре (в 1881 г.) получил назначение консулом в Вену.

²¹ См. примеч. 174 во вступительной статье (с. 61).

²² В копии: «необходимы».

СПб. 16 октября 1880

Дорогой Константин Николаевич.

Газета у нас будет или не будет; а место Вам надобно. Вот почему я прежде всего нашел нужным настоять на Вашем определении к должности, которую, под предлогом Вашего будущего редакторства, уже хотели отдать другому. Сегодня я видел Абазу, который мне еще раз подтвердил, что место это Ваше и что утверждение Ваше в должности состоится тотчас по приезде гр. Лориса; а его ожидают 22 октября.¹ Пусть эта должность будет Вашим (*в копии оставлено место*); а когда уладится что-нибудь лучшее, то оно от Вас не уйдет. Я верно писал к Вам неясно; во все не гр. Л(орис)-Меликов, а я отыскиваю капитал и через 10 дней уже буду знать, получу ли их или нет. Последнее вероятнее, ибо год ужасный; но может случиться и первое. Так как дело будет в моих руках, то мы всегда успеем устроить Ваше передвижение сюда для ближайшего участия в газете. Пока же Вы будете цензором и, при успехе моего предприятия, будете на первых порах от газеты получать не менее того, что Вам даст должность. Это дает Вам материальное успокоение и даже нравственное; ибо любовь моя к Вам и заботы о Вас, текущие из сердца, должны же действовать мирно на Вашу мятущуюся и столь сурово искушаемую душу. Не по достоинству любящего, а по природе самой любви, от кого бы она ни исходила, ею приносится душе мир и упокоение. Сегодня еще был разговор о Вас, как о кандидате на место более значительное, чем цензорское,² но и оно в будущем, не очень, впрочем, далеко. Одним словом, я неотступно о Вас думаю; а за тем, решив начать газету при Вашем заочном содействии (без Вашего участия я не могу и думать о газете), я у Вас же прошу совета относительно суррогата. Самая мысль

о Вс. Соловьеве Вам показывает, что и тут я думал о Вас, ибо я знаю, что Вы взаимно друг друга любите. Берг имеет верное и обеспеченное положение в «Ниве»³ и Соловьева он, по моему мнению, не стоит.

Я слишком теперь засучен, чтобы писать Вам пространнее. Но вот что мне хотелось бы Вам сказать. В конце окт(ября) я еду в Москву, если назначение Ваше состоится 24, 25 окт(ября), то я Вам телеграфирую, и Вы приезжайте из Оптиной в Москву скоропостижно. Если не будет денег, попросите у отцов хоть моим именем. Нужно.

Целую Вас.

Ваш Т. Филиппов.

¹ Министр внутренних дел гр. М. Т. Лорис-Меликов должен был возвратиться из Ливади. См. примеч. 3 к п. 39.

² Вероятно, подразумевается разговор с Победоносцевым о возможной службе Леонтьева при обер-прокуроре Синода.

³ Ф. Н. Берг был редактором этого журнала.

39

Леонтьев — Филиппову

23 октября
1880 г., Оптина
пустынь

23 октября 1880, Оптинский скит.

Тертий Иванович!

Теперь *понял*. Буду ждать телеграммы Вашей и готовиться к отъезду; ¹ хотя мне эти *скоропостижные* (как Вы выражаетесь) сборы очень тяжелы — боюсь только, чтобы реки (их две отсюда до Калуги²) не напутали чего-нибудь. Ответил бы тотчас же телеграммой, но *куда?* В Москву или Петербург — как знать? Денег достать на дорогу надеюсь, это легче, чем *точные сроки*; когда от Оптины до Калуги средства сообщения так затруднительны. Лорис-Меликов вернулся, судя по газетам³ (которых, впрочем, я с июля не читал вовсе, а говорят другие). Насчет участия мо-

его в Вашей газете *заочно* — скажу Вам вот что. С одной стороны, для меня это покойнее; три тысячи казенного верного жалования и 3-4 еще от Вас — это можно поправить; и не так *страшно*, как брать на себя всю редакторскую ответственность. Это лучше с точки зрения обеспеченности. Но простите мне мои претензии. Я думаю, что все дело вышло бы крупнее, если бы при серьезном капитале (вроде 160 000 Цитовича ⁴) я бы управлял сначала сам с Вашею помощью. Видите, прав я или нет, но у меня в течение долгих лет независимости и удаления составила ясная как математика, *полу-реакционная, полу-прогрессивная* (но не в смысле *свободы*) система. Для меня она ясна; а что касается до способа передачи другим — то в этом Вы судья со стороны лучший, чем я сам. Я очень рад видеть Вс. Соловьева редактором. Лучше его мы не найдем, это правда; и если я говорил о Ф. Н. Берге, то это потому, что я имел в виду совсем другое дело — очень большое (вроде «Берега»), при котором нашлось бы место им обоим; и Берга я считаю в практических способностях очень опытным. Но замечу, что у Вс. Соловьева года два тому назад было еще что-то неопределенное; он был под влиянием сентиментальностей ⁵ Достоевского, которому хорошо наигрывать на одной и той же теме невозможной любви; ⁶ эта песня доставила ему много приятного и выгодного. А Вс. Соловьеву надо передать *иное наследство, покруче и понаучнее*, так сказать. Не *поучение*, а именно *понаучнее, пообъективнее*. Иначе это будет разногласица. Можно и либеральничать, но не *искренно*, а по нужде. Если делать дело серьезно, то надо и ему приехать в Москву для свидания со мной.

Посмотрим. Я очень рад, но помните, что на первых порах (месяц или два) мне и с цензурой будет трудно. Ново.

Прощайте пока, Тертый Иванович, просто *без прилагательных*. Я не *нахожу их*. Вы сами знаете почему.

Обнимаю Вас.

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 43—45.

Цитируется:

8, 828—829.

150 р. никаких не получал.

¹ Отъезд отложился еще на месяц: 13 ноября Кожухов отправил в Петербург второе представление (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 3). 19 ноября Леонтьев определен исправляющим должность цензора (Там же. Л. 6). Приказ по Министерству внутренних дел от 4 декабря 1880 г. № 54 (Там же. Л. 8 а—8 г)

² Жиздра и Ока.

³ Гр. Лорис-Меликов вернулся в Петербург 18 октября (см.: *НВр.* 1880. 19 окт. № 1668. С. 4).

⁴ Подразумевается субсидия, полученная на издание газеты «Берег».

⁵ В копии: «сентиментальностей». Это черта орфографии нач. XX в., Леонтьев писал: «сентиментальный», «сентиментальность».

⁶ Имеется в виду: любви, невозможной, с точки зрения Леонтьева, на этой земле.

40

Филиппов — Леонтьеву

19 декабря
1880 г., Петербург

СПб. 19 декабря 1880

Дорогой Константин Николаевич.

Нездоров и потому писать много не могу. Если решитесь приехать сюда, то лучше тотчас после Нового года. Приноровите, если можно, приехать к концу недели; у нас Субботы. Лучше бы к 3 января. 4-го я именинник,¹ так что мы день мой встретили бы вместе. У нас бывает весело не в пошлом смысле.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 15.

Ваш Т. Филиппов.

¹ Филиппов праздновал именины в день Собора семидесяти апостолов (4 января). Его небесный покровитель — св. ап. Терттий.

СПб. 26 декабря 1880

Дорогой Константин Николаевич.

Такое ли теперь время, чтобы люди, соединенные таким союзом, который связует нас, могли бросать друг друга? Если когда-нибудь я замечу с Вашей стороны что-либо, достойное укора, я прежде всего скажу Вам по слову: иди и обличи его между тобою и тем единым.¹

Я Абазе уже давно говорил о необходимости Вам побывать в Питере, так что с этой стороны препятствий не будет. Вчера, только что я прочел Ваше письмо, мне докладывают: Комаров. Пришел звать меня обедать на нынешний день, и о Вас сейчас же зашла речь («речь» нужно писать через е, а вещь через ѣ). Тут же случился греческий архимандрит², и разговор зашел о греко-б(олгарском) деле. Комаров, по-видимому, рад будет на этой струне взять оригинальные звуки; а потому и есть основание — ему послать, а Вам взять на дорогу деньги.³ Но почему 250 р.? Я бы и 2500 р. рад был Вам исторгнуть, да ведь и Комаров-то пока не в авантаже. А с Вашим вступлением туда — хотя бы по одному болгарскому вопросу — могут поправиться и его денежные дела. Я скажу ему впрочем — как бы от себя — Вашу сумму.

Многое заставляет меня желать свидания с Вами. Надобно где-нибудь ударить по струнам.⁴

Не читали ли Вы составленного мною от имени единоверцев — адреса патриарху Вселенскому;⁵ говоря о дне созвания собора, я выразился так: «сей нареченный и великий день,⁶ призываемый помыслами ревнителей мира и вселенского общения, да приидет и не закоснит.⁷ И да принесет он с собою успокоение и все блага христианской свободы не одной русской, но и всей православной церкви, отовсюду всеобразно го-

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 17.

нимой возмогающим князем мира и преданной всем в поправление доселе, во испытание терпения и веры святых и во исполнение слов: „скверный да сквернится еще и святой да святится еще“».⁸

До свидания. Ваш Т. Филиппов.

¹ Мф. 18: 15.

² Настоятель церкви св. Димитрия Солунского архимандрит Григорий Палама.

³ Комаров до этого успел и сам уже написать Леонтьеву. Его письмо (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 149) не датировано, но упоминание о нем в письме Леонтьева к Губастову от 20 декабря 1880 г. (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 95) позволяет приурочить его именно к этому времени.

⁴ Измененная цитата из романа И. С. Тургенева «Рудин» (гл. III): «Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие».

⁵ Речь идет о «Признательном приветствии единоверцев вселенскому патриарху Иоакиму III». Впервые: Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 463—463. Вошло также в «Сборник Т. Филиппова» (СПб., 1896. С. 210—211).

⁶ Парафраз ирмоса восьмой песни канона на Св. Пасху («Сей нареченный и святой день...»).

⁷ Закоснит — замедлит (ц.-сл.). Аллюзия на Евр. 10: 37 («...Грядый придет и не закоснит»); восходит к Авв. 2: 3) и ирмос четвертой песни канона на Вход Господень в Иерусалим: «Христос, грядый явственно Бог наш, придет и не закоснит».

⁸ Откр. 22: 11.

1881

42

14 января 1881 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

Некогда было поблагодарить Вас за милое поздравление.¹ Комарову очень хочется Вас видеть в Питере, но у него не густо в кармане, и вот он мечется, чтобы найти средства и для издания газеты и для свидания с Вами.² И Победоносцев очень желает Вас видеть, все спрашивает,

не знаю для чего. Так или сяк, а хорошо бы было повидаться; дела-то не выдет, а все-таки погрустили бы вместе.

Ваш Т. Филиппов.

СПб. 14 января 1881.

Сабуров слово «преданный» пишет через два д: «предданный».³ Кн. С. А. Долгорукий объясняет это явление тем, что «министр заприметил, что „подданный“ пишется через два дд и что его увлекла аналогия». Хорошо бы изобразить это в печати, в виде подражания анекдотам древних христоматий.

«Некто быв вопрошен, чем объяснить..... мало осклабься, ответил: аналогией и т. д.».

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 18.
Цитируется: 8, 829.

¹ Поздравление с именинами (4 января) не сохранилось. Кроме того, Леонтьев в это время ходатайствовал об устройстве на службу своего племянника Владимира. Ср. в письме к нему от 10 января 1881 г.: «Филиппову недавно писал. — Напишу еще» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1).

² См. об этом в п. 41.

³ Ср. с отзывом об А. А. Сабурове в письме Филиппова к гр. А. Г. Толстой от 26 октября 1880 г. по поводу ожидаемых перемен в правительстве: «...Сабуров, по-видимому, помилован на этот раз. Бог знает впрочем, как разыграются студенческие движения, которые он своею бестактностью создал, и не приложит ли он к своим грубым ошибкам еще новых и более вредных. Это истинное горе для отечества, что в такое время, исполненное бесчисленных опасностей, на таком бесконечно важном poste находится человек, не имеющий ни малейшей опытности, недалекий и при этом еще самонадеянный!» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 40).

43

Филиппов — Леонтьеву

8 марта 1881 г.,
Петербург

СПб. 8 марта 1881.

Дорогой Константин Николаевич.

Ваша совершенная правда: теперь или никогда. Или спасительные начала должны восторжествовать, или гибель безвозвратна. Я передал

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 20.

Победоносцеву Ваше письмо,¹ но еще не видал после этого. Крошечку подождите.

Ваш Т. Филиппов.

Ответ на неизвестное
нам письмо или
телеграмму
Леонтьева.

¹ Известное нам письмо Леонтьева к Победоносцеву датировано 10 марта (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 5—6 об.). Возможно, ему предшествовало еще одно — пересланное через Филиппова. Не исключено, что это было письмо, написанное еще до дня царевубийства и переданное Филиппову прямо в руки (он был в Москве в самом конце февраля и вернулся в Петербург как раз 1 марта; см. письма к гр. А. Г. Толстой от 18 февраля и 5 марта: ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 53, 55—56 об.).

44

15 марта 1881 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 15 марта 1881.

Дорогой Константин Николаевич.

«Теперь или никогда», — пишете Вы.¹ И я совершенно с Вами соглашаюсь и с радостною надеждою говорю про себя и шепчу Вам: «теперь». Вы поймете без труда, что все последние дни были не таковы, чтобы я мог говорить с кем-либо о нашем предприятии. Говорил, конечно, с Победоносцевым, но слишком кратко, ибо он погружен в много-различные и бесконечно важные заботы. На днях пойду говорить с ним подробнее, а на завтрашний день приглашаю к себе Вашего Московского голову — С. М. Третьякова — говорить о том же, и надеюсь, что моя речь найдет в его сердце отзыв. Пишу Вам только для того, чтобы долгим молчанием не привести Вас в уныние, которое Вас караулит. С глубоким утешением сообщая Вам, *что* Константин Петрович уже успел оказать России великую и незабвенную услугу² и что я благословляю его

имя. Более сказать не могу; но, зная его и меня, Вы догадаетесь, что его подвиг благословится и Вами, когда Вы о нем узнаете.

Ваш Т. Филиппов.

Пришлите мне Ваш адрес.³

¹ Ср. в п. 43.

² Возможно, имеется в виду написание Победоносцевым еще не обнародованного царского манифеста (датированного 29 апреля) «О призыве всех подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

³ Леонтьев в это время снял квартиру на Новинском бульваре. 10 января 1881 г. он сообщал племяннику: «Я уже не в *Лоскутной*. — Адрес мой: *Новинский бульвар*; около Смоленского рынка. — Дом *Котлерова* (бывший *Сорокина*). — Надпись еще — *Сорокина*» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2).

Автограф неизвестен
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 18.
Цитируется: 8, 829.

45

Леонтьев — Филиппову

1881 апреля 23, Москва.

23—24 апреля
1881 г., Москва

Вот, Третий Иванович, письмо, которое я решился (через Ваше все-таки посредство) написать Победоносцеву.¹

Позвольте мне не *входить ни в какие подробности*, позвольте мне надеяться, что Вы мне *поверите на слово* — невозможно!!! Приезд жены в известном Вам положении рассудка² и необходимость внезапного переезда в столицу без всякого денежного запаса привели наконец к тому, что (я с января это предвидел и хлопотал заранее, но Богу было не угодно — чтобы я миновал этого весеннего кризиса) ... я просто ума не приложу, что, напр(имер), *даже есть* завтра. Знакомые постоянно *Христа ради* (без прибавления!) помогают — кто 10, кто 5, кто 20 — вот уже

третий месяц... Уж я и стыдиться перестал... Я телеграфировал Вам, что *мировой не пустит*.³ Конечно, он не пустить не может. Это я спешил в телеграмме так выразиться для краткости... Мировой не задержит, конечно, и Арх(имандрит) Никодим — *хочет на свой счет* вести меня в Петербург,⁴ — но полиция ведь имеет возможность за неуплату удалить всю семью мою с квартиры во время моего отсутствия.

В Оптиной и Козельске я бедствовал на 49 р. пенсии; но, понимаете — там нужно было только *терпеть*, а здесь надо *действовать* и хоть сколько-нибудь да *мыслить* — а жизнь с семьей в 5 раз дороже... и т. д.

Я помню также, что Вы в вагоне прошлой весной говорили мне: «Кудиново Ваше мы не допустим до аукциона, за проценты я Вам ручаюсь». Я не решался до этой минуты напомнить это Вам (ибо *выразить* Вам не могу, до чего я Вам и без того признателен), — но, может быть, Вы сами скажете мне после: «зачем я молчал и не был прям и прост?»

Нужно 360 р. в Калужский Общ(ественный) Банк братьев Малютиных за селцо Кудиново К. Н. Леонтьева. Срок 27 апреля, в следующий понедельник.⁵ Вчера вышла моя брошюрка (по 20 к.): «Как надо понимать сближение с народом» (в типогр(афии) Погодина) — (Перепеч(атано) из «Варш(авского) Дневн(ика)»)⁶.

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 45—46.

Цитируется: 7, 861.

24 апреля. Арх(имандрит) Никодим известил меня, что едет в воскресенье, но я все-таки посылаю эти письма, ибо когда зависишь не от себя, как знать, не переменит ли дня другой человек? Что будет со мной дальше — уж и ума не приложу...

¹ См. п. 45 а.

² См. об этом подробно: 6, 662—663.

³ Местонахождение телеграммы неизвестно. Эта телеграмма и неизвестное нам письмо к Филиппову упоминаются в письме Леонтьева к племяннику Владимиру от 22 апреля 1881 г.: «...писал и телеграфировал Филиппову» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3 об.).

⁴ С настоятелем Иерусалимского подворья архимандритом Никодимом, будущим Иерусалимским патриархом, Леонтьев был в то время очень дружен. По свидетельству Н. Н. Дурново, они познакомились еще в Константинополе: «Патриарх Никодим был человек умный, дальновидный и знал К. Н. Л(еонтьева) по Константинополю, когда сам он был представителем патриарха Иерусалимского в Фанаре, а К. Н. Л(еонтьев) посещал Константинополь по должности генерального консула Адрианопольского, а затем Салоникского» (Дурново Н. Н. Воспоминания о К. Н. Леонтьеве; частная коллекция). В мемуарном очерке Дурново есть много грубых неточностей, но этому именно указанию, по сути, можно верить. Нужно только сдвинуть даты: такая встреча могла произойти в 1872—1873 гг., а в пору службы Леонтьева секретарем Адрианопольского консульства (отнюдь не генеральным консулом) Никодим еще не представлял Иерусалимскую патриархию во Вселенской.

⁵ 22 апреля Леонтьев послал племяннику доверенности на перезалог имения и его оценочную опись. О положении писателя в эти дни лучше всего говорит фраза: «Сегодня у меня только и есть денег, что на отправку этого конверта (да и те занял. — Я продолжал быть в постоянной здесь нужде) ...» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3).

⁶ В виде отдельной брошюры была издана статья, впервые опубликованная в «Варшавском дневнике» (1880. 3 мая. № 93. С. 5—6; 22 мая. № 107. С. 3—4).

45 а

Письмо Леонтьева К. П. Победоносцеву

23 апреля 1881 г.,
Москва

23 апреля 1881, Москва.

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Константин Петрович!

Зная, что Вы принимаете искреннее участие в моем положении и не желая более обременять моими отвратительными иеремиадами Т. И. Филиппова, который и без того так много обо мне заботился и так много для меня сделал, я обращаюсь прямо к Вам и говорю коротко и ясно: *помогите!* Помогите не мне лично, — не мне, которого Вы так мало даже знаете, — помогите тем способностям, которые Вы сами, Константин Петрович, во мне признали; помогите той *идее*, которой Вы меня считаете полезным представителем!

Я без всякой вины с моей стороны нахожусь в положении зверя в сетях, и никакой возможности нет самому, одному — без внешней и решительной помощи — вырваться из этих сетей.

Тысячи полторы рублей выдать мне единовременного пособия или Мин(истерством) Вн(утренних) Дел или самим Государем, по Вашему ходатайству, или из иного источника — все равно — разом рассекли бы этот Гордиев узел моих обстоятельств; иначе я буду доведен до того, что и *службой* даже заниматься будет трудно... Меня зовут к Мировому — хотят согнать с семей с квартиры, 27 апреля срок процентов за имение, и я в случае аукциона потеряю тысяч пять из-за того, что 360 р. не внес в срок. (Прежде, когда я не был занят службой, Катков вносил за меня эти проценты каждый год, а теперь он решительно отказал мне в деньгах, пока я не представлю ему начатой повести; но писать и вообще мыслить и воображать что-нибудь, *могу Вас уверить, нет никакой возможности!*) Вы бы ужаснулись, если бы рассказал Вам обо всей мелочи, которая меня опутала! Счастливы нигилисты, — им помогают в их целях враги наших идей.

Честь имею быть с глубоким почтением Вашего Высокопревосходительства покорный слуга К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 46—47.

46

26 апреля 1881 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 26 апреля 1881

Дорогой Константин Николаевич.

Вот ответ Победоносцева на Ваше письмо.¹ Я не хотел было передавать ему Вашего письма, заранее зная всю бесполезность Вашего к нему обращения; но не посмел взять этого на себя. Я писал о Вас Преосв(ященному) Алексию² и просил его обратиться к Якову Ив(ановичу)

Лабзину, который известен своею готовностью к христианской помощи; не знаю, что из этого вышло.

Вы совершенно правы, что люди разрушения гораздо больше ценят и уважают свое дело, чем мы, ревнители охранения обуреваемых святынь.³ Что же делать? Верно, еще не до крайней глубины обнаружено и явлено миру наше непотребство. Мне очень Вас жаль; но на этот раз, простите меня, мне гораздо более жаль гибели общего дела, которое запнулось о Ваши⁴ 660 р., исчисленные в письме ко мне о. архимандрита Никодима.⁵

Я до сих пор не писал Третьякову, ибо думал обращик оповещения составить по совету с Вами, при чем общим советом мы изобразили бы и годовой расходный бюджет газеты. Теперь все остановилось, и я начинаю в этом провидеть неблаговоление Божие к нашему предприятию, с успехом коего разом устроились бы и Ваши дела. А между тем и здесь есть люди, сильно желающие основания газеты в нашем духе, так что вопрос денежный мог бы устроиться благополучно. Но без Вас я за газету не возьмусь. Посмотрим, что будет. Победоносцев совершенно прав в одном, что если московские купцы на первом шагу встретятся с Вашим incident,⁶ тогда дело рухнет сразу и никогда не поднимется. Я. И. Лабзин составляет исключение; он не купец, а христианин.

Искренно преданный Вам Ваш Т. Филиппов.

Не зная Вашего адреса, пишу к о. Никодиму.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 19.

Цитируется: 8, 830.

Ответ на п. 45.

¹ Местонахождение неизвестно. Ответ на п. от 23 апреля.

² Местонахождение письма неизвестно.

³ Обуреваемый — ц.-сл. слово, часто встречающееся в богослужебных текстах. Ср., например, в ирмосе шестой песни канона шестого гласа: «Житейское море обуреваемое зря напастей бурей...»

⁴ В копии: «Ваше».

⁵ В сохранившейся подборке писем архимандрита, впоследствии патриарха, Никодима к Филиппову (1877—1896; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2274) это письмо не обнаружено.

⁶ Инцидентом (*франц.*). Имеется в виду требование Леонтьевым высокой оплаты своего труда.

47

Леонтьев — Филиппову

14—15 мая
1881 г., Москва

14 мая 1881, Москва.

Глубокоуважаемый Третий Иванович, — *ужасно* боюсь, не сетуете ли Вы на меня за то, что я не остался еще на один день,¹ чтобы повидаться с Вами? — Ради Бога, не сетуйте! У меня по службе еще перед отъездом накопилось очень много дела; и к тому же другое дело — Вы, *друг*, и другое дело равнодушные товарищи по службе. Один из них сам уезжает на днях лечиться на воды.

Телесно я в Москве очень скоро отдохнул и делом усердно занимаюсь; но гнусные заботы о процентах, векселях, мировых судьях, штрафах и т. п. еще не скоро кончатся! Поэтому, несмотря на страшную охоту писать, не могу еще дорваться даже до катковской повести.² А какие еще у меня *хорошие и своевременные* мысли! Но и писать не дают, и печатать не знаю где.

Подумаемте, право, как-нибудь о «Востоке». Н. Н. Дурново уверяет, что *здесь* купцы согласны помочь.

Еще два слова насчет Игнатьева: если бы Вы сошлись с ним, то было бы *во многих отношениях* прекрасно. Он все-таки во сто раз шире и способнее К(онстантина) П(етрови)ча Победоносцева. Я говорю не о себе только, а вообще о делах. Что касается до меня, то замечу вот что. Если будете говорить с Игнатьевым, то знайте, что он из тех людей, которые при некоторой мягкости характера с виду, не имеют и тени «любви» — поэтому «положение» мое для него — это ничего не значит, а вот *пригодность* человека — это он умеет ценить лучше всякого и, эксплуатируя *способности*, он готов помогать. Больных терпеть не может; надо, чтобы он считал меня здоровее, чем я на самом деле.³

Даже заботясь только о «харчах» моих, как Вы сказали в последней записке Вашей,⁴ Вы все-таки косвенно поможете мне взяться опять за забытое мною перо. Не то, так другое можно бы было писать. Я теперь думаю часто, что брошюрками дешевыми можно сделать пользу. Но чтобы это сделать, надо, чтобы меня не рвали на части со всех сторон. Я был у Преосвященного Алексея; он думает, что Лабзин даст или 1000 или 500 р.⁵ Особенно, если Вы еще раз напишете самому Преосвященному; при всей его любезности ко мне, очень трудно, я думаю, меня рекомендовать, потому что он *не собрался* (по собственному признанию) до сих пор ничего *моего прочесть!* Побываю у Амвросия.⁶ Считаю долгом еще предупредить Вас о следующем. Кожухову самому хотелось бы стать начальником Главного Управления по делам печати. Когда я говорил ему о слухах, что Вяземский только временно,⁷ — он мне это и сказал, что он сам бы не прочь. Замечу при этом, что если Феокистов учение и литературно образованнее его, то и Кожухову надо отдать справедливость, что он одарен большим тактом и очень ловок во многих отношениях. А взгляды его совершенно те же, что и у нас.

В заключение позвольте мне сделать Вам два вопроса:

1) Присылать ли Вам все-таки мою *записку о газете?*⁸ Я думаю, все-таки прислать.

2) Благословляете ли Вы мне издать брошюру такого рода: *Лже-пророк Достоевский и его лже-христианское учение.*⁹

Тут будет не он один — и еще: *бояться ли нам социализма* (или что такое социализм? — маскированная, сама себя не понимающая реакция будущего.¹⁰ Только славянство может осуществить охранительный социализм, не трогая веры и Державы!...).

Если Вы *благословите* и если обстоятельства дадут мне вздохнуть, то охотно написал бы это.

Вам вечно обязанный и глубоко преданный К. Леонтьев.

Из цензурного комитета поздно приносят письма, поэтому сберегите лучше мой адрес на прилагаемой карточке.

НВ. Мне кажется, что Игнатъев мог бы найти капитал для нашего издания, если бы оно ему улыбнулось, — он человек живой и счастливый в предприятиях своих. Это очень важно.

15 мая. Только что получил письмо от Губастова. Он пишет, что Игнатъев принял кн. Н. Н. Голицына прекрасно, *хвалил «Варшавский Дневник»* и обещал назначить его редактором «Прав(ительственного) Вестника». ¹¹ Я искренно радуюсь за князя; что касается меня, то я придерживаюсь все одного и того же: я бы желал только, чтобы мне назначили 3000 жалования, оставили бы здесь и чтобы Лабзин дал мне под вексель на год (или на два) 1000 рублей. Я продам имение, расплачусь, куплю в Козельске маленький дом — тысячи в две или полторы — и буду себе служить в Москве. Разве я не найду времени при этом писать? Мне с декабря и до сих пор не служба мешала писать, мешали 1000 забот и дрызг домашних.

А если не будет какого-нибудь перелома, то еще будет хуже.

Я *выразить* Вам не могу, до чего мне *всячески* мешают. Напр(имер), только что справился с %% за имение, надо думать уже, как уплатить 29 мая вексель в тот же банк в 350 рублей, иначе протестуют и будут описывать движимость или что-нибудь в этом роде. Вот какие дела мне мешают мыслить и писать. До сих пор переезд в Москву только увеличил расходы мои и долги.

Конечно, *уныние* здесь уменьшилось и борьба стала возможною, но с другой стороны, переезд в столицу без «подъемных» денег не мог не выразиться усилением хозяйственных затруднений. Мне было бы ужасно обидно, если бы **Вы**-то могли подумать подобно Победоносцеву, что я сам виноват в моей запутанности; я хочу, чтобы Вы знали *правду* про меня. И когда увидите Губастова, то спросите у него: он все про меня знает и не винит меня.

¹ Леонтьев приехал в Петербург в самом конце апреля. (Ср.: 7 апреля Н. Соловьев писал ему: «Недавно я встретил Филиппова; он вас ожидает сюда»; ГЛМ. Ф. 196.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр.

1023. Л. 47—50.

Цитируется:

Фетисенко О. Л.

Достоевский

в неизданной

переписке

К. Н. Леонтьева и

Т. И. Филиппова //

Достоевский:

Материалы и исслед.

СПб., 2001. Т. 16.

С. 332—333;

8, 830, 834.

Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 16 об.). 16 апреля Кожухов телеграфировал в Главное управление: «Цензор Леонтьев просит разрешения прибыть в Петербург по собственным делам на семь дней» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 22). В тот же день Вяземский ответил телеграммой: «Отпуск на семь дней Цензору Леонтьеву разрешить» (Там же. Л. 23). Однако пробыл Леонтьев в столице не семь дней, а «недели 2», как он сообщил племяннику 10 мая (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 7). Своей поездкой, пришедшейся на время «переворотов в Петербурге» (смена правительственного курса), он был доволен, главным образом потому, что убедился: «искренних друзей у меня в Петербурге гораздо больше, чем в Москве» (Там же).

² Имеется в виду «Египетский голубь».

³ Ср. в письме Н. Соловьеву от 28 марта 1878 г. (примеч. 11 к п. 12).

⁴ Местонахождение этой записки неизвестно.

⁵ 17 мая 1881 г. Леонтьев сообщал племяннику: «... один здешний купец Лабзин, по ходатайству Филиппова и здешнего vicария Алексия, расположен дать мне (еще не определенную по размеру) какую-то сумму денег; — между прочим и на уплату векселя нашего 29-го мая» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 9).

⁶ Т. е. у епископа Амвросия (Ключарева).

⁷ Подразумевается назначение кн. П. П. Вяземского начальником Главного управления по делам печати. Он же упоминается и в п. 48.

⁸ Речь идет о «Записке о необходимости новой большой газеты в Санкт-Петербурге».

⁹ Замысел трансформировался позднее в издание брошюры «Наши новые христиане» (см. во вступительной статье, с. 40—41).

¹⁰ Эту идею Леонтьев обдумывал с конца 1870-х гг. (см., например, его дневниковую запись от 20 января 1879 г.: 6., 12—13), самостоятельно придя к тому, чему позднее нашел параллель в книге Г. Спенсера «Человек против государства» (в рус. пер.: Спенсер Г. Грядущее рабство. СПб., 1884).

¹¹ Редактором этой газеты был назначен Г. П. Данилевский.

48

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 19 мая 1881.

19 мая 1881 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

1) Записку о газете пришлите. И почему было ее не оставить, уезжая?

2) «Лже-пророк Достоевский» — не соответствует свойству и мере заблуждений покойного. По отношению к лицу покойного это название было бы напрасною жестокостью; по действию на читателей было бы очень невыгодно для Вас. Иже несть на вы, по вас есть.¹ Обличить же ту сторону христианского воззрения, которая истинному христианству не сообразуется, дело и нужное и достойное Вашего дарования.

3) О социализме писать ли, на это ответа дать не могу. Все зависит от того, в какой мере ясны Ваши понятия для Вас самих. То обстоятельство, что я понимал общие основания Ваших на сей предмет воззрений, еще немного значит. Во-первых, я понятливее 99/100 Ваших читателей, для которых потребуется гораздо более обстоятельное изложение, чем то, в какое Вы обыкновенно облачаете Ваши мысли. Недостаток определенности в разъяснении такого вопроса может повести даже ко вреду. Сообразите это, сколь возможно, внимательнее и затем поступите по указаниям собственного разума и строго допрошенной совести.

4) О газете стараться не буду. Оставляю эту работу другим, но не откажусь отозваться, если во мне почувствуют нужду.

5) Кн. Вяземскому скажу или напишу о 500 р.

6) Лабзину писать не буду, но Преосв^{ященному} Алексию напишу. Вы хотели приложить свою карточку,² но забыли; посему пишу в Цензур^{ный} Комитет.

Ответ на п. 47.

Искренно преданный Вам Т. Филиппов.

¹ Мк. 9: 40; Лк. 9: 50 (в рус. пер.: «Кто не против вас, тот за вас»).

² Имеется в виду визитная карточка с указанием московского адреса.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ. Ф. 196.
Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 20.

Цитируется:

Фетисенко О. Л.
Достоевский
в неизданной
переписке

К. Н. Леонтьева и

Т. И. Филиппова //

Достоевский:

Материалы и исслед.

Т. 16. С. 334—335;

8, 830, 834.

23 мая 1881 г.,
Москва

23 мая 1881, Москва.

Тертий Иванович!

Сейчас пришел в цензурный комитет и нашел Ваше письмо о «газете», о «Достоевском» и т. д. Буду писать Вам обстоятельнее обо всем этом и другом позднее, но *сейчас* пишу Вам по просьбе Евг(ения) Ал(ексеича) Кожухова по делу цензурному. Несколько времени тому назад цензором Никотиным (очень умным, полезным и опытным человеком) была пропущена для журнала «Свет и Тени» карикатура или просто рисунок под заглавием — *Наше оружие для решения насущных вопросов*.¹

В черновом оригинале он был очень невинен: *две чернильницы, два больших пера стоямя* в них и *на земле* множество разбросанных перьев. Наверху заглавие, которого нижняя строчка *довольно близко подходила к стоячим перьям*. И только! Ну, что же? «Мы пишем, отписываемся... бюрократия, даже печать и т. д.». Таков был черновой рисунок. Но совсем другое вышло в настоящем изображении, назначенном для публики.

Простые буквы верхней надписи обратились *в солдат, заряжающих ружья*; нижняя строка, резко оттененная, совсем приблизилась и связалась *со стоячими перьями* и образовала *поперечную перекладину виселицы*...

Это обман, подлог, дерзость со стороны редакции; но Главное Упр(авление) по делам печати как будто недовольно цензором и целым комитетом; тогда как все мы, начиная с Никотина, больше ничего как жертвы отвратительного обмана со стороны редакции. Князь Вяземский шлет телеграмму за телеграммой, запрос за запросом: тогда как уже из ответов председателя и из представленного чернового рисунка, я думаю, видно, в чем дело... Как член Комитета и как товарищ Никотина (который теперь лечится в отпуску от опасной болезни сердца), я убедительно прошу Вас, поддержите Комитет Вашим личным влиянием и скажите между

прочим князю Вяземскому, что просто грех в настоящую минуту преследовать нас, цензоров, людей верных, надежных, усердных, опытных, тогда как с этими подлецами демагогами Главное Цензурное Начальство не в силах справиться, а суд карает их очень слабо. Пишу это как по просьбе Евг(ения) Алексеича, так и по собственному убеждению.

Евг(ений) Алексеич надеется, что Вы не откажете нам в Вашем влиятельном содействии.

Я очень занят, теперь летом я поздоровее и очень *охочусь* писать; и даже *понемногу* пишу,² но все еще *не верно* по причинам, которые Вам не только известны, но даже и давно бы Вам наскучили, если бы Вы меня меньше любили.³

Вам преданный до гроба К. Леонтьев.

¹ Речь идет о рисунке М. М. Чемоданова «Наше оружие для разрешения насущных вопросов» (Свет и тени. 1881. 16 мая. № 19), после появления которого журнал был приостановлен на полгода. Официальную переписку по этому поводу Московского цензурного комитета с Главным управлением по делам печати, тянувшуюся до конца февраля 1882 г., см.: Дело Московского цензурного комитета о журнале «Свет и тени» // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 2131. Л. 15—26. Чемоданов, студент пятого курса медицинского факультета Московского университета, как сообщалось Главным управлением в «доверительном» письме Московскому цензурному комитету, по сведениям Департамента государственной полиции, с декабря 1881 г. «стал помещать свои рисунки в журналах „Будильник“ и „Зритель“ сперва под своею фамилиею, а затем под псевдонимом Добромыслова» (Там же. Л. 24).

² В это время Леонтьев писал роман «Египетский голубь».

³ Речь идет о полном безденежье, претерпеваемом в это время Леонтьевым. Ср. в его письме к племяннику от 6 августа 1881 г.: «...Вчера во время сильного дождя не мог даже на службе быть — на извозчика нет; а сестра твоя заложила свое платье для нашего пропитания в течение нескольких дней» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 12). Через неделю, 13 августа, он признается, почему не может принять племянника в Москве: «...я просто не в силах; мы с Машей постоянно недодаем здесь по нужде. (...) Мне решительно недостает на прожиток» (Там же. Л. 17—17 об.).

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 50—52.

Филиппов — Леонтьеву

31 августа 1881 г.,
Петербург

Отдал Вашу записку Островскому,¹ который имеет ныне большой вес и который очень близок с гр. Игнатьевым.² Завтра увижу их обоих и, когда переговорим, напишу Вам подробно.

Искренно преданный Вам Т. Филиппов.

СПб. 31 августа 1881.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 19.
Цитируется: 8, 831.

¹ Речь идет о М. Н. Островском.

² С назначением гр. Игнатьева министром внутренних дел Леонтьев связывал возможность своего выдвижения на какой-либо государственный пост или хотя бы упрочения положения в цензурном комитете, что также входило в компетенцию министра. Он не стал сам беспокоить своего бывшего начальника, но напомнил о себе через вдову поэта А. К. Толстого, гр. С. А. Толстую. По рекомендации Леонтьева с ней познакомился Н. Соловьев. Он побывал у графини 26 ноября и сообщил Леонтьеву: «...на днях она едет в Москву и увидится с вами; она уже объяснялась и просила Игнатьева: с нового года он обещал ваше утверждение с полным окладом» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 21 об.).

Леонтьев — Филиппову

7 сентября
1881 г., Москва

7 сентября 1881, Москва.

Два раза Вы были, Тертий Иванович, в Москве, и *оба раза я не видел Вас*: оба раза не по моей вине; в первый проезд Ваш я никак не ожидал, что Вы пробудете так мало, и опоздал только один день: Вы уехали в Киев; это я узнал от слуги гр⟨а⟩ф⟨ини⟩ Толстой;¹ во второй раз «Моск⟨овские⟩ Вед⟨омости⟩» опоздали два дня напечатать о Вашем возвращении, и когда я *в тот же день*, в который прочел о Вашем прибытии, поспешил опять на Садовую — Вас снова уже не было в Москве! ...

Сами Вы не потрудились меня известить, и так я был лишен оба раза истинного наслаждения Вас видеть и беседовать с Вами.

Надеюсь побывать в Петербурге в октябре,² если расчеты с Катковым позволят мне издержать рублей сто. Вы знаете, может быть, что я теперь печатаю в «Русском Вестнике» повесть.³ Я бы мог за нее получить много, потому что она велика, если бы не постоянный старый долг (сделанный в то время, когда у меня не было службы), — теперь Катков вычитает половину. Для чего я приеду в Петербург? Для многого, но прежде всего для того, чтобы добиться настоящего цензорского жалованья (3000), на 200 р. в месяц очень трудно жить; недостает на квартиру. Что касается до моей *записки*, то это все только для очищения гражданской совести моей; не верится в осуществление этой мысли. Здесь, разумеется, об этой записке никто не знает, кроме Преосв^ященного Алексея, которому я ее доверительно читал и который остался ею, по-видимому, очень доволен.

Предпринимал я много мелкого по литературной части за это время, но все какие-то препятствия, которых не ожидаешь и которых и предвидеть было невозможно. Так, напр^{имер}), я отдал месяца три тому назад в «Моск^{овские} Вед^{омости}» одну небольшую статью: «Воспоминания диакона о 12 годе».⁴ Катков держит ее в корректуре и не печатает, и мне не отдает. Вот в этом роде все.

Повесть «Египетский голубь» причинила мне тоже много горя; нужно было кончить дело, случайно начатое и *ничего общего с моим теперешним настроением не имеющее*; нужно было из денежных видов. Нужда гнала, помощи серьезной ниоткуда (Лабзин вместо 600-1000 подвексель очень добродушно и мило предложил мне без росписки 150 р.). И вот я стал принуждать себя и, осилив первое неимоверное отвращение к такому легкому и слишком пустому сюжету, теперь продолжаю рассказ не без удовольствия, тем более, что *правда воспоминаний берет свое*.

Как Ваши глаза? Я ввиду их слабости *пытаюсь* писать получше. Думая об Вас очень часто, я иногда просто прихожу в отчаяние, что Вы до сих пор не Обер-Прокурор Св. Синода. Я бы сделал так: Мин^{истр}

Внутр(енних) Дел — Шувалов, Мин(истр) Иностр(анных) Дел — Игнатьев, Мин(истр) Нар(одного) Просв(ещения) — Победоносцев, Обер-Прокурор — Вы. Дай-то Бог!

Если Ваши чувства ко мне не изменились, то позвольте Вас обнять.

А как цензор, я теперь приятно свирепствую. «Русскую Мысль» — это я объезжаю и дрессирую. Арест был наложен вследствие моего доклада.⁵

Марии Ивановне и всему Вашему семейству прошу передать мое глубокое уважение.

Весь Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 42—54.
Цитируется: 6, 447;
8, 831.

¹ Филиппов останавливался в доме гр. А. Г. Толстой.

² Поездка не состоялась.

³ Речь идет о романе «Египетский голубь».

⁴ Очерк был написан в июне 1881 г. После того, как он был отвергнут Катковым, Леонтьев передал рукопись П. И. Бартеневу. Под названием «Рассказ смоленского дьякона о нашествии 1812 года» очерк напечатан в «Русском архиве» (1881. Т. III, кн. 2. С. 404—411).

⁵ 24 августа 1881 г. Леонтьев сделал на заседании цензурного комитета доклад о сентябрьской книжке журнала «Русская мысль». Он подчеркнул, что журнал верен «своему направлению, которое можно назвать либерально-социалистическим или, пожалуй, даже легально-революционным». Номер, говорил он, не содержит «ни одной статьи, во всецелости своей, грубо нарушающей цензурные требования», но полон «отрывочными выходками оппозиционного духа, доходящими местами до дерзости, и самая группировка статей разных отделов такова, что дозы злонамеренности, рассеянные понемногу там и сям, по прочтении всей книжки производят в результате сильное действие». Эту «злонамеренную» оппозиционность цензор нашел повсюду — от отдела беллетристики до «Хроники французской жизни». Наиболее подробно разобрал в докладе раздел «Внутреннее обозрение», потому что в нем, как объяснял Леонтьев, «говорят уже не посторонние и случайные сотрудники, а сама редакция». Доклад завершала эффектная кода: «Мне даже кажется, что я был не прав, назвавши этот журнал „легально или мирно-революционным“; он мирен только потому, что сами редакторы не желают лично стать „безумцами, двигающими человечество“ (цитата из разбираемой выше «Хроники французской жизни». — О. Ф.), но ясно, что располагать таких двигателей они не прочь» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 2216. Л. 44—47 об.). Мо-

сковский цензурный комитет, выслушав этот доклад, постановил довести до сведения Главного управления по делам печати о «резком противоправительственном направлении» журнала (Там же. Ед. хр. 2172. Л. 243—243 об.), а Главное управление, в свою очередь, наложило арест на уже отпечатанную сентябрьскую книжку. См. также: Дело об издании журнала «Русская мысль» (Там же. Ед. хр. 2129).

1882

22 февраля
1882 г., Петербург

52

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

Через Преосвященного) Алексия Вы получите мою книгу «Современные церковные вопросы»,¹ где найдете три рассуждения о греко-болгарской распри,² четыре чтения о нуждах единоверия³ и т. д. Если бы настроение духа Вашего позволило Вам написать отзыв о ней для «Московских Ведомостей», то это было бы очень полезно для дела.⁴ О Греко-болгарском вопросе никто не может написать так, как Вы; даже и близко к Вам подойти никто не может. События, совершившиеся после отлучения болгар, дают так много для освещения самого отлучения и смысла всей распри, что здесь бездна. Кроме статьи в «Московских Ведомостях», весьма было бы кстати поместить что-либо и в «Русском Вестнике». «Восток» откликнется;⁵ думаю, что и «Современные Известия» отзовутся.⁶ «Русь» ополчится, но тут-то и будет случай сказать ей, что она такое: подлинная ли Русь или мельхиор?⁷

Здесь встретят бранью.

Как Вы поживаете? Я с семьей слава Богу благополучен; но что же значит личное и семейное счастье, когда общие дела отечества в таком положении. Напишите мне о себе, только поразборчивее.

Целую Вас.

Ваш Т. Филиппов.

22 февраля 1882.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 21.

Впервые: *Нестор*.

С. 172.

¹ Книга Филиппова вышла в январе 1882 г., предисловие датировано 24 декабря 1881 г. 16 января 1882 г. (год установлен по содержанию) Филиппов писал кн. В. П. Мещерскому: «Посылаю Вам мою книгу и прошу объявить о ней несколько попространнее, чтобы читатель объявления мог составить себе понятие о ее содержании. Экземпляров пока не посылаю; когда будет спрос, тогда я пришлю» (РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 21). Епископ Алексей, по поручению Филиппова, раздавал книгу всем его московским друзьям. Окончив это дело, он написал Филиппову: «Чтобы светскому человеку совершенно не церковной профессии трудиться над церковными вопросами, трудиться и вместе вести борьбу не всегда приятную с противниками не вовсе бессильными, — для этого нужно кроме великого ума еще горячею любовью к Св. Церкви согретое сердце, способное на самоотвержение. Без этого последнего условия не было бы и Ваших трудов по современным церковным вопросам. Да сохранит Господь в Вас сей священный огонь и на будущее время! А в людях с искрою Божиею в наши дни наипаче треба. Люто время наше, и нормального размера люди не будут в уровень с его требованиями. Делатели сильны и благоплодны будут только люди с сею особою искрою» (Нестор. С. 195—196; автограф: ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1346. Л. 18—18 об.). Филиппов 7 марта писал в Москву гр. А. Г. Толстой: «Чрез Преосвященного Алексия я представил Вам мою недавно вышедшую в свет книгу „Современные Церковные вопросы“; надеюсь, что Вы изволили ее получить, и покорнейше прошу простить мне ее наружный вид. Я поспешил послать Вам без переплета, дабы другие — чужие мне — люди не имели ее в руках прежде Вас; через несколько дней надеюсь представить Вам иной экземпляр, в одеянии приличном. Первая часть моей книги — о Греко-болгарском вопросе — ненавистна для гр. Игнатьева, а вторая — о нуждах единоверия — для Победоносцева: могу ли я после этого считать (себя) чуждым человекоугодия?» (Там же. Ед. хр. 1264. Л. 77 об.—78).

² Имеются в виду статьи: «Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря», «Решение греко-болгарского вопроса» и «Определение константинопольского собора по вопросу о болгарском екзархате» (Филиппов Т. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 11—232).

³ См. примеч. 28 во вступительной статье (с. 13).

⁴ Леонтьев написал эту рецензию, опубликована она была не сразу (МВед. 1882. 19 марта. № 78. С. 4; подпись: N. N.). См.: Приложение 1 (с. 633—636).

⁵ Рецензия в газете «Восток» появилась 9 марта (см. примеч. 5 к п. 57).

⁶ В «Современных известиях» Леонтьев поместил рецензию без подписи (1882. 2 апр. № 89. С. 3), которая вошла впоследствии в сборник «Восток, Россия и Славянство» (Т. II. С. 248—250).

⁷ См. примеч. 107 во вступительной статье (с. 39).

24—26 февраля
1882 г., Москва

53
Леонтьев — Филиппову

1882, 24 февраля, Москва.

Наконец-то Вы, после такого долгого молчания, обрадовали меня словечком, истинно-дорогой мой Третий Иванович! Книжку Вашу получу с радостью и, конечно, сделаю все, что могу; хотя предупреждаю Вас, что на успех надежды *очень мало*! Если бы Катков и Гиляров смотрели бы на меня *так, как смотрите Вы*, так что бы и толковать. Гиляров показывает мне величайшее пренебрежение; в начале прошлого года мне пришлось обратиться к нему с просьбой перепечатать *бесплатно* из старого «Варшавского Дневника» мою статью о памятнике покойному Государю,¹ — *обманул*, не напечатал; на записки мои не отвечал, несмотря даже на то, что я цензор его газеты и всех его изданий и т. д. Потом я *скрепя сердце* (уже давно привычное ко всем подобным оскорблениям) просил его поместить *объявления и небольшой отзыв* о моей брошюрке «сближение с народом».² Тоже не сделал ничего. И это именно в то время, когда в «Русском Курьере» и в «Московском Телеграфе» мою книжку поднимали на смех.³ В то же самое время Н. Н. Дурново поехал к Аксакову с этой брошюрой, и Аксаков не только не заступился за меня против либералов, но даже и объявления не захотел напечатать в «Руси», *потому что я будто бы Бога оскорбляю* (говоря уподобительно о неограниченности нашей царской власти).⁴ Далее Катков поступил точно так же. Некто С. А. Петровский, один из постоянных работников его редакции, ко мне довольно хорошо расположенный, человек скромный, набожный и добрый⁵ — написал даже целую статейку о моей брошюре; но Катков не согласился ее напечатать. Вообще Катков находит, что как публицист я договариваюсь «до чортиков» (это его собственное выражение по поводу «Византизма и Славянства»)⁶. Однажды он сказал мне так: «я согласен, чтобы Вы помещали Ваши „boutades“⁷ в „Вестнике“; но в газе-

те я не могу этого допустить». В биографии Климента⁸ они даже не могли не выбросить кой-чего; а статья моя «Русские, греки и юго-славяне» насили-насилиу прошла, благодаря настояниям Любимова.⁹ У Каткова и тени нет смелости *в идеях*, ни искры творческого гения, — он смел только в деле государственной практики и больше ничего!

В книге Вашей дело идет между прочим и о *греко-болгарской распри*. Это один из самых крупных камней преткновения. Ведь Вы не захотите, чтобы я писал не то, что думаю (или не то, что *Вы думаете сами*, ибо мы по этому пункту совершенно согласны)? А разве Катков допускал когда-нибудь в «Моск(овских) Вед(омостях)» защиту тех, кого привыкли у нас звать так глупо *фанариотами*.¹⁰ Как же быть? Конечно, в газете можно притаиться немного, сжаться, извернуться, написать поменьше, чтобы, не давая себе высказаться, привлечь только внимание на книгу. Но и этого мы легче достигнем, если Катков (он ведь, кажется, еще в Петербурге?) напишет два слова сюда своим клеветам. «Поместить заметку Л(еонтье)ва о книге Филиппова» — иначе едва ли я без него добьюсь чего-нибудь. Вот в «Востоке» я могу *разойтись* привольно, но сам-то «Восток» не расходится. В редакции Каткова про Вас иные говорят так: «Умный человек с большим талантом и познаниями, но, жаль, представитель *казенного Православия*» (какое же это такое не казенное-то?). А меня считают уж и не пойму, чем — скорей всего *художником*, в скверном значении этого слова, т. е. чем-то неосновательным.¹¹

Третьего дня я вынужден был прервать это письмо; и вчера узнал, что Катков приехал из Петербурга, и потому я тотчас же по прочтении Вашей книги поеду к нему сам и постараюсь даже и посредством уступок достичь цели. Не прочтя книги, говорить не удобно. Вы желаете знать что-нибудь обо мне. Благодарю Бога: мне теперь полегче; не то чтобы *легко* (как бывало когда-то!), а немного полегче. Денег хоть и мало, но все-таки нет нужды «побираться» по Москве, как приходилось прошедшей зимой. Жалованья 204 р. 16 к. сер(ебром) в месяц; получал кой-что и от Каткова (с вычетом старого долга выходило рублей по 50 за лист), оста-

лось рублей 700 от продажи имения (увы! я измучился с ним, — продал и, заплативши в два банка долги за 7 лет,¹² проведенных мною без службы, остался ни с чем!). Так я временно, конечно, немного с этой стороны отдохнул. Вяземский еще перед Рождеством, вскоре после того письма Вашего, в котором в первый раз и от Вас мне пришлось испытать горечь осуждения («портите сами дела свои» ... я молчал, хотя и до сих пор не понял, чем?),¹³ — итак Вяземский сказал Кожухову, чтобы он представил меня к утверждению цензором и прибавил жалования.¹⁴ А Игнатъев велел мне передать (через гр. Толстую С. А.), что скоро мне дадут сполна эти 3000. Но до сих пор бумаги еще нет. Вероятно, будет к Пасхе. В Главном Управлении Кожухову сказали, что эту прибавку возьмут из экономии, которая будет соблюдена через возложение цензорской обязанности в провинциях на вице-губернаторов. Об финансовом положении моем больше нечего сказать. *Благодарю Бога* не из одного смирения, а *прямо* по сравнению с невыносимой тучей прошлого года.

Теперь о службе, если желаете знать. Конечно, служба рискованная и опасная, за пустое дело можешь потерять должность. Но я покоен с этой стороны, я сказал: «Возверзи на Господа печаль твою».¹⁵

Другие цензора жалуются и уверяют, что дела много и что оно очень трудно. Я, признаюсь, этого не нахожу. Если бы я не имел этого анафемского призвания к «российской словесности», то самую службу считал бы удовольствием и чуть-чуть не игрушкой. Раз найдя «шлюс»,¹⁶ как в верховой езде, это вовсе не трудно и *само по себе* времени много не берет. Но беда моя в том, что я и нравственно и телесно до того уже утомлен жизнью и борьбою, что не могу много разом трудиться, и в этом смысле служба отнимает у меня много времени, и невольно иногда подумаешь: какая странная судьба! О литературных делах моих мне труднее всего говорить. Тут все мрачно: все непостижимо как-то. Остается одно — видеть и в этом десницу Господню, еще не уставшую карать и смирять меня! Замечательно, что когда касается до моих литературных отношений, то (в Москве особенно) самые хорошие, благородные, веж-

ливые люди становятся вдруг и неблагородны и невежливы и недобросовестны. (Особенно Аксаков: вообразите, я имею *положительные* доказательства, что он очень хорошего мнения о моих Греческих повестях,¹⁷ а между тем, Вы сами знаете, что он и ухом не ведет.) И все в этом роде. Многие в Москве восхищались моим «Египетским голубем». Один помещик «представился» мне только через мои сочинения; находят, что это в высшей степени свежо — «C'est sauve!»¹⁸ говорят. Но если бы они знали, до чего мне тяжело и противно писать такой легкий вздор! Что мне стоило — выжимать из себя этого рода поэзию, ничего общего с моим теперешним «устроением» не имеющую. И до чего я рад, что небольшой остаток от продажи имения дал мне возможность забыть месяца на 2-3 об этом несносном «голубе». Никто не знает простой вещи, что эти «голуби» дают на «харчи», а начни я писать то, что *думаю*, о чем писать мне было бы легко и приятно (о том, что Влад(имир) Соловьев есть один из Предтеч антихриста,¹⁹ что «братья Карамазовы» гадость и ложь, что Гартман и Шопенгауэр — кой-чем ближе ко Христу, чем эти «усладители»,²⁰ что немцы правы, считая славянство только *революционной* силой), — то кто же это напечатает? Разве русские любят дерзость мысли? Разве они понимают ее? Писать для себя, для друзей, для будущего, для «потомства» — скучно! Не нужно! При мысли о смерти я думаю не о потомстве (я *пропуск в копии*) даже быть смешным в моих собственных глазах!), я думаю о «добром ответе на страшном судилище Христовом».²¹ Итак — о «потомстве» думать мне смешно и почти грех; а в настоящем литература что принесла мне, кроме оскорблений и нужды; я *не говорю* «нестерпимых» только потому, что с помощью Господней ничего нет нестерпимого на свете! Не прав ли я был, называя мою литературу «анафемскою» и речь о ней *речью самую мрачною*? А служба что! Служба вещь приятная и легкая! Либералов «во славу Божию» жмешь крепко; дух цензуры теперь яснее и строже, чем при Лорисе-Меликове и Абазах... В Комитет ездить люблю и говорю: это моя Стрельна, Дорот, Эльдорадо!²² И этим Эльдорадо я обязан Вам.

Вот и все.

Осенью я видел К. П. Победоносцева и слышал от него много «казенного». Человек он очень полезный, но как? Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению; но *расти* при нем ничто не будет. Он не только не творец, он даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, — он только консерватор, в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, сторож, безвоздушная гробница, старая «невинная» девушка и больше ничего.

Преосв(ященный) Амвросий наговорил мне *1000 грубостей* по поводу «Варшав(ского) Днев(ника)», притворяясь, будто не знает, что «Варшав(ский) Дневник» *это я*. Но *каких* еще грубостей! А потом *будто бы*: «ах, простите...» и начал целовать.

Преосв(ященный) Алексей... Что-то *не то*... А кто мне по душе — так это *Никодим*! Что за ум, что за сердце! Даже и хитрость у него — самая хорошая и благородная!

Прощайте, благодарю и целую Вас.

Ваш К. Леонтьев.

Ответ на п. 52.

Старался писать разборчиво; длинное письмо очень трудно.

¹ Речь идет о статье «Памятник двадцатипятилетия царствования Государя Императора» (ВД. 1880. 5 февр. № 28. С. 3). После неудачи в «Современных известиях» Леонтьев переиздал ее у Н. Дурново под названием «По поводу устройства памятника в Бозе почившему Императору Александру II в Москве» (В. 1881. 8 апр. № 99. С. 203—204). Статья вошла впоследствии в сборник «Восток, Россия и Славянство» (Т. II. С. 313—317).

² Запоздалая рецензия появилась в «Современных известиях» только весной 1882 г. Ее автором был племянник Н. П. Гилярова, Ф. А. Гиляров (статья не подписана; авторство раскрыто самим Леонтьевым; см. 7, 868). См.: Новые книги. Как надо понимать сближение с народом? К. Н. Леонтьева // СИ. 1882. 13 апр. № 100. С. 2. См. подробнее: 7, 868—869.

³ В «Русском курьере» брошюре были посвящены два фельетона: 1) Московский фельетон // Русский курьер. 1881. 17 мая. № 133. С. 1; 2) N. По поводу брошюры К. Н. Леонтьева «Как надо понимать сближение с народом?» (Там же. 18 мая. № 134.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 54—59.

Впервые

(в сокращении):

Нестор. С. 172—173.

Цитируется: 6, 330;

7, 715, 848,

864—865.

С. 1). В «Московском телеграфе» был помещен фельетон Д. Д. Минаева (подпись: Д. М.) «Интимная переписка Москвы с Петербургом» (1881. 27 мая. № 144. С. 1—2). В этих статьях Леонтьева объявлял помещанным, наследником Ивана Яковлевича Корейши и т. п. См.: 7, 863—864.

⁴ Аксаков откликнулся на следующее место в леонтьевской брошюре: «... Мы должны понять, что слишком далеко простертые идеи демократического индивидуализма и т. п. с серьезным взглядом на Самодержавие решительно не совместимы. Мы должны рассуждать так: „Русский Царь по существенному атрибуту Его власти, по основным законам Государства имеет право на всякое действие, *кроме одного*: — *кроме действия самоограничения*. Подобно тому, как всемогущество Божие можно позволить себе ограничить одним положением: *Бог не может перестать быть Богом*; точно так же и про русскую высшую власть можно сказать: *“Самодержец не может перестать быть Самодержцем”*». И если бы в самом деле случилось то, о чем думали и даже писали у нас многие, если бы тяжкие государственные обстоятельства потребовали созвания Земского Собора или Временно-Совещательной Думы, то такое собрание, если оно понимает истинное благо отчизны, должно было бы *начать* свою законную деятельность с *голосования просьбы Государю никогда не обращать этого временного, бессрочного и совещательного собрания в собрание законодательное, периодическое и обязательное*. При таком мудром и возвышенном умерщвлении конституционного зародыша, — Дума или Собор могли бы быть *изредка* полезны именно только для *совещаний*» (7, 163, 487). Редактируя статью для сборника «Восток, Россия и Славянство», Леонтьев изъяс смутивший Аксакова фрагмент.

⁵ В дальнейшем Леонтьев изменил свое отношение к С. А. Петровскому.

⁶ Слова Каткова Леонтьев приводил в записках «Моя литературная судьба» (6, 96) и рассказывал о них своим друзьям. Кн. К. Д. Гагарин вспоминал в письме к о. И. Фуделю от 19 сентября 1912 г.: «Помнится, что наиболее оскорблен был Константин Николаевич словами, сказанными Катковым по поводу одной его статьи: „этак можно до чортиков дописаться“» (цит. по: 6, 329).

⁷ Причуды (франц.).

⁸ В первой, журнальной, публикации (см. примеч. 4 к п. 16) книга называлась «Отец Климент». Что именно было «выброшено» из книги, пояснено в письме от 14 декабря 1879 г. (п. 17; см. с. 124).

⁹ Первая редакция статьи была закончена в 1875 г. После долгих перипетий в «Гражданине» (см.: 7, 714—715) на рубеже 1877—1878 гг. она была возвращена в «Русский вестник», где и вышла в февральской книжке 1878 г. (с. 747—788). Отношения Леонтьева с Любимовым, поначалу весьма благоприятные, о чем свидетельствует недатированное (вероятно, начала 1880-х гг.) письмо последнего (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 174), впоследствии испортились до полной неприязни со стороны Любимова.

¹⁰ Фанариотами (от названия квартала Фанар, где размещается Вселенская Патриархия) называли греков — жителей Османской Империи.

¹¹ Ср. в письме к Александрову от 12 февраля 1890 г.: «„Художник“ (бранное слово) ...» (Александров. С. 89). В том же году в статье «Ошибка г. Астафьева» Леонтьев писал: «... человеку, подобно мне, претендующему давать советы практической политики, не особенно лестно, что его чествуют „артистом“ ...» (8₂, 67).

¹² В начале февраля 1882 г. Леонтьев продал имение крестьянину И. К. Климову, погасив после этого займ в Малютинском банке (см.: 6₂, 527) и, по-видимому, заплатив долги по процентам в Обществе взаимного кредита. До этого Леонтьев, пытаясь спасти Кудиново хотя бы от разрушения (оно в итоге совершилось быстро: новый хозяин начал с того, что разобрал ненужный ему дом и продал «на своз»), предлагал купить имение своему приятелю Н. Соловьеву, но у того в тот период еще не было на это средств. Утрата Кудинова стала для Леонтьева незаживающей душевной раной.

¹³ Местонахождение этого письма неизвестно.

¹⁴ Утверждение в должности состоялось 2 апреля 1883 г., оклад при этом был увеличен с 2500 до 3000 р. в год (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 33).

¹⁵ Пс. 54: 23.

¹⁶ Шляс (от нем. Schlüss) — термин верховой езды, имеющий несколько значений: 1) внутренняя поверхность бедер, 2) цепкость бедер, охватывающих седло, 3) полуприподнятое положение в седле. «Найти шляс» в переносном значении — отыскать верный подход к делу.

¹⁷ Источником этих сведений могла быть для Леонтьева О. А. Новикова.

¹⁸ Искж. франц. C'est sauvage! (Это дико!).

¹⁹ Такая оценка вызвана, видимо, «Тремя речами в память Достоевского».

²⁰ Один из вариантов леонтьевского окказионализма «христиане на розовой воде».

²¹ Леонтьев с глубоким вниманием относился к словам из просительной ектении: «Добраго ответа на Страшном Судище Христове просим». Ср.: 5, 373, 870; 8₂, 89. Аскетический постулат памятования о смерти и загробном воздаянии преломился в мировоззрении Леонтьева в идею «трансцендентного эгоизма»: для каждого на первом месте должна стоять забота о спасении своей души, а остальное приложится. Его термин носит отчасти провокативный характер (эгоизм есть эгоизм), но сама идея ничуть не противоречит известному наставлению преп. Серафима Саровского: «Стяжи мир душевный, и тысячи вокруг тебя спасутся» или ветхозаветной максиме: «Помни последняя своя и вовек не согрешишь» (Сир. 7: 39), ставшей основой многочисленных наставлений о «памяти смертной» в христианской аскетике (см., например: Лествица, 6: 18).

²² Леонтьев перечисляет петербургские «злачные места»: аристократическое дачное предместье на Петергофской дороге и ресторан Ш. Дорота на Ланском шоссе,

д. 17, у Черной речки (упомянут в романе «Две избранницы» (5, 143), действие которого происходит в начале 1860-х гг.), а также московский ресторан «Эльдорадо».

54

Филиппов — Леонтьеву

4 марта 1882 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Я давно не писал Вам единственно потому, что лишился бодрости духа, а с нею и расположения к размышлению. Бог знает, вышел ли бы я с своею книгою, если бы 1/10 ее не было отпечатано еще в 1876 году и не ждало дополнения и предисловия. Типография¹ наконец стала меня понуждать, ибо она несла убыток от напрасного лежания отпечатанной книги. Вот и решился наконец пустить книгу без того предисловия, какое я задумывал и в котором должен бы был выразить весь бедственный для мира смысл проклятого болгарского вопроса.² Думаю, что в «Московских Ведомостях» Ваши статьи о моей книге будут приняты любезно по крайней мере ради меня; впрочем, кто знает, попробуйте. «Восток» будет Вам рад до бесконечности. Здесь будут Вам рады «С(анкт-) П(етер)б(ургские) Ведом(ости)» и «Гражданин». Оба эти издания приветствовали появление книги кратко, но выразительным и весьма приятным для меня отзывом.³ Если бы у Вас собралась крупная статья, то и «Р(усский) Вестник», может быть, поместил бы. Последствия-то теперь очень ясны и нашим выводам очень помогают. Теперь пока кончаю; а удосужусь, напишу побольше.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 21.
Впервые: *Нестор*.
С. 173.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 4 марта 1882.

¹ Книга Филиппова «Современные церковные вопросы» отпечатана в типографии Товарищества «Общественная польза».

² Вместо задуманного в книге помещено краткое предисловие (С. I—IV).

³ В «Санкт-Петербургских ведомостях» (1882. 4 марта. № 61. С. 4) было помещено объявление о продаже книги Филиппова во всех книжных магазинах. «Гражданин» откликнулся заметкой в рубрике «Новые книги», автором которой, возможно, был сам Мещерский: *⟨Мещерский В. П.⟩* Современные церковные вопросы Т. Филиппова // *Гр.* 1882. 28 февр. № 17. С. 27—28. В ее заключительной части говорилось:

«От себя мы можем только одно сказать: мы приветствуем появление этой книги, столь давно ожидаемой людьми, сознающими крупное значение авторитета Т. И. Филиппова в вопросах, за изложение и разъяснение которых он берется с такою силою знания, мысли и веры, и с такою изумительною, ему одному принадлежащею силою внутреннего и внешнего красноречия.

Мы кланяемся этой книге, с тем же искренним чувством, с каким привыкли в личности автора видеть высокодаровитого обладателя духовным сокровищем ума, сердца и веры, не уклонившимся ни на iota, в угоду князя века сего, от правды, не потраченным ни на единое слово лести, неправды и уступки» (Там же. С. 28).

Позднее появились рецензии в газете «Восток» (см. примеч. 6 к п. 57), в «Церковно-общественном вестнике» (1882. № 135. 11 окт. С. 4—5; автором статьи, возможно, был И. В. Скворцов, сотрудничавший в этом журнале под псевдонимом «И. Старов») и подробный разбор в «Вестнике Европы» (1882. Кн. 9. С. 434—445). С развернутым полемическим отзывом выступил Н. И. Субботин. См.: *Субботин Н.* О книге: Современные церковные вопросы Т. Филиппова. СПб. 1882 // Прибавления к изданию творений Святых Отцев в русском переводе за 1882 год. 1882. Ч. XXX. С. 639—675; 1883. Ч. XXXI. С. 677—710).

55

8 марта 1882 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

8 марта 1882, Москва.

Тертий Иванович!

Три дня уже тому назад послал в редакцию «Московских Ведомостей» статью о «Современных Церковных вопросах», и до сих пор ее еще не напечатали.¹ Я сделал с моей стороны все, что только мог. Ездил по ужасной погоде в редакцию два раза: во второй раз решительно вошел к Каткову и довольно долго уговаривался с ним. Он сам желал

обратить внимание на Вашу книгу и был рад моему предложению напечатать в газете отзыв *сдержанный* и без подписи. Относительно более развитой статьи в «Русском вестнике» мы с двух слов оба поняли, что нам не сойтись. Он сказал мне так: «Вы с Филипповым оба придаете Вселенскому Патриарху особое значение и хотите создать из него какого-то *анти-папу*,² а я с этим никогда не соглашусь; отсутствием централизации православие существенно разнится от католицизма и т. д.». Спорить я с ним не стал, ибо прежние наши споры его не убедили, и решился ограничиться статьей для газеты. Но до чего мне было трудно ограничиться *беспристрастным* указанием на то, что это *вклад* и т. д. — я Вам выразить не могу! Я *ни разу* так не стеснял себя в печати, и не будь это о *Вашей* книге и о *предмете столь дорогом* для меня, — то я бы не дописал бы и маленькой заметки.

И что же? боюсь, что и то *ему* показалось слишком *Леонтьевским*!... Если завтра не будет напечатано, поеду сам опять к нему. Я, впрочем, предупредил его, что он может вычеркивать и переделывать *как угодно*, лишь бы *прекрасный труд* не прошел *без внимания*.

Пока прощайте; я сделаю и кроме этого все, что могу; это долг не одной личной дружбы и благодарности, а долг *единомыслия*!

Но если бы Вы только знали, *до чего* мне все тошно и все скучно! Я и об «России» очень мало теперь думаю, и благодаря тому, что цензура кой-как меня кормит, только и думаю (как слабый и худой монах): «как бы *поесть*, *поспать* и *вдохнувши* о гресех (очень искренно) *опять поспать*...»

Скучно! очень скучно!... *Задушили!*

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 59—60.
Впервые: *Нестор*.
С. 174.

¹ См. примеч. 3 к п. 52.

² Позднее в тех же выражениях о Леонтьеве и Филиппове (не называя имен) писал в книге «Россия и Вселенская Церковь» (1889) Вл. Соловьев.

16 марта 1882 г.,
Москва

56
Леонтьев — Филиппову

16 марта 1882, Москва.

Бросил сегодня все мои утренние занятия, Тертый Иванович, чтобы на свежий ум изложить Вам те сомнения, которые до сих пор ¹ не позволяли мне последовать Вашему дружескому совету насчет письма Князю Вяземскому и насчет поездки в Петербург.

1) Я боюсь, что при грубом и бестолковом отношении Начальства нашего вообще к московским цензорам, выдача единовременная 150 рубл(ей) серебр(ом) не лишила бы меня законной возможности получить вскорости ту прибавку жалованья (47 рубл(ей) в месяц), о которой уже давно по соглашению с самим Князем Вяземским написано в Петербург Кожуховым. — Впрочем, необходимо заметить, что написано не обо мне одном, но и о Назаревском (4-м цензоре нашем), и написаны были, по словам Кожухова (если только я не ошибся), две особые бумаги: одна о том, чтобы нас обоих утвердить в должности цензора, а 2-я о прибавке жалованья.² — Я ни той, ни другой — сам не видал. — Но, конечно, это обстоятельство улучшает мои шансы следующим образом: нельзя Назаревского лишить прибавки за то, что мне дали единовременно 150 руб(лей). — И нельзя Назаревскому,³ только что поступившему на нашу службу, дать прибавку — не давая ее мне. — Но это рассуждение справедливости, а история несчастного Никотина⁴ и опасность, которой подвергся было невинный Егоров (по делу «собачки с мухой»)⁵ — доказывают, что о справедливости очень мало в Петербурге думают, когда дело касается Москов(ского) Цензурного Комитета. — Видимо, там держатся правила: *было бы корыто, а свиньи — будут!*

Это первое. Не знаю, как **Вы** на это взглянете.

2) И болезнь спинного мозга и органическое сужение мочевого канала очень опасны для существования;⁶ но в теперешнем виде своем жить

и действовать мало мешают; — несравненно больше стесняет меня 3-я болезнь, тоже упорная и хроническая (но вообще вовсе не опасная) — это⁷ застарелый катарр гортани. — Одно то, что весной я снимаю респиратор со рта, который зимой мешает мне на ходу свободно дышать, — заставляет тратиться на извозчиков там, где я теперь иду пешком очень охотно, и наводит такое уныние, что я зимой кроме Комитета почти никуда не езжу — одна эта перемена совершенно перерождает меня от апреля до ноября; я становлюсь опять бодр, деятелен и даже весел. — Эту болезнь, менее опасную, но более для меня тяжкую, можно еще, надеюсь,⁸ ослабить в другом климате в течение 3-х месяцев зимы. — Я мечтаю воспользоваться присутствием разных влиятельных лиц на коронации,⁹ чтобы выхлопотать себе 4-хмесячный отпуск на зиму в Крым или Царьград — без всяких особых пособий, но только с сохранением жалованья. — Боюсь, чтобы малый отпуск не помешал бы большому.

Вот второе соображение, о котором я Вас также прошу убедительно подумать.

Те болезни, о которых я Вам писал, положим — опасны; но говоря без всякой жолчи, а совсем спокойно — на что и кому нужна моя жизнь? Жене? — Она, правда, мне нестерпимо жалка в своей беспомощности. — Но свет не без добрых людей. — В память мою ей выхлопотают ½-ну пенсии моей, Бог даст. — А много ли ей нужно? — Она и ест даже очень мало. — Наконец, оно может быть для нее и для других жалких моему сердцу людей, выгоднее было бы, чтобы я умер, пока живы еще Вы, Ф. Н. Берг, оба брата Соловьевы (Вс(еволад) и Влад(имир)), Н. Я. Соловьев, Маркевич, Бартенев, даже Катков и кой-кто еще. — Ибо совокупными усилиями, после меня, — быть может, удастся для них повыгоднее, чем было при мне, продать или издать все мои сочинения. — А мне при жизни видно не на пользу духовную самый скромный успех! — Иначе как «Божьим смотрением» — непонятное рационально мое положение объяснить нельзя. — (Вчера, напр(имер), я встретил Аксакова, и он почти слово в слово теперь говорит о юго-славянах то, что я

Автограф: РГИА. Ф. 728.
Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
М/п копия с неточностями: РГАЛИ. Ф. 2980.
Оп. 1. Ед. хр. 1023.
Л. 60—62.
Автограф плохо сохранился, утраченные в нем места восстановлены по м/п копии.
Цитируется: 6, 667.

в «Визант(изме) и Славянстве» гораздо лучше его сказал чуть не 10 лет тому назад!) Ну — это не десница Господня, справедливо смиряющая меня? — Оттого и раздражения у меня против людей очень мало.

А между тем, могу Вас уверить, что ни Одиссей, ни Византизм, ни статьи «Варш(авского) Дневника» и сравняться не могут с тем, что у меня есть и было на уме. — Верьте мне — все это ответит в душе пустоцветом. — Поздно. Буду ждать Вашего ответа и совета. — Обнимаю и люблю Вас крепко.

Ваш К. Леонтьев.

¹ Далее начато и зачеркнуто: «удерж(ивали)».

² См. примеч. 14 к п. 53.

³ «Назаревскому» вписано над зачеркнутым: «мне».

⁴ См. п. 49 и примеч. 1 к нему.

⁵ Речь идет о карикатуре, пропущенной цензором Н. Г. Егоровым.

⁶ Вписано над зачеркнутым: «жизни».

⁷ Далее начато и зачеркнуто: «разн».

⁸ Далее зачеркнуто: «поправить».

⁹ Коронация Александра III была отложена до мая 1883 г.

57

Леонтьев — Филиппову

18—19 марта
1882 г., Москва

1882, марта 18, Москва.

После последнего письма моего, Третий Иванович, я был еще раз в редакции и Катков выслал мне сказать, чтобы я был покоен, что обе статьи — и об Вас и о «Переломе» Маркевича — пойдут непременно.¹ А все-таки их нет; а пустые письма «из Италии» печатаются!²

Потом я два раза посылал узнать человека к секретарю³ и получил все тот же ответ. Поэтому я теперь замолчу совсем. Это ужасно все-таки! И ни «Русь», ни «Гиляров»⁴ не заикнутся!.. Теперь я решился не спе-

ша начать *Письмо из Москвы* в редакцию «*Петербургских Ведомостей*». Вчитываюсь пока внимательнее в Вашу книгу, особенно во вторую ее половину,⁵ которая менее мне знакома и понятна. Сначала я ее только пробежал, желая поскорее хоть два слова напечатать у Каткова. Начал я это письмо, но когда кончу — это зависит не от меня: служба, говею, а главное — опять болен и *очень серьезно*. Делать все могу, хожу, езжу; но доктора начинают угрожать мне *кровавой операцией*, и такой, вдобавок, при которой статистика *смертности* вовсе не благоприятна; она называется *uretrotomia interna* (внутреннее рассечение сужения мочевого канала). Если дело дойдет до этой крайности, я или сам напишу, или продиктую к Вам письмо *посмертных просьб*. Каюсь и стыжусь; но сознаюсь Вам, что не хотелось бы...

Обнимаю Вас и прошу не меняться ко мне грешному.

Преданный Вам К. Леонтьев.

19 марта. Сегодня заметка моя (наконец-то!) явилась у Мих(аила) Никиф(оровича). Не без урезок; в одном месте я сказал: *так называемые «фанариоты»*. Он это вычеркнул, вероятно оттого, что у него до меня это слово фанариоты употреблялось как *путное*, без ковычек. Посылаю Вам вырезку из №. Попробую как-нибудь изловчиться и с «Гиляровыми». А потом, когда статьи будут в 3-х газетах: в «Моск(овских) Вед(омостях)», в «Соврем(енных) Извест(иях)» и в «Востоке» (не моя)⁶ — я хочу «пробрать» немножко «Русь» за ее молчание. (А впрочем, ее не читаю, некогда, но беру, когда нужно, у одного соседа; *посмотрю*.)

Только если бы случилось, что письмо мое в «Петерб(ургские) Вед(омости)» опоздало бы очень или совсем не явилось бы, то знайте, что причиной будет только один *недуг* мой, столь страшный по своим последствиям. Операция очень опасная, а отказавшись от операции, умирать от задержания мочи — ужасно. Это одна из самых мучительных смертей. Во всяком случае — да будет воля Господня!

К. Леонтьев.

Автограф не сохранился. М/п копия: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1023. Л. 62—64.

¹ Статья о книге Филиппова была напечатана 19 марта (см. примеч. 3 к п. 52), рецензия на отдельное издание романа Маркевича — позже. См.: *N. (Леонтьев К. Н.)* Перелом. Правдивая история. Б. М. Маркевича // *МВед.* 1882. 2 апр. № 90. С. 4.

² Имеются в виду путевые очерки С. Васильева (С. В. Флерова) «Письма из Италии» (*МВед.* 1882. 31 янв. — 25 апр. № 31—113). В ближайшем к 18 марта номере было напечатано письмо XVI (Там же. 15 марта. № 74. С. 4).

³ Секретарем редакции «Московских ведомостей» был И. Ф. Красовский.

⁴ Имеется в виду издаваемая Н. П. Гиляровым-Платоновым газета «Современные известия».

⁵ В эту часть книги вошли работы о старообрядчестве и единоверии.

⁶ Рецензия в «Востоке» к этому времени уже была напечатана. См.: *Современные церковные вопросы*. Т. И. Филиппова. СПб. 1882 г. // *В.* 1882. № 173. 9 марта. С. 135—136. В ней говорилось: «Имя глубокочтимого автора пользуется столь громкою и вполне заслуженною известностию не только в России в среде истинно-русских православных людей и старообрядцев, но и на православном Востоке, среди греков и сербов, что мы считаем даже лишним говорить что-либо об издании, после предисловия, в котором говорит о своей книге сам автор, с которым мы всегда были единомысленны. Желание автора есть примирить болгар с греками и старообрядцев с православною русскою церковью и дай Бог, чтобы это наше общее желание скорее было достигнуто, несмотря на противодействие врагов церкви» (Там же. С. 135). Далее цитируется предисловие Филиппова.

58

24 марта 1882 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 24 марта 1882.

Дорогой Константин Николаевич.

Когда даже такие охранители отеческих наших преданий, как Катков, с таким насилием для себя дают клочок своей газеты для скромного приветствия книги, воинствующей за возвышеннейшие и священнейшие из всех преданий человеческого рода, то дело, значит, очень плохо. И тот, кто в наши дни еще хранит в душе упование и веру, того не грех поставить на ряду с Авраамом, занесшим нож на Исаака, в котором ему наречено было семя.¹ У нас одна может быть надежда: что может Бог

от камня сего воздвигнуть чада Аврааму.² Но захочет ли Он и входит ли в Его таинственные намерения нас воскресить, кто нам это скажет? Кто уразуме ум Господень, или кто советник Ему бы(с)ть?³ Обречены мы, или еще долготерпим о нас Господь, — вот страшный вопрос, перед которым исчезают, как мелкие песчинки, вопросы: университетский, питейный, земский⁴ и т. д.

Благодарю Вас от сердца за Ваши строки и за Вашу настойчивость. В «С(анкт-)П(етер-)б(ургских) Ведомостях» будет гостеприимнее, если не поддадутся страху. «Восток» будет даже в восторге, если Вы ему что-нибудь дадите. Если болезнь Ваша не помешает Вам, то потрудитесь побывать у книгопродавца Андрея Николаевича Ферапонтова, на Никольской, и спросить у него, получил ли он посланные ему сто экземпляров моей книги, и если получил, то почему медлит объявлением о них в газетах?

О болезни Вашей я думаю совокупно с женою, и оба мы Вас умоляем не давать себя резать: совершенно необходимо испытать прежде гр. Маттея и Ганемана.⁵ При первом удобном случае повидаяюсь с кем следует, и пока пришлю Вам совет заочно. А там, что Бог даст. Только жене случалось воздвигать больных, уже приобщенных к смерти и положенных под образа. С Благовещением и скорым Воскресением поздравляю Вас и обнимаю.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 22.
Впервые: *Нестор*.
С. 175.

¹ Аллюзия на Быт. 11: 12.

² Мф. 3: 9; Лк. 3: 8.

³ Рим. 11: 34; 1 Кор. 2: 16.

⁴ Перечислены вопросы, составлявшие тогда злобу дня: выработка нового университетского устава (он был принят в 1884 г.), труды комиссии «сведущих людей» (так назывались призванные «с мест» специалисты), обсуждавшей «питейный вопрос» — положение о казенной монополии на продажу водки, борьба с народным пьянством и т. п. (1881—1882). Упомянутый Филипповым «земский вопрос» включал в себя такие проблемы, как роль земства (в бытность гр. Игнатьева министром вну-

тренних дел оживились надежды на созыв Земского собора, не разделяемые Филипповым), упорядочение земского самоуправления и т. д.

⁵ Филиппов был приверженцем гомеопатического метода.

59

Леонтьев — Филиппову

2 апреля 1882 г.,
Москва

2 апреля 1882, Москва.

Еще одну скромную заметку Бог помог «втиснуть» на этот раз в «Совр(еменные) Известия». ¹ Прилагаю ее. Истинно помог Бог! Вчера удосужился утром, набросал, отнес Ольге Ал(ексеевне) Новиковой (которая, к счастью моему, здесь надолго), ² она послала тотчас с запиской своей к Гилярову. *А сегодня она напечатана.* Я от подобной быстроты совершенно отвык; *да и не будь Новиковой*, едва ли бы так и случилось. *Меня бы не послушались сразу.* Как Вы это находите, Третий Иванович?

Вы меня простите, что промежутки между статьями моими в разных органах велики. Приходится чередовать: дела по службе, статьи о Вашей книге и литературный труд для собственного пропитания (жалование — Вы знаете какое!), а тут еще правая рука *немеет и слабеет*, так что иногда писать трудно и почерк не сразу наладишь. Под конец Великого поста — вот уже 3-4(-й) год мне всякий раз очень плохо, тем более что я по прежним привычкам люблю хорошую и красиво поданную пищу, а постное вдобавок вообще ненавижу (физически) и 7 недель брезгаю обедом моей простой кухарки и хожу совсем голодный. А болезней старых и неизлечимых разом три: страдание спинного мозга с расположением к параличу, катарр гортани и известное уже Вам страдание мочевого пузыря и канала. Теперь при мясной пище мне стало словно лучше. Но деньги *очень* нужны и милая Ольга Ал(ексеевна) берется устроить у Аксакова одну или две небольших картины из афонской жизни. ³ Надо пре-

жде их кончить, чтобы получить рублей 30-50 каких-нибудь. А в конце Фоминой надеюсь второй раз взяться за продолжение более серьезной и свободной статьи о Вашей книге; ⁴ напишу как думаю и тогда увидим, куда поместить. Хотя большую статью писать труднее в смысле количества работы, чем маленькую и пустую, но зато приятно *распустить*, наконец, крылья, подвязанные Катковым, Гиляровым и К°. У Аксакова мне и об Вас решительно писать немыслимо. Впрочем, в моих невольных промедлениях есть своя доля выгоды. Разом напечатать 3-4 статьи по разным газетам — хорошо; но не дурно и *подольше* заставлять эту дурацкую публику, ленивую по природе и замученную быстротою современной жизни — помнить о хорошей и полезной книге.

Обнимаю Вас.

Ваш К. Леонтьев.

Автограф не сохранился. М/п копия: РГАЛИ. Ф. 2980.

Оп. 1. Ед. хр. 1023.

Л. 64—65.

Цитируется: 6, 454; 8, 846.

¹ См. примеч. 5 к п. 52.

² С известной общественной деятельницей и публицисткой О. А. Новиковой (писала под криптонимом «О. К.», по девичьей фамилии — Киреева) Леонтьев был знаком еще с 1860-х гг., но возобновил знакомство в 1882 г. во время ее пребывания в Москве (большую часть времени Новикова жила в Англии, где ее называли «депутатом от России»). См. подробнее: 8, 841 (в преамбуле к заметке Леонтьева «О. А. Новикова», написанной в сентябре 1882 г.).

³ См. примеч. 6 к п. 63.

⁴ Замысел не был реализован. Однако в апрельской «Книжной летописи» журнала «Странник» с некоторыми разночтениями в первой части и радикальным сокращением второй была перепечатана без каких-либо ссылок и пояснений рецензия на «Современные церковные вопросы» из «Московских ведомостей» (Странник. 1882. № 4. С. 688—689). Остается неясным, было ли это сделано с ведома Леонтьева (и московской газеты), или редакция журнала просто по-своему «воспользовалась» чужим текстом. Правка, по крайней мере, явно принадлежит редакции. Основной ее целью было — убрать все противоболгарские выпады автора. Однако несомненно, что эта публикация должна быть учтена в леонтьевской библиографии.

8 апреля 1882 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 8 апреля 1882.

Христос Воскресе.

Дорогой Константин Николаевич.

По моим соображениям Вам необходимо приехать в Питер для советов с врачом Матеевской системы, Смирновым.¹ Вчера я говорил с кн. Вяземским и выторговал у него пособие Вам на десятидневную поездку сюда. Посему, по получении письма моего, немедленно напишите князю письмо почтительное и должностное, не говоря о цифре, о которой уже мы будем иметь заботу. До 150 р. я твердо надеюсь дойти. Больше — что Бог даст. Разве гр. Игнатьев помешает. Но не думаю. Вообще с кн. Вяземским, когда его увидите, содержите тон подчиненного должностного лица. До свидания. Очень Вас благодарю за дружбу, которую ценить умею. *Hiszpanie miastwi cienie umieja.*²

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 23.

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ Имеется в виду С. В. Смирнов, последователем электрогомеопатического метода Ч. Маттеи.

² Испанцы мужество ценить умеют (искаж. польск.). Должно быть: *męstwo cenieć umieją*. Цитата из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (Альпухарская баллада).

28 апреля 1882 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 28 апреля 1882

Дорогой Константин Николаевич.

Кто любит, тот непременно боится. Истинная любовь, по учению отцев (Толк(ование) на «Отче наш» Св. Максима Исповедника), состо-

ит непременно из приязни и страха, сочетаваемых художне друг другу.¹
В этом смысле и я Вас боюсь.

Не писал Вам по многим причинам; но главная состояла в том, что я хотел посоветоваться о способе Вашего лечения с врачом маттеистом.² Прежде ответа он желает иметь от Вас и, как от медика, надеется получить точное описание всех Ваших недугов, с указанием на причины и главнейшие проявления каждого из них. Итак жду.

Если Вы дорожите четырехмесячным отпуском, то, разумеется, нужно отказаться от теперешней поездки сюда. Но как мы устроим Ваш отпуск? Для этого потребуются чрезвычайные усилия, которые, конечно, я употреблю; но все-таки полной надежды на успех не имею. Есть, впрочем, способы действия сильные и я к ним в свое время прибегну. До того же времени надеюсь увидеться с Вами в Москве.

Легенда о покупке моей книги за 16 р. экземпляр меня удивляет, ибо вторично доходит до меня. Три тысячи экземпляров еще лежат здесь; а продано и сдано на комиссию только одна тысяча. Нельзя ли Вам или кому-либо, кто лучше Вас может это сделать, узнать в книжных лавках, от чего они (не) обращаются ко мне или в склад «Общественной Пользы»,³ если только таков спрос на книгу?

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 24.

Есть отзыв о книге в Лейпцигском «Еотперос» и в Софийском «Български глас».⁴

Ответ на неизвестное письмо Леонтьева.

¹ Цитата из Пролога к «Толкованию на Молитву Господню» преп. Максима Исповедника. Ср. в современном русском переводе: «... Из этих двух чувств, из страха и влечения, а также из почтения и благоволения, у меня образовалась единая любовь. <...>... любовь, будучи законом, усваивает себе из страха и расположения только то, что по природе сродно ей <...> расположением она убивает ненависть, а почтительным страхом далеко изгоняет пренебрежение» (Творения преподобного Максима Исповедника / Пер., вступ. ст. и коммент. А. И. Сидорова. М., 1993. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. С. 185).

² См. примеч. 1 к п. 61.

³ См. примеч. 1 к п. 54.

⁴ Газету консервативного направления «Български глас» издавал Гр. Начович.

62

7 июня 1882 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

Отдавая Каткову полную справедливость, нужно признаться, что он большая скотина. Что это за наглая и мерзостная статья против «Востока».¹ Положим, Дурново заслуживает урока и урока жестокого; но зачем же было ругаться фанариотом?² Ведь Фанар не дешевле Страстного бульвара. И тут же в «Р(усском) В(естни)ке» статья Теплова³ — глупа(я), жалкая, скучная. После стольких событий и после таких усилий — не бесплодных — разъяснить истинный их смысл. Не думаете ли вы очинить перо? Можно бы вышутить под вымышленным именем какого-нибудь грека. «Гражданин» и «С(анкт-)П(етер)б(ургские) Вед(омо)сти» напечатывают. И не нужно ругаться, а придавить спокойным и вежливым способом. Я выступаю месяца через два, не знаю еще, в каком журнале.

Что это случилось с К(атко)вым? Не знаете ли?

Как Вы находите назначение гр. Т(олсто)го?⁴ Некоторыми сторонами оно мне очень нравится, хотя, Бог знает, как он поведет дело вообще. И кого-то Бог даст в Начальники полиции. Трепов отказался.⁵

В августе я надеюсь быть в Москве⁶ и тогда побеседуем «усты ко устам».⁷

Теперь же я пока обнимаю Вас и желаю Вам доброго здоровья и бодрого духа.

Не знаете ли Вы Зарубина⁸ и где он? Что его предприятие?

Ваш Т. Филиппов.

СПб. 7 июня 1882.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 23.

¹ Речь идет о передовой статье «Москва, 27 мая» (едва ли написанной самим Катковым), в которой митрополит Московский Макарий горячо защищался от «систематических нападений» «якобы преданного Церкви листка», т. е. газеты «Восток» (МВед. 1882. 28 мая. № 146. С. 3). Ближайшим поводом к этой защите послужила статья Дурново, в которой, между прочим, упоминалась записка Макария, тогда еще архиепископа, по греко-болгарскому вопросу. «... Известно, — говорилось в этой подпередовой, — чью сторону держал преосв. Макарий в греко-болгарском церковном вопросе, причинившем такую скорбь в православном мире и чем мог бы грозить нашей церкви этот вопрос, если бы записка преосв. Макария, принимавшая сторону болгар-схизматиков, посланная в Константинополь, была бы представлена вселенскому патриарху» (В. 1882. 16 апр. № 180. С. 191). Об этой секретной записке Дурново узнал от Леонтьева (тот хранил ее копию еще со времен службы в Турции). Летом 1879 г. Леонтьев предложил познакомить редактора «Востока» с этим документом, на что Дурново отвечал: «Записку Макария присылайте, этому архипастырю я не сочувствую (...). Об записке я напишу, что она прислана мне из Константинополя» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 7—7 об.).

² В статье говорилось: «Этот листок носит название *Востока* и в Москве служит органом Фанара...» (МВед. 1882. 28 мая. № 146. С. 3). В пылу полемики автор передовой допустил грубую неточность: обличил «Восток» за то, что газета «смеет» называть болгар «схизматиками», тогда как Русская Церковь находится с ними в полном общении. На тот момент никакого официального признания у Болгарской Церкви не было, не было и так называемой «полноты общения» с ней у Греко-Российской Церкви. Дурново воспользовался этой оплошностью катковской газеты в своем ответе: «„Моск. Вед.“ клеветуют на Русскую Церковь, заявляя, что она „находится в полном церковном общении“ с болгарами, которого на деле не существует. Что касается нас, то мы предпочитаем скорее служить „органом Фанара“, т. е. того предместья Константинополя, в котором пребывает вселенский патриарх со своим Св. Синодом, и будем служить делу Вселенского православия и Матери церкви, но не несуществующего племенного „русского православия“, которое одинаково подлежит осуждению церкви, как и болгарский филетизм, т. е. вторжение в область церковного единства. (...)... будем продолжать свое служение церкви и стоять за нерушимость церковных канонов и постановлений, которые в глазах „Моск. Вед.“ потеряли свою силу» (В. 1882. 31 мая. № 188. С. 257—258).

³ Речь идет о статье дипломата В. А. Теплова, служившего в Константинополе в 1870—1881 гг., «Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам» (РВ. 1882. № 5. С. 379—444; № 6. С. 810—862). Между прочим, среди печатных источников Тепловым названы две статьи Филиппова, а также «Ганславизм и греки» и «Византизм и Славянство» Леонтьева (Там же. № 5. С. 380). Филиппов не мог пропустить Теплову фрагментов, подобных следующему: «Соборное определение 1872 г.),

отлучившее от церкви целый народ болгарский и заклеившее названием ереси филетизма стремление его высвободиться из-под исключительного владычества греческого духовенства, раздражило в высшей степени обе враждующие стороны ...» (Там же. № 6. С. 844). Сам Теплов признавался позднее в письме к Леонтьеву, что его статью сильно искажила редакция катковского журнала. Приведем это любопытное письмо целиком:

12-го января 1883 г.

Многоуважаемый и добрейший
Константин Николаевич,

Позволяю себе обратиться к Вашей любезности и Вашему обязательному посредству по следующему поводу.

По неизвестным мне причинам окончание моей статьи по греко-болгарскому церковному вопросу появилось в «Русском Вестнике» в совершенно изуродованном виде, только подтверждающем высказанное Вами мне лично в Москве воззрение, что я, в своей статье, являюсь слишком пристрастным к болгарам. Между тем как в действительности, преследуя практическое решение вопроса, я старался постоянно быть равным в отзывах как о болгарях, так и о греках, так как не могу забыть услуг, оказанных этими последними всему православному миру. Точно так же, предлагая способ решения вопроса, я основывал его на взаимных уступках обеих сторон. «Русский Вестник» выпустил все мои благоприятные отзывы о греках, а также все те уступки, которые я требовал для них от болгар. В таком виде статья моя является одностороннею и даже бесцельною.

Желая восстановить истинный смысл всей моей работы, я решился напечатать на свой собственный счет последние две главы моей статьи по церковному вопросу, как совершенно обезображенные. Мой старый университетский товарищ, ныне профессор, Муркос взял на себя заботы по наблюдению за печатанием этих глав и, благодаря его любезности, работа эта скоро будет закончена, но так как главы эти составят менее десяти листов, то они подлежат предварительной цензуре, т. е. будут отосланы Вам. Поэтому-то я и решаюсь обратиться к Вам, чтобы Вы, по просмотре их, были так любезны возвратить их в типографию в возможно скорейшем времени, дабы Муркос мог их немедленно же выслать мне в Царьград, где я их ожидаю с величайшим нетерпением.

Чрез месяц или полтора рассчитываю быть в Москве и тогда лично поблагодарю Вас за все, что Вы для меня теперь сделаете, и извинюсь за причиненные хлопоты.

В ожидании же того прошу верить искреннему уважению

преданного Вам
В. Теплова

(ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 239). Брошюра «Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. (Гл. 11—12)» вышла в Москве в том же году. В полном виде работа Теплова была издана позднее (СПб., 1889).

⁴ Имеется в виду назначение гр. Д. А. Толстого министром внутренних дел.

⁵ В результате полицию возглавил генерал П. В. Оржевский. Кн. Мещерский вспоминал об этом так: «...опять заговорили в высших сферах о восстановлении независимого и самостоятельного шефа жандармов, и сейчас же было произнесено имя генерала Трепова. Но гр. Толстой на эту комбинацию <...> ответил решительным и категорическим veto. Тогда явилась новая комбинация <...> учреждение должности генерал-полицмейстера с подчинением ему департамента государственной полиции и с восстановлением вновь упраздненного департамента полиции исполнительной. В основу этой комбинации ложилась мысль — политическую полицию отделить от министра внутренних дел и, вместе с жандармами, сдать генерал-полицмейстеру, а министру внутренних дел оставить общую полицию. <...> Тем временем успел побывать в Петербурге вызванный генерал Трепов с тем, чтобы отказаться от предложенных ему новых должностей министра полиции, до veto графа Толстого, и генерал-полицмейстера. Граф Толстой был в нерешительности, как выйти из этого трудного положения. Помогли ему выйти из него <...> директор департамента государственной полиции Плеве и товарищ министра И. Н. Дурново. Первый убедил графа Толстого в том, что, по нынешним временам, нельзя быть министром внутренних дел <...> не имея в своих руках все органы полиции <...> а второй дал практический совет ничего не изменять и, благо подвернулся Оржевский, назначить его товарищем министра, заведующим полицией, и командиром жандармского округа. А министру внутренних дел быть по-прежнему шефом жандармов. Так и было сделано» (Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 515—516).

⁶ Филиппов обычно останавливался в Москве на несколько дней, возвращаясь из Ржева в Петербург.

⁷ 3 Ин. 1: 13.

⁸ Речь идет об И. И. Зарубине.

63

Леонтьев — Филиппову

14 июня 1882 г.,
Москва

14 июня 1882, Москва.

Я немного промедлил ответом на Ваше, Третий Иванович, письмо, простите. Один из наших цензоров уехал на воды, и у нас вдруг прибавилось работы, а я решительно уже не в силах трудиться и вообще зани-

маться чем бы то ни было *с напряжением*. Только этой неспешностью и строгой размеренностью не только в труде, но и во всех впечатлениях и действиях я могу сохранить то спокойствие духа и плоти, которое необходимо для меня теперь как воздух. То утро, в которое я, например, пишу серьезное и интересное письмо, уже пропало для литературных занятий. Я теперь употребляю три часа (с роздыхами) на такое дело, которое лет пять тому назад я бы кончил в один час. Не судите меня строго, право изнемогаю! Болезни мои *все три* всё похуже и похуже, *медленно, но верно*. И думать о серьезном каком-нибудь лечении, как Вы знаете давно, средства не позволяют. Что касается до статей «Востока» и «Моск(овских) Вед(омостей)», то, разумеется, я на стороне «Востока», который грешил вечно только фанатической бестактностью, а Каткова я *с этой стороны* и понять даже не умею! Это какое-то затмение. Его выходкой противу «Фанара»¹ я сам был донельзя раздражен; но возражать не думал, вследствие множества дел и собственной глубокой душевной усталости. Ваше письмо заставило меня задуматься, но арх(имандрит) Никодим *убедительно* советует и Вам и мне промолчать теперь и не возбуждать полемики до поры до времени.

О пр(еосвященном) Макарии говорить *теперь*, как Вы знаете, и не стоит, ибо его теперь судит уже сам Господь,² а насчет Фанара я полагал сам (еще и прежде просьбы Никодима «подождать») отложить это до окончания скучной, сухой и бездарной статьи Теплова, которого мне во «славу Божию» хотелось очень *поучить*, несмотря на мои хорошие личные с ним отношения. Что делать! Я столько времени должен тратить на *отдых*, на *безмолвное сидение взаперти* по целым часам, чтобы больную гортань не довести *до язв* от горячих разговоров (они мне отзываются мучительно сухим кашлем по ночам), на всякую возню с зондами, пульверизатором, иодом, таннином³ и т. д. — что для литературного труда остается очень мало времени.

Вчера я был у Игнатьевых;⁴ они очень *раздражены* и не скрывают этого; он говорит прямо, что его *свергли жиды*. Если это правда, то это

действительно ужасно. Он думает о большой газете на акциях к осени... и сказал мне, что он с Вами об этом говорил. Тут есть профессор Лицея Астафьев,⁵ гораздо более согласный со мною и с Вами, чем с Катковым; очень энергический, очень деятельный, очень умный и даже не без некоторой злости (это ведь хорошо нынче?). Я завтра повезу его знакомиться с Игнатьевым. Ему удобнее и приличнее всех других из известных мне людей стать во главе такой газеты. Что касается до меня, то я могу теперь только играть роль «Вия», которого приведут под руки и подымут ему веки, *чтобы видел*. Я готов похвалиться, что могу увидеть кой-что иногда лучше многих; и только — «Пришел, увидел, понял»...⁶ и лег — вот мой идеал! Или даже не идеал, а просто *мера сил*. Да и некогда: все *хочется* думать о смерти, о своей душе, да о *посмертных изданиях* — в пользу тех, кого жалею. А Россия? Послушайте! Ну... да Вы понимаете, какой вопль презрения подымается в душе, когда видишь нашу безмозглую «интеллигенцию» в европейском сюртуке! Сейчас приехал Победоносцев. Надо ехать к нему.

Скоро я пришлю Вам 2 статьи мои из «Руси» — «Пасха на Афоне» (теперь явилась еще только первая).⁷ Меня О. А. Новикова помирила с И. С. Аксаковым. И он теперь очень ко мне внимателен. Он ей сказал про меня: «все описательное я готов от него с радостью принять, но его убеждения до того крайние, что *это ужасно!*»⁸ Он и из этой статьи немного вычеркнул. Будьте здоровы, Третий Иванович, и не забывайте

любящего Вас К. Леонтьева. Ответ на п. 62.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 65—67.

Цитируется:

6, 453—454;

8, 832—833.

¹ См. примеч. 2 к п. 62.

² Митрополит Макарий скоропостижно скончался 9 июня 1882 г. на даче под Москвой.

³ Таннин (танин, от *франц.* *tanper*, дубить кожу) — лекарственное средство вяжущего и противовоспалительного действия.

⁴ 31 мая 1882 г. гр. Игнатьев был смещен с поста министра внутренних дел.

⁵ Речь идет о П. Е. Астафьеве. Следующей зимой Леонтьев ближе сошелся с ним и стал завсегдатаем «пятниц», проходивших в квартире Астафьева при Катковском лицее.

⁶ Иронически перефразированные слова Юлия Цезаря «veni, vidi, vici» (пришел, увидел, победил).

⁷ Очерк «Пасха на Афонской горе» был по протекции О. А. Новиковой опубликован в газете И. С. Аксакова (Русь. 1882. 29 мая. № 22. С. 13—15; 26 июня. № 26. С. 12—14). Написан этот очерк был в апреле. Аксаков, прочитав его, предложил вычеркнуть из него некоторые «тенденциозные» места, проповедующие «аскетизм». См. его письмо к Новиковой от 24 апреля 1882 г.: 6, 454—455.

⁸ Чуть позже, 21 августа того же года, Аксаков писал Новиковой о Леонтьеве: «Его художественный талант не искупает кривизны его мысли, способной оправдывать фанариотов, даже иезуитов. Он не столько христианин, сколько церковник» (цит. по: 6, 456).

64

Филиппов — Леонтьеву

21 июня 1882 г.,
Петербург

СПб. 21 июня 1882

Дорогой Константин Николаевич.

Я совершенно с Вами согласен, что теперь лучше выждать и промолчать; воспользоваться же надо статьей Теплова,¹ чтобы поучить не его одного, а и прочих... Насчет Астафьева если бы удалось, было бы не худо; но с Игнатьевым дела иметь нельзя никакого. Я не только рад его низвержению, но в этом событии усматриваю «измену десницы Вышнего»² и отсрочки исполнения гнева Господня, столь праведно на ны движимого.³ Он был человек роковой для наших дел, ему пришлось участвовать — и участвовать деятельно — в разрушении нашего влияния и силы на Востоке; ему принадлежит главным образом позор Сан-Стефанского договора.⁴ Он бы мог скорее всякого довести до полного крушения и наши внутренние дела своим дерзким легкомыслием. Это игрок, который не остановится ни перед какой ставкой, если не ему собственнно предстоит платить. Пал он вовсе не от жидов, а из-за собора.⁵ Не говорю о его преемниках и вообще о будущем; дела явно вышли уже из рук человеческих и перешли в руки Промысла;⁶ время сотворити

Господеви.⁷ (Известно ли Вам истинное значение этого выражения?) Но нельзя отрицать, что некоторыми чертами своего характера и ума гр. Толстой может принести пользу. Παντοίως συνερῶ, ὁ πανιερωτάτος Νικόδημος νὰ γίνῃ ὁ πατριάρχης τῆς Σιωνίτιδος.⁸

В августе надеюсь быть в Москве; в субботу⁹ еду во Ржев.

Обнимаю Вас.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 25.

Ваш искренний Т. Филиппов. Ответ на п. 63.

¹ См. примеч. 2 к п. 62.

² Пс. 76: 11.

³ Цитата из ектении на литии («... отвори гнев Свой на ны движимый...»).

⁴ Прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией, подписанный 3 марта (н. ст.) 1878 г. в Сан-Стефано, городке близ Константинополя. В славянофильских кругах было принято одобрять его, в отличие от бесславного для России Берлинского трактата, подведшего в июле того же года итоги русско-турецкой войны. Филиппов же, как видим, считал позорным даже более выгодный Сан-Стефанский договор.

⁵ Гр. Игнатьев был горячим сторонником созыва Земского собора. Император Александр III и Победоносцев, имевший на него сильнейшее влияние, усматривали в этом конституционные устремления.

⁶ О положении дел еще 25 мая 1882 г. Филиппов писал жене: «Вчера обедал у Островского с Министрами Ин(остранных) Дел, Вн(утренних) Дел, Юстиции, Морским, с Грейгом и Гротом. Гр(аф) Игнатьев необычайно смущен: что куда делось? Есть стих, который я и себе всегда твержу: „Сыму, так будешь мал!“ Это няня говорит ребенку, которого она поставила на стол и который возгордился было своим ростом. И Гр(афиня) Игнатьева с матерью едут в деревню: дело — табак! Его уход, если он последует, будет истинным спасением; но я сильно сомневаюсь, чтобы Гр(аф) Толстой, которого Победоносцев, как слышно, хочет предложить на его место, соответствовал положению. В одном отношении только это будет хорошо: негодяи, которые в литературе мутят, притихнут! Закроются многие отвратительные по провинциям газеты, развращающие народ. М(инистр) Нар(одного) Просв(ещения) и Попечители найдут твердую опору в нем в случае беспорядков, которые при изменении Унив(ерситетского) устава неизбежны» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 3137. Л. 17—17 об.). Но уже 5 июня (после встречи с новоназначенным министром внутренних дел, которая состоялась 1 июня; — см.: Там же. Л. 24) Филиппов замечает: «О государственных делах могу сказать пока одно приятное, т. е. успокоительное. Ты знаешь мое понятие о гр. Толстом; но по нынешнему времени он очень годится, даже некоторые из его недостатков тут будут кстати» (Там же. Л. 30).

⁷ Возглас диакона перед началом Божественной литургии. Ср. в письме Филиппова к гр. А. Г. Толстой от 2 февраля 1882 г.: «Все ощущают какое-то пригнетенное состояние, которое в языке Св. Писания выражено словом „нечаяние“, по-гречески, *ατορία*: как будто никто не знает пути! Время сотворити Господеви! Это значит совсем не то, что обыкновенно под этими словами разумеют, то есть, будто для нас настало время совершить (службу) Господу! Нет! Это значит, что люди потеряли путь и смысла и что им самим ничего не сделать; а настала пора для Самого Господа совершить (то, что содержится в Его таинственном совете). Он уже и начал! Теперь, по-видимому, ждет нашего ответа на Его грозный роковой урок!» (Там же. Ед. хр. 1264. Л. 76—76 об.). Также в письме к ней от 15 апреля 1882 г.: «... время такое трудное, что чаще обыкновенного надобно обращаться мыслию и молитвою к помощи Божией. Людям, очевидно, не под силу тяжесть! Время сотворити Господеви! Но и от Него чего же мы можем ожидать, кроме праведного гнева и прещения? Чем можем мы привлечь Его милость? Мы, действительно, были Им избраны и призваны к высочайшей и святейшей цели — служить опорой Его Церкви; но что же мы сделали с этим залогом Его благоволения?» (цит. по: *Фанариоты*. I. С. 119—120).

⁸ Всячески содействую, чтобы преосвященного Никодима избрали в патриархи Сионские (Иерусалимские) (*греч.*). Филиппов, не доверяя почте, иногда сообщал Леонтьеву важные секретные новости по-гречески.

⁹ Суббота — 26 июня.

65

25 июня 1882 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

1882, 25 июня, Москва.

Я получил на днях Ваше письмо, Третий Иванович, и оно, как всегда, доставило мне большое удовольствие. Ваши письма всегда содержательны, любезны и вместе с тем так своеобразны, что и не любя Вас так, как я люблю, можно было бы ими наслаждаться. Теперь вы во Ржеве, и я не знаю, как быть с прилагаемой статьей?¹ Я бы мог послать ее прямо князю Мещерскому для помещения в «Гражданине» («безденежного» вероятно?), но во-1-х, я не знаю его адреса; и он «Гражданина» мне не высылает, по которому я бы мог справиться. И сверх того, мне хотелось бы, чтобы она прошла предварительно через Ваши руки. Я вчера прочел ее Преосв^ященному Никодиму, он в восторге и хочет сам пи-

сать К. П. Победоносцеву, чтобы тот способствовал бы ее скорейшему напечатанию.

Она пролежала более полутора месяца у Каткова; он все колебался напечатать ее *без моего имени*, а имени я не соглашался подписывать потому, что закон цензору *запрещает принимать участие в периодических изданиях*. Я прилагаю здесь небольшую оговорку или оправдание запоздалости этой на случай, если Вы найдете нужным пустить статью в ход. Оговорку эту, я думаю, хорошо бы напечатать перед началом статьи.

Катков своей нерешительностью (непонятной!) в этом случае лишил меня порядочной суммы денег, так как мне уже надоело ждать и я взял ее обратно.

Быть может, это будет последняя небольшая статья моя на нынешнее лето. *Необходимость* (платить за квартиру и т. п.) заставляет меня снова приняться за окончание «Египетского Голубя». Это мне очень тяжело, и все, о чем я там пишу, *ничуть меня не интересует*, но... что делать... Нельзя *на улице жить!*.. Сверх того у меня 10 лет пролежал в рукописи совсем готовый большой роман,² который мне люди, знающие толк, советуют напечатать. И Ф. Н. Берг берется выгодно устроить его в Петербурге.³ Не знаю, как и разорваться. Все-таки нужно и тот роман исправить. Замыслов так еще много, а сил, и времени, и ободрения так мало! Впрочем, без «ободрения» еще можно обойтись: *привычка* и надежда на помощь Божию, но как быть со временем, силами и неотступностью разных нужд?.....

Не себя жалко, не человека: стоит ли *один человек* сожаления, когда целая Россия и все заветные ее предания на краю гибели? Да и как *человек-то* я без всякой *натяжки* ежедневно благодарю Бога. Да, без всякой религиозной *натяжки*: что ж? Хозяин квартиры невзыскателен, ждет, ем, сплю, хожу в субботу ко всенощной, в праздник к поздней обедне без труда. Службу *теперь* нахожу очень легкой (применился) и нарочно иногда *воображаю* (особенно когда мало приносят рукописей и бесцензурных книг), что я на 200 р. пенсии. Доктора лечат меня даром

(как бывшего врача). В доме очень тихо, перед креслом моим всегда на полочке рядом посередине стены два одинаковых по величине образа Св. Николая и Св. Пантелеимона в окладах (которые мне нравятся),⁴ я на них часто смотрю и крещусь, когда сижу один запершись целое утро до обеда. К сумасшествию жены, довольно безобидному и нередко даже и милому, понемногу тоже привык. А умирать? ... Сказано — «Христианския кончины живота и добраго ответа на страшном судилище Христовом...»⁵ И кончено...

Поэтому себя что жалеть? *Есть друзья*, есть занятия, люди поддерживают нередко, убажают, помогают... надо уметь быть благодарным: и я умею... Но жалко: *мыслей столько*, столько образов, столько воспоминаний, хочется писать обо всем: о том, почему нам нужны греки, патриарх, Царьград,⁶ в чем наше спасение? Хочется писать о вере, об Афоне, еще об Оптиной, еще о Вашей книге, о Теплове, об жизнеописании арх(имандрита) Моисея (Ювеналия) ...⁷ о том, *что такое социализм* (у меня есть *особые* мысли об этом!)⁸ и т. д. И нет ни времени, ни сил. Вот что жалко, как *вспомнишь* обо всем этом. Но большею частью стараюсь забыть, и тогда мне хорошо «о Господе». Ну, довольно об этом! Dixi!⁹

Кожухов беспокоится насчет Гюбенета?¹⁰ Приятно ли это Вам? Я понятия о Гюбенете не имею и потому ничего ему на его участие в Вашей судьбе не мог ответить. Он истинно добрый человек и очень Вас любит и уважает. У К. П. Победоносцева я был, не застал его дома, оставил карточку с адресом, полагая, что он может дать мне знать, если желает, чтобы я приехал, но, видно, ему было некогда. Я хотел проститься с Вами и кончить это письмо, как получил *поистине ужасное известие* — Скобелев *скоропостижно умер* здесь в Москве, сегодня, проездом из Вильны!¹¹

Что же это такое? Что нас ждет? Всею в России, кроме революционных замыслов, роковая неудача...

Скобелев умер, Игнатьев легкомыслен, Катков либерал в церковных делах, Аксаков как-то ограничен, Лорис-Меликов либерал, Победонос-

цев умом робок,¹² Толстой закрывал церкви¹³ и защищал болгар... Говорят, что Павел Голохвостов сочинял *проект собора*.¹⁴ Не знаю, правда ли это, но я встретил его в 74 году¹⁵ и он говорил тогда, что Земский Собор — неизбежен.

Обнимаю Вас — Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 67—70.
Цитируется:
6, 431, 677.

¹ Речь идет о статье «Чем люди живы?» об одноименном рассказе Л. Н. Толстого. См. примеч. 108 во вступительной статье (с. 40).

² Имеется в виду роман «Генерал Матвеев», позднее получивший название «Две избранницы».

³ Ф. Н. Берг, еще осенью 1874 г. предпринимавший попытки издать роман Леонтьева (см.: 5, 797), в 1882 г. вел переговоры о публикации «Генерала Матвеева» в журнале «Огонек» (5, 798).

⁴ См. в завещании Леонтьева: 6₂, 42. См. также: 6₂, 677.

⁵ Ср. п. 53.

⁶ Будет реализовано вскоре в цикле «Письма о Восточных делах»

⁷ Речь идет о книге: (Ювеналий (Половцов), архим.) Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни Архимандрита Моисея. М., 1882. В примечании 1885 г. к статье «„Перелом“ Б. М. Маркевича» (1882) Леонтьев рекомендовал читателям эту книгу: «Она написана строго, быть может, даже не без намерения несколько сухо; написана одним из бывших постриженников и послушников великого Настоятеля, вдобавок человеком по рождению и воспитанию принадлежавшим к высшему нашему обществу. Пусть узнают, как отец Моисей еще смолоду поселился с двумя-тремя другими отшельниками в едва проходимой чаще Рославльских лесов, где кроме репы ничего даже расти не могло на огороде; как он прожил там *десять лет* (1811—1821), как потом в 1821 году был почти насильно вызван оттуда Духовным Начальством для восстановления бедствующей Оптиной Пустыни и как долго управлял он этою обителью; — как он воссоздал ее покойно, величаво, любвеобильно и строго. Около него, под его властью и защитой, сияли такие светила, как Леонид, Макарий, Антоний, Иларион и другие духовные старцы» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 144—145; уточнено по изд.: Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1886. Т. II).

⁸ Ср. в п. 47.

⁹ Я сказал! (лат.).

¹⁰ 29 мая 1882 г. Филиппов писал жене: «В понедельник обедаю у Гюббенета, который приглашает с особенною небывалою любезностию. Вижу в этом некоторый бла-

гоприятный для меня, а еще более для тебя, знак; а в чем дело, скажу после. Теперь же тебя хочу помучить загадкой» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 3137. Л. 22—22 об.).

¹¹ Скобелев приехал в Москву 24 июня, а 25 июня скоропостижно скончался. На смерть «белого генерала» Леонтьев откликнулся в одном из «писем» цикла «Письма о Восточных делах».

¹² В такой оценке Победоносцева с Леонтьевым был солидарен А. А. Киреев. См.: Фетисенко О. Л. «Столп Церкви» или «новый Копроним»? К. П. Победоносцев sub oculis К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. СПб., 2007. С. 114—115.

¹³ В 1869 г., т. е. в бытность гр. Д. А. Толстого обер-прокурором Св. Синода, проводилось масштабное сокращение штатов духовенства, приведшее к закрытию ок. 2000 приходов.

¹⁴ П. Д. Голохвастов, действительно, был одним из ближайших сподвижников гр. Игнатьева в подготовке к Земскому собору и составил проект манифеста о нем.

¹⁵ С П. Д. Голохвастовым Леонтьев встретился в июне 1874 г. в Моховом, тульском имении их общего друга И. Н. Шатилова. См.: 6, 111.

66

30 июня 1882 г.,
Ржев

Филиппов — Леонтьеву

Ржев, 30 июня 1882.

Благодарю Вас за утешение, доставленное мне Вашею статьею,¹ дорогой Константин Николаевич. Завтра отправляю ее к кн. Мещерскому с своим письмом,² а через некоторый срок пошлю туда и от скудости собственных словес крупицу. Как высоко стоит христианин над современною помраченною тварью, к которой примкнул и гр. Толстой (Лев Николаевич), прежде считавшийся почему-то христианином. Мне всегда претила его притворная искренность. Более сегодня писать некогда; вероятно, завтра напишу.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 25.

Ваш Т. Филиппов.

Ответ на п. 65.

Живите дольше. Вы, очевидно, нужны.

¹ См. примеч. 1 к п. 65.

² См. примеч. 16 к п. 67.

1 июля 1882 г.,

Ржев

Ржев, 1 июля 1882.

После Вас самих, дорогой Константин Николаевич, мне больше всех прискорбно, что мысли и чувства, в душе Вашей обитающие, обречены на долговременное, а может быть и вечное заточение, к явному вреду отовсюду боримой христианской истины и к нашему духовному лишению. Кроме прямого отрицания Христа, теперь ежеминутно появляются самые разнообразные его подмены («Се zde Христос»¹), которые не менее прямого отвержения опасны и во всяком случае еще более омерзительны и гнусны. Я как-то читал в «Новом Времени»: «но мы, составляющие Церковь, на это не согласны»², или что-то в этом роде; так что вчерашний гаэр, сотрудник Валетки Корша и Полетики,³ не только причисляет себя и «иже о нем»⁴ к Церкви, но даже самую Церковь к себе и своему какому-то безыменному сонмищу приписывает. А у Краевского ведь и прямо попы писали в газете, теми же руками, которыми совершали страшную тайну евхаристии; покойный Васильев был другом «Голоса» и чрез его посредство доставлял торжество всем омерзительным своим начинаниям.⁵ Почему же и митрополит Макарий осыпан со всех сторон торжественными хвалами? Конечно, за те черты его деятельности, которые достойны вечного осуждения. Компляции, им составленные,⁶ как бы ни высоко ценить их пользу (не ученое и художественное достоинство) для нашей нищей богословской и церковно-исторической науки, — сами по себе, — разве могли бы вызвать такой оглушительный шум? Вопиющие ныне, — по крайней мере ¾ их, — их без сомнения и не читали, Катков у compris.⁷ Если что в нем пленяло читателей, то это соображение его оному змию (Феофану),⁸ от которого пришло начало предательство Церкви ее епископами и коего миниатюрное изображение представлял собою покойный митрополит Московский.

И когда такой товар идет бойко, то не очень трудно понять, почему к Вашей лавке мало кто подходит. И не заключается ли в этом некоторого гордостного для нас утешения? Захотели ли бы Вы слышать Вашу хвалу из тех же оскверненных уст,⁹ из коих на главы Макариев и Иосифов,¹⁰ под видом благоуханного мира, текут зловонные помои? Утешение это — увы, — только личное, себялюбивое, из-за которого Вы не способны забыть о конечном разорении и запустении отечественной церкви, дожившей наконец до рокового кризиса. Некому пасти стадо. Ни одного имени, кроме Преосв^ященного Алексия.¹¹ Может быть, и еще есть где-нибудь наш незримый Феогност (подражание шутке царя Алексия Михайловича).¹² Но сия что суть на толико?¹³ И при этом еще мы смеем своею дерзкою рукою бросать камни в Фанар. Да я бы оттуда украл половину какого-нибудь дьякона и привез сюда для нашего поучения. «Фанар» — ругательное слово, точно какой-нибудь «Страстной бульвар».¹⁴

Статью Вашу сегодня посылаю к кн. Мещерскому и пишу ему строго о хорошей оплате и о высылке Вам «Гражданина».¹⁵ Не знаю, прийму ли его, и есть ли у него деньги. Не ему бы вести газету; но, видно, нашей с Вами очереди не будет. Не туда, кажется, наклоняет Россию ее рок. Путь ренегата избран ею, как кажется, бесповоротно. Верным остается только пребыть до конца¹⁶ при своем свидетельстве; силы их несоразмерны с ополчениями противника. Время сотворити Господеви.¹⁷ Я употребил все доступные мне усилия, чтобы помочь избранию Преосв^ященного Никодима в патриархи,¹⁸ т. е. я говорил о нем, и с успехом, со всеми нашими властями, от которых зависит расположить к содействию наших местных агентов. Дал бы Бог. Я бы попросил Вас, не показывая ему этих строк, побывать у него немедленно по получении письма моего и передать ему, что я ожидаю от него более ясного изложения того, о чем он сообщил мне вкратце в его последнем письме ко мне в Петербург. Если он находит полезным, чтобы я написал еще о его деле в Питер, то пусть напишет мне: я готов всем сердцем. Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271.

Л. 27—28.

Цитируется: РЛ. 2002.

№ 4. С. 158.

¹ Мф. 24: 23; Мк. 13: 21.

² Источник не установлен.

³ Речь идет об А. С. Суворине, бывшем в 1863—1874 гг. сотрудником либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей» (ред. В. Ф. Корш) и в 1874—1875 гг. «Биржевых ведомостей» (ред. В. А. Полатика). О Корше Филиппов и раньше отзывался пренебрежительно: «... Коршишка, который, как Вам известно, состоит вне закона вменяемости» (письмо к И. П. Корнилову от 19 июля 1870 г. — РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 1190. Л. 10 об.).

⁴ Тех, которые вокрут него (ц.-сл.).

⁵ Речь идет о прот. И. В. Васильеве. Его «начинания» связаны с реформированием духовного образования в России.

⁶ Имеются в виду «Православно-догматическое богословие» (1849—1853) и «История Русской Церкви» (1857—1882) митр. Макария (Булгакова).

⁷ Включая Каткова (франц.).

⁸ Т. е. Феофану (Прокоповичу).

⁹ Парафраз молитвы св. Симеона Нового Богослова перед причащением «От скверных устен...»

¹⁰ Имеется в виду упомянутый выше прот. И. В. Васильев.

¹¹ Речь идет о епископе Дмитровском Алексии (Лаврове-Платонове).

¹² Имеются в виду слова царя Алексея Михайловича из написанного в мае 1652 г. послания митрополиту Никону, будущему патриарху, о том, что на патриаршество должен быть избран «именем Феогност», т. е. знаемый Богом.

¹³ Ин. 6: 9 (должно быть: «сии что суть на толико»).

¹⁴ На Страстном бульваре размещалась редакция «Московских ведомостей».

¹⁵ В тот же день Филиппов писал Мещерскому:

Дорогой Кн. Владимир Петрович!

Леонтьев посылает Вам через меня отвергнутую Катковым статью; не то, что отвергнутую, а просто ему не хотелось пустить ее без подписи имени Леонтьева; а Леонтьеву, как цензору, подписываться нельзя по закону.

Поздравляю Вас с таким уловом! Я отдохнул душой, читая эту статью, думаю по ее поводу тоже сказать нечто и пришло к Вам же. Катков стыдится Истинного Христа; он верует в Него по второму Шеллингу.

Пошлите Леонтьеву, сколько только позволяют Ваши средства; Вам нужно его приобрести. И «Гражданин» ему вышлите за весь год; и мне прикажите посылать «Гражданин» сюда.

Если будет время, напишу Вам корреспонденцию, первую в жизни. А любопытно? С чем только не приходят ко мне. Оговорку о напрасном лежании статьи у Каткова пустите впереди самой статьи.

Напечатайте статью, если можно, всю в одном номере.

Ваш искренний Т. Филиппов

(РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 1—2 об.).

В приписке к следующему письму, от 18 июля, Филиппов вновь вспомнил своего друга: «Какое несчастье, что Леонтьев осужден на молчание» (Там же. Л. 4).

Напечатав статью, редактор «Гражданина» писал Леонтьеву 12 июля: «При сем, многоуважаемый Константин Николаевич, присылаю Вам №-ра „Гражданина“ с Вашешу прекрасною статьею: несказанно рад, что судьба принесла Вашу статью в „Гражданин“, хороший знак! Оттиски пришлю Вам очень скоро, а также и гонорар, который вышлю по обычаям Редакции в конце сего месяца. Крепко жму Вам руку. Ваш от ду(ши)

В. Мещерский»

(ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 21).

¹⁶ Аллюзия на Мф. 10: 22; 24: 13; Мк. 13: 13; Рим. 10: 13.

¹⁷ См. примеч. 6 к п. 64.

¹⁸ 27 марта 1882 г. архиепископ Никодим писал Филиппову: «У кого другого мы имеем убежище в трудных обстоятельствах, как не у возлюбленного и сладчайшего Тертия Филиппова? Будь здоров, брат, о Господе» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2274. Л. 26).

68

Филиппов — Леонтьеву

1 августа 1882 г.,
Ржев

Ржев. 1 августа 1882.

Дорогой Константин Николаевич.

7 августа, в субботу, выезжаем мы всею семьею из Ржева в Москву. Я останавлиюсь по обычаю у гр. Толстой.¹ Пишу Вам, дабы нам поскорее увидеться; адресую в Комитет, ибо все мои усилия узнать Ваш адрес из-немогли перед Вашешу твердою волей скрыть оный. Жду с нетерпением решения судьбы Пр(еосвященного) Никодима. Целую Вас.

Ваш Т. Филиппов.

¹ Имеется в виду дом гр. А. Г. Толстой на Садовой-Кудринской. Сюда Толстые переехали из дома на Никитском бульваре (д. 7), в котором в 1852 г. скончался Н. В. Гоголь, друживший с гр. А. П. Толстым.

Филиппов — Леонтьеву

12 августа 1882 г.,
Москва

12 августа 1882

Дорогой Константин Николаевич.

Приступайте без смущения к исповеди и к общению тела и крови Господа. Я здесь пробуду еще с неделю;¹ увидимся, Бог даст, и наедине, и не раз. Прошу меня простить, если в безделице виноват. Мои сегодня приехали.

Ваш Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 28.

Ответ на неизвестные
письмо или
телеграмму
Леонтьева.

¹ Филиппов приехал в Москву из Ржева вечером 7 августа 1882 г. (см. его письмо к Е. М. Феоктистову от 1 августа, в котором он предлагал встретиться на станции Клин; ИРЛИ. Архив Е. М. Феоктистова. № 9087. Л. 3), а в Петербург вернулся 1 сентября (см. п. 71).

Леонтьев — Филиппову

13 сентября
1882 г., Москва

1882, 13 сентября, Москва.

Не знаю наверное, где Вы теперь, Третий Иванович, и пишу наобум в Петербург,¹ — полагаю, что Вам оттуда перешлют письмо, если Вы во Ржеве.

Если бы я знал, куда Вам писать, то я бы послал Вам мои заметки о Достоевском и Толстом² в надежде, что Вы в Петербурге найдете и помимо гр. Шереметева³ (о согласии которого ни слуху ни духу) средства их издать. Я получил от Николая Платоновича Барсукова его *агиографию*⁴ с крайне любезною надписью и потому еще больше утвердился в том, что он (как Вы говорили) готов будет помочь.

Удивительно, как все-то трудно достается! Вот и «От(е)ц Климент» разослан по всем охранительным редакциям.⁵ И ни одна, кроме «Гражданина»,⁶ ни слова. И заметьте, самые члены и сотрудники этих редакций восхищаются (даже Юрьев!).

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023. Л. 70.

Цитируется:

6, 401—402, 8, 832.

Будьте здоровы и не забывайте меня грешного и унылого.

Ваш К. Леонтьев.

Р. S. Мысль о газете⁷ очень ободряет меня. Опять веселее стало через эту мечту.

¹ Филиппов находился в это время в Петербурге.

² См. подробнее во вступительной статье.

³ Филиппов написал гр. С. Д. Шереметеву только 9 сентября (см. примеч. 112 во вступительной статье, с. 41).

⁴ Речь идет о первой книге многотомного жизнеописания М. П. Погодина, написанного Н. П. Барсуковым («Жизнь и труды М. П. Погодина», в 22 кн.).

⁵ Ср. в письмах к О. А. Новиковой от 21 августа 1882 г.: «Послал в разные редакции» (цит. по: 6, 401) и от 12 сентября: «Разослал по всем охранительным Редакциям; объявления были; никто кроме „Гражданина“ ни слова» (6, 402).

⁶ В рубрике «Новые книги» была помещена маленькая рецензия без подписи (Гр. 1882. 5 сент. № 71. С. 10). Цитату из нее см.: 6, 402.

⁷ Видимо, при встрече в Москве Филиппов говорил Леонтьеву о своих новых планах.

71

Филиппов — Леонтьеву

16 сентября

1882 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Я с 1 сентября в Петербурге. Дело о газете находится в таком положении, что об учреждении ее к новому году и думать нечего. Мысль моя останавливается на том, чтобы всячески поддерживать «Гражданин» и его несколько привести в опрятность, которой он лишен. Он в настоящем году не может платить более 6 коп. за статьи людей выдающихся, но с Нового года надеется платить по 10 к(оп.), что уже очень хорошо.

Не найдете ли Вы возможным потрудиться для него на этих условиях? И не только Вы, но и других не привлечете ли к сотрудничеству? Может быть, и Петр Евгениевич¹ что-нибудь прислал бы. Порассудите и напишите; а я буду здесь заботиться. «Гражданин» есть по крайней мере нечто готовое и уже бьющееся с врагами Церкви и народа; на готовом основании созидать легче. А потом Бог, может быть, откроет пути и для более искренней деятельности. Подумайте на эту тему и сообщите мне, кого бы можно было привлечь из Москвы моими настояниями. Гр(аф) Шереметев в Москве занят рождением сына.² Я ему писал о Вашем намерении³ и место Вашего жительства ему объявил; но, верно, ему теперь не до того. Сегодня выписываю Барсукова⁴ и ему вверяю судьбу сего дела; он присный гр. Шереметеву и может докучать ему, сколько хочет.

Судьбы изданий непостижимы. О. Климент, конечно, разойдется, но не скоро и между такими читателями, до коих книжные новости доходят не скоро. Обнимаю Вас.

Ваш Т. Филиппов.

СПб. 16 сентября 1882.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 26.
Цитируется: 6, 402;
8, 832, 833.

Ответ на п. 70.

¹ Речь идет о П. Е. Астафьеве.

² Сын гр. Шереметева Василий умер в младенчестве.

³ Т. е. о намерении издать брошюру «Наши новые христиане». См. примеч. 112 во вступительной статье.

⁴ Имеется в виду Н. П. Барсуков.

Для «Гражданина» я готов с радостью писать даже и по 6 коп. *столько, сколько позволят мне другие мои обстоятельства.* А этих других обстоятельств, к несчастью, много. Есть у меня одна старая почти готовая

статья, которую я на днях постараюсь исправить и дополнить и пошлю Мещерскому.¹ Оставляя даже в стороне службу, недуги, посещение врачей, нравственные утомления от давней и, конечно, не особенно успешной борьбы, само по себе необходимое распределение литературных занятий очень часто связывает меня. Иначе мало ли что бы я написал! Я еще обо многом Вам не говорил! Напр(имер), теперь: «Египетский голубь» этот. Это такая ноша, такая тоска, такая *потеря времени* на второстепенную вещь, что только нужда крайняя в Катковских деньгах не позволяет мне совсем отказаться от его окончания.

Или еще: у Ф. Н. Берга лежит рукопись большого моего романа *Две избранницы* (листов 15-17-18).² Алаверт от нее отказался,³ а мне очень бы хотелось продать ее сразу; но с тем условием, чтобы мне возвратили ее хоть на месяц для необходимого исправления. Если это удастся — то разумеется, это тоже отвлечет меня. Но при этом прошу Вас не думать, что художественная работа мне приятнее, — напротив, *статьи* писать мне гораздо приятнее и легче, чем повести. Приятно рассказывать что-нибудь *свое*; а *сочинять* мне ужасно теперь скучно.

Барсуковы были оба у меня;⁴ Николай два раза и еще будет. С Шереметьевым дело сладилось. Печататься будет у Погодина.⁵ Барсуков все заботы взял на себя. Николай Платонович очень меня ободрил и утешил. Мне стало легче после свидания с ним!

Вообще я, слава Богу, что-то пободрее теперь.

П(етру) Евг(еньевичу) Астафьеву я передал Ваше желание. Но сомневаюсь, будет ли он писать. И о *чем*? Ведь он, кажется, только философские статьи может писать. Впрочем, дай Бог мне ошибиться.⁶ Когда я Вам рекомендовал его для предполагаемой газеты, то я, находя его во многом с нами согласным и зная, что Вы (как и сами говорили мне) без меня такую газету считаете невозможной, хотел в нем найти *только* замену себя в случаях телесного изнеможения и умственного недосуга: *подставлять для сношения с людьми и для движения его здоровую плоть* и бодрое настроение вместо моей удрученной плоти и моего тоскующего

и неверующего в земную удачу духа. Форму этого соединения я предоставил будущему: кого назвать редактором и т. д. Это очень важно, в некоторых случаях: но только в некоторых, вообще это было бы важно, если бы не в Ваших руках были бы деньги. Но раз они будут в Ваших, Вы, конечно, скажете всякому участнику: «прежде всего слушаться меня (Филиппова) и К. Н. Леонтьева». Иначе из газеты ничего не выйдет, или выйдет ни то, ни се.

Не вижу я ни у кого, кроме Вас и себя, ни изобретательности, ни ширины. В голову им всем не приходит, что приходит нам с Вами. А направляя, можно извлечь, я думаю, большую пользу и из Астафьева. Вот хоть бы то, что даже и Вас удивило: социализм *мой*.⁷ Вам я не объяснял еще этого совсем, сделал только в «Записке» очень осторожные намеки.⁸ Понятно, что Вам это странно. Астафьеву же я толковал два раза подробно и наглядно; второй раз он стал как будто подаваться, но я чувствую, что Вы бы сразу вошли бы в ход моих мыслей; а он просто чего-то не схватывает. Ну, напр(имер), завись он от нас с Вами, то может быть и напрыгся бы больше и схватил бы. А факты шире мою мысль оправдывают. Задняя мысль моя та (говорю это Вам конфиденциально), что истинная революция по существу есть либерализм, эмансипация во всех ее видах, а социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, это есть глубокая вековая, организующая постепенно реакция будущего (и уже недалекого, XIX век кончается!).

Социализм скоро оставит свои инзуррекционные⁹ приемы и делается орудием новой корпоративной, сословной, градативной не либеральной и не эгалитарной структуры государства. Он вынужден будет сочетаться с сохранными консервативными историческими началами так или иначе, видоизменяя их и видоизменяясь сам, и либерализм, индивидуализм, меркантилизм и все тому сродное будет раздавлено между историческими остатками и передовым экономическим порывом. Велико будет государство или племя, которое возьмет в руки это исполинское движение нового феодализма, и славен будет тот орган печати, который

первый даст это хотя бы сначала в намеках почувствовать. А для того, чтобы говорить все прямо, для этого надо взять Царьград.

Вам преданный К. Леонтьев.

Книжка моя «Новые христиане» идет, слава Богу, прекрасно, несмотря на молчание газет. Книгопродавец Карбасников говорил и Астафьеву, и мне самому, что стоит только показаться объявлению, как разом берут по 10-15 экз(емпляров). Катков печатает от времени до времени даром эти объявления; печатались они и кой-где еще. Поэтому в виду этого успеха даже и при столь неблагоприятном условии, как отсутствие отзывов, я бы попросил Вас, Третий Иванович, об одном: нельзя ли через кого-нибудь повлиять на Суворина, чтобы и он даром их напечатал (цель ведь благотворительная) по 1 разу в неделю в течение марта и апреля, значит 8 раз?

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Ед. хр. 71—73.

Цитируется: 5, 799;

6, 618; 8, 833—835,

847—848.

Ответ на п. 72.

¹ Речь идет о статье «Православие и Католицизм в Польше». См.: 8, 847.

² См. примеч. 4 и 5 к п. 65.

³ Имеется в виду редактор журнала «Огонек» Н. П. Аловерт. 25 августа 1882 г. Ф. Берг писал Леонтьеву: «Ал(оверт) возвратил мне внезапно роман без всяк(ой) даже записки, что мне показалось странно после нашего разговора. Я поехал к нему и, встретив его на улице, спросил о причине. Он говорил разные уклончивые вещи, из коих видно, что роман печатать они не желают» (5, 798—799).

⁴ Н. П. и А. П. Барсуковы. Намечена была и еще одна встреча, но 22 сентября Н. П. Барсуков, перед отъездом к кн. П. П. Вяземскому в Остафьево, прислал Леонтьеву короткое письмо с извинением. В нем он также сообщил о том, что гр. Шереметев утвердил смету типографии. См.: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1—1 об.

⁵ Т. е. в типографии Д. М. Погодина.

⁶ «Дай Бог мне ошибиться» — устойчивый оборот из речевого обихода Леонтьева, встречающийся и в его публицистике.

⁷ Леонтьев понимал социализм как «грядущее рабство» (по Г. Спенсеру). См. далее в письме — о «реакции будущего».

⁸ В «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге» говорится о высшем русском идеале, который «должен быть (...) прогрессивно-охранительный, но отнюдь не либеральный», о русской мысли, которой нужно «проповедывать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе, как посредством

сильной власти и с готовностью на всякие *принуждения*»: «... должно, одной рукой — охраняя и утверждая Святыню Церкви, могущество Самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки *быта* нашего, другою — двигать нацию вперед совсем не по западному и *тем более* не по либеральному пути. (...) ... необходимо вступить (...) на путь *чисто экономических, хозяйственных реформ*; необходимо опередить в этом отношении изношенную духом Европу...» (8, 8—9). Леонтьев называет далее это «*реакционно-прогрессивным направлением*» (8, 12).

⁹ От слова «инсurreкция» (восстание).

73

Леонтьев — Филиппову

26 ноября 1882 г.,
Москва

26 ноября 1882, Москва.

Давно я ничем Вас не беспокоил, «не именуемый по недостаточности словес»¹ Тертый Иванович. Сегодня хочу побеспокоить. Отношения мои с кн. Мещерским *более* чем удовлетворяют меня; возможность печатать что хочу² — и это уже само по себе блаженство, к которому я не привык, как Вы знаете, и которое испытал *только раз в продолжение 3-х с половиною месяцев во всю мою 50-летнюю жизнь*. Это было в 80 году при «Варшавском Дневнике». Теперь это случается второй раз. Разумеется, я говорю о статьях моих, а не о романах: статьями моими я дорожу гораздо больше; писать их *не стесняясь* — наслаждение, сочинять повесть, особенно вроде «Ег(ипетского) Голубя» — истинная мука, без прибавления! не знаю, как избавиться. Если бы дамы и молодые люди, которые хвалят эту повесть,³ знали, чего она мне стоит и до чего она мне надоела, они удивились бы, как можно при этих условиях продолжать ее! Это нравственная сторона, но и 100 р. в первых числах месяца я так рад, что беспрестанно благодарю Бога и за них. По крайней мере «побираться», как прошлого года, перестал и даже понемногу хоть с мелкими долгами расплачиваюсь. Все это так, но мне бы хотелось знать заранее, во-1-х, можно ли рассчитывать на продолжение этих отношений... На их *statu quo*?⁴ Во-2-х, нельзя ли мне в первых числах декабря *по исключе-*

нию вместо 100 получить с Мещерского 200, с тем, чтобы эти экстренные 100 разложить на 4 следующие месяца в виде вычета по 25 р.

Конечно, это путает счета, и мне самому это неприятно; но что же делать? По обстоятельствам, к Святкам именно в начале декабря мне нужно 200 р.⁵ Было бы долго мне писать и Вам читать было бы скучно, если бы я стал доказывать, что от этой *своевременности* сам «Гражданин» может только выиграть. Однако — это так.

Не знаю, доволен ли мной кн. Мещерский, сначала он писал столько ободрительного и любезного, а теперь что-то примолк. Я не требую этого постоянного подливания «масла в огонь», слава Богу, *теперь*, с *нынешнего* лета и особенно с осени *мне и здесь, в Москве*, достаточно стали люди этого «масла» подливать (ведь мне с этой стороны все в диво, не привык). *Я ничего не требую*, я только по давней привычке к стеснениям, к лишениям и к той людской неправде, в которой чаще всего выражается высшая правда Божия, карающая нас за грехи наши,⁶ — все чего-то опасаюсь, все чему-то в своей судьбе не верю. Вы, Третий Иванович, я знаю, понимаете меня. Я боюсь, чтобы только хуже не было.

Вот, например, недавно я телеграфировал кн. Мещерскому о 50 р., которые мне были нужны прежде срока не для себя, а для одной дамы, которая приехала из Оптиной к Троице-Сергию и потеряла *чужие деньги*.⁷ Он отказал, я, положим, очень рад, что дело устроилось иначе, достали здесь; и порядок наш не нарушен, *но все-таки* — что-то потревожился и задумался. Все это так неверно, так непрочно, и я поневоле опять взялся *насилловать* свое воображение над совершенно чуждыми моей теперешней душе картинами «Египет(ского) Голубя». Ибо если я побьюсь над ним теперь, то хоть к 15—20 декабря получу от Каткова руб(лей) 200, а иначе? что я буду делать, не знаю!

Вам я говорю все прямо, потому что знаю — Вы рассудите дело наше безобидно для обеих сторон, а Мещерский мало меня знает и я его — и боюсь оскорбить. Иногда ведь и не сообразишь, а заглазно дело поправить трудно.

Положим, что к сентябрьской книжке я успел и «Голубя» поправить и 1 главу даже новую написать, и Мещерский остался доволен; но и здесь Астафьев удивлялся, когда я успеваю столько писать и печатать, да еще при службе (и при том важном условии, что «в доме, говорит он, порядок у Вас есть, а хозяйки нет»).

Но на этот раз, чтобы сдать Каткову «Голубя», нужно не одну, а три главы новых обдумать, написать и исправить. Чтобы мне не то чтоб совсем от этого отказаться — это не нужно, но чтобы мне не требовать от себя этого *во что бы то ни стало* (ибо 200 р. мне необходимы), надо быть уверенным, что из «Гражданина» я получу эти 200 р. Упомяну еще и об одной довольно щекотливой вещи. Мещерский, упрасывая меня писать скорее по Греко-Болгарскому вопросу, предложил за это особые деньги;⁸ будь он богаче или будь *предмет другой*, я бы об этом ему прямо напомнил, но я ему сочувствую, просто сказать «жалею» его, знаю, что ему и самому не всегда легко, потребности личные у него, вероятно, гораздо больше моих; а с другой стороны, в статьях дело шло о таком дорогом для меня вопросе, да еще и *об Вас вдобавок*. Я не знаю, удовлетворяют ли Вас эти статьи мои, вероятно нет, потому они и меня ничуть не удовлетворили,⁹ доволен я в них только тем, что сказано под конец, что *события мудрее* всех самых умных соображений наших и что Греческая Византийская Империя есть большее зло, так что дело никак уже не в Эленизме, а в Церковности.¹⁰ Во всяком случае — прошу Вас, не судите меня за них строго, Вы не поверите — о *скольком разом* мне нужно думать. Судите не по примеру человеческого, т. е. по результату, быть может и недостойному дела, но по-Божески, взявши в расчет «*La difficulte vaincue*».¹¹ «Нуждницы» только «восхищают Ц(арствие) Неб(есное)».¹²

Итак, говорю Вам, как Гораций Меценату — «если ты сочтешь меня тем-то и тем-то, то этого с меня довольно»,¹³ и мне настаивать, чтобы и Мещерский заплатил бы мне за эти статьи особо, было бы и грех и стыдно, тем более, что еще дня за три до получения письма с предложением

прибавки, мы уже с Н. Н. Дурново сговорились и условились некоторым образом разделить труд: ему точность, классическая основательность и т. д., а мне легкомыслие и дерзость.¹⁴ Задерживало меня только то, что «Правосл(авное) Обозрен(ие)» очень трудно было достать даже и за деньги, и кончилось тем, что Ферапонтов¹⁵ даром дал надолго оба №№.

Получить же 200 р. в 1-х числах декабря в другой форме — было бы *очень важно*.

Я теперь обдумываю за раз: 1) как бы исправить для «Гражданина» 5-е письмо о «Вост(очных) делах», чтобы подойти к *готовому* (уже с 79 года) рассуждению — *Царьград — вольный город* (т. е. не должен быть вольный, а в личном соединении с русской короной),¹⁶ 2) Три главы «Голубя», 3) Как улучшить распродажу книжки моей «Новые христиане», она выйдет в продажу в субботу (завтра)? и еще многое другое, побочное. Вот если бы Вы Вашим золотым тонким и твердым перышком написали бы строчек 20 в «Петерб(ургских) Вестн(иках)» — порадовали бы Вы меня.

А пока, чтобы не оставлять Мещерского без моих произведений, не потрудитесь ли Вы предложить ему перепечатать хоть *по поводу недавнего суда «Стасюлевича»*¹⁷ или вообще по поводу борьбы с либерализмом, с какой-нибудь краткой рекомендацией от редакции и с объяснением, *откуда это взято, две мои старые статьи* из «Варшавского Дневника», которые, как я слышал, еще тогда во время «диктатуры сердца»¹⁸ понравились многим, например К. П. Победоносцеву и даже ныне царствующему Государю.¹⁹ Фамилию мою нужно оставить: я *тогда цензором не был, но не надо упоминать, что я и теперь сотрудник «Гражданина»*. Книжка «Новые христиане» будет Вам выслана на днях.

Прошу извинить мне мой ужасный почерк: и так это письмо отняло у меня от литературы *целое утро*, а если бы я стал писать четко, то отняло бы и два утра.

«Агапа тон филон-су ме та элатомата ту».²⁰

Так ли я написал?

Прошу Вас передать Марии Ивановне мое глубокое уважение и барышням Вашим мой поклон.

Ваш К. Леонтьев.

Каковы опечатки в «Гражданине», да и в «Варшавском Дневнике».

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Ед. хр. 73—77.

Цитируется:

7₂ 851—852; 8₂ 861.

¹ Источник не установлен.

² В это время в «Гражданине» печатался цикл «Письма о Восточных делах». См.: 8₂ 858—860.

³ Осенью 1882 г. Леонтьев познакомился со студентами университетского отделения Катковского лицея, посещавшими «пятницы» П. Е. Астафьева.

⁴ Постоянное положение (лат.).

⁵ Деньги были нужны для внесения процентов в калужское Общество взаимного кредита.

⁶ Цитата из книги Ж. де Местра «Des délais de la justice Divine» («О сроках Божественной справедливости»); 1-е изд.: СПб., 1815). Ср.: 6₂ 398.

⁷ Возможно, речь идет о племяннице Леонтьева Е. В. Самбикиной.

⁸ Имеется в виду письмо кн. Мещерского от 28 октября 1882 г., в котором говорилось: «Бога ради напишите о статье *Правосл(авного) обзор(ения)*, только Вы и можете; но не откладывайте; за статью пришлю отдельный гонорар» (цит. по: 8₂ 860). Мещерский призывал Леонтьева ответить на статью свящ. Д. И. Скобловского «Заметки на книгу Т. Филиппова „Современные церковные вопросы“» (ПО. 1882. № 9. С. 104—137; № 10. С. 318—354; № 12. С. 726—793). См. также: 8₂ 871.

⁹ Ср. в письме к Губастову от 4—19 июля 1885 г. (цит. по: 8₂ 860).

¹⁰ Имеются в виду последние два «письма», X и XI, носящие название «Будущность Царьграда» (8₁ 107—130). По указанной теме см.: 8₁ 110—111, 129—130. Ср. также: 7₁ 519.

¹¹ Преодоленное затруднение (франц.).

¹² Мф. 11: 12.

¹³ Имеется в виду Ода I Горация (22 до н. э.). Ср. в переводе А. А. Фета: «Коль ты меня почтешь лирическим певцом, / Я вознесусь до звезд торжественным челом».

¹⁴ У Леонтьева сразу установились доверительные отношения с Н. Дурново. 20 июня 1879 г. он писал Н. Соловьеву: «... издание газеты „Восток“ дает мне в первый раз в жизни возможность говорить то, что я думаю о Восточных делах. (...) Пусть „Восток“ продышит года два всего; и пусть я дышу — дело настоящее сделать можно» (7₂ 746). Здесь же имеется в виду «разделение труда» в возражении на статьи о. Д. Скобловского (см. примеч. 8). Дурново откликнулся на них статьями (без подписи): По поводу статей в «Правосл(авном) Обозрении» на книгу «Современные церковные

вопросы» Т. И. Филиппова // В. 1882. 10 окт. № 201. С. 394—396; 19 окт. № 202. С. 401—402; По поводу заметки в «Правосл(авном) Обзор(ении)» на книгу Т. И. Филиппова «Современные церковные вопросы» // Там же. 28 окт. № 204. С. 417—419.

¹⁵ Речь идет об А. Н. Ферапонтове.

¹⁶ Ср. в статье «Храм и Церковь» (1878): «... чего можно было ожидать, если бы Константинополь стал каким-то бессмысленно нейтральным городом и все это пестрое, самолюбивое и раздражительное население христианской Турции было бы предоставлено мелким страстям своим, без нашего „veto“ (...). Желать видеть Царьград каким-то всеевропейским вольным и *вовсе даже и косвенно не доступным для нас городом* может только простодушное незнание дела и преступное в своих тайных целях лицемерие» (7, 517). В декабре 1882 г. порядок цикла «Письма о Восточных делах» был нарушен смертью Гамбетты. Откликом на это событие стало письмо, получившее номер V. На момент же отправки письма Филиппову этот номер стоял, вероятно, на уже начатой следующей главе — «Какое сочетание обстоятельств нам выгоднее всего?».

¹⁷ Речь идет о запрещении газеты М. М. Стасюлевича «Порядок».

¹⁸ Так в либеральных кругах называли время, когда внутренней политикой Российской Империи управлял гр. М. Т. Лорис-Меликов.

¹⁹ Речь идет о статье «Чем и как либерализм наш вреден?». Будущий Император, прочитав статью по рекомендации Победоносцева, написал своему наставнику, что познакомился с ней «с удовольствием» (К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М.; Л., 1923. Т. I, полум 2. С. 1040).

²⁰ Возлюби друга твоего со (всеми) его недостатками (искаж. греч., пер. В. Б. Прозорова) — греческая пословица.

74

Филиппов — Леонтьеву

7 декабря 1882 г.,
Петербург

СПб. 7 декабря 1882.

Дорогой Константин Николаевич.

Как бы ни желал поговорить с Вами попространнее, но досуга нет; «аще же не имаши и не даси, ничто же тебе», говорит Василий Великий.¹ По сему по пунктам:

1. Если отношения Ваши с кн. Мещерским хороши (а по-моему даже превосходны), то не портите их просьбами, коих он исполнить не может.

Он напоминает мне Ивана Царевича, которого выносит из подземного царства баба-птица. Помните, когда у него не достало перед концом мяса, чтобы кормить бабу-птицу, он вырезал у себя икры и накормил ее. И эти 100 р. в месяц, которые платит Вам кн. Мещерский, не что иное, что вырезанные Иваном Царевичем икры. Зная это, я никак не могу просить его о высылке Вам 200 р. — Когда он будет побогаче, тогда и побалует Вас; а теперь нужно его побережь. Отношения Ваши вполне зависят от Вас; более Вами дорожить, чем он, невозможно. В 50 р. он отказал Вам, переговорив предварительно со мною, что должно Вас совершенно успокоить.

2. Тем, что написано Вами о Гр(еко)-Бол(гарском) вопросе,² я не вполне доволен единственно потому, что такая статья годится для людей, которые понимают уже дело и не имеют нужды в разъяснении. Она не может подействовать не только на заблуждающихся (напр(имер), Аксакова), но и на недоумевающих. А поп-то из Острогжска³ понятен будет всякому глупому и посредственному читателю. Но что Вы мазнули его, это не дурно: ибо вполне им заслужено. Это поп не выдуманный, а живой: Склобовский. Преосв(ященный) Леонтий его знает и хвалит его дарования. Второй статьи его я вовсе не видал.⁴ Не стоит, я полагаю, судя по первой. Как Вы скажете?

3. Перечитал Вашу статью в «Варшавском Вестнике»⁵ и был поражен ее достоинствами. Кн. Мещерскому советую напечатать ее в первом номере 1883 года.⁶ Дать о ней отзыв был бы очень рад, но в том же «Гр(аждани)не», а не в «С(анкт-)П(етер)б(ургских) Вед(омостях)», под именем какого-либо старца из Тамбова или Пензы.⁷

4. Попросите Е. А. Кожухова, чтобы цензура не придралась к изданию моих песен, которое будет представлено к вам на просмотр.⁸ Не примете ли Вы сего труда на себя? Боюсь невежества.

5. Читал речь в Палест(инско)м об(щест)ве и произвел впечатление. Хочу напечатать в «Гр(аждани)не».⁹

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 29.
Цитируется: 7, 852;
8, 861—862.

¹ Источник не установлен.

² См. п. 73.

³ Речь идет о свящ. Д. И. Склобовском. Острогожск — уездный город в Воронежской губернии.

⁴ См.: *ПО*. 1882. № 10. С. 318—354.

⁵ Должно быть: в «Варшавском дневнике». Речь идет о статье «Чем и как либерализм наш вреден?» (см. п. 73).

⁶ В тот же день Филиппов написал Мещерскому: «Леонтьев предлагает Вам перепечатать его статью, некогда помещенную в Варш(авском) Вестнике, о том, „чем и как наш либерализм вреден“. Статья замечательная! Нужно предпослать предисловие и оставить его подпись (он тогда цензором не был); но необходимо умолчать, что он теперь у Вас сотрудничает. (...) Статью Леонтьева нужно бы поберечь до Нового Года» (цит. по: 7, 852). Однако Мещерский статью переиздавать не стал (см. п. 75).

⁷ Филиппов, по-видимому, выступал в «Гражданине» под псевдонимами, но такие статьи еще предстоит выявить.

⁸ Речь идет о сборнике «40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым» (М., 1882). Предисловие к изданию впоследствии включено в «Сборник Т. Филиппова» (с. 212—220). В 1884 г. Филиппов создал и возглавил комиссию для собирания народных песен при Императорском Географическом обществе (с 1887 г. — комиссия для собирания и изучения народных песен).

⁹ «Речь, произнесенная в заседании Православного Палестинского Общества 2 декабря 1882 года вице-председателем Общества Т. И. Филипповым» впервые издана в «Гражданине» (1882. 12 дек. № 99. С. 4—7; 16 дек. № 100. С. 3—6; перепечатана: В. 1882. 16 дек. № 217. С. 520—522; 19 дек. № 218. С. 528—529; 24 дек. № 219. С. 537—538), вышла тогда же отдельной брошюрой, включена в «Отчет Православного Палестинского Общества за 1882—1883 г.» (СПб., 1883. С. 9—30), вошла в «Сборник Т. Филиппова» (с. 231—238).

1883

10—14 февраля
1883 г., Москва

75

Леонтьев — Филиппову

1883, 10 февраля, Москва.

(Письмо это было написано моей рукой, но так дурно, что, дорожа Вашими глазами не менее чем моими собственными, я велел его переписать одной родственнице.¹)

Давно я собирался написать Вам, Третий Иванович, написать просто «по душе», без всякой непосредственной и практической личной цели; но так как именно подобного рода письма выходят всегда длинные, а житейские попечения² действуют иногда, сами знаете, как утомительно, — то все и откладывал до более досужего дня. И вот сегодня решился доставить себе это удовольствие побеседовать с Вами! Прежде всего мне нужно было бы поздравить Вас с назначением сенатором. Мне объяснили, что это потому выгодно, что в случае какого-нибудь раздора с Госуд(арственным) Контролером или чего-нибудь подобного Вы как сенатор будете все-таки получать 8 тысяч рублей сер(ебром). Поэтому я очень порадовался за Вас, хотя Вы знаете, что я жду не дожусь для Вас другой должности, на которой Вас никто бы заменить не мог, т. е. Обер-Прокурорства Св. Синода. Ну, да вероятно и в этих задержках есть какое-нибудь смотрение Божие.³ Есть один пункт, по которому, пожалуй, Вы бы могли именно при Ваших способностях, при Вашей твердости и ревности Вашей и повредить Церкви. Вас это изумит, может быть, что я могу так думать о Вас. Да, именно о Вас. Ибо, мне кажется, только Вы бы могли осуществить великое дело восстановления Московского патриаршества. Дело это, конечно, великое, но по тому-то самому и опасное, даже очень опасное в виду близкого и неминуемого разрешения Восточного вопроса. Я считаю, что после разрешения Восточного вопроса тотчас же надо будет приступить к централизации Православной Церкви. Сила Католичества, конечно, ведь не в *filioque* и не в *immaculata conceptio*,⁴ а в крепкой централизации, для которой нет нужды даже и в единоличной «непогрешимости» *ex cathedra*.⁵

Надо нам, не изменяя ни на волос своему догмату, внести в строй Восточной Церкви именно то, что составило главную силу Западной. И если эта централизация (на Босфоре) будет иметь, так сказать, более аристократический (синодальный), чем монархический (папский) характер, то и пример светской администрации и светской политики доказал нам, что римский Сенат, английская аристократия, венецианская

знать и т. п. умели править не менее неограниченных монархов хорошо и крепко; с духом же и преданиями Восточной Церкви сообразнее Соборная или Синодальная «непогрешимость», чем непогрешимость единоличная. Вселенский Патриарх должен стать действительно Вселенским, он должен избираться всеми независимыми Церквями из иерархов этих независимых Церквей без различия и должен быть окружен и до некоторой степени *ограничен* постоянным Синодом из представителей этих Церквей. И хотя этот Вселенский Патриарх ни единолично непогрешим не будет, ни светской государственной властью, как Папа, облечен не будет, а будет только временно, но *до высшей степени* привилегированным подданным одной из держав, долженствующих войти в состав Великого Восточного Союза, — однако, так как и такая централизация еще в истории Православия была беспримерна, то и ее будет вполне достаточно для независимости и оживления Церкви. *Если мы этого не устроим, то мы изнеможем в борьбе с тем новым контингентом либерализма, европеизма и т. п., который мы встретим в среде Западных и Южных славян, румын и самих греков (ибо у них этой мерзости бездна) после разрушения Австрии и падения Турции.*

Нам, я часто думаю, нет более выбора между творческой организацией *новой*, в которую войдут и наши исторические начала, и каким-то в высшей степени *отрицательным*, решаюсь произнести слово, *революционным назначением* и в Европе и в Азии. И в Азии и в Европе разрушать старое, *не создавая ничего нового и своего...*

Укрепление Вселенской Патриархии было бы первым признаком, что мы созданы были не только для двух крайностей, прежде для безжизненного или маложизненного охранения, а потом для всеразрушительного движения *по чужому пути, но зато дальше всех.*

Если же создание этой великой Церковной опоры в Царьграде спасительно, то всякая однородная сила, могущая этому центру противодействовать, будет вредна и очень опасна, и такой однородной и опасной силой может быть только *Патриарх всея Руси*: другие Патриархи и все

другие Церкви слишком вещественно бессильны, или слишком паствой бедны, чтобы голос или воля их могли бы составлять противовес предполагаемому Великому Цареградскому Синоду со Вселенским Владыкою во главе.

Вот что мне *давным-давно* хотелось Вам сказать. И вот случай, где даже и *Вы можете быть опасным, если не возьмете это соображение в расчет*. А разумеется, если возьмете в расчет, то никто (из известных, по крайней мере, в России лиц) Вас заменить в этом поприще не может.

Я *давным-давно* собирался Вам все это написать, да очередь все до этого не доходила. Теперь сказал и на душе стало легче.⁶

О себе писать не то чтобы совсем нечего, а почти. Конечно, нашлось бы, но не придумаю, о чем именно писать, не знаю, что Вас может в моей жизни больше интересовать. Назначению Феокистова мы в Цензурном Комитете все очень рады.⁷ Кожухов от него в восторге, и я, когда он собирался ехать в Петербург, предсказывал ему, что он будет им доволен.

Московский Цензурный Комитет очень однороден и согласен по духу, и нельзя нам не радоваться назначению нам в начальники такого человека, который *знает, чего хочет*. Тогда как мнения Вяземского произвели на нас впечатление чего-то смутного, ненадежного и даже крайне досадного.

Назначению Кожухова в Петербург⁸ мы также будем рады в том случае, если у нас председателем сделают нашего Федорова.⁹ Тогда нам по делам службы будет очень хорошо — Кожухов нам в Петербурге поддержка, а Федоров — цензор в высшей степени опытный и весьма умный. Кожухов сообщил мне, что Евг(ений) Мих(айлович)¹⁰ назначил мне 300 р. временного вспомоществования.¹¹ Будьте так добры, если это Вас не затруднит, при свидании с ним передайте ему от меня искреннюю благодарность. По получении денег я напишу ему сам письмо с выражением признательности.

Примечание: Я переменял намерение и написал теперь Феокистову официальное благодарственное письмо.¹²

Преосвященного Никодима я теперь, к сожалению, вижу гораздо реже, как и всех друзей и знакомых, так будет до весны: от апреля до ноября — я живу, а от ноября до апреля — *только существую*. Снег и мороз стали последние года совершенно подавлять меня.

О Каткове скажу Вам, что он все-таки же двуликий Янус: лев в делах с либералами и *(скорее всего, в копии пропущено слово. — Ред.)* в отношениях личных. Очень я желал начать довольно большой и в высшей степени православный труд «Святогорские отшельники» (роман),¹³ но Катков даже и до разговора с собой не допускает. *А другого журнала нет!*

Вот и все. Я очень рад, что собрался наконец написать Вам это письмо. Прошу Вас передать Марии Ивановне мое искреннее уважение.

12 февраля. Решаюсь прибавить еще несколько строк по личным делам: если это Вас не обременит — обратите на это внимание, а в противном случае — забудьте все это.

1) Обе мои статьи «о либерализме» из «Варшавского Дневника» Мещерский не заблагорассудил почему-то напечатать.¹⁴ Когда у Вас найдется свободная минута — не потрудитесь ли Вы мне их возвратить (если они остались у Вас). «Варшавский Дневник» — би(бли)ографическая редкость и у меня нет других экземпляров.

2) Меня очень удивляет, почему Н. П. Барсуков, который показывал мне столько расположения и прежде, и здесь в Москве этой осенью, совершенно забыл меня с тех пор, как уехал в Петербург, и даже об общем нашем деле, т. е. о продаже «Новых христиан» *в пользу слепых*,¹⁵ ничего не пишет и *на письмо мое* даже не отвечает.¹⁶ Не прогневал ли я его чем-нибудь *нечаянно*. Ведь может и это случиться. Очень было бы любопытно знать причину его молчания. Здесь говорят, книжка идет порядочно, и я скоро возобновлю об ней объявление. О Петербурге ничего не знаю.

3) Князь Мещерский деньги высылает очень аккуратно, спасибо ему, но зато причиняет мне много горя и даже отчасти вреда тем, что отказывает мне в лишних №№. Мне нужно по совету одной весьма умной особы¹⁷ послать с *анонимным письмом* №№ в Париж к Leroy-Beaulieu,¹⁸

пусть гневается — и не имею ни одного лишнего. Выслал только 5-ый №.¹⁹ Обещает оттиски, и тех я не получаю до сих пор. А мне это *очень* нужно. А между тем как печатать оттиски с такими ужасными опечатками; у меня же нет ни одного лишнего №, чтобы поправить опечатки. Не знаю, какое бы средство употребить, чтобы его с этой стороны условестить или понудить, чтобы он дал мне оттиски *всех статей*.

Остаюсь Вам как всегда преданный К. Леонтьев.

14 февраля. Еще новость, касающаяся моей цензурной службы. Московские либералы (Юрьев и т. п.) особенно ненавидят меня и Назаревского (он профессором у Каткова в лицее) — они говорят, что мы оба не просто цензора, а люди партии (Катковской), что я просто *инквизитор*²⁰ и что само Министерство поэтому *так долго не утверждает в должности цензоров*.²¹ Есть будто бы *влияния*, мешающие этому утверждению, с целью изгнать нас при малейшей перемене «веяний».

Письмо написано под диктовку рукой М. В. Леонтьевой (местонахождение рукописи неизвестно).
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 78—82.
Фрагмент впервые: *Материалы*.
С. 489—490.
Цитируется: 7, 852; 8, 1045—1046.

¹ Имеется в виду М. В. Леонтьева. В это время она жила в Москве.

² Выражение из Херувимской песни («всякое ныне житейское отложим попечение»).

³ Словосочетание «смотрение Божие» Леонтьев часто употреблял и в своей публицистике.

⁴ Речь идет о догматах исхождения Духа Святого «и от Сына» (окончательно утвержден Католической Церковью в 1014 г.) и Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии (принят 8 декабря 1854 г.).

⁵ Догмат непогрешимости папы *ex cathedra*, принятый в 1870 г. на I Ватиканском Соборе.

⁶ Перефразированные крылатые слова «*Dixi et animam meam levavi*» («Сказал и облегчил себе душу»), восходящие к Иезек. 33: 9. Ср. в конце книги «Византизм и Славянство»: 71, 443. Ср. также в п. 80.

⁷ Имеется в виду назначение Е. М. Феоктистова начальником Главного управления по делам печати, чему способствовали Победоносцев и Филиппов. 11 декабря 1882 г. (год установлен по содержанию) Филиппов сообщил Феоктистову: «К(онстантин) П(етрович) вчера мне сказал, что Кн. Вяземский уходит (...). Говорил он еще прежде и о Вас с Гр(афом) Т(олстым); тот отвечал: „представьте! и у меня самого он на уме!“» (ИРАИ. Архив Феоктистова. № 9087. Л. 21).

⁸ Е. А. Кожухов в 1883 г. стал членом Совета Главного управления по делам печати.

⁹ В. Я. Федоров 23 февраля 1883 г. был назначен членом Совета Главного управления по делам печати.

¹⁰ Феоктистов.

¹¹ Решение о назначении Леонтьеву «в пособие на расходы по излечению болезни жены его» 300 руб. «из остаточных сумм» было утверждено министром внутренних дел еще 22 января 1883 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 31). Дело с выдачей этой суммы затянулось.

¹² См. п. 75 а. Этим письмом Леонтьев давал понять, что пособие ему еще не выплачено.

¹³ В этом романе Леонтьев хотел описать историю своего обращения в Православие. Сохранилось его письмо к Каткову от 2 декабря 1882 г., в котором говорится об этом романе: «Если бы роман „Две избранницы“ был бы напечатан, то можно бы легко сделать его чем-то вроде *вставной биографии Матвеева*, который бы явился главным лицом в более серьезном сочинении „Святогорские отшельники“» (цит. по: 5, 800).

¹⁴ Имеется в виду статья «Чем и как либерализм наш вреден?», в «Варшавском дневнике» помещенная в двух номерах (отсюда: «Обе мои статьи...»). См. п. 73 и 74.

¹⁵ На титульном листе брошюры указано: «Продается в пользу слепых города Москвы». Несмотря на реальную (благотворительную) подоплеку, в этом иногда видят иронию Леонтьева, обращавшегося к читателям как к духовным слепцам.

¹⁶ Барсуков ответил только 11 апреля; правда, возможно, что какое-то из его писем не сохранилось. Он объяснял причину задержки в передаче издателю 60 р., вырученных от продажи брошюры, и напоминал: «Вы забываете, что Вы полный собственник своего издания, а не кто другой. Принесенная лепта указывает только сочувствие и уважение к проповедуемому Вами против расплодившихся у нас *Новых Христиан*» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 2—2 об.).

¹⁷ Возможно, речь идет об О. А. Новиковой.

¹⁸ Имеется в виду А. Леруа-Болье, в те годы много писавший о России.

¹⁹ В № 5, от 30 января 1883 г., напечатано VI письмо из цикла «Письма о Восточных делах» («Какое сочетание обстоятельств нам выгоднее всего?»; С. 7—11).

²⁰ Ср. с позднейшими жалобами на Леонтьева-цензора в письмах С. Ф. Шарапова к Филиппову и Феоктистову: Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888—1890) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // РЛ. 2004. № 1. С. 113—115. Феоктистову Шарапов писал 18 февраля 1886 г. о своем разговоре с Леонтьевым перед выходом первого номера газеты «Русское дело»: «... Я был у него, имел с ним самый душевный, самый, можно сказать, дружеский разговор и вышел от него как приговоренный. Он считает, напр(имер), газету вообще как нечто

едва-едва терпимое в путном государстве, считает всякую критику даже какой-либо частности государственной политики прямым посягательством на прерогативы Самодержавной Власти, пусть даже это будет критика вполне верноподданного» (Там же. С. 114—115).

²¹ Леонтьев и В. В. Назаревский были утверждены в должностях 2 апреля 1883 г.

75 а
Леонтьев — Е. М. Феоктистову

Москва; 11 февраля; 1883 г.

11 февраля
1883 г., Москва

Милостивый Государь
Евгений Михайлович,

г. Председатель Московского Цензурного Комитета, по возвращении своем из Петербурга, сообщил мне,¹ что Ваше Превосходительство изволили назначить мне единовременного пособия триста рубл(ей) серебром.

Спешу выразить по этому поводу живейшую Вам признательность за таковое ко мне благосклонное внимание.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга К. Леонтьев.

В Главное управление по делам печати это письмо поступило 13 февраля 1883 г. В левом верхнем углу Феоктистов синим карандашом написал: «Разве еще не сделано распоряжение о том, чтобы г. Леонтьеву были выданы деньги?» Ниже простым карандашом: «Справьтесь (в) Д(епартаменте) О(бщих) Д(ел)».

Автограф: РГИА.
Ф. 776. Оп. 20.
Ед. хр. 285. Л. 32.

¹ «Сообщил мне» подчеркнуто синим карандашом.

26 февраля
1883 г., Москва

76
Леонтьев — Филиппову

1883, 26 февраля, Москва.

Тертий Иванович! Петр Евгеньевич Астафьев (которого Вы, конечно, помните) вчера сообщил мне весьма конфиденциально, что был у Феокистова и выразил ему свое желание быть ревизором на место Федорова, который будет председателем.¹ При этом он просил меня похотатайствовать о Вашей поддержке. Я знаю, что Кожухов рекомендовал некоего Беляева и что Вы и сами Кожухову рекомендовали его (впрочем, по просьбе одной дамы, а не совсем от себя). Я Беляева не знаю, может быть, он и очень хорош, но что из Астафьева выйдет цензор образцовый, строгий и нашего направления, за это я ручаюсь. Полагаю не лишним также взять в расчет и *те способности его*, которые превышают, так сказать, требования цензурной службы и которые могут пригодиться рано или поздно для других дел. Позволяю себе писать Вам обо всем этом потому, что знаю, как выше уже и сказал, что Вы стоять именно за Беляева не имеете, по-видимому, особых причин, и еще в виду того, что Астафьев сам уже был у Евг(ения) Мих(айловича) и — кто знает, быть может, произвел на него благоприятное впечатление. Во всяком случае, я бы очень желал, чтобы Евг(ений) Ал(ексеевич) Кожухов не догадался бы о моем участии в этом деле: он не скрывал от меня, что рекомендует Беляева, и его мое противодействие в пользу Астафьева могло бы оскорбить; а я видел и от него самого, и от всей его семьи столько внимания и любезности, что очень не хотел бы произвести на них по этому поводу неприятное впечатление. Что делать — и с одной стороны друг, и с другой хороший и любезный ко мне человек!... Сцилла и Харибда! Сегодня «прощальный» день,² простите и мне Христа ради, если я чем-нибудь Вам досадил или наскучил, и прежде всего простите, что ошибся страницей и не так начал письмо, и позвольте Вам пожелать благополучно переплыть великую пучину Четырехдесятницы.³

Марье Ивановне мое глубокое уважение.
Остаюсь неизменно преданный и признательный Вам

К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 83—84.

¹ Речь идет о В. Я. Федорове. П. Е. Астафьев поступил на службу в Московский цензурный комитет в 1885 г., во многом благодаря хлопотам о нем Леонтьева (см. примеч. 4 к п. 78).

² Прощеное воскресенье, день перед началом Великого поста.

³ Реминисценция из стихир на стиховне вечерни Сырной недели: «Яко да преплывше поста великую пучину...» Ср. в очерке Леонтьева «Пасха на Афонской горе»: «Греки при начале Великого поста нередко приветствуют друг друга так: „Желаю тебе благополучно преплыть Четыредесятницы великое море!..“» (6, 374).

77

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

24 мая 1883 г.,
Москва

Сегодня в 6 ½ часов обед во дворце; а завтра всенощная в храме Спасителя.¹ Таким образом ни сегодня, ни завтра наше свидание в назначенный Вами час не состоится. Но в половине третьего сегодня я мог бы приехать к Владимиру Сергеевичу (Соловьеву) и там пробыть до 4 или до 4 ½ часов. Это было бы отлично. Я останусь, впрочем, здесь «дни некия»² и после торжеств.³

Ваш искренний Т. Филиппов.

24 мая 1883

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 31.

¹ Речь идет о коронационных торжествах, начавшихся 10 мая и длившихся до 28 мая 1883 г. Филиппов прибыл в Москву 8 мая (см.: МВед. 1883. 9 мая. № 127. С. 4), а 14 июня из Ржева писал Феокистову: «... все время пребывания моего в Москве я был в постоянном водовороте...» (ИРЛИ. Архив Феокистова. № 9087. Л. 5). 24 мая состоялся обед «для послов и посланников с их супругами, членов Государственного Совета, сенаторов, первых и вторых чинов Двора, генерал-адъютантов, статс-сек-

ретарей, генерал-майоров свиты Его Величества, флигель-адъютантов, адъютантов Их Высочеств, статс-дам, камер-фрейлин, гофмейстерин и фрейлин» (Высочайше утвержденное расписание дней празднеств, обеденных столов, поздравлений, парадов по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств // МВед. 1883. 10 мая. № 128. С. 1). 25 мая служилась всенощная под праздник Вознесения Господня, а в сам день праздника состоялось освящение Храма Христа Спасителя.

² Несколько дней (ц.-сл.).

³ После этого до отъезда во Ржев Филиппов посетил фабрику Т. С. Морозова, а затем побывал во Владимире и Суздале (см.: ИРЛИ. Архив Феокистова. № 9087. Л. 5 об.—6).

78

Леонтьев — Филиппову

24 октября
1883 г., Москва

24 октября 1883 г. Москва.

Я давно не беспокоил Вас моими письмами, Третий Иванович, и сегодня я хочу писать не о себе, а об другом человеке — о Петре Евгеньевиче Астафьеве. Вы знаете, что он служит у Каткова, инспектором Университетского отделения в лицее,¹ и может быть, слышали тоже, что его хотят назначить 4-м цензором у нас в Комитете.² Весной Евг(ений) Мих(айлович) Феокистов сказал ему, что должность эта за ним обеспечена, но надо повременить, вследствие разных экономических соображений (передал мне это сам Астафьев). Астафьев человек *наш* и весьма способный; молодым людям в лицее он делает великую пользу своими беседами и вообще личным своим влиянием. Поэтому очень желательно, конечно, чтобы он своей инспекторской должности не оставлял бы, но с другой стороны Вы, который Мих(аила) Ник(ифоровича) Каткова знаете и цените по правде, Вы легко поймете, *что значит зависеть исключительно от него*. Это истинная, должно быть, каторга.³ Я, слава Богу, в такой прямой зависимости от него не был, но и тех литературных и денежных сношений, которые я с ним имел, достаточно, чтобы вообразить, каково в иные минуты положение человека, стоящего в более

тесной связи по должности и по пропитанию семьи с этим гениальным и пока еще незаменимым подлецом. Он способен *ни слова не говоря* перестать платить человеку и т. п.

Астафьев теперь болен (у него на языке какая-то хроническая болезнь, которая временно ухудшилась), а в лицее ведется, по-видимому, против него какая-то интрига. Катков же такой человек, что он тотчас же начинает ухаживать за тем, кто нашел себе что-нибудь хорошее *помимо* него. Некого Лаврентьева, напр(имер), он держал у себя в лицее без жалования месяцы, а когда тот нашел себе другую должность, то Катков рассыпался перед ним, *оставил его жить в лицее и стал платить ему деньги*. И я при подобных же переворотах видел его таким же в обращении со мной. Он словно уважает человека в счастье и ненавидит его и презирает в трудные минуты. Вот на основании всей этой мерзкой психологии Мих(аила) Ник(ифорови)ча я и решаюсь беспокоить Вас и просить, если возможно, походатайствовать у Евг(ения) Мих(айловича) Феоктистова⁴ за человека, который и сам по себе достоин полного внимания, и Вас глубоко уважает, и мне *истинный* друг. Я уверен, что как только его назначат цензором, так сейчас же и *тот зверь* сделается ручным. Вы любите делать добро, Третий Иванович, и для того, чтобы не прийти иногда в отчаяние при мысли о том, как часто с высоким умом сочетается в замечательных людях нравственная грубость, бессовестность и бессердечие, — стоит вспомнить только о Вас, о Вашей *твердой* доброте, о Вашей мужественной и *не по-русски* заботливой любви. Да, *не по-русски*. Вот эта-то черта всегда и восхищает меня в Вас: более русского человека — по вере, по вкусам, идеалам, по роду ума — и наименее русского по отсутствию небрежности и лени, беззаботности и той неисполнительности (которая меня беспрестанно в соотечественниках моих возмущает)⁵ — я не встречал еще! Я говорю Вам к слову здесь то в глаза, что за глаза про⁶ Вас повторяю. Мне привелось не раз вкушать плоды такого редкого в русском человеке сочетания качеств, о которых я только что говорил, и не хочу отчаиваться, что и дорогому для меня

Петру Евг(еньевичу) Астафьеву тоже придется вкусить от них. Прошу Вас передать от меня Марье Ивановне мое искреннее уважение. О себе не пишу, не стоит. Вернулся из Оптиной⁷ и опять принялся и за службу, и за литературу. Здоровье, конечно, плохо, но это Божья воля и так, видно, нужно. Обнимаю и целую Вас и остаюсь все тем же вечно признательным Вам и преданным.

К. Леонтьев.

Пишите по-старому в Цензурный Комитет.

¹ П. Е. Астафьев служил в Николаевском лицее с 1881 г. Лицей в память Цесаревича Николая (Катковский лицей) — частное учебное заведение, основанное в 1868 г. М. Н. Катковым и его другом П. М. Леонтьевым.

² См. п. 76 и — ниже — примеч. 4.

³ Ср. в письме к Б. П. Мансурову от 19 января 1884 г.: «Между нами будь сказано, Катков — это такой *глубокий подлец* с теми, кто от него зависит, что я мало и встречал таких, разве между разбогатевшими мужиками» (ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 1 об.).

⁴ Хлопоты об Астафьеве тянулись еще очень долго. 19 января 1884 г. Леонтьев обратился к Мансурову, прося его «походатайствовать через Головнина о скорейшем назначении Астафьева» (Там же. Л. 1). До этого он виделся с Мансуровым и передавал свою просьбу на словах («при последнем нашем свидании»; Там же. Л. 3), а теперь лишь усиливал ее письмом: «Обдумавши дело, я решаюсь писать Вам (...). Я, кажется, не забыл предупредить Вас, что Ев. М. Феоктистов, как слышно, сам твердо стоит за это назначение, и потому дело не в опасности предпочтения другого лица, а в проволочках из экономии, весьма в нашем ведомстве обычных, и с которыми можно было бы примириться, если бы личное положение Астафьева было бы в *настоящую минуту* сносно. — Но оно несносно. — Ему из 100 рублей, которые дает ему Катков, за разными вычетами остается только 40 р. в *м(еся)ц*. — Возможно ли семейному человеку, вдобавок довольно видно поставленному, жить не должая кругом в Москве на эти деньги. (...) А между тем — Астафьев — человек не только благородный и честный, но и весьма даровитый; — если ему теперь облегчить „борьбу за существование“, то он не только будет прекрасным цензором (это еще не хитро); но я *уверен*, что он скоро приобретет себе весьма почетное место в среде *самобытных русских мыслителей* и, быть может, история русской философии помянет добрым словом тех из нас, которые в черный день протянем ему руку помощи» (Там же. Л. 1—1 об., 3). Мансуров не замедлил исполнить просьбу. Так же поступил и А. В. Головнин, который сразу же написал Феоктистову. Тот отвечал 22 января. Ответ Феоктистова Головнин передал Мансурову, он сохра-

нился вложенным в приведенное выше письмо Леонтьева (оба документа в свое время были выявлены Г. Б. Кремневым). Феокистов писал: «...г. Астафьев известен мне с отличной стороны. Я имел уже случай лично обнадеежить его, что буду ходатайствовать о назначении его цензором, но дело это затянулось за неимением у нас денежных средств (...). Полагаю, однако, что в течение сего года удастся приискать средства и для остающейся вакантной должности цензора в Москве, для замещения коей нельзя, по моему мнению, найти человека более подходящего, чем г. Астафьев» (Там же. Л. 2). 26 июня Астафьев сообщил Леонтьеву о получении письма от Феокистова, в котором тот назначал ему «свидание» на 27 июня (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 13). См. также с. 256 наст. изд.

⁵ Позднее Леонтьев писал об этом о. И. Фуделю. Ср.: «Я ужасно люблю аккуратность и считаю русскую распушенность и безалаберность полезной *только в общественно-политическом отношении*. — Именно в том смысле, что *род наших пороков таков, что свобода нам вредна и равноправная легальность у нас едва ли привьется*»; «Не люблю я нашу чистую русскую кровь! Любил прежде крепко, но беспорядок, бесхарактерность, неустойчивость — надоели смертельно!»; «Любви у нас немало; но и в ней, как и во всем, много лени, небрежности, неустойчивости, и мало внимания, твердости и порядка» (письма от 10 августа и 28 октября 1888 г. и от 22 октября 1889 г. — *Преемство от отцов*. С. 99, 114, 168).

⁶ В копии исправлено на «о»; в автографе, скорее всего, был первый вариант.

⁷ Ок. 20 июля Леонтьев подал прошение о двухмесячном отпуске. 21 июля Федоров написал представление в Главное управление, где 26 июля было получено разрешение (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 35, 36). Приказ об отпуске датирован 3 августа (Там же. Л. 37). 2 октября Леонтьев обратился Феокистову с «почтительнейшею просьбой о продлении (...) отпуска еще на двадцать с лишком дней» (Там же. Л. 38). В тот же день послано и письмо начальнику Московского цензурного комитета (Там же. Л. 41). Оба письма продиктованы слуге Николаю и только подписаны Леонтьевым. 8 октября Федоров писал в Петербург: «Цензор Коллежский Советник Леонтьев, по окончании срока двухмесячного отпуска, представил в Московский Цензурный Комитет медицинское свидетельство о болезни и просит исходатайствовать ему продолжение отпуска еще на двадцать или двадцать пять дней» (Там же. Л. 39). 12 октября датирована положительная резолюция Феокистова. Официальное разрешение продлить отпуск на 25 дней см.: Там же. Л. 43; приказ, датированный 14 октября: Там же. Л. 44. (Свидетельство от козельского земского и городского врача Михаила Генкина, датированное 3 октября, находится в том же деле: Л. 40.) Однако Леонтьев вернулся в Москву 18 октября (Там же. Л. 45), не дожидаясь истечения продленного срока. Он сдержал слово, данное в письме к Феокистову: «Долгом считаю присовокупить, что я вернусь и прежде окончания отсрочки, как только почувствую достаточное облегчение» (Там же. Л. 38 об.).

27 октября
1883 г., Петербург

79
Филиппов — Леонтьеву

СПб. 27 октября 1883.

Дорогой Константин Николаевич.

Я очень обрадовался Вашему письму, ибо Бог знает, как давно мы с Вами не беседовали. И другая причина радости, грешная тщеславная: письмо Ваше напоминает акафисты. Отвечу на признательные хвалы Ваши превосходною и глубокою пословицею: хорош человек, что поит и кормит; а вдвое лучше, кто старую хлеб-соль помнит: До zde яже о мне.¹

О Петре же Евгениевиче позабочусь; начну, впрочем, с заботы о его языке, который скорее может быть излечен омиопафией² (это я только в письме к Вам так пишу) или маттеевскими средствами,³ чем обычным врачевством. Если есть серьезный омиопаф в Москве, то лучше всего посоветоваться с ним; если же нет, то опишите подробно болезнь, дабы я мог прислать по почте советы. Не пренебрегите этим. С Феоктистовым увижусь, вероятно, сегодня.

Московские купцы оказались низкими сквалыгами; очень скоро они познают и глубоко почувствуют, что они не уразумели дня посещения своего.⁴ Для предводительства в издании, которое им нужно, им даже по заказу не сделали бы плотно к их требованиям подходящего человека, как отвечаю им я всеми сторонами моего внутреннего и даже внешнего человека. Да не вменится им.⁵ А дело было по-видимому не далеко от осуществления.⁶

Вам не грех бы когда написать мне и без нужды и без требования ответа, мне же очень недосужно. Теперь занят вопросом об университетском уставе; езжу по сему делу в Гос(ударственный) Совет.⁷

Прощались ли Вы с Блаженнейшим Никодимом?⁸ Сильный человек.

Целую Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 27 октября (Преп. Нестора) 1883.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 30.

Ответ на п. 78.

¹ Досюда то, что относится ко мне (ц.-сл.).

² Гомеопатией.

³ См. п. 61.

⁴ Лк. 19: 44. Еще 1 мая 1883 г. Феоктистов писал Филиппову: «Следовало ожидать, что коммерсанты пожелают иметь газету органом своих интересов. (...) Ох уж Замоскворечье! Не легко расшевелить его» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2772. Л. 3).

⁵ 2 Тим. 4: 16.

⁶ Леонтьев был посвящен в ход переговоров Филиппова с московскими промышленниками о финансировании консервативной газеты. Поначалу эти переговоры обнадеживали. 14 июня Филиппов писал Феоктистову: «В самое последнее время дело о газете приняло весьма серьезный и благонадежный оборот. К участию в нем привлечен был председатель Нижегородского биржевого Комитета Пав(ел) Вас(ильевич) (вовсе не Анненков, а) Осипов, человек большого ума и необыкновенного влияния. На заседании он отстаивал мысль об издании газеты в Москве, не зная о моем в сем предприятии участии. Когда же он узнал про оное, то все усилия свои вознамерился устремить к достижению нашей цели. Когда Т. С. Морозов узнал от меня о таком повороте в намерениях Осипова, то совсем ожил (ибо он очень искренно желает газеты) и дело считает в отличном положении. Осипов же, с которым я беседовал очень долго и который питает ко мне издавна самые искренние чувства, сказал мне, что в успехе не сомневается и что на ярмарке (в июле) он придет к желаемому концу. Сообщая Вам об этом, прошу Вас и мне сообщить, как стоят дела вообще и не изменилось ли Ваше расположение к нашему предприятию. Я же, чем больше о нем думаю, тем более прозреваю в его безмерную важность» (ИРЛИ. Архив Феоктистова. № 9087. Л. 5—5 об.).

⁷ Περιпетηии обсуждения нового университетского устава подробно изложены в дневнике секретаря Государственного Совета А. А. Половцова.

⁸ Перед отъездом его в Иерусалим на патриаршество. 26 сентября 1883 г. Филиппов писал гр. А. Г. Толстой о пребывании блж. Никодима в Петербурге: «Патриарх произвел в Петербурге на всех, кто соприкасался с ним, весьма сильное впечатление: при прощании с ним заплакал даже Высокопр(еосвященнейший) Исидор, очи его редко увлажняются; при приеме Св. Синода, он (т. е. Патриарх) произнес речь, извлекающую слезы из очей Преосв(ященного) Леонтия и Преосв(ященного) Саввы. Кн. Долгорукий (С. А.) вышел от него весь в слезах. Он был у меня и благословил всех моих домашних, кроме Сережи, который был в гимназии и который принял его благослове-

ние потом на Троицком подворьи. Привет и ласки Блаженнейшего Никодима, сопряженные с поучением, легли в глубь его нежного отроческого сердца» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1264. Л. 293).

80

Леонтьев — Филиппову

25 ноября 1883 г.,
Москва

25 ноября 1883, Москва.

Я несколько опоздал поблагодарить Вас, Третий Иванович, за Ваше последнее письмо и за то, что Вы так охотно взяли на себя труд напомнить Феоктистову об Астафьеве. По-настоящему более всего надо бы выразить Вам признательность за Ваш любезный упрек в конце письма: «почему я не пишу без нужды и не требуя всегда ответа?» Признательность надо выразить, но и в оправдание надо бы тоже сказать очень и очень многое. Коротко скажу: *борьба в столице подчас уж слишком мелка и утомительна!* Рад иногда — *так посидеть* и не брать пера в руки. Прежде, пока я не служил, а сам в провинцию и в столицы приезжал свободным и на короткое время, худо ли, хорошо ли мне было (было иногда очень трудно), но было *много досуга*. А теперь эти верные и скромные 245 р. с(еребром) в месяц — все-таки не даром даются. Мне иные близкие люди говорят: «помилуйте, что Вам стоит цензурный труд, он так легко Вам дается и Вы отличный цензор — вышли почти шутя между неравными более тяжелыми заботами о недугах Ваших, вечно печальной участи Ваших литературных предприятий, о вопросах сердца и души. Что для Вас цензура? Это пустяки!»

На эти, пожалуй, и справедливые замечания, я обыкновенно отвечаю так: «конечно, я знаю, что мне не трудно быть хорошим цензором, несмотря на то, что меня многие „ругают“ *художником, идеалистом, больным* и т. п. невыгодными для деловой репутации именами,¹ — мне до сих пор всякая служба, как деятельность сравнительно низшего порядка, да-

валаась очень легко, и я вообще (кроме некоторых дней, в которые уж очень лезут с „гранками“ и „объявлениями“), я всегда удивляюсь: чему это вздыхают те из моих товарищей, которые кроме цензуры никакого призвания не имеют, но все-таки *при моем призвании, при 5-6 недугах*, с которыми я *разом* борюсь, в 53 года, при неизбежных общественных требованиях столичной жизни; еще и пустяки эти, с которыми пристают разные авторы, редакторы и типографии». Согласитесь! Ведь дня не проходит, чтобы не приходилось напоминать себе: «Молчи, неблагодарный! *Помни, что могло бы быть и несравненно хуже.* „Егда Бог за ны — никто же на ны“.² И если положение твое недостаточно свободно, если ты должен все-таки ежечасно бодрствовать умом, чтобы не впасть в неисправность по службе, — и через это тратить время и силы духа на дело такое, которое могут исполнять многие другие, — то это, конечно, от Бога, как и все, исключая греха». И еще: «Разве это не воля Божия, напр(имер), что не Филиппов близок к царю, а этот казенный и деревянный³ Победоносцев? Будь Филиппов на его месте, он бы давно сказал Императору: „это просто срам, что Леонтьев служит до сих пор цензором. Если бы ему дать 3 000 р. пожизненных в год, частью в виде обыкновенной пенсии, частью из особых сумм Царского Кабинета, то он жил бы где хотел и, конечно, гораздо более и лучше бы писал, чем теперь, ибо он дожил до 53 лет и *только раз в течение 3 ½ месяцев* имел в полном распоряжении свои литературные силы — это когда он занимался „Варшавским Дневником“. Долго ли он к тому же и проживет!“ И вот Филиппов этого говорить Государю не может, а Победоносцев мог бы, да не хочет (как *будто бы* и не понимает!). Ну, разве это не воля Божия? По-человечески судя — это все ужасно глупо и возмутительно даже, если дать себе волю раздражаться, но дальние цели Провидения неизвестны нам: быть может, Провидению и не угодно, чтобы такие люди, как Филиппов и Леонтьев, имели бы более влияния, чем они имеют теперь. Ему угодно, чтобы Филиппов терял время в Контроле, а Леонтьев за цензурой. Посмотрим, доживут ли они оба до взятия Царьграда и поймут ли *хоть*

тогда люди, власть имеющие, кто где нужнее?» Так — я беспрестанно вынужден размышлять, чтобы утешиться и ободриться.

Хоть бы раз, годиков на 5 не более, развернуть крылья во всю их ширину, а потом уж сказать: «ныне отпускаеши раба Твоего».⁴ Вы говорите: писать без нужды, но знаете ли, если я вздумаю писать по душе и подробно о том, что в самом деле меня занимает, то придется писать огромные письма, или «объективного», патриотического содержания, т. е. о таких предметах, о которых и Вы скажете сами: «лучше писать это для печати», или, напротив, о собственных чувствах, горестях, радостях (есть кой-какие радости) и делах, т. е. опять о чем-то вроде нужд; а нужд, не Астафьевских, не чужих, а своих собственных и самых настоятельных ...

И выйдет что-то вроде стонов и воплей досады, слегка умеряемых беспрестанными воспоминаниями о покорности и смирении, а Вам это наскучит и Вы легко даже можете принять все это за ропот на судьбу свою и, пожалуй, и за непризнательность за Ваши обо мне дружеские попечения. Лучше молчать и пусть думают друзья, что я доволен, и не тяготятся мною, чем говорить слишком искренно и подозревать, что подумают: «он ничем (!) не доволен, его удовлетворить нельзя!»

Напр(имер), если бы я стал Вам рассказывать только о моих литературных предприятиях, планах и „осуществлениях“, так сказать, то самые факты до того неутешительны, что и без всяких негодующих рассуждений с моей стороны — вышло бы довольно мрачно. И если бы я не хуже «акафиста»! после каждого рассказа восклицал бы даже «слава Тебе Боже наш, слава Тебе!»,⁵ — то Вы бы поняли, что это полупринудительное, полупривычное восклицание было бы подобно восклицанию одного болгарского монаха на Афоне, который, переломивши себе руку, закричал: «слава Богу, слава Богу».⁶ Вы бы, вероятно, вспомнили, что есть, однако, разница между этим «слава Богу!» и возгласом благодарности того же монаха в ином случае, напр(имер), когда ему на келью в лес вместо сухарей кто-нибудь принес мягкого белого хлеба. Приятен свежий

хлеб; перелом руки — душеполезен, и приятность его только косвенная по отношению к вечности.

По моим же делам литературным все *переломы*, а белого хлеба что-то не видно, и почитатели и ценители мои больше всё «конфиденциально» производят меня чуть не в гении (иные до этого доходили: напр(имер), Астафьев, и все в кабинете на словах), а *публично-то* не очень спешат заявить, что я и на свете-то существую... А Лесковы заявляют!⁷ Вот и «Новые христиане»: я надеялся, что хоть для слепых постараются люди добрые,⁸ ну хоть из духовенства кто... однако, до сих пор только Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев потрудился;⁹ да спасибо Лескову за его умную и острую брань. Всего экз(емпляров) 2400, а продано менее 700, завтра посылаю кн. Долгорукову в канцелярию для слепых едва-едва 165 р. 91 к(оп.),¹⁰ и то только благодаря тому, что из суммы, вырученной за продажу, за *объявления* платили.¹¹ Ну, а Барсуков-то честный буржуа и дельный человек?¹² «Слава Тебе Боже наш, слава Тебе!» Но за что? не за *белый хлеб*, конечно, а за то, что могло бы и *черного сухаря* не быть! Разве я не верно сужу? Поэтому не браните меня, если я тягочусь даже и для письма к Вам иногда взять перо в руки. *Стыжусь, стесняюсь, медлю, боюсь* и т. д.

Преданный Вам К. Леонтьев.

Прибавляю еще несколько строк для ясности. Столичная жизнь дорога и требует некоторых особых расходов, на которые у меня недостает и *не может доставать* жалования в 245 р. В начале моего поступления на службу цензором жалования было еще меньше. Невозможно было просто *прокормиться*; и Вы не хуже меня это знаете — просто вынужден был «побираться», и Вы с блаж(еннейшим) Никодимом только двое меня и поддерживали, но тогда было хорошо, что меня никто почти в Москве не знал, никто не видал, и я проводил почти все свое время с помешанной и бедной женой моей да с молодыми слугами, которых любил и отчасти воспитывал.¹³ Эта жизнь никому не доступная, никому не известная,

одинокая, со стороны, вероятно, очень мрачная, в большом доме без мебели, с оборванными обоями,¹⁴ с сознанием своей бесконечной греховности перед Господом и своей житейской, гражданской и литературной правоты перед ужасным, безмозглым, глупым большинством соотчичей наших — эта иногда нестерпимо тягостная жизнь — была, однако, по милости Божией, исполнена нередко величайшей сердечной теплоты. П a des grâces d'état,¹⁵ говорят католики. Одиночество мое и моя неизвестность среди большой столицы мне нравилась. По службе, я знал, у меня есть опора в Петербурге — это Вы. В Москве — Никодим поддерживал мой унывающий дух с великими искренностью и умом: мы часто беседовали и подолгу, и он сам со мной был очень откровенен. Я унывал не духовно, не о спасении души, а только житейски от крайней нужды и т. п. обстоятельств. Никодим старался пробудить во мне и житейскую бодрость, он говорил мне беспрестанно о моих способностях, убеждал смотреть даже на цензорскую должность как на временную («потому что (восклидал он с жаром) — это, брат, для тебя *очень ництозно*... Всякий дурак *может* быть цензором...»). Я возражал ему, что я до того устал, что мне это ничтожество только и годится и т. д. ...

С весны 82 года все вдруг или почти вдруг переменялось в моем положении. Стали обо мне говорить, стали хвалить и проклинать меня. Круг знакомых незаметно увеличился,¹⁶ с этим вместе *поневоле* явились новые требования, новые заботы, новые расходы. *А времени и здоровья не прибавилось*. Я стараюсь как можно меньшим жертвовать для этих знакомых: в очень многие дома хожу в поддевке, потому что тягочусь до невероятия крахмальными немецкими рубашками, а фрак, кажется, только два-три раза в 3 года всего надевал. Визитов до обеда почти никогда не принимаю: это для меня каторга, я в 3 часа уже голоден, а в 4 сажусь обедать, а эти светские люди тут-то и начинают звонить, это для меня ужасно; езжу сам куда-нибудь только вечером, одним словом — стараюсь с этой стороны как можно менее жертвовать собою, той жалкой долей свободы, которая мне остается от 5-6 болезней, от службы, от бессонниц, от

срочного и большею частью принудительного сочинительства. Однако уже один расчет не позволяет мне совершенно уклоняться от этих знакомств. К сожалению, я убедился, что через личные сношения даже (вот это ужасно!) и в литературе люди способны больше оказать поддержки, чем издали и для одной идеи. Примеров много, и в тяжелые минуты о них вспоминать отвратительно!

Пишу я постоянно не о том, о чем желал бы, а о том, за что заплатят скорее деньги. В 53 года у человека есть такие глубокие и тонкие привычки, что отказываться от них возможно только со стоном и рыданиями в монашеской келье, потому что там всегда есть, я знаю это по опыту, выбор — терпи обиды и унижения и покой свое больное тело и уповай там. Что сказать: смиряйся! ... Знаю... Терпи! ...

Значит, терплю, когда даже и человеку, подобно Вам, уже доказавшему мне раз свое искреннее участие, никогда еще не писал с такою откровенною раздражительностью. Конечно, Вы так разнообразны и у Вас так много оригинальной тонкости, что Вы, если вздумаете отвечать, то найдете форму...

Но, если и промолчите — я, сообразно желанию Вашему, не буду претендовать, приятно и то, что dixi et animam meam levavi!¹⁷ (Правильно или нет?)

Да, вспомнил: был у нас с бл(аженнейшим) Никодимом еще год тому назад серьезный разговор об Иерусалимском консульстве,¹⁸ о 8000 жалования и т. п. ... Теперь я его не видал, поздравлял его из Оптиной по телеграфу¹⁹ и получил от него благодарность, и только. Вероятно, он раздумал об этом хлопотать в Петербурге и хорошо сделал. Едва ли здоровье мое вынесет этот лихорадочный климат: на Востоке я здоров только в одном месте — на Босфоре. Это верно как $2 \times 2 = 4$.

За сим, целую Вас и прошу передать всем членам Вашего семейства мое глубокое уважение.

Остаюсь преданный Вам К. Леонтьев. Ответ на п. 79.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 86—92.

¹ См. примеч. 11 к п. 53.

² Рим. 8: 31.

³ Негативный эпитет, встречающийся и в публицистике Леонтьева. Ср.: «эта деревянная объективность» (6, 24); «в стремлении к всеобщему мирному и деревянному преуспеянию» (8, 298); «*унисон*, очень мирный *унисон*, (немного) скучный, немного деревянный и очень бесплодный...» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 202); «деревянный идеал» общего благоденствия «*на земном шаре*» (8, 595).

⁴ Лк. 2: 29.

⁵ Припев к праздничным канонам Спасителю.

⁶ Имеется в виду афонский монах Филарет.

⁷ Речь идет о статьях Лескова «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» (Новости и Биржевая газета. 1883. 1 апр. № 1. С. 1—2; 3 апр. № 3. С. 1—2) и «Золотой век (Утопия общественного переустройства. Картины жизни по программе К. Леонтьева)» (Там же. 22 июня. № 80. С. 1—2; 29 июня. № 87. С. 1—2).

⁸ Издание было предпринято «в пользу слепых города Москвы». См. примеч. 15 к п. 75.

⁹ Речь идет о его статье «Несколько слов о брошюре г. Леонтьева „Наши новые христиане“» (Русь. 1883. 1 мая. № 9. С. 39—43).

¹⁰ Сохранилась выданная Леонтьеву Канцелярией московского генерал-губернатора квитанция о получении от него пожертвования в пользу слепых г. Москвы (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 10). Датирован этот документ 9 февраля 1884 г.

¹¹ Объявления помещались в «Московских ведомостях».

¹² Подразумевается — этот дельный человек не сумел успешно продать брошюру.

¹³ Речь идет о Варе Своровой и Николае Орлове.

¹⁴ Леонтьев жил в то время в доме Боде в М. Песковском переулке.

¹⁵ Пребывание в благодати (*франц.*).

¹⁶ В 1882 г. О. А. Новикова свела Леонтьева со своим кругом. Кроме того, он сблизился с П. Е. Астафьевым и стал бывать на его «пятницах».

¹⁷ Я сказал и облегчил себе душу! (*лат.*). См. примеч. 6 к п. 75.

¹⁸ Историю несостоявшегося назначения Леонтьева в Иерусалим можно проследить по его письмам к О. А. Новиковой. 24 июня 1882 г. он просил: «...если силы позволяют, напишите, откуда Вы знаете об уничтожении Иерусалимской миссии? Пресв(ященный) Никодим, которого я вчера видел, — ничего не слышал и очень этим интересуется» (РГБ. Ф. 126. К. 3323. Ед. хр. 21. Л. 12—13). 10 августа Леонтьев уже всерьез думал «о возможности переезда в Иерусалим», но страшился этой возможности: «...Филиппов здесь и они с Никодимом этим вопросом усердно занимаются. — А я?... *Je laisse faire*... (Я предоставляю события естественному ходу; *франц.*) Но сам невольно думаю: „Господи! Да идет мимо меня сия чаша!“ Здесь — род зла уже

мне известен и я к нему привык. — Там — что-то новое и страшное!.. К тому же они с Филипповым выдумали, что жену мою надо будет „устроить“ в России иначе, и туда не брать, потому что она не в здравом рассудке и *будет неприлична*. — Я на это ни за что не соглашусь; — Бог с ними и с 8000! Или соглашусь для вида, а раз получивши место, обману и выпишу ее» (Там же. Л. 16—16 об.). 27 августа: «Иерусалим. — *Statu quo*. — Надо прежде, чтобы Никодима избрали Патриархом; но вы знаете, как я этого успеха боюсь! — И как я желаю неудачи! — Здесь я стал привыкать. — Теперь моя поэзия — это однообразие и порядок жизни; мне не нужно новых ощущений, они могут только помешать мне *выразить старые*, которым *конца нет* в памяти и воображении» (Там же. Л. 20 об.). 10 октября: «Патриаршество Никодима не удалось, и его политическое положение в Турции теперь будет очень трудное. — О моем назначении в Иерусалим поэтому нет и помину теперь. — И я *очень рад*» (Там же. Л. 30).

¹⁹ Т. е. поздравил с избранием в патриархи.

1884

81

Леонтьев — Филиппову

16—20 сентября

1884 г., Москва

1884 сентября 16, Москва.

Право, я не виноват, Тертый Иванович, но обстоятельства так слагаются, что мне все приходится писать Вам *об деле* или по поводу какого-нибудь дела. (Я помню Ваш дружеский укор,¹ но надо простить *невыразимо* усталому человеку!) Когда летом Феоктистов был проездом здесь,² я имел с ним очень короткое секретное объяснение у дверей Комитета. Он сказал: написать ему об этом, и я недавно написал³ и упомянул о том, что буду и Вам писать насчет способа выйти мне в отставку, *не на одну возможную* пенсию в 1200 р. (Наш председатель Федоров говорит, что 1200 р. имеют полное основание дать мне, а более едва ли возможно.) Не думайте, прошу Вас, что я «воображаю», будто бы легко (или что-нибудь в этом роде) добыть мне из другого источника еще пожизненных 1200 р. или по крайней мере 800. (На 2000, конечно, в Троицком посаде⁴ жить можно.) Ничуть я этого не «воображаю», но с другой стороны, я недаром прожил довольно разнообразно 54 года; и очень хорошо знаю,

что человек ни обманывать себя слишком определительными мечтами, ни опасаться попыток и предприятий через меру не должен. Теперь, сделавши этот шаг, подавши эту мысль, я по крайней мере буду иметь утешение, в случае неудачи — не себя винить, а кого-нибудь другого. Это тоже не малая иногда отрада нашей слабости!

Что касается до 6-месячного отпуска, о котором я тоже писал начальнику Гл(авного) Управления, то я его прошу не в том смысле, чтобы тотчас же по получении его ответа подавать прошение в Комитет, а только в том смысле, чтобы знать, благоприятно ли он на это смотрит, и иметь, так сказать, «в запасе» его приватное на это согласие. Меня это обеспечивает и успокоит, я теперь серьезно лечусь⁵ и мне то лучше, то хуже, и пока не испытаны все средства на месте, я не вижу причины спешить воспользоваться такой льготой. Я службой цензорской дорожу, я привык уже к ней, и она ничуть не обременяет меня, тягочусь я не службой самой, а столичной жизнью, когда мне становится хуже. Жить дорого, а писать что-то стало очень мало охоты. Все пишешь по принуждению. Да и *между нами*, признаюсь, очень не хотелось бы умереть среди всех этих будничных и мелких забот, а хотелось бы хоть $\frac{1}{2}$ года перед смертью пожить в тишине, безмолвии и созерцании. Я провел *один* со слугою целый месяц недавно на Троицком посаде в доме у знакомых,⁶ мухи даже не слышно было! Я и нашел, что это теперь для меня истинно блаженство! Но ведь это безмолвие, увы! покупается деньгами, простором и т. п. для больного и уставшего человека. Конечно, если бы Господь помог мне осуществить ту мечту — о 2000 или 2400 пожизненного содержания, то я немедленно бы переехал в посад. Но если эта мечта должна остаться мечтою, тогда придется, вероятно, доживать и умирать на службе; а на 1200 р. как-то страшно выходить в отставку. Вот что я хотел на этот раз сказать Вам, Третий Иванович, это продолжение нашего последнего разговора в Москве.⁷ *Просить* я Вас ни о чем не стану, считаю это лишним, ибо верю, что Вы так доброжелательны и так придумчивы, что многословие с моей стороны будет тут вовсе не кстати. Пора уж мне знать Вас.

Прошу Вас передать Марье Ивановне мое глубокое уважение и верить всегдашней преданности и признательности Вашего К. Леонтьева.

Р. S. 20-го сентября. Второй день мне опять хуже; слабею и признаюсь откровенно — сам не знаю, что делать. Очень хочется уехать в посад! Поближе к духовнику от(цу) Варнаве и на чистый воздух. Хотел было издать или, точнее выражаясь, напечатать собрание статей своих политических и т. п.⁸ «На прощанье», так сказать. Берутся, конечно, но хотя и с рассрочками, а требуют от 800 до 1000 р. 2 части (листов 40). Где же я возьму эти 1000 р.? А помощь? Нет! Человек при известных условиях — в старые года — становится не интересен и никому до него дела нет. Нельзя и осуждать за это: это неизбежно, видно, это даже полезно, потому что все глубже и глубже проникает, при всех этих новых и новых примерах ежедневной и мелкой безнадежности, в усталое сердце чувство удаления от всех земных, самых законных данных другим людям отрад. Но ободряет ли это *на труд* — ну это другой вопрос! Эд(уард) Гартман, пессимист, но и тот говорит, что человек талантливый, находящий себе удовлетворение в своем призвании, наслаждается несомненно.⁹ Что-то в этом роде. И это правда, что удовлетворять своему призванию — наслаждение, а знаете ли, Третий Иванович, что я это чувство испытал вполне только раз в жизни в течение 3-х месяцев, — это в то время, когда я писал что хотел и сколько хотел у Голицына в «Варшавском Дневнике». И чем же все это кончилось? Обыкновенным русским предательством¹⁰ и неудачей... С тех пор что-то оборвалось во мне, и я уже перестал писать *с удовольствием*, а пишу только *по нужде*.

К. Леонтьев

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 92—94.
Цитируется: 8, 776.

¹ См. п. 79, с. 256.

² Сведений о времени пребывания Феофистова в Москве летом 1884 г. найти не удалось.

³ Письмо не выявлено.

⁴ Исправлено в копии, было: на Троицком посаде. Имеется в виду Сергиев Посад.

⁵ 11 февраля 1884 г. Леонтьев писал о своей болезни племяннику: «... 4-ю неделю не выезжаю, не одеваюсь и едва хожу; у меня хроническое медленное воспаление толстых кишок. — Лечут; — но я плохо верю в выздоровление и понемногу приготавлиюсь в долгий путь. — Настроение духа слава Богу — хорошее и самое *подходящее к обстоятельствам*» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 36).

⁶ В августе во время своего отпуска Леонтьев жил в доме Н. А. Кротковой в Сергиевом Посаде. С ним был его слуга Николай. Документы о получении отпуска по болезни с 28 июля 1884 г. см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 47—49.

⁷ Филиппов приезжал в Москву в середине февраля (см.: «В Москву прибыли: тайный советник Т. И. Филиппов из Петербурга (остановился в доме Ахлестышевой, по Новинскому бульвару)...» (МВед. 1884. 15 февр. № 46. С. 4)) и в мае, когда он был вызван как свидетель на процесс Н. А. Булах (об этом процессе см. примеч. 3 к п. 155). На этот раз он остановился в доме гр. А. Г. Толстой (Там же. 17 мая. № 135. С. 3).

⁸ Задумал такое издание Леонтьев еще в 1883 г. (см.: 8₂, 776—777). В 1884-м оно приобрело название «Восток, Россия и Славянство».

⁹ Об этом идет речь в гл. «Научные и художественные наслаждения» во второй части книги Э. фон Гартмана «Философия бессознательного» (1869). См.: 8₂, 1057—1058.

¹⁰ Подразумевается, что никто из одобрявших газету на словах не поддержал ее в момент финансового кризиса.

82

Леонтьев — Филиппову

2 ноября 1884 г.,
Москва

1884, 2 ноября, Москва.

В первый раз с тех пор, как я знаю Вас, Третий Иванович, Вы так долго не отвечаете на мое письмо. Вы всегда изумляли меня скоростью и аккуратностью Ваших ответов; и это была одна из причин, которые заставляли меня говорить про Вас так: «Т. И. Филиппов *самый русский из всех известных мне русских людей по духу, по направлению, по вкусам и вообще по „культуре“, и вместе с тем один из наименее русских по нравственному строю своему* — твердый, верный, надежный, аккуратный в делах человек, без всякой сухости и холодности. Я соединение этих качеств мало

видал в своих соотчиках». И вот теперь уже около месяца, если не более — нет ответа. Если бы я знал, что это происходит от недосуга, от более важных забот, то я бы не тревожился и ждал бы терпеливо, когда очередь дойдет до меня. Но я не знаю причины и думаю Бог знает что. Я стал мнителен с годами и все думаю, не я ли чем-нибудь провинился? Не раздосадовал ли я чем-нибудь нечаянно этого человека, от которого я видел столько добра? Хорошо ли я написал письмо? Не написал ли чего-нибудь такого, что ему не понравилось? Я был так убит и расстроен болезнью, когда писал это письмо! Вот мысли, которые не дают мне покоя, и я прошу Вас, если между нами произошло какое-нибудь недоразумение, объяснить мне его; если я виноват — извинюсь, а Вы простите, если не сознаю себя виноватым (преднамеренно то есть), постараюсь оправдаться. Если бы меня не мучило это сомнение, я не позволил бы себе так скоро беспокоить Вас этим вторым письмом.

От Феоктистова я получил давно ответ очень любезный и несомненно искренний,¹ но я нахожу, что он, при всем моем старании быть ясным, не совсем так понял меня. Я очень хорошо знаю, что *прямо и официально* он, как начальник мой, не может ходатайствовать о какой бы то ни было сторонней прибавке к возможной или обыкновенной, так сказать, пенсии; я по словесному с ним уговору должен был написать ему о моих желаниях и предположениях насчет того, нельзя ли путем каких-нибудь *личных* и побочных влияний устроить мне это, чтобы я мог удалиться до конца дней моих из столицы? Он пробыл в Москве тогда так мало и виделись мы (в Комитете) так недолго, что словесные объяснения были невозможны. И я по желанию его написал откровенно. Он же отвечает мне хотя и с видимым и искренним участием, но *не совсем* на то, о чем я писал. Самое лучшее будет, если Вы потрудитесь сами прочесть его письмо, я его прилагаю с просьбой не забыть потом возвратить мне его. Я подчеркиваю то, что мне не ясно.

Конечно, гораздо проще и целесообразнее было бы приехать недели на две мне самому в Петербург, но что же делать, когда род моей новой

болезни таков, что на один день за себя не могу ручаться. Здесь я живу как машина, каждый час, каждое движение уже рассчитано и налажено, а в Петербург ехать, надо там хлопотать, ездить и т. п. А *кишки* мои живут своей жизнью и налагают на меня свои законы. Я и здесь, при всем том, что по доброте знакомых моих поставлен в привилегированное положение и насчет пищи и насчет костюма, — почти вовсе теперь не могу в чужих домах обедать, сейчас от незаметного почти оттенка в кухне моя *дизентерия* хуже. Хроническое расстройство моего пищеварения так сильно и упорно, что мне не по гостиницам столичным теперь разъезжать, а напротив того, надо думать только о том, как бы столичный воздух и столичный образ жизни переменить на что-нибудь иное.

Что Вы мне посоветуете сделать, Тертый Иванович? Научите! Отставку ли прямо просить? Еще не хотелось бы: страшновато на небольшую пенсию (наш председатель говорит, что 1200 р. мне дадут, но не более). Или взять пока *годовой* отпуск или *полугодовой* без сохранения *содержания*.² Может быть, как-нибудь в Оптине или в Троицком посаде на одном литературном труде в течение года перебыть и, если будет лучше, возвращусь к должности; а не получает — подам в отставку. Посоветуйте, Тертый Иванович. А об том, о чем говорит Евг(ений) Мих(айлович) Феоктистов, т. е. об том, чтобы я сам обратился к высокопоставленным лицам для исходатайствования *особой* сторонней прибавки к пенсии, об этом я и думать не стану: *самому* это делать неприлично и низко даже и при большой известности, это приличнее делать другим; и если другим это устроить невозможно или нет охоты, или не находят меня этого достойным, так как же я сам могу указывать на свои никому не нужные достоинства как публициста? Это уж очень унижительно и нагло. *Подать мысль* и замолчать — вот единственный способ, который я нахожу возможным. Это не пенсия за беспорочную *службу*, о простой казенной пенсии просить не стыдно. Это — *право*, а мысль о прибавке — *претензия*, и не мне решать, основательна она или нет. Буду ждать от Вас ответа, совета и даже выговора, если нужно, хотя ясной вины за собой не вижу.

Прошу Вас передать Марье Ивановне мое глубокое почтение. *Не вылежит ли она меня?* Вот уже около года бьюсь: то хуже, то лучше!

После Нового года, кажется, выйдут особым изданием все мои статьи (политика, социология, критика и т. п. за 15 лет) под заглавием: *Восток, Россия и Славянство*.³

*Позвольте мне посвятить Вам это издание?*⁴ Вы больше всех в России имеете в моих глазах право на такой знак уважения с моей стороны!

Остаюсь душевно преданный Вам К. Леонтьев.

Р. S. Все хочется пожить *напоследок поближе к церкви* и все не благо-словляет Господь ...

Тоскую об этом!

Автограф неизвестен
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 95—97.
Цитируется: 8, 781.

¹ Местонахождение этого письма неизвестно.

² Летом 1884 г. Леонтьев воспользовался 28-дневным отпуском по болезни (см. примеч. 5 к п. 81).

³ Первый том вышел в 1885 г., второй — уже в 1886 г.

⁴ Ср. в письме к К. А. Губастову (начало июля 1885 г.): «*Посвящение* мое ему вполне искренно и совершенно им заслужено. (...) Я знаю, что это „Посвящение“ Победоносцеву приятно не будет. — Но я, слава Богу — ни в семейных делах, ни в дружбе, ни в публичной моей деятельности подлой неблагодарностью не грешил (...) и слабейшего из мерзкой робости в жертву сильнейшему не приносил. — Это один из тех случаев, где честь и стыд, и самолюбие вполне совпадают с Христианской верой. (...) *не посвятить* Филиппову, когда уже на мысль это пришло, из холопства перед Победоносцевым (...) это и грех и стыд ...» (цит. по: 8, 782).

83

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 9 ноября 1884.

9 ноября 1884 г.
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Не отвечал я Вам столь долгое время по причинам разнообразным: по болезни глаз, по крайнему недосугу; более же всего потому, что знал об

отрицательном ответе к Вам Феоктистова, от которого зависит участь Вашего дела. Вчера я возобновил с ним свою о Вас беседу и склонил его поговорить с Победоносцевым, с которым он находится в самых близких отношениях и который один может принять на себя ходатайство пред Государем. Захочет ли П(обедоносце)в помочь устройству Ваших дел, не знаю; может быть — нет, а может быть и да.

Если он откажется теперь, то, может быть, поддастся влиянию Вашей книги, когда она появится. Я не могу иметь на него никакого влияния; даже мог бы еще повредить Вам, если бы употребил свое тут посредство.¹

Вашим намерением посвятить мне Ваше издание глубоко тронут; трудно представить мне что-либо более для меня лестное. Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 31.

Ответ на п. 81 и 82.

Прекращаю за недосугом.

Никакой вины, ни большой, ни малой за Вами я не считаю; ничего, кроме глубокой благодарности за Вашу любовь и за Ваше преувеличенное уважение к Вам не чувствую. В Петербург Вас не зову: что Вы здесь найдете, кроме тысячи оскорблений сердцу? Ὑπομονὴς ἔχετε τῇν χρεῖαν.²

¹ Отношения с Победоносцевым у Филиппова прочно испортились как раз в 1884 г.

² См. примеч. 1 к п. 21 (с. 129).

84

Леонтьев — Филиппову

30 ноября 1884 г.,
Москва

1884, ноября 30-го, Москва.

За последнее письмо Ваше, Тертый Иванович, всей душой благодарю.

Посылаю образец моего *посвящения*; ¹ не знаю, не найдете ли Вы в нем чего-нибудь неловкого или негодного. Я все становлюсь мнительнее и недоверчивее и к себе, и к другим. Все мне кажется теперь, или я *не так*

что-нибудь делаю, как следует, или что другие имеют что-нибудь против меня такое, что они не высказывают до поры до времени. Это уж неисцелимо, должно быть, — точно так же, как и моя хроническая и медленная «дизентерия» (она тоже не уступает и не *вдруг* уничтожает меня).

Вот и о попытках моих в Петербурге. Как и прежде Вам писал — *пробовать* я считаю позволительным и правильным,² но что выйдет — не знаю.

Хитрово (племянница Алекс(ея) Толстого)³ хочет в том же смысле найти средство повлиять на Вел(икую) Кн(ягиню) Екатерину Михайловну.⁴ Не знаю, будет ли из этого прок!

Издание моих статей к Новому Году, к несчастью, не успеет. Обещают к 1 февраля.⁵ Я что-то и этому не верю. Денег ведь с меня не берут (их у меня и нет), а будут печатать в кредит, а продажа до погашения типографских расходов пополам. Поэтому кто же станет стараться? Впрочем, меня утешает одно, что за дело этого издания взялся по случайному почти знакомству очень деятельный человек из того лагеря, а не из нашего.⁶ «Наши» разве-разве, засыпавши меня землею, станут посправедливее ко мне и поэнергичнее на короткое время. А хоть бы самые статьи все эти мои. Что-нибудь одно — или большая ученость и убедительность для ученых же людей, убедиться малосклонных и увлечься малоспособных, или *популярность*. Первого у меня нет. Что касается до слова *популярность* — то что же толку в легкости и популярности изложения таких вещей, которые никогда в распространенные издания не попадали? Прием популярен, род таланта, может быть, для популярности пригодный, но если я буду торговать и таким предметом, который может войти в моду, но буду держать товар мой не на Невском и не на Ильинке и Кузнецком мосту, а на Воробьевых горах или за Александро-Невской лаврой на выезде, — то многие ли туда поедут. «Восток», «Чтения Ос(ипа) Мак(симовича) Бодянского»,⁷ «Гражданин», «Варшавский Дневник» и т. п. Выгодно! И вот что мне предстоит, что я своей деятельностью, на которую я положил столько труда и любви и

которой я принес столько жертв, при жизни и с той части той пользы, которую я мог бы принести по ресурсам моим, не принес по внешним обстоятельствам, потому что *вынужден был* печатать не в популярных и влиятельных изданиях. А солидного накопления материала (à la Бокль, напр(имер), или даже как в «России и Европе» Данилев(ского)) у меня люди придирчивые и строгие в подробностях не найдут и позднего значения тоже мои сочинения не удостоятся. Я не скажу, чтобы я особенно сильно от этого страдал, понимать свое положение — не значит еще страдать от него *нестерпимо*. На что же тогда была бы вера? *Видно, так Богу угодно!* И кончено! Аминь.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 99—101.

Цитируется: 8, 778,

781, 787.

Собираюсь писать Соловьеву (Владимиру) возражение «Патриарх или Папа?».⁸ *Благословите!*

Остаюсь все так же преданный Вам К. Леонтьев.

¹ Имеется в виду Посвящение к книге «Восток, Россия и Славянство».

² См. п. 82.

³ С. П. Хитрово приходилась племянницей, собственно, не самому поэту, а его жене, гр. С. А. Толстой. Софья Петровна была женой леонтьевского друга детства, дипломата М. А. Хитрово. С обоими супругами Леонтьев тесно общался в Константинополе, особенно в 1867 г. и после возвращения с Афона. См.: 6, 310, 313—315. С. П. Хитрово в сентябре 1875 г. была послана рукопись «Моей литературной судьбы» (см.: 6, 307—309). В 1880-е гг. С. П. Хитрово жила отдельно от мужа, чаще всего — у своей тетки. В салоне гр. Толстой Леонтьев в московские годы стал частым гостем.

⁴ Семья гр. А. К. Толстого входила в круг вел. кн. Елены Павловны, отсюда и знакомство с ее дочерью, вел. кн. Екатериной Михайловной.

⁵ Первый том вышел летом 1885 г.

⁶ Речь идет о Н. Н. Бахметеве.

⁷ В журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских» была опубликована книга «Византизм и Славянство». См. примеч. 2 к п. 11.

⁸ Замысел остался нереализованным. Возражать Леонтьев собирался, скорее всего, на статью Соловьева «Славянский вопрос» (Известия Славянского благотворительного общества. 1884. Июнь), вошедшую позднее в первый выпуск его книги «Национальный вопрос в России» (1888). В этой статье предлагался путь к соединению Восточной и Западной Церквей — освобождение их церковно-политических принципов

(цезаро-папизма и папо-цезаризма) «от исторических злоупотреблений»: «Духовный авторитет первосвященника и государственная власть христианского царя не могут противоречить друг другу, исключать друг друга. <...> Точно так же нет никакого принципиального и справедливого основания для антагонизма между папским единовластием и соборным началом восточной церкви. <...>... Согласие, нарушенное злополучным разделением церквей, может и должно быть восстановлено. <...>... не нужно отказываться ни от чего своего истинного и существенного: нужно только отрешиться от предубеждений и недоразумений, порожденных давней враждой» (Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., (1905). Т. V. С. 62, 64).

85

Филиппов — Леонтьеву

5 декабря 1884 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Очень признателен Вам за честь Вашего посвящения, которым утешен и горжусь. Слово «глубокого» в Вас самих возбуждает сомнение: ¹ dans le doute abstiens-toi. ² «Одиночество» не требует эпитета; «полного» было бы лучше, но ему противоречит из самого смысла посвящения истекающее заключение о моем с Вами единомыслии, или по крайней мере о близком родстве наших понятий и чувств.

Попыток Ваших не останавливаю, но в успех их твердой веры не имею; разве появление книги Вашей пробудит внимание тех, от кого может идти помощь. Благодарю того (и удивляюсь ему) не к нашему лагерю принадлежащего предприимчивого человека, который, не сочувствуя содержанию Вашей книги, взял, однако, на себя труд издания ее, от коего устранились «наши». Но что значит «наши»? Кто есть «ближний» твой? ³ Осмотримся. ⁴ Ни Катков, ни Аксаков, ни кто-либо иной из националистов. Кто воздаст в мысли своей Божия Богови и Кесарево Кесареви? Аксаков, конечно, имеет своего рода почтение к Церкви, но несколько из-за Алексея Степановича и в его изображении; ⁵ а в своем истинном строгом и величественном образе она ему как-то не вполне угодна. Соловьев? Большой и сильный, самобытный ум. Орлий полет.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 32.
Цитируется:
Фетисенко О.
Вл. Соловьев
в «Голосе Москвы»
(новые материалы) //
Минувшее и
непреходящее
в жизни и творчестве
В. С. Соловьева. СПб.,
2003. С. 389; 8,
781—782, 778—779.

Но сколько своенравия и своемыслия. Писано же: горе оставлять глаголы готовые и предлагати своя.⁶ Не только благословляю Вас на задуманное предприятие, но и на помощь пойду, если стряхну с себя пригнетающее меня омерзение к встрече с читателями и писателями. Необходимо ограничить неудержимую произвольность его соображений и выводов. Смелости я не только не боюсь и не только не желаю ее спугивать, но радуюсь и рукоплещу ей; но ей должна сопутствовать осмотрительность.

Целую и обнимаю Вас. Сей час едет в Москву жена ради болезни ее матушки.⁷

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 5 декабря 1884.

Ответ на п. 84.

¹ Видимо, Леонтьев подчеркнул это слово в присланном Филиппову проекте посвящения. В итоговый текст оно не вошло.

² При сомнении воздержись (франц.).

³ Парафраз Лк. 10: 29.

⁴ Устойчивое выражение из языка Филиппова (встречается также в виде: «Осмотрим! вещает Гедеон», но в Книге судей, в VI—VIII гл. которой речь идет о Гедеоне, этого слова нет).

⁵ Имеется в виду А. С. Хомяков, его «катехизис» «Церковь одна» и другие богословские сочинения.

⁶ Источник цитаты не установлен.

⁷ Мать М. И. Филипповой — Н. П. Ираклионова.

1885

2 марта 1885 г.,
Москва

86

Леонтьев — Филиппову

2 марта 1885 г. М(осква).

Глубокоуважаемый Третий Иванович! Подательница этого Катерина Николаевна Детлова (дочь *когда-то бывшего* калужского и смоленского помещика)¹ желает иметь казенную педагогическую должность и она

теперь едет в Петербург, чтобы ходатайствовать об этом у Министра Народного Просвещения. *Диплом есть*. Я решился и осмелился дать ей это письмо к Вам в надежде на то, что Вы при Вашей *неутомимой*, так сказать, деятельной доброте и при Ваших связях, личном влиянии и весе не откажете подействовать как-нибудь в пользу этой в высшей степени достойной женщины. Я знаю ее с детства, мы вместе росли; она очень умна, весьма образованна, честна *à toute épreuve*² и характера столь твердого и мужественного, что я мало и встречал подобных.³ К тому же, она по-моему заслуживает сверх уважения и доверия еще и участия, как одна из множества жертв «благодетельных реформ».⁴ Рости чуть не красавицей на 800 душах в многолюдной и цветущей семье и теперь доживать свой век одинокой девицей в крошечном смоленском имении — это, конечно, стоит участия уже само по себе.

Я уверен, что она своим умом и основательностью мою усердную рекомендацию оправдывает. Здоровье ее, правда, плоховато, но занятиям ее это вообще не мешает. Да и многие ли из людей, занимающих серьезные должности, здоровы? Хоть бы меня взять: все хвораю, а председатель наш говорит, что я скорей всех сдаю рукописи и все кончаю.

Мои *планы* (известные Вам) надо пока до осени оставить.⁵ Осенью появится в продаже сборник моих статей — политических и т. п. Жаль, что много теряется времени на второстепенные пустяки, очерки и т. п.⁶ По нужде — Божья воля, что делать!...

Будьте здоровы, Третий Иванович, пошли Вам Бог всего лучшего и помощи Вам Господь не забывать глубоко преданного Вам К. Леонтьева.

Р. S. Марье Ивановне мое искреннее и живейшее почтение.

¹ «Катя Детлова» и «Николай Детлов» (ее брат) упоминаются в леонтьевской записке «Хронология моей жизни» под 1849—1850 и 1850—1851 гг. соответственно (б., 29). Ек. Детлова вместе с сестрами Анной и Елизаветой владела перед крестьянской реформой с. Сухоломы (Петровское) Мещовского уезда, находившимся в десяти верстах от Кудинова (см.: б., 118). Н. Детлову принадлежала д. Сосновка в том же уезде (б., 643).

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 101—102.
Цитируется: б., 642.

² Непоколебимо (франц.).

³ Ср. в п. 169 (к М. И. Филипповой).

⁴ Раздражавший Леонтьева штамп пореформенной публицистики. Его использовали даже И. С. Аксаков и Н. Я. Данилевский.

⁵ Леонтьев подразумевает подготовку к выходу в отставку.

⁶ К жанру очерка Леонтьев обратился еще в 1883 г., написав ряд «консульских рассказов». В 1885 г. (вскоре после этого письма к Филиппову) он продолжил работу над этим циклом.

87

Леонтьев — Филиппову

5 апреля 1885 г.,
Москва

1885 г., 5 апреля, Москва.

Простите, Третий Иванович, что я не тотчас же ответил на Ваше письмо.¹ Болен, по обыкновению, двумя-тремя болезнями разом. И сегодня правая рука болит и перевязана, оттого и почерк *не мой* и долго писать не могу. Впрочем, Влад(имир) Соловьев, кажется, писал Вам на днях обо всем, что нужно.²

Я передал ему, что Вы получили стихи на «Тейфельгардта»,³ он мне показывал, и я вот что сказал: у меня у самого ни одного теперь сатирического журнала нет... был «Зритель», но закрылся.⁴ Все иллюстрированные и сатирические журналы и газеты *подцензурные* и за ними в Москве смотрят очень строго. Я уверен, что ни один цензор их не пропустит, доложат Комитету и решат, что «*dans le doute abstient toi*»⁵ лучше зачеркнуть, мол. Кто знает, кто такое Тейфельгардт и т. п. Вообще, мы стараемся действовать противу сатиры, насколько возможно. А если хотите, я их возьму у Соловьева и свезу в Комитет, *когда выздоровею*, а теперь я не выезжаю.

«Голос Москвы» мне *ужасно* нравится,⁶ и хорошо было бы его спасти и поддержать, но *сейчас* я не могу ему ничего дать,⁷ кроме болезни и уныния (это постоянно), но я уже начал другое *для денег*,⁸ ибо они необходимы. Да и не знаю сам, *что* ему писать? Все-таки не «Варшавский Дневник», где я делал что хотел и когда хотел. Да и я сам был *иной* тогда.

С тех пор у меня крылья не поднимаются! Прежде я жил, чтобы писать, а теперь чуть не со слезами принуждаю себя писать, чтобы жить, ибо в Москве очень дорого и жалования все-таки недостает, хотя оно и хорошее... 345 р. в месяц — довольно: *это испытано*, а 245 — мало. Ну, и насилуешь себя писать и не знаешь сам, как бы Господь от этого продажного пустословия избавил! Дай-то Боже! Дай-то Боже! Может быть, *тот план* мой и удастся — удалиться или на Тр(оицкий) посад или и в самую Оптину. Издание статей выйдет в сентябре — 2 тома, *посмотрим тогда!* Здесь крепко держится слух, что Катков будет скоро министром Внутренних Дел.

Прощайте, Тертий Иванович, не забывайте меня грешного и Вас искренно любящего и глубоко уважающего

К. Леонтьева.

Р. С. Марье Ивановне мое почтение и низкий поклон.

Письмо было
написано рукой,
вероятно,
А. Т. Пронина
(местонахождение
рукописи
неизвестно).
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 102—103.
Цитируется: 6, 508.

¹ Местонахождение этого письма Филиппова неизвестно.

² За этот период известны лишь более поздние письма Ва. Соловьева к Филиппову — не ранее 23 апреля и от 2 мая 1885 г.: Соловьев. Письма. (Кн. IV). С. 165—167.

³ Сатирическое стихотворение Соловьева (текст его неизвестен). Под «Тейфельгардтом» разумеется Н. А. Энгельгардт (обыгрывается значение *нем.* слов Engel, ангел и Teufel, бес).

⁴ Леонтьев был одно время цензором этого журнала. Весной 1884 г. «Зритель» был возобновлен в третий раз (после очередного запрещения), но вскоре был прекращен окончательно.

⁵ См. примеч. 2 к п. 85.

⁶ Первоначально газету планировалось назвать «Москва» (письмо Н. В. Васильева к Филиппову от 25 февраля 1884 г.; ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1533. Л. 1—2). К сотрудничеству в «Голосе Москвы» Леонтьев, видимо, был приглашен самим Филипповым, негласным руководителем этого издания. 8 марта 1885 г. В. М. Эберман писал Леонтьеву после встречи с редактором газеты: «В(асилье)в просит, разумеется, Ваших „аффоризмов“; и говорит, это тоже разумеется» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 20).

⁷ Желая все-таки поддержать газету, Леонтьев написал для нее очерк «Священник-убийца (воспоминания консула)» (Голос Москвы. 1885. 5 мая. № 122. С. 1—2), продолжающий по теме его «консульские рассказы» в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1883). См.: 6, 53—60. В газете успел выйти только первый фельетон, и

она была приостановлена (6₂, 509). Тогда Леонтьев предложил очерк В. Г. Авсеенко в «Санкт-Петербургские ведомости», но тот не принял его. В результате переработанное произведение под названием «Арестованный» было напечатано в «Ниве» (1885. № 49). См.: 6₂, 507.

⁸ В это время был написан «восточный рассказ» «Ядес», опубликованный в «Ниве» (1885. № 26. С. 618—619, 622—623). Чуть позже был начат очерк «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне» (см. примеч. 8 к п. 126).

88

Филиппов — Леонтьеву

13 мая 1885 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Я буду в Москве 23 мая и выеду оттуда 26-го, с курьерским.¹ Ловите. Целую и обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 30.

СПб. 13 мая 1885.

17 мая выезжаю в Смоленск.

¹ Филиппов задержался в Смоленске (куда он ездил на торжества в честь открытия памятника М. И. Глинке) и прибыл в Москву позже, остановился, как обычно, «на Садовой улице, в доме Толстой» (Голос Москвы. 1885. 26 мая. № 142. С. 2). Речь Филиппова в Смоленске газета «Новое время» сочла «совсем бестактной». См.: Иванов М. Музыкальное торжество в Смоленске // НВр. 1885. 26 мая. № 3318. С. 2.

89

Леонтьев — Филиппову

3 июня 1885 г.,
д. Мазилово

1885 года 3 июня, Мазилово¹ (около Кунцова,
дача Ивана Вольнова).

Глубокоуважаемый Третий Иванович!

У нас с Вами столько всегда материала для бесед, а беседы так кратки и для меня так драгоценны, что всегда что-нибудь или забудешь, или

не успеешь сказать. При последнем нашем свидании² я от радости, что узрел Вас, согрешил, забыл исполнить один христианский долг. Есть в Москве некто Эберман, как водится, «образованный пролетарий»³ *очень хорошего* направления, умный, не лишенный даже и литературных способностей, обремененный женой с 3-мя детьми и постоянно бьющийся в безвыходной нужде. Его познакомил со мной года полтора тому назад Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев: ⁴ он его жалеет и передавал ему много своих денег, я тоже из последнего иногда делился с ним; вместе мы с Соловьевым у Хитровой за прошлую зиму устроили для него литературный вечер⁵ и собрали что-то около 200 р. Кроме того я уговорился с ним, чтобы он за меня хлопотал по всем моим литературным делам в Москве,⁶ и платил ему аккуратно 10 р. со всякой сторублевой бумажки, которую он мне приносил.

Но это продолжалось недолго: только пока я получал из иллюстрированного журнала «Россия» деньги за роман мой «Две избранницы», написанный *15 лет тому назад* (в 1870 г. *еще до поездки на Афон*) и в то время отвергнутый и Юрьевым для «Беседы» и Катковым для «Русского Вестника», а *запрошлого года благословенный*, так сказать, для печати, Оптинскими духовниками (специально отц(ом) Анатолием, начальником скита и учеником Макария и Амвросия).⁷

Деньги я из газеты «Россия» получил постепенно (1500) и платил Эберману, который в это время состоял в типографии Лаврова⁸ корректором и получал там 30 р. в месяц. Теперь все изменилось, я писать почти вовсе не в силах, ибо едва успеваю бороться то с катарром кишок, который то проходит, то возвращается, то со струпиями и язвами на ногах и руках, то с болезнью мочевого канала (которая всех других болезней моих менее мешает, но зато всех опаснее уже тем, что смерть от задержания мочи бывает или ужасно страдальческая, или в бреду от заражения крови мочою); сверх болезней — служба, сверх службы — хозяйственные попечения по дому, ибо жену мою Вы бедную знаете, а кроме ее в доме почти дети простолюдины.⁹ Так что я до сих пор, взявши

1500 рублей из «России», не то что новое писать, а и 2-ю и 3-ю часть готового, старого романа, не в силах исправить до сих пор *как нужно* по моим теперешним правилам, в духе более «церковном». А бедный Эберман между тем место свое в типографии без вины потерял (новый хозяин¹⁰ все изменил), мне свои 10 % не с чего платить — ничего не печатаю и почти не пишу нового уже 2 года; устроил я его было у Васильева, но горестная судьба «Голоса Москвы» Вам, я думаю, лучше моего известна,¹¹ Эберман мой с женой и 3-мя детьми опять без куска хлеба. Влад(имира) Сергеевича нет теперь здесь,¹² да и ему что-то в этом случае не повезло: своими деньгами он много ему помогал, но когда мы опять оба вместе стали искать ему места вроде управляющего домом и т. п., чтобы по крайней мере хоть кровлю и дрова ему обеспечить, то три богатые и важные, три очень жирные и три по-видимому добрые дамы, приятельницы Хитровой: Философова, Долгорукая и Самарина (Петра Федоров(ича)) — в одно ухо впускали наши просьбы и в другое, толстухи откормленные, выпускали (прости Господи! ...). Итак, Вы спросите, что же надо сделать?

Эберман иностранный подданный, хотя и родился и вырос в России, отец его был английский подданный, а так как возобновлять это подданство или приписываться в русское мещанство ему показалось сложным, дорогим и трудным, то он перешел из английского в *персидское* подданство; консул персидский был так добр, что внес сам за него необходимые какие-то 100 р., *но в долг* и теперь требует. Эберману хочется поступить в Московскую Контрольную Палату, это вероятно зависит *почти* вполне от Вас или хоть от Вашего влияния.¹³ Он справился уже и узнал, что *до ревизора* все низшие должности могут ему быть предоставлены, несмотря на иностранный паспорт. Состоя на службе (хоть бы и вольнонаемной) в казенном месте, он скорее, может быть, и управление домом за даровую квартиру себе бы нашел. У нас в Комитете секретарь Кривоблоцкий так устроился и давно неизменно. Я пишу Вам об этом так смело, ибо знаю, что Вы добрыми делами не только не тяготитесь, но *любите* их искренно и уступаете только невозможности.

Косвенно Вы даже и моим литературным делам сделаете этим большую пользу: так как мне не скоро найти себе и за деньги такого умного, сочувствующего, благодарного и добросовестного агента по типографиям, редакциям и т. п. «интеллигентным» трущобам, по которым таскаться не позволяют мне ни здоровье, ни род службы, ни даже, признаюсь, и личный вкус. Все эти необходимые (увы!) клоаки современной жизни я со всей силой искренности ненавижу. Пусть Бог мне простит, если тут примешана и какая-то тонкая гордость... Простите и Вы!...

Я очень скоро теперь устаю и от письменных занятий и потому отлагаю до другого раза беседу о других предметах и вопросах, о которых нам не пришлось поговорить. Будьте здоровы и для себя, и для доброй семьи Вашей, и для России... и... *для нас грешных и крайне Вас любящих...*

Книга выйдет совсем дней через 10.¹⁴

Остаюсь преданный Вам К. Леонтьев.

Здесь в Мазилове есть почтовое отделение. Если угодно, можете и сюда писать, но вернее *заказным*: боюсь.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 102—103.

¹ Мазилово было одним из самых дешевых дачных мест под Москвой (сейчас входит в черту города).

² В мае 1885 г., см. п. 88.

³ Выражение восходит к названию статьи Д. И. Писарева о Н. Г. Помяловском «Мыслящий пролетариат» (Русское слово. 1865. № 1).

⁴ Соловьев познакомился с В. М. Эберманом в декабре 1882 г., после чего писал И. С. Аксакову: «У меня был в Москве Эберман, кажется, отличный человек. Если увидите его, скажите, пожалуйста, что по возвращении займусь его работами» (Соловьев. Письма. Кн. IV). С. 14).

⁵ Вечер прошел зимой 1883—1884 гг. См. также примеч. 16 к п. 191.

⁶ В ГАМ (Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288) сохранились письма Эбермана; в 1883—1885 гг. это главным образом отчеты о его хождениях по типографам, издателям, редакциям и т. п.

⁷ Об истории этого произведения см. подробно: 5, 792—808. Первая часть опубликована в журн. «Россия» (1885. № 1, 3—10), вторая оставалась неизданной (впервые: 5, 143—195), третья утрачена.

⁸ Типография М. Н. Лаврова и К^о размещалась в собственном доме Лаврова в Леонтьевском пер. (д. 14).

⁹ Имеются в виду воспитанница Леонтьева Варя и ее муж А. Т. Пронин. Обвенчались они в конце мая 1884 г. 14 июня 1885 г. скончался их первый ребенок, Костя. «Он долго болел, и она с ним измучалась», — писал Леонтьев племяннику (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 3).

¹⁰ Новым владельцем типографии в 1884 г. стал М. Г. Волчанинов.

¹¹ Газета перешла к И. И. Зарубину, утратила церковный отдел и стала больше похожа на бульварный листок. Еще до появления газеты «Голос Москвы», в марте 1883 г., Эберман подумывал о сотрудничестве в «Московском листке» Н. И. Пастухова (см. письмо к Леонтьеву от 15 марта 1883 г.: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 4).

¹² Соловьев был в это время в Пустыньке, имении гр. С. А. Толстой под Петербургом. Чуть позже (вероятно, в августе) он и сам обратился к Филиппову с просьбой поддержать Эбермана, но его письмо пропало, и через три недели он повторил свою просьбу: «Я писал Вам, между прочим, об одном г. Эбермане, которому я вместе с И. С. Аксаковым и К. Н. Леонтьевым покровительствую уже четвертый год с большими тяготами для себя и малым успехом для него. Человек он способный и не лишенный некоторого литературного образования. (...) При всем том этот несчастный Эберман, обремененный большим семейством, не имеет никаких средств и не может найти никакого места и занятия, перебиваясь почти исключительно „благотворительностью частных лиц“. Пристроился он, было, к „Голосу Москвы“ постоянным сотрудником, но вследствие постигшей эту газету катастрофы не успел даже получить заработанных им денег.

Не будете ли так великодушны, глубокоуважаемый Третий Иванович, чтобы пристроить его куда-нибудь к любой из контрольных палат во всей Российской империи? Он человек лет 40 с небольшим и работать может. (...) ...к довершению всех бедствий, сей Эберман — персидский подданный!» (Соловьев. Письма. Кн. IV). С. 168—169).

¹³ Филиппов устроил Эбермана в Московскую контрольную палату, и Леонтьев мог «отложить попечение» о нем. К тому же и сам Эберман, по-видимому, чем-то огорчил тогда Леонтьева, на это есть намек в письме последнего к племяннику от 3 декабря 1885 г.: «Не переходи за черту моего долготерпения; — у всякого своя эта черта, вспомни Эбермана, для которого я находил удовольствие делать столько добра ...» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 15). Тем не менее, отношения не прервались совершенно, хотя и приняли другую форму. Положение Эбермана даже после устройства на службу оставалось очень тяжелым. 22 августа 1886 г. он писал Леонтьеву: «...Моя несчастная звезда не меркнет. С Третьим Ивановичем виделся, он кое-что почти обещал, но на другой же день утром уехал. У него сделался болен сын в то время, и это-то, как говорят, заставило его уехать неожиданно. Мои дела хуже чем были; кое-что распро-

пало, сторело, получек кроме 25 р. жалованья никаких и т. д.» (Там же. Ед. хр. 288. Л. 22—22 об.).

¹⁴ Первый том сборника «Восток, Россия и Славянство».

90

Леонтьев — Филиппову

6 июля 1885 г.,

д. Мазилово

1885, 6 июля, Мазилово (близ Кунцова)

дача Ивана Вольнова.

Я недавно только и совсем случайно через одного человека, который виделся с Лизав(етой) Ив(ановной) Погодиной, узнал, Третий Иванович, что у Вас было серьезное домашнее горе, что одна из дочерей Ваших была очень больна (не знаю, которая: замужняя или девица?).¹ Так как я сам, вы знаете, теперь почти калека (ноги болят и отекают и ходить нельзя), и с тех пор, как удалился на дачу за 5 верст от Москвы, очень мало вижу людей, то до меня все новости и слухи доходят очень поздно; мне бы очень хотелось бы знать, благополучно ли окончилась болезнь дочери Вашей и успокоились ли Вы теперь с многоуважаемой Марьей Ивановной? Не потяготитесь хоть два слова написать обо всем этом.

Книгу мою Вы, вероятно, уже получили от Марьи Ивановны Бологовской (дочери Ив(ана) Вас(ильевича) Киреевского)² — Ваша репутация доброты, твердости, верности и многодеятельности, вероятно, иногда и обременительна для Вас; к Вам *все* обращаются, и у многих очи «яко очи раба в руку господий своих» ...³ Иногда ведь это и тяжело, конечно. Но что делать, как говорят (или говорили): «Nobless oblige!»⁴ Так и еще более основательно можно сказать: Vertu, talent, succès ...⁵ Все это «oblige» и все это у Вас есть! Ибо хотя я и другие чтущие и любящие Вас люди и желали бы Вам для пользы Церкви, России и (пожалуй, так и быть!) человечества еще больше силы, влияния и успеха, но все это есть и теперь. Со стороны виднее — Вы знаете. Только беспрестан-

но и слышишь: «Тертий Иванович это может». «Попросите Т(ертия) И(ванови)ча» и т. д. *Вам ощутительнее препятствия, другим виднее достижения.*

Через это и меня люди ставят очень часто в крайне затруднительное положение. Знают о нашей близости, о нашем «единомыслии» и просят, и просят. Что же мне делать? Посудите сами! Вот и Марья Ивановна Бологовская приехала сюда ко мне на дачу и говорит, что хочет подавать Государю прошение об определении куда-нибудь начальницей.⁶ И опять то же: «Пожалуста, напишите Т(ертию) И(ванови)чу письмо». Я прямо ей отказал и вот что ответил ей: «Вы дочь Ив(ана) Вас(ильевича) Киреевского, Вы хотя и нуждаетесь („воспитывать сына нужно!“ ох, уж мне это *воспитание!*), но все не так, как другие. Память Ив(ана) Вас(ильевича), отца Вашего, Т(ертий) И(ванович) очень чтит.⁷ Вы и *сами по себе*, и как дочь отца Вашего, и без моего письма обойдетесь, и, вероятно, он не откажет Вам ни в совете, ни в иной поддержке, а я только что недавно ходатайствовал у него за другого человека, который в положении истинно ужасном, с женой и 3 детьми (т. е. за Эбермана, которому я просил доставить вольнонаемное место в Контроле).⁸ Поезжайте к Т(ертию) И(вановичу) сами, скажите, чья Вы дочь, и отвезите кстати ему мою книгу».

Я, признаюсь, ожидал вскоре после отъезда Бологовской в Петербург получить от Вас добрую весточку, но вдруг этот самый несчастный Эберман является ко мне и говорит с отчаянием: «Нет, это поистине что-то роковое! Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев и Вы оба ищите мне должность вот уже скоро 2 года и не находите. „Голос Москвы“, в котором я стал работать, прекращается,⁹ Васильев не в силах доплатить мне даже должные 30 р.¹⁰ Надеюсь на Филиппова, и у того заболевает дочь, как только дело коснулось меня, и т. д.». Таким образом я и узнал об этом. Ну, быть может, теперь все благополучно, и Вы удосужитесь написать мне что-нибудь приятное и ободряющее, как Вы всегда умеете. Да! я думаю, что ободрять меня теперь не мешает! Я впадаю все больше

и больше не то чтобы в уныние духовного рода, а скорее в глубокое равнодушие мирское. Писать что бы то ни было, а тем более повести — мне стало нестерпимо и ужасно. Может быть, если бы я жил при монастыре, в Троице¹¹ или в Оптиной, то (как не раз уже и бывало) по понуждению старца писал бы что-нибудь безвредное, а по своей воле — ни тени охоты. Просто — замучен мелкими, неисцелимыми недугами и только и думаю, что либо о загробной жизни, либо о телесном, почти животном покое. Да и думаю, что не от Бога ли и лень моя *сочинять*? Все же без этих *полулютых* (по крайней мере) воспоминаний¹² душа чище. Конечно, решить — от Бога или от дьявола это отвращение — может только *старец*, но ведь есть же разница между «Новыми христианами» и «Египетским Голубем», между «От(цом) Климентом» и «Одиссеем»... *Духовная*. Я думаю, от Бога, потому что цензурой (вещью безгрешной и средней¹³) занимаюсь очень охотно и жалею только на дороговизну Москвы. И когда вижу, что на *месяц* есть чем прожить, не занимая и не придумывая, что бы *сочинить* и напечатать для денег, да еще если при этом помолишься немного по псалтырю и Варсонофия¹⁴ или что-нибудь в этом роде немного почитаешь, то и совершенно счастлив.

Только бы, Третий Иванович, *не в миру умереть*, а на Посаде или в Оптиной. Положим, что душу спасти при милости Божией можно и в Дежневом переулке, в доме Авдеевой,¹⁵ но что же делать — «здесь-то», «долу» необходимы «иллюзии». И моя последняя иллюзия состоит в том, что смерть в монастыре *для меня* должна быть *иная*, более светлая, чем на своей квартире. К осени благословляюсь у отца Амвросия окончательно хлопотать об отставке. *Как он скажет, так и сделаю*, ибо я верю кой-как в свой разум, когда дело касается службы или других людей, но *почем я знаю*, что для меня в будущем душеспасительнее — служить или не служить! На днях у меня на даче был Влад(имир) Соловьев, мы очень теперь дружны; он собирается писать о моей книге (к сентябрю) статью.¹⁶ Где напечатает, не знаю. Губастов (из Вены) пишет мне и советует послать книгу мою в Париж Вогюэ при «остроумном», как он выра-

жается, письме.¹⁷ Я решительно отказался от этого и ответил, что самое большее, что я могу сделать — это послать Вогюэ в сентябре книгу *без письма* и даже *без надписи*. Положим (я Вогюэ знал в Царьграде¹⁸), он легитимист, современную Францию презирает, а Россию любит, «но (пишу я Губастову) мои русские единомышленники, почитатели и т. д. что-то все больше кивают и подмигивают мне на других, а сами находят 1000 причин уклоняться от отзывов и преспокойно дают либералам или замалчивать, или осуждать меня».¹⁹ Куда уж тут Вогюэ! Когда дома все сочувствия выражаются большей частью «конфиденциально» или «весьма секретно»! Это, видимо, от Бога, ибо по грубому «здравому смыслу» тут не найдешь никаких объяснений. Напр<имер>, покойный Маркевич и т. д. «Конфиденциально» — чуть не гений (мог бы и *цитаты* *честно* привести) ... «Вы у нас один!» и т. п.²⁰ Ну, а как написал: что же Вы хотели похлопотать о распространении брошюры «Новые христиане»? Так он подальше. «Вы, К<онстантин> Н<иколаевич>, сами *полный хозяин* издания».²¹ Ведь мне *совестно* было и грешно казалось получать деньги за произведения *церковного* духа. И за оба издания Климент²², кажется, случайно *рублей 15* получил, а все пожертвовал в Оптину.²³ И от<ец> Амвросий хорошее красивое 2-е издание большею частью даром посетителям дает²⁴ и близким мне людям говорил: «так для души К<онстантина> Н<иколаевич>а лучше!» Мою совесть и так мучает, что я в канцелярию Генерал-Губернатора на слепых только 100 р. за брошюру внес,²⁵ а по нужде до 150 р. сам затратил. Молю Бога — помог бы мне это возратить туда же (в канцелярию). Если еще вспомню Победоносцева, который при Вас и при стольких людях у Мещерского заявлял, что он признает *публицистами* только Каткова и меня,²⁶ а потом никогда и пустого шага не хотел в мою пользу сделать, или Маркевича, который в *письмах* восхвалял мои произведения и советовался, и даже отчасти *слушался* меня в деле создания Троекурова (которым я ужасно дорожил), и о котором я писал так охотно даже и не зная его прежде в лицо.²⁷ А он все *беглым шагом*²⁸ на месте *изготавливал* большой *этиюд* о моих повестях

для «Русского Вестника».²⁹ Или еще вспомню бедного (его цензорство совсем пропало³⁰)... П(етра) Евг(еньевича) Астафьева, который говорил во всеуслышание, что *теорией смещения и вторичного упрощения* («Визант(изм) и Славянство») я сделал «великий» шаг на пути развития исторической или социологической науки,³¹ и тоже около 3-х лет уже пишет *большие статьи* по этому поводу и нигде, кажется, им сбыта до сих пор не нашел... Или еще: Всеволода Крестовского, который в «Русском Вестнике» назвал «Одиссея» «прелестная эпопея» — ново-греческой жизни, а когда собрал все эти статьи свои в *сборник* (Военных Воспоминаний), *то долго стыдился послать мне свою книгу*, потому что вдруг что-то с ним случилось, и он все эти страницы об «Одиссее» выбросил...³²

Как же это все понять? Все разные оттенки: один делает простую обыкновенную русскую подлость, другой говорит себе: Бог ему поможет, а я не могу, третьему — все некогда будто бы (даже и на короткую заметку), четвертый благороден и усерден, но забывает поговорку: *«le mieux est l'ennemi du bien»*.³³ Хочет писать нечто большое. А сам запутан и ему изменяют и люди, и силы. Ну, разве не поучительно? И не остается ли только вздохнувши сказать себе: «Блажен человек, его же еще накажеша Господи!»³⁴

Это хорошо, очень хорошо! Но уж никак не для возбуждения к сочинительству... Не так ли? Сядешь у окошечка, да папиросочку и закуришь! Слава Богу! *На папиросы-то есть!*

Вот, кажется, Т(ертий) И(ванович), письмо такого рода, что после него нельзя Вам будет сказать мне, что я *только по делам пишу*. Дела и тут, положим, но иного рода («да не возглаголют уста мои дел человеческих!»³⁵).

Обнимая Вас крепко, остаюсь в то же время с глубоким почтением Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1023.
Л. 107—111.
Цитируется: 6, 640;
8, 789, 812.

¹ Больна была Мария Филиппова, в то время еще незамужняя. См.: Алексеева. С. 26.

² Леонтьев в Калуге в 1876 г. сблизился с младшим сыном И. В. Киреевского, Николаем. С дочерью же философа он, вероятно, познакомился, уже когда стал ее соседом по дому в Денежном переулке.

³ Неточная цитата Пс. 122: 2 («Се яко очи раб в руку господий своих...»).

⁴ Честь обязывает (*франц.*).

⁵ Добродетель, талант, успех (*франц.*).

⁶ Филиппов не отказал в этой просьбе, и с января 1886 г. М. И. Бологовская служила в Варшаве.

⁷ Киреевский в 1855 г. ввел Филиппова в круг старших славянофилов, рекомендовал его А. И. Кошелеву в качестве редактора журнала «Русская беседа».

⁸ См. п. 89.

⁹ Кристи писал Леонтьеву 28 июня 1885 г.: «Жалею я Голос Москвы; опять исчезла газета нашего лагеря» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 23 об.).

¹⁰ Эберман работал в «Голосе Москвы» корректором.

¹¹ Т. е. в Сергиевом Посаде.

¹² Реминисценция из молитвы «Пресвятая Владычице моя, Богородице...» («Избави меня от многих и лютых воспоминаний и предприятий...»), 10-й молитвы утреннего правила.

¹³ Средний — здесь в значении «ни полезный, ни вредный для души».

¹⁴ Имеется в виду книга «Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников» преп. Варсануфия Великого и Иоанна Пророка.

¹⁵ Деревянный коричневый дом купца Н. В. Авдеева, унаследованный впоследствии его дочерью А. Н. Авдеевой, находился в конце Денежного переуллка, там, где он перетекает в Малый Лёвшинский переулок, «впадающий» в Пречистенку. Ср. с адресом на открытке В. М. Эбермана от 24 февраля 1885 г.: «Денежный переулок, дом Авдеевой, близ церкви Покрова в Левшине» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 21 об.). Договор о найме квартиры подписал 23 октября 1883 г. М. Андросов, вероятно, приказчик Н. В. Авдеева. См.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 35.

¹⁶ Ср. в письме к Губастову от 9 августа 1885 г.: «Влад. Соловьев недавно был у меня на даче и сказал, что он хочет писать о моей книге статью в таком духе: — Леонтьев прав в том смысле, что вся жизнь должна быть основана на религии, и еще в том, что он верит в торжество социализма над нынешней буржуазией; — но социализм его не либеральный, а строгий... и т. д. Где поместить — не знает» (цит. по: 8, 790). А. П. Козырев был опубликован обнаруженный в РГАЛИ (Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 67—68; Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 23) черновой набросок к этой статье: Козырев А. П. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» // Начала. 1992. № 2. С. 67 (то же: Козырев А. П. Соловьев и гностики. М., 2007. С. 276).

¹⁷ Ср. в письме Губастова от 26 июня 1885 г.: «Пошлите один экземпляр Графу Мельхиору (Eugène Melchior) Вогюэ (через Редакцию „Revue de deux Mondes“. Paris. Rue Bonaparte. 11), при любезно-остроумном письме, на которое Вы были великий мастер. Vogüé один из немногих писателей, который, если захочет, то в состоянии познакомить Францию, а через нее и всю Европу с Вашими оригинальными воззрениями. (...) Обращение Ваше к Вогюэ ничего не будет иметь d'insolite (необычного, франц.), так как Вы его лично знаете, развивали ему прежде Ваши мысли и воззрения и теперь посылаете так сказать на его суд свод Ваших мнений о Востоке, России и Славянстве. Пусть, мол, он их оспорит, одобрит или осудит печатно...» (цит. по: 8₂, 811).

¹⁸ Э.-М. Вогюэ в 1871—1875 гг. служил секретарем французского посольства в Константинополе.

¹⁹ Леонтьев близко к тексту пересказывает свое письмо к Губастову от 4 июля 1885 г. См.: 8₂, 811—812.

²⁰ Сохранилось несколько писем Б. М. Маркевича с высочайшими похвалами роману Леонтьева «Одиссей Полихрониадес», статье «О всемирной любви» и т. д. (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 176).

²¹ Это письмо не сохранилось. Возможно, Леонтьев смешал в памяти письма Маркевича и Н. П. Барсукова. Последний писал 30 июля 1883 г.: «Что же касается до объявлений в петербургских газетах, то это должен сделать Карбасников и уплатить за них из вырученных денег. Вы же полный хозяин» (Там же. Ед. хр. 83. Л. 3).

²² Речь идет о двух изданиях «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни»: Варшава, 1880; М., 1882. Варшавское издание вышло под названием «Православный немец. Отец Климент Зедергольм».

²³ О благотворительных целях издания сообщалось в авторском предисловии к первому отдельному изданию: «Все деньги, которые, с Божьей помощью, могут быть выручены за это издание, поступят прямо на больницу, недавно построенную при Оптиной Пустыни» (цит. по: 6₂, 401).

²⁴ 27 августа 1882 г. Леонтьев писал О. А. Новиковой: «... От. Амвросий отдал в магазины для продажи только часть, а большую часть, кажется, оставил в Оптиной для даровой раздачи» (цит. по: 6₂, 401).

²⁵ См. примеч. 10 к п. 80.

²⁶ Этот разговор происходил в Петербурге в апреле 1880 г.

²⁷ Эпистолярное знакомство с Маркевичем завязалось у Леонтьева в январе 1880 г., затем они виделись в Петербурге (вероятнее всего, у кн. Мещерского) в апреле того же года. О романе «Перелом» (1880—1881) Леонтьев успел упомянуть в одной из статей «Варшавского дневника» (ВД. 1880. 6 мая. № 94. С. 4; см.: 7₂, 267), а затем откликнулся рецензией на выход отдельного его издания (см. примеч. 1 к п. 57). Появлению этой рецензии предшествовали письмо Маркевича от 12 августа 1881 г. (именно в нем он просил леонтьевских советов касательно образа Троекурова) и встреча в конце года

в Москве. 24 февраля 1882 г. Маркевич послал Леонтьеву отдельное издание романа и повторил просьбу о рецензии, а потом в новых письмах благодарил за нее. К мысли о Маркевиче (и именно в связи с образом Троекурова) Леонтьев обращался и в письме к Губастову от 4 июля 1885 г.:

«Он всякий раз, когда бывает в Москве, заезжает ко мне, сидит, советуется даже (в создании *Троекурова* — я, похваляюсь, принял немалое участие; — я говорил ему: „Ради Бога — никому и ничему не приносите в жертву достоинство Троекурова; — пожалуста, не подчините его как-нибудь *Сильной* женщине... Хоть бы этой Кире; — чтоб не вышел он у вас слабым Тургеневским героем... Это ужасно! Это *ложь*... С какой стати... я буду какой-то этой „сильной“ женщине подчиняться... Бросить ее к чорту, если не можешь преобладать!“ и т. д.). Относительно некоторых мест в романе „Перелом“ он прямо извинялся передо мной, что „воспользовался“ моими идеями и даже моими выражениями. — (Напр(имер), когда Троекуров верхом катается с Княжной Кубенской и развивает ей *почти то*, что развивается отчасти явно, отчасти между строчками в моем „Византизме“ и т. п.; или выражение „соединение чего-то великобританского с лезгинским“ (в Троекурове); это прямо из Варш(авского) Дневника). — Я говорил ему на это, что я очень рад, пусть пользуется, лишь бы ввести пропаганду правильных идей и вкусов. Писал он мне длинные письма, и в этих *частных* письмах превозносил „Одиссея“ и дру(гие) сочинения мои... Одно из таких писем кончалось почти просьбой написать что-нибудь о „Переломе“, и я *тотчас* же сел и написал небольшую заметку в „Москов(ские) Ведомости“. <...> И разные Катковские „труженики“ в Редакции говорили мне: „что Вы это, К. Н., чуть не сравнивали его с Толстым“...

Я ведь не стал все ждать возможности написать *когда-то* капитальную статью. — „Le mieux est l'ennemi du bien!“ (см. примеч. 33. — О. Ф.) — А написал *тотчас* же *достаточную* заметку... Он же, Маркевич, до тех пор *собирался где-нибудь печатно* высказать *то, что он* беспрестанно высказывал на словах и в частных письмах, пока, наконец, умер...» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 124 об.—124).

²⁸ Беглый шаг — бег, движение бегом (Даль).

²⁹ Статья так и не была окончена Маркевичем.

³⁰ Астафьева все-таки удалось с помощью Филиппова устроить на службу в Московский цензурный комитет. См. в Приложении 2 (с. 639) его письмо к Филиппову от 17 сентября 1885 г.

³¹ Леонтьев имеет в виду лекции П. Е. Астафьева «Симптомы и причины современного настроения (наше техническое богатство и наша духовная нищета)» и «Смысл истории и идеалы прогресса», прочитанные 13 и 19 февраля и 15 и 17 марта 1885 г. в Москве. См.: 8₂, 891—892.

³² Речь идет об исключении В. В. Крестовским из отдельного издания книги «Двадцать месяцев в действующей армии (1877—1878)» (Письма в редакцию газеты „Правительственный вестник“...)» (Изд. испр. и значит. доп.: В 2 т. СПб., 1879) фрагмента,

посвященного встрече с греком-доктором Одиссеем Полихрониадесом (см.: РВ. 1879. № 5. С. 203—205). См.: 4, 948.

³³ Лучшее — враг хорошего (*франц.*).

³⁴ Пс. 93: 12.

³⁵ Пс. 16: 4.

91

Филиппов — Леонтьеву

11 сентября 1885,
Петербург

СПб. 11 сент⟨ября⟩ 1885.

Возлюбленный и вожделенный
Константин Николаевич!

Вчера был у меня Владимир Сергеевич и смутил меня, сообщив о Вашем подозрении.¹ Помилуйте! Если в обыкновенное время мои чувства к Вам не возбуждали в Вас никакого сомнения, то ныне кольми!² Неужели Вы думаете, что я не тронут посвящением Вашей замечательной книги моему имени? Тем более ценю эту высокую честь, что Вам не простят этого шага мои презренные, но сильные враги, коим дано «творити пакость три лета и пол».³

Круг моих друзей редеет; некоторые из них уже приступили к предательским изворотам и проделкам, ища души моей.⁴ Такая ли это пора, чтобы удаляться от тех друзей, с коими меня неразрывно связует золотая цепь единомыслия в предметах священных, составляющих основу жизни временной и вечной?

В виду ополчения возмогающих лжебратий, нам, верным нашему Богу до смерти, нужно еще ближе жаться друг к другу и молить непрерывно Господа и Спаса, да оградит нашего чистого, благородного, народолобивого Государя и наш благочестивый народ от новых сетей, расставляемых лицемерием, и не предаст в их ловитву Церковь Свою Святую, юже стяжа кровию Своею.⁵ Времена чрезвычайно трудные для Православного Христианства и для верных слуг Государя и родной земли.⁶

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 1—2 об.
Впервые: *Нестор*.
С. 176.

Кончаю за недосугом!

Обнимаю и целую Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ 1885 г. — время наибольшего взаимопонимания Филиппова и Леонтьева, с одной стороны, и Соловьева, с другой. Соловьев печатался в близкой Филиппову газете «Голос Москвы». «Подозрения», навеянные встречей с Соловьевым, видимо, касались охлаждения в отношении Филиппова к Леонтьеву.

² Колями — тем более, насколько (ц.-сл.).

³ Ср.: Откр. 13: 5. Здесь подразумевается К. П. Победоносцев, отношения с которым в эту пору были уже обостренными.

⁴ Ср.: 1 Цар. 20: 1.

⁵ Цитируется ирмос 3-й песни канона Сретения Господня («Сушу глубородительную...»): «Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию».

⁶ Ср. в письме к Феофтистову от 13 июня 1885 г.: «Жить становится не только трудно, но даже стыдно! Провалился бы сквозь землю! (...) Два управления, ведающие духовную сторону государственной деятельности, — Церковь и М(инистерст)во Н(а)родного Пр(освещения) — ежедневно покрываются позором. Откуда же быть восстановлению? И на что могут быть надежды?» (ИРЛИ. Архив Феофтистова. № 9087. Л. 15 об.).

92

1 октября 1885 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

1 октября 1885 г. Москва.

Тертий Иванович!

Сегодня Покров.¹ К обеду пойти не мог, потому что *одна из чередующихся 4-х болезней моих усилилась* и потребовала опять долгого заключения, но я сделал вот что: *разделил акафист Божией Матери всех скорбящих*² пополам (из грешной лени), половину сейчас прочел, а половину оставил, чтобы прочесть позднее, и сел Вам писать. Получивши Ваше письмо от 11 сентября (которое Вы почему-то называете

«малодушным», по сообщению М. И. Бологовской.³ Почему это?), я успокоился, что Вы на меня не гневаетесь, а благодарить и выразить мое удовольствие по этому поводу опоздал, просто потому, что обременен теперь литературным трудом,⁴ а сил телесных все меньше и меньше, и я вынужден соблюдать в занятиях строгую меру и несколько медлительную очередь. Простите поэтому мою невежливость.

Что касается до «подозрений» моих, то были «факты», которые заставляли меня задуматься. Говорить я об них в этом письме не буду, так как Вы подозрения эти Вашим дорогим и милым письмом рассеяли, но если Бог приведет свидеться, расскажу все.

Посылаю Вам письмо К. П. Победоносцева, присланное им еще из-за границы.⁵ Я знаю, оно Вас как доброго человека и христианина порадует хоть немного. *Он лучше отнесся ко мне и моей книге, чем мы ожидали.* Не знаю, что будет, когда я (к Новому Году) издам 2-ой том (где будут все те статьи «Варшавского Дневника», которые, помните, заставляли его говорить при Вас у Мещерского в доме, что есть только в России два публициста: «Катков и я» и «что я будто бы беру дело глубже за корни, чем Катков»)).⁶ Захочет ли он тогда *сделать* для меня то, о чем мы не раз с Вами говорили,⁷ но пока он, видимо, отнесся к делу добросовестно и *посвящение* мне простил, если не по движению своего сухого сердца, то по рассуждению все-таки серьезного ума. Не знаю, как Вы на это взглянете, а я предпочитаю предполагать хорошее в людях в случаях сомнительных.

Второй том очень меня теперь беспокоит. Чувствую, что надо бы бездну прибавить нового теперь в примечаниях,⁸ но нет ни времени, ни сил, и потому сдаю с небольшими поправками гранки в типографию, приговаривая как Пилат: «еже писах — писах!»,⁹ да еще прибавляю: «le mieux est l'ennemi du bien».¹⁰

Победоносцев показал по крайней мере вид, что «посвящение» его не оскорбляет, а Катков, так тот, при своей гордости, не скрыл от одного близкого ему человека,¹¹ что ему «смысл этого посвящения кажется

странным; отчего же не посвятить книгу человеку, которого он (т. е. я) уважает и любит, но зачем же говорить об *умственном одиночестве*, когда многие из этих статей были помещены у нас в „Русском Вестнике“». Так он сказал своему близкому человеку, «близкий» мне это передал, а я говорю: «разве можно сравнивать: тот в течение 10 лет лично заботился обо мне как друг, и в умственной сфере не только по церковному вопросу, но и по множеству других у нас почти полное единомыслие; тот допускал мои статьи с большим разбором и отвергал их нередко из-за второстепенных оттенков,¹² а что касается до личных отношений, то этого и сравнивать нельзя, тот меня больного сколько раз не забывал посещать, несмотря на всю кратковременность пребывания в Москве, поддерживал меня добрыми письмами издали во дни жесточайших испытаний» и т. д. и т. д.

Впрочем — в этой маленькой «ревности» великого (конечно, он все-таки «великий» человек, хотя в церковном деле становится явно вредным) человека есть и хорошая сторона: значит, он моей книге придает серьезное значение. Тот «близкий ему» человек, о котором я только что говорил, надеется, впрочем, (особенно благодаря тому, что Катков болгарам теперь очень недоволен¹³) «провести», как говорится, в «Москов(ских) Вedom(остях)» очень тонкую статью «и нашим и вашим» — с целью рекламы для моей книги.¹⁴ В душе он, видимо, нам больше сочувствует, но зависит вполне от Каткова и отчасти благодаря этой зависимости, отчасти благодаря своему уму и ловкости — один из немногих имеющих на него влияние. Не знаю, что будет дальше, а до сих пор все обстоятельства слагаются для моей книги довольно благоприятно. *Либеральная* «Русская Мысль» отзывалась о ней весьма уважительно,¹⁵ Гиляров-Платонов, который меня 10 лет «игнорировал», напечатал теперь большую и очень лестную статью: «глубоко одно», «верно другое» и т. д., хотя и с весьма странными возражениями (напр(имер), что для *настоящего* Православия нужно не то, что я зову «Византизмом», избави Боже! а надо вернуться ко временам до Константина,¹⁶

что же это? *Языческого* императора нужно? Гонения? *Политеиста*-государя непременно, мусульмане за веру собственно не гнали, они преследовали политические и даже просто гражданские поползновения христиан. Надо отвергнуть и *Никейский Символ веры*, ибо до Константина его не было и т. д. — чудно что-то?).¹⁷ А все-таки его статья доставила мне удовольствие. *Подумав* еще, может быть, пошлю и Аксакову книгу с небольшим письмом,¹⁸ Вы как хотите, а я славянофилам много обязан и Вас очень уважаю. Так позвольте, мол, «повергнуть» и т. п., и это будет совершенно искренно, я славянофилов старых люблю и уважаю, а они никак не могут понять, что *мы из них вышли*.¹⁹ Это для них неприятный сюрприз и наша последовательность их раздражает.

Хорошо, если б «Кит Китыч» Страстного бульвара²⁰ допустил бы хитрый отзыв своего «близкого человека»! Объявления только очень дорого обходятся. Не устроите ли Вы мне в Петербурге побольше даровых? Но где?

Два слова о Петербурге. Вы пишете, что времена очень трудные. А когда эти времена были легки? Для кого-нибудь они всегда были трудны. При Николае I для одних, при Александре II — для других и т. д. Для Вас, деятелей центральной политической машины, теперь, может быть, и очень трудно, а нам издали все очень нравится; я здесь каждый день слышу похвалы; *направление общее* правильно, *чутье* — верно. Кстати, хочу превозвестись и похвалиться моим государственным тактом: помните — я Вам говорил, что надо помешать разгулу либерализма по поводу предстоящего 25-летия эмансипации?²¹ Вы выразили тогда пессимистическое сомнение в возможности этому помешать. Однако недавно Цензурный Комитет получил уже заблаговременное предписание запретить газетам даже и разговор о подобном празднестве и т. п.²² Здесь многие будут этому рады. В заключение *опять* о добрых Ваших делах: *Катерина Николаевна Детлова*, которую Вы и Влад(имир) Соловьев устроили *начальницей прогимназии в Немиров* (Подольской губ.), второе письмо мне пишет о какой-то *Вашей карточке* для г. *Апухтина*.²³ Вы ей обещали.

Потрудитесь или ей самой, или через меня ей послать. Она очень просит также книгу Вашу, мою и сочинения Влад(имира) Соловьева. Я свою ей пошлю, и Вы не откажите ей — пошлите «Церковные Вопросы». А когда Соловьев приедет сюда, я и его упрошу ей подарить что ему возможно. В совокупности ей все это, надеюсь, сделает пользу.

Простите великодушно, что ни одно письмо без просьбы или о других, или о себе. *Верю в Вас*, оттого и не боюсь надоесть.

Обнимаю и прошу по-прежнему любить. Вам преданный

К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 112—115.

Впервые
(с сокращениями):

Нестор.

С. 176—178.

Цитируется:

8., 785—787, 1276.

Ответ на п. 91.

Письмо Победоносцева, пожалуста, при случае возвратите.

В этом письме Леонтьев избегает одной темы — просьбы об устройстве на службу своего племянника Владимира. На его напоминания об этом он отвечал 29 сентября: «Насчет Филиппова будь покоен; сделаю, но только не *вой*, не жалуйся на настоящее и не *торопи*. — У меня свои расчеты времени и очереди в делах» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 10). Поскольку племянник не выполнял поставленного ему условия (прежде поговорить, а потом уж ждать рекомендаций), Леонтьев так и не написал тогда о нем Филиппову: «Филиппову я потому не пишу до сих пор, что ведь у нас уговор: *поговорить и причаститься*. Когда получу *записочку от Священника*, что все это совершилось — напишу тотчас. — А до тех пор извини — ни *слова*. (...) Ты не *умеешь* себя ни в чем *принудить*; — ну так и Филиппову писать не буду; — пока не послушаешься» (письмо от 1 ноября 1885 г. — Там же. Л. 14—14 об.).

¹ День Покрова Пресвятой Богородицы.

² Акафист Божией Матери в честь Ея иконы «Всех скорбящих Радость» был написан в 1863 г. П. С. Казанским. Чудотворный образ Пресвятой Богородицы Всех скорбящих Радости, известный с 1640-х гг. и прославленный в 1688 г., был в 1711 г. перевезен из московского Преображенского храма на Б. Ордынке в Петербург, где впоследствии в честь него был построен храм на Шпалерной ул.; чтимый список с этой иконы оставался в храме на Б. Ордынке, который теперь носит название Скорбященского. После 1917 г. обе иконы были утрачены. В настоящее время в московском храме находится другой чтимый список, сделанный в XIX в. Праздник в честь иконы Всех скорбящих Радость установлен на 24 октября ст. ст.

³ Имеется в виду письмо М. И. Бологовской (урожд. Киреевской) от 27 сентября 1885 г., в котором говорится: «Сейчас получила послание от Тертия Ив(ановича) Филиппова, такое милое, родное, что я и болезнь свою забыла, совсем воскресла! Между

прочим, он просил спросить Вас, Многоуважаемый Константин Николаевич, получили ли Вы его малодушное письмо? Ответа на него он не ждет, а только желает знать — получено ли?» (Нестор. С. 197; автограф: ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 18). В тот же день Бологовская отвечала и Филиппову:

«Глубоко-Уважаемый
Тертий Иванович!

Ваше дорогое письмо совершенно осчастливило меня! Благодарить за него — невозможно. Такое глубокое, чистое чувство, какое Вы храните к памяти моего покойного Отца — заставляет лишь благоговеть перед Вами! Очень сожалею, что так мало с Вами знакома, Вы можете подумать, что я способна сказать фразу..... Уверю Вас, нет! Я дорожу словами и, кстати, не умею высказываться, такое же сильное ощущение, какое произвело на меня Ваше письмо, — вырывается неудержимо. Любовь и почтение к памяти моего Отца — я видела и слышала от многих, но такого всеобъемлющего чувства, каково Ваше, признаюсь, — ни от кого. Если бы, Искренно-Уважаемый Тертий Иванович, нашлось хоть несколько человек такого искреннего единения, с такими духовными и душевными богатými данными, как был мой покойный Отец и как Вы — какая могучая была бы сила!?

Думается мне, что представляющиеся Вам трудные счета с волками в овечьем виде, — излишнее смирение. Для Вас, если позволите сказать, для Вашего замечательного ума, так богато просвещенного высшей духовной мудростью, труда представляться не может, истина — всегда для Вас открыта и ясна. (...)

Глубоко Уважающая Вас и всем сердцем признательная

М. Бологовская.

27 сен(тября), вечер.

Р. S. К. Н. Леонтьев письмо Ваше получил» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1487. Л. 75—76 об.).

К посредничеству Бологовской (как соседки Леонтьева по дому Авдеевой в Дежнем переулке) Филиппов прибег еще раз в ноябре того же года. 4 ноября (год, как и в цитированном выше письме, установлен по содержанию) она подробно передавала ответ Леонтьева на вопрос о его мнении по поводу одной из статей «Московских ведомостей»:

«Простите, что замедлила несколько ответом, но до сего дня не видалась с соседом, послать же письмо, не ответив на Ваш вопрос касательно его мнения, не хотелось. По поводу статьи Моск(овских) Вед(омостей) Константин Никол(аевич) говорит, „что он не слишком ею возмущился, ибо ничего не поделаешь, и он махнул рукой. И вспомнил, что еще во время последней войны Катков ясно выражал недовольство на Вас и на него за старание устроить антипапство в Константинополе: и сейчас стремление Каткова то же самое: умалить, уничтожить силу греческой Церкви, и, как только русский Царь

войдет в Константинополь, что он предвидит в близком будущем, так объявить русскую Церковь — первенствующей. Статьи же подобного рода — суть его средства к достижению цели».

Затем Леонтьев много раз повторил, как сильно он желает и надеется на Ваше золотое перышко по поводу его книги, особенно по прочтении Вами второй части» (Там же. Л. 77—77 об.).

⁴ В это время Леонтьев был занят редактированием второго тома сборника «Восток, Россия и Славянство».

⁵ Местонахождение этого письма, а также леонтьевского ответа на него, неизвестно. См. также: 8, 782—785.

⁶ Слова Победоносцева, сказанные в апреле 1880 г. при встрече с Леонтьевым в Петербурге.

⁷ Леонтьев напоминает здесь о давнем обещании Победоносцева найти для него должность в Синоде или при Иерусалимской миссии.

⁸ Довольно много примечаний Леонтьев все-таки успел сделать. Об уровне же редактирования позволяет судить раздел «Варианты и разночтения» в т. 7₂.

⁹ Ин. 19: 22.

¹⁰ См. примеч. 33 к п. 90.

¹¹ Обычно в таких выражениях Леонтьев говорил о В. А. Грингмуте.

¹² Так было с книгой «Византизм и Славянство» и со статьей «Еще о греко-болгарской распре».

¹³ 6 сентября н. ст. Болгарское княжество присоединило к себе Южную Болгарию (Восточную Румелию), находившуюся после Берлинского мира под турецким протекторатом. В то же время осложнились русско-болгарские отношения, Болгария все больше попадала под влияние Германии, чем и возмущался Катков, открытый сторонник франко-русского союза и враг Германии.

¹⁴ Статья не была опубликована.

¹⁵ См.: РМ. 1885. № 7. С. 11—12 (паг. 3-я).

¹⁶ Речь идет о рецензии (подпередовой статье) Н. П. Гилярова-Платонова (СИ. 1885. 24 сент. № 245. С. 2). Объемную цитату из нее см.: 8, 1275—1276. Леонтьев воспринял в целом эту статью как «очень лестную» (письмо к В. В. Леонтьеву от 29 сентября 1885 г.; ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 10 об.), но до последних дней не мог забыть этого места о возвращении ко временам «до Константина» (см.: 8, 1276). К. М. Аггеев, впрочем, объяснял, что Леонтьев неверно понял мысль Гилярова. С его точки зрения, в словах «нужно уйти очень далеко, до времен Константина» нужно разуметь «во времена Константина», а не «до» них, как показалось Леонтьеву. И добавлял: «Неточность для нас еще более характерная; Леонтьев ставил невысоко именно самое первохристианство» (Аггеев. С. 175). Если даже это и так (а «так» было нужно для концепции о. К. Аггеева), думаю, что правильно прочитал Гилярова в данном слу-

чае все-таки Леонтьев: «уйти до» означает именно то, что означает — «до» указанного времени, а не «в» него.

¹⁷ Никейский Символ веры был принят на I Вселенском Соборе (325).

¹⁸ Письмо не выявлено.

¹⁹ Это выражение Леонтьев будет часто употреблять в последние годы своей жизни.

²⁰ Речь идет о Каткове.

²¹ Т. е. 25-летию освобождения крестьян (1861—1886).

²² В сам день 25-летия «эмансипации», 19 февраля 1886 г., В. Н. Ляковский писал С. А. Рачинскому, вспоминая недавно скончавшегося Ив. Аксакова: «Когда я осенью был в Москве, и в одну из Пятниц (приемный день у Аксаковых. — О. Ф.) зашел разговор о цензурных строгостях по случаю предстоящего двадцатипятилетия освобождения, — кто-то из присутствовавших спросил Ивана Сергеевича, будет ли он, несмотря на запрещение, писать по этому поводу. — „Разумеется, буду“ — отвечал он не запинаясь.... Бог не судил ему сдержать обещание. (...) Да, об этой его несостоявшейся статье нельзя не пожалеть, — да и об ней ли одной» (РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 34. Л. 110—110 об.).

²³ Любопытно, что за помощь и письмо некоему Апухтину благодарила Филиппова и М. И. Бологовская (в письме от 27 сентября (1885 г.); ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1487. Л. 76).

93

Леонтьев — Филиппову

24 ноября 1885 г.,
Москва

188(5), 24 ноября, Москва.

Благословите, Тертй Иванович, рекомендовать Вам с *самой хорошей* стороны недавно поступившего в Контроль под Ваше начальство одного из московских молодых друзей и учеников моих Григория Ивановича Замараева.¹ Фамилия его, правда, очень некрасивая, но сам он благороднейший юноша с прекрасными задатками и долго жил под влиянием известной Вам Лизаветы Степановны Кротковой, у ее двоюродной сестры в доме (и теперь у нее же).² Близость со мной, постоянные сношения с Лизав(етой) Степ(ановной), которой набожность Вам знакома, за последние года, и духовные беседы с Тр(оице-)Серг(иевским) старцем Варнавою, хорошая учебная подготовка, прекрасное сердце и т. п.

Рекомендуя его Вам, я имею в виду вовсе не одну лишь протекцию по службе. Это само собою разумеется *при случае*. Но я знаю, кому я пишу. Мы с Лизав(етой) Степ(ановной) оба надеемся, что Вы позволите этому молодому человеку (если, согласно с нами, найдете его достойным) приблизиться к Вам настолько, чтобы под влиянием Вашим не заглохли в нем добрые залюги. «Им» расти теперь, «этим юношам», нам стареть и умирать. Будем дорожить теми из них, которые способны быть преемниками нашими. Замараев, не скрою этого, не из самых даровитых между ними.

Ив(ана) Ив(ановича) Кристи (пишущий теперь в «Гражданине» под именем «Сергиевского»),³ Денисова, который готовится здесь в магистры,⁴ или поэта Александрова⁵ (все это мои) я бы рекомендовал Вам прежде всего со стороны высших умственных даров разного оттенка, про Замараева я этого не могу сказать (хотя Александров и считает его способным к легкой беллетристике), может быть, но во всяком случае он обещает быть честным, добрым, твердым и смелым практическим деятелем.

Я знаю, что Вы моему взгляду верите, и потому и позволяю себе подобные рекомендации.

О себе на этот раз не пишу. Нечего! все то же. В 1/2 декабря выйдет мой 2-ой том⁶ и тогда *посмотрим*, что делать.

Сегодня отслужили панихиду по новопреставленному иеросхимонаху Иерониме, и кстати по рабах Божиих Болеславе и Николае (Данилевском).⁷

Еще раз прошу Вас — постарайтесь, если можно, не забыть возвратить в мою коллекцию письмо Победоносцева, которое я Вам послал.⁸ А то по опыту знаю, затеряется в куче бумаг у делового человека, и тогда, позднее, трудно будет найти. А мне это будет очень жаль.

Лизав(ета) Ив(ановна) Погодина говорит, что Вы жалуетесь, будто бы память у Вас стала слабеть, а у меня *страсть* беречь мою коллекцию писем.

Марье Ивановне мое глубочайшее почтение.

Остаюсь Вам всем сердцем преданный Ваш

К. Леонтьев.

Р. S. А что болгары так разбили сербов, очень рад.⁹ Пушка сама по себе, а единорог сам по себе,¹⁰ схизма¹¹ сама по себе, а воинственность — сама по себе. Как бы, *вопреки* соображениям человеческим вообще и петербургским в особенности — не пришлось бы и нам опять обнажить меч? Очень желаю этого и в этом пессимистом *не надо быть*.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1023.

Л. 98—99.

В м/п копии письмо ошибочно датировано 1884 г. Принадлежность к 1885 г. устанавливается по содержанию — упоминанию о кончине старца Иеронима и Н. Я. Данилевского.

¹ Г. И. Замараев был в то время одним из ближайших учеников Леонтьева, выполнял много его поручений. Тем же днем, 24 ноября, датировано письмо Леонтьева и к Замараеву, а тот, в свою очередь, 27 ноября благодарил его за рекомендацию, добавляя: «Опасюсь только, как бы не пересолили настолько, что скоро придется, пожалуй, разочароваться моему будущему начальству в тех самых качествах, которые Вы мне по любви Вашей приписываете! — Но что „дружба дружбой, а служба службой“ насчет этого, значит *чувствуем и понимаем-с!* „Властям предержащим да повинуемся“, хотя по отношению к себе, как к чиновнику, Вы, милый Константин Николаевич, в своих учениках развили только дружбу дружбой» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 29). На службу Замараев поступил в январе 1886 г., а 21 января сообщал Леонтьеву: «С Тертием Ивановичем я виделся несколько раз, хотя он и очень по-видимому занятой человек. Его отношение ко мне можно назвать во всех отношениях благосклонным» (Там же. Л. 38—38 об.).

² Речь идет о Н. А. Кротковой.

³ Избранный И. И. Кристи псевдоним «П. Сергиевский» образован от названия города — Сергиев Посад. Им подписаны в «Гражданине» обозрения «Письма из Москвы».

⁴ Я. А. Денисов специализировался в классической филологии. В 1888 г. в Москве вышла его книга «Основания метрики у древних греков и римлян».

⁵ А. А. Александров в это время учился на Ломоносовском университетском отделении Николаевского (Катковского) лицея, посещал «пятницы» П. Е. Астафьева, где и познакомился с Леонтьевым, став одним из ближайших его учеников.

⁶ Книга вышла только в 1886 г.

⁷ Старец Иероним Афонский скончался 14 ноября 1885 г. На панихиде по нему Леонтьев помянул Б. М. Маркевича, первая годовщина смерти которого пришлось на 18 ноября, и Н. Я. Данилевского, скончавшегося 7 ноября 1885 г.

⁸ См. п. 92.

⁹ Речь идет о событиях короткой сербо-болгарской войны, начавшейся и завершившейся в течение ноября 1885 г.

¹⁰ В копии: «пушка само по себе». Слова из исторического анекдота о генерале екатерининских времен, объяснявшем разницу между мортирой и единорогом (виды пушек) так: «Мортира, она, матушка, сама по себе, а единорог сам по себе». Ср.: *Вяземский П. А., кн. Полн. собр. соч.* СПб., 1883. Т. 8. С. 119.

¹¹ Подразумевается греко-болгарский церковный раскол.

Декабрь 1885 г.,
Москва; начало
письма утрачено

.....
сколько хочешь... Страдаешь только ты, а не дело... Но в столичной борьбе, при этих «несвоевременных звонках», при борьбе ежеминутной и с собой, и с болезнями, и с подчиненными по службе литераторами и редакторами, и с общественными, светскими требованиями и расчетами, и с хозяйственными условиями — в этой борьбе необходимо удовлетворять главным привычкам своим — иначе ни служить нельзя хорошо, ни с людьми сноситься. А писать — уж и не думай. Но круг безвыходен — *надо писать*, ибо для удовлетворения привычек — надо хоть 445 в месяц, а не 245. И вот писать то в «Ниву», то Каткову, то в «Гражданин», то в «Петерб(ургские) Вед(омости)»¹ — и все спешишь, спешишь; и все не приступишь никак к тому, что бы желал начать. Что именно? 1) Два больших романа: один *давно* благословенный и Афонскими и Оптинскими духовниками: Обращение современного человека в Православие посредством влияния монахов (изображение жизни на Афоне, жизни в Царьграде, суеты в Петербурге и т. д.). И *Климент мой*, и «Новые христиане» — все это очень слабо перед тем, что я могу тут сказать. Я хотел бы назвать это «*Святогорские отшельники*».²

Другой роман я бы назвал: «Пророк в отчизне».³ Он начат еще в 79 году, и с тех пор обстоятельства не дают мне средств продолжить его. План этого труда еще шире. Драма личная, трагедия сердца идет попеременно с проповедью мысли. Человек этот задумал научно доказать, что так нельзя, прогресс уже потому не серьезная вещь, что рано или поздно гибель человечества, т. е. «светопреставление» неизбежно. Начало я читал два раза при студентах и при женщинах.⁴ Говорят, что оно необыкновенно живо и весело.

3) Я хочу, до смерти хочу — написать хоть для рукописного распространения в высших кругах наших: мои *реальные* пророчества⁵ будущей культуры — «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь».⁶

И нет, нет надежды ни то, ни другое, ни третье исполнить... Пиши в «Ниву», в «Гражданин», торгуйся и радуйся, если 100 р. получишь из Петербурга для удовлетворения привычек...

Вот если бы хоть Катков был бы благородным меценатом, а не «глубоким подлецом» — по драгоценному определению Вашему, так он бы мог легко все это исправить; зачеркнул мой старый долг в 1500, 2000 р. Назначил бы мне хоть 150 р. за лист (вместо 100), даже и 200 не раззорило бы его, выдавал бы мне в течение *года*, только года, по 200 р. в месяц и сказал бы: «пишите покойно ваш *Афонский роман*» (он сам же давно этого романа желал⁷ и (еще 5-6 лет тому назад) говорил мне: «вот бы хорошо! В год Вы листов 15-20 напишете, тогда я покрою новый долг и дам Вам еще»).

Знаете ли Вы, Третий Иванович, историю *Альфреда де Менье*.⁸ Простой *негоциант* французский держал его у себя в конторе — почти без дела, давал ему жалованье, платил его долги, позволял ему гулять и пьянствовать — лишь бы писал стихи! А я и не гуляю, и не пьянствую, а только *дышать* хочу!...

Вот и без нужды написанное письмо. Не знаю, будет ли оно Вам приятно, едва ли... Жалко будет, грустно будет; приятно — конечно нет....

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 35—36.

Цитируется:

Материалы. С. 493;

5, 911.

И ответа на него требовать я не могу. Что на него ответить? Разве то, что все это горькая, прегорькая правда — и больше ничего. Да и прости — всякий ответ другого рода меня бы от Вас огорчил и обидел бы еще больше. Я знаю, что Вы не захотите этого сделать.

¹ В «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1883—1884 гг. печатались «консульские рассказы» Леонтьева. См. примеч. 30 к п. 97.

² См. примеч. 13 к п. 75.

³ Один из вариантов названия неоконченного романа «Пессимист» («Против течения»).

⁴ Леонтьев читал фрагменты этого романа на «пятницах» П. Е. Астафьева зимой 1882—1883 гг. См.: 5, 800—801.

⁵ Под словом «пророчества» здесь нужно понимать не предсказания, а проповедь идеалов, изложение определенной программы. Ср.: «В моем идеале, или в пророчестве моем ...» (8, 55).

⁶ Притч. 9: 1. Замысел рождался в беседах Леонтьева с его московскими учениками, которых он называл «гептастилистами», точнее — в его орфографии — «эптастилистами» (от греч. ἑπτά, семь, и στήλος, столп; по-церковнославянски слово звучало бы как «седмистолпники») или «анатолистами» (восточниками). Второе название подразумевало проект Великого Восточного Союза с центром в Константинополе, первое «шифровало» название леонтьевского учения о семи столпах (основах) будущей культуры (Леонтьев называл ее Новой Восточной). В архиве семьи Кристи в РГАДА (Ф. 1282. Толстые и Кристи) сохранилось несколько документов, связанных с разработкой этого учения: конспективное изложение леонтьевской программы, сделанное им для Я. А. Денисова (записка «Денисову. 7 столбов новой культуры»), адресованные Денисову и Ив. Кристи наброски об устройстве монашеского полуострова Афон, в котором Леонтьев усматривал образцы «реального социализма», и о тех же «7 столбах». Датировать все эти материалы можно серединой 1880-х гг. Сохранившиеся документы уникальны, поскольку Леонтьев явно предпочитал устную передачу своего учения только самым доверенным лицам и почти никогда — особенно в те годы — не доверял свои заветные мысли бумаге, лишь намекал на них, слегка касался их в своих статьях, а впоследствии мечтал о «записке», которую через Филиппова мог бы передать непосредственно Государю. Публичное изложение культурно-политической программы было для него возможно лишь «по поводу», и ближайшим поводом естественно и логично было стать книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (в самом исчислении «столпов» Леонтьев лишь продолжает, дополняет и конкретизирует Данилевского с его учением о четырех «основах» культурно-исторических типов). Так идея книги о гептастилизме пересеклась с замыслом статьи о «пророчествах» Да-

нилевского (см. п. 170). Подробнее о гептастилизме см.: Фетисенко О. А. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012.

⁷ В письме к Каткову от 2 декабря 1882 г. Леонтьев напоминал: «Еще несколько лет тому назад Вы выражали желание, чтобы *какой-нибудь герой мой поехал бы на Афон и т. д.*» (5, 799).

⁸ Сведений найти не удалось. Возможно, в копии ошибочно воспроизведена фамилия этого поэта.

95

Филиппов — Леонтьеву

31 декабря
1885 г., Петербург

СПб. 31 декабря 1885.

Дорогой Константин Николаевич.

Поздравляю Вас с Новым годом и от всей души желаю, чтобы он был для Вас «летом свободы»,¹ а нас подарил бы новыми произведениями Вашего творчества. Очень об этом забочусь, и Феоктистов принял это весьма к сердцу. Есть большая надежда. Пошлите ему скорее, если еще не посылали, свой второй том, за который приношу Вам мою сердечную признательность. Вчера ночью зачитался им; когда дело дошло до Ваших отзывов о Каткове,² мне было очень больно думать, как он дурно платит за Вашу умоисступленную оценку. Так и хочется запеть:

Он не стоит, плут-бездельник,
Твоей милой красоты.³

Прекрасная была бы для Вас тема: что такое консерватор, противник церкви и друг Феофана?⁴ Какими бы дарами он ни был украшен, он все-таки пребудет⁵ «раб и льстец».⁶ В злых и безнравственных чертах его образа найдут себе *условное* оправдание справедливо презируемые Вами либералы. Ими унижается цена его бесспорно важных государственных заслуг. Пишу это без раздражения и злобы, к которым он подал мне в по-

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 35.
Цитируется:
7, 889—890.

следнее время много поводов. Хранить здание, подкапывая основы и раскрывая его венец, есть преступное безумие. Что мы без Бога?

Целую и обнимаю Вас.

Ваш Т. Филиппов.

¹ Отсылка к Лев. 25: 10 («лето оставления»). Пожелание скорейшего освобождения от службы.

² Имеется в виду статья «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» (1880). В сборнике «Восток, Россия и Славянство», о котором говорит здесь Филиппов, она помещена среди других статей из «Варшавского дневника» (Т. II. С. 143—158).

³ Источник не установлен.

⁴ Подразумевается сподвижник Петра Великого архиепископ Феофан (Прокопович), олицетворяющий здесь идею подчинения Церкви государству.

⁵ В копии: «требует»; исправлено по смыслу контекста.

⁶ Цитата из кондака Великого Четверга, заканчивающегося словами: «... и неисправен пребысть Иуда раб и льстец». Выражение «раб и льстец» повторяется и в одной из стихир этого же дня, используется оно (также в применении к Иуде) и в Великом покаянном каноне Андрея Критского.

1886

8 января 1886 г.,
Москва

96

Леонтьев — Филиппову

8 января 1886, Москва.

Я 8 дней уже тому назад получил Ваше письмо, Третий Иванович. В самый *Новый Год!* Запоздал не от того, что не хотел скоро ответить, а от того, что начал *слишком большое письмо*.¹ Хочется уж все сказать. А по многообразию недугов едва полтора часа в день для подобного занятия остается.

На той неделе получение *большое*.

Поздравляю, кроме Нового Года, и с прошедшими именинами Вашими.

Марье Ивановне глубочайшее мое почтение.

Все так же преданный Вам и любящий Вас К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024. Л. 19.

¹ См. п. 97.

Ответ на п. 95.

97

Леонтьев — Филиппову

7—13 января

1886 г., Москва

1886 года января 7-го, Москва.

Садясь за этот ответ на Ваше прелестное и любвеобильное письмо, Тертый Иванович, я помолился... (обыкновенно, начиная письма, я грешный этого не делаю, не думаю о молитве). Но на этот раз чрезмерная мнительность (не медицинская, а нравственная), развивавшаяся во мне за последние годы, принесла духовную пользу. *Помолился*. Да, непобедимая мнительность! Можно бы и должно бы перекреститься и без мнительности. Но что делать! Чего же я боюсь? Вы спросите. Боюсь, чтобы мне *не стало хуже* от той перемены условий жизни, о которой Вы мне пишете. Боюсь *и так* оставаться, чтобы тоже не вышло хуже. Понимаете — *лучше* мне уже ничего не надо, а я день и ночь (именно и *ночь* — ибо я редко засыпаю раньше 3-4 час(ов) утра и лежу в темноте без занятий) только о том и думаю, чтобы *телесно* не стало хуже. Верьте — нравственные и умственные требования мои за последние 2 года стали так малы, а *физические* так велики (от *ежeminутных* почти болей, недомогания, кашлей, бессонниц, мигреней, поносов и резей в животе, от раздражения мочевого пузыря, от трещин, сыпей и отеков на ногах и руках) — что я живу только двумя крайностями: ленивой, но частой и искренней молитвой: «Боже, пощади! Боже, Твоя воля! Боже, благодарю, *что не хуже!* Что страдания все эти сносны!» — и еще живу я — животной, телесной жизнью: чтобы свет от ламп и свечей был не ярок, чтобы сапоги и ботинки у домашних не скрипели, чтобы было тепло,

чтобы я мог по 4-5-6 часов сидеть до обеда один, и один, и один, без голоса человеческого, без звука близкого, даже *без занятий....* и тогда если у меня и болит что-нибудь, то я счастлив и благодарю Бога, что *тихо* и что не хуже. Московские доктора, правда, думают, что год или $\frac{1}{2}$ года льготной жизни в более теплом климате, где я мог бы ходить пешком и зимой (чего я здесь не в силах делать) мог бы несколько восстановить мои силы. Не знаю, может быть! Но я еще спрашиваю себя: «на что это?» Дело не в поправке, а в том, *чтобы не впасть при всех этих уже привычных страданиях в большую нужду*. Вот, вот чего я ужасаюсь. Деньги — теперь мне стали нужнее здоровья. Да! вот разгадка тому, что Ваше письмо о *надеждах* и о «лете свободы» и т. п. в одно и то же время и утешило, и напугало. Признаюсь — *напугало* больше. Не оскорбляйтесь, не огорчайтесь, друг и благодетель мой Третий Иванович — *замучался* я, что делать! Сколько дадут?! Где жить?! ... и т. д.

Что мне нужно — для меня *ясно и просто*: в Москве мне по укоренившимся привычкам и по неизменно почти уже 4 года существующему домашнему бюджету, нужно *сто рублей в месяц сверх жалования и больше ничего*. Как ни бились, как ни думали, как ни старались — ничего еще *понизить* нельзя. На все есть в жизни приблизительная мера, которую соблюсти можно. На 245 р. с(еребром) (это мое жалование) я живу в обрез и даже благословляю те дни, в которые видел «злая»,¹ на 345 — я даже и при физических страданиях — *благодарю*; *меньше* же было бы — волос дыбом становится. Четыре года рассчитывая, с моими теперь полумертвыми взглядами на жизнь, кажется, можно не ошибаться в расчете?

Были и примеры. 2 года тому назад зимой (в начале 84 года) я впервые заболел той хронической катарральной дизентерией, которая и теперь изредка посещает меня на день, на два (по истинной милости Божией, ибо она облегчает мне, отвлекая раздражение на кишки, другие худшие недуги — страдание пузыря и гортани) — вяжущие клистиры и т. п. теперь все-таки поправили пищеварение, но тогда в 84-м году, не сходя

по целым часам с известного аппарата (сидя на котором я даже цензорствовал тогда иные очень скучные рукописи), я думал: «ну, *finis* ²!»
Приятели, дамы, студенты — добрые все ко мне люди, посещали меня в то время по вечерам и почти все, признаются, тоже думали: «ну, *finis*!»
Написал завещание.³ И вот все потом говорили мне: «удивляемся, как Вы были светлы тогда». И это правда — я был *почти счастлив*! В доме у меня царствовал мир; род смерти от постепенного изнурения и от язв в кишках мне был очень хорошо знаком еще из моей медицинской практики в Севастопольскую годину. Много солдат умирало от затянувшихся, медленных дизентерий. Прекрасная смерть! Сознание большею частью до последнего издыхания, равнодушие, бесстрашие какое-то, боли ничтожные от вялости тканей в кишках: «безболезненная, непостыдная, мирная кончина!»⁴ А есть болезни и есть кончины ужасные, жестокие, и я их видал! Итак, я, видит Бог, благодарил Его Промысл тогда! Служба не страдала ничуть, 2 месяца в Комитет не ездил, но там и без меня *трое* составляли «Коллегиум»,⁵ а домашнюю (т. е. главную) работу — я делал еще пожалуй лучше здоровых, потому что ничто не отвлекало. Но кроме *рода болезни* и кроме *религиозного умиления* не было ли тогда еще какого-нибудь обстоятельства, которое усиливало глубину моего спокойствия? Было — *мне только что заплатили вперед из редакции нового журнала «Россия» 500 р. с(еребром)* за старый (и отверженный Катковым и другими редакторами) роман «Две избранницы», написанный сполна еще в Турции (в 70-м году, до поездки на Афон (заметьте!)). Роман этот лежал в рукописи 13 лет! Наконец он был по благословению отца Амвросия прочтен начальником Оптинского скита от(цом) Анатолием и одобрен к печати, не без удивления, почему тот, кого Вы зовете «паутом и бездельником»,⁶ отверг его (я знаю почему). Вот редакция «России» прислала 500 р.; а я *чуть-чуть кой-где* как золотой краской по пестрому рисунку и набросал, поправляя I часть, православные самые незначительные штрихи — *для того, чтобы эти бледные лучи религиозного рассвета могли бы воссиять настоящим солнцем в конце романа.*

Из этих 500 р. я вперед заплатил за 4 месяца за квартиру и еще кой-что уплатил старое, а 250 р. *всего* отложил на три месяца для прибавки к жалованию. И вот и неполные *сто* в месяц — позволили мне *вздохнуть* легче при болезни, которую я и другие считали последней, чем без этой прибавки дышалось при лучшем здоровье. Тихо, смирно, никто не лезет с требованием долгов. Восхищение! Страдай животом, отдыхай, молись, благодари, сигарочку покури, постони, поохай в одиночном безмолвии, погляди с чувством на «кресты московские» из окна, помечтай даже о судьбах России (не о своих, конечно, судьбах), а вечером — друг вспомнил или добрая дама какая. Ну, разве не рай земной — а все *прибавка* причиной. Не *пристает* никто: «пожалуйста денег», которых нет!

Что же делать? Математически верно. Рассуждение, впрочем, об этом бесконечно... Но я уж решился на этот раз, *помолясь*, не щадить Вас моим излиянием и потому — уставши, откладывая продолжение до завтра.

8 января. Послал предварительно Вам *две строки*,⁷ чтобы не показалось свинством мое долгое молчание, а уж в этом письме решился быть многоречивым и откровенным до бессовестности.

И так определил положение ясными цифрами:

1. *Чтобы жить в Москве*, не делая новых неоплатных долгов и ограничиваясь одними лишь телесными страданиями, *не от нужды, а от болезни* происходящими, оказывается нужным иметь не 3000, а 4200 р. с(еребром). О том: жить ли (или, пожалуй, точнее *умирать* ли) в *Москве* именно, или искать другого места жительства — *после*.

2) *Откуда взять?* Я полагаю, что и здесь рассуждение необходимо сложное (простите!). Вы сами сказали мне, что из *Царского кабинета* меньше 1500 р. с(еребром) не дадут, а может быть и больше. Кроме того, Вы сами же согласились, что уж если действовать по настоящей справедливости, то я имею больше прав на подобную поддержку моей старости, чем Гончаров и Островский. По роду и духу литературных трудов. И конечно, «реакционный» публицист в монархическом государстве

должен быть (особенно *после* либерального периода) без колебаний предпочтен *чистым* художникам. А тем более, если у одного из них (как у Гончарова) мало залогов политического влияния, а у другого явно для ума даже и среднего просвечивает почти везде (как у Островского) то, что я печатно назвал «лукавой тенденцией».⁸ Гончарову, как помнится, дано 2500; Островскому — 3000, и заметим — оба представляют собою две крайности. Гончаров, кажется, совсем инвалид, и ему дают только за *прежнее*, вероятно, он уже ничего не может более сделать (у него даже и глаза болят?). Островский, напротив того, еще ставит комедии, имеет где-то за Волгой имение⁹ и *теперь назначен управлять Московским театром*.¹⁰ (Вероятно, 3000 царских останутся неотъемлемы?) Ну, тут и больному можно еще при многоопытности поздних лет делать *крупные дела* (именно крупные! мелкие труднее — больному). Опытный человек знает хорошо, чем можно по болезни пренебречь и чем нельзя. Знаю это и я *по опыту*. Итак, Островский получает и за *прежнее* и за *новое*, ему можно не только жить, но и действовать! Что-нибудь одно — или здоровье, или лишние деньги (болен, слаб, — ничего! Там карету взял, там другого за себя послал, тут доктору тонкому щедро заплатил, куда-нибудь съездил и т. д.).

Выдавать из Царского кабинета можно двояко: или изнемогающему за заслуги *прежние*, не ожидая от него уже ничего, или тоже за *прежние* труды, но вместе с тем и *для облегчения жизни в ожидании новых*. Гончаров, видимо, в первом положении, Островский — во втором. Мое положение, с этой точки зрения — мне самому еще не ясное. Хотелось бы верить, что я занимаю середину, т. е. что хотя Островский и много крепче меня, но что если бы я мог хоть немного больше распустить крылья и *меньше думать о завтрашнем дне* (примеры: 1) в 69—70 году в Янине мое положение *ненадолго* было в таком роде: я в первый раз в жизни получал 3500 р. в год, при дешевизне турецкой провинции, и был здоров, и *большая часть* моих первых Греческих повестей была написана тогда. 2) В 80 году кн. Голицын выдавал мне 350 р. с(еребром) в месяц, не счи-

тая строк, и почти весь 2-й том сборника моего составлен из статей, написанных за ½ года моей там деятельности), то думаю, что напечатал бы еще нечто и *лучше прежнего*. (Я и за эти 5 лет в Москве кой в чем много противу прежнего просветился и окреп.) Но положим, что и нет, положим, что я в положении Гончарова: остается вопрос: что я *сделал*? Судя по отзывам людей весьма разнообразных: едва ли «*Одиссей Полихронидес*» ниже «*Обрыва*» и «*Обломова*»,¹¹ о маленьких греческих повестях я не говорю, но про «*Аспазию Ламприди*» я имею свидетельства двух дипломатов — старого *Жомини*, который говорил, что из 200 консульских донесений меньше понял политическое настроение греческой среды в 70-х годах, чем из одной «*Аспазии*»,¹² и молодого (и в высшей степени способного) Юрия Карцева, который из-за границы несколько лет тому назад поручил сестре своей выразить мне свой восторг по поводу этого романа. Вы знаете — во мне и тени зависти нет, и я люблю восхищаться чужим (напр<имер>, «*Анной Карениной*», «*Войной и Миром*», «*Мертвым Домом*» Достоев<ского> и т. д.) и критиковать самого себя возможно в известные годы. Вот с *Льв(ом) Толстым* я не *тягаюсь* и не *равняюсь*. Suum cuique!¹³

Итак, за *художественную деятельность* только как *безнадежного* инвалида можно бы мне дать, как Гончарову, 2500. А если приложить еще *два права*, пожалуй и *бóльшие: деятельность публициста* и *луч надежды на новые труды* — то почему бы меня и с Островским в оценке не сравнивать и не дать и 3000 р. с<еребром>?

По *идеальной справедливости* — это так. Несправедливость *общества* ко мне, несправедливость, которая едва-едва стала *теперь* (2-3 года всего) немного исправляться, должна, по-настоящему, в глазах правительства только усиливать мои права. *Ведь я до последнего времени и понятия не имел* (начавши писать и печатать 35 лет тому назад),¹⁴ что такое *ощущение даже среднего успеха*. И конечно, этот самый *подлец* Катков¹⁵ (конечно, лично он величайший подлец, прости Господи!) не выжимал бы из меня рубли, как он до сих пор со мной делает, если бы я имел бы

больше известности признанной (он платит мне 100 за лист и вычитает за старый долг в 2000 с чем-то по 25 р. с(еребром)), так что я получаю от него никогда не более 75 р. за лист). В 60-х годах один молодой скульптор в Петербурге рассказывал мне про живописца немца Вильде-Вальде.¹⁶ Вильде-Вальде говорил ему так: «мы должны любить Государя! В России художнику нечего много ждать от публики, только Государя» и т. д. Положим, что литература у нас гораздо популярнее пластических искусств; это так, но заметим, что все почти наши более меня счастливые знаменитости наши в области изящной словесности составили уже себе имя как бы заблаговременно, в 50-х годах, или отчасти в 1-х в 60-х,¹⁷ когда «подъем духа» был еще довольно равномерен по всем отраслям народной жизни. Я же вышел на свет Божий в самое неблагоприятное время, «подъем духа» понизился, нынешний (благоприятный мне) «отпор» еще и не обнаружился. И это *право* — своего рода на внимание правительства. Больше я об этом говорить не буду.

Теперь другое. *Пенсия чиновника.*

Председатель наш Веньям(ин) Яковлев(ич) Федоров говорит, что я имею *полное основание* рассчитывать на 1200 р. пенсии, ибо недавно (говорит он) дали покойному цензору Воронцову-Вельяминову 1200 р. А он служил *вообще* очень мало (чуть ли не 7-8 лет всего, с цензурой включительно), был цензором *очень плохим*, и до того неуживчив и своеволен по службе, что Кожухов при поступлении в председатели в Москву поставил Макову почти условием — *исключение Воронцова-Вельяминова*, как «невозможного» сослуживца. Федоров выражается так: «захотели и дали, *предложивши* выйти, а Ваши права (т. е. мои) после этого несомненны, больше 20 лет службы по разным ведомостям и службы везде хорошей; если нужно будет, то я готов дать в Вашу пользу все подобные объяснения».

Итак, *отдельно* — многие влиятельные лица за меня, посмотрим, не выйдет ли чего-нибудь *кубического из этой совокупности*?! До завтра. Ночь не сплю. Просыпаюсь в одиннадцать, в половине двенадцатого; раньше часу вследствие разных над собою медицинских проделок за

перо братья не могу. А там опять утомление, опять операции, потом в 4 часа обед, потом вечер и т. д.

Ночью заниматься издавна не привык: ум и воля не действуют, около 35 лет привык заниматься от 10 до 3-х. Тут и ум есть, и воля, и фантазия. А ночью или спать, или лежать в темноте — могу *часов пять подряд*, для отдыха нервов, а ни писать, ни даже и читать как днем с толком не привык с юности. Это я еще *врачом* будучи решился так себя нормально приучить.

9 января 1886. Продолжаю об *идеальной справедливости* (человеческой, ибо по-Божески, может, мне нужно и в несравненно худшем быть положении: «величайшие человеческие несправедливости бывают нередко выражением Божией правды», сказал Жозеф де Местр,¹⁸ с которым по поводу 1-го моего тома удостоил меня сравнить один «южный славянин» в «Современных известиях»¹⁹).

Получая 3000 из Царского кабинета и 1200 р. пенсии за службу — я действительно могу быть свободен прежде всего в выборе местожительства. Тогда, не делая новых долгов и платя даже понемногу старые, я могу, напр(имер), и при плохом здоровье проводить время от мая до ноября в Оптиной, а от ноября до мая, если хочу, в Москве. Могу даже уехать для опыта некоторого восстановления сил в Царьград (на Принцевы острова, что уже было раз с успехом испытано в 72—73 гг., я тогда был моложе; но в Салониках и на Афоне до того исстрадался лихорадкой, что и ходить едва мог, а пищу переваривал хуже теперешнего; в полгода жизни на о. Халки²⁰ все прошло!). Если же я буду получать из Кабинета только 1500 и 1200 пенсии, то... право не знаю, как сказать... едва ли не ухудшится мое положение. Что может мне предстоять при данных условиях здоровья, средств, характера, убеждений и неискоренимых уже (без ужасных страданий) привычек? Только 4 места жительства: Царьград, Москва, Оптина и Троицкий посад. С этими местами я мирюсь, все остальное в мире меня приводит в ужас. Я *нового* всего уже боюсь и ничего не знакомого не желаю.

Разберем условия жизни в этих 4-х местах. Царьград пока в сторону. Теперь я цензор с 3000, недостает, занимаю, а живу со *строжайшей экономией*. Если я буду получать даже и те же 3000 без должности — экономическое положение мое не изменится ничуть; ибо *служба-то моя ничуть* даже моим литературным занятиям не мешает. Она берет только 2 утра в неделю, когда я здоров и езжу в Комитет, а домашняя работа, цензурирование книг, газет и рукописей даже и в самые обременительные времена (напр<имер>), во время коронации) у меня делается легко и почти мимоходом. (Вообще служба казенная мне всегда очень легко давалась; говорят — «художник», а я точно родился чиновником и даже очень горжусь этим.)

Знаете, я нередко прилагаю монашеский критерий к своей мирской жизни и, замечая, до чего у меня теперь вот уже лет 7-8 установились потребности в неподвижном почти кругу и до чего я покоен и *счастлив*, даже и при постоянных телесных недомоганиях, если только эти *скромные привычки мои не нарушаются*, — размышляю по этому поводу так: «живущий в дворце христианин и христианин, живущий в Афонской пещере, — оба должны страдать о Христе. Страдания наши большею частию происхождения субъективного, они обусловлены мировоззрением, привычками, натурой нашей, воспитанием и т. д.²¹ Уменьшаются потребности от годов, усталости, от сравнительного бесстрастия, от долгой религиозной борьбы, — и человеку, несмотря на поздний возраст и болезни, становится легче жить. Он при меньших условиях покоен, но видно, *не подобает сие* надолго! И вот посылаются новые испытания, нового рода: *иначе человек и на краю гроба нашел бы на земле рай и реже думал бы о будущей жизни*». Так и я: службой своей я *очень доволен*, и мною на службе были до сих пор очень, кажется, довольны; в простенькой семье моей слабоумная и добрейшая жена, которую я смолоду страстно любил, и мои милые воспитанные мною *мужички* (Александр и Варя), в этой семье мир, любовь, согласие. В церковь все ходят. По вечерам, если гостей нет, читаем громко и духовное и светское. Друзья хо-

рошие есть. Не забывают, ходят; папироска, кофей, «коньячок» перед обедом, во славу Божию. Но вот беда! Приходит 20-е число — за квартиру должны уже за 2 месяца, *недостаёт!*²² Два раза в год — еще хуже — посылай в Калужский банк проценты и 10-ю часть капитала (долгу всего на мне теперь осталось около 1200 р. с(еребром), а сначала после продажи имения было около 1500 р.). — Где взять? И вот уже *три* раза, три платежа подряд другие добрые люди за меня платят, *потому что недуги и все эти хозяйственные заботы уже не дают мне возможности, как прежде, к сроку и много писать*. Недуги усилились, телесные нужды низшего порядка увеличились, другие страсти утихли, даже и самолюбие как-то уменьшилось, уступая первенство прежде всего жажде телесного отдыха. В совокупности сказать: жить так можно, благословляя Бога за хорошую старость нелицемерно, и не по *принудительному* смирению, а просто потому, что *в самом деле старость хороша*, хотя и несколько преждевременна (ну, это за грехи здесь — и то милость Его!).

Старость хороша — да, но хорошо ли *занимать* для банка и квартиры и не платить? Сказано в Псалмах: «заемлет грешный и не отдает».²³ Когда же это кончится? И не перестанут ли наконец добрые люди давать именно *тогда, когда еще больше ослабеешь?*

Я говорю и не хочу скрывать от Вас, что я почти что не в силах уже писать повести и очерки *по принуждению для денег*. А статьи серьезные мои где место себе найдут с хорошей платой? *Нигде*. Как страдаешься вдоволь от 10 болезней по очереди, так где же тут еще насиловать свою волю для каких-нибудь очерков ничтожных в «Ниву» или «Петербургские Ведомости», или «Египетского Голубя» для «Русского Вестника». К тому же (прошу Вас, Т(ертий) И(ванович)) обратить особое Ваше внимание на следующее обстоятельство: 1) у «Нивы», платящей не дурно, всегда материала запасено так много, что моего в год едва-едва на 100, на 150 р. они могут поместить, и Берг жалуется, что для «Нивы» мои очерки *слишком тенденциозны* (в славянофильском и реакционном смысле),²⁴ надо опять себя из-за 150 р. *ломать*. 2) *Авсеев* отверг две или

три статьи подряд тоже за нечто подобное (видимо, особенно сердится, что я ненавижу европейскую одежду).²⁵ 3) С Катковым было бы блаженство не иметь дела вовсе. Он и прежде не благоволил ко мне, а с тех пор как я в Москве (и, кажется, особенно с тех пор, как я стал популярен между его лицейскими студентами)²⁶ он, видимо, еще больше от меня отстранился. К тому же он совершенно не стесняется в своем обращении. Напр(имер), через посредство Ключникова около ½ года тому назад я условился с ним, что буду кончать «Египетского Голубя» на прежних основаниях (25 вычит(ать) из 100 за лист в уплату старого долга в 2500 р.). Начал после долгой борьбы писать с великим понуждением, ибо теперь меня эти ласы ничуть не занимают, и я вынужден был бросить на полдороге для этого большой и почти что ученый (я говорю почти) труд под заглавием: *идеал всеобщего однообразия и последствия социального смещения на Западе*, со множеством выписок из европейских и наших ученых и публицистов.²⁷ Начал, только что немного, скрепя сердце, расписался, вдруг близится срок платить в банк 175 р., за квартиру 90. Где взять! К Каткову. «Пишу „Египетского Голубя“ — дайте вперед на банк и на квартиру, успокоюсь и скорее представляю...»

— Нет! — отвечает Мих(аил) Никиф(орович) *доверенному* лицу: «не надо „Египетского Голубя“, уже читатели забыли первую половину. К(онстантин) Н(иколаевич) слишком отстранился за эти два года от нашей редакции: пописывал и там и сям, а не у нас. Вперед ничего не дам, а если обработает что-нибудь из своих воспоминаний или матери своей, то получивши рукопись заплачу по 75 р.». Вот и действуйте тут. И вдохновляйтесь, вопреки болезни, хоть денежными облегчениями!

10 января. А где же еще существуют основательные редакции, мне пригодные? Разве бедный «Гражданин», который не в силах и года был выдержать, когда взялся было давать мне «по душе», не считая строчек, по 100 р. в месяц! О, какое было бы блаженство не думать более о том, что надо что-то нарочно и нехотя написать для 150-200 р. Я думаю даже, что если бы я забыл хоть на полгода, что писать надо то-то и

вот то-то и все с хитрыми и мелкими расчетами: это можно в «Ниву», а это нельзя, — так я тут-то, может быть, и сделал бы что-нибудь еще серьезное. Планы есть давние, но исполнить их при теперешних условиях я не могу! Жизнь в Москве мне во многих отношениях была очень полезна... даже кой-чем и весьма приятна, но заметьте — что именно за эти пять лет жизни и службы в Москве — я ничего уже серьезного не писал, и все теперь издающееся,²⁸ за исключением Восточных писем²⁹ в «Гражданине», было написано прежде. И еще заметьте — опять-таки не служба, а смешно просто сказать — каких-нибудь все тех же 100 р. с(еребром) в месяц — причина этому бесплодию. Я «письма о Восточных делах» написал тогда, когда только раз в течение этих 5 лет получал верных 100 р. в месяц от «Гражданина». И еще: с удовольствием и не без успеха написал я мои «воспоминания о службе в Тульче» в 83 году для «Петербургских Ведомостей»³⁰ при двух условиях: 1) лишние деньги (Катков дал вперед за записки матери моей³¹ 400 р.) и 2) три месяца отпуска в Оптину. В Оптиной я и стал вдруг писать со страстью!³² И после Оптиной вдохновение это и в Москве еще 2 месяца длилось. Ну что ж тут прикажете делать? Может быть, оно и душеспасительнее кланяться и просить «будто бы» займы, чем гордо поучать писаниями народ и оскорблять столько людей (хотя бы и либеральных) полемической моей дерзостью. Но ведь Вы-то пишете мне о «новых творениях», и вот я об условиях этого «творчества» и пишу Вам так многословно и с таким увлечением. Итак — заключение о жизни в Москве: не служба тяготит и мешает писать, а нустьяки — 1200 р. долгу в банке и недостаток верных еще 100 р. в месяц. Если бы я был поздоровее, поподвижнее, то я бы искал какого-нибудь дозволенного «совместительства», а не отставки. А писать или не писать — для меня-то самого, право, стало второстепенным вопросом. То, что хочется писать, и не успеваешь и не знаешь даже где напечатать, а пиши вздор или из-под палки! Кому же это приятно в такие годы! Это принуждение отвратительное, совсем не то, что сравнительно легкие принуждения службы, веры и простого ремесла (меди-

щины, напр(имер): я ведь 8 лет *практиковал* и знаю и этот род понуждения).

Теперь об Оптиной. В Оптиной, особенно в скиту, жить, разумеется, и на 2000 можно хорошо. Жену отдать в новую Шамардинскую общину³³ (15 верст от Оптиной), там у меня племянница монахиней,³⁴ хорошая женщина и Лизу мою жалеет и любит, им 50 вместе, а себе 150 в месяц. Да это роскошь там! *Но вот камень преткновения: что скажет от(ец) Амвросий?* На 1200 р. с(еребром) простой пенсии он положительно не советует мне выходить в отставку. Он находит, что это будет *теперь* уже слишком для меня тяжело. Лучше, значит, стараться на службе умереть. Но этого мало: прошедшей весной он через упомянутую племянницу сообщил мне письменно, чтобы я не слишком мечтал о «безмолвном житии»,³⁵ что меня на большом безмолвии будут страшно искушать бесы. Он приводил в пример самого митр(ополита) Филарета, по устройению которого, при всей его святости, безмолвие тоже было не пригодно, и один старец, которому святитель очень доверял, решительно противился его удалению от дел.³⁶ Принять меня в Оптину они все и всегда готовы с радостью; но отец Амвросий за меня боится, я думаю, он боится уныния какого-нибудь страшного, которое, правда, в монастырях меня посещало при долгой жизни, а в *Москве никогда*. Увы! сознаюсь — это правда! Вот если бы, — не говорю уже «оттенки», так сказать, в состоянии здоровья, а только бы деньги лишние водились бы, то можно жить в скиту 8-9 месяцев, а на 3-4 ездить куда-нибудь. Ну, *так*, пожалуй, от(ец) Амвросий охотно благословит. Я, по одному признаку, подозреваю по греховной гордости моей, что у старца кроме боязни моего уныния и моей медицинской сравнительно там беспомощности, есть еще и другая тайная мысль о том, что я в Москве полезен. Подозреваю потому, что незадолго до его угрозы «бесами в безмолвии» был у меня здесь в гостях один из близких ему и из лучших Оптиных монахов и узнавши, что у меня часто бывают студенты и другие молодые люди и любят меня и слушаются, сказал: «Ну,

так Вам не годится оставлять Москву». От(ец) Амвросий чрезвычайно тонок и меня очень любит, но понимает *немощи* мои, верно, лучше, чем я сам. Конечно, вся эта *пропаганда* моя — другим не бесполезна, может быть, но во мне-то она все-таки *немошь тщеславия*. Сила-то ведь Божия может всем воспользоваться!³⁷

Ну, что делать! Вот об Оптиной. Впрочем, я не отчаиваюсь — в мае выхлопотать себе отпуск туда,³⁸ и *тогда увидим — каков будет по этим вопросам последний приговор старца!* А пока все это Вам, доброжелателю, «к сведению»!

Теперь *Посад*. Разумеется, *как место* — Посад лучше для меня и Москвы и Оптиной: и монахи есть, и старец хороший (от(ец) Варнава), и воздух чище, и от «поприща тщеславия» (от Москвы) близко. Но вот беда: все говорят, что *жить на Посаде ничуть не дешевле, чем в Москве!* Особенно, если считать *поездки в Москву* человеку, не имеющему ни родных, ни друзей, у которых мог бы останавливаться. *Таких* друзей — я не имею! Значит, для Посада нужно столько же денег, сколько и для самой Москвы. *Иначе* — Оптина в 10 раз лучше! Лучше унывать в безмолвии для Бога, чем нуждаться более теперешнего для *тщеславия* и развлечения. За *вольное* и преходящее уныние в Оптинском скиту — может на страшном судище добрый ответ дашь,³⁹ а какой ответ дашь и где награду получишь за страдания *нужды* по тщеславию на Посаде или в столице? «Студентов» пусть Бог спасает: что я за иерей такой?! Я «плачущая свинья» и больше ничего (в pendant⁴⁰ Каткову, «свинье торжествующей»⁴¹).

Остается Царьград. Но что говорить о Царьграде *теперь*. *Посмотрим, что скажет весна!* Плохо я верю в совокупное действие великих держав: и думаю, что *малые Балкано-Морейские* в совокупности и в искренности своего антагонизма — переселят.⁴² Едва ли их политики боятся теперь Великих Держав, нельзя их бояться этим *малым* нациям, когда их вожди понимают, что интересы сильных *не согласны*.

Как бы не пришлось Вам, Т(ертий) И(ванович), быть осенью 86 года Великим Логофетом⁴³ на Босфоре, а мне при Вас — чем же? — Да так, каким-нибудь довольно приятным православным *дармоедом*... Вот бы хорошо-то!

Вот Вам *факты*, заключение *общее предоставляю* Вам. Вот Вам мои обстоятельства вещественные, вот Вам мое состояние или устройство психическое, — а действовать в мою пользу легче, я думаю, понявши, в чем *суть*. Ведь и Феоктистов не *выжить* меня хочет, а хочет улучшить мое положение, поэтому и ему не мешает, я думаю, знать хоть *часть* этой правды... Хоть *часть*, говорю я, ибо я не верю, чтобы он мог *так* понять, как *Вы поймете*, — некоторые стороны дела: напр(имер), мою зависимость от воли старца в главных вопросах жизни. Подумает вдруг, что я *психозный*, и выгонит в отставку на 1000 р. с(еребром) всего пенсии, и тогда я хоть волком вой! *Это было бы ужасно!*

Кстати NB: хорошо бы повернее узнать, что именно пишет ему обо мне Федоров? По-видимому, он очень благоволит ко мне, но *кто его знает?* Я так стал мнителен по отношению к людям за последние года. О себе *ниже* прежнего думаю и оттого все мне кажется, что нет причин людям мною интересоваться особенно или сострадать мне.

Осмелюсь еще подать совет: хорошо бы Вам вообще для *дела* (ну мимоходом и для меня) сблизиться с К(онстантином) Дм(итриевичем) Гагариным (Товарищ Министра Внутр(енних) Дел), я его знаю *давно* и мы почти в дружеских отношениях.⁴⁴ Это человек *очень* умный, все понимающий тонко, решительный и твердый. Направления был *давно* отличного. И будет *превосходно*, если он *заменит* болеющего Толстого. Я пророчу ему замечательную будущность. Ум его знаю хорошо, потому что беседовать с ним случалось и *до двух часов ночи ежедневно* (на острове Корфу, в 70-м году, и позднее в Калуге). Меня он, слава Богу, не забывает и прошлого года, будучи Рязанским губернатором, он по моей рекомендации тотчас же дал хорошее место одному бедному молодому человеку и обласкал даже его.⁴⁵

Я думаю — это все нам, Т(ертый) И(ванович), тоже на руку? Напишу ему на днях и pošлю ему свои книги, которые собирался и так послать в Рязань.

11 января. Еще примечание, о К. П. Победоносцеве. Я почти в одно время с Вашим письмом — получил и от него благодарственное письмо за присылку 2-го тома и с предложением продать ему по 60 экземпляров каждого тома для семинарий (с уступкой, впрочем, в цене).⁴⁶ 20-го, по получении жалования, вышлю.

Я думаю, все-таки, несмотря на разногласие с ним, Вам будет приятно видеть в нем эту черту справедливости.

Кстати — так как прямо Вы на него действовать не можете в мою пользу (в смысле «больших надежд»⁴⁷), то нельзя ли будет влиять при случае на него через Гагарина, который, вероятно, сначала сам будет стараться со всеми министрами ладить? В Гагарине самом я мало сомневаюсь. Всегда казался и надежным, и добрым, и *очень* смелым, хотя и с *тактом*.

Борис Павлович Мансуров⁴⁸ по получении 2-го тома был у меня сам, несмотря на то, что я у него по болезни быть не мог. Он сегодня возвращается в Петербург. Не пригодится ли и он. Вопрос любопытный: почему это государственные люди вежливее, чем записные литераторы? И Вы, и Победоносцев, и Мансуров — все находят время сказать спасибо за книгу, а ни Мещерский, ни Берг, ни Авсеенко о 1-м томе ни гу-гу! Вероятно, также поступят и со 2-м. И статьи даже о 1 томе позаботились написать все одни либеральные органы,⁴⁹ а Катков, Аксаков, Авсеенко — продолжают молчать. И никто из них даже и объявлений даром печатать не хочет. Ф. Н. Берг даже и на *одно* не согласился уговорить Маркса!

А что если бы Делянов и еще кто-нибудь из министров сделал бы как Победоносцев для гимназий, кадетских корпусов и т. п., то потребовалось бы пожалуй до 500 и более экз(емпляров) *каждого* тома? Было бы чем и в типографию половину уплатить, и самому вздохнуть бы можно. А если при этом («по-европейски») распространить об этом *слух* по

газетам, то заинтересовались бы — «что такое?» И остальные бы раскупили. Книга пошла недурно и без того, заметим, несмотря на малочисленность объявлений и дороговизну их, на недостаточное количество отзывов о 1 томе («Русская Мысль», «Вестник Европы», «Современные Известия» два раза и «Гражданин»,⁵⁰ о других не слышал), но так ли они *теперь* пошли бы, если бы редакторы и люди вообще были бы поумнее или подобросовестнее? А то ведь за исключением Вас да разве Влад(имира) Соловьева при случае, кто заботится о том, чтобы дать делу «un coup d'épaule»?⁵¹ Никто! Юноши еще — да у них еще весу нет. Если бы здоровье позволило в феврале, приехал бы на неделю в Петербург сам.

Кончаю! Есть и еще кой-что Вам сказать — не о себе, а об других, но до другого раза. Надо же и Вашим долготерпением не злоупотреблять, «не учащай» пером «к другу твоему — да не пресытится и да не возненавидит тя»⁵² (так ли текст? кроме «пера», конечно: там «ногами»).

13 января 1886. Сегодня мое рождение — 55 лет, а по здоровью 85! Вчера хотел еще раз просмотреть это письмо и запечатать его, но весь день почти пролежал в лихорадке. Вот все-то так!

Перечтя письмо, немножко застыдился этих излишних, кажется, подробностей. Но утешаю себя, во-1-х, тем, что Ваша любовь все «это покроет»,⁵³ а во-2-х, мне самому почему-то легче стало от этой исповеди.

Я надеюсь, Вы не подумаете, что я *то-то и то-то требую* и т. д. Между строчками не осталось ничего. Очень может быть, что и от(ец) Амвросий, когда увидит меня *теперь* (мы не видались с осени 83 г.), то изменит мнение и посоветует доживать в Оптине. Здоровье мое особенно подломилось с 84 года. Может быть, и то *относительное* «безмолвие», которое он считал прежде для меня не подходящим, теперь он найдет удобным. Ну, а в Оптиной на 2700 р. (так как мы с Вами говорили: 1500 и 1200) можно жить очень спокойно за оградой, а на 3200 (т. е. 2000 и 1200) и старые долги платить. Вот только этот банковый долг — 1200 р. — и там не даст отдыха. Мечтаю в таком случае без стыда и гордости найти себе

для уплаты хоть бы половины — какого-нибудь мецената. Теперь стыдно еще: Цензор, а тогда ничего — «смирренный отшельник»!

Желательно бы мне было знать, как Вы находите моего молодого друга и protégé — Гр(игория) Ив(ановича) Замараева.⁵⁴

И еще: нравятся ли Вам статьи «Сергиевского» в «Гражданине»? Это тоже «мой» (Иван Иванович Кристи, родной племянник посла⁵⁵ Нелидова).

Больше писать уже не смею, а сюжеты бы нашлись всякие. Прошу Вас, не потянитесь и не бойтесь, что буду часто такие письма писать... И это взяло несколько дней, и так почерк не хорош, а если бы я поторопился, — то Вы бы затруднились разобрать. Как же можно часто такие письма писать?

Марье Ивановне мое глубокое почтение.

Неизменно Вам преданный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 1—19.

Цитируется: 6, 390,

477, 511, 638; 8, 794,

802, 918—919.

¹ Измененная цитата: Пс. 33: 13 («Любяй дни видети благи»).

² Конец (лат.).

³ По-видимому, впоследствии оно было уничтожено. Сохранившееся нотариально заверенное завещание Леонтьева датировано 20 января 1890 г.

⁴ Цитируется прошение просительной ектении.

⁵ Крылатые слова из римского юридического обихода: «Tres faciunt collegium» (Трое составляют коллегий; лат.).

⁶ Речь идет о Каткове (см. п. 95).

⁷ Имеется в виду п. 96.

⁸ В статье «Еще о „Дикарке“. Гг. Соловьева и Островского» (1880) Леонтьев писал: «... я помогал его (Соловьева. — Ред.) сближению с г. Островским не с целью подчинить его свежий талант избитой и лукавой тенденции...» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 100).

⁹ Имение Щельково в Костромской губ., приобретенное в 1847 г. отцом драматурга, Н. Ф. Островским.

¹⁰ В 1885 г. Островский был назначен содиректором и заведующим репертуарной частью Московских Императорских театров.

¹¹ Ряд хвалебных отзывов о романе «Одиссей Полихрониадес» см.: 4, 958—959.

¹² Повесть «Аспазия Ламприди» впервые напечатана в «Русском вестнике» (1871. № 6. С. 739—773; № 7. С. 144—183; № 8. С. 427—469; № 9. С. 72—99).

¹³ Каждому свое! (лат.).

¹⁴ Первые произведения Леонтьева (комедия «Женитьба по любви» и роман «Булавинский завод», 1851—1852) не были опубликованы. Комедия не прошла цензуру, а о романе сам автор понимал, что из него «все выкинут, кроме описаний» (6, 745). Следующая вещь, повесть «Немцы» (1852), также претерпела ряд цензурных мытарств и была опубликована только в 1854 г. под названием «Благодарность» (МВед. 1854. № 6—10; подпись: ***).

¹⁵ См. п. 78 и 94.

¹⁶ Леонтьев неверно запомнил фамилию баталиста Б. П. Виллевальде, а рассказчиком, несомненно, был шурия В. Н. Леонтьева, скульптор И. Н. Шредер.

¹⁷ Имеется в виду: в первой половине 1860-х гг.

¹⁸ См. примеч. 6 к п. 73.

¹⁹ Ср.: «На Западе я нахожу г. Леонтьеву полного двойника в лице Joseph de Maistre» (Твердо Балканский. Славянство и К. Леонтьев // СИ. 1885. 31 окт. № 282. С. 2; то же: 8, 794).

²⁰ На о. Халки, одном из девяти Принцевых островов в Мраморном море вблизи Константинополя, Леонтьев жил в 1872—1873 гг.

²¹ Здесь Леонтьев близок точке зрения Э. фон Гартмана («Философия бессознательного»).

²² Ср. в письме к племяннику от 8 февраля 1886 г.: «Вчера, когда я получил твое письмо — у меня было всего 5 к. сер(ебром) и никакой надежды до 20-го» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48 Л. 17).

²³ Пс. 36: 21. В копии ошибочно: «отдаст».

²⁴ Леонтьев узнал об этом из письма Г. И. Замараева, встречавшегося с Бергом в октябре 1885 г.: «Относительно Ваших статей он высказал мнение, что они редко подходят под программу “Нивы” по той-де причине, что автор (т. е. Вы) часто увлекаетесь личностями, мнениями, тенденцией, тогда как их редакция старается чуждаться всего этого» (письмо от 14 октября; цит. по: 6, 510).

²⁵ Возможно, это отголосок спора по поводу очерка «Майноские староверы», который Авсеенко опубликовал не читая (СПбВед. 1884. 20 сент. № 260. С. 1; 21 сент. № 261. С. 1; 22 сент. № 262. С. 1; 25 сент. № 265. С. 1), а потом, услышав «недовольные отзывы» об этом произведении, отказался печатать Леонтьева в своей газете (см. подробнее: 6, 497, 505). Фрагмент о европейской одежде см.: 6, 515—516.

²⁶ Первые лицеисты сблизились с Леонтьевым зимой 1882—1883 гг.

²⁷ Речь идет о незавершенной книге «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», начатой еще в 1872 г. Леонтьев продолжал работать над ней приблизительно до 1889 г. Сохранившиеся в копии М. В. Леонтьевой главы впервые опубликованы посмертно: Леонтьев К. Н. Собр. соч. М., 1912. Т. VI. С. 3 — 79.

²⁸ Речь идет о сборнике «Восток, Россия и Славянство».

²⁹ Имеется в виду цикл «Письма о Восточных делах» (1882—1883).

³⁰ Речь идет об очерках «Мой приезд в Тульчу» (СПбВед. 1883. 1 дек. № 325. С. 1; 2 дек. № 326. С. 1), «Польская эмиграция на Нижнем Дунае» (Там же. 8 дек. № 332. С. 1; 9 дек. № 333. С. 1; 20 дек. № 344. С. 1; 21 дек. № 345. С. 1—2; 24 дек. № 348. С. 1) и «Консульские рассказы» (Там же. 1884. 13 янв. № 13. С. 1; 18 янв. № 18. С. 1; 19 янв. № 19. С. 1), написанных в ноябре 1883 — январе 1884 гг. См.: 6, 476—478, 484.

³¹ Записки Ф. П. Леонтьевой публиковались в «Русском вестнике» (1883. № 10. С. 815—847; № 12. С. 878—902; 1884. № 2. С. 670—721).

³² В Оптиной был начат очерк «Разбойник Сотир (Из воспоминаний консула)», опубликованный в 1884 г. (Нива. 1884. № 19. С. 447, 450—451; № 20. С. 474—476; № 21. С. 494—495, 498—500). См.: 6, 469—471.

³³ Женская община, созданная преп. Амвросием Оптинским близ д. Шамордино Перемышльского уезда Калужской губ.; с 1884 г. — Шамординский Казанский женский монастырь.

³⁴ Е. В. Самбикина.

³⁵ «... Да тихое и безмолвное житие поживем» — цитата из просительной ектении.

³⁶ Возможно, имеется в виду архимандрит Антоний (Медведев), настоятель Троице-Сергиевой Лавры, духовник св. Филарета Московского.

³⁷ Аллюзия на 2 Кор.: 12: 9 («... Сила бо Моя в немощи совершается»).

³⁸ Это удалось осуществить, см. с. 344.

³⁹ Измененная цитата из просительной ектении: «Добраго ответа на Страшном судище Христове просим...»

⁴⁰ Дополнение (франц.).

⁴¹ Сцена «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою» входит в VI главу книги очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (впервые: ОЗ. 1881. № 5).

⁴² «Великими державами» на языке дипломатии назывались Англия, Франция, Россия, Австро-Венгрия, впоследствии Германия. Под «малыми Балкано-Морейскими» (Морея — полуостров Пелопоннес) подразумеваются Греция, Болгария, Сербия и Черногория.

⁴³ Хранитель печати, правитель дел при Вселенском Патриархе.

⁴⁴ С кн. К. Д. Гагариным и его женой Леонтьев познакомился в 1870 г. на о. Корфу, напомнил о себе по возвращении из Турции письмом в Калугу (1874). У них вновь завязались дружеские отношения. 12 писем кн. Гагарина к Леонтьеву сохранились: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Когда Гагарин был назначен товарищем министра внутренних дел, Леонтьев обрел в нем нового покровителя в петербургских высших сферах. Леонтьев поздравил князя с назначением 16 января, а тот отозвался только 8 февраля 1886 г. (Там же. Л. 16—17 об.).

⁴⁵ Речь, скорее всего, идет о племяннике, В. В. Леонтьеве.

⁴⁶ См. также: 6₂, 638.

⁴⁷ Возможно, аллюзия на название романа Ч. Диккенса (1861).

⁴⁸ Сохранилось более раннее письмо Леонтьева к Б. П. Мансурову, от 19 января 1884 г. (см. примеч. 4 к п. 78).

⁴⁹ Имеются в виду заметка в «Русской мысли» (1885. № 7. Отд. III. С. 9—12) и рецензия А. З. Слонимского в «Вестнике Европы» (1885. № 12. С. 909—912; подпись: А. С.).

⁵⁰ См.: 8₂, 787—801.

⁵¹ Подмогу (*франц.*).

⁵² В *ц.-сл.* тексте: «Не учащай вносить ногу твою ко другу твоему, да не когда насыщся тебе, возненавидит тя» (Притч. 25: 17). Ср. в слове преп. Ефрема Сирина «В подражание притчам»: «Не учащай в келлию к брату своему» (*Ефрем Сирийский, св. Творения*. Т. 1. М., 1993. С. 104; репр. изд.: Сергиев Посад, 1907).

⁵³ 1 Кор. 13: 7.

⁵⁴ См. о нем п. 93.

⁵⁵ В копии ошибочно: «Павла». Речь у Леонтьева идет об А. И. Нелидове.

98

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

13 февраля

1886 г., Петербург

С большим сокрушением должен Вам сказать, что я потерял все надежды устроить для Вас что-нибудь, по крайней мере в настоящее время. Феоктистов, который сначала обещал содействовать мне горячо, с каждым новым переговором все более и более отклонялся от данного обещания и наконец совершенно от оно́го отрекся. Да не вменит ему Бог.¹ Теперь пока надобно прекратить всякие переговоры; со временем, если, как я надеюсь, мы сойдемся поближе с кн. Гагариным, аще Бог восхочет и живи будем, сотворим сие и оно.² Вам несомненно вредит близость Ваша ко мне: ибо новый Копроним (гноеименитый)³ дошел до крайней ко мне ненависти и, кажется, съел бы меня сырого в Страстную пятницу. При том же, как ни замечательны Ваши статьи, ныне отдельно напеча-

танные, и как ни возвышенны исповедуемые Вами охранительные начала, они Копрониму и иже о нем не годятся: воздавая Кесарево Кесареви, Вы воздаете и Божие Богови;⁴ а это им, хамам, не годится. Душа свободная и независимая, хотя бы и покорная государственному и гражданскому долгу, им ненавистна, как обличение их подлого рабства и своекорыстной лести. Сочетание Питерского Копронима с Московским опричником (Катков) есть миниатюрное изображение «зверя со змием».⁵ Читали ли Вы отвратительную по лицемерию и пошлую по изложению статью К. П. об Аксакове и древних славянофилах в «Гражданине»?⁶ Эта хвала от скверных устен, от мерзкого языка, от души осквернены⁷ писана тем же самым лицом, которое настояло, чтобы в последнем предостережении «Руси» был опорочен патриотизм Аксакова.⁸ «Вверните-ко ему это, сказал он Феокистову, это ему будет чувствительно». А теперь, как пес, старается засыпать песком свое извержение. А Анна Федоровна,⁹ гляди, плакала от умиления, читая эту дребедень. Заметили ли Вы там выражение: «Аксаков был ни тепл, ни студен, но горел»? ...¹⁰ В Апокалипсисе сказано так (пишу на тот случай, если Вы не помните): «понеже ни тепл, ни студен, но обуморен (tiède) еси, сего ради изbleвати тя имам от уст моих».¹¹ Впрочем, ну его к черту.

Мне кончина Аксакова очень чувствительна, но я не имел духу сказать о нем что-либо, при виде этой омерзительной, поддельной, лицемерной грусти о нем всякого сброда. Для меня древние славянофилы действительная святыня, в особенности И. В. Киреевский. Иван Сергеевич запутался в Греко-болгарском вопросе¹² и, при его влиянии на славян, в этом деле был несомненно вреден; вместе с тем он уже не мог разобраться, как следует, и в тех событиях, которые в последние дни поразили его неожиданностью,¹³ несмотря на то, что они были естественным и даже неизбежным последствием общей огульной ошибки и нашего правительства, и нашего общества, и даже введенного в заблуждение народа, и в особенности нашей печати, которая, почти вся сплошь, в греко-болгарском споре была за буйный мятеж против Церк-

ви. Исключенья были так редки, что можно вспомнить Мицкевича: *Znałem ludzi dwoje*.¹⁴

В других вопросах он тоже иногда не попадал в точку; но так как они не имели того верховного значения, которое имел вопрос болгарского церковного мятежа, то это было неважно, тем более что его ошибки были непорочны по побуждениям, да их и было немного.

В вопросе старообрядческом он стоял даже на совершенно правильной точке зрения.¹⁵

«Руси» не будет, но Шарапову разрешается издание еженедельной газеты,¹⁶ и вот случай — дать исход тем идеям, которые нигде доселе, кроме «Гражданина», не находили радушного приема. Но тут надобно действовать, сколь возможно, осторожнее, с постепенностью: во-первых, потому что газету еще будут некоторое время держать на испытании; во-вторых, потому что и сам Шарапов с нашим образом мыслей еще не ознакомлен и должен быть к восприятию их приготовлен.

С этою целью я и дал ему это письмо, которое, впрочем, по почте посылать было бы и неосторожно.

Засим обнимаю Вас и желаю Вам мира и радости духовной, в ожидании и телесного со временем обеспечения.

Ваш искренний Т. Филиппов.

13 февраля 1886.

Если будете писать ко мне что-нибудь такое, что должно быть сохранено между нами, то делайте это не иначе, как с «оказией». Почте не вверяйте.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271.
Л. 33—34.
Цитируется:
Фанариоты. 1.
С. 120—122.

¹ См. примеч. 5 к п. 79.

² Иак. 4: 15.

³ Речь идет о Победоносцеве. В прозвище обыгрывается соименность обер-прокурора Синода императору-иконоборцу Константину V, в свою очередь прозванному Копронимом — «соименным навозу» (*греч.*).

⁴ Мф. 22: 21; Мк. 12: 17; Лк. 20: 25.

⁵ Образы Апокалипсиса (ср.: Откр. 11: 7; 12: 3—4, 7—9; 13: 1—18).

⁶ Имеется в виду статья: К. П. (Победоносцев К. П.) Аксаковы // Гр. 1886. 9 февр. № 12. С. 1—3.

⁷ Измененная цитата из 6-й молитвы ко причащению св. Симеона Нового Богослова («От скверных устен, от мерзкого сердца, от нечистого языка, от души осквернены...»).

⁸ Последнее предупреждение «Руси», подписанное 26 ноября и врученное Аксакову 29 ноября 1885 г., было сделано за статьи о сербско-болгарской войне и русской внешней политике. В нем говорилось о «недостатке» у редактора «Руси» «истинного патриотизма». Аксаков отвечал на это обвинение в передовой от 6 декабря. См.: Аксаков И. С. Сочинения: (В 7 т.) М., 1886. Т. I. С. 730—736.

⁹ Имеется в виду вдова И. С. Аксакова, А. Ф. Аксакова.

¹⁰ В статье Победоносцева говорилось: «Всякий чувствовал, подходя к нему, что в нем нет лести и своекорыстия, что он ни тепл, ни холоден, а *горит* огнем любви и негодования — для истинных интересов Русской земли и всего языка славянского» (Гр. 1886. 9 февр. № 12. С. 3).

¹¹ Откр. 3: 16. Tiède — тепловатый; безразличный человек (франц.).

¹² Подобно подавляющему большинству общественных и политических деятелей, Аксаков был в то время целиком на стороне болгар.

¹³ Речь идет о сербско-болгарской войне, поразившей славянофила как первый случай братоубийственного столкновения двух славянских народов.

¹⁴ Я знал двоих людей (польск.). Цитата из вступления к поэме А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (1828).

¹⁵ Подразумевается: симпатизировал старообрядцам, выступал за предоставление им свободы вероисповедания.

¹⁶ Шарапов получил разрешение на издание газеты «Русское дело».

11 апреля 1886 г.,
Петербург

99

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой и возлюбленный Константин Николаевич.

Поздравляю Вас с наступающим Великим днем Всемирного Христова Воскресения и целую Вас лобзанием мира¹ и искренней любви. Господь посреде нас.²

Слышал я от Г. И. Замараева, что Вы перенесли очень опасную болезнь, которая друзьям Вашим внушала страх разлуки.³ Благодарю Бога

за исцеление Ваше; лишиться Вас и во всякое время было бы мне тяжело, а в такие дни, как нынешние, исполненные опасностей для Церкви и отечества, коих я не отделяю в моем представлении, — опасностей страшных особенно потому, что на них никто не обращает внимания, — Ваше отшествие было бы для меня сугубым ударом и не вознагражденным лишением.

Очень бы хотелось мне послужить Вашим немощам и нуждам, но все мои усилия остаются пока бесплодными: для меня самого наступила пора испытания. Что прежде давалось мне без труда, по первому слову, теперь является недостижимым: откуда только берутся преграды. Надобно переждать. Ὑπομονὴς ἔχετε τῇν χρείαν.⁴ И паки речено негде: никтоже мудр, токмо терпеливый.⁵

В мае рассчитываю быть в Москве, ближе к концу, после 20-го числа; остановлюсь, вероятно, в гостинице, ибо приеду с сыном, который думает поклониться Преп(одобному) Сергию.

Как поразительны — с нашей точки зрения — события на Балканах.⁶ О, зачем я не тщеславен и не самолюбив до забвения общих вопросов? Сколько бы злой и недостойной радости мог я испытать от такого точного и блистательного исполнения моих горьких предвидений. Бог поругаем не бывает.⁷ И еще: аще в чужем (в деле вселенской патриархии) верни не бысте, ваше кто вам даст?⁸

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 11 апреля 1886.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 36.

¹ «Лобзанием мира» называется обряд, совершающийся в алтаре во время литургии.

² При лобзании мира во время Божественной литургии говорится: «Христос посреде нас» (ответ: «И есть и будет»).

³ Леонтьев заболел зимой. С 27 февраля он уже не посещал заседания цензурного комитета, а потом стал хлопотать о двухмесячном отпуске, который в дальнейшем удалось обратить в полугодовой. 23 февраля Н. М. Бобарыкин вызвал телеграммой

М. В. Леонтьеву (см. об этом вызове в телеграмме от 23 февраля и открытом письме от 1 марта 1886 г. А. Т. Пронина к В. В. Леонтьеву: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 17, 18). О перенесенной болезни Леонтьев рассказывал в письме к кн. К. Д. Гагарину от 18 июля 1886 г.: «...я перенес в течение Велик(ого) Поста и мая месяца *три* тяжких болезни одну за другой (2 острых: гнилостное заражение крови в руке с воспалением лимфатических сосудов; потом — жесточайший *злокачественный* грипп, и наконец, долго не мог действовать ни руками, ни ногами от *ран* на ладонях и подошвах)» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 13—13 об.). Замараев в феврале собирался навестить Леонтьева, но услышав от кого-то, что тому лучше, передумал, о чем и написал 2 марта (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 43), но как раз на следующий день, 3 марта, по просьбе Леонтьева, ему написал слуга последнего, А. Т. Пронин, сообщив, что больной все-таки просит приехать к нему (ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 722. Л. 17). Возможно, Замараев выполнил эту просьбу. До этого Замараев доставил Филиппову второй том сборника «Восток, Россия и Славянство» и сопроводительное письмо Леонтьева (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 40; см. примеч. 3 к п. 102).

⁴ См. примеч. 2 к п. 36.

⁵ Перевод на церковнославянский язык латинских крылатых слов «*Nemo sapiens nisi patiens*».

⁶ Имеются в виду государственный переворот в Болгарии, короткая сербско-болгарская война в ноябре 1885 г., воссоединение Северной и Южной Болгарии (Восточной Румелии), ухудшение отношений Болгарии с Россией.

⁷ Гал. 6: 7.

⁸ Лк. 16: 12.

100

Леонтьев — Филиппову

18 апреля 1886 г.,
Москва

18 апреля 1886, Москва.

Христос Воскресе, глубокоуважаемый и дорогой Третий Иванович, простите мне не только грешному, но и убогому теперь калеке, что я изъязвленными руками моими не первый поздравил Вас с праздником Пасхи Христовой. Я скоро стану почти «невменяем» с точки зрения общественной и дружеской... «Пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах». «Яко лядвия моя наполнишася поруганий и *несть исцеления в плоти моей...*» «*Несть мира в костех моих от лица грех моих!*»¹ — Может быть, в этих словах Псалмов что-нибудь и не верно,

но они до того соответствуют и телесному состоянию моему, и сердечным чувствам, что я не могу отказать себе в удовольствии написать их на память, не справляясь с книгой (которая и лежит-то всего в пяти шагах!).

Да! Т(ертий) И(ванович), заслуженное наказание за ужасную прежнюю жизнь. Утешение одно: это то, что один старец сказал духовному сыну на вопрос: «когда можно надеяться, что грехи прежней жизни прощены?» — «Тогда, когда человек начинает их ненавидеть».² И вот я после *двух последних острых болезней*, придя в себя, наконец (недели с 3 тому назад), от жестоких и разнообразных страданий, до того нестерпимо возненавидел все свое прошедшее, не только давнее полубезбожное и блудное и гордое, самодовольное, но и ближайшее, когда уже (лет 15 тому назад) я на Афоне стал мало-помалу озаряться светом Истины,³ но вера и страх Божий и любовь к Церкви не могла по гнусному непотребству моему искоренить вдруг все тонкие и глубочайшие корни пороков, легкомыслия, тщеславия, гневливости, самооправдания и *литературного празднословия*. Только разве на *последние два года*, обернувшись с невыразимым ужасом на ложно пройденный жизненный путь, на эти *два года упадка сил и возрастания телесных мук* — смотришь лучше. Пусть не своими усилиями, да хоть карающей Десницей, немного и невольно как будто поочистился. И то не знаю... а говорю — *как будто*. «Блажен муж, его же накажешь, Господи!»⁴ Не смею даже и решительно молиться о полном исцелении, напр(имер), хоть главного теперь телесного недуга моего (сыпи и язв), боюсь, не стал бы я, окаянный, опять прежним в неблагодарности моей... А теперь (благодарю Бога!) я и противу Каткова считаю себя неправым и *понимаю*, что он не хочет для меня ничего сделать. Если бы я публично и приватно негодовал бы на него за Греко-Вселенскую патриархию и т. п. (как делаете это, например, Вы⁵), то я не счел бы это грехом злопамятства и осуждения, а разве усомнился бы в том, что правы ли мы оба в нашем более или менее самоуверенном предрешении судеб Божиих, но у меня *было не то*; на вопрос церковный я смотрел покойнее, ибо думаю нередко: «Бог еще знает, кто из нас ока-

жется правее ... Пусть Катковское преобладание государства и погубит Православие *Греко-Российское*, но „врата адовы не одолеют Церкви“, ⁶ и потому может превознестись на место недостойных все то же *Православие*, но какое-нибудь *Индо-Китайское* ⁷ и т. д.». Нет, я не за это весьма громогласно в Москве нападал на Каткова, а за его *личные* качества и за его *личные* ко мне отношения!!! И вот я не так давно узнал из *верных* рук, что ему все это доложили (опять же люди, которым я *лично* не спускал при случае ⁸), и он прав, что не мирволит ко мне. *Не мне*, «богомольному» все-таки человеку, *было так поступать во всеуслышание*. Поступая так *просто*, роняешь даже тот священный принцип, которому хочешь служить: «вот, мол, они, религиозные-то люди — *все то же!* Не лучше нас!» И в наше время не на человека самого и не на дьявола сведут, а на *религию*, того и гляди! «*Не сильна она*, не поработает их дотла».

Да, плохи мы грешные, плохи! И нужен и *физический* даже бич, чтобы нас заставить сделать еще хоть 2-3 шага на пути очищения и строгого покаяния!...

Катков для меня теперь *противу* меня прав, а знаете, кого я всей душой теперь ненавижу? Не угадаете. — *Гёте*. — Да, от него заразились и все наши поэты и мыслители, на чтении которых я имел горькое несчастье воспитаться и которые и в жизни меня столько руководили!⁹ «Рассудочный блуд, гордая потребность развития какой-то моей личности» ... и т. д. Это ужасно! Нет, тут нет середины! Направо или налево! Или христианство и страх Божий, или весь этот эстетический смрад блестящего порока!...

Поздно уразумех и смирихся... ¹⁰

Вы пишете, что от Григория Ив(ановича) Замараева слышали об опасности болезни моей, об одной... Вообразите (сверх 3-х хронических обычных), их Великим Постом *было две* неожиданных и острых, одна за другой. Григорий Ив(анович) знал только о первой, ибо она звучала страшнее: *гнийное заражение крови*, но ее скоро отвратили, и на 2-ой неделе поста я был уже вне опасности, но вдруг вслед за этим кто-то

занес мне острый грипп, который принял у меня такой злокачественный характер, что я опять был уже около 4-х недель на краю гроба (*Николай I-ый* от этого скончался,¹¹ такой исполин!), а я вот жив. Но во-1-х, эта вторая болезнь до того меня истерзала, что я только на Страстной стал приходить в себя. А во-2-х, как только она кончилась, так хронические обычные недуги вступили с новой силой в свои права, и вот то ноги, то руки в коре и язвах. Опять *служу дома*, а в Комитет еще не ездил: обуться еще нельзя, хотя и лучше. Вот и все об этом.

Боюсь, что мы не увидимся: после 20-го мая необходимо *спешить* в Оптину, а то ведь отпуска не долги. Впрочем, если Вы приедете 20-го, а я раньше 23-го не выберусь, вероятно, — то, Бог даст, и увидимся. Насчет препятствий, которые Вы теперь везде встречаете, то это, конечно, временное испытание, молю Бога, чтобы эти раздражающие обстоятельства скорее бы во всем для Вас изменились, а что касается до меня, то пока я положился вполне на волю Господню и тяну день за день, в полной уверенности, что меня не выгонит никто на улицу как собаку. У нас что-то и с виноватыми, но заслуженными, так не делают, а со мной и подавно. Все больше и больше на докторов и лекарства трачу — вот беда в случае недостаточной пенсии. Ведь они все-таки много облегчают страдания, да кой от чего и вылечивают. А *пока* — как есть можно еще жить. Не было бы теснее, — но и тут надо сказать: воля Его святая! Посмотрим, что скажет обо всем этом от(ец) Амвросий. В заключение скажу, что хронические болезни мои, может быть, и потому уже нужны, что нравственные, общественные и семейные условия мои никогда еще так хороши не были и если бы я теперь был бы здоров — то слишком полное благоденствие было бы *не на пользу*. Одной любви я столько видел от разных людей за время опасной болезни, что даже и плакал раза два от умиления!

Ну, простите, что так многословно говорил о себе. Дай Бог Вам *облегчения* в Вашей внешней и внутренней борьбе и не забывайте — неизменно преданного Вам К. Леонтьева.

Р. S. Марье Ивановне мое глубокое почтение.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 19—23.
Фрагмент о Каткове
впервые: *Нестор*.
С. 179. В сокращении
опубл.: *Материалы*.
С. 490—492.

¹ Пс. 37: 4.

² Леонтьев вспоминает ответ преп. Варсануфия на вопрос ученика («Скажи мне (...) какой признак прощения грехов?»; вопрос 540): «Признак прощения грехов состоит в том, чтобы возненавидеть их и не делать более» (*Варсануфий Великий, Иоанн, преп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1993. С. 343—344; репр. с 4-го изд.: СПб., 1904). Ср. слова египетского старца аввы Пинуфия, приведенные преп. Иоанном Кассианом Римлянином в 20-м собеседовании из «Собеседований египетских подвижников»: «... Доказательством того, что удовлетворено за грехи и что они прощены нам, служит то, если истреблено из наших сердец и расположения к ним. (...) ...тогда должно почитать себя разрешенным и прощенным в прежних грехах, когда сердце и воображение уже не обольщаются ими» (*Иоанн Кассиан Римлянин, преп.* Писания. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 531—532; репр.: М., 1892). Ср. с приведенным в «Отчнике» св. Игнатия Брянчанинова изречением из 8 Слова Аввы Исаии: «Знамением, что грех прощен, служит то, что он уже не производит никакого действия в сердце твоём и ты забыл о нём до того, что, при разговоре ближних о подобных грехах, ты не ощущаешь никакого сочувствия к нему, как вполне чуждому тебе» (Отчник, составленный Епископом Игнатием (Брянчаниновым). М., 1993 (репр. изд.: Избр. изречения св. иноков и повестей из жизни их, собр. Еп. Игнатием (Брянчаниновым). Изд. 3-е, испр. СПб., 1891) С. 121). Этот ответ аввы Исаии несколько скорректирован преп. Варсануфием Великим (*Варсануфий Великий, Иоанн, преп.* Руководство к духовной жизни... С. 179—180; вопрос 237).

³ Речь идет о 1871—1872 гг.

⁴ Неточная цитата: Пс. 93: 12 («Блажен муж егоже аще накажеша Господи...»).

⁵ Не ясно, «негодовал» ли Филиппов только в письмах или были и какие-нибудь статьи в «Гражданине» (он печатался там под различными псевдонимами и без подписи).

⁶ Измененная цитата: Мф. 16: 18.

⁷ См. сходные высказывания в статье «Храм и Церковь» (7, 520) и в письме к Ша-рапову от 4 мая 1888 г. (РЛ. 2004. № 1. С. 123, 125—126).

⁸ Речь идет, скорее всего, о С. А. Петровском.

⁹ Ср. в письме к о. И. Фуделю от 2 мая 1890 г.: «Великие Байрон и Гёте — оба глубоко развратны и в высшей степени чувственны (особенно Гёте). — Они оба на эстетическое чувство (в самой жизни, на развитие истинно эстетического — мировоззрения, а не то что журнальной критики какой-нибудь!) действуют неотразимо! — Гордость, отвага, страстность, сила воли, физическая красота и физическая сила; тонкое сладострастие; какое-то скрытое во всем языческое богословие — прекрасного в реальной жизни; — глубокий аристократизм мировоззрения — вот — *положительная* сторона у Гёте и Байрона. — Это, конечно, гораздо лучше и выше этой пром(о)зглой позднейшей музыки — „скорби и печали“, столь некрасивой и хамской (надо сознаться!); но и

Гёте, и Байрон для *Христианства* истинного *очень вредны*. — Они могут — пожалуй, к нему *привести* человека путем психических *антитез*, — как привела к нему языческая эстетика — весь Рим и всю Грецию. — Но не иначе. — Я знаю по опыту моего собственного многогрешного сердца — *каким горьким способом такая поэзия приводит к Богу и Христу*» (*Преемство от отцов*. С. 201).

¹⁰ Леонтьев использует устойчивые библейские обороты (ср.: Пс. 38: 3; 118: 107).

¹¹ Император Николай I скончался 18 февраля 1855 г. от простуды, полученной во время парада.

101

Филиппов — Леонтьеву

23 апреля 1886 г.,

Петербург

СПб. 23 апр(еля) 1886

Дорогой Константин Николаевич!

Благословенно смирение, основание и венец Христианских добродетелей! И благословен Бог, всеявший семя его в сердце Ваше и даровавший Вам зрети своя прегрешения¹ и отстранять взор свой от «суща иже во оце брата твоего»!² Остальное, Бог даст, приложится³ во время свое!

Спешу Вас уведомить, что у меня есть намерение в двадцатых числах мая быть в Оптиной пустыне, куда я везу своего сына пажа;⁴ 23 мая у меня будет в Москве заседание,⁵ а 24 я могу выехать. И если буду иметь вагон, то упокою кости и утробу Вашу.

Между тем прошу Вас немедленно прислать мне подробное описание Ваших недугов, дабы я мог привезти с собою совет и наставление гомеопата и маттеиста⁶: ибо Ваше телесное спасение только в них.

Относительно отпуска я похлопочу, чтобы он был несколько продолжительнее; может быть в этом буду иметь успех.

Приветствуя смирение Вашего сердца, я позволяю себе заметить, что в рассуждении о Каткове и его воззрениях на церковные вопросы Вы перешли черту, для человеческого смирения проведенную перстом Бо-

жиим. В личных злых чувствах к нему мы оба виноваты, как Христиане, наученные прощать и не умеющие исполнить повеление; но в том, кто прав по делу Церкви, сомнения нет и *не должно быть*. Если бы и не сбылось Ваше гадательное предположение, что Бог, вместо ныне сущих православных народов, изберет иных (Он силен и от камене воздвигнуть чада Аврааму⁷), то наше ли дело ускорять собственное изгнание из дому Божия? И разве призвание китайцев и японцев в лоно Церкви требует нашего из Нея отпадения? И разве можно служить Русскому *государству*, во имя коего Катков закаляет *Церковь*, ругаясь Церкви и попирая Ее? Что же станется с Русским государством, если оно пойдет по этому проклятому и погибельному пути? Если оно совлечется своего вышшего и, можно сказать, божественного призвания, то какая польза ему, аще (не только Босфор и проливы, но и) мир весь приобретает?⁸ Русская земля, Русский народ, Русский Царь — врозь с Православною Церковию: что же это будет? Я говорю это лишь к примеру и нимало не боюсь (хоть и глубоко скорблю) за Церковь, Которой дано обетование неодолимой силы, способной противустоять не только Каткову (я разумею здесь Каткова собирательного, вообще все семья Феофане⁹), но и всему аду.¹⁰

Этот образ мыслей и проистекшие из оного дела наши навлекли на себя видимый гнев Божий и явное проклятие: плод сих мыслей и дел — современная Болгария, змий сей, егоже созда(ла) Россия ругатися ему.¹¹ После таких указаний не опыта, но самого перста Божия продолжать еще прежнюю осужденную последствиями политику — это сатанинская гордость, избегающая сознания своих грехов и заблуждений, и добровольное смежение очей пред солнечным лучем, озарившим истину! Этому Каткову прощать нельзя, ибо это не наше, а Божье, повелительно требующее от нас защиты. В остальном же мне нечего и прощать ему. Хотя есть признаки, что он ищет души моей,¹² в чем помогают ему и мои друзья;¹³ но если Господь покроет меня, то наступлю на аспида и василиска и поперу льва и змия.¹⁴ Если же Бог отнимет руку Свою,¹⁵ то и без дружеских сетей могу запутаться и «звероуловлен бытьи».¹⁶

Прочее да гоним, брате, искреннее незлобие¹⁷ к ненавидящим нас, ярость же души нашей да обратим на врагов Церкви, отечества и Государя, да исполнится на нас оное: гневайтесь и не согрешайте.¹⁸

Жена моя сердечно Вас приветствует. Мы все находимся под впечатлением великого в правительственной области события, назначения Вышнеградского,¹⁹ радостного особенно потому, что избрание Государя пало на него, как можно думать, без всякого стороннего внушения. Теперь возможно спасение наших финансов и вообще нашего экономического положения. Боже! что значит истинный талант!

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов. Ответ на п. 100.

Автограф: РГИА.

Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4.

Л. 24—27 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271.

Л. 37—38.

Впервые: *Нестор*.

С. 180—181.

¹ Измененная цитата из великопостной молитвы св. Ефрема Сирина («Даруй ми зрети моя прегрешения...»).

² Мф. 7: 3; Лк. 6: 41.

³ Аллюзия на: Мф. 6: 33.

⁴ До 1890 г. С. Т. Филиппов был воспитанником Императорского Пажеского корпуса.

⁵ Вероятно, имеется в виду заседание Контрольной палаты.

⁶ Т. е. последователя системы Ч. Маттеи.

⁷ Мф. 3: 9; Лк. 3: 8.

⁸ Аллюзия на: Мф. 16: 26; Мк. 8: 36.

⁹ Обыгрывается библейское выражение «семя Авраама». Здесь под «Феофаном» подразумевается Феофан (Прокопович), олицетворяющий собою идею обмирщения Церкви и подчинения ее государству.

¹⁰ Подразумеваются слова Спасителя: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют Ее» (Мф. 16: 18).

¹¹ Реминисценция из Пс. 103: 26.

¹² Ср.: 3 Цар. 19: 10 («но и моей души ищут, чтоб отнять ее»); Рим. 11: 3 («и моей души ищут»).

¹³ Здесь подразумеваются Феокистов и М. Н. Островский.

¹⁴ Измененная цитата: Пс. 90: 13.

¹⁵ Ср.: «... Не отними руки Твоей от рабов Твоих» (Нав. 10: 6).

¹⁶ Цитата из 2-й молитвы ко причащению св. Иоанна Златоуста («... И да не на мнозе удаляйся общения Твоего, от мысленного волка звероуловлен буду»).

¹⁷ Гнать — стремиться (ц.-сл.).

¹⁸ Еф. 4: 26.

¹⁹ Имеется в виду назначение И. А. Вышнеградского членом Государственного совета по Департаменту государственной экономики. Позднее, с 1 января 1887 г., Вышнеградский стал министром финансов.

102

28 апреля 1886 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

1886, 28 апреля, Москва.

Тертий Иванович!

Иные из домашних моих, когда узнали, что Вы собираетесь вместе со мною ехать в Оптину, воскликнули: «Вот Господь-то К(онстанти-ну) Н(иколаеви)чу нет-нет да невидимо и неожиданно утешение и пошлет!»

И они правы не столько с точки зрения упокоения «утробы и костей», о которых Вы пишете, но еще более с душевной точки зрения, ибо они знают, какое ободряющее действие имеет на меня даже и краткое свидание с Вами.

Пошли Господь, чтобы не встретилось неожиданных препятствий!

А то, что Вы хотите Вашего паж¹ возить по св(ятым) обителям, это я и выразить не могу, до чего мне нравится!

По изменившемуся почерку Вы можете судить, до чего мне неловко писать лежа (ноги всё в язвах, хотя и лучше) и в перчатках на больных тоже руках. Поэтому на два еще пункта отвечу очень кратко.

1) О *гомеопатии* я сам не прочь подумать, но надо подождать; *аллопат-специалист*² очень старательный только что начал внутреннее лечение, раньше 20-го мая неразумно будет прервать, а Тарновского пригласить успеем.³

2) Насчет *прибавки* отпуска пока не беспокойтесь, надеюсь обойтись *обыкновенными* средствами.⁴ А Ваши труды и Ваше влияние мне необ-

ходимее для *других* целей, о которых лично объяснимся.⁵ Простите — не в силах больше писать. Очень неловко!

Вам неизменно преданный К. Леонтьев.

Марью Ивановну благодарю за добрую память.

21-го мая мои именины. Когда бы Вы разочли *по-европейски* свое время так, чтобы провести этот вечер у меня!

Ив. Ив. Кристи (Сергиевский — в «Гражданине»⁶) очень желает быть Вам представленным.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 23—24.

Ответ на п. 101.

¹ К этому месту в копии примеч. (рукой Губастова): (сын Т. Ив-ча).

² Возможно, речь идет о докторе Л. С. Медведеве, у которого Леонтьев лечился в 1877—1891 гг.

³ Леонтьев отвечает на предложение совета от «гомеопата и маттеиста». Замаараев еще зимой 1886 г. передал Леонтьеву пожелание Филиппова: «Сегодня отнес я Тertiю Ивановичу Филиппову книгу и письмо. Он советует Вам обратиться к какому-то знаменитому Московскому гемеопату (так!) (кажется, Терновскому, если не ошибаюсь — Вы вероятно знаете). Говорят, что он просто делает чудеса» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 40).

⁴ Имеется в виду, вероятно, возможность получить заключение уездного врача, к чему Леонтьев и прибег позднее.

⁵ Подразумеваются хлопоты о выходе в отставку с усиленной пенсией.

⁶ См. примеч. 3 к п. 93.

103

Леонтьев — Филиппову

6 мая 1886 г.,

Москва

Глубокоуважаемый Tертий Иванович!

Пишу, как видите, не своей рукой, потому что руки в нарывах и язвах. Вот о чем два слова: хотя я в последнем письме и говорил Вам, чтобы Вы не беспокоились о продлении мне отпуска, а приберегли бы свое влияние для других дел, о которых мы поговорим, — однако приходится и об отпуске, на другой манер, Вас беспокоить. От председателя пойдет бумага с медицинским свидетельством на днях.¹ Я прошу только на два

месяца, а после можно получить и отсрочку, теперь же будьте так добры, постарайтесь, чтобы ответ пришел не позже 20 мая, а если можно, то и раньше; иначе, как Вы сами знаете, все наши планы расстроятся, а ехать с Вами, понятно, какое для меня было бы утешение. К несчастью, на этот раз дело не так просто, как обыкновенно: Астафьев тоже болен и едет на Кавказ,² а двух цензоров вдруг отпускать будто бы и не в законе, председатель, положим, уверен, что в таком положении мне не откажут, но может случиться раздумье и проволочка, во избежание которых я и решаюсь прибегнуть к Вашей поддержке.

Прочли ли Вы последнюю статью Кристи о Владимире Соловьеве (в «Гражданине»)?³ По-моему, отлично. Опасаюсь только, что Катков, узнавши, что это пишет один из его воспитанников, еще больше от меня отворачивается. Конечно, если бы серьезно поддаться такого рода опасению, то это было бы уже не то смирение и покаяние, которые так кстати в личных отношениях, а нечто уже вроде «вражьего страха»,⁴ которому, разумеется, поддаваться не следует. На этот раз сказать Вам не могу: ни обнимаю, ни жму руку, потому что ни того, ни другого не в силах сделать, — до того руки болезненны. А общее состояние ничего.

Молю Бога за Ваше здоровье и чтоб нам поскорее увидаться.

Остаюсь неизменно преданный Вам К. Леонтьев.

Москва.

6 мая 1886 г.

Письмо было,
вероятно,
продиктовано
А. Т. Прониным
(местонахождение
рукописи
неизвестно).
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 24—25.

¹ Медицинское свидетельство и прошение, написанное 5 мая, Леонтьев подал в комитет на следующий день, 7 мая (см. п. 104). 10 мая Федоров отправил от себя представление в Петербург (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 50). На нем Феоктистов сделал резолюцию: «Надо ускорить отпуском г. Леонтьева». Свидетельство доктора медицины М. А. Белинского см. в примеч. 2 к п. 104.

² Астафьев испросил двухмесячный отпуск с конца мая 1886 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 50).

³ Речь идет о VI статье Кристи (под псевдонимом «П. Сергиевский») из цикла «Письма из Москвы» (Гр. 1886. 4 мая. № 36. С. 3—4). Леонтьев позднее писал

о. И. Фуделя, что в этой статье Кристи пустил «свои ветви» на его «корню» (примечание к письму о. Иосифа от 25 мая 1890 г. — *Прегмство от отцов*. С. 215—216). См. также: 8, 1307—1308.

⁴Пс. 63: 2 («Услыши, Боже, глас мой, внегда молити ми ся к Тебе: от страха врагия изми душу мою»).

104

Леонтьев — Филиппову

7 мая 1886 г.,

Москва

7 мая 1886 г.

Глубокоуважаемый Третий Иванович!

Только что сегодня послал Вам заказное письмо, писанное чужою рукою, и сегодня же другою чужою рукою пишу Вам второе. Вот что случилось. Председатель наш Федоров, который вообще ко мне расположен и отпуск мне видимо желает выхлопотать, из какой-то осторожности, как я сегодня узнал, написал Феоктистову частное письмо ¹ прежде, чем я успел представить в Комитет мое прошение с докторским свидетельством.² Я послал в Комитет и то и другое только сегодня,³ а его письмо к Феоктистову, должно быть, отправлено уже несколько дней. Федоров чиновник очень опытный. Неужели это частное письмо обозначает сомнение в том, что меня могут не отпустить в таком положении? Но мне оставаться здесь просто невозможно. Конечно, меня после стольких лет добросовестной службы по разным ведомствам не выбросят на улицу как собаку, но при всем моем желании и теперь усердствовать я, например, четвертый день читать читаю цензурные рукописи и газеты, но подписываю их с сильною болью мягким цветным карандашом, а не пером. Доктора только и твердят: воздух, воздух, сидеть на крыльце или на балконе и т. п., болезнь кожи моя давняя, но до сих пор она не мешала, а после двух недавних острых болезней и трехмесячного сиденья и лежания в комнате она не только страшно усилилась, но и приняла какой-то гни-

лостный характер: всё нарывы, если ноги лучше, — руки хуже и наоборот, а я в надежде на отпуск не взял и дачи. Судите сами. Что касается до других, душевных сторон моей Оптинской поездки, *Вам-то* нет нужды объяснять.

Письмо писалось под
диктовку кем-то из
знакомых Леонтьева
(местонахождение
рукописи
неизвестно).
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 25—26.

Председатель прислал мне сказать, что в субботу во всяком случае отправит официальную бумагу о моем отпуске, если до тех пор и не придет письмо от Феоктистова. А что делать, если придет в этом частном письме Феоктистова отказ? Вот обо всем этом я счел нужным Вас предупредить, чтобы Вы могли взять своевременно меры. На всякий случай позволяю себе напомнить Вам о моем давнем знакомстве с князем Гагариным⁴ и об его, по-видимому, искреннем ко мне расположении.

Всем сердцем преданный Вам К. Леонтьев.

¹ Местонахождение не выявлено.

² Приведем текст этого свидетельства: «Дано сие Цензору Московского цензурного Комитета Статскому Советнику Константину Николаевичу Леонтьеву в том, что он одержим общим нервным расстройством (Neurostesia), соединенным с хронической болезнью кожи, местами лишаи (Eczema), местами чешуйчатость (Ichtyosis et psoriasis). Эти болезни кожи часто обостряются и сопровождаются лихорадочным состоянием, лишающим больного возможности заниматься делами службы; вследствие чего ему необходима жизнь в деревне и чистый воздух по крайней мере в течение трех месяцев. В чем и дано сие удостоверение. Москва. 7 мая 1886 г. Коллежский Советник, доктор медицины, доктор Михаил Адриан(ович) Белинский» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 52).

³ В прошении Леонтьева говорилось: «Предоставляя при сем свидетельство пользующего меня врача, покорнейше прошу Комитет исходатайствовать мне двухмесячный отпуск из Главного Управления по делам печати. Сверх того позволяю себе убедительнейше просить Комитет ускорить, по возможности, разрешение этого отпуска к 20-му мая, так как получение отпуска позднее было бы для меня крайне тяжело в моем положении, вследствие тяжких страданий и по другим столь же важным домашним обстоятельствам» (Там же. Л. 51).

⁴ См. примеч. 44 к п. 97.

Филиппов — Леонтьеву

9 мая 1886 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Вот ответ Феокистова.¹ Просите, чтобы поскорее переслали сюда Вашу просьбу об отпуске. Я надеюсь выехать из Москвы 24 или 25 мая, ибо 23 мая назначено то заседание, ради коего я еду в Москву. Таким образом времени у нас достаточно, но надобно им все-таки пользоваться. Очень приятна надежда — вместе с Вами побывать в святой обители, принять вразумление от деятельных старцев и поклониться гробам усопших.

Г. Кристи прошу передать мою сердечную признательность за его статьи о Соловьеве.² Поправки этого высокого, но бурного ума должны исходить от нас, а не от врагов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 35.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПБ. 9 мая 1886.

Ответ на п. 104.

¹ Возможно, ответом Феокистова и является переданное далее Филипповым сообщение. Официальное разрешение датировано 12 мая: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 53. Приказ — 13 мая: Там же. Л. 54.

² См. примеч. 3 к п. 103.

Филиппов — Леонтьеву

23 мая 1886 г.,
Москва

Дорогой Константин Николаевич.

Собираюсь в путь завтра. Надеюсь иметь особый покойный вагон, куда Вас и приглашаю: поезд отходит в 6 часов без 5 минут пополудни.

Садясь в дилижансы,
Ты разочти свои депансы.¹

Разочтя свои, я вижу, что с некоторым для себя понуждением, при богомольном путешествии весьма уместным, я мог бы отделить на нужды Вашего пути 15 р., которые по-дружески Вам и предлагаю. Писать Вам трудно; а на словах скажите посланному, будете ли Вы к завтрашнему Смоленскому поезду склонны и готовы.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Пятница 23 мая 1886.

18 июля Леонтьев писал кн. К. Д. Гагарину о том, что Филиппов привез его в Оптину (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 13—14 об.). В Оптину Леонтьев прибыл 24 мая (ср. в письме Леонтьева к племяннику от 2 июня 1886 г.: «Доехал я вообще благополучно сюда в прошлый понедельник. ...» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 22); ближайшим понедельником до 2 июня, приходившегося в 1886 г. на среду, было 31 мая, но Леонтьев указывает «прошлый понедельник», следовательно, 24-е число). Вместе с ними приехал в Оптину и Э. К. Вытропский (см.: Старина и новизна: Ист. сб., издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. СПб., 1903. Кн. 6. С. 30). По дороге Леонтьев успел наконец поговорить с Филипповым и о своем племяннике (см. преамбулу к п. 92, с. 298), а потом сообщил последнему, что обращение за протекцией было не по адресу: «Он сказал, что газетные слухи были ложны, что он ни в какой Комиссии по железным дорогам не член и по этому ведомству никакой протекции оказать не может» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 21). У Филиппова по пути в Оптину была остановка в Калуге, где 25 и 26 мая он провел два собеседования со старообрядцами, на которых «заявил, что остается при своих прежних взглядах на единоверие» (Боченков В. Истина историческая против истины миссионерской: К истории отмены клятв собора 1667 г. // Церковь. 2004. № 6. С. 58). Отчет об этих собеседованиях был помещен в журнале Н. И. Субботина. См.: *N. N.* Беседа Т. И. Филиппова со старообрядцами и православными в г. Калуге 1886 г., мая 26 // Братское слово. 1886. № 15. 1 окт. С. 321—342. Неточности этой публикации Филиппов исправил в своем «Письме к редактору „Русского Дела“» (РД. 1886. Л. 36—36 об. 29 нояб. № 32. С. 7).

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271.

Л. 36—36 об.

¹ Неточная цитата из басни Козьмы Пруткова «Кондуктор и тарантул» («Читатель! Разочти вперед свои депансы, / Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы...»). Депансы — издержки (от франц. *depense*).

26 июля 1886 г. Оптиная пустынь.

Я хотел Вам, Третий Иванович, писать еще 20-го числа, но Эраст Кузьмич¹ напомнил мне, что Вы, может быть, поедете во Ржев к именинам Марьи Ивановны² (с коими Вас и ее честь имею поздравить), и потому я отложил немного, чтобы письмо Вас не искало. Считаю полезным (для себя) предупредить Вас, что я послал в Комитет свое медицинское свидетельство с просьбой об отсрочке отпуска до 20-го сентября.³ Свидетельство составлено совершенно правдиво: *раны* на руках и ногах закрылись, силы восстанавливаются лучше, чем я ожидал, но здесь (так как я *ем свое, особое*) все условия настолько благоприятнее московских условий вообще и моих московских в особенности, что надо бы еще и еще поукрепиться, чтобы можно было как следует послужить, пока удобно будет получить более выгодную отставку. Г. Феоктистову я сам не писал, а предоставил это нашему председателю,⁴ так как я *знаю*, что Евг(ений) Мих(айлович) опасается в подобных случаях жалоб сослуживцев на излишнюю работу. Хотя это напрасно, именно с тех пор, как он начальником, и мы, цензора, стали чувствовать, что за нас будут крепче прежнего стоять, труда стало гораздо нам меньше, а вдобавок — вместо трех цензоров теперь 5 (т. е. и без меня 4!). Вовсе не трудно! Но я все-таки предпочел сам не писать ему, а чтобы не терять времени, написал на всякий случай кн. Гагарину.⁵ Может быть, он и поможет; конечно, Вы, Бог даст, успеете тоже повлиять. Здесь все благополучно. Погода стала приятная, молимся, гуляем понемногу в лесу. Я пишу теперь (для *исправляющейся* постепенно «Русской Мысли») мои воспоминания о Тургеневе,⁶ различая *строго его позднейшие политические глупости* от того личного добра, которое он мне делал в 50-х годах и первых 60-х годах.⁷ О возвращении в Москву думаю с невольным страхом за свое здоровье. Боюсь — поправка непроч-

на. Если же ранки опять не откроются, то для лечения того *сухого нарощения кожицы*, которое составляет (в виде *бляшек*, *des plaques*⁸⁾) обыкновенный признак моей редкой и странной болезни, — думаю в самом деле, наконец, последовать Вашему совету и обратиться к гомеопатии.

Эраст Кузьмич сразу стал, по внешности по крайней мере, на скитскую ногу. Все правила внешние строго соблюдает (не так, как я грешный!); вследствие этого мы редко с ним и видимся: нелегко застать его в те часы, в которые я свободен; или он в трапезе, или в церкви, или на правиле, или на сенокосе с граблей. В лице, однако, заметно в короткое время изменился, побледнел и вдруг постарел. Его *доктор* — *Соловьева* — была тут вскоре после Вашего отъезда. *Судилась* с ним в келье от(ца) Амвросия, потом по совету старца ходила ко мне, я старался и утешить и обратить ее (она по крайней мере деистка, что облегчает дело). Мне она понравилась, и я все уговаривал ее поступить доктором в Шамардинскую женскую общину (в 15 верстах отсюда), настоятельница там удивительная!⁹ Светская женщина, большого ума и огненной энергии, и хотя она очень больна (ее даже вчера в схиму постригли), но она не унывает и говорит: «я и 20 лет еще проживу, это воля Божия, чтобы двое безногих и больных, от(ец) Амвросий и я создали бы эту общину почти из ничего. При нашей телесной слабости виднее будет покровительство Божие!» Дай Бог ей пожить! Я *такой монахини* еще не видел. Духовна, но не тупа, не формалистка... Я без ума от нее. Ну и «женщина-врач» ничего. Кажется, близится к обращению; осталась очень довольна о. Амвросием и мне пишет, просит уж и книг моих.¹⁰ И это во славу Божию!

Остаюсь неизменно преданный Вам К. Леонтьев.

¹ Э. К. Вытропский, в 1886 г. ставший послушником в Оптиной пустыни.

² М. И. Филиппова праздновала именины в день св. равноап. Марии Магдалины, 22 июля (4 августа н. ст.).

³ 26 июля В. Я. Федоров сообщал в Главное управление по делам печати: «Уволенный в двухмесячный отпуск цензор Московского Цензурного Комитета Статский Со-

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 27—28.

Цитируется:

6, 571—572.

ветник Леонтьев к сроку своего отпуска, к 20-му июля, не явился; 25-го же июля мною получено от него частное письмо, в котором, прилагая медицинское свидетельство, помеченное 17-м числом, он просит об исходатайствовании ему отсрочки отпуска еще на два месяца» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 55).

⁴ См. примеч. 3. Феоктистов наложил на письмо Федорова резолюцию: «Вопрос о содержании остается не разъясненным. Свидетельство эт(о) не удовлетворяет требованиям закона» (Там же). Но вскоре обстоятельства переменились. 27 июля (после ходатайства кн. К. Д. Гагарина — см. след. примеч.) Феоктистов начертал: «Вероятно он (Леонтьев) будет просить о продлении отпуска; *следует продлить*, ибо о том просил Вячеслава Константиновича (Плеве) Князь Гагарин (тов(арищ) М(инистра) В(нутренних) Д(ел))» (Там же. Л. 56).

⁵ Леонтьев написал кн. Гагарину 18 июля: «У меня есть, Князь, до Вас покорнейшая и убедительная просьба: поддержите у Начальника Гл(авного) Упр(авления) по делам Печати (Евг(ения) Мих(айловича) Феоктистова) мое ходатайство о продлении мне отпуска еще на 2 месяца до 20-го сентября. — Я отпущен на 2 м(еся)ца по болезни от 20-го мая до 20-го июля; — срок истекает на днях, а я только что начал поправляться (...). — В конце мая Терт(ий) Иван(ович) Филиппов, ехавший в Оптину, взял меня с собою почти еще безногим и крайне изнуренным. — Здесь мне стало, правда, гораздо лучше; но если поторопиться возвращением в столицу, еще не собравшись с силами, то и службе мало пользы будет. — Раны опять откроются. — Московские доктора и те говорили: „по крайней мере 3 месяца. — Но и то мало“. — Так я был измучен и слаб.

Правда, — я знаю, что Начальнику Главн(ого) Управл(ения) по делам Печати приходится часто брать в расчет, что Цензурный Комитет есть учреждение коллегиальное (...). Товарищам приходится делить работу отсутствующего и т. д. — В случае простых отпусков это правильно, но разве можно все случаи ровнять? — На что же и существует власть высшая над такими коллегиальными учреждениями, как не для решения всяких недоумений и для исправления несправедливостей? Члены Комитета могут именно в подобных случаях по человеческой слабости стараться сократить срок отпуска больному сослуживцу и т. п. Они могут быть (...) *пристрастны*. — Начальству же высшему — нет никакого резона становиться на сторону большинства в ущерб справедливости в подобных вопросах» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 13—14). Гагарин отвечал на это письмо 30 июля, когда уже узнал о том, что продление отпуска будет разрешено (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 19—20).

⁶ Собственно, Леонтьев редактировал и дополнял записки «Моя литературная судьба» (1874), включая в них тургеневские письма. В результате его работа осталась неоконченной (начало опубликовано в «Русском вестнике» в 1888 г.), а в «Русской мысли» были помещены только письма Тургенева.

⁷ Это «различие» Леонтьев позднее подчеркнул в «Письме в редакцию» «Современных известий» (СИ. 1886. 31 дек. № 360. С. 2), поясняя, что не уда-

лось объяснить при публикации писем Тургенева в «Русской мысли», о которой см. примеч. 3 к п. 129.

⁸ По иронии судьбы, об этих самых «бляшках» Леонтьеву ранее доводилось писать. См.: 7, 258.

⁹ О первой настоятельнице Шамординского монастыря, схигумении Софии, см.: Русское православное женское монашество XVII—XX вв. / Сост. мон. Таисия (Карцова). Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 205—207. Об отношении к ней Леонтьева см.: *Поселянин Евг. (Погожев Е. Н.)* К. Н. Леонтьев в Оптиной пустыни // *Памяти Леонтьева*. С. 399.

¹⁰ Местонахождение письма неизвестно.

108

Филиппов — Леонтьеву

2 августа 1886 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Прошу Вас немедленно мне написать, удовольствуетесь ли Вы назначением Вам пенсии в 2000 р. Случайное обстоятельство подало мне надежду на успех такого предприятия, но нужен скорый ответ, дабы не пропустить минуты. Если можно будет увеличить, то случая не пропущу; но минимум да будет 2000 р. Идет?

Отпуск Вам разрешен; это я слышал от Кн. Гагарина.¹

Извините меня перед О. Архимандритом и О. Амвросием: я не благодарил их за их любовь по стечении обстоятельств, но на днях напишу и пришлю им по книге.²

Ерасту Кузмичу передайте мое сердечное приветствие. Мне кажется, что он в Оптине бросит якорь. Мир ему и радость!

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 2 авг(уста) 1886.

Ответ на п. 107.

¹ Отпуск Леонтьеву был продлен до сентября. См. также примеч. 4 к п. 107.

² Филиппов написал оптинскому настоятелю архимандриту Исаакию 10 августа. Письмо и три экземпляра сборника «Современные церковные вопросы» были переданы в Оптину кн. Д. П. Оболенской. См. п. 111.

7 августа 1886. Оптиная пустынь.

Дорогой и неизменный в дружбе Третий Иванович! Вчера я (тотчас по получении Вашего письма) телеграфировал Вам в *прилично-загадочной форме* о моем согласии на 2000 р. с(еребром) пенсии. О. Амвросий сам благословил меня и видимо очень этому рад. Хотя, конечно, было бы очень интересно знать, какой это такой вышел особенный случай, но это узнается в свое время, а пока, чтобы не терять дорогого времени, ограничусь на этот раз двумя строками о деле.

1) Если дело это пойдет на лад и потребуетя от меня *формальное прошение об отставке прежде, чем я вернусь в Москву*, то будьте уж до конца добры ко мне: прикажите кому-нибудь из Ваших подчиненных составить мне черновое прошение. Боюсь каким-нибудь *оттенком* не испортить бы себе дела. Когда я подавал в отставку из военно-медицинского ведомства, о пенсии и речи не могло быть, когда я подавал в отставку из консульской службы — все ограничилось «официальным», так сказать, письмом к Стремоухову и частными письмами к друзьям.¹ В нашей службе «внутренней» требуется больше формальностей, и если бы я подавал бы прошение из Москвы, то наш председатель Федоров (который прослужил по Мин(истерству) Внутр(енних) Дел 30 лет²) научил бы меня, но и тогда едва ли обошлось бы без Вас, ибо если бы и оказалось бы нужным в прошении упомянуть и о пенсии, то Федоров мог бы сам ошибиться в чем-нибудь: он, считая сам меня лучшим из цензоров Московских и рекомендуя меня в этом смысле и Феоктистову, все-таки дальше 1200 р. с(еребром) в своих надеждах для меня не шел. А *побочные* мои заслуги, которые признаете и Вы, и Победоносцев, и Гагарин и т. д., для него почти и не существуют, так что ему и в голову не приходит, что мне могут дать больше 1200 р.

Вот почему я прошу Вас *научить* меня, как бы не задержать и не напортить самому такого важного для меня дела.

2-ое обстоятельство следующее: *опасаюсь, чтобы у меня не вычли бы жалованье за время от 20-го июля до 7-го августа*. Я немножко и сам виноват: уездный врач, который свидетельствовал меня в июле (17-го числа),³ предупреждал меня о том, что лучше бы действовать через полицию путем строго-законным, но так как три года тому назад наше начальство для подобной же отсрочки удовлетворилось частным свидетельством земского врача (без исправника и т. п.),⁴ то я все-таки еще больной и поленился просто съездить к исправнику. Теперь (как видите из прилагаемого для сведения письма нашего Комитетского Секретаря Кривоблоцкого),⁵ меня заставили выслать свидетельство более законное (оно сегодня пошло *казачьим* в Москву).⁶ Может быть, все это напрасные сомнения, ну а все-таки я буду покойнее, когда Вы будете все это знать: «береженого Бог бережет».

О. Архимандриту⁷ *завтра*, о. Амвросию *сегодня* передам Ваше поручение. Эрсту Кузьмичу уже передал Ваш привет; это правда Ваша, что он, вероятно, бросит здесь якорь. Он сразу втянулся во все внешние скитские порядки, что для пожилого мирянина очень иногда трудно, слишком однообразно, тихо и нередко до уныния безмолвно. Внутренняя буря разных искушений, конечно, и для него позднее неизбежна, но и то великое счастье, что он *телесно* легко несет все это изменение часов пищи, сна и отдыха, все эти беспрестанные призывы на общие молитвы и т. п. Аз же, окаянный, никуда в этом отношении уже не гожусь! Завидно даже смотреть на Эр(аста) Кузьмича! Правду говорил мне еще 14 лет тому назад (в 72-ом году на Афоне) великий Иероним: «Вам нужно побольше нравственного подчинения духовнику и побольше *телесного* разрешения даже и в монашестве». Со стороны последнего условия мне здесь нынешний раз так хорошо, как никогда не было. Во-1-х, от(ец) Амвросий разрешил мне на мясо до самых Успенских заговин,⁸ и это при спокойствии духа и восхитительном воздухе так восстановило

мои силы, что я и не ожидал! Во-2-х, от(ец) Архимандрит поместил меня в спокойную и прекрасную келью, в которой жилали Гр(аф) Ал(ександр) Петр(ович) Толстой, епископ Петр и др(угие) важные лица. Это тоже много значит. И Вы, может быть, и не подозреваете, что Вы же опять хоть отчасти да были и на этот раз моим добрым гением. Почему? А вот почему: о. Исаакий человек старинный и в некоторых отношениях довольно простой. Звания и чины он чтит серьезно и бескорыстно, как чтили их все люди русские, не сбитые с толку *европейской фразой*. Вы при нем *сказали, что я послужил много Церкви и государству, Вы сами сановник*. Ну, вот он и стал гораздо ко мне внимательнее прежнего. Он такого устройства с этой стороны, что я уверен, *поселись я при отставке в Оптиной не в чине статского, а в чине действительного статского советника*, то он счел бы себя чуть ли не обязанным дать мне через это самое больше льгот и покоя. Я ничуть его за это не осуждаю! *Государство — так государство*. Простите! Хотел написать мало, написал много.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 29—31.
Цитируется:
6, 626—627.

Неизменно преданный Вам К. Леонтьев. Ответ на п. 108.

¹ Вероятно, к служащим в посольстве М. А. Хитрово и М. К. Ону.

² В. Я. Федоров служил в Московском цензурном комитете, подчинявшемся Министерству внутренних дел, с 1860 г.

³ См. примеч. 3 к п. 107. Свидетельство, вероятно, было подписано тем же уездным врачом Козловским, что осмотрел Леонтьева и в августе (см. примеч. 6).

⁴ Медицинское свидетельство, датированное 3 октября 1883 г., подписано козельским земским и городовым врачом Михаилом Генкиным. См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 40.

⁵ В начале августа Леонтьев получил упомянутое здесь письмо секретаря Московского цензурного комитета Н. С. Кривоблоцкого (Филиппов, вероятно, не вернул его адресату). 6 августа он «частным порядком» отправил в Цензурный комитет медицинское свидетельство о том, что он по состоянию здоровья не может вовремя выйти из отпуска. В короткой сопроводительной записке, адресованной Кривоблоцкому, говорилось: «Посылаю *свидетельство*, пока без всяких рассуждений. — Боюсь опоздать на почту. — Вслед за этим немедленно напишу другое письмо подробнее» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1). 8 августа, отправляя уже официально заверенное свидетельство, он писал тому же лицу:

«Боюсь немножко одного, — чтобы за этот промежуток между свидетельством вторым законным и первым „беззаконным“ — у меня не выли жалованья. — Так как я всех оттенков формализма в подобных случаях не знаю, то ваше письмо (простите!) я послал Филиппову, чтобы он знал, что Главное Упр(авление) „поставило вопрос ребром“, как Вы говорите; — а Вам (и Венъямину Яковл(евичу) (Федорову. — О. Ф.) разумеется) посылаю официозную записку Еленева (Имеется в виду Ф. П. Еленев. — О. Ф.) Гагарину, который хлопотал частным образом о моей отсрочке. — Гагарин прислал мне ее, чтобы я не беспокоился; чтобы я знал, что Глав(ное) Упр(авление) п(о) д(елам) печати — нуждается в новом Свидетельстве только для Контроля; а в Контроле — Филиппов ... Понятно?

Так я беспокоюсь только о том, чтобы Комитет сам, не зная всей этой благоприятной мне подкладки, не обнаружил бы излишней осторожности в истребовании всего жалованья. (...)

Довольно и того, что я как дурак срезался с этим свидетельством! — Весь этот вздор произошел лишь оттого, что я, по болезненной лени, не потрудился тогда заехать к Исправнику. — Уездный врач советовал мне это сделать и тогда; но я его не послушался и был покоен, вспоминая, что в 83-м году мне дали отсрочку на основании свидетельства даже и не уездного, а просто того земского врача, который меня лечил.

Видно — строго стали за эти три года.

Больше — пока сказать нечего. — О формализме поспорим в Москве. — Я его вовсе не ненавижу; напротив; но я преследую только его крайности. — Досадно, когда такие хорошие и умные люди, как Вы и помощник Ваш С. В. З(алетов)... переходите за черту необходимого в частных случаях. — С удовольствием ожидаю первого свидания с Вами для горячей полемики» (Там же. Л. 3—5). См. также письмо Леонтьева от 14 августа (Там же. Л. 6—7).

⁶В свидетельстве, датированном 6 августа и подписанном козельским уездным врачом Козловским и уездным исправником Ивановым, устанавливалось: «Г. Леонтьев, 55-ти лет от роду, худощавого телосложения, страдает общим упадком сил (neurasthesia) вследствие малокровия и предшествовавших острых болезней (Lymphangitis и Influenza) с последующими хроническими осложнениями со стороны гортани и мочевого пузыря. Кроме того у него имеется упорная кожная болезнь (Eczema impetiginosa), которая сопровождается переходящими легко в болезненные язвы пустулами на подошвах, ладонях и пальцах. В настоящее время таких язв весьма мало, но на ногах существует еще отек и больной ходит с большим трудом вслед(ствие) нервной боли в крестце и левом бедре (ischias), принявшей хроническую форму. В виду вышензложенного и принимая во внимание служебные занятия г. Леонтьева в столице, заключить следует, что для большего поправления здоровья и приобретения сил ему, Леонтьеву, необходимы еще месяца два правильного лечения и безусловного спокойствия на сельском воздухе» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 59а—59а об.). После того как

это свидетельство, полученное в Комитете 11 августа, было направлено в Петербург, Кривоблоцкий 17 августа сообщал Леонтьеву:

«Оба Ваши письма, открытое и заказное, с медицинским свидетельством получил; не отвечал ранее потому что хотел прежде *исполнить* что нужно. (...) Медицинское свидетельство с вопросом о жаловании послано 13-го августа, и, вероятно, ответ не замедлит; во всяком случае жалование Ваше наравне с другими вытребовано и будет удержано до получения ответа из Главного Управления.

По тексту ст. 743 Козельское Полиц(ейское) Управ(ление) должно от себя сообщить и впредь сообщать о состоянии Вашего здоровья в Моск(овский) Цензур(ный) Комитет. Не следует опускать этой формальности» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 4—5).

⁷ Речь идет о преп. Исаакии Оптинском.

⁸ Т. е. до 1 августа.

110

Филиппов — Леонтьеву

10 августа 1886

Петербург

СПб. 10 авг(уста) 1886

Дорогой Константин Николаевич!

По получении моего письма немедленно напишите Министру Народного Просвещения¹ официальное письмо с описанием Ваших недугов — сильным, но *кратким* (не расплывайтесь!) — и с изложением Ваших надежд послужить еще своим пером делу истинного охранения, если Вам даны будут средства трудиться в покое. Просите себе пенсии 2500 р., чтобы было что скинуть. Если же дадут все, так тем лучше. Пропишите в этом письме, что Вы пишете с ведома Вашего высшего начальства; это разрешает Вам Евгений Михайлович, который только что от меня ушел, обещав полное свое мне содействие. Копию с письма пришлите мне; ее может списать, по дружбе ко мне, Ераст Кузмич.²

Больше писать не могу: очень устал!

За сим обнимите за меня Ераста Кузмича, который, как я вижу из Вашего письма, тоже уловлен Оптинскою мрежею.

Автограф: РГИА. Ф. 728.

Оп. 1. Ед. хр. 4.

Л. 18—19 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 39

(копия ошибочно

датирована

19 августа).

Цитируется: 6, 627.

Примите мое братское целование и бодрствуйте!

Ваш искренний Т. Филиппов.

Это письмо привезла в Оптину пустынь кн. Д. П. Оболенская (см. п. 111).

На письме есть адресованная старцу Амвросию запись Леонтьева карандашом, перечеркнутая крест-накрест синим карандашом:

«Что же делать? Я думаю телеграфировать Фил(иппо)ву. Черноев дня 4 тому назад. Вот не без духовного совета

Прошу возвратить с Вашим взглядом».

¹ И. Д. Делянову. Филиппов узнал о возможности исходатайствовать Леонтьеву дополнительную пенсию за его литературные заслуги (см. п. 111 и 113).

² Это предложение Леонтьев подчеркнул синим карандашом. Э. К. Вытропский в те годы часто перебеливал леонтьевские рукописи или делал копии с некоторых его и ему адресованных писем.

111

Филиппов — Леонтьеву

13 августа 1886 г.,
Петербург

СПб. 13 авг(уста) 1886

Дорогой Константин Николаевич!

Вам не следует подавать в отставку, ибо о пенсии Вам будет ходатайствовать, по всей вероятности, не Гр(аф) Толстой, а И. Д. Делянов. Впереди всего пойдут Ваши литературные заслуги, а потом уже служба. Как уговорятся между собою министры, это их дело; но Вам нужно начать таким образом. Напишите немедленно должностное письмо к Министру Нар(одного) Просв(ещения) и изобразите в нем: а) болезненное положение Ваше, но об этом покороче; б) Ваши литературные помыслы, каким грозит крушение, если Вам не устроят покоя и безбедного положения. Сославшись на Вашу службу государству литературными произведениями и на Ваши надежды приложить к ним еще новые, как

еще более обещающие пользы, просите 2500 р. пенсии. Говорю 2500 р. чтобы было из чего скинуть; а если дадут все 2500 р., тем лучше.

Когда пошлете письмо И. Д. Делянову, напишите мне; мы поведем дело дальше. Третьего дня был у меня возвратившийся из отпуска Феоктистов, который, к радостному моему изумлению, входит в наш союз очень охотно.

Обо всем этом я уже написал Вам, но то мое письмо привезет Вам Кн. Оболенская, мать Козельского предводителя.¹ И так с Богом! Еже «како»² объясню впоследствии: ничего замысловатого: εἶνε τοῦ Θεοῦ!³

Княгиня везет от меня письмо и книги о. Исаакию, о. Амвросию и о. Алексею.⁴

У Ераста Кузмича спросите от меня: како пребывает во спасении? Пусть он мне напишет!⁵

Λοιπὸν ἀρκεῖ,⁶ — как говорила Гр(афиня) А. П. Толстая, когда замечала, что ее покойный муж слишком утомлялся уроком греческого.⁷

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов. Ответ на п. 109.

Автограф: РГИА.
Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 4.
Л. 16—17 об.

¹ Имеется в виду кн. Д. П. Оболенская, мать кн. А. Д. Оболенского.

² Цитата из Акафиста Пресвятой Богородице («Радуйся, еже како ни единого же научившая...»); в этом стихе Акафиста — отсылка к Лк. 1: 34).

³ От Бога! (искаж. греч.). Правильно: εἶναι τοῦ Θεοῦ (сие есть «дело» Божие). Примеч. В. Б. Прозорова.

⁴ Ответ преп. Исаакия от 3 сентября см. в Приложении 1 (с. 639—640). Всего сохранилось 11 его писем к Филиппову 1886—1892 гг. и поздравительная телеграмма ко дню ангела, 1890 г. (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1905). Старец Амвросий ответил со значительным замедлением — 8 марта 1887 г. Его письмо опубликовано: *Христианство*. 5. С. 291—293.

⁵ Э. К. Вытропский, готовящийся тогда к иноческому постригу, отвечал 23 августа 1886 г.: «Из уст Ваших слышу я (в вопросе „како пребываеши во спасении“) голос Господа: „Адаме! где еси?“» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1599. Л. 25).

⁶ Ну, достаточно (греч.).

⁷ Уроки греческого языка давал гр. А. П. Толстому сам автор письма.

18 августа 1886 г.,
Оптина пустынь

18 августа 1886. Оптиная пустынь.

Я не решился, Третий Иванович, послать письмо Делянову, не показавши Вам *чернового*.¹ Это, конечно, на одну неделю, не более задержит дело, зато предохранит меня от какой-нибудь ошибки в деле совершенно для меня новом. Вы знаете, что я хоть и не постриженный монах, но уже давно привык ничего важного не решать без благословения от(ца) Амвросия, и потому и на этот раз посоветовался с ним и показал ему — письмо. Мне хотелось предпочесть на этот раз осторожность скорости, и от(ец) Амвросий вполне одобрил мое намерение послать прежде черновое Вам на просмотр и, если нужно, то и для исправления. С его благословения все мне будет на пользу, даже и промедление.

Некоторые места, впрочем, я и сам уже исправил подумавши.

Простите, что письмо так кратко и на простой бумаге. Так уж случилось, а на почту спешу.

Целую Вас, обнимаю и благодарю.

Вам преданный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 31—32.

Р. S. Не приехать ли мне, между прочим, и самому в Петербург в половине сентября, если найду средства? Как Вы скажете: дней на 7-8-10?²

¹ Местонахождение рукописи неизвестно.

² Поездка состоялась в октябре 1886 г. См. с. 376—377.

СПб. 24 августа 1886.

Дорогой Константин Николаевич.

Письмо¹ составлено очень хорошо. В одном месте я переставил слова, потому что сам, два раза читав Ваше письмо, два раза испытывал затруднение. В трех местах зачеркнул «бы», к которому Вы имеете явное пристрастие.

По существу я прибавил бы вот что. Я, мол, и без того на 1200 р. пенсии выслужил; оно не то, чтобы Вы выслужили, но эту сумму Ваше начальство могло бы Вам выхлопотать собственно за службу. За литературные заслуги остается, след(овательно), 1300 р.; — эта сумма не Бог знает какая. Можно, если хотите, обойтись и без этой вставки; потому что Ив(ан) Дав(идович) сам это вставит. Как хотите, так и поступите.

Слышал я, что Эраст Кузьмич кинул якорь: так по крайней мере передал мне его племянник Томилин. Клaniaюсь ему до земли и прошу его не забыть меня, несмотря на свое возвышение: свет иноком ангели, свет миряном иноки.²

Кн. Мещерский напечатал стихи Эбермана³ и вообще желает иметь его сотрудником. Напишите об этом Эберману и скажите ему, чтобы он, сославшись на меня, сам обратился к кн. М(ещерскому) и установил бы с ним прямые сношения.

О приезде Вашем в Питер сообщу Вам после, когда двинется дело. Теперь рано.

Кн. Оболенская должна была передать о. о. Исаакию, Амвросию и Алексию (Турбину) мою книгу,⁴ а Вам поклон. Была ли она там и передала ли мои книги и письма?

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 41.

Цитируется:

6, 627—628.

Во всяком случае прошу Вас передать мое земное поклонение о. о. Исаакию и Амвросию и сердечные приветствия о. Алексею.

За сим обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Ответ на п. 112.

¹ Письмо Леонтьева к И. Д. Десянову.

² Цитата из Слова 26 («О рассуждении») «Лествицы» преп. Иоанна Лествичника (26: 31). См. примеч. 11 к п. 149.

³ Имеется в виду стихотворение «Большинство голосов», опубликованное в рубрике «Дневник» (Гр. 1886. 24 авг. № 68. С. 15—16). Стихотворение датировано маем 1881 г. и подписано «П. Х.». В дальнейшем в «Литературном приложении к газете „Гражданин“» кн. Мещерский помещал стихотворения Эбермана, подписанные «В.» и «Вольмар».

⁴ См. п. 111.

114

Леонтьев — Филиппову

28 августа 1886 г.,

Оптина пустынь

1886 г. 28 августа, Оптиная пустынь.

Глубокоуважаемый Третий Иванович, все исполнено. Письмо И. Д. Десянову сегодня послано.¹ Эрасту К(узьми)чу я вчера послал в скит (я живу в монастыре, в келье покойного отца Антония, *составившего Вашу карьеру*²) Ваши письма на прочтение и мою черновую для снятия с нее копии по Вашему желанию. Это я — из точности и аккуратности, которую люблю, а может быть, теперь это и не нужно, ибо Вы знакомы с содержанием моего письма к Мин(истру) Нар(одного) Провсвещения. Нахожу, что в таких делах лучше переделать, чем недоделать. Эраст Кузьмич, боюсь, задержит эту копию: он уж до того точен на все службы и правила, что многих монахов превосходит. Это тоже своего рода неопытность. Не успеет сразу списать, пожалуй, поэтому я его ждать не стану, и это письмо само по себе, а копия потом.

Насчет 1200 чиновничьих предпочел умолчать, о разрешении Ев(ге-
ния) М(ихайловича) Феоктистова упомянул два раза. Из последнего
письма Вашего стало ясно, что Вы находите, что мне при этом необхо-
дима *отставка*. А мы было с отц(ом) Амвросием на основании первых
Ваших писем думали и мечтали даже, что если не все 2500, то хоть 1300
мне дадут за *литературу*, независимо от того, в отставке я или на служ-
бе. Отцу Амвросию эта мысль нравилась, потому что я теперь (не знаю,
надолго ли) *но очень* поправился, и он находил, что остальные 1200 р. от
меня не уйдут и через полгода и через год и полтора, если неизбежна бу-
дет тогда *отставка*. Я же при этом думал и другое, нечто более смелое: я
уверен, Вы знаете, *что мы скоро вынуждены будем присоединить Царьград*,
а так как, по-видимому, силы бы у меня еще нашлись, если бы наша рус-
ская зима не подавляла бы меня каждый год от ноября до конца апреля,
и люди моего духа были бы незаменимы в таком случае на Босфоре, — то
с одной должности на другую, более занимательную и высокую, — пе-
рейти было бы легко. Вот мы о чем с отцом Амвросием думали до по-
следнего Вашего письма. *Оттого-то* я в письме к Делянову и избегал
даже вовсе говорить о *службе* моей. — «Понимай, как знаешь!»

Говорю Вам *теперь* обо всем этом лишь с «исторической», так
сказать, точки зрения. Теперь ясно, что мы не так Вас поняли прежде.
Впрочем, кто знает, какая из этих двух дорог лучше? Один Бог. Есть и
в полной немедленной отставке нечто очень хорошее — свобода место-
жительств и путешествий тогда, когда нужно.

Очень хотелось бы поговорить с Вами о политике, но некогда.

Скажу одно: опять во всем видна русская черта: вызванные на дей-
ствие, мы будем смелы и тверды, но смелости и ясности *мысли, плана* —
все не видно — во внешней политике нашей. Надо немножко *ускорять*
бы события, *довести*, например, англичан дерзостями и т. п. до вступ-
ления с флотом в Босфор;³ тогда есть и к Турции придирка, и взять
Царьград, конечно, положивши и своих достаточно. А то все ощупью...
И вследствие этого и *гражданская мысль* будет взята врасплох великим

мировым событием. Впрочем, Катков был прав, когда в последнюю войну говаривал: «То не так, другое не так, одна надежда — Русский Бог велик!»⁴

Остаюсь *весь* Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 32—34.

Цитируется: б., 628.

Ответ на л. 113.

Забыл Вам сказать нечто очень нужное. Так как здоровье мое поправилось, то я думаю 2-го или 3-го сентября вернуться в Москву.⁵ Это для того, куда адресовать мне письма. Вы бы, впрочем, лучше сделали, если бы не писали бы прямо в Комитет, ибо я первые дни не являюсь туда за множеством личных забот, не хочу тотчас же *показываться*; на всякий случай напоминаю мой адрес: *Денежный пер. (около Пречистенки), дом Авдеевой.*

¹ Местонахождение неизвестно; в Петербург письмо было послано 29 августа (одновременно с письмом Филиппову). Об этом сообщается в письме к кн. Гагарину от 30 августа.

² Речь идет о преп. Антонии Оптинском. Эта биографическая подробность остается неясной. Вероятно, старец Антоний познакомил Филиппова с гр. А. П. Толстым.

³ На грани войны с Англией Россия стояла весной и летом 1885 г. после завоевания Кушки.

⁴ «Велик русский Бог!» — слова хана Мамай после поражения в битве на Куликовом поле.

⁵ На деле, возвращение Леонтьева из отпуска еще немного задержалось. Только 6 сентября он писал племяннику в Тулу из Калуги (он собирался быть в Туле, где тогда гостила у В. В. Леонтьева Лизавета Павловна, 5 сентября, в ее именины, и забрать ее с собой в Москву): «Опоздал на Тульский поезд. — Еду сегодня (в субботу) на Вязьму. — Тульский поезд слишком ранний по моему здоровью; — 10 утра. — Привози Лизу, когда удобнее и скорее. — Поздравляю ее с именинами и очень жалею, что не успел в Тулу в этот день» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 32).

К. Н. Леонтьев. Фотография. Сер. 1870-х гг.

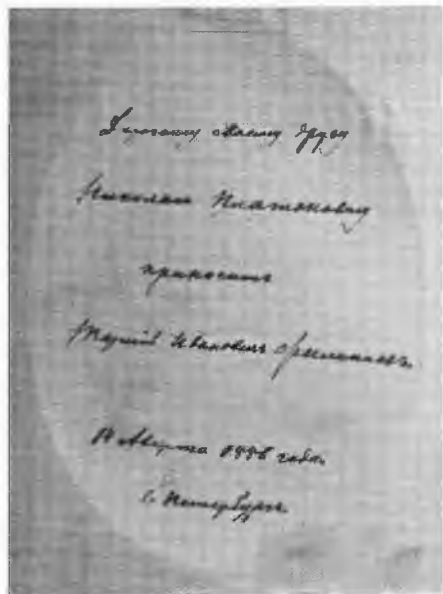

К. Н. Леонтьев.
Фотография В. Ф. Мейснера.
Козельск, 1889

К. Н. Леонтьев.
Фотография. 1887

Т. И. Филиппов.
Фотография С. А. Левицкого.
Петербург, 1870-е

Дарственная надпись
на фотографии Н. П. Барсукову

Т. И. Филиппов. Портрет работы неизвестного художника. 1890-е

19 сентября 1886 г. Москва.

Тертий Иванович!

Прилагая при сем письмо кн. К. Д. Гагарина с моими отметками,¹ нахожу необходимым объяснить Вам его происхождение. Так как, Вы знаете, я с ним давно и дружески знаком, то я из Оптиной заблагорассудил написать ему о задуманном деле нашем,² чтобы ему не показалась странной и даже несколько не деликатной как бы утайка дела, которое даже и особенно секретного ничего в себе иметь не может. Разумеется, при этом я просил и его поддержки. Что касается до 150 р. с(еребром), о которых он пишет, то ответ его был для меня совершенной неожиданностью. Я написал ему между прочим: «хорошо бы побывать самому в Петербурге, но просто недостает каких-нибудь 150 р. ...» *Так* написал, как говорится — «по-приятельски», ничего не ожидая. И желание-то мое быть в Петербурге, во-1-х, не может быть слишком твердое, потому что разнообразные недуги мои беспрестанно как бы становятся «на дороге» моим желаниям; как могут быть *подобного рода* желания решительны у человека, который *за один день* здоровья своего не может ручаться? И рад бы, например, туда-то, но то горло, то мочевого пузыря, то сыпь и раны (как бы(ло) весной) и т. д.

Это во-1-х, а во-2-х, строго говоря, мне в Петербург, если бы и хотелось съездить, то больше для литературных дел, чем по делу этой отставки, которое Вы и без меня с помощью Божией отлично проведете. А мое присутствие, думаю, ни вреда, ни пользы особой не принесет. Мне *помимо* этого дела нужно было бы съездить дней на 10 в Петербург. Кн. Гагарин, вследствие краткости моего письма, понял это дело иначе и *где-то* достал и приготовил мне *казенных* 150 р.! Письмо его, видите,

несколько таинственно, и, не будучи на месте, я и ума не приложу, как это он ухитрился!

И, наконец, это для меня такая неожиданность, что мне только остается спросить у Вас: что бы Вы сделали на моем месте? *Ехать* (если здоровье позволит, конечно) *в Петербург на 10 дней*? Или поблагодарить и *отказаться*? Или, наконец, отказаться от поездки (если нельзя будет и неудобно), а кн. Гагарину предложить выслать мне сюда деньги — каким-нибудь способом? Годятся и *очень* годятся и на другое. Только этого последнего что-то *стыжусь* ... Сам не знаю, прав ли, а стыжусь ... Как Вы посоветуете? Прибавлю, что когда снег выпадет — я уж ехать не в силах. А сырая осенняя погода для меня иногда лучше летней. Насчет 10-дневного отпуска, я думаю, можно и здесь по-домашнему отделаться. Председатель понимает, что мои обстоятельства исключительные. Разумеется — литературные дела мои имеют связь и с вопросом об отставке. Пенсия в 2500, конечно, *как пенсия* собственно отличная, но для успешных занятий надо *придумать* что-нибудь еще. Иначе будет трудно заниматься. А сочинить себе что-нибудь выгодное мне легче, чем здесь, с Катковым (через *личную*, как слышно, ко мне ненависть некоторых его помощников) мы совершенно разошлись и давно и не видимся. С «Русской Мыслью» очень трудно сойтись.³ На Шарапова плоха надежда: у него и средств нет, и *настоящего* ума еще не видно; он, видимо, хочет идти по старой либерально-славянской дорожке Аксакова,⁴ забывая, что это выдохшееся и несвоевременное направление держалось не само собою, а только силой Аксаковского характера и веса!

Вот почему я думал — хорошо бы мне съездить в Петербург.

Впрочем, заметьте, *особой* важности я и этой поездке не придаю и не стал бы и Вас утруждать этим некстати длинным письмом, *если* *(бы)* не эти 150 р. *с(еребром)*, с которыми не знаю, что делать? И отказаться жаль, и *сюда* их выписывать совестно!

Как всегда всем сердцем Вам признательный и преданный

К. Леонтьев.

НВ. О политике. Я слышу здесь безумное мнение: кн. Николая Черногорского — в Болгарию!⁵ Да ведь это значит — усилить юго-славян через меру; он будет стремиться объединить их. Если одна Сербия и одна (недоконченная даже) Болгария — нам противоречат, то что же будет от удачного слияния?! Через два-три года просто хоть завоевывать их! Нет, как хотите, сердитесь на меня или нет, а Н. П. Игнатъев лучше всех бы годился.⁶ И в церковных делах *сейчас* бы стал другим, чем был прежде!

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 34—36.
Цитируется:
6, 628—629.

¹ Леонтьев собирался (но по рассеянности, видимо, забыл, — см. п. 116) переслать Филиппову письмо кн. К. Д. Гагарина от 14 сентября (без указания года; ответ на письмо Леонтьева от 30 августа). В нем, в частности, говорилось: «Хлопоты Терция Ивановича Филиппова о Вашей пенсии мне известны с момента их возникновения. Дай Бог успеха. (...)» (хотя не советовал бы приезжать сюда не списавшись ранее с Т(ерцием) Ив(ановичем), который знает, в каком фазисе находится вопрос)» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 18; м/п копия). Следующее письмо Гагарина датировано 21 сентября (Там же. Л. 10—11; м/п копия).

² Леонтьев написал кн. Гагарину 30 августа. См.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 15—16 об.

³ Леонтьев предлагал «Русской мысли» свои воспоминания о Тургеневе, но редакция согласилась напечатать только сами письма Тургенева.

⁴ Самому Шарапову Леонтьев писал позднее (4 мая 1888 г.): «Влияние Аксакова Вам *вредно*; вы человек, видимо, *практический*; а придерживаетесь его часто туманного идеализма из любви к нему, и еще из *партийных соображений*. — На что это?» (РА. 2004. № 1. С. 125). «Аксаковский стиль» славянофильства Леонтьев оценивал как «полулиберальный» и «всепотворствующий» (ср.: 8, 270).

⁵ После низложения князя Александра Баттенбергского 9 августа 1886 г. и последовавшего на другой день падения свергнувшего его правительства митрополита Климента и Д. Цанкова в Болгарии было установлено регентство С. Стамбулова, С. Муткурова и П. Каравелова (фактически — диктатура Стамбулова). «Безумное мнение», приведенное Леонтьевым, заключается в том, чтобы правителя Черногории сделать князем Болгарским. О самом князе Николае Леонтьев неоднократно отзывался в высшей степени одобрительно (8, 611, 613, 617—619, 621). Князем Болгарии в 1887 г. стал Фердинанд Кобургский.

⁶ Отношение Леонтьева к гр. Игнатъеву на протяжении всей жизни оставалось двойственным. Он посвящал ему книгу «Византизм и Славянство» и снимал это посвящение («Нашел, что он не стоит». — 7, 661), начинал (в 1883 г.) и тут же бросал очерк о нем, осуждал за болгарофильство (ср.: 8, 158), но испытывал симпатию как

к неординарному человеку: «единственный живой человек в нашем Министерстве» (письмо к Н. Соловьеву от 28 марта 1878 г.; см. примеч. 11 к п. 12). Иногда в своих политических мечтаниях Леонтьев представлял Игнатьева достойным правителем Болгарии. Однажды (2 сентября 1878 г.) он даже писал об этом своему бывшему начальнику, прочитав где-то о возможности избрания его князем Болгарским:

«Я Вам много противоречил бывало; и не за все хвалил Вас; поэтому Вы, конечно, не примете за лесть, если я выражу Вам, до чего мне это избрание нравится и до чего мне, знающему Вашу *живую русскую душу*, приятнее будет как русскому гражданину видеть со временем не какого-нибудь немецкого Принца, а Вас с Вашим *Священным огнем*, на престоле Крумов, Симеонов и Асений.

Если судьба против меня до такой степени, что ни Вы, ни Кн. Горчаков и никто ничего соответственного моим годам и моей прежней службе (столь восхваляемой когда-то и в Петербурге и в Царьграде) не доставите мне; я все-таки на последние деньги приеду в Болгарию взглянуть на Вас и на Катерину Леонидовну... *тогда!*

Вассалом Султана Вам не долго быть, лишь бы наша рутина и наша зависть не испортили бы прекрасного этого дела!» (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3301. Л. 18 об., 16).

116

Филиппов — Леонтьеву

22 сентября
1886 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Немедленно, по получении сего письма, напишите Евгению Михайловичу заявление о том, что Вы подадите в отставку, как только переговоры о Вашей усиленной пенсии придут к благополучному концу. Это заявление должно прийти сюда не позднее пятницы, ибо в субботу Феокистов будет докладывать о Вас Гр(афу) Толстому и поднесет ему отношение к М(инист)ру Фин(ансов).¹ — Но без Вашего заявления он этого не сделает, опасаясь, что, получив пенсию, которую в своем письме Вы назвали «денежным пособием»,² Вы пожелаете сохранить за собою место. Это приехал он сказать мне вчера; я, конечно, ничего не сказал ему, а только удивился его пронизательности. Итак, пишите к нему безотлагательно, дабы нам скорее доплыть в отишие.³ И мне дайте знать, что Вы ему написали: ибо еще много мытарств должна пройти душа моя, «прежде даже не»⁴ достигну предложенной цели. На тот случай, если

Делянову придется говорить о Вас Государю, пришлите ему экземпляры своего издания.⁵

Вчера был у меня о. Алексей Турбин, который думает вступить в Духовную Академию.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Только что кончил письмо к Вам, как мне подали Ваше ко мне. Приезжайте непременно. Тогда и о 150 р. разговор кончен. Выписывать их на другое употребление — Боже Вас сохрани. Ф. Н. Берг замышляет нечто грандиозное.⁶ Приезжайте.

А заявление все-таки пришлите.

Письма кн. Гагарина в Вашем конверте не оказалось.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 42.
Впервые
с небольшой
купюрой: 6, 629.

¹ Н. Х. Бунге.

² Подразумевается: в письме к Феоктистову.

³ Тихое (небурное) пристанище (ц.-сл.). Ср. в Акафисте Иисусу Сладчайшему: «Иисусе, бурных отишие» (Икос 10).

⁴ Прежде чем не... (распространенная конструкция ц.-сл. яз.).

⁵ Речь идет о сборнике «Восток, Россия и Славянство».

⁶ Имеется в виду замысел новой газеты.

117

Леонтьев — Филиппову

25 сентября 1886. Москва.

25 сентября
1886 г., Москва

При сем, Третий Иванович, *черновое* Феоктистову.¹ Едва-едва поспело *беловое* сегодня на почту заказным. Ваше письмо мне подали во вторник вечером, и не успел я его прочесть и задуматься над ним, как пришел «сам» Черняев,² а за ним случайно трое юношей из «наших» (т. е. из настоящих *наших*, а не из жидов) и просидели все до полуночи. Вчера (в среду) было много срочного дела по службе, заседание Комитета и т. д.³ Едва к вечеру мог начать письмо, поэтому не осудите, если

Феоктистову не придется в эту субботу доложить гр. Толстому. «Егда Бог за ны, никто же на ны».⁴ Может быть, кто знает, — это и к лучшему? Не знаю также, понравится ли Вам и самое содержание моего письма? Согласитесь, что от москвича, занимающего среднюю должность, невозможно требовать, чтобы он даже и при большой житейской опытности понимал заглазно все Ваши петербургские «экивоки и придворные штуки».⁵ Я на основании поговорки: «la franchise est (quelquefois?) la meilleure des politiques»⁶ — написал ему в почтительно-чиновничьей форме — просто *правду*. Думаю, что ничего этим не испорчу, так как я ему предоставил полную свободу действий. Во всяком случае: «мегалитерос инэ о Феос апо тон Генерали Феоктистов!»⁷ Да и к тому же он все-таки достаточно для этого дела мне доброжелателен. Дело, разумеется, для меня не шуточное и не без небольших опасений, но, может быть, в этих опасениях играет значительную роль и та мнительность, которую развили во мне за последние 5-6 лет мои слишком «серые» для моей *натуры* обстоятельства.

По поводу этих «серых» обстоятельств будет кстати сказать и два слова о моем путешествии в Петербург. Не знаю — право — насколько оно осуществимо. До 150 р. с(еребром), столь «таинственно» приготовленных кн. Гагариным, надо *доехать* все-таки. А я настолько еще слаб и нездоров, что здесь на месте и при жизни как машина правильной, я могу еще служить и вообще что-нибудь делать, а ехать более полусуток или почти сутки (если не на курьерском) — надо мне *очень покойно*. Я от Калуги до Москвы по железной дороге во 2-ом классе расстроился в здоровье (*свободу* в карете я легче переношу) — так что целую неделю мне было хуже... Или не *рисковать* ехать, или если рисковать, то нужно *еще столько же*. Когда я из Оптиной между прочим и «так» упомянул кн. Гагарину о *недостающих* 150 р. с(еребром), то я все ждал от кн. Мещерского еще около 200 р. У него уже более месяца лежит большая моя рукопись «*Моя мать об Императрице Марии Феодоровне*».⁸ Правда — я ему должен по старым счетам 100 руб., но считая по 100 р. за лист

(кто же мне из «консерваторов» даст больше? Катков лет 10 тому назад прямо сказал мне: «не за достоинство мы повышаем плату, а за успех»), и то выйдет, что этот толстогубый *enfant terrible*⁹ охранения мог бы рублей 200 давно мне выслать. Я поручил одной знакомой мне даме¹⁰ наблюдать за этим делом, и она сообщила мне, что кн. Мещерский прочтет и даст ответ через две недели. Срок этот истекает, и я жду ответа. Если Вам случится повлиять на его (кн. Мещерского) решение — я буду очень рад. И тогда могу *подумать* о поездке в Петербург. А иначе я только запутаюсь здесь и ухудшу мое положение, которое и без того «тесно». *Le mieuх est l'ennemi du bien!*¹¹ — Я, конечно, не раскаиваюсь, что у меня в письме к кн. Гагарину «сорвалось» это слово о 150 р. с(еребром): что ж за беда? Но пусть лучше они для меня совсем пропадут, чем ехать *только* в расчете на них. Я не могу посвящать Вас в подробности и «тайны» моих квартирных, продовольственных и «туалетных» обстоятельств. Но прошу Вас верить, что не каприз какой-нибудь, а жестокие тиски хозяйственных условий с одной стороны и беспрестанной болезненности с другой, заставляют меня сомневаться в возможности побывать в Петербурге — *теперь, пока снег не лег*. А когда станет зима, то с моим неисцелимым страданием гортани и думать нечего. Если кн. Мещерский *на днях* вышлет хоть 150 р., а остальные (за вычетом половины долга, т. е. 50 р.) выдаст мне в Петербурге, то тогда это осуществимо, а иначе нет!

Впрочем, я, кажется, Вам уже писал, что надеюсь, и без меня дело о пенсии при Ваших усилиях пойдет, а для литературных дел, правда, что было бы недурно. Совесть у иных людей просыпается только при свидании личном. Напр(имер), насчет моей книги «Восток, Россия и Славянство» — хоть бы Авсеенко, или Гр. П. Данилевский,¹² или Н. Н. Страхов, или даже сам этот Ф. Н. Берг — что же *они-то* все молчат целый год? Когда и «Русская Мысль» и даже «Вестник Европы»¹³ ей посвятили статьи? В одной «Ниве» реклама в 10 строк много значит. Книга прошлой зимой шла очень недурно, а теперь у меня и денег на объявления нет.

Вот только в этом смысле мое присутствие в Петербурге пригодилось бы теперь. Что же касается до «грандиозного» проекта Ф. Н. Берга, о котором Вы пишете, не знаю, что это может быть. Но во всяком случае зависеть *от него* в литературном отношении мне, при моей теперешней усталости, было бы тяжело. Требования его большею частью неясны, уклончивы, и хотя характер его тверд, но ум узок и робок, обращение ужасно непостоянно и неверно: то он сделает больше других, то вдруг не сделает самого простого (напр<имер>), хоть этой рекламы), то очень дружелюбен, то забывает будто бы о моем существовании... Вот если бы зависеть прямо от Вас или от кн. Ник<олая> Ник<олаевича> Голицына (как в Варшаве), так можно и утомленному возбудиться. В Вас и в Голицыне я видел *веру* не только в мой талант, но и в мою ловкость в том, в чем я сведущ и опытен. А Ф. Н. Берг воображает себя «практичнее» во многом и выходит, что мы постоянно друг в друге сомневаемся. Это трудно, а для «утасающей в безмолвии»¹⁴ лампы надо хоть масло спокойствия подливать почаще.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 36—39.

Цитируется: 6, 523,

629—630.

Ответ на п. 116.

Ваш К. Леонтьев.

¹ См. п. 117 а.

² М. Г. Черняев.

³ На этом заседании Московского цензурного комитета Леонтьев с докладом не выступал.

⁴ Рим. 8: 31 (рус. пер.: «Если Бог за нас, кто против нас?»).

⁵ Слово «штука» Леонтьев возводил к строке «Держись черней, а знай штуку» (неточно цитируя ее: «Держись черни...») из стихотворения В. К. Тредьяковского «Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края» (1726) (см.: 7, 370; 8, 45; коммент. см.: 7, 697; 8, 864). Выражение «придворная штука» Леонтьев также употреблял в своих статьях. См.: 7, 367; 8, 72.

⁶ Откровенность (иногда?) — лучшая политика (*франц.*).

⁷ Бог более велик, чем генерал Феокистов (*греч.*).

⁸ См. примеч. 8 к п. 126. Рукопись была отправлена в Петербург 23 августа 1886 г. (см. письмо Эбермана от 22 августа 1886 г.: 6, 523).

⁹ Ужасный ребенок (*франц.*).

¹⁰ О. М. Кошевой.

¹¹ Лучшее враг хорошего! (франц.).

¹² Рецензия в «Правительственном вестнике», редактируемом в то время Г. П. Данилевским, с большим опозданием появилась после личного вмешательства кн. К. Д. Гагарина (Правительственный вестник. 1886. 13 нояб. № 250. С. 2; подробнее см.: 8₂, 803), но запаздывал отклик на второй том сборника. По этому поводу Леонтьеву писал 22 ноября 1886 г. кн. Гагарин: «Вы вероятно заметили, что 2-я часть рецензии Вашей книги до сих пор не появляется в „Пр(авительственном) Вестн(ике)“». Причина этому следующая (...) И. А. Зиновьев нашел ее неудобной к напечатанию в официальном органе в настоящую, в особенности, эпоху» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 12 об. — 13). Через несколько дней, однако, вышло и окончание рецензии: Правительственный вестник. 1886. 27 нояб. № 260. С. 2.

¹³ См. примеч. 49 к п. 97.

¹⁴ Источник не установлен.

117 а

Леонтьев — Е. М. Феокистову

24 (?) сентября
1886 г., Москва

Отправлено заказным 25 сент(ября) 1886. Черновое Е. М. Ф(еокисто)ву

М(илостивый) Г(осударь)
Е(вгений) М(ихайлович).

Письмо, с которым Вы разрешили мне обратиться к г. Министру Народ(ного) Просвещ(ения), отправлено мною уже более 3-х недель по назначению и дело о денежном пожизненном мне пособии для продолжения моих литературных трудов, вероятно, уже идет своим порядком. Позволяю себе поэтому утрудить Вас еще несколькими словами для избежания недоразумений. Всегдашнее Ваше ко мне благосклонное расположение дает мне смелость быть вполне откровенным.

Хотя я в письме моем к Его П(ревосходительст)ву И. Д. Делянову и не упомянул ни слова об отставке моей, но это я сделал только потому, что полагал, у Министерства Народ(ного) Просвещ(ения) в подобном деле нет прямого отношения к тому, служу ли я цензором или нет.¹ Вам же, как ближайшему начальнику моему, я считаю долгом объяснить все как есть.

Само собою разумеется, что мне выгодно было бы получать 1300 (или более) рублей из *особых* источников сверх цензорского жалования, и служба, которую я, как Вам хорошо известно, до последней сильной болезни моей исполнял не хуже других, сама по себе взятая, ничуть бы литературному труду не мешала, если бы не другие тяжелые обстоятельства, о которых я распространяться и даже упоминать стесняюсь.

Все это так, положим, и отставка от меня бы не ушла, если бы болезни того потребовали, но это *мой* взгляд, — взгляд же В⟨ашего⟩ П⟨ревосходитель⟩ства на этот вопрос мне наверное неизвестен, и кроме того, стоя ближе к центральному управлению, Вы лучше моего изволите видеть, что возможно, что удобно и что невозможно, неудобно и несовместимо.

Поэтому я и нахожу необходимым доложить Вам, что как только вопрос о моей „литературной“, так сказать, пенсии будет благополучно разрешен г. Мин⟨истром⟩ Народ⟨ного⟩ Просвещ⟨ения⟩, то я по первому же „приватному“ извещению Вашему подам прошение об увольнении меня от службы по Цензурному ведомству.

Прибавлю еще: ... если В⟨аше⟩ П⟨ревосходитель⟩ство найдете это необходимым ... Все с этой стороны вполне зависит, Евг⟨ений⟩ М⟨ихайлович⟩, от Вас, и я знаю, что Вы не вреда мне желаете, а пользы.

Честь имею и т. д. и т. д.

¹ Цензура находилась в ведении Министерства внутренних дел.

118

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

Ваше письмо к Феоктистову могло бы совершенно разорить все наши предположения и надежды; но, верно, Оптинские молитвы бдят над Вашей судьбой. Дело опять налажено, и в субботу будет о Вас доклад гр. Толстому, от которого пойдет уже отношение к Делянову; а Делянов будет

в союзе со мною действовать на М(инистерст)во Фин(ансов). — Вы видите, что до пристани еще далеко; не увеличивайте же затруднение гребцов, которые взялись доставить туда Вашу ладью. Ко мне Вы можете писать, что Вам угодно; но даже с кн. Гагариным, который после меня ближе всех принимает к сердцу Ваши дела, нужна некоторая осторожность. Теперь, впрочем, Вам не о чем и писать; доклад о Вас будет в эту субботу, при чем гр. Толстому будет заявлено, что Вы подадите в отставку тот час, по достижении соглашения на Вашу усиленную пенсию. За тем возникает вопрос: приезжать ли Вам сюда? Прежде я этого очень желал; а теперь не знаю, что Вам и посоветовать. Оставляю это на Вашу волю. Мне кажется, что усердие Феоктисова к Вашему делу Вы представляете себе не в надлежащем свете; оно не похоже на мое. Как же было этого не понять?

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 43.
Цитируется: 6, 630.

Ответ на п. 117.

119

Леонтьев — Филиппову

5 октября 1886 г. Москва.

5 октября 1886 г.,
Москва

Тертий Иванович!

На последнее Ваше (*укорительное*) письмо потому не отвечаю, что надеюсь (с Божией помощью и если со стороны здоровья чего-нибудь особого не случится) выехать в Петербург в четверг,¹ а в пятницу мечтаю Вас обнять.

При этом убежден, что при свидании Вы сами найдете, что укоры Ваши не так уже заслужены мною, как это кажется издали.

Ничего не испорчу Вам (и себе следовательно), не бойтесь, Вы уж слишком с одного случая во мне разочаровались. Подождите!

Вам всей душой преданный и благодарный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 41.

Р. С. Кн. Гагарина я тоже предупредил о моем скором приезде,² чтобы он те 150 р. с⟨еребром⟩ по несчастной какой-нибудь случайности не обратил бы на другое назначение.

¹ Четверг — 9 октября.

² Кн. Гагарину Леонтьев послал в тот же день короткое письмо с извещением о дате своего приезда и просьбой сохранить обещанные ему деньги (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 19).

120

Филиппов — Леонтьеву

14 октября
1886 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Зайду непременно. Феоктистов просил меня изложить Вашу литературно-политическую характеристику и таким образом дает мне в руки Вашу оценку. Через некоторое время буду у Вас.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 38.
Цитируется: 6, 630.

Ваш искренний Т. Филиппов.

14 октября 1886.

121

Филиппов — Леонтьеву

17 октября
1886 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Записку Вашу исправил¹ и послал перебелить; из Контроля пошлю ее Феоктистову, дабы она могла поспеть к завтрашнему докладу.² Сегодня можно меня застать только от 8 до половины девятого вечером.

Автограф: РГИА.
Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 4. Л. 22.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 40.
Цитируется: 6, 630.

Ваш искренний Т. Филиппов.

17 окт⟨ября⟩ 1886.

¹ Имеется в виду «Список сочинений г. Леонтьева с характеристикой», составленный самим Леонтьевым. См.: 6, 23—27.

² Речь идет о докладе Е. М. Феоктистова гр. Д. А. Толстому.

122

Леонтьев — Филиппову

19 октября

1886 г., Петербург

19 октября 1886 г. Петербург. Воскресенье.

Тертий Иванович, отъезд мой отложен до завтрашнего почтового поезда.¹ Завтра от десяти до половины второго я, значит, совершенно свободен и был бы очень рад, если бы Вы позволили мне завтра утром зайти хоть на часок (опять в «армяке»,² ибо сюртук мой уже будет уложен), торопиться — для меня каторга, и я истинно страдаю, если не могу все делать «с прохладой», как говорят наши калужане... *Записка К. П. Победоносцева о «Цесаревиче»³ и «Варшавский Дневник» теперь у меня, ее мне отдал кн. Голицын. Узнал кстати и от Страхова нечто довольно благоприятное насчет премии.*⁴

Ваш навсегда неоплатный должник К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024. Л. 42.

Достаточно ответа на словах Александру.⁵

¹ Возможно, Леонтьев отложил отъезд еще на один день, потому что в Москву он, судя по сообщению в письме к Э. К. Вытропскому от 23 октября 1886 г., приехал 22 октября. «... передайте батюшке, что я вчера только благополучно возвратился из Петербурга, куда ездил по совету Т. И. Филиппова и провел там семь чрезвычайно деятельных дней; представляясь разным влиятельным лицам и т. п.» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 2).

² «В армяке» Леонтьева застала (возможно, 17 октября) в кабинете мужа М. И. Филиппова. Впоследствии в письмах Леонтьев неоднократно вспоминал об этом эпизоде.

³ Возможно, имеется в виду записка Победоносцева, упомянутая в п. 26.

⁴ Леонтьев для поправки своих дел думал о возможности представить какое-либо из своих сочинений на Пушкинскую премию Академии наук. Первоначально он рассчитывал, основываясь на прецеденте А. А. Фета, получившего эту премию в 1885 г.,

подать на ее соискание свой роман «Одиссей Полихрониадес» или весь трехтомник «Из жизни христиан в Турции», о чем и писал Н. Н. Страхову 18 сентября 1886 г. (см.: 4, 966). В ответном письме от 27 сентября Страхов разъяснил ему, что «премии дают-ся только за стихотворные произведения и лишь за те, которые не старше *трех лет*» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 6). «Впрочем, — ободрял он Леонтьева далее, — в Академии есть множество премий, и Сухомаинов советовал мне представить *Критические статьи*. Пошлите-ка и Вы свои книги; я думаю, Вам следует большая премия за Ваш Восток, Россию и Славянство. Что за интересная книга! И каким духом веет!

Но нашу Академию нельзя очень восхвалять за ... Право, я запнулся и лучше уж ничего не скажу. Только я, из досады на Академию, не послушался Сухомаинова. Не хотите ли написать к нему? Не хотите ли, чтобы я его пощупал насчет Вас? Душевно рад бы был, если б Вам достались деньги, лежащие в Академии, и не вижу тут невозможного, но только трудное. Очень уж Вы ославили себя непомерным патриотизмом и православием» (Там же. Л. 6—6 об.). Видимо, при встрече в Петербурге в октябре 1886 г. Страхов сообщил Леонтьеву какие-то новые подробности о премии.

⁵ Письмо относил Филиппову А. Т. Пронин, сопровождавший Леонтьева в поездке.

123

Леонтьев — Филиппову

8 ноября 1886 г.,
Москва

8 ноября 1886. Москва.

Вот уже более двух недель, Третий Иванович, как я исчез из Петербурга и ни слова об себе. Думаю, что это ничего, а кто знает — может быть, и невежливо. Если Вы находите, что невежливо, то простите великодушно. Собственно для этого и пишу, ибо особенного ничего не имею сообщить, а получить от Вас две-три строки было бы очень приятно.

По возвращении моем сюда, я принялся за обычные дела, как ни в чем ни бывало, и о *петербургском моем деле* все время если и думал, то со спокойствием полным, как о деле решенном, так Вы, Гагарин и Делянов¹ меня обнадежили! Я очень рад сам спокойствию с этой стороны, тем более, что здесь по возвращении моем нашел очень много дела и забот всякого рода, — и очень доволен собой за то, что решился съездить в Петербург.

Здоровье ни то, ни сё: постоянно плохо, и эти дурацкие так называемые «нервы» очень расстроены, но, слава Богу, и то, что делами заниматься можно.

Будьте здоровы и Вы и не забывайте преданного Вам всем сердцем К. Леонтьева.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024. Л. 49.

¹ В письме к Э. К. Вытропскому, написанном сразу по возвращении из Петербурга, Леонтьев так передавал слова И. Д. Делянова: «Он сказал: „Жаль, если Вы перестанете писать; я надеюсь, что Вы будете еще и писать и даже действовать“. — Он хочет, при малейшем затруднении со стороны Бунге, довести дело до Государя и, может быть, даже и книгу мою ему представит» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 2 об.).

124

Леонтьев — Филиппову

11 ноября 1886

Москва

1886, 11 <ноября>.¹ Москва.

Тертий Иванович, Кристи написал для «Гражданина» статью прилизительно со следующим заглавием — «*Вопрос* в Болгарском вопросе»,² но Мещерский, говорит Кристи, почему-то ее не печатает. Он мне статью эту в рукописи не читал, и содержания ее я не знаю, но уверен, что «по духу» от Кристи кроме хорошего нечего ждать. Молодой человек немножко опечалился и жаловался мне на это обстоятельство, не понимая даже, какое может быть тут препятствие? Я обещал ему написать Вам; может быть, *при случае* Вы замолвите Мещерскому слово об этом деле. *Такого* юношу, как Кристи, мы не скоро найдем, и я сам, уже никуда почти от болезней и усталости не годный, постоянно утешаюсь, глядя на то, как он все крепнет и развивается.

Пока больше ничем не хочу беспокоить Вас... О себе желал бы сказать что-нибудь веселое, но такого мало. С приближением зимы, возобновляются мало-помалу мои телесные страдания, и вот уже более 10 дней, как я никуда не выхожу от жестокой невралгии в спинном мозгу и в нервах, из него выходящих. Писать усидчиво нельзя, а только охаю, молюсь и

читаю, да цензурные вещи подписываю кое-как. Книга моя нейдет с рук. Остановилась продажа. Готов хоть пожертвовать куда-нибудь большую часть экземпляров, подумаю и напишу Вам. Разом много писать не в силах от боли в спине.

Н. Н. Страхов, который хотел постараться об академической премии, тоже ни слова; он человек, впрочем, вообще ненадежный и фальшивый, кажется...³

В Шарاپове я также разочаровался до того, что не читаю «Русского Дела». Хочет пребыть на пережитом уже Аксаковском духе... Quod licet Jovi non licet bovi!...⁴

Обнимаю Вас и остаюсь Ваш К. Леонтьев.

¹ В копии (и, возможно, в автографе) ошибочно: декабря. Должно быть: 11 ноября, потому что статья Кристи, о которой здесь говорится как о задержанной Мещерским, была напечатана в конце ноября (см. след. примеч.).

² Статья все-таки появилась в «Гражданине». См.: Сергиевский П. <Кристи И. И.> Вопрос в болгарском вопросе // Гр. 1886. № 96. 30 нояб. С. 2—3. Кристи и в дальнейшем писал о болгарских делах (см.: 8₂, 1305), каждый раз напоминая в связи с ними о Греко-болгарском вопросе.

³ В это время вновь наступил перерыв в переписке Леонтьева со Страховым, продолвшийся до 1888 г.

⁴ Что позволено Юпитеру, не позволено быку! (лат.) Эту пословицу Леонтьев использовал в своих статьях.

125

Филиппов — Леонтьеву

25 ноября 1886 г.,
Петербург

СПб. 25 ноября 1886.

Дорогой Константин Николаевич!

Министр финансов заупрямился и не идет далее 1500 р. Иван Давыдович советует выждать события, к чему склоняется и мой совет: не веси бо, что породит находяй день!¹ 700 р. — расчет немаловажный! Tî vâ

κάμωμεν; ὁ πομπὴς ἔξομεν τὴν χρείαν.² Между тем на днях Книга Ваша будет представлена Государю³ при докладной записке, которую Иван Давыдович позволит, вероятно, составить мне. В этом обстоятельстве я вижу залог обновления Вашей литературной деятельности. Разного рода мелкие, но, вместе взятые, не лишённые значения события, частью уже совершившиеся, частью же ожидаемые, получают в моих глазах смысла предзнаменательный. Должно же появиться на Руси истинное, подлинное охранительное издание, от Бога и Церкви Зиждителя⁴ изводящее свое направление и к Богу и Его Церкви возводящее всю свою словесную службу.⁵ Ни своенравное православие Аксакова, ни грубая антрополатрия⁶ Каткова не отвечают запросам строго православной души. При разладе же с Православием, всякое охранительное направление солжет себе: или Церковь повергнет к ногам буйной толпы, или Божия воздаст Кесареви!⁷

В сих надеждах прошу Вас не смущаться временной неудачей, которая может быть обратиться в Вашу и общую пользу, Господу споспешествующу.⁸

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1035.

Л. 3—4 об.

Цитируется: 6, 631.

¹ Измененная цитата: Иак. 4: 14.

² Что нам делать; «терпение нужно вам» (греч.). См. примеч. 1 к п. 21.

³ Представление состоялось только в феврале 1887 г. (см. п. 133).

⁴ Ср. ирмос 3-й песни молебного канона ко Пресвятой Богородице: «Небесного круга Верхотворче Господи и Церкви Зиждителю...»

⁵ Цитата из первой стихиры «на Господи возвах» 8-го гласа («Вечернюю песнь и словесную службу Тебе, Христе, приносим...»). Ср.: Деян. 6: 4 («Мы же в молитве и служении слова пребудем»).

⁶ Человечкопоклонничество (греч.).

⁷ Основывается на Мф. 22: 21; Мк. 12: 17; Лк. 20: 25.

⁸ Мк. 16: 20.

3 декабря 1886 г.,
Москва

126
Леонтьев — Филиппову

3 (декабря)¹ 1886, Москва.

Астафьев на днях, уезжая в Петербург, спросил меня: «Не имеете ли Вы чего передать Т^ртию И^вановичу?» Я сказал: «Передайте, что те препятствия, о которых пишет Т^ртий И^ванович, не слишком пугают меня и даже, пожалуй, и вовсе не беспокоят. Я уверен, что мое дело в таких хороших руках, что оно испорчено быть не может — и больше ничего». К этому прибавлю еще кой-что теперь и от себя. Вы пишете, что ожидаете какого-то обновления моей литературной деятельности. В том же почти духе писал недавно мне князь Гагарин; он говорит, как моряк, что мои друзья и защитники *флага* не спустят, и тоже, ожидая более благоприятных для меня обстоятельств, советует *и мне не спускать флага*.² Так как по делу пенсии я сам уже решительно ни при чем, то и его ободрения надо понять не иначе, как в смысле «литературном», так сказать.

Дай Бог, чтобы Вы оба были правы и чтобы я ошибся, но признаюсь, я никак не могу себя вообразить в хорошем литературном положении. Ведь это положение только тогда истинно хорошо, когда это *сам* чувствуешь. А я это чувство знал только в течение 4-5 месяцев, когда я имел дело с кн. Голицыным в «Варшавском Дневнике» 80-го года. Где опять найдешь такого редактора, который бы так меня «успокаивал» и давал бы мне такую полную волю писать что хочу? Ф. Н. Берг был бы хорош только как второстепенное лицо: он, конечно, опытен по редакторской части в тесном смысле, имеет вкус, но он узкий консерватор, близорук, ограничен, лично несколько лжив, фальшив и *некстати* сдержан и уклончив. Если бы *он* зависел от *меня*, как деловой и очень опытный правитель канцелярии зависит от менее опытного по канцелярскому делу, но гораздо более способного к высшей политике губернатора, — то

могло бы что-нибудь выйти хорошее. А *наоборот* мало будет результата. Если Вы имеете в виду что-нибудь в самом деле серьезное по средствам (хотя бы и не сейчас, а через год и позднее даже осуществимое), то я заблаговременно на всякий случай напоминаю Вам об Иване Ивановиче Кристи. Верьте моей рекомендации, прошу Вас, безусловно в этом отношении. Посмотрите сами, какое соединение благоприятных условий в этом молодом человеке: личная вера самая искренняя и *богобоязненная* даже (что таки редко в наше время и чего даже мало и у таких людей, как Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев и покойный И. С. Аксаков), *благовоспитан*, имеет много связей в высшем обществе,³ характера *сильного*, над сверстниками всегда преобладал, *богословски* уже подготовлен,⁴ идеями ближе всех других к нам подходит, эстетически очень развит и с *непочатым* еще, так сказать, *честолюбием*, т. е. в том смысле *непочатым*, что он ни с какой еще определенной деятельностью своего имени и своего *самолюбия* не связал — хорошо бы, если бы кроме Вас и меня были бы в подобном предприятии замешаны все *новые* лица, а уже действовавших прежде как можно менее.

Читая эту рекомендацию, не подумайте, что я предвижу осуществление Ваших надежд *завтра*, послезавтра. Вовсе нет; я Вам советую только заранее иметь его в виду, точно так же, как Вы имели постоянно в виду меня на всякий случай.

Я же собственно сам себя теперь не понимаю, что я такое? Годен ли я или уже нет? Не знаю — может быть да, может быть нет. В одном я уверен, что жизнь в столице при скромных и весьма средних средствах очень благоприятна для моего *духовного* преуспеяния, для тончайшей внутренней работы души на пути смирения перед волей Божией, на пути того терпения, которое и Вы мне рекомендуете в Ваших письмах, — но для вдохновения литературного, для того возбуждения ума и сердца, без которого не напишешь хорошо ни статьи, ни повести изящной и полезной, — для этого дальнейшая жизнь в столицах при скромных средствах — в высшей степени неблагоприятна! Нужен горящий

спирт известных льготных впечатлений для того, чтобы остывающая (и почти совсем остывшая) в этом скромном долготерпении — влага кипела снова! ... Терпение едва ли было в моей натуре; оно искусственно выработано религиозной борьбой и давними, не слишком жестокими, но зато постоянными и неизлечимыми недугами. Если бы и при этих условиях я видел бы какой-нибудь поразительный успех в своих литературных делах, то ошибочно или нет, но мог бы еще подозревать в этом призвание Божие. Я мог бы увлечься верой, что я *нужен* ... Лев Толстой нужен, Катков нужен, Аксаков был нужен, *Пастухов* даже видимо нужен, кто по прямому смотрению, а кто по «попущению» Божию⁵ в виду каких-нибудь косвенных целей Промысла; даже Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев, которого теперь так жестоко стеснила духовная цензура,⁶ думает все-таки, что он *очень* нужен. Он на днях говорил мне: «я не стою безусловно за мои богословские мнения: быть может, я ошибаюсь, быть может, я, как Колумб, который искал пути в Индию, а открыл Америку; если бы он говорил о вовсе новом материке, ему бы и кораблей и средств не дали бы, так и я, быть может, приведу *не туда, куда хочу, но я уверен в одном, что я призван* поднять какой-то пожар в Православной Церкви». Я же от себя думаю, что он прав и что во всяком случае пожар этот будет полезен Церкви уже тем одним, что его мнения ведут к духовной дисциплине и представляют значительный противовес богословскому духу Хомякова и Аксаковых; взгляды славянофилов выражены очень благородно, изящно и возвышенно, *но тем хуже* — в них таится такая глубокая и отвратительная наклонность к протестантизму, что в смысле противодействия им и стремление в Рим хорошо. Влад(имир) Соловьев действительно уже и теперь поднял целую бурю в церковном нашем мире ... И хотя ему теперь очень тяжело, потому что он почти беззащитен от нападков, но он не может не чувствовать своей силы ... а кроме того ему 33 года, а мне 56 лет и в эти 56 лет я встречаю на пути своем за последние три года такие странные и необъяснимые мелкие препятствия, что поневоле подумаешь: «вся остальная

твоя жизнь до гроба есть уже не что иное, как искупление за прошлое! Нужен ты только для себя самого, для очищения духа в ежедневной борьбе» (или лучше сказать — даже и не в борьбе, мне кажется, что я уже и не борюсь). Биться в какой-то безвыходной паутине то со стоном изнеможения, то со вздохом покорности — разве это борьба? «Таков ли был я» ... не только «расцветая»,⁷ но и всего 6 лет тому назад?! Москва была для меня *скитом*. Необходимость примириться постепенно со многим, что привело бы меня прежде в ужас своей прозой и своей мелочностью; эта необходимость, наложенная свыше, была точно как замена пострижения в монашество, которого я по грехам и маловерию не удостоился! Пострижение сердца, пострижение воли, вкусов, ума. *Все не по мне, и ко всему привык!* Оно хорошо, положим, для очищения души, но ... становясь на Вашу точку зрения — ожидания от меня чего-то стоящего внимания ... я спрашиваю себя: не порвались ли за это время совсем те струны, которые необходимы для известного рода действий? ...

И заметьте — не то чтобы я совсем за это время не писал, — нет, я писал, но что же я встречаю, что я слышу: с одной стороны — я слышу и вижу какое-то *признание* себя (или меня?) чем-то, чем прежде не признавали, похвалы, критику, уважение, поддержку Правительства и в то же время желания неизвестных мне лиц и молодых и старых познакомиться со мной, послушать мои речи, ненависть либералов, влияние на юношей, — это с одной стороны, а с другой: Катков, который прежде так дорожил хоть «беллетристическими» моими сочинениями, — отказывается прошлого года от окончания «Египетского голубя», потому что я давно прервал его и *читатели забыли* (отказался бы кто-нибудь от окончания прерванной когда-то повести Толстого или Тургенева?). Я взамен этого даю ему «Записки моей матери об Импер(атрице) Марии Феодоровне»,⁸ он держит ее три-четыре месяца и возвращает молча по моему требованию (высказывался еще при этом укор, что я ему еще должен, а у него совсем почти перестал печатать); отдаю эту самую ста-

тью Мещерскому, он собирается печатать когда-то, но не находит у себя в кассе и ста р. с(еребром) для меня, когда они очень нужны! Уговариваюсь с «Русской Мыслью» по 150 р. с(еребром) за лист написать о моих делах с Тургеневым,⁹ 30 лет тому назад. В Оптиной пишу. Посылаю, возвращают: «слишком много *о себе и своих* чувствах написали,¹⁰ нам нужен только *он, а не Вы*». Лестно, не правда ли? Показываю эту самую статью Бергу в Петербурге, он восхищается, но говорит, для «Нивы» *что-то неудобно*, а вот Семевский возьмет с радостью...¹¹ Посмотрим! Семевский в отсутствии. Вижу — однако, что нужно кой-какие долги платить. Делаю над собой усилие, ломая голову, что бы мне такое написать для «Нивы» (она хоть платит скоро и хорошо) недлинное и не слишком *выразительное* (выразительного там не любят). Сажусь и пишу: «Сдача Керчи союзникам в 55 году, воспоминания военного врача». Написал немного, испугался, что опять *даром* буду над пустяками трудиться и *вот не окончивши* послал теперь *черновое это начало* тому же Бергу — *спросить: продолжать ли или нет?* ...¹²

Задумал также, как Вам известно, представить свою книгу на премию в Академию, по совету Страхова ...¹³ Посмотрим — будет ли что-нибудь из этого? ... Ну, разве это не паутина? И так 3-4 года — 5 лет! Научит долготерпению до прекращения всякого порыва, до невозможности всякого *вдохновения*! Тем более, что на все приводимые другими людьми причины этому есть у меня поразительные возражения противоположными *примерами*, и остается одно — видеть во всем этом таинственный перст и Высшую волю!.. Указание: «блажен муж, его же накажешь, Господи!»¹⁴ Постоянно в течение 5-6 лет писать *не то серьезное*, что хочется (ибо *этому сбыта* скорого нет), а писать по принуждению второстепенные пустяки по нужде и, написавши, получать *отовсюду отказ*... И в то же время слышать с разных сторон: «Ах, какой Вы художник! Ах, как много правды в Ваших взглядах! Ах! по Восточным делам — Вы пророк!» и т. д. Согласитесь, что придешь в истинное недоумение при таком грубом контрасте!

Книгу «Восток, Россия и Славянство» столько хвалят, а она продаваться перестала... и т. д. и т. д. ... Конца нет...

Вот посмотрим, что выйдет из всех новых кой-как затеянных мною дел: Академия, «Нива», Мещерский, Семевский и т. д. В благополучный исход вопроса о пенсии я верю, потому что не я за это взялся, а взялись люди с более счастливой рукой, чем моя. И еще потому, что пенсия в 2500 р. с(еребром) — как раз такое условие, которое, видно (по предыдущим примерам), мне суждено вообще: скромное обеспечение больному телу и новый повод для смирения духа. А Толстому, Каткову и даже Пастухову — пенсии не нужно. Правительство, как добрая мать, жалеет больше ту глубоко оскорбленную дочь, от которой отвернулись все красивые и богатые женихи... Жалко и больно Вам, добрый Третий Иванович, все это читать, знаю я это. Но доброму человеку сострадание так свойственно и так привычно, что его лишним поводом к этому движению сердца не обременишь. К тому же — кому и сказать все это, как не Вам — испытанному и тонко все понимающему другу? И старцы советуют зря не говорить о себе: «да не попрут ногами»¹⁵ ваши чувства... А немногим избранным можно. Другой ведь скажет, пожалуй, невпопад: *уныние, отчаяние*, тогда как это вовсе не то! И потому не взыщите и не посетуйте на меня грешного за эти, кажется, даже и не особенно новые для Вас откровения!...

Посылаю Вам вырезку из здешней «Ремесленной газеты» — об цветах Марии Ивановны...¹⁶ Несмотря на слишком суровое отношение ее к моему дорогому «армяку», я от всей души порадовался, что ее в самом деле изящный и оригинальный труд оценен по заслуге и достоинству.

Надо бы ей заранее приготовить какую-нибудь большую работу в этом роде для обновленного храма Св. Софии в Царьграде.

У нас ведь все подобное случается почти неожиданно, т. е. превосходит ожидания. Вы верите (искренно или притворно для моего утешения — не знаю) в мою литературную будущность, я в нее не верю. Вы не вери-

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 42—48.

Цитируется: 6, 522,

544, 572, 573,

666—667;

8, 1034—1035.

Ответ на п. 125.

те или плохо верите в благополучный исход Все-Восточных дел, я верю в это слепо. Вот в чем мы расходимся!

Ваш неоплатный должник К. Леонтьев.

Р. S. Мне стало гораздо веселее после того, как я написал Вам это длинное письмо. Ободрился.

¹ В копии (а, возможно, и в автографе) ошибочно: ноября. Исправлено на основании упоминаемого ниже письма кн. К. Д. Гагарина.

² Имеется в виду письмо кн. Гагарина от 22 ноября 1886 г. (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 12—13).

³ По матери, урожденной Нелидовой, Кристи был в родстве со многими знаменитыми дворянскими родами. Его брат Григорий, женатый на княжне М. Н. Трубецкой (что доставило ему родственные связи также с гр. Толстыми, Орловыми-Давыдовыми), был близок кругу великого князя Сергея Александровича.

⁴ И. И. Кристи с 1884 г. был вольнослушателем Московской духовной академии, готовил магистерское сочинение о жизни св. ап. Павла.

⁵ Ср. в хорошо знакомой Леонтьеву книге поучений Аввы Дорофея размышление о том, что все «бывает или по благоволению Божию, или попустительно» (Почтение 14. О совершении добродетелей).

⁶ Речь идет о запрещении в России книги Соловьева «История и будущность теократии» (первый том вышел в Загребе в 1887 г.).

⁷ Цитата из романа «Евгений Онегин» («Отрывки из путешествия Онегина»).

⁸ Рукопись представляла собой обработку воспоминаний Ф. П. Леонтьевой. Публикация в «Русском вестнике» должна была стать продолжением уже изданных там же записок матери Леонтьева о событиях 1811—1812 гг. (см. примеч. 31 к п. 97). В итоге «Рассказ моей матери...» был опубликован в «Литературных приложениях к газете „Гражданин“» (1887. № 6. Отд. II. С. 1—48; № 7. Отд. II. С. 1—25). Лишь в 1891, уже в «Русском вестнике» редакции Ф. Н. Берга, состоялась вторая, исправленная, публикация этого произведения (РВ. 1891. № 4. С. 77—104; № 5. С. 49—82).

⁹ Незавершенный мемуарный очерк «Тургенев в Москве. 1851—1861 гг.» был впоследствии опубликован в «Русском вестнике» (1888. № 2. С. 97—129; № 3. С. 266—283).

¹⁰ В этом же позднее упрекнула Леонтьева А. М. Гальперсон в своей рецензии на воспоминания «Тургенев в Москве»: «Воспоминания эти очень интересны (...) как страница из жизни человека, у которого здоровая (?) голова борется с большими нервами. (...) ...постепенно нервы оказываются победителями. Перед нами один из героев Достоевского, рассказывающий о себе» (М. А. Гальперсон А. М.) Новости литературы // РД. 1888. 16 апр. № 15. С. 14). Более развернутую цитату см.: 6, 574.

¹¹ 14 марта 1887 г. Леонтьев писал кн. Гагарину: «Другая статья (...) послана в редакцию „Русск(ой) Старины“ и об ней до сих пор нет слуха (...)». Семевский был за

границей, оттого и проволочка» (цит. по: 6₂, 573). Публикация в журнале М. И. Семеновского не состоялась, а в «Русской мысли» в декабрьской книжке были напечатаны только письма Тургенева к Леонтьеву (см. примеч. 3 к п. 129).

¹² Бергу было послано первых 15 страниц (об этом — в письме к кн. Гагарину от 29 декабря 1886 — 23 февраля 1887 г.; 6₂, 545). В «Ниве» этот очерк не был напечатан. Позднее его поместил в «Современных известиях» Гиляров-Платонов под названием «Сдача Керчи в 55 году (Воспоминания военного врача)» (СИ. 1887. 25 февр. № 54. С. 1—2; 3 марта. № 60. С. 1—2; 9 марта. № 66. С. 1—2; 13 марта. № 70. С. 1; 21 марта. № 78. С. 1—2; 15 апр. № 101. С. 1—2; 17 апр. № 103. С. 1—2).

¹³ См. примеч. 4 к п. 122.

¹⁴ Неточная цитата: Пс. 93: 12 («Блажен человек, егоже аще накажеша Господи...»).

¹⁵ Мф. 7: 6.

¹⁶ М. И. Филиппова была искусной вышивальщицей. Леонтьев послал Филиппову вырезку с заметкой «Художественные изделия г-жи Филипповой» (Ремесленная газета. 1886. № 47. С. 367). Приведем ее короткий текст целиком:

«На постоянной художественной выставке в Петербурге, в отделе изделий из обожженной глины, бросается в глаза выставленный на отдельном пюпитре букет полевых цветов, вышитый цветами на атласе. Работа эта представляет верш совершенства: цветы и травы кажутся живыми; в особенности обращают на себя внимание васильки, клевер, красный и белый, и тимopheева трава. Этот букет исполнен М. И. Филипповой, супругою товарища государственного контролера.

Г-жа Филиппова шьет свои цветы без всякого рисунка, прямо с памяти или с натуры».

127

Филиппов — Леонтьеву

21 декабря
1886 г., Петербург

СПб. 21 декабря 1886.

Дорогой Константин Николаевич.

События, коих я ожидал, совершатся на днях: дело Ваше возобновится и будет решено в Вашу пользу. Поздравляю.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 41.
Впервые: 6₂, 633.

Филиппов намекает на готовящуюся перемену в правительстве: отставку Н. Х. Бунге и назначение министром финансов И. А. Вышнеградского.

389

28 декабря
1886 г., Москва

128
Леонтьев — Филиппову

1886. 28 декабря, Москва.

Поздравляю Вас, Третий Иванович, с праздником Рождества Христова, с грядущим Новым Годом и будущими уже близкими именинами.

«Поздравление» Ваше письменное с благоприятным поворотом моего дела в Петербурге получил, и молодой Погодин¹ у меня тоже был с добрыми вестями. За все благодарю усердно. С возвращением морозов я опять почувствовал себя много хуже и вот уже 3 недели, как почти с кресла у печки не схожу.

Сижу у печки и, между прочим, много мечтаю, чтобы и Вам Бог послал 20 000 жалования и прекрасную казенную квартиру. А явилась эта мечта вследствие некоторых московских слухов о передвижениях в высших сферах. Конечно, и это не то, что я бы желал для Вас по призванию (и для России), но по крайней мере, лично и для семьи хорошо.

О себе скажу только пока, что очень боюсь зимы в Москве; хорошо бы поскорее уехать в место с более чистым воздухом, хоть на Посад или даже в Оптину. Что Вы скажете, не даст ли мне Феокистов последнюю льготу — не отпустит ли в отпуск до отставки. Я, понимаете, не требую, не умоляю, не настаиваю и т. п., я только спрашиваю. Я не знаю, живя здесь, что в Петербурге считают возможным, приличным и т. п. Цензоров теперь у нас и без меня 4, и если кто скажет, что дела у нас нестерпимо много, тот солжет, и я не от дела хотел бы бежать, а от столичного воздуха.

Впрочем, это я так. Дитя не плачет, мать не разумеет — больше ничего. Sapienti sat!² Боюсь, чтобы только раны опять не открылись, для них воздух лучшее prophylacticum³ (J'ai oublié mon latin;⁴ ph или f — не знаю).

Будьте здоровы, обнимаю Вас.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 50—51.

Ответ на п. 127.

Ваш К. Леонтьев.

¹ Речь идет о П. Д. Погодине.

² Разумеющему достаточно! (*лат.*) — крылатые слова, восходящие к комедии Тита Макция Плавта «Перс» (IV, 7, 727—729) и повторенные в комедии Теренция «Формион» (III, 3, 543).

³ Профилактическое средство (*лат.*).

⁴ Я забыл свою латынь (*франц.*).

1887

129

Леонтьев — Филиппову

6 января 1887 г.,
Москва

1887 г. 6 января, Москва.

С Новым Годом Вас, Третий Иванович, и многоуважаемую Марью Ивановну! ... Вам желаю успехов в благих начинаниях и усиления Вашего полезного для Церкви и отечества влияния, а Марье Ивановне желаю всяких радостей и вышить прекрасными цветами что-нибудь замечательное для собора Св. Софии в Константинополе.

Вместе с этим, руководясь тем, что Вы строго запретили мне «бояться и остерегаться Вас», а велели со всеми желаниями моими обращаться к Вам по-прежнему свободно, посылаю Вам при сем статью некоего приятеля моего и единомышленника нашего Владимира Андреевича Грингмута,¹ служащего уже давно у Каткова в лице по педагогической части. Человек он семейный и *вполне* от Каткова зависит, и потому единомыслие свое со мною «страха ради иудейского»² принужден до поры до времени скрывать. На днях, возмущенный донельзя мнением Тургенева, что у меня нет художественного таланта (в прилагаемых при сем оттисках из «Русской Мысли», см. последнее письмо, от 1876-го года),³ — он вдруг принес мне такое пламенное и до жестокой несправедливости к Тургеневу благоприятное мне возражение, что я должен был охладить его, образумить, говоря, что такими преувеличениями он не только никого не обратит, но и не найдет ни одной редакции, кото-

рая согласилась бы это напечатать («зависть», «мелочность», «ложь», даже чуть не бездарность Тургенева и т. п. ошибки и преувеличения!). Я отрезвил его, сказал ему, что это все не так, что если он хочет достичь цели, то гораздо проще и целесообразнее указывать на то, что «egge humanum est»,⁴ и рассказал ему то, что он поместил в конце исправленной статьи; анекдот о Белинском, который советовал Тургеневу «слово в слово» *то же самое*, что Тургенев мне.⁵ Он переделал всю статью и вчера принес мне ее в этом «возможном» виде, упрашивая, чтобы я непременно Вам ее сам послал с необходимыми объяснениями. Вот он что говорит:

— Кроме «Петербургских Ведомостей» напечатать в Петербурге, кажется, нигде; если я сам пошлю со своим письмом Авсеенке, *узнает это Николай Алексеевич Любимов, который сотрудничает теперь у Авсеенко, и все расскажет Каткову*, и конечно, Вы не захотите, чтобы мне Катков был враг... Поэтому кроме как действовать секретно через Тertia Иванаовича, другого пути нет. Он найдет, как провести это дело; мне же самому ему писать и просить об этом тоже неловко, так как я ему не близок.

Вот что сказал мне Грингмут, и я по желанию его решился действовать через Вас. Не надо дать остывать железу! Конечно, Вы этим не потяготитесь и *что можно* — сделаете, а к «невозможному никто не обязан». ⁶ Владимира Андреевича Грингмута (он православный и по *приписке*⁷ и по *чувству*) я на всякий случай, точно так же как и Кристи, советую Вам иметь серьезно в виду. Случай может выйти со временем (а иногда и вдруг), что *из таких* именно людей можно будет составить так или иначе сильную группу. Грингмут человек, во-1-х, привыкший к жестокому труду, православен как русский, надежен в деле как немец, очень начитан, классически подготовлен и, видно, и достаточно ловок, что более других имеет влияние на Каткова, и достаточно самостоятелен и убежден, что в сердце от него значительно уклоняется и вот уже третий год *не без некоторого риска* мне везде, где только может, содействует. При случае я Вас с ним познакомя. *Пригодится* — очень. Гораздо надежней Астафь-

ева по характеру, хотя и хитер. Я все в ожидании какого-нибудь Вашего преобладания (изнемогая уже сам) готовлю Вам людей и не без успеха. Пусть они, эти «новые» люди, имеют свои оттенки, пусть дальнейшее развитие жизни и мысли отклонит их даже от первоначальных основ, но необходимо, чтобы они выходили из нас, а не сбоку, так, как мы вышли из славянофилов старых. А такие «охранители» простые, как Ф. Н. Берг, В. Г. Авсеенко и т. п., скоро уже совсем не будут годными ни на что «идеальное» или «идейное», а только на мелко-практическую помощь и на редакционное хозяйство... Они *сбоку* и недостаточны, каждый по-своему. Люди *что-то* вдруг взялись и за меня, не знаю, надолго ли? Грингмут вот эту статью пишет, Евгений Львов (Кочетов) уже дал Суворину статью, в которой приводил *сбывшиеся* пророчества мои и Достоевского про славянские дела.⁸ Но Суворин ему и *того и другого* вычеркнул, и теперь Кочетов хочет упомянуть о нас с Ф. М. Д. в предисловии к своей новой книге о Болгарии.⁹

Еще один юноша вздумал составить вроде довольно большого отчета или конспекта о моей книге «Восток, Россия и Славянство» и хочет послать в «Гражданин»,¹⁰ но тоже говорит, что надо со стороны поддержать ее у Мещерского, потому что на свое письмо он не надеется, а денег он не желает... Я сказал, чтобы он посылал прямо Мещерскому, а я тогда Вам напишу. Посмотрим, что из этого выйдет. Медленно, очень медленно, а все-таки зреют наши семена!

Посмотрим также, что Вышнеградский?¹¹ И что Страхов, Грот и Сухомлинов (о которых этот самый Страхов мне говорил насчет премии?).¹² Я порядков ихних не знаю и молчу. Замечу кстати, что Веселаго, быть может, меня чуть-чуть помнит; он был инспектором студентов, когда я в 54 году ехал на войну врачом. И кто-то мне сказал, когда-то, что Бычков очень благоволил будто бы к моим сочинениям¹³ и нас на станции железной дороги познакомили, а где и кто — не помню.

Прочем, «егда Бог за ны, никто же на ны».¹⁴ А без воли Божией и Вы меня любить бы не стали!

Обнимаю Вас крепко, Марье Ивановне свидетельствую глубокое почтение и Сережу-воина целую, если он таким противным и больным не брезгует.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 51—54.

Был у меня Петя Погодин,¹⁵ хотел и еще зайти, а я обещал ему книгу мою подарить, да видно завертелся, нейдет.

Ваш К. Леонтьев.

¹ Эта статья была вскоре с помощью Филиппова напечатана в «Гражданине». См.: Р. К. (Грингмут В. А.) К. Н. Леонтьев как беллетрист (По поводу одной странной ошибки Тургенева) // *Гр.* 1887. 5 февр. № 11. С. 4—7. О своем редактировании статьи Грингмута Леонтьев писал кн. Гагарину 29 декабря 1886 г. (письмо закончено и отправлено только 23 февраля 1887 г.); см.: 6, 572.

² *Ин.* 19: 38.

³ В «Русской мысли» Леонтьев опубликовал адресованные ему письма И. С. Тургенева (*РМ.* 1886. № 12. С. 62—87). Грингмут откликнулся на письмо от 4 (16) мая 1876 г. (Там же. С. 86—87).

⁴ Человеку свойственно ошибаться (*лат.*). Слова блаж. Августина.

⁵ В «Воспоминаниях о Белинском» (1868, 1879) Тургенев приводил письмо к нему В. Г. Белинского от 19 февраля 1847 г., в котором давался совет «наблюдать действительные явления и пропускать их через фантазию, но не опираться только на фантазию», объясняя, что тургеневский талант «однороден с Далем». См.: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. А., 1983. Т. 11. С. 53.* См. также: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 336.* Сходным образом Тургенев в письме к Леонтьеву от 4 (16) мая 1876 г. давал писателю совет заняться этнографическими и историческими сочинениями, поскольку беллетристика — не его призвание (см.: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. А., 1966. Т. 11. С. 258.*)

⁶ Имеется в виду положение римского права «*Ad impossibilia nemo obligatur*» (К невозможному никого не обязывают, *лат.*).

⁷ Грингмут перешел в Православие в 1878 г.

⁸ Статья не выявлена. Е. А. Кочетов был корреспондентом «Нового времени» в Болгарии сразу после государственного переворота 1885 г. А. С. Суворин писал о нем в дневнике 19 ноября 1886 г.: «Вот тоже человек — вообразил себя решителем судьбы России и защитником монархического принципа, вместо того, чтобы быть хорошим корреспондентом» (*Дневник Алексея Сергеевича Суворова. London; М., 1999.*)

С. 64). См. также «исторический этюд» Кочетова «Румелийский переворот» (РВ. 1886. № 2—3; отд. изд.: М., 1886).

⁹ Речь идет о вышедшей в 1888 г. книге Кочетова «Болгария в период террора и анархии. Из личных воспоминаний» (Т. 1. Между двумя переворотами). Все сообщенные Леонтьевым подробности о Кочетове свидетельствуют об их личном знакомстве.

¹⁰ Имеется в виду Н. А. Уманов.

¹¹ Подразумевается: насколько новый министр финансов сможет помочь в деле получения усиленной пенсии.

¹² М. И. Сухомлинова в связи с темой академических премий Страхов упоминал в письме к Леонтьеву от 27 сентября 1886 г. (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 6—6 об.). См. примеч. 4 к п. 122.

¹³ Имеется в виду А. Ф. Бычков.

¹⁴ Рим. 8: 31. Употреблено также в п. 80 и 117.

¹⁵ Речь идет о П. Д. Погодине.

130

Филиппов — Леонтьеву

19 января 1887 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Гр(аф) Толстой, узнав от меня о согласии нового Мин(истра) Фин(ансов) на назначение Вам пенсии в 2500 р., уже написал к нему повторительное о Вас ходатайство,¹ о чем и спешу Вас уведомить.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 42.
Впервые:
6, 633—634.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 19 января 1887.

Сегодня память о Макария.²

¹ Ходатайство, датированное 17 января 1887 г., сохранилось: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 77. И. А. Вышнеградский отвечал 24 января. См.: Там же. С. 80.

² Т. е. преп. Макария Оптинского.

23 января 1887 г.,
Москва

1887. 23 января. Москва.

Спешу благодарить Вас, Третий Иванович, за Ваше краткое извещение о согласии Министра Финансов (нового) назначить мне 2500 р. с(еребром) пенсии,¹ но именно, видевши Ваше неусыпное бдение о моих интересах, позволяю себе сделать Вам два вопроса касательно моих дел.

Во-1-х, некто В. Г. Воронич, исправляющий у нас теперь должность цензора, сказал мне одну новость, которая меня не то чтобы испугала, а почти... Он уверяет, что *со дня* формального получения отставки и *в течение 2-3 месяцев* я не буду ничего получать, что потом, положим, мне выдадут разом пенсию за все это время. Но чтобы я знал заранее, что мне предстоит эта приятная перспектива быть два-три месяца без всяких средств к жизни. Он долго служил в Петербурге и уверяет, что знает отлично все эти порядки. Он, впрочем, прибавил, что, насколько ему известно, обыкновенно выдают для возмещения этого какое-то пособие из особых источников. Я же ему на это заметил, что именно *мне-то* и трудно ожидать этого пособия, когда и без того мне хотят назначить пенсию выше обыкновенной. Пишу это Вам в той надежде, что Вы удосужитесь как-нибудь известить меня заранее, правда ли это, чтобы эти тяжелые обстоятельства не застали меня врасплох. Я до сих пор рассчитывал, что, получивши *последнее* жалование, я буду жить на это приблизительно *один* месяц со дня отставки, а потом пойдет пенсия. Необходимо заранее мне обдумать, что мне делать, если Воронич прав. Это одно.

А другое вот что: не мог разрешить загадки, почему Вы в последнем Вашем кратком письме ни одного слова даже не сказали *о статье Грингмута* против Тургенева² в мою пользу? Я понимаю, что для помещения ее в газете могут встретиться совершенно побочные, личные и, так сказать, политические препятствия и мало ли еще что! К тому же я до

того, как Вам известно, уже привык к самым *непостижимым* неудачам и препятствиям в литературе, что я их оскорблениями считаю только «по разуму», а сердце мое уже они давно, слава Богу, не волнуют (действуя все-таки вообще медленно-подавляющим образом). Меня не удивили бы подобные неудачи или препятствия. Меня изумило и, признаюсь, встревожило даже только *молчание* Ваше. Поставьте себя на мое место — и Вы легко поймете, как должна беспокоить меня мысль — не досадила ли я Вам чем-нибудь?

Но ведь что ж мне было и делать? Грингмут принес и сказал: «если бы я мог, я сам бы написал Т(ертию) И(ванови)чу, и просил бы его, но ведь он меня не знает и т. д.».

Не нахожу больше ничего сказать по этому поводу.

Да будет воля Божия и в этом случае!

Грингмут особенно был неприятно поражен тем, что студенты читают с интересом письмо Тургенева, что мнения их еще не тверды, а он так дорожит моим на них влиянием.

Остаюсь неизменно преданный Вам
К. Леонтьев.

Болезнь и сильно морозные дни помешали мне быть у Ив(ана) Дав(ыдовича) Делянова второй раз; один раз был и не застал, а вообще его почти невозможно здесь и здоровым людям было застать: он уезжал почти с 9 часов утра! Я написал ему письмо, приличное обстоятельствам.

Марье Ивановне мое почтение.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 55—56.

Ответ на п. 130.

¹ См. п. 130.

² См. примеч. 2 к п. 129.

1 февраля 1887 г.,
Москва

1 февраля 1887 г., Москва.

Третьего дня (в пятницу) меня вызвал Председатель в Комитет для подачи прошения об увольнении от должности, вследствие экстренного письма от г. Феоктистова.¹ В этом письме сообщалось, что мне назначают 2500 р. пенсии. Прощение тотчас же было написано и в тот же день отправлено Председателем.² Кстати сказать, Председатель не велел в прошении ни слова упоминать о пенсии, а просто «уволить по болезни». Я полагаю сам, что это правильнее. Как будто *неприлично* упоминать о пенсии при тех особых условиях, при которых я ее получаю. Вот новость, которая, вероятно, Вам, Третий Иванович, была прежде моего известна, но я все-таки для порядка счел долгом сообщить это Вам. Итак судьба моя решена. Немного жутко. В Москве жить на 200 р. с(еребром) мне невозможно. И хотя, разумеется, я рад свободе и тому, что, надеясь на 2000, получаю 2500 р. с(еребром), а все-таки перелом жизни в мои года заставит не раз вздохнуть и задуматься.

Очень мечтаю еще раз побывать в Петербурге Великим постом. И поблагодарить всех хотелось бы, и посмотреть — не устрою ли с какой-нибудь редакцией дела. Это последнее стало что-то очень трудно теперь. Все редакторы как-то устарели, или «износились», что ли. Но чего-то им недостает!

Председатель наш (человек большого служебного опыта) сказал мне, что г. Воронич ошибается, думая, что промежуток между получением *последнего* жалования и *первых* 200 р. пенсии будет велик, он говорит: «не больше месяца, как всегда». За границей это было так, положим, но я опасался, что там иначе, а здесь иначе. Председатель говорит: нет причины задерживать. Известят казначейство, вот и все.

Желаю Вам всего лучшего; прошу передать Марье Ивановне мое искреннее уважение и не забывать

навек преданного и благодарного Вам К. Леонтьева.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024. Л. 57.

¹ Письмо Феокистова от 28 января 1887 г., см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 81.

² Прощение, датированное 30 января 1887 г., см.: Там же. Л. 82.

133

Филиппов — Леонтьеву

3 февраля 1887 г.,

Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Ваша книга представлена наконец Государю,¹ Которому никто никогда не догадался сказать, что в России есть замечательный писатель Леонтьев, достойный Его монаршего поощрения, как верный слуга Его престола и Церкви наущенный руководитель юных умов, наконец, как тонкий, изящный художник. Иван Давыдович сделал свое дело; Кн. Мещерский в свою очередь очень рад статье о письмах Тургенева, которая, как нельзя более кстати, появится в четверг в «Гражданине», с его сопроводительными замечаниями.²

Кн. Гагарин передал мне, ὅτι Κύρ Λεόντιεβ ἐπιθυμεῖ νὰ γίνῃ ἐξωτάτος, ἀλλ' ὅτι Θεόκτιστας πολὺ ἐμποδίζει.³ «Помилуйте! кричит, мне и так проходу нет из-за его пенсии. Островский кричит: Леонтьеву дают 2500 р., а я хлопоту о 2000 р. для вдовы Абиha, и мне делают затруднения!» А у Островского с Феокистовым все, как Вам известно, общее, у compris⁴ М-те Феокистова. Тем не менее мы с Кн. Гагариным оружия не положим, Господу споспешествуя, наступим на всю силу вражью.⁵ Ваш чин получает для меня высокую важность после полученного мною известия о Вашем намерении поселиться на о. Халки.⁶ Ничего лучше и своевременнее не могло бы быть!

Господь поборае по нас!⁷ Не оставляйте этого намерения. Книгу Вашу Государь оставил у Себя на столе; там, по просьбе Ив(ана) Дав(ыдовича), я сделал заложки в таких местах, которые сразу дадут Его Величеству ясное представление о том, что такое Вы. А Он Сам ведет внешнюю политику и без глупца оценит Ваше значение для современных цареградских и балканских дел.

Не у явися, что будем!⁸

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб

3 февр(аля) 1887.

Р. С. О пособии нельзя и заикнуться.

Это письмо Леонтьев пересылал (в копии?) старцу Амвросию через Е. В. Самбикину. Та отвечала 22 февраля, излагая ответ старца: «Батюшка с большим интересом слушал Ваше письмо и очень смеялся. — Вот что он сказал (...) „сейчас нельзя ничего решить (...) напиши, что такие серьезные дела нельзя так скоро решать. Посмотрим, что будет дальше; что скажет Государь, когда прочтет книгу; что друзья Петербургские сделают еще с своей стороны, тогда и мы скажем свое мнение, а пока надо подождать“» (цит. по: б., 632). Сама Екатерина Васильевна по поводу письма Филиппова замечала: «Я всегда с особенным удовольствием читаю письма Филиппова. — Хорошо и друзьям Вашим хлопотать, когда за Вас есть такой молитвенник! (Имеется в виду старец Амвросий. — О. Ф.) Верую, что его молитвами Господь поможет Вам!» (Там же).

Автограф: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1035.

Л. 5—6 об.

Цитируется:

б., 631—632.

¹ Леонтьев хлопотал об этом с весны 1886 г. Филиппов для представления Государю (через И. Д. Деянова) сборника «Восток, Россия и Славянство» составлял специальную докладную записку. См. подробнее: б., 631.

² См. примеч. 2 к п. 129.

³ Что г. Леонтьев желает выйти в отставку, но что Феокистов много препятствует (греч.). Леонтьев после этого написал Гагарину 14 февраля: «От Т. И. Филиппова я на днях узнал, что Вы продолжаете, Князь, все так же неуспешно пещись об моих интересах. — Ну, дай Вам Бог всего лучшего!.. Новости мои все Вы, конечно, прежде меня самого узнали: — и то, что мне выслали отставку (пока простую) 10-го числа и я уже 4 дня как вольный гражданин (без жалованья и без пенсии пока), и то, что Мин(истр)

Народ(ного) Просвещения представил мою книгу Государю Императору, и, наконец, что Его Величество осчастливил меня Высочайшей своей благодарностью... <...> пока меня все это очень ободрило, несмотря на хозяйственные и денежные затруднения...» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 29—29 об.). Далее он советовался — писать ли благодарственные письма министрам гр. Д. А. Толстому и И. А. Вышнеградскому, намекал, что ему была бы полезна публикация в «Правительственном вестнике» о получении Высочайшей благодарности, и спрашивал, правда ли, что пенсию он сможет получить только «дай Бог к Пасхе» (Там же. Л. 31—31 об.). В ответном письме от 17 февраля кн. Гагарин разъяснил положение дел с пенсией, а на вопрос о министре финансов заметил: «О Вышнеградском не знаю что сказать; лучше всего ответит на это Т. И. Филиппов» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 7 об.).

⁴ Включая (франц.).

⁵ Контаминация цитат: Мк. 16: 20 («Господу поспешствующу») и Лк. 10: 19.

⁶ Это было давней мечтой Леонтьева. Кто на этот раз сообщил о ней Филиппову — неизвестно.

⁷ Ср.: Нав. 23: 10.

⁸ 1 Ин. 3: 2 (в рус. пер.: «Еще не открылось, что будем»).

134

Леонтьев — Филиппову

13 февраля

1887 г., Москва

1887 г. 13 февраля. Москва.

Не успел еще я собраться, Третий Иванович, ответить на Ваше письмо с извещением о том, что моя книга представлена Е(го) В(еличеству) Государю, как пришла и бумага от И. Д. Делянова с сообщением мне Высочайшей благодарности.¹ Все друзья мои и «юноши» очень этому рады, столько же, сколько и я сам... Александров (Катковского лицея студент и поэт, о котором я Вам говорил), возбужденный этим, стал настаивать опять на том, чтобы я, наконец, разрешил ему напечатать в «Гражданине» посвященное мне и написанное еще в 84-ом году стихотворение «Чародей».² Я до сих пор воздерживал его от этого шага, чтобы не возбудить против него какого-нибудь скрытого недоброжелательства М. Н. Каткова (я как-то подозреваю его, грешный человек, в подобных наклонностях, дай Бог мне ошибиться, впрочем!), но он,

т. е. Александров, сказал: «мне всего два месяца курса осталось» и т. д. И я, очистивши мою совесть трехлетним запретом (потому что не могу же я позволить себе из личного тщеславия вредить преданным мне людям) — наконец сказал ему: «ну, как знаете, умываю руки». И он собрался писать к Мещерскому и просить его напечатать.

10-го февраля я получил отставку;³ 11-го сдал все дела и теперь в больших хозяйственных хлопотах, разумеется; жалованье за февраль только до 11-го, а пенсия Бог знает когда! Езжу по Москве, ищу занять денег... Если одно дело удастся — думаю среди Великого поста в Петербург недели на две, а 1-го мая в Оптину надолго! Быть может, навсегда. Вы пишете: «не оставляйте *плана* поселиться на о. Халки»... И рад бы не оставить, но это, кажется, больше похоже на мечту мало-сбыточную, чем на определенный план. Много препятствий!!! И объяснять их долго. Вот, если я буду в Петербурге, объясню; может быть, некоторые и устранимы и представляются мне лишь большими только вследствие моей долгой привычки ко всему «среднему» и очень уж скромному за все эти последние 7 лет (со дня *fiasco* ⁴ «Варшавского Дневника»). Боюсь одного, что суровые денежные условия (несмотря на *абсолютную*, так сказать, величину пенсии) заставят меня связать себя чем-нибудь серьезным года на два опять с Катковым. Ведь решительной ссоры у нас с ним не было; другие редакции решительно мне не годятся, а про него мне уже сказали близкие ему люди, что если я ему возьмусь писать большой роман, так он будет доволен. А я бы этого по многим причинам не желал бы. И одна из главных та, что свободный и успокоенный (если бы можно) со стороны старых долгов, я озаменовал бы свою свободу прежде всего тем, что написал бы книжку разом против *него*, против Аксаковских идей и против *Владимира Соловьева* (более дружески), с выставлением моих положительных взглядов на Вселенскую Патриархию, на дальнейшее развитие Восточного Православия и на шансы не нам пойти в «Каноссу»,⁵ а Западным присоединиться к нам. Я бы желал в этой статье назвать Каткова прямо по имени, а не так туманно возражать ему на Университетский

устав, как возражал Владимир Соловьев в «Руси» под буквами П. Б. Д.⁶ Возражение было очень хорошо, но *не прямое*, а я бы желал прямо в забрало его копьем ударить. И будь я никакими мелкими требованиями не отвлечен, так чувствую себя в силах это сделать и при небольшой подготовке. Ну что ж за охота опять зависеть от него, вместо того, чтобы осадить его наконец открыто в том, в чем он решительно не прав... Вот в чем беда! Впрочем, если Богу угодно, чтобы подобная статья была мною написана, то это сделается само собою. Отец Амвросий, например, который знает все подробности моей личной жизни и знает, *как и когда* я был вынужден должать и задолжал в сумме более 1500 р. с(еребром) (пожалуй, и до 2000), не отчаявается, что кто-то и как-то может заплатить за меня и в Калужский Банк (1500 р.) и др.

Ивану Давыдовичу я сегодня послал благодарственное письмо за поднесение книги Государю и выразил ему мою радость.⁷ Ни гр(афу) Толстому, ни ему же, ни Феоктистову писать благодарности за пенсию не буду — пока не получу извещения о пенсии.

Друзья мои беспокоятся также, будет ли помещено о поднесении книги моей Государю и о Высочайшей благодарности в «Правительственном Вестнике» и в других газетах,⁸ а также и о том, что часть пенсии дается мне за литературные труды; они, конечно, правы, говоря, что это может повлиять и на продажу книги, которая хотя и туго, но все-таки покупается. Но я сказал им, что Григ(орию) Петр(овичу) Данилевскому я ни за что в свете напоминать об этом не буду, и так как Министр Народного Просвещения находит эту книгу полезной, то он, вероятно, и сам распорядится о подобной публикации. «Егда Бог за ны, никто же на ны»,⁹ а иначе «всеу бде стрегий»...¹⁰ Будьте здоровы и любите по-старому Вашего К. Леонтьева.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 58—60.

Ответ на п. 133.

¹ Уведомление от Министерства народного просвещения о Высочайшей благодарности за присланную книгу, датированное 5 февраля 1887 г., сохранилось. См.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 11.

² При жизни Леонтьева это стихотворение, написанное Александровым еще в 1884 г., опубликовать, несмотря на многие усилия, не удалось. Сразу после его смерти оно было напечатано в «Гражданине» (1891. 16 нояб. № 318. С. 3) в рубрике «Дневник», а впоследствии много раз переиздано Александровым. См.: *Памяти Леонтьева*. С. 157—158.

³ Приказ по Министерству внутренних дел об увольнении цензора Леонтьева о службы «согласно прошению, по болезни» датирован 7 февраля 1887 г.: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 84, 85.

⁴ Крушения (*итал.*).

⁵ Обыгрывается буквальное (историческое) значение выражения «идти в Каносу» — подчиниться Папе Римскому. Это крылатое выражение восходит к следующему историческому эпизоду: Папа Григорий VII Гильдебранд добился в 1076 г. низложения германского короля и императора Священной Римской Империи Генриха IV, не признавшего его верховной власти. Придя в замок Каносса, где находился Папа, император с большим трудом испросил себе прощение.

⁶ Этим криптонимом подписана статья Вл. Соловьева «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения» (Русь. 1885. 14 сент. № 11. С. 5—8), о которой говорит Леонтьев, и появившаяся через месяц еще одна — «Как пробудить наши церковные силы? Открытое письмо С. А. Рачинскому» (Там же. 19 окт. № 16. С. 5—6). В письме к брату Михаилу Соловьев шутил: «Подпись П. Б. Д. желающим не возбраняется принять за сокровенную фамилию Победоносцева» (Соловьев. *Письма*. (Кн. IV). С. 93). А позднее, в очерке «Несколько личных воспоминаний о Каткове» (1897), Соловьев заверял, что статья о государственной философии была подписана «тремя наудачу wybranными буквами» (Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 632). Вообще же, судя по намекам в цитируемом письме («...вызываю на смертный бой Голиафа, обитающего на Страстном бульваре. (...) Если бой не будет принят, то я буду считать себя победителем». — Соловьев. *Письма*. (Кн. IV). С. 92—93), криптоним можно расшифровать как «Победитель».

⁷ Местонахождение письма неизвестно.

⁸ Объявление об этом долго не появлялось. На вопрос об этом Леонтьева отвечал 24 марта кн. Гагарин: «О Царской благодарности с примечаниями в „Пр(а)вительственном) Вестн(ике)“ я два раза просил Ив(ана) Дав(ыдовича) Делянова и получил два его обещания» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 22 об.). Только в апреле в разделе «Внутренние известия» было напечатано сообщение, где за давностью события не называлась его дата, а название поднесенной книги было искажено: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Народного Просвещения, удостоив благосклонного принятия экземпляр изданного статским советником Леонтьевым сборника под заглавием: „Россия, Восток и Славянство“, Высочайше повелеть соизволил благодарить автора за поднесение означенного издания» (Правительственный

вестник. 1887. 17 апр. № 80. С. 1). 3 мая Гагарин писал: «Высочайшую благодарность в „Пр(авительственном) Вестн(ике)“ Вы уже конечно читали...» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 8 об.).

⁹ Рим. 8: 31.

¹⁰ Пс. 126: 2.

135

Леонтьев — Филиппову

16 февраля

1887 г., Москва

1887, 16 февраля. Москва.

Только третьего дня, Тертый Иванович, я получил несколько №№ «Гражданина» со статьей Грингмута (о Тургеневе и обо мне) с примечаниями редакции.¹ (Да и то получил благодаря тому, что послал на приобретение их одной даме² 1 рубль сер(ебром)! От самого Мещерского решительно *порядка* в делах не добьешься.) Беспорядок — да, но зато как он обрадовал меня своим примечанием касательно Вас!³ Я *молчал*, ибо меня укоряла совесть, и я ждал появления статьи. Грингмут был занят прежде всего эстетикой на этот раз и еще желанием напомнить многим (в том числе и Каткову и славянофилам), до чего они тоже, еще хуже либералов, были ко мне несправедливы, и потому ему простительно было забыть о собственно церковном вопросе и не знать о времени появления Ваших брошюр; но мне-то уж непростительно было, прочитывая его статью в рукописи, не напомнить ему об этом!

Вообразите, что дней через пять-шесть после отправки его статьи я опомнился, но было уж поздно! И перед Вами мне стыдно (но это еще ничего: Ваша «любовь» и худшее бы мне простила), и еще больше за правду больно — я ведь *лично* люблю ее крепко.

Ну, разумеется, это так: я и при первой нашей встрече еще говорил Вам, что «Визант(изм) и Славян(ство)» не мог бы написать так смело *с другой точки зрения* (не канонической), если бы Губастов не указал мне в 73—74 году на Ваши, уже прежде напечатанные статьи.⁴ Это была моя окончательная опора (ибо грекам я все-таки не вполне мог верить), это

было умножение моего деления, сложение моего вычитания и т. д. ...
Ваши доводы и слова Филарета...⁵

Объяснить мой противный промах можно только той подавленностью мысли и воли, той вялостью умственных движений, которую произвели во мне эти 7 лет московской жизни в соединении с другими тяжкими условиями.

Понял ошибку — *но поздно!*

Теперь я опомнился — не знаю, надолго ли! ... И Вы были правы еще раз, говоря мне, что внимание Государя и свобода могут подействовать на меня возбуждающим дух образом.

Сегодня написал Феокистову *благодарность*; ⁶ кажется, хорошо.

Есть и еще кой о чем Вам сообщить, но уж в другой раз, а то некогда — надо на мефимоны ⁷ идти.

Ваш кающийся и грешный друг — К. Леонтьев.

¹ См. примеч. 2 к п. 129.

² Имеется в виду О. М. Кошевская. См. п. 162. Об этих «комиссиях» О. М. Кошевской ср. в письме Леонтьева к Губастову от 15 марта 1889 г.: «Добывать лишние экз(емпляры) №-в всякой газеты очень трудно, особенно живя здесь, а тем более „Гражд(анина)“. — Мещерский воплощенные беспорядок и рассеянность; поэтому и на помощников его в Конторе — нельзя полагаться. — „Каков поп — таков и приход!“ (...) А с „Гражд(анином)“ это каторга! Хорошо, еще, что есть в Пет(ербурге) одна милая женщина (Кошевская, сестра Наташи Полиевктовой), которая не тяготится ездить для меня в Контору; — а сам Мещерский — это камень какой-то; он и не стыдится ничуть своего невнимания и своего беспорядка» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 181—181 об.).

³ К словам «Леонтьев (...) один из всех нас, русских, предусмотрел двадцать лет тому назад те события на Балканском полуострове, которые нас в настоящую минуту так изумляют и огорчают» кн. Мещерский сделал редакционное примечание: «Тут важная обмолвка и крупное недоразумение. „Гражданин“, еще далеко до войны 1877 года, имел честь поместить на своих страницах высоко талантливые и безусловно пророческие статьи того писателя, который был *первым* по порядку и по достоинству возвестителем правды по Восточному вопросу и который, как единственный знаток

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 60—62.
Цитируется: 7, 664.

его глубокой исторической сущности, заключил его, то есть Восточный вопрос весь, как он был, есть и будет, в церковно-болгарском вопросе. Писатель этот — Т. И. Филиппов, и мы не ошибемся, если скажем, что в области этого вопроса многое, что так художественно верно изобразил К. Н. Леонтьев, было вдохновлено ему общением в мыслях и знаниях с почтенным его другом, Т. И. Филипповым» (Гр. 1887. 5 февр. № 11. С. 7).

⁴ См. примеч. 4 к п. 4.

⁵ В статье «Еще о греко-болгарской распри» Леонтьев писал: «Великий московский святитель Филарет говорил, что болгары не имеют права отделиться без благословения Патриарха, если хотят считать себя Православными» (7, 283; см. коммент.: 7, 655). Сходное высказывание св. Филарета, известное ему уже по цитации в книге Филиппова, Леонтьев приводил в статье «Письма о Восточных делах» (8, 873; см. коммент.: 8, 873). В записке «Моя исповедь» имена святителя и Филиппова названы рядом как имена единомышленников во взглядах на церковные каноны (6, 233).

⁶ Письмо не выявлено.

⁷ Мефимонами (от *греч.* μεθ ημων (с нами), по начальным словам торжественного песнопения «С нами Бог») называли великие повечерия первых четырех дней Великого Поста, за которыми читается по частям Великий покаянный канон преп. Андрея Критского.

136

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

9 марта 1887 г.,
Петербург

Я давно не писал Вам за многими и разнообразными моими недосугами. А между тем была сердечная нужда перекинуться с Вами словечком. Статья «Гражданина» о Вашей деятельности и отношениях к Вам Тургенева доставила мне полное удовлетворение, а Ваша радость о заметке редакции меня в свою очередь утешила. Хорошо, что наши имена таким образом переплелись, а еще было бы, если бы царь, узнав о нашей дружбе, сделал бы Вас генералом,¹ о чем преизлихо² заботится достойнейший кн. Константин Дмитриевич.³ Моя помощь тут невозможна; одна надежда на то, что за последнее время Бог явно щедр к моим друзьям.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 43.

Взгляните в «Гражданине» на мой доклад «о преподавании церковно-славянского языка»; он имел успех.⁴

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Ответ на п. 135.

Ждать ли Вас сюда? Переждите во всяком случае холода.

¹ Аллюзия на мечты Манилова в поэме Гоголя «Мертвые души». В данном случае подразумеваются реальные (оставшиеся неудачными) хлопоты о производстве выходящего в отставку Леонтьева в действительные статские советники, что равнялось генеральскому званию.

² Чрезвычайно (ц.-сл.).

³ Имеется в виду кн. К. Д. Гагарин. Леонтьев пересказал в письме к нему от 14 марта 1887 г. весь этот пассаж и добавил: «Конечно, я и без этого извещения был уверен, что Вы, Константин Дмитриевич, — всеми зависящими от Вас средствами с полным дружеским усердием печетесь об моих интересах... (Здесь, под влиянием славизмов Т(ертия) И(ванови)ча невольно останавливаюсь на слове „усердие“. — Именно: *у-сер-дие; у-сердца*... Человек *всем сердцем*, а не слегка берется за чужое дело; — как много у нас в языке таких хороших и глубоко-осмысленных слов!)» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 32).

⁴ См.: О преподавании церковнославянского языка в средних учебных заведениях // Гр. 1887. 1 марта. № 18. С. 1—4 (без подписи). Этот полемический отклик Филиппова на доклад В. Я. Стоюнина «О грамматическом материале в русских учебниках», сделанный тем в 1886 г. в собрании преподавателей русского языка и словесности, был издан также в виде отдельной брошюры (см. примеч. 2 к п. 146), а позднее вошел в «Сборник Т. Филиппова» (с. 241—262).

137

10 марта 1887 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

10 марта 1887. Москва.

Тертий Иванович!

С тех пор, как я получил увольнение от службы — я впал в какой-то блаженный квинетизм¹ и стал точно турок, который только молится, курит и созерцает что-то... до тех пор, пока вещественные нужды не за-

ставят его быть подейтельнее. Оно, может быть, и хорошо, но всему есть предел: март уж настал, приближается Пасха, а из Петербурга все вести прекратились. Ни официальных, ни частных! Я приписываю это тому, что и *толковать нечего*, все решено, но необходимы некоторые формальности прежде, чем пенсия моя может быть выдана мне из Московского казначейства... Хотя мне и не хотелось бы утруждать Вас ничем без особой крайности, но я все-таки решаюсь просить Вас известить меня, можно ли надеяться, что все будет настолько окончено к 1 апреля, чтобы к Пасхе я не был бы без денег. Если нет, то я приму другие меры, какие Бог поможет... Нельзя же *à la lettre*² воздухом питаться!

Посылаю Вам три фельетона моих из «Современных Известий»,³ беру за каждый фельетон рублей по 20 с небольшим и *этим* теперь дышу, вообразите. Вот какими пустяками я принужден перебиваться вместо того, чтобы духовными вопросами заниматься. Оно ни тяжело этот легкий вздор писать, да словно и грешно на краю могилы и *стыдно* даже. Впрочем, я Вам пришло и остальные три статьи, когда будут напечатаны... Необходимо... Остаюсь вечно признательный

Ваш К. Леонтьев.

«Гражданин» здесь очень трудно найти, особенно не выезжая из дома по недомоганию. А князя я не раз просил высылать — не высылает!

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 62—63.
Цитируется: 6, 556.
Возможно, написано до получения п. 136.

¹ Квиетизм (от *франц.* *quiétisme*) — религиозное течение, возникшее в XVII в., проповедующее мистико-созерцательное отношение к миру. Здесь в значении «спокойствие, умиротворенность».

² Буквально (*франц.*).

³ Леонтьев посылает номера «Современных известий», где были напечатаны первые главы очерка «Сдача Керчи в 55 году». См. примеч. 12 к п. 126.

21 марта 1887 г.,
Москва

1887, 21 марта. Москва.

Посылаю Вам, Третий Иванович, еще две главы моей «Керчи».¹ Пустяки, но воспоминание об этом дне гораздо мне приятнее, чем многие дни *правильной* жизни. Мне сдается, впрочем, что «российскому юношеству» бесполезно читать и легкие вещи в *этом* духе написанные. Но, если это не так, положим, как я думаю, то все-таки сознаюсь Вам, что мне очень больно иногда быть вынужденным тратить время и умственные силы на подобные мелочи, тогда как мне и выразить кратко невозможно, сколько у меня мысли в голове *совсем иного размера* или иной ценности! Но необходимость заставляет — что делать! Вот и *свобода*, правда, пробудила в душе моей множество чувств и идей, уснувших в течение этих 7 лет мирной, и тихой, но во многих отношениях подавляющей жизни в Москве, а все-таки нет настоящего досуга, того, который мне по прежним привычкам и по натуре нужен для более серьезных трудов. И не знаю, когда будет. Будет ли в Оптиной, посмотрим!

Вы в последнем письме Вашем спросили меня: собираюсь ли я в Петербург? Собрался бы и знаю, что это было бы не без пользы, очень многое имел бы я *именно теперь* Вам сказать. Но где же взять на эту поездку лишние деньги. Нельзя же все должать и должать. Это, наконец, тяжело, и потребность расплаты после тяжко отзывается на выборе литературного труда: не то выбираешь, что желал бы, а что выгоднее.

Вероятно, придется нам свидание наше отложить по крайней мере до осени.

А пока будьте так добры, возьмите на себя труд написать мне *всего две строки* (как Вы иногда умеете) — что значит это *всеобщее* молчание о моей пенсии... Я слышал о разных формальностях и проволочках, но это что-то уж слишком долго? Молчал, молчал и я, но, наконец, полагаю

позволительным спросить: «когда же надеяться на фактическое окончание?» Еще, кажется, у меня будут спрашивать — из какого казначейства я желаю получать? Пока-то это все окончится, а дольше 1-го мая оставаться в Москве — это просто разорение напрасное!... Пожалуйста, успокойте меня хоть приблизительным указанием на *возможный срок получения действительно*. Вы по этой части в 10 раз опытнее меня.

О посторонних, хотя бы и очень интересных вещах не пишу, потому что если начать, то не кончишь. Разве только вот полюбуйтесь на прилагаемую вырезку о *Надсоне*.² Так вот почему они с ним так носятся: *юношеский протест*! А вот мой Александров, куда ни пошлет (в «охранительные» редакции) свои стихи, везде находят причины не печатать. Прошлого года «Нива»,³ теперь «Гражданин». И еще двух молодых людей здешних (один студент, другой скоро магистр) написали недавно большой (фельетона на три) отчет о моей книге («В(осток), Р(оссия) и Сл(авянство)») и послали Авсеенке.⁴ Посмотрите, что и этот «европеец» не потрудится их удовлетворить! Ободрительно для юношей. А Надсона — на руках за «протест» носят.

Прощайте, будьте здоровы к празднику!

Ваш искренний К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 63—64.
Цитируется: 6, 556.

¹ Вместе с этим письмом были посланы номера «Современных известий» от 13 и 21 марта. См. примеч. 12 к п. 126.

² О какой статье идет речь, установить не удалось. С. Я. Надсон скончался 19 января 1887 г.

³ В 1885 г. Александров, пользуясь протекцией Леонтьева, посылал тетрадь своих стихов Ф. Н. Бергу, но тот не заинтересовался ими и даже высказал недоверие тому, что эти стихи могли хвалить Фет и Леонтьев. См. подробнее: *Фетисенко О. А.* Акростих А. Фета «Александрову» и его «адресаты» // XXI Фетовские чтения: Афанасий Фет и русская литература: Материалы междунар. науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А. А. Фета. (Курск, 28—30 июня 2006 г.). Курск, 2007. С. 22.

⁴ Т. е. в «Санкт-Петербургские ведомости». Речь идет о статье Н. А. Уманова и Я. А. Денисова (под общим псевдонимом «П. Волженский»), впоследствии напечатанной в «Русском деле» (см. примеч. 10 к п. 161).

24 марта 1887 г.,
Петербург

139
Филиппов — Леонтьеву

СПб. 24 марта 1887

Дорогой Константин Николаевич!

Сей час посылаю Ваше письмо, с своею припискою, к Кн. Гагарину, который, сколько мне кажется, сделался невольной виною замедления Вашего дела, надеясь достигнуть возвышения Вашего в Д(ействительные) С(татские) С(оветники). Во всяком случае теперь весь ход дела в руках М(инистерст)ва В(нутренних) Дел, т. е., ему предстоит внести (я думаю, что оно давно уже и внесло) представление в Комитет М(инист)ров, куда вносятся все представления о незаконных пенсиях. Пишите и сами к Кн. Гагарину и просите его уведомить меня, когда дело это перейдет «к исполнению» в М(инистерст)во Фин(ансов);¹ а на мое имя пришлите прошение в Д(епартамен)т Госуд(арственного) Казнач(ейст)ва, чтобы Вам перевели пенсию на такое-то казначейство. Так мы ускорим дело, за это я ручаюсь. До зде же² о пенсии.

Анархическая выходка Каткова³ меня не удивила: мне очень хорошо известно притворство его охранительного исповедания, которое он принял с 1863 г., как *parti pris*,⁴ и потом построил на нем свое *position sociale*.⁵ Он проповедует самодержавие только своим ближним, а сам признает его лишь до той поры, пока Власть идет с ним по одному пути. Лживая изворотливость, с которою он проводил раздельную черту между Правительством и ведомством,⁶ достойна омерзения. Во всем этом деле радоваться можно лишь одному: что истинная природа Каткова обнажилась и что его нравственный кредит утрачен навсегда.⁷ Его могут и выслушать в известных случаях, но курс его пал ниже нашего кредитного рубля. Никто из честных людей никогда не простит ему оскорбления,

которое он, в своем наглом увлечении, нанес своему Государю пред лицом всего мира. Я боюсь с ним встретиться, так как наша встреча не может обойтись без последствий.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 7—8 об.
Цитируется:
Нестор. С. 199.

Ответ на п. 138.

¹ Леонтьев написал Гагарину 28 марта: «Т. И. Филиппов велел мне через себя *тотчас же* написать прошение в Деп(артамент) Госуд(арственного) Казнач(ейства) и сказать, в каком Казначействе я желаю получать пенсию; я сегодня же исполняю его предписание. Дай Бог, чтоб в конце Фоминой получить» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 35—35 об.).

² Досюда (ц.-сл.).

³ Подразумеваются передовые статьи от 7 и 10 марта 1887 г., посвященные русской внешней политике последнего времени и предостерегавшие от сближения с Германией (МВед. 1887. 8 марта. № 66. С. 2; 11 марта. № 69. С. 3). Этими статьями были оскорблены и Александр III, и кайзер Вильгельм I. Александр III требовал цензурного предостережения Каткову, «чтобы утомонить его безумие» (см.: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 245), но Победоносцеву удалось смягчить ситуацию. Начальник Главного управления по делам печати Феоктистов был лично направлен к Каткову с поручением «вразумить его», а потом состоялась и встреча Каткова с Государем. См.: Там же. С. 244—251. См. также: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. II. С. 10, 24, 26—27, 35, 39—46.

⁴ Предвзятое мнение (франц.).

⁵ Общественное положение (франц.).

⁶ Катков подчеркнуто обличал в своих статьях только Министерство иностранных дел (оно и имеется в виду под «ведомством»), но всем было известно, что русскую внешнюю политику направляет сам Государь.

⁷ В конце июня 1887 г. Филиппов излил свое негодование на Каткова в письме к Иерусалимскому патриарху Никодиму, но вычеркнул весь фрагмент о нем. Приведем его по сохранившемуся черновику: «В эту минуту я думаю больше всего о Каткове, который, всех нас поучая повиновению, сам дошел „в последок дней сих“ до крайней степени своеволия и дерзости. К величайшему счастью для страны и в особенности для Ц(ерк)ви [его безумие обна(жилось)] притворство его преданности и безумие его своевольных деяний [обнажилось] предстало пред очами Царя во всей безобразной их наготы, и он отринут от лица Его. В настоящую минуту он опасно болен...» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1220. Л. 3). Цитируемое письмо к Патриарху Никодиму можно датировать «ок. 25 июня 1887 г.» по упоминанию о том, что родные Каткова «вы-

званы из Петербурга в Москву по телеграфу» (ср. с таким же сообщением в п. 149, с. 428). Филиппов немного спрямляет ситуацию: Катков успел получить прощение от Государя, вновь вызвать его гнев (в мае — когда разразился скандал, вызванный интригами И. Ф. Циона и К. Г. Катакази, ведшими во Франции рискованную политическую игру, прикрываясь именем Каткова), вновь оправдаться. Поэтому утверждать, что он «отринут», было на тот момент уже не вполне точно. Однако «нравственный кредит» Каткова, действительно, был подорван. Об этом уже после смерти Каткова писал С. А. Рачинскому Победоносцев: «И вы, конечно, оплакивали вместе со всеми нами Каткова. Место пусто — некому вступить на него. Он умер, можно сказать, от истощения нравственной и нервной силы. Последние его месяцы были для него мучительною нравственною агонией, чему я был свидетелем. Он чувствовал, что *вера* в державную его опору потрясена, и что почва ускользает из под ног у него. Этого он не мог перенести. Это был человек исполненный жизненной силы: ему довелось действовать на среду преисполненную *евнухами*, и *евнухи* одолели его. Вечная ему память!» (РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 40. Л. 34 об.—35; письмо от 30 июля 1887 г.).

140

28 марта 1887 г.,
Москва

Леонтьев — Филиппову

1887, 28 марта, Москва.

Сообразно предписанию Вашему, Третий Иванович, я написал прошение в Департ(амент) Госуд(арственного) Казн(ачейства) (простите, как умел!).¹ Прилагаю его без конверта, полагаю, так удобнее, ибо конверт Вы можете приказать кому-нибудь из Ваших чиновников надписать его. Почему-то вздумалось выставить 30-е марта. Не слишком ли и так рано? Прилагаю и 60 к. с(еребром) марку. Или с чиновников не берут? Но я ведь уже не чиновник.

Христосуюсь с Вами заблаговременно. Дай Бог Вам и доброй всей семье Вашей встретить Пасху радостно и в добром здравье. И мне нынешний год много лучше (если бы не эти вечные анафемские денежные препоны! Ну да и это — видно нужно, чтобы не «забываться»!).

То, что вы пишете о Каткове, совершенно правда, я не раз думал о том, что у нас в газетной литературе совершенно пренебрежена одна

точка зрения и, может быть, для православной России самая нужная: это точка зрения некоего *Промыслительного детерминизма истории*. (В обществе-то по крайней мере было бы полезно с осторожностью, но и с упорством развивать этот взгляд) ... Я часто воображал такое министерство: *сам Катков* Министр Внутренних Дел; *Игнатъев*, или даже *я*, положим, Министр Иностранных Дел; *Вы* — Обер-Прокурор Св. Синода; *Скобелев* — Министр Военный (или даже просто весьма влиятельный лично фельдмаршал, с жаждой довести поскорее до войны)! покойный *Аксаков* — Министр Народного Просвещения ... и т. д.² Не рано ли было бы так сильно зарядить Россию? Не лопнуло ли бы все? Все люди — более или менее самобытные, более или менее с творческой жилкой, решительные, придумчивые ... Я убежден, что состав из людей слишком «цветных» и «способных» будет у нас кстати только после *завладения Проливами*,³ а не раньше! Впрочем, везде так и прежде бывало. Люди не ко времени сильные и даровитые могут наделать еще больше вреда — чем такие скромные и опытные бездарности, как *Ник(олай) Карл(ович) Гирс* — и ему подобные.

Я прошу понимать всю эту иллюстрацию моей общей мысли только как *пример* и больше ничего, точности *научной* в моем определении я не имел в виду.

Что бы *Вы*, наконец, в самом деле уговорили бы г. Вышнеградского секретно приготовить тысяч 200 на газету и журналы? От частной инициативы в России проку не будет. И христианами мы стали очень охотно и искренно, когда начальство в Днепр нас загнало. Я это не шутя говорю! Таков уж механизм наш. *Кристи* готов; я еще жив и даже очень ободрился. *Фиту Никол(аевича)*⁴ Берга можно *хозяином* (в тесном смысле) сделать, казначеем, экономом; он опытен, скуп, осторожен и бездарен — отлично! А *Вы* над нашей *триадой* парили бы как высший *Парабрам*! ...⁵ И уж сотрудников бы я набрал — прелесть ... И в руках бы их не хуже *Каткова* мы с *Кристи* бы их держали. Хорошо бы, пока я еще *движусь* ...

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1024.

Л. 65—66.

Фрагмент впервые:

Материалы.

С. 492—493.

А впрочем — может быть, и тут *Промыслительный детерминизм* — вспомнить кстати... «Если не Господь созиждет дом...»⁶ и т. д.

В Петербург *очень бы* полезно было съездить на Фоминой,⁷ но это возможно только в том случае, если Мещерский: во-1-х, в начале апреля *начнет печатать* мою статью,⁸ а во-2-х, если Вы потрудитесь подкараулить его на этом и убедите дать *Вам слово*, что он мне выдаст 200 руб., *если я приеду*. Иначе нельзя — *долгов много!*

Ответ на п. 139.

Вам преданный К. Леонтьев.

¹ Местонахождение не выявлено. См. примеч. 1 к п. 139.

² Ср. в п. 51 (с. 188—189).

³ Подразумевается: после взятия Царьграда.

⁴ Смысл «переименования» Берга из Федора в Фиту таков: буква «фита», с которой начиналось в старой орфографии имя Федор, считалась в народе неприличной из-за сходства своего начертания с ягодицами (от этого же происходит обидное прозвище «фетюк»). Начало имени с «фиты» обыгрывалось в эпиграммах. Скажем, Федора Достоевского в журнале «Искра» не раз называли «Фитой Д(остоев)ским» (см., например: *Цердрин* Х. (Буренин В. П.) В редакции «Эпохи» // Искра. 1864. № 32. С. 424). По-видимому, во избежание подобных насмешек Федор Берг настойчиво писал свое имя через «ферт» (современная «ф»), а не «фиту», как все Федоры. Так подписаны и его публикации. Как водится, дело возымело обратный эффект: в литературных кружках Берга за глаза называли Фитой или, как здесь у Леонтьева, Фитой Николаевичем.

⁵ Парабрам (Парабрама, Парабрахман) — Высший Брама, всеобщий дух, верховное существо в индуизме. Триада — Брама (Брахма), Вишну и Шива.

⁶ Пс. 126: 2.

⁷ Поездка не состоялась.

⁸ Речь идет об очерке «Рассказ моей матери об Императрице Марии Феодоровне», который будет опубликован только летом 1887 г.: Литературные приложения к газ. «Гражданин». 1887. № 6. Отд. II. С. 1—484; № 7. Отд. II. С. 1—25.

9 апреля, 1887 г. Москва.

Христос Воскресе! Третий Иванович!

Я бы раньше Вас поздравил, но как нарочно на Страстной в субботу опять захворал и руки и теперь обвязаны, но все-таки получше. Кой-как медленно могу чертить.

Получили ли Вы мое прошение в Департ(амент) Госуд(арственного) Казначейства? Я его Вам простым, а не заказным рискнул послать... Ну, как не дошло?

Вы слышали, вероятно, от кн. Гагарина, что он сумел достать мне 300 р. с(еребром) казенного пособия очень оригинальным способом — *как врачу за полезные сочинения!*¹ Исполла эти² ему за это. Это к тому же доказывает, что у него не только есть энергия, твердость и верность, но и *творчество* практической мысли... Именно то есть, чего отсутствием наши деятели чаще всего страдают. Дай ему Бог всего лучшего. Не по пристрастию говорю, а по убеждению и *давно* это говорю! Только на эти 270 р. (10 % в пользу инвалид(ов)) мне в Петербург нельзя. Едва достанет с мелкими долгами за эти 2 месяца безденежья — расплатиться... Жаль!

А каковы литераторы наши? ... Авсеенко должно быть так и не напечатал большой статьи о моей книге, которую ему послали студенты.³ Поощрительно! Удаление Ф. Н. Берга из «Нивы»⁴ меня испугало немного. Неужели Министерство Финансов *ему* помогло для осуществления того плана, который он имел.⁵ У него, боюсь, все будет мелко и робко — мыслью. *Сер.*

А я *через Вас* для Пасхи нагрешил приливом ненависти к Каткову: вообразите — он в списке наград к Пасхе *вычеркнул Ваше имя* по поводу пожалования Св. Александра Невского.⁶ В «Правительственном Вестнике» есть, конечно; в «Современных Известиях» есть: вероятно, и в дру-

гих. А у него читаю и — глазам не верю! Раза 4 пересмотрел — нет. Что же это за мелочная злоба? И за что именно! Какая скотина! Только что покаешься, утихнешь, а он чем-нибудь да подновит. И клеветы его, эта редакционная «тля» — прененавистные!... Я это поздно понял! Позвольте же хоть мне под конец письма (нужно бы сначала) поздравить Вас с этой Монаршей милостью. Я Вашим удачам и успехам всегда радуюсь по крайней мере столько же, сколько и своим, если не больше иногда. Впрочем, и то сказать — кроме хорошей пенсии, какие же у меня удачи были за все это время?

И Ваше желание видеть меня «генералом» не осуществилось. *Fatum!* *Εἰς αἰεὶν!* по-турецки *Хызмет!*⁷

Он^у говорил про меня еще в 73 году: «Я думаю, что Леонтьев Крупновская пушка, но в этой пушке есть какой-то расстрел и что-то такое, которое мешает ей обнаружить свое действие».

Не дурно. По-моему, это просто воля Божия, постоянно подстригающая мне *всячески* крылья. Ходить можно, на крышку избы взлететь иногда, а уж не выше!

Вероятно, при моем легкомыслии — я с необрезанными крыльями не мог бы душу свою спасти. А другие могут.

Ν κόμῃ μίαν φορὰν ὀκο ἀσπᾶσῃ!⁸

Душевно преданный К. Леонтьев.

¹ Кн. Гагарин сообщил об этом в письме от 24 марта 1887 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 11. Ед. хр. 100. Л. 21—22 об.). Это было ответом на письмо Леонтьева от 14 марта, в котором тот просил взаймы до получения пенсии (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 32—33 об.).

² Многая лета (*зреч.*).

³ См. примеч. 3 к п. 138.

⁴ Т. е. с редакторского поста в этом журнале.

⁵ Подразумевается замысел издания газеты. См. п. 116.

⁶ Леонтьев ошибся (см. п. 142). Еще не разобравшись, он писал в тот же день кн. Гагарину: «... Вообразите — до чего в Редак(ции) Каткова ненавидят Т. И. Филиппо-

ва: — *вычеркнули его имя из списка наград в Моск(овских) Вед(омостях)*. Не напечатали о том, что ему дали Алек(сандра) Невск(ого); а всех мелких чиновников поименовали. — Какие мерзавцы. Когда же это будет другая сильная, но более благородная редакция!!» (Там же. Л. 37 об.).

⁷ Судьба, рок (лат., греч., тур.).

⁸ Не поддающийся переводу искаженный при копировании греч. текст.

142
Леонтьев — Филиппову

11 апреля 1887 г.,
Москва

11 апреля 1887 г. Москва.

Простите, Третий Иванович, что Вас, делового человека, беспокою так скоро опять этим не деловым письмом. *Совесть* заговорила. Я согрешил... Вчера Кристи приехал из Троицы¹ и сказал мне, что я ошибся и что в предыдущем № «Моск(овских) Ведом(остей)» на второй странице было напечатано о пожаловании Вам ордена Св. Александра Невского. Вероятно, Вы сами видели это и давно уже строго осудили меня за напраслину и злость, но если не случилось Вам видеть за эти дни «Московские Ведомости», то на этот случай долгом считаю покаяться; довольно и того, что нам с Вами часто приходится *справедливо* негодовать на *этого человека*, зачем же еще прибавлять, хотя я прибавил, *незаслуженное* негодование.

Пользуюсь этим случаем, чтобы *убедительно попросить* Вас об одной вещи: сделайте мне удовольствие *большое* для праздника: *напишите* мне так, как Вы с Вашей твердостью и внимательностью умеете, когда захотите, т. е. *не откладывая и только 2-3 слова*: 1) получили ли Вы мое письмо с *прошением в Департ(амент) Госуд(арственного) Казн(ачейства)*? и 2) могу ли я рассчитывать в апреле получить *de facto*² из Моск(овского) Казн(ачейства) *пенсию* за февраль и март? Так как я желал бы уехать в Оптину как только установится теплая погода (и так как те 270 р. с(еребром), которые выхлопотал мне кн. Гагарин,³ тотчас же по полу-

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 68—69.

чении разойдутся на уплату долгов, наделанных мною поневоле за эти 2 месяца безденежья), то для моих распоряжений знать заранее, когда я могу получить пенсию, в высшей степени важно. Пожалуйста, простите, что тревожу. Утешаю себя мыслью, что с удалением моим в Оптину, Бог даст, *надолго* и Вы, и добрый князь Конст(антин) Дмитр(иевич)⁴ отдохнете от моих писем. Если Вам некогда, прикажите Вашему хорошенькому пажу⁵ написать за Вас эти две строки.

Остаюсь все тот же «крест» Ваш К. Леонтьев.

¹ Из Сергиева Посада.

² Фактически (*лат.*).

³ См. п. 141.

⁴ Кн. Гагарину Леонтьев писал 9 апреля (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 36—37 об.).

⁵ Сын Филиппова Сергей учился в то время в Пажеском корпусе.

143

Леонтьев — Филиппову

17 апреля 1887 г.,
Москва

17 апреля, 1887. Москва.

Как ни желаю я дать Вам, Третий Иванович, и кн. Гагарину *отдохнуть* от моих этих «деловых» и скучных писем, но нет никакой возможности! Вчера, напр(имер), в Казенной Палате (где я был для ускорения выдачи тех 300 р. с(еребром) пособия, которые выхлопотал мне князь)¹ — мне сказали, чтобы я позаботился написать в Петербург о скорейшей высылке в Цензурный Комитет из Главного Управления по делам печати моего аттестата об отставке,² ибо если и придет распоряжение из Департамента Государ(ственного) Казн(ачейства) о выдаче мне пенсии, то ее до получения аттестата все-таки выдать нельзя. Я сегодня же напишу Феоктистову письмо в роде официальном с «почтительной» просьбой

ускорить это.³ Но так как он, судя по Вашим отзывам, не особенно благоволит ко мне, то опасаясь, что моего письма будет недостаточно для этой цели, и потому пишу и Вам. Князю Гагарину не пишу, так как, хотя он и по одному ведомству с Феокистовым, но лично, кажется, меньше с ним знаком, чем Вы.

Мне весь расчет уехать в Оптину 2—3 мая, но очень опасаясь, что и к тому времени пенсии еще не получишь... Вот хоть с пособием этим (в 300 р.): распоряжение Департ(амента) Общ(их) Дел пришло сюда на Страстной (2-го апреля), а процедура получения до того сложна, что вчера (16-го) мне в Губерн(ском) Правлении сказали: «разве еще через неделю получите!» Никто не задерживает, все свое дело кончают скоро, не могу жаловаться, но очень сложно; к одному Гражданскому Губернатору дело возвращается до трех раз. Беспреданно сам везде езжу и ускоряю; впрочем, говорят, что с пенсией проще.

Больше ничем на этот раз Вас обременять не буду и, пожелав Вам всего наилучшего, прошу по-прежнему любить

Вашего неизменно преданного К. Леонтьева.

Р. S. Прилагаю 6-ю главу «Сдачи Керчи». Будет еще одна: 7-ая и последняя.⁴ Пустяки, конечно, но труда было мало, а получил около 150 руб., что при современных условиях — было очень кстати. *Студентам моим*⁵ нравится.

Сейчас получил и последнюю главу и ее прилагаю.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 69—70.

¹ 21 апреля, «после очень сложных мытарств», Леонтьев смог наконец получить «270 руб. с(еребром) за „полезные медицинские сочинения“» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 38; письмо к кн. Гагарину от 22 апреля 1887 г.).

² См. прошение председателя Московского цензурного комитета в канцелярию Главного управления по делам печати от 18 апреля 1887 г.: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 91.

³ Письмо от 17 апреля сохранилось: Там же. Л. 92. Резолюция Феокистова: «Нельзя ли это поскорее исполнить? Заготовить аттестат и т. д. и т. <д.>».

⁴ См. примеч. 12 к п. 126.

⁵ Речь идет о московских учениках Леонтьева.

30 апреля 1887 г.,
Петербург

СПб. 30 апр(еля) 1887.

Дорогой Константин Николаевич!

Теперь только могу написать Вам приблизительно о том, когда пенсионные деньги дойдут до Петербурга. Утверждение Комитета Министров последовало 28 апр(еля); через две недели ровно (12 мая) получите журнал, подписанный Государем.¹ Затем Канцелярия Ком(итета) Мин(истров) сообщит об этом М(инист)ру Вн(утренних) Дел, а Мин(истр) Вн(утренних) Д(ел) — М(инист)ру фин(ансов); М(инист)р же фин(ансов) сообщит — чрез Д(епартамен)т Гос(ударственных) К(азначейств) — Московской Казенной Палате, чтобы она, по Вашему мною представленному заявлению, выдавала Вам пенсию, т. е., не она, а Губ(ернское) Казн(ачеств)о, которому она даст предписание.² Не смотря на то, что инстанций много, я буду стараться и *надеюсь* достичь, что все сношения пройдут быстро.*

В СПб. дело затянулось только потому, что Делянов и Кн. Гагарин, не обсудив дела (вопреки известному: *respite finem*³), задумали исходатайствовать Вам Д(ействительного) Ст(атского) Сов(етни)ка. Если Вы их к этому склоняли, то часть вины причитается и на Вашу долю.

Дело не обошлось и на кончике без мерзких подвохов, и все это — нужно думать — тянуло с Страстного бульвара,⁴ ибо пакостили его фамулы,⁵ в особенности тот, о коем не без остроумия выразился один сатирический поэт:

* Об этом напишите и Кн. Гагарину.

От внимательного взора
Вам не скрыть своих затей,
Патриарх из мелхиора,
Импотент-прелюбодей!⁶

Подробнее о сем при свидании, если Вы пробудете в Москве до 21 мая. Я надеюсь быть там прямо к Вашему Ангелу.⁷

Избави мя, Господи, от бесов и страстей, и человек *некоторых*!⁸ Еще же писано: скверный да сквернится еще!⁹

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 11—12 об.
Цитируется: 6, 636.

Ваш искренний Т. Филиппов. Ответ на п. 143.

¹ Назначение пенсии было Высочайше утверждено 10 мая 1887 г. См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 109.

² От слов «Утверждение Комитета» подчеркнуто Леонтьевым.

³ Предусматривай конец (*лат.*). Часть крылатых слов «Что бы ты ни делал, делай осторожно и предусматривай конец» (*Gesta Romanorum*).

⁴ На Страстном бульваре размещались редакции катковских изданий.

⁵ От *лат.* *phamulus* (служащий) — студент, приставленный к профессору и выполняющий его поручения.

⁶ Цитируется эпиграмма на Победоносцева.

⁷ День ангела Леонтьева — 21 мая.

⁸ Измененная цитата из 7-й молитвы вечернего правила (молитва св. Иоанна Златоуста, состоящая из 24 кратких молитв по числу часов дня и ночи): «Господи, покрый мя от человек некоторых, и бесов, и страстей...» (11-я молитва ночи).

⁹ Откр. 22: 11.

145

Леонтьев — Филиппову

6 мая 1887 г.,
Москва

6 мая 1887 г. Москва.

Благодарю Вас, Третий Иванович, за Ваше последнее «успокоительное» письмо, в котором Вы перечисляете инстанции, предстоящие моей пенсии. Теперь мне по крайней мере ясно, что раньше 1-х чисел июня мне ничего не получить. Все-таки легче, когда положение определенное, лег-

че распорядиться собой. Меня удивляет и повергает только в раздумье некоторое разноречие у Вас с кн. Гагариным. Ваше письмо от 30 апреля, в нем сказано, что в Комитете Министров последовало *утверждение* 28 апреля, а 12 мая получится журнал, подписанный Государем. Князь же Гагарин *от 3 мая* сообщил мне, что Комитет Министров утвердил мне только 1500 р. с(еребром), как чиновнику, а в отношении заслуг моих как литератора признал себя не компетентным и предоставил Министр(у) Внутр(енних) Дел войти для назначения мне остальных 1000 р. с(еребром) с докладом к Государю. Гр(аф) Толстой (пишет князь) сказал, что ему нужен для этого перечень главных моих сочинений с краткой характеристикой.¹ Еще прежде этого письма я (30 апреля) получил от кн. Гагарина телеграмму с просьбой выслать ему эту характеристику.² Не зная еще из этой телеграммы, *для кого и для чего* это назначается, я составил ее и черновую как есть отправил ему 2-го мая. Вы понимаете, что это не легко 2-ой раз быть «ржаной кашей»,³ особенно, когда *тут примешан церковный вопрос* (в котором все почти кроме нас с Вами ошиблись и увлеклись либерализмом) ... Я не забывал этого обстоятельства, когда писал, и потому налегал больше на другие стороны дела. Не знаю, доволен ли будет гр. Толстой и кн. Гагарин, но материал им дан, а то, что невыгодно для дела, он сам может изменить. Судя по отзывам о характере гр. Толстого, как весьма настойчивом и в слове своем верном, я думаю, несмотря на разногласие Ваших с князем Конст(антином) Дмитр(иевичем) писем, — что исход будет благополучен, опасаюсь только, что это неожиданное раздвоение путей еще недели на две задержит выдачу пенсии из Моск(овского) Казн(ачейства). — Ну, что делать!... «Ипомоні!»⁴

Не в Комитете ли Министров делал *тот* человек⁵ и *те* препятствия, о которых Вы пишете? Не он ли подал мысль о «некомпетентности»? Только по совести думаю, что «Страстной бульвар» собственно в этом деле не при чем. Мне что-то думается, что он сам и без всяких побочных влияний имеет ко мне и физиологическое отвращение, и политическое недоброжелательство.

Что будет — будет! Могло бы быть и хуже. Отец Амвросий лет *еще* 8 *тому назад* сказал мне в одну ужасную для меня минуту: «Господь знает, кому какие испытания посылает; если бы с другим все то случилось, что Вы мне рассказывали, так он давно бы умер, а Леонтьев жив да еще и пишет!»⁶ Это было еще в 79 году, и что пережито в *одном* 80-ом! Какие переломы, так уж это я и не выражу! Будем же надеяться на Божию милость. И страшно было бы в самом деле оставаться на 1500 р. с(еребром) (и с кучей невольных новых долгов вследствие отставки!), когда за меня были 3 министра и 2 товарища министров (Народ(ного) Просв(ещения), Внутр(енних) Дел, М(инистр) Финансов, Вы и кн. Гагарин). К. П. Победоносцев приехал, еду к нему с визитом. Будьте здоровы.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 70—72.
Цитируется: 6, 635.

Ваш навеки К. Леонтьев. Ответ на п. 144.

¹ См.: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 8 об.—9; 6, 634.

² См.: Там же. С. 634.

³ «Ржаная каша», по русской поговорке, «сама себя хвалит». Подразумевается, что Леонтьев уже составлял автохарактеристику.

⁴ Терпение (*греч.*).

⁵ Имеется в виду Феокистов.

⁶ См. примеч. 8 к п. 37.

146

Филиппов — Леонтьеву

7 мая 1887 г.,
Петербург

СПб. 7 мая 1887.

Дорогой Константин Николаевич.

Хотя кн. Мещерский и обещал мне послать Вам номер «Гр(аждани-на)», в котором сделана характеристика Вашего литературного значения;¹ но, опасаясь его забывчивости, предпочитаю сообщить Вам сию вырезку от себя. Думаю, что эти строки доставят Вам утешение, на которое Вы имеете полное право. К сему прибавлю, что давняя наша мечта

сбывается: с осени «Гр(аждани)н» преобразуется в ежедневное издание, которое рассчитывает на Ваше постоянное сотрудничество. О сем подробнее при свидании, если только я застану Вас на Москве, выехав отсюда 18 мая. Прочтите мою книжечку,² при сем прилагаемую, и при свидании скажите мне Ваше о ней мнение.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 44.

Μεγαλείτερος εἶνα ὁ θεὸς ἀπὸ τὸν γενεράλη Κοβαλέ(υ)σκis.³

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ Имеется в виду номер от 3 мая, в котором была помещена заметка Филиппова о Леонтьеве (без подписи). См. Приложение 1.

² Речь идет об изданной Товариществом «Общественная польза» брошюре «О преподавании церковнославянского языка в средних учебных заведениях» (СПб., 1887). См. также примеч. 4 к п. 136.

³ Более велик Бог, чем генерал Ковалевский (греч.). Источник установить не удалось. Вероятнее всего, им мог быть исторический анекдот конца 1850-х гг. об одном из братьев Ковалевских — Евграфе Петровиче, министре народного просвещения, или Егоре Петровиче, директоре Азиатского департамента.

147

8 мая 1887 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич.

Только что я отправил к Вам мое вчерашнее письмо, как подали мне Ваше, которое напрасно адресовали Вы в Гос(ударственный) К(онтро)ль; вперед обозначайте: Невский 75/2.¹ Разногласие с кн. Гагариным объясняется тем, что я не хотел вводить Вас во все подробности подлой каверзы мельхиорового патриота,² которая раздробила ходатайство о пенсии на две доли. Нет худа без добра. Ὁ ἔγγραφεν ὁ Πολίτης εἰς τὸν ἑσχατὸν ἀριθμὸν περὶ τῶν πλεονεκτημάτων σας, θέλει ἀγαιγνῶτει ὁ Αὐτοκράτωρ, καὶ

ὁ κόμης Τολστόϊ θαλαρεῖ τὸ ἄρθρον τοῦτο ὡς Θεμεδων τῆς μεσιτέ ας αὐτοῦ ὁ συντάκτης τοῦ Πολίτου ἔχει νῦν τὴν μετὰ τὴν ἰσχὺν. Θάρρει σὺν, ὦ ἀδελφε.³

Ваш искренний Т. Филиппов. Автограф неизвестен.

Разницы во времени не будет. Около середины июля Вы получите разом всю сумму со дня выхода в отставку.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 44.

¹ Ср. в письме Вл. Соловьева к Ф. Б. Гецу (1889): «Живет Филиппов на углу Невского и Пушкинской, д. № 75 (по Невскому, последний подъезд, не доходя до Пушкинской, если направляться от Адмиралтейства)» (Соловьев. Письма. Кн. II. С. 158).

² Имеется в виду Победоносцев. (Отсылка к приведенной в п. 144 эпиграмме на Победоносцева: «Патриарх из мельхиора».)

³ Что «Гражданин» и написал с подробными числами касательно своих выгод, желая, чтобы Император прочитал (об этом) и граф Толстой воспринял бы эту статью как справедливую награду за свое посредничество; редактор «Гражданина» ныне имеет большое влияние. Итак, дерзай, о, брате (греч.; пер. В. Б. Прозорова).

148

Филиппов — Леонтьеву

18 мая 1887 г.,

Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Я надеюсь быть в Москве в день Вашего Ангела,¹ с которым заблаговременно Вас и поздравляю. Получили ли Вы мою книжечку и вырезку из «Гражданина»?² Не имея от Вас о сем уведомления, склонен думать, что Вас нет в Москве. Тогда где же Вы?

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 45.

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ Филиппов прибыл в Москву немного позже, 23 мая. См.: МВед. 1887. 24 мая. № 141. С. 3.

² См. примеч. 1 и 2 к п. 146.

25 июня 1887 г.,
Петербург

149
Филиппов — Леонтьеву

СПб. 25 июня 1887

Дорогой Константин Николаевич!

Вопрос о обращении «Гражданина» в ежедневную газету решен в утвердительном смысле; ¹ на днях Вы получите от Кн. Мещерского — если еще не получили — пригласительное письмо. ² Дело получает особенную важность при известии о плохом состоянии здоровья Каткова; сын и зять его вызваны из Петербурга в Москву по телеграфу. ³ Не оглядывайтесь на «Моск(овские) Ведомости», к(ото)рые, в случае сиротства их, все-таки останутся по праву в распоряжении семьи и перейдут в управление какого-нибудь Любимова и Петровского; ⁴ с которыми потому Вам нельзя будет иметь дело. При том же газета в Петербурге будет иметь необычайные источники, каких в Москве у нее не будет; здесь и я, что для Вас и для самого издания, говоря любимым речением современных попов, «далеко не безразлично». Оклад просите такой, при котором не было бы надобности выпрашивать дополнительных выдач и тем подвергать опасности взаимные с редактором отношения. Зимой Вам придется жить здесь; ранней весной будете уезжать, куда заблагорассудите. Мысль, что под конец жизни, в единонадесятый час, ⁵ еще дано будет и мне полученный от Бога дар слова употребить на служение Церкви и родной земле, поднимает мой дух и вселяет надежду заронить, в союзе с Вами, в чью-нибудь юную, слагающуюся душу семя божественной мысли и тем подготовить преемников нашего исповедания.

Покорнейше прошу Вас передать мою сердечную признательность о. Архимандриту Исаакию за его приветствие с Монаршею милостию; ⁶ на днях мне поднесут диплом на орден Спасителя I класса; ⁷ о том приходил сказать мне Секретарь Гр(еческого) Посол(ьства). О. Амвросию приношу мою почтительную благодарность за его отзыв о моей книге; ⁸

не отвечаю ему единственно потому, что следую им же преподанным мне советам: не словопретися ни на куюже потребу.⁹

Ерасту Кузмичу вместе с моим братским целованием покорнейше прошу передать реченное негде:

Лучший есть час един въздыхая о души своей, неже пользуяй мир весь видением своим.¹⁰

Блажен путь, во нъже шествова ныне душа его: свет бо инокам Ангели, свет миряном иноки.¹¹

Ублажаю его твердое решение и вверяю себя заступлению его молить.

Вас же обнимаю и целую.

Ваш искренний Т. Филиппов.

К вам в Оптину собираются в начале июля Московский Митрополит¹² и Саблер — одновременно.¹³

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 13—15 об.
Цитируется: 6, 603;
8, 968—969.
На л. 15 об. помета
карандашом
К. Леонтьева:
«От Филиппова
Показать
О. Амвросию».

¹ Филиппов и раньше активно сотрудничал в «Гражданине», на этом же, новом, этапе его роль в редакции еще более укрупнилась. Фактически он был главным советником Мещерского, который вверил газету, как писал в те же дни Филиппов патриарху Никодиму, его «особенному попечению», «намереваясь обратить» газету «на служение <...> священным началам, которым» Филиппов работал «от молодых ногтей», сколько мог и как умел» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1220. Л. 4). А. А. Половцов услышал позднее от непосредственного начальника Филиппова, государственного контролера Д. М. Сольского поразившую его подробность о том, что «Филиппов участвует в редакции „Гражданина“ с высочайшего разрешения» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. II. С. 94; запись от 21 марта 1888 г.).

² Письмо, по-видимому, не сохранилось.

³ О ком именно из сыновей и зятьев Каткова идет речь, установить не удалось.

⁴ Действительно, редактором «Московских ведомостей» после смерти Каткова стал С. А. Петровский, у которого было множество конкурентов. Подробности о предыстории его назначения см.: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. С. 258—263, 419—420.

⁵ В одиннадцатый час (ц.-сл.). Аллюзия на евангельскую притчу о работниках одиннадцатого часа.

⁶ Подразумевается награждение орденом св. Александра Невского.

⁷ Далее зачеркнуто: «как». Орден Спасителя — греческая государственная награда.

⁸ Письмо старца Амвросия от 8 марта 1887 г. (год установлен по содержанию) см.: *Христианство*. 5. С. 291—293.

⁹ 2 Тим. 2: 14. Речь идет о письме преп. Амвросия от 8 марта 1887 г., в котором старец, в частности, наставляя Филиппова: «...относительно старообрядцев Вы поступили вопреки Апостольской заповеди: „Не вопретися, ни на кую же потребу, на разорение слышащих“ (2-е Тим. 2 гл., 14 ст.). Святые отцы старались говорить и писать только полезное, соображаясь с обстоятельствами и потребностью слушающих» (*Христианство*. 5. С. 291).

¹⁰ Неточная цитата из 41-го Слова подвижнического св. Исаака Сирина («О молчании») в переводе преп. Паисия Величковского. Ср.: «Воздыхай един час о души своей, лучший есть пользующаго весь мир видением своим» (Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего ниневийского, Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. М., 1854. С. 198). Ср. в русском переводе: «Кто один час провел, въздыхая о душе своей, тот лучше доставляющего пользу целому миру своим лицезрением» (Творения аввы Исаака Сириянина. Сергиев Посад, 1911. С. 175; репр.: М., 1993).

¹¹ Контаминация цитат из заупокойного прокимна 6-го гласа («Блажен путь, в онъ же идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения») и «Лествицы» («Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех человеков — монашеское житие...»; 26: 31).

¹² Имеется в виду митрополит Иоанникий (Руднев).

¹³ См. примеч. 9 к п. 151.

150

Леонтьев — Филиппову

26 июня 1887 г.,
Оптина пустынь

26 июня 1887. Оптиная Пустынь.

Посылаю Вам, Третий Иванович, свой портрет¹ в надежде, что Вы примете этот маленький дар дружбы и признательности с тем чувством, на которое Вы сами дали мне право рассчитывать. Не знаю, понравится ли Вам этот портрет, мне что-то не очень по вкусу этот изнуренный старик с лицом «*en lame de couteau*».² Мне кажется, что я еще все-таки получше этого. Если я нынешний год не снимусь где-нибудь еще, то это будет мой *последний* портрет. Я не одобряю вообще тех людей, которые снимаются слишком поздно: у редких людей (особенно у предававших-

ся умственному труду) лицо в слишком поздние годы сохраняет, я не говорю уже благообразие, а хоть человечность — просто. Что-то жалкое и отвратительное я вижу в этой почти неузнаваемой карикатуре человека самого на себя. Обыкновенно я при этом вспоминаю последние портреты Пирогова. Что это за противная обезьяна, тогда как прежние портреты его имели в себе нечто Сократическое, приятное и сильное! Да, кстати сказать, и Дантес сделал *большую*, очень большую услугу А. С. Пушкину, убивши его *вовремя*. Поэтический ореол сохранился, и на портреты Пушкина смотреть приятно. Конечно, так кончить выгоднее для поэта, чем восседать с женой уже старой, с детьми, уже взрослыми, с чадами и домочадцами, как восседал недавно Полонский на том юбилее, на котором и Вы присутствовали!³ Вы-то ничем тут, конечно, не виноваты, но а уж на месте Полонского *во всем составе* — быть и с овациями не желал бы.⁴ Тем более что со стороны наиболее существенной — мы оба награждены одинаково — по 2500 р. с(еребром).⁵

Вот как я распространился о «постороннем» — почти неожиданно для самого себя, но это хорошо — это доказывает, что я менее подавлен, чем был все последнее время. Пенсия, слава Богу, началась своим порядком, и я имел на днях утешение заплатить больше 500 р. с(еребром) долгу, и еще сверх прожитка за весь июнь в Оптиной осталось экономии 140 р. с(еребром). Я их берегу у от(ца) Амвросия и надеюсь еще отложит к осени для того ли, чтобы здесь получше в особом доме за оградой устроиться, или для того, чтобы уехать совсем к Троице. По моим привычкам там было бы лучше, для литер(атурных) занятий тоже несравненно удобнее там, чем здесь; и семейные обстоятельства влекут туда же, и Кристи очень желает, чтобы я там жил,⁶ и даже Ив. Д. Делянов.⁷ И духовные потребности мои могут быть там достаточно удовлетворены, потому что Троицкий от(ец) Варнава — хотя и менее знает меня и мои обстоятельства, чем от(ец) Амвросий, однако умел всегда отвечать мне с таким удивительным тактом, что всегда меня успокаивал. Все это так... но... дешевизна здешняя меня приводит в восторг, а в Троице я

не знаю, как еще можно жить на 200 р. Здесь я, не стесняя себя ни в чем привычном, прожил в июне (с женой) 100 р. и отложил 100, а в Москве редкий месяц можно было прожить не занимая на 245 руб. Я даже не в силах и уяснить себе, в чем разница, а выходит так... По этому поводу, естественно, мне беспрестанно вспоминается наш последний разговор в Москве о новой газете и о том контракте, который Вы хотите сделать в мою пользу с редакцией.⁸ Если Вам досужно будет как-нибудь в течение июля, то Вы сделаете мне большое удовольствие, если напишете мне, могу ли я надеяться на условия приблизительно такого рода:

1) Плата за лист без различия рода сочинения, повесть, статья, политическая и т. п., или воспоминания — все равно 250 р. с(еребром) (Глеб Успенский от «Русской Мысли» получает эту цену, а Л. Н. Толстому дают теперь 600 р. с(еребром), только напиши).

2) Каждое первое число высылать 250 р., и к концу года сводить счет.

3) Печатать по возможности не откладывая.

4) Дать 500 р. на первоначальное устройство в Троице. Эти 500 можно пожалуй позднее вывести в общий счет, но никак не удерживать первые два месяца. А еще лучше совсем не выводить. Если не Вы один (по некоторому личному ко мне пристрастию), а как оказывается, и многие другие находят меня полезным и в некоторых случаях незаменимым, то, разумеется, эти цифры все даже и ничтожны... Не только казна Цитовичу (!?) дала побольше,⁹ очертя голову, но и сами редакторы делали больше из своих средств для облегчения труда тем, кого находили нужным. Кашпирев («Зоря») дал вперед Писемскому 10 000 р. с(еребром) за неоконченный роман,¹⁰ Катков за начатую «Анну Каренину» Л. Толстому — 20 000 (!!), да и мне даже прежде, когда мы были ближе, Катков давал охотно по 1000 р. и более авансу. Воскобойникову и Петровскому за «чорную» только работу по 10 000 в год с готовой квартирой. Н. Н. Голицын от самых ничтожных средств платил мне не 250, а 350, чтобы я был только ничем не отвлечен от дела, и считал мои строчки только для того, чтобы доказать мне, что он меня ценит и с меня не взыскивает,

ибо я хотя писал до обеда почти каждый день, все-таки и по высокой цене за строчку — никогда больше как на 150 или 170 р. с(еребром) не выходило, а остальное — так оставалось! Зато и я с моей стороны, зная, что у него денег мало, когда на все лето отправился в свою деревню, сбавил себе на летние месяцы до октября до 150 р. Ибо дело тут вовсе не в абсолютном количестве денег, а в сумме впечатлений, при которых я могу охотно и весело писать; в Кудинове 150 р. было больше в этом смысле, чем 350 в Варшаве.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025. Л. 1—4.

¹ Предпоследняя фотография Леонтьева (см. вклейку, ил. 3).

² Худым, узким (*фринц.*), буквально: «как лезвие ножа».

³ О праздновании пятидесятилетия литературной деятельности Полонского, состоявшемся 10 апреля в Петербурге в зале Благородного собрания, Леонтьев прочитал заметку в «Московских ведомостях», основанную на сообщении «Нового времени». Леонтьев припоминает следующую деталь: «Напротив юбиляра заняли места: супруга и его семейство и председатель юбилейного комитета поэт А. Н. Майков...» (Юбилей Я. П. Полонского // МВед. 1887. 13 апр. № 100. С. 2). О присутствии Филиппова на обеде, за которым «собралось до полутора человека», в заметке не сообщалось. Вероятно, Леонтьев слышал об этом от него лично. Любопытно, кроме того, что на той же странице, в заметке о другом юбилее, Филиппов упомянут среди авторов поздравительных писем (Юбилей литературной деятельности профессора Бессонова // Там же).

⁴ Этот фрагмент можно считать первым претекстом будущей статьи Леонтьева «Не кстати и кстати», вызванной другим юбилеем — «50-летием музыки» А. А. Фета.

⁵ Полонский получил пенсию как цензор Комитета цензуры иностранной. Об этом также сообщалось в указанной выше заметке о его юбилее.

⁶ Кристи был вольнослушателем Московской духовной академии.

⁷ Леонтьев вспоминает свой разговор с И. Д. Деляновым в Петербурге в октябре 1886 г., о котором он в то время сообщил Э. К. Вытропскому: «Ив(ан) Дав(ыдович) Делянов был очень ко мне внимателен и спросил у меня: „где я буду после отставки жить?“ Я сказал: „или в Оптиной или на Троицк(ом) Посаде“. — А он: „Лучше бы на Посаде, поближе к Академии и к Москве, где вы имеете такое полезное влияние“. — Я на это отвечал, что в Оптиной будет *похозяйственное*» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 2 об.).

⁸ Поразительно, что Леонтьев спрашивает об этом в тот самый момент, когда к нему уже идет письмо Филиппова с приглашением в ежедневный «Гражданин».

⁹ Речь идет о субсидии на издание газеты «Берег». Вопросительный и восклицательный знаки в скобках передают отношение Леонтьева к редактору этой газеты. Он еще в 1881 г. писал, что «Берег» был погублен неудачным выбором редактора: «Г. Цитович неискренний человек, не убежденный, не православный и бездарный. (...) Бездарность его блистала на каждом шагу. (...) В „Береге“ все было или бесцветно, или до гадости грубо...» (8, 13—14).

¹⁰ Речь идет о печатавшемся в журнале «Заря» (1869. № 1—9) романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов».

151

Леонтьев — Филиппову

Тертий Иванович,

(NB. Здесь так дурна почтовая бумага и так протекает, что я, щадя Ваши глаза, буду писать на простой.)

Июля 3-го, 1887 г. Оптиная Пустынь.

Приглашение проводить зимы в Петербурге поразило меня неожиданностью. Слыша Ваши речи об этой газете, я всегда думал, что я буду жить в Оптиной или у Троицы и уговорюсь получать некоторую часть денег помесечно с тем, чтобы к концу года редакция сводила счет за напечатанное. Я полагал еще, что *начатые мною в самом деле* большие труды будут печататься за *хорошую* полистную плату в толстом ежемесячном журнале, издающемся при газете, а иногда пришлю статью и для газеты (по исключительно высокой построчной плате); или фельетон самый свободный в смысле фантазии моей, или солидную статью (вроде моих возражений Достоевскому,¹ на 2-3 №№). О вмешательстве же слишком *срочном* в текущую политику я перестал вовсе и думать. (Перестал до того, что прошлое лето здесь же в Оптиной написал было половину статьи: «Что делать с Болгарией», но проснувшись ночью, нарочно встал и разорвал ее, говоря себе: «что предназначено России, то и без меня будет, писать мне следует только тогда, когда очень хочется и ни на

3 июля 1887 г.,
Оптиная пустынь

волос даже себя не принуждать». На что? Вот когда я весь прошлый месяц ел постное, несмотря на то, что опять едва ноги таскаю, я понимаю для чего. *Страх Божий*. Когда я на днях посылаю в Москву Ник(олаю) Яковлев(ичу) Соловьеву, который теперь и болен и в истинно жестокой нужде с семьей,² 25 р. с(еребром) из жалкой экономии в 100 р., прибранной у от(ца) Амвросия, я понимаю почему — *любовь к ближнему*. Но *воображать себя полезным* России, воля Ваша, я не в силах! *Все в течение 25 (помилосердуйте, 25 и более лет) кроме Вас, кн. Гагарина и десятка добрых юношей, — точно сговорились игнорировать меня! Без иллюзии — разве возможно выдержать дольше?* У Каткова, у Льва Толстого и др(угих) т(ому) п(одобных) людей есть, так сказать, право на иллюзию пользы и какого-то долга! А я? Где у меня это право? Где основание? Правительство пришло мне на помощь теперь, когда я совсем изнемог в неравной борьбе! Да и то благодаря двум твердым друзьям, а без этих двух людей — сами министры-то наши и Гр(аф) Толстой и И. Д. Делянов добрались ли бы до моей книги (или до *моих книг* вернее). Конечно, нет! А сколько второстепенного они прочли за свою жизнь! Ну это не судьба? Не указание на то, чтобы не сметь воображать себя «*полезным*» и т. д.)

Ну, хорошо — что же делать теперь (при этом оправданном целой жизнью отсутствии «*иллюзии*», при совершенно расслабленном организме, при многих и давних еще неуплаченных долгах и т. п.), что делать по случаю Вашего приглашения? Я *очень* был им смущен, но от(ец) Амвросий сочувствует, видимо, Вам в этом деле и говорит, что отказываться мне *не следует*, а надо еще раз испытать свои силы, разумеется, на самых льготных условиях. Итак, да будет воля Божия, по благословению старца и по желанию лучшего друга!

Теперь *льготное положение и оклад*.

1) В год надо мне дать 8000 р. с(еребром).

2) Из них часть (ну хоть 4, хоть 3000) можно назначить собственно за мое участие и присутствие (которое мне все-таки не легко *физически*

достается), за те «мудрые советы», о которых Вы печатно упоминали³ и которые я действительно могу подавать (это не иллюзия), наконец, в это же число можно поставить *огульное* вознаграждение за один отдел, лучше всего за иностранную политику (2-3 статьи в <месяц>),⁴ а летом вообще хоть по одной в неделю отсюда присылать).

Другую же половину считать *авансом* за романы, критику, фельетоны и др(угие) статьи (за *исключением иностран(ной) полит(ики)*).

3) Лист положить без различия содержания (это различие сильно бы меня спутало), положим, по 300 р. с(еребром). Если все это выйдет по-моему, то может статься, я года два-три протяну и буду еще немного полезен. Если моя деятельность в «Варш(авском) Дн(евнике)» в течение *полугода* оставила следы, то в два года и в Петербурге, конечно, можно гораздо большего достичь. При этом я найму здесь в Оптиной большой и благоустроенный отдельный дом за оградой и буду в мае в него приезжать, как бывало в свой дом в Кудинове. Тогда и летом я могу еще лучше писать здесь, набравшись известных впечатлений в столице.

300 р. за лист и 4000 авансу в год, что выходит? Выходит, что надо 13 листов в год представить (*кроме обязат(ельного) отдела*). Это я могу. У меня и теперь на 1-й год столько запаса (особенно для толстого журнала, который, я полагаю, *непрерывно должно* при газете сохранить) — что мало и приписывать, пожалуй, придется. Во-1-х, у Мещ(ерского) до сих пор валяется «Воспоминания моей матери об Имп(ератрице) Мар(ии) Фед(оровне)» листа 3. По 300 р. — 900; вычестъ 100 р., которые я ему должен, останется 800; еще листа на 4 — *мои воспоминания о Тургеневе*; еще 1200 (ит(ого) 2000) и так как они не дописаны и до 1/2, то *всего* выйдет из них на 2400 (+ 800 = 3200); здесь не то, что у Каткова — оглядка в одну сторону («не смей уж о доброте его как человека помянуть») и не то, что в «Русской Мысли» («не смей порицать как гражданина и художника») — оглядка в другую. *Здесь* вышло бы гораздо откровеннее и поэтому занимательнее; еще одна из тех больших начатых работ, о которых я писал И. Д. Делянову (напр(имер), окончить меньшую «О куль-

турном значении славянофильства»⁵), так еще к октябрю 1888 г. пожалуй за редакцией будут мои деньги.

Так еще действительно возможно попытаться раскинуть и узнать яснее волю Божию.

Ломать себя полумертвому, измученному недугами, с неискоренимыми уже (даже и самой верой) привычками, с нервами до того впечатлительными, что я в своем доме строго слежу за обувью прислуги, чтобы не скрипела, что я без колпаков давно уже дома не выношу ни свечей, ни ламп, а в гостях поневоле терплю. В мороз никуда не езжу, разве в карете. Нет средств на карету — не беда, но пусть уж от меня ничего не требуют. Сплю я много; ложусь в 12, встаю в 9. Очень долго, запершись один, должен пить кофей, *чтобы стать способным к мысли и делу*. Утром, до обеда, не могу никого принимать, при правильном обычном строе жизни. Заниматься могу только от 10-11 до 2-х. В 4 обедаю и сплю; в 6 пью чай и только от 7 до 11-12 я могу видеть людей, говорить с ними и т. д. Ночью я и молодой никогда не писал.

Изменить ничего этого я не могу, но для писания (при покое *со стороны хозяйственной*) менять и не нужно; в Варшаве у кн. Голицына я точно так же жил (а теперь я много слабее) и писал почти каждое утро, а после обеда ничего не делал. Говорю я все это, чтобы совесть моя *против Вас* (а не против Мещерского) была покойна; Вы все-таки мало знаете меня *в подробностях*, а это очень важно. Вы всегда видите меня мельком, видите возбужденным и обрадованным, потому что я *Вас вижу*. Вас нужно предупредить о 1000 немощей моих. Впрочем, еще 15 лет тому назад от(ец) Иероним Афонский говорил мне: «Вы так болезненны, что телу Вашему, если бы Вы и здесь остались, мы бы дали всевозможное разрешение; надо смирять Ваш ум и характер».⁶ (С тех пор и *эти* значительно смирились; на усмирение сердца и воли подействовали Св. отцы и старцы; по уставу *возможно, пропуск в копии*. — Ред.) ½ веры в свое призвание ума — русские ленивые критики, алчные и б(ольшей) ч(астию) подлые редакторы и легкомысленная наша публика.)

Перееду я в Пет(ербург) не один (я с тоски помру) — с юродивой женой, с Варей, с ее мужем и 2 младенцами, да еще с наемной компаньонкой, которая необходима и для наблюдения за хозяйством, и для жены, и даже для рассылок по городу (с *первым снегом* и до конца апреля я *давно уже* перестал *ходить*, а в морозы *безнаказанно* я уже 3-й год в открытом экипаже ездить не могу). Как же быть, чтобы такой перелом в жизни не помешал бы труду? — Надо 1500 выслать мне в начале сентября, тогда я берусь 1-2-го октября, напр(имер), сесть за письменный стол, а если вышлют 1 октября, то сяду писать 1 ноября; на переезд, сперва вдвоем с Александром или еще лучше втроем⁷ с ним и компаньонкой в №№, а потом на перевоз жены с Варей и ее детьми, на наем квартиры, на уборку ее самую скромную (но *по-моему*, чтобы *лучше* писать), даже на разные переговоры в Петерб(урге) и на *приготовление*, наконец, *собственного ума* к серьезной работе, от которой он, верьте, с неудачей «Варшав(ско-го) Днев(ника)» и с переездом в Москву за 7 лет совсем отвык!

Без этих 1500 р. с(еребром) и соглашаться нельзя ни на что. Мне взять их негде, и я теперь ищу платить долги (и заплатил уже более 600 р. из накопившейся пенсии и теперь еще плачу), а не занимать. Мне еще лучше к 1 октября, но для газеты хуже; не буду до 1 ноября писать.

Лучше их, прибавлю, не вычитать, конечно. Но если необходимо, то вычитать *подолгосрочнее*, по 50 р. в месяц, чтобы (не было) чувствительно.

Вот и все о Петерб(урге). Очень жаль, если это Вам не понравится, но я обыкновенным сотрудником быть уже не в силах.

Впрочем, есть и другой проект соглашения, насчет Троицы. Вы его найдете в другом прилагаемом, неоконченном письме; оно было начато раньше получения Вашего. Живя у Троицы, я согласен и плату за лист уменьшить, как видите. По-моему, это лучше, легче и для газеты, и для меня. Но пусть будет, как Богу угодно! Я надеюсь, что Вы не посетуете на меня за прямоту и ясность: это лучше, чем по какому-то малодушному движению *взяться и не вынести*, постыдиться предъявить крупные тре-

бования и потом оборвать все на ½ дороге. Лучше, как говорят испанцы с своими королями: *Et si non — non!*⁸ По существу-то я сужу так: Если Господь находит меня для этого нужным и для меня это дело не душевредительным, так Он и мне сил придаст (как и от(ец) Амвросий надеется), и всем вам в Петербурге на душу положит, что и требования мои не велики и оговорки добросовестны. А если люди, от которых это зависит, найдут, что и Петерб(ургские) и даже Троицкие условия велики, то значит, тогда все это: и приглашение Ваше, и благословение старца, и мои неудачные попытки стать наконец в *естественное* для меня положение — будет иметь лишь смысл большего и окончательного уяснения воли Божией в другом смысле: «Кончено! Добрые люди доставили тебе безбедную старость. Живи в глуши, в мире и покаянии⁹ теперь и умолкни!» Аминь!

От(цу) Амвросию и от(цу) Архимандриту передал то, что Вы поручили. Они благодарят и благословляют Вас.

Ждем Саблера¹⁰ и митрополита.

От Мещерского нет еще письма. Да ведь это одна формальность; ведь нельзя же мне в самом деле от него зависеть, когда я не мог Каткову подчиниться. Даже хотел иногда, по нужде, и не мог. Другое дело уживчивость моего характера (я уживчив), другое дело литература и еще при таком потрясении всех условий жизни, как переезд в Петербург. Только Вам я могу подчиниться и только от Вас я могу зависеть. В Вас я верю. Ну — все, кажется. Благослови Господь!

Обнимаю Вас крепко.

К. Леонтьев.

М(арье) И(вановне) мое глубокое уважение. Опять, гляди, в «армяке» приеду.¹¹ В Москве всех дам приучил. T. S. V. P.¹²

Забыл: брату Эрасту (он уже давно в полном смысле слова стал «брат»¹³) — передал все, что Вы приказали. Он очень был тронут, просил благодарить Вас и прибавил еще, что и от(цу) Амвросию Ваши уте-

шительные для монахов речения ужасно понравились, он их показывал ему.

«Мудрый» совет, только не Пра(вительст)ву, а редакции. Если решено будет на моих условиях выписать меня в Петербург, то хорошо бы учредить нечто вроде «тайного» комитета из трех: Вы, Меццерский и я. Раза два в неделю. Чтобы я имел только совещательный голос, но чтобы это повторялось правильно. Напр(имер), новых, прежней литер(атурной) проституцией не запятанных, сотрудников и помощников я, пожалуй, скорей всех добуду. Я нахожу, напр(имер), что чем меньше будет у редакции Апол(лонов) Майковых и т. п. седых «корифеев» — тем лучше.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 4—10.

Цитируется:

6, 523, 573.

Ответ на п. 149.

¹ Речь идет о статье «О всемирной любви» (1880).

² Местонахождение писем Леонтьева к Н. Соловьеву этого времени неизвестно.

³ Подразумевается: в статье для «Гражданина».

⁴ В копии: «в неделю». Это опечатка или, возможно, описка самого Леонтьева.

⁵ Возможно, это тот же замысел, что и упомянутый в п. 94 (1885).

⁶ См. п. 109.

⁷ В копии, как было, вероятно, и в автографе: «в-3-м».

⁸ А если нет — нет! (лат.) Леонтьев любил это выражение и неоднократно приводил его в своих статьях. См.: 8, 317; 8, 252.

⁹ Цитата из просительной ектении («Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим»).

¹⁰ 24 июля 1887 г. Леонтьев рассказывал в письме к Александрову: «Саблер был здесь три дня и сам пожелал познакомиться со мною; но мы виделись за обедом у Архимандрита мельком (...). Саблер был чрезвычайно ко мне здесь любезен, целовал и тоже убедительно звал в Петерб(ург) „послужить Церкви“, как он выразился...» (цит. по: 6, 674).

¹¹ В октябре 1886 г. М. И. Филиппова застала Леонтьева у мужа в этой «простонародной» одежде (ср. в п. 122). Впоследствии Леонтьев неоднократно вспоминал об этом эпизоде.

¹² Это сокращение, встречающееся у Леонтьева еще один раз (4, 851), расшифровать не удалось.

¹³ Речь идет о совершении пострига в рясофор, после чего Э. К. Вытропский стал рясофорным послушником (иноком) Эрастом.

Дорогой Константин Николаевич.

Кн. Мещерский не мог принять Ваших условий, сопряженных с Вашим переездом в Питер, и облобызал те, которые Вы предложили, при предположении жить в Сергиевом посаде. Он великодушно согласился и на безвозвратную выдачу Вам 500 р. на переезд. Я так рад, что Ваше благосостояние улучшится вдвое, а со временем Бог даст и еще. Рад и за то, что Ваши дарования явятся перед большой всероссийской публикой. Так неожиданно мы очутились у дела, которое, несмотря на все опасности издательского ремесла, может стать угодным Богу, полезным царю и его народу. Благословим «еже о нас смотрение»¹ и отседем уныние и сомнение от помышлений наших.

Перешлите это письмо Кристи и к моему приглашению в «Гражданин» присовокупите свое.²

Прочтите во вчерашнем «Гражданине» мои строки «Памяти Каткова».³

Получил я τὸν μεγαλόσταυρον τοῦ Σωτῆρος καὶ δέχομαι τὰ συγχαρίστηρια.⁴

Царь приводит меня в восторг ясностью и твердостью своей внешней политики.

Прошу благословения Оптинских отцев и кланяюсь брату Ерасту, ищущему доброго бисера.⁵

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов. Ответ на п. 150.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. ...
Ед. хр. 271. Л. 45.

¹ Измененная цитата из кондака на Вознесение Господне: «Еже о нас исполнив смотрение...»

² Филиппов пересылает через Леонтьева свой ответ на письмо Кристи от 15 июля 1887 г. (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2019. Л. 1—2 об.), которому предшествовало еще одно — сопровождавшее посылку только что изданной его брошюры о картине

В. Д. Поленова «Христос и грешница» (*Кристи И.* Историческая правда в искусстве. М., 1887; впервые: *ПО.* 1887. № 5/6. С. 363—382). Местонахождение письма Филиппова неизвестно, но его содержание Кристи подробно пересказал Леонтьеву 17 августа 1887 г. (см.: 8₂, 1305—1306). До этого Кристи встречался с Филипповым в Москве 23 мая и, по-видимому, именно тогда дал свое предварительное согласие на сотрудничество в ежедневном «Гражданине» (см. письмо Кристи к Леонтьеву от 27 июня 1887 г.: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 43).

³ Имеется в виду статья Филиппова «Памяти М. Н. Каткова» (*Гр.* 1887. 26 июля. № 60. С. 2), резко отличавшаяся по тону от других откликов консервативной печати на смерть редактора «Московских ведомостей». Воздав должное заслугам Каткова, Филиппов напомнил и о его политических ошибках последних месяцев жизни.

⁴ Большой крест Спасителя и принимая поздравления (*греч.*). Речь идет о греческом ордене, которым был награжден Филиппов (см. п. 149).

⁵ Цитата из тропаря св. равноап. кн. Владимиру: «Уподобился еси купцу, ищущему доброго бисера...» (образ восходит к Мф. 13: 45).

153

Леонтьев — Филиппову

4 августа 1887 г.,
Оптина пустынь

4 августа 1887 г. Оптиная Пустынь.

Письмо Ваше, Третий Иванович, получил и от Мещерского тоже. Мещерск(ому) ответил; Кристи письмо Ваше вместе с своими прибавлениями отправил.¹ От Мещерского Вы подробнее узнаете, как я намерен для пользы общего дела своим временем распорядиться. Без личного свидания с Вами и с ним я просто не придумаю, о чем и как писать. За последние 4 года, Катков, Авсеенко, Ф. Н. Берг, Всев(олод) Соловьев, Аксаков, Страхов, Шарапов и даже отчасти Влад(имир) Соловьев, который однако меня любит и которого я сам так люблю и уважаю, и сам Влад(имир) Петр(ович) Мещерский; наконец, в самое последнее время «Истор(ический) Вестник», «Русская Старина» и «Русская Мысль» — все так дружно согласились отбить у меня охоту мыслить и сочинять для публики, что я совсем от этого отвык и не могу вообразить себе, что я призван еще принять живое участие в текущем движении

умов. Вероятно, если Господу угодно, поездка в Петербург пробудит уснувшие струны.

Очень бы я желал прочесть Ваше поминание Каткову. Но я не знаю, где здесь и достать «Гражданин». Потрудитесь выслать этот №; князю писать об этом — все равно, что в стену горох. Вчера прочел я бешеную статью «Моск(овских) Ведом(остей)» против Вас.² По ней трудно судить о Вашей заметке; позволяю себе заметить только одно: *не рано ли?* Ну, да уж делать нечего! *Alea jacta est!*³ Приходит мне в голову опасение: понравится ли в *самых высших сферах*, что 2 таких охранительных органа с 1-х дней вовлеклись во вражду? — Вам, впрочем, лучше это знать.

Еще сомнение. Из письма Вашего видно, что князь Мещерский не только *de jure*, но и *de facto*⁴ — редактор. Мне-то лично еще это ничего, но хорошо ли это для дела? Он так не популярен и так уж топорно и не глубоко берется за дело, что невольно думаешь: что-то будет! Дай Бог мне в моем неверии ошибиться. Хочу написать близкому человеку в Москву — узнать, *кто ж это у них с цепи сорвался на днях?* И против Германии, и против болгар,⁵ и против Вас. Так и сечет, и рубит, и в полон берет.⁶ Не могу угадать — который из *его* приказчиков хочет энергией сразу превзойти *его самого*. Немного и пересолили по-моему сразу... Очень интересно узнать.

Брату Эрасту передал Ваш привет; я вчера его призвал к себе и прочел эту «филиппику» «Моск(овских) Ведом(остей)».⁷ Мне было очень приятно видеть, как у него из-под действительно смиренного до педантизма инока вдруг выглянул *гражданин* и Ваш почитатель. Он находит, что не стоит больше возражать и надо оставить это на некоторое время *так*. А Катковым-то я и сам зимою желал бы заняться разносторонне, беспристрастно и покойно.⁸

Боже мой! Когда же это будет у Франции с Германией война и когда же наши войска вступят в Болгарию — не дождусь! И неужели же Турция сама не сделает какой-нибудь *последней* ошибки, чтобы оскорбить нас, ни мы хоть *один раз нарочно не доведем ее* до этой ошибки. Другое дело

78-й год (конституция в голове и кепи на голове), а *теперь* — в «шапке-мурмолке» — надо *кончить!*⁹ Если через год этого не будет, и мы дадим подрасть двум самым сильным державам Запада, не воспользовавшись этим для окончания *без всяких рассуждений с ними* Восточного вопроса — то я утрачу веру в будущность России (т. е. в такую будущность, которая *нам* может нравиться). Я понимаю, что мудрая, но честная политика *вообще* хороша и даже выгоднее цинизма английских захватов. Но завладение Босфором такое дело, для которого *один раз* стоит сделать какое угодно международное, самое бесстыдное преступление, вроде бомбардировки Копенгагена англичанами, вроде захвата Герц(ога) Энгленского в чужой земле¹⁰ и т. п.

Увы! Отчего я не могу говорить с *Государем*, как говорят другие. Они ему *не то* говорят, что *могу* сказать я. *Вот в этом я уверен.* А Ваш Мещерский разбирает еще 3000 или 8000. *Эх-ма!*

Обнимаю Вас: До свидания, Бог даст, в 1-х числах сентября. Если он *не опоздает выслать деньги.*

К. Леонтьев.

А если он опоздает — все запутается у меня; *предупреждаю*, чтобы Вы меня не винули.

¹ Филиппов отвечал на письмо Кристи от 15 июля 1887 г. (см. примеч. 1 к п. 152).

² Речь идет о подпередовой статье (МВед. 1887. 1 авг. № 209. С. 4), резком ответе на некролог Каткова, помещенный Филипповым в «Гражданине» (о нем см. примеч. 3 к п. 152; о статье «Московских ведомостей» см. примеч. 3 к п. 155). На эту «весьма злобную реплику» сразу отреагировал кн. Мещерский. Свое письмо в редакцию «Московских ведомостей» (там не напечатанное) он включил в рубрику «Дневник». См.: Гр. 1887. 6 авг. № 63. С. 13—14.

³ Жребий брошен! (лат.).

⁴ Юридически и фактически (лат.).

⁵ Австро-германскому союзу и его влиянию на болгарские дела посвящена передовая в том же номере, где помещен и ответ Филиппову (МВед. 1887. 1 авг. № 209. С. 4).

⁶ Выражение восходит к духовному стиху о Егории Храбром: «И сечет, и рубит, и огнем палит, / Царя Федора в полон берет».

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 11—13.

Цитируется: 8, 999.

Ответ на п. 152.

⁷ Сохранилась написанная карандашом записка Леонтьева, приглашающая Э. К. Вытропского на этот разговор:

«Прошу прийти для совещания по поводу *весьма оскорбительной* статьи о Т. И. Филиппове в „Моск(овских) Ведомост(ях)“».

К. Леонтьев» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 6).

⁸ Леонтьев посвятил Каткову несколько статей из цикла «Записки отшельника».

⁹ Ср. в заключительной главе незавершенной книги «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения»: «...мы не присоединили Царьграда в 1878 году; мы даже не вошли в него. — И это прекрасно (...). Ибо тогда мы вступили бы в Царград этот (во французском кепи) с общеевропейской эгалитарностью в сердце и уме; — а теперь мы вступим в него (именно в той шапке-мурмолке, над которой так глупо смеялись наши западники); в сердце же и уме с кровавой памятью об ужасном дне 1-го марта ...» (8, 231).

¹⁰ Леонтьев приводит известные случаи «превентивных мер»: бомбардировка датской столицы английским флотом 2—5 сентября 1807 г. в начале англо-датской войны 1807—1814 гг. (англичане опасались, что Дания может выступить союзницей Наполеона) и похищение и казнь в марте 1804 г. жившего в эмиграции, в герцогстве Баденском, представителя младшей ветви Бурбонов Луи-Антуана-Анри, герцога Энгиенского, последнего принца Конде, который был ложно обвинен в подготовке покушения на Наполеона.

154

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич!

10 августа 1887 г.,
Петербург

Прочтите мой некролог¹ и скажите мне Ваше мнение. Если я упомянул о скитаниях мысли и о преувеличениях,² то без этих указаний мое «поминанье» обратилось бы в то мычанье и бляенье, коим проводила Каткова в могилу большая часть его почитателей. Мое поминанье было первым членораздельным человеческим и высоко похвальным словом.

Об искуплении эпизодов предсмертными муками³ я упомянул потому, что один из всех писавших о Каткове не мог забыть тех резких оскорблений Власти, которые позволил себе покойный на глазах у всего мира и которые великодушно были ему прощены оскорбленной Вла-

стью, единою имевшею на это право. Мы же не должны забывать, что существует нечто более важное и дорогое, чем даровитый журналист.

Анархические выходки Каткова⁴ покрыты его заслугами, но умолчать о них было бы предательством по отношению к Государю. Пишу к Вам больной, только что воротившись из Ржева: очень устал и бросаю перо! Прочтите мои слова брату Ерасту, а если старцам не будет скучно, то и им.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Ответ на п. 153. СПб. 10 авг<уста> 1887.

¹ См. примеч. 3 к п. 152.

² Ср.: «В своих обличениях <...> он нередко терял меру, обобщая частности и придавая иным явлениям такое значение, какого они не имели» (Филиппов Т. И. Памяти М. Н. Каткова // Гр. 1887. 26 июля. № 60. С. 2).

³ Под «эпосодами» Филиппов подразумевает критику внешней политики Александра III в мартовских передовых статьях Каткова (см. примеч. 3 к п. 139). Ср.: «...при- скорбные эпизоды, подобные тем, коими омрачены были последние дни его жизни. Почти неизбежные при спешной, напряженной работе и при непрерывном страстном состязании, они были искуплены им ценою предсмертных душевных мук» (Филиппов Т. И. Памяти М. Н. Каткова. С. 2).

⁴ См. в п. 139.

155

Леонтьев — Филиппову

24 августа 1887 г. Оптина Пустынь

Статью Вашу о Каткове, Третий Иванович, прочел не раз; сам для себя два раза, Эраста Кузьмича чтение прослушал, отцу Анатолию (ски- тональнику) прочел, от<цу> Амвросию поручил прочесть одной из его ближайших учениц¹ (чтобы меня самого принять для долгой беседы, это целая процедура, но эти дамы по целым часам сидят в *хибарке*,² которая

24 августа 1887 г.,
Оптина пустынь

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 16—17.
Впервые: *Нестор*.
С. 181—182.

выходит в лес, и ждут терпеливо, пока старец удосужится). Не знаю еще, прочла ли она ему; приезд это лето огромный, и от(ец) Амвросий особенно постом решительно изнемогал. Мое мнение вот какое: разумеется «Моск(овские) Вedom(ости)» ни к селу ни к городу так раздражились и приплели тут и Филофея; ³ статья *очень* похвальная (и Эраст Кузьмич прав, говоря: «что же они хотят, чтобы на Каткова как на святого смотрели!»), все *нужное* сказано. Но так как Вы, конечно, желаете, чтобы (я) высказался вполне, то прибавлю, что от намека на оскорбление высшей власти ⁴ я бы на первый случай воздержался бы. *Выгоднее* было бы для дела позднее это сказать при случае, и при том *заручившись возможностью* хоть сколько-нибудь яснее выразиться, чтобы не подавать им повода придирааться к тому, что это *темная инсинуация* и т. п. ⁵ Вот и все. От(ец) Анатолий восхитился Вашим слогом, и так как он ужасно увлекающийся и горячий (в вопросах мирских) и прямой человек, то сейчас же и воскликнул: «Во-как. Я думал, Филиппов человек очень ученый и государственный, но я не знал, что он такой хороший писатель!» Прибавил только то же, что и я Вам, еще не читавши статьи, писал: «немного *рано!*»

Теперь о деле Филофея. Присылайте *материал*; постараюсь хоть чем-нибудь да пригодиться Вам. Не требуйте только *решения*, пока с материалом не ознакомлюсь: здесь *вопросы духовные* со всех сторон. Полагаю, что надо разрешить мне, как человеку постороннему и дела лично вовсе не знающему (я и с Вами ведь ни разу не успел об нем говорить) — разрешить указать, *откуда и какие материалы?* Как Вы об этом скажете? Для меня такого рода апология с *материалами*, да еще касающаяся религиозных тонкостей (*присяга, архиерей* и т. д.) вовсе дело новое. Эраст Кузьмич объяснил мне кой-что в Вашу пользу — основная и очень ясная его мысль та, что так как Вы-то сами дело это и подняли *против Булах*, то Вам-то и нельзя было уклониться от роли свидетеля ⁶ (как бы хотелось Вашим возражателям, видимо подозревающим у Вас какую-то личную вражду к пр(еосвященному) Филофею). Я думаю, что этой основной мысли достаточно для самой удачной апологии. Итак, и

об этом все. Если только сумею справиться, то я буду очень рад, что удовольствие Вас защитить послужит поводом или *возбуждением* к литературному труду. Я рад *внешним толчкам*. Вот *нужно* будет скоро начать также описание *замечательной* новой женской общины в *Шамардине* (в 15 верстах отсюда).⁷ Настоятельница удивительная женщина⁸ и они с от(цом) Амвросием вдвоем и оба больные создали эту общину из ничего в *три года*. Почему я рад этим *внешним толчкам* и почему *внутренних движений* мало, я думаю, не надо уже объяснять. Вам известен мой печальный «детерминизм». Хотя я и забыл почти французский язык и делаю на нем отвратительные ошибки, но есть у них тоже превосходные и незаменимые оттенки. Напр(имер) — *une resignation melancolique*.⁹ Вот мое давнее (с 80 года) состояние, которое, конечно, еще более подновилось, когда я увидел, что «гора» *нового* «Гражданина», по крайней мере по отношению ко мне, родила если не «мышь» (12 к(оп.) с(еребром) за строку — хорошая цена), то во всяком случае не то *восьмитысячное чудовище*,¹⁰ на котором я на минуту возмечтал триумфально доехать до близкой могилы. Нет, видно выгоднее быть Воскобойниковым или Петровским у Каткова, чем Леонтьевым у кого бы то ни было!

Писать *желаю* «*по разуму*», потому что есть еще счета, которые хотел бы заживо окончить;¹¹ и здесь, хоть и дешево, однако (опять, чтобы *писать же*), надо тут за оградой получше, по-помещичьи устроиться, т. е. деньги всякие годятся (годятся, а не то что *необходимы*), но между прочими охлаждающими обстоятельствами, довольно сильно действует и то, что Вы видимо как-то отстраняетесь от посредничества и оставляете меня с глазу на глаз с князем; положим, что я *верю* в его сочувствие себе и в его добрые чувства вообще гораздо больше, чем мог бы ожидать хоть бы от Каткова, но опасаясь то расстройства дел у него самого, то неаккуратности и т. п.

Меня ужасно удивила и обрадовала неожиданная высылка им 145 р. с(еребром) и обещание выслать в сентябре столько же. Дай Бог, чтобы пессимизм мой и впредь был также ошибочен.

Обнимаю Вас крепко! Мар(ье) Ив(ановне) прошу передать мое искреннее уважение и успокоить ее, что не предвидится более опасности встретить меня опять в «армяке» в Вашем кабинете.¹²

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 13—15.
Впервые
(в сокращении):
Нестор.
С. 182—184.

Ответ на п. 154.

¹ Е. В. Самбикиной.

² Так, по традиции, назывался домик, пристроенный к ограде Оптинского скита, где женщины могли ожидать выхода старца. Вход в сам скит был им воспрещен.

³ «Московские ведомости» отомстили Филиппову за его некролог («не статья, а поступок, которому мы не находим имени») напоминанием — в весьма оскорбительной форме — о деле Н. А. Булах, в котором он выступал свидетелем (*МВед.* 1887. 1 авг. № 209. С. 4). Дело гувернантки Н. А. Булах, доведшей до слабоумия свою ученицу А. В. Мазурину и присвоившей ее капиталы, слушалось в Московском окружном суде 18—24 мая 1884 г. Подсудимая была приговорена к поселению «в места не столь отдаленные». Судебную хронику см.: *МВед.* 1884. 19 мая. № 137. С. 4—5; 20 мая. № 138. С. 3—4; 21 мая. № 139. С. 3; 22 мая. № 140. С. 5; 23 мая. № 141. С. 4; 24 мая. № 142. С. 5. Мазурина (пострадавшая) была жительницей Ржева, родины Филиппова, поэтому обстоятельства дела были ему хорошо известны. 21 мая 1884 г. Филиппов и его жена давали показания в суде против Булах, причем Филиппов не умолчал о том, как в деле был замешан архиепископ Филофей (Успенский). Булах, заполучив капиталы Мазуриной, сделала благотворительницей: основывала приюты, жертвовала на храмы и монастыри. Свою подопечную она увезла в Сибирь, якобы для миссионерского служения. Филиппов на суде свидетельствовал, «что бывший архиепископ тверской Филофей (впоследствии митрополит Киевский), который не решался благословить Мазурину на миссионерство на Алтай, но потом, когда Булах приезжала к нему с просьбой о том и передала ему, между прочим, 30 000 руб. на благотворительные цели, разрешил Мазуриной отправиться на миссионерское дело. Будучи уже Киевским митрополитом, высокопреосвященный Филофей, умерший в 1882 году одновременно с возбуждением следствия по делу Булах, заболел психически: его мучила мысль о „тысячах“ денег, у него находившихся. По смерти владыки, действительно, у кивота, в ящике, вместе со схимой были найдены с лишком 30 000 руб.» (Там же. 23 мая. № 141. С. 4).

⁴ Намек на оскорбление Катковым Государя содержался в статье Филиппова «Памяти М. Н. Каткова».

⁵ Ср.: «Не с прямым, ясным, хотя бы и суровым обвинением имеем мы тут дело, а с темною, злобною, фанариотскою инсинуацией» (Там же. 1887. 1 авг. № 209. С. 4).

⁶ См. примеч. 3.

⁷ Статья так и не была написана. Отметим также, что Филиппов позднее стал одним из благодетелей Шамординского монастыря — способствовал отводу для него казенного леса. См.: Старина и новизна: Ист. сб. СПб., 1903. Кн. 6. С. 27.

⁸ См. п. 108 и примеч. 9 к нему.

⁹ Меланхолическая покорность, унылое смирение (*франц.*).

¹⁰ Такой годовой доход сначала ожидался Леонтьевым от сотрудничества в ежедневном «Гражданине».

¹¹ Леонтьев хотел успеть расплатиться с долгами, сделанными еще в годы службы в Турции.

¹² См. примеч. 10 к п. 151.

156

Филиппов — Леонтьеву

3 сентября

1887 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Сейчас еду в Варшаву и иные западные губернии.¹ Возвращусь в конце месяца. Тогда буду Вам отвечать;² но куда? Я желал бы, чтобы письмо мое то застало Вас еще в Оптине: ибо оно будет иметь духовное значение).

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 46.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Ответ на п. 155.

СПб. 3 сентября 1887.

¹ Филиппов посетил так называемый «Хоамский праздник» (см. примеч. 3 к п. 158). 4 сентября 1887 г. Леонтьеву писал кн. Н. Н. Голицын: «Т(ертый) Ив(анович) уехал в Хоам, на праздник тамошний (8 сент(ября)), но к 15 числу будет назад» (8, 974).

² См. п. 158.

157

Филиппов — Леонтьеву

17 сентября

1887 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Посылаю Вам мою карточку, которую прошу принять с любовью. Старцам Вашим шлю земное поклонение, а о. Ерасту святое во Христе

лобзание. Богатство излитых на дом мой милостей и радует меня, и удивляет и даже пугает. Чувство благодарности не отступает от меня ни на минуту; о сохранении его на будущее время да помолятся отцы вашей обители.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 46.

Ваш искренний Т. Филиппов.

158

Филиппов — Леонтьеву

3 октября 1887 г.,
Петербург

СПб. 3 окт⟨ября⟩ 1887.

Дорогой Константин Николаевич!

Ослабленные колена исправите!¹ Пишите поскорее что-нибудь для «Гражданина», достойное Вашего имени и тех начал, которым мы служим, несмотря на бурю противных ветров. Не запинаясь о недостатки издателя, который достиг таки нами искомой цели и потому имел право на нашу дружную поддержку. Первые шаги слишком важны, чтобы оставить его без Вашей помощи.

Моему прямому участию воздвигают неожиданные преграды, которые впрочем разорятся «недолго», как писывал Писемский.² Я только что воротился из занимательной и поучительной поездки в Ц⟨арство⟩ Польское и С⟨еверо-⟩З⟨ападный⟩ край. Был на празднике 8 сентября в Холме.³ Возвратился с грузом самых отрадных воспоминаний, из коих иные очень льстят моему самолюбию. Так например, на обеде, который дан был в мою честь профессорами Варшавского Университета, ко мне обращено было два приветствия: одно от Ректора Лаврова, другое от Будиловича. Оба меня тронули, но последнее было мне особенно дорого тем, что содержало в себе признание моих воззрений на греко-болгарскую распрю. События учат разуму и односторонних, но умных,

конечно, славянолюбцев; Ореста Миллера, как горбатого, одна могила исправит.⁴

Спросите у старцев, не усматривают ли они в моем путешествии, помешавшем мне изложить Вам мое судебное показание о Митроп(олите) Филофее, препятствия промыслительного. Когда я свидетельствовал пред судом о его участии в деле Мазуриной, я исполнял свой прямой и ясный как день долг. Оглашение этого участия было сопряжено с сильными душевными страданиями; но когда пришлось избирать между Преосв(ященным) Филофеем и Богом, тогда колебание было бы преступлением. Когда, по возвращении из суда после полуночи, я рассказывал в своем семействе подробности моего показания в присутствии моего одиннадцатилетнего сына, он вскрикнул: «Боже мой! как это серьезно». Тогда я привлек его к себе и сказал: «Сегодняшним примером, который оставляю тебе в наследство, убеждаю тебя: всякий раз, когда твоя совесть очутится в противоречии с сердцем, предпочти внушения совести движениям сердца. Пусть разобьется сердце, лишь бы осталась целою совесть».

Теперь безымянная сволочь,⁵ с благословения, впрочем, Вашего тезки,⁶ вновь протащила пред очами всей России грех иерарха испытавшего падение в данном случае, но всю жизнь прошедшего в молитвенном и постническом подвиге и без всякого сомнения помилованного и прощенного Судиею, не на лица зрящим и коснувшимся его в здешней жизни ради очищения и может быть примера.

Следует ли нам еще третицею⁷ вызывать из гроба страдальческий лик почившего иерарха, когда к тому нет повелительного побуждения, более уже для меня, а не ради восстановления его имени и чести! Иное дело, если бы могли его совершенно обелить; тогда нечего было бы и раздумывать. Не говорю об этих проклятых 30 т(ысячах), которые у него провалялись даром⁸ и прием коих я вовсе не осуждаю (взяв их как дар искреннего усердия, без прозрения истинной цели приношения, он еще не делал ничего дурного), но несомненно то, что на его глазах была заточена и доведена

до слабоумия благодетельница его епархии,⁹ из сумм которой он получил и тот запнувший его впоследствии дар, и он не позаботился вспомнить о ней, как будто пропала какая-нибудь иголка, а не живое существо, вверенное его особому попечению. И когда посторонние люди, движимые состраданием, презирая трудности и опасности освободили страдальцу из заточения и наложили руку на преступницу, он не устремился на помощь жертве, но отстаивал хищную злодейку. Итак, снять с памяти почившего Владыки всего пятна нельзя. Что же при этом означало бы мое заявление, что я, несмотря ни на что, сохраняю уважение и любовь к памяти Преосв(ященного) Филофея! Мне бы могли сказать: «уважай и люби, если тебе это приятно; но не мешай нам делать свои заключения».

Стало быть, весь смысл Вашей статьи сводился бы к защите меня, как Вы и поняли. На это я согласиться никак не могу. Мое поведение в деле Мазуриной защитой¹⁰ можно только унизить, а подробное раскрытие моих *(слово пропущено)* привело бы меня в смущение. Расторгая узы заточницы, я не искал и не имел в виду ничьих рукоплесканий. Если Вы найдете несогласие между настоящим моим письмом и тем, которое я послал Вам до моей поездки,¹¹ то помирите мое разноречие изречением: «последние помыслы паче первых».¹²

Остается еще один вопрос: оберегая себя от похвал и сопряженных с ними ощущений, не лишаю ли я себя случая исполнить желание моего духовного отца, который находил полезным мое всенародное заявление о моем уважении к памяти Преосв(ященного) Филофея. О сем да благоволят рассудить живущие в благословенной Оптиной Пустыни и внимающие себе старцы: Вы же их мнение сообщите мне, дабы я мог поделиться им с моим духовным отцем. Целую и обнимаю Вас. Хорошо, если бы это письмо Вы на всякий случай сберегли. Брат Ераст не спишет ли его для меня?

¹ Евр. 12: 12. Восходит к: Ис. 35: 3 («Укрепитесь, руде ослабленные и колена расслабленная»). В копии РГАЛИ: Ослабленное кольми.

Автограф неизвестен.

Копии

Э. К. Вытropsкого:
РГАЛИ. Ф. 290.

Оп. 1. Ед. хр. 53.

Л. 3—7 об.;

ГАРФ. Ф. 1099.

Оп. 1. Ед. хр. 2084.

Л. 7—8 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 47—48 об.

Впервые: *Нестор*.

С. 184—186.

Ответ на п. 155.

²Наречие «невдолге», действительно, было присуще языку А. Ф. Писемского (употребляется в романе «Взбаламученное море», в рассказах).

³8 сентября (21-го по нов. ст.), в день Рождества Пресвятой Богородицы, в г. Холм Люблинской губ. торжественно отмечался праздник в честь Холмской иконы Божией Матери, ставший со времени воссоединения Холмщины с Россией и возвращения из унии (1882) главным местным праздником. Описание Холмского праздника в начале XX в. см.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 136—137.

⁴О. Ф. Миллер упомянут здесь как один из наиболее убежденных и последовательных панславистов.

⁵Заметка в «Московских ведомостях» с намеками на участие преосвященного Филофея в истории махинаций Н. А. Булах не была подписана.

⁶Т. е. К. П. Победоносцева.

⁷В третий раз (ц.-сл.).

⁸См. примеч. 3 к п. 155.

⁹Тверской и Кашинской.

¹⁰В копии ГЛМ: «защищая».

¹¹Письмо от 3 сентября 1887 г.

¹²Греческая пословица, цитируемая, между прочим, в «Духовном регламенте».

159

Леонтьев — Филиппову

6 октября 1887 г.,
Оптина пустынь

6 октября 1887 г. Оптиная Пустынь.

Я все жду от Вас, Третий Иванович, того письма, которое Вы намеревались прислать мне по возвращении из Варшавы.

Я на Ваше краткое извещение об этом, по известной Вам аккуратности моей, и ответил бы тогда же, но куда же мне было отвечать, когда я не знал даже, долго ли Вы пробудете в Варшаве и прямо ли Вы оттуда поедете в Петербург или еще куда. Вы предупреждали меня, что желали бы, чтобы это письмо Ваше застало бы меня *здесь*; на этот счет будьте покойны, мне *некуда* отсюда ехать и я теперь, оглядевшись и разочтя (как Вы раз выразились) мои «депансы»,¹ не могу и вообразить себе, какие обстоятельства, кроме уж самых исключительных (и именно невообразимых!) могут заставить меня уехать куда бы то ни было отсюда. Весной,

может быть, на короткое время, если доживу (я все болею по-прежнему, и ранки опять открываются на ступнях так, что едва по комнате хожу). Но *по рассудку*, и весной-то незачем без лишних денег ездить по столицам. Были бы телесные силы и поменьше страданий физических, а ум мой и в одиночестве не засыпает. До сих пор я ничего еще не окончил для «Гражданина», не только потому, что раны на ногах не позволяли сидеть, опираясь на них, но еще и потому, что сам должен был в течение месяца обдумывать все и распоряжаться по устройству большого дома, который я нанял за Оптиной оградой. Но со вчерашнего дня я, слава Богу, взялся за перо и надеюсь к концу месяца кой-что князю Мещерскому выслать.

Только (вообразите!) вот уже 6 октября, а я ни одного номера «Гражданина» еще не получал! Написал два слова в редакцию, от князя станется, что он и забыл! Не знаю, как это он с этой неаккуратностью поведет такое серьезное дело!

Теперь я спешу кончить это письмо, но вероятно, не дожидаясь от Вас вестей, я скоро пошлю Вам другое, тоже очень нужное.

Обнимаю Вас крепко. Ваш К. Леонтьев.

6-го же.

Сейчас получил Ваше письмо; прибавить к этому немедленно нечего, разве то, что я разделяю последнее Ваше мнение, лучше не возражать о пр(еосвященном) Филофее. Не только для его памяти, но и для того, чтобы не показать вида Катковским приказчикам, будто в их мнении Вы очень нуждаетесь. Да и время прошло, теперь поднимать нечто вроде полемики с ними было бы и для *общего дела* не выгодно. Случай когда-нибудь найдется.

Вы меня горячо приглашаете писать и не судить строго Мещерского. *Могу Вас уверить*, что я сам рад писать для «Гражданина», но не считая помех от беспрестанных страданий плоти, для того, чтобы *невнимание* князя к моим самым законным интересам и желаниям не охлаждало меня,

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 15—17.

Фрагмент о деле

Филофея впервые:

Нестор. С. 186.

Цитируется: 8, 971.

Начато до получения

п. 158.

необходимо будет довольно частое Ваше посредничество. Газеты не высылают, на очень нужные вопросы не отвечает, стихи, посвященные мне одним из «наших» юношей,² теряет и т. д. Будьте же сами судьей! Попробуйте поставить себя на мое место. Можно и прощая сердцем все-таки соскучиться и половины не сделать того, что намеревался! Не *его* исправлять — это невозможное, а Вам надо не тяготиться посредничеством.

¹ См. в п. 106.

² Речь идет о стихотворении Александрова «Чародей» (см. примеч. 2 к п. 134).

160

Леонтьев — Филиппову

11 октября 1887 г.

Оптина пустынь

Приписка к копии письма к нему Филиппова от 3 октября 1887 г.

11 октября; 1887 г(ода); Оптиная Пустынь. — Сам я уже три недели как не видал Отц(а) Амвросия (на ногах опять раны); но письмо Ваше читал ему Эраст Кузмич и получил следующий ответ: «Лучше не писать об этом; умолчать — будет более по-Христиански».¹ — Так передал мне Эраст Куз(ьмич). — Я же позволю себе еще присовокупить вот что: необходимо оставить Вам об этом деле — посмертную записочку (или даже Записку); человек, подобно Вам уже замешанный в историческую борьбу нашего времени и вдобавок не как-нибудь, а как один из самых видных представителей Православия, не должен оставить свое имя без оправдания перед судом потомства. — Ну, а при жизни (без какой-нибудь неожиданной крайности) лучше вторично и не касаться этого; — на что подновлять скорбь, которую должны Вы были перенести в таком исключительном деле,² между присягой и свидетельством против иерарха, которого сами так уважали.

Автограф: ГАРФ.

Ф. 1099. Оп. 1.

Ед. хр. 2084. Л. 8 об.

Впервые: Нестор.

С. 186—187.

К. Леонтьев

«Гражданина» все еще не получаю.

¹ Филиппов прислушался к словам старца и не стал открыто вступать в полемику с «Московскими ведомостями», однако в «Гражданине» полемика продолжалась.

² Далее зачеркнуто: «в им».

161

Леонтьев — Филиппову

17 октября 1887, Оптина Пустынь.

17—18 октября
1887 г., Оптина
пустынь

Тертий Иванович, на это утро я прерываю почти оконченную статью для (невиданного мною *до сих пор*) «Гражданина», чтобы поговорить с Вами о письмах двух моих студентов; ¹ письма эти и без того залежались у меня дольше, чем бы следовало. Оба письма прилагаю, из содержания их, особенно в *подчеркнутых местах*, Вы сами поймете в чем дело. Если Вы находите, что и мне самому об них можно писать Ив(ану) Дав(ыдовичу) Десянову, только на основании прошлогоднего его приема ² и того веса, который он в разговоре своем придавал моим сношениям с моск(овской) молодежью, то не потяготитесь «для идеи» меня известить, и я напишу ему и от себя сверх тех, иного рода, влияний, которые Вам известны и доступны. По здравому смыслу после прошлогоднего разговора с г. Десяновым отчего бы мне ему и не написать? Но опыт жизни научил меня, что надо быть *близко* к людям высокопоставленным, чтобы знать наверное, когда действует здравый-то смысл, а когда он ни к чему не ведет хорошему.

Согласитесь — не дурно было бы доказать достойным юношам, что и без Мих(аила) Никиф(оровича) они могут дышать.

Александров — поэт и при этом очень основательный молодой человек, у которого честные, добрые и религиозные чувства берут постоянно верх над эстетическим призванием и литературным честолюбием. Родные у него бедные, и его прекрасное сердце не позволяет ему поэтому думать только о себе и свободном и жестокосердом, так сказать, развитии своего стихотворного таланта. Его действительно и Катков це-

нил; хотя под моим влиянием Александров по взглядам во многом ближе к нам, чем к нему. Это он написал то пламенное посвящение мне под заглавием «Чародей»,³ которое наш (я не *дерзаю* сказать «ваш»!) неглиже князь так умно и деликатно потерял (!!). (Я понимаю сознательно отвергнуть, но потерять, — какое все-таки великорусское циническое беспутство!) Досадно — право! Катков был фальшив и зол, Мещерский искренний, но беспутный человек! Авсеенко как-то по-европейски деревянный.⁴ Печально!

Другой студент Николай Алексеевич Уманов, помещичий сын, но тоже, как видите из его письма, не желающий для своей карьеры обременять и стеснять мать и сестер. Он *не лицейский*,⁵ но при жизни Каткова тоже мог бы добиться его помощи в деле стипендии, потому что близок к лицейскому начальству и уже помещал при Каткове небольшие заметки в «Моск(овских) Вед(омостях)». ⁶ Так, напр(имер), он первый обнародовал в «Моск(овских) Вед(омостях)» и «Русск(ом) Деле» (под буквой Н. кажется) историю того Огаревского управляющего, которого мужики ни за что ни про что заколотили до смерти цепами (4-х недавно расстреляли или повесили)... ⁷ Это все-таки доказывает, что он юноша быстрый и живой, это ужасное дело случилось в их стороне (в Рязанской или Тамб(овской) губернии, не помню), и он, получивши это известие очень скоро после события, *прежде всего пришел ко мне* спросить, мешаться ли ему публично в это дело, или нет, и когда получил от меня ответ — *непрерывно* (с прибавлением рассуждения о том, что другое дело — религия мужика, его бедность, его труд, или его эстетика, цветная рубашка, хоровод и т. д., и другое дело его зверство и его трудно исправимая подлость) — тогда он обратился к Каткову и стал печатать об этом преступлении, выражая печатное опасение, чтобы этих подлецов не оправдали бы. Сверх того он человек набожный лично (даже помимо того влияния, которое я имел на него), и Шарапов (который, кстати сказать, сам как слышно, в церковь никогда не поспевает и даже на Страстной ест мясо ⁸) — по поводу одной еще довольно

слабой заметки в православном духе, которую Уманов ему принес, сделал справедливое примечание от редакции, что хотя это еще и не зрело, но отрадно видеть такие чувства в студентах и т. д.⁹ Прибавлю, наконец, еще одну черту (в надежде на то, что в Ваших глазах по крайней мере и это будет рекомендацией) — он вместе с Денисовым (др(угой) студент из «наших» же) составили *подробный* отчет о моей книге «Вост(ок), Рос(сия) и Слав(янство)», который и посылал прошлой зимой в Петербург другому «консерватору» Вас(илию) Григ(орьевичу) Авсеенко, но Вас(илий) Григ(орьевич) *отверг его*¹⁰ (не правда ли, ободрительная для меня совокупность действий — Каткова, Мещерского, Авсеенки и т. д.)! Напомнил еще раз это, чтобы Вы не *строго* меня судили, когда мне не пишется, ведь утомиться позволительно наконец в мои-то годы от отвержения со всех сторон, отказов, забвения, *потерь à la* Мещерский и т. д. Не будьте же ко мне строги. *И когда хотите возбудить меня к писанию, то лучше говорите просто: что Вам, Филиппову, это приятно, а не говорите ни об «имени» моем, как Вы в последнем письме сказали: «напишите скорей что-нибудь достойное Вашего имени».*¹¹ Таланта — пожалуй: я не люблю лжесмирения, но где же имя у человека, с которым смеют так поступать люди даже более или менее близкие ему по духу? Филиппова — я люблю, я ценю его независимо от того добра (огромного), которое он мне сделал, и, наконец, признательность одна — во мне к нему, к Филиппову, достаточно велика, чтобы я, сидя теперь, хотя и больной, но так спокойно, в таком просторном, теплом, тихом и по моей фантазии убранном доме, в тесном кружке дорогих мне существ — мог бы иногда сказать себе: «пойду сяду писать для этого „Гражданина“. Тertiю Ивановичу — мол — это будет приятно».

А в пользу моих новых и будущих трудов надо заставить меня верить. Тот может считать себя полезным, кто очень влиятелен и очень известен, а влиятельным так не помыкают, и какой звук от самого прекрасного колокола, когда в него звонят так редко? Видимо не нужно, а чувствуешь не нужно, так и охоты мало, подозреваешь, что и Богу не угодно. Ну, а

когда о Вас вспомню, да еще, что в банк надо платить, тогда сажусь и пишу. Значит, соединение весьма идеального — благодарности и самого вещественного — векселей, — действовать все-таки может лучше, чем омертвевшее самолюбие.

Раньше 1-х чисел ноября не могу ничего выслать. У меня готовятся три статьи: одна *политическая* (о Германии и Франции, о брошюре кн. Н. Н. Голицына,²¹ об Каткове, Бисмарке и Данилевском);¹³ другая небольшая об одной примерной женской общине и ее начинаниях;¹⁴ третья, почти готовая, и длится *надолго* для фельетона в перемежку с другим фельетоном из «вспоминаний».¹⁵ Может быть, я их все разом *пришлю*, но обстоятельства раньше решительно не позволят мне их окончить. Теперь я, кажется, немножко *расписался*.

Грустно все-таки читать то, что мне пишут из Москвы о новом «Гражданине». Люди умные и в принципе горячо готовые сочувствовать жалуются, что в передовых статьях Мещер(ского) ни одной мысли живой нет; слабее, чем было в ежедневном.¹⁶

Нет, Тертый Иванович, как хотите, «Carthago est delenda».¹⁷ «Мещерский должен быть замещен» или Ив(аном) Ив(ановичем) Кристи или Ник(олаем) Ник(олаевичем) Голицыным. Уж мне-то верьте пожалуйста. Хорош бы и Грингмут (это он писал возражение Тургеневу),¹⁸ но он всеми личными интересами связан с «Моск(овскими) Вед(омостями)» и лицеем. Теперь он ведет отдел *иностранной* политики — и ведет чисто по-Катковски — но не дурно. Оно отчасти и хорошо для общего дела иметь и при «Моск(овских) Вед(омостях)» такого человека, который одной ногой (и по-видимому более искренно) в нашем лагере, а другой — в экс-Катковском, так сказать. Если его сходные с нами убеждения останутся искренними, то, имея в редакции вес, он рано или поздно может это и выразить.

Петровский человек *очень* твердый, очень осторожный, в Каткова безусловно верующий, нас с Вами терпеть не может, Вас только идеально за «фанариотов», а меня сверх того и лично (и даже не без основания, а за

одну мою дерзкую и презрительную с ним выходку), он может, я думаю, удержать надолго газету в своих руках и быть полезен, влачась по проторенной и всем знакомой тропинке, но Грингмут гораздо способнее и образованнее его, поэтому, если они будут работать вместе, можно надеяться, что Влад(имир) Анд(реевич) Грингмут, если не изменится сам, то найдет возможность «провести» и в «Моск(овских) Вед(омостях)» что-нибудь и наше.

Во всяком случае Мещерский *est pellendus*¹⁹ (так что ли: *pello, repuli, pulsum, pellere?*²⁰). Я люблю вспоминать гимназическую латынь, хотя всегда знал ее плохо. Я ему, вообразите, уж сегодня телеграмму послал, что трудно писать для газеты, которую не получаешь, легко впасть в противоречие с редактором. Вы говорите, «не претываться на недостатках редактора». Поневоле преткнешься, когда они на каждом шагу. Ну уж умеют у нас выбирать людей!

Обнимаю Вас крепко.

Ваш К. Леонтьев.

18 окт(ября). Вообразите, есть в Петербурге некто Ольга Мих(айловна) Кошевская (двоюродная сестра поэту Майкову); она по дружбе исполняет охотно в Петербурге мои комиссии. Сейчас получил от нее письмо.²¹ Мещерский около года тому назад и потом *еще не раз* обещал 10 оттисков статьи «Моя мать об Имп(ератрице) Марии Федоровне». Она была у него два раза, *оттисков нет*, и он уверяет, будто бы, посылая за статью деньги, писал мне об этом. *И не думал*. Это ему показалось; она хотела купить для меня хоть две книжки журнала, где была статья напечатана, и тех не имеется. Что ж мне делать теперь? Я собираюсь издавать том моих воспоминаний²² и теперь у меня нет ни рукописи, ни печатного экземпляра этой статьи. Если у Вас, Т(ертий) И(ванович), есть эти две книжки журнала, будьте так добры, подарите мне их и пришлите под бандеролью. Уж пожалуйста, не потягивайтесь между важными делами и этим маленьким, чтобы доставить мне *истинное удовольствие*.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 17—22.

Цитируется: 6, 524,

573; 8, 971—972,

976, 1058—1059.

Может быть, я и наскучил Вам этими доносами на Мещерского, но ведь и я человек с сильными немощами, хотя и совершенно противоположными; я совсем не способен делать *именно такие* ошибки, и потому трудно прощаю их. Нынешние греки говорят: Агапа тон филон су ме та элатомента ту!²³ Как запомнил, так и написал: ведь мой эллинизм от моей латыни недалеко ушел.

¹ Речь идет об А. А. Александрове и Н. А. Уманове. Их письма не сохранились, потому что не были возвращены Филипповым. Александров о своих планах впервые писал Леонтьеву 21 июля 1887 г., а осенью, видимо, сообщил только новые подробности; предыдущее письмо Уманова (сохранившееся) датировано 1 сентября 1887 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 1—4).

² См. п. 123.

³ См. примеч. 2 к п. 134.

⁴ Аналогичный эпитет был применен Леонтьевым для характеристики Победоносцева (п. 80).

⁵ Н. А. Уманов окончил гимназию в Пензе и поступил на юридический факультет Московского университета, где учился с О. И. Фуделем. С лицеистами и с Леонтьевым он сблизился на «пятницах» Астафьева.

⁶ Уманов помещал здесь корреспонденции из Пензенской губернии.

⁷ Убийство произошло в принадлежавшем Н. А. Тучковой-Огаревой с. Долгоруково (Яхонтово), находившемся в том же Иснарском уезде Пензенской губ., где и с. Владыкино, родина Уманова, поэтому обстоятельства дела были ему хорошо известны. Кроме того, один из его близких родственников, дядя со стороны матери, служил в уездном суде. См.: У—в Н. (Уманов Н. А.). 1) К делу об убийстве Станиславского (Письмо к редактору «Русского Дела») // РД. 1887. 2 мая. № 5. С. 4—5; 2) Еще по Долгоруковскому делу (Письмо к редактору «Русского Дела») // Там же. 9 мая. № 6/7. С. 2—3. Вскоре после письма Леонтьева к Филиппову в «Русском деле» была помещена еще одна корреспонденция Уманова на эту тему: У—в Н. (Уманов Н. А.) Последнее слово о Долгоруковском деле // Там же. 17—24 окт. № 12 и 13. С. 4—5; 31 окт. № 14. С. 5—6.

⁸ Эта подробность могла быть известна Леонтьеву от Уманова.

⁹ Имеется в виду предисловие Шарапова к статье: У—в Н. (Уманов Н. А.) О сближении с народом // Там же. 13 июня. № 11. С. 3 (предисловие — на с. 1). Шарапов писал: «Ниже читатель найдет статью, или, вернее, заметку, доставленную нам одним молодым студентом здешнего университета. С прямолинейностью и горячностью, свойственную молодости, ставит наш автор один из капитальнейших русских вопросов: нужно ли русской интеллигенции сближаться с народом, и какая будет польза от этого

сближения? Ответ на этот вопрос получается такой, что от этого сближения произойдет для народа только вред, что наша интеллигенция, давая народу просвещение, противоречащее его духовным и национальным основам, этим самым только вносит разлад в духовную жизнь народа и его быт, выдергивает, так сказать, из-под ног у народа его историческую почву и взамен ее дает то, что имеет сама, т. е. внешнее просвещение и *отрицание* во всех его формах. Нимало не обинуясь и не отступая от своей юной прямолинейности, автор утверждает, что в борьбе двух сил — народа и интеллигенции, или двух культур: одной своей, почвенной, но неразвитой, находящейся еще, так сказать, в пеленках, и другой — чуждой, заносной, но пышно расцветшей и захватившей вполне всю внешнюю гражданственность и государственную жизнь России — победа останется за интеллигенцией, а не за народом. Другими словами, не интеллигенция воспримет народные основы и станет с народом заодно, но народ будет переодет из зипунов в сюртуки, а из сарафанов в городские платья с турнюрами, т. е. станет Европейцем.

Охотно посвящаем нынешнюю статью беседе с молодым автором, пессимистический тон коего так быстро тает в конце заметки и сводится на несколько дельных советов, показывающих, что автор ясно видит, где центр тяжести вопроса и если раньше готов впасть в отчаяние, то только в силу своего молодого нетерпения» (Там же. С. 1).

¹⁰ Статья была вскоре после этого напечатана в «Русском деле». См.: *Волянский П. (Денисов Я. А., Уманов Н. А.)* Еще русский мыслитель: (Восток, Россия и Славянство. Сборник статей К. Н. Леонтьева) // РД. 1887. 5 дек. № 19. С. 12—13; 12 дек. № 20. С. 6—8; 19—26 дек. № 21/22. С. 14—15).

¹¹ См. п. 158.

¹² Речь идет о выдержавшей в августе 1887 г. два издания брошюре: *Golitzyne N, prince. Lettre au «Figaro» en réponse à un article ayant titre: «Les Théories de Katkoff»* = Письмо редактору газеты «Фигаро» Князя Н. Н. Голицына. СПб., 1887. Кн. Голицын откликнулся в ней на статью «Теории Каткова» (*St.-Cère J. Les Théories de Katkoff // Figaro. 1887. 6 août. P. 2*). Редактор, к которому обращается кн. Голицын в своем письме, — М. Монда.

¹³ В итоге задуманная большая статья разделилась на части цикла «Записки отшельника». Перечисленные здесь темы составили предмет статей «Невольное пробуждение старых мыслей и чувств», «Сочувствие и содействие», «*Suum cuique*», «Мой исторический фатализм», «Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова», опубликованных в «Гражданине» в ноябре — начале декабря 1887 г. Статья о Данилевском не была закончена, местонахождение рукописи неизвестно (см. примеч. 5 к п. 170).

¹⁴ Замысел статьи о Шамординском монастыре не был реализован.

¹⁵ Речь идет о статьях «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (см. примеч. к п. 168 а) и «Тургенев в Москве».

¹⁶ Имеется в виду письмо Кристи от 8 октября 1887 г.: «Меня очень огорчило, что Вы не едете в Питер, а также, что не переезжаете в Москву — Троицу. Кроме личного

недостатка в вашем столь дорогом и полезном обществе, я пожалел о большем Вашем отдалении от Гражданина. Без Вас действительно они ничего не сделают. (...) первый номер меня приводит в отчаяние, ни одной светлой мысли, просто хуже, чем в еженедельном. Передовые статьи куда как слабы. Мещерский не дает себе труда доказывать и убеждать, а рассуждает как пророк.

Где же статьи кн. Голицына и Ф. Н. Берга, которые несомненно очень умные люди. Пишите Вы, Константин Николаевич, оживите несколько эту газету, да и вообще нашу мысль; без Вас газета теряет половину и больше цены» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 8—8 об.).

¹⁷ Карфаген должен быть разрушен (*лат.*). Крылатые слова Катона Старшего.

¹⁸ См. примеч. 1 к п. 129.

¹⁹ Должен быть «подтолкнут» (*лат.*). Перефразированное «Carthago est delendus» (Карфаген должен быть разрушен).

²⁰ Словарные формы латинского глагола «толкать, бить» Леонтьев приводит правильно.

²¹ Письма О. М. Кошевской к Леонтьеву, вероятно, не сохранились.

²² Леонтьев неоднократно возвращался к мысли о таком издании как третьем томе сборника «Восток, Россия и Славянство» или самостоятельном, не связанном с уже вышедшим двухтомником.

²³ Возлюби друга своего со (всеми) его недостатками! (искаж. *греч.*). См. примеч. 20 к п. 73.

162

Филиппов — Леонтьеву

9 ноября 1887 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Статья Ваша¹ очаровала не одного меня — я сам себе не верю, когда произношу суждение о Ваших произведениях, — но и всех знакомых мне ее читателей, начиная с редактора. Не грех предполагать, что Произведение приуготовляет нам возможность стать на защиту вселенского Православия. Не у явися, что будем.²

Писать некогда. О студентах позабочусь.³ Целую и обнимаю Вас. Сегодня у меня домашний праздник, рождение сына. Иду к гостям.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 9 ноября 1887.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 50.
Цитируется: 8, 972.

Ответ на п. 161 и
отклик на первую
статью Леонтьева
в еженедельном
«Гражданине».

¹ Речь идет о статье «Невольное пробуждение старых мыслей и чувств» (Гр. 1887. 2 нояб. № 33. С. 3).

² 1 Ин. 3: 2. В русском переводе: «Еще не открылось, что будем».

³ Получив это известие, Леонтьев писал Уманову: «...люди *сильные и надежные* *взялись позаботиться о Вашей стипендии*. — Поэтому не унывайте и не волнуйтесь больше. — *Удача этого предприятия и будет достаточным указанием для Вас на чем остановиться*. — Если успех увенчает мое начинание, а Вы тогда вдруг опять „взволнуетесь“ и откажетесь, то и я в таком случае соглашусь, что Вам ничего не может предостоять, кроме прозябания при редакциях, прозябания и неверного, и безымённого, и тяжелого. — Успеете набеспокоиться вдоволь и в случае неудачи; — (хотя я почти убежден, что ее не будет)» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 3).

163

Леонтьев — Филиппову

12 ноября 1887 г.,

Оптина пустынь

12 ноября 1887 г. Оптиная Пустынь.

Очень рад, Тертый Иванович, что 1-я моя статья так понравилась и Вам и кн. Мещерскому и моим друзьям. Я же, считая ее только кратким предисловием к целому ряду других (лучших), тоже посланных мною уже давно, не придавал ей особенного значения. Надеюсь, что следующие понравятся Вам еще больше. С тех пор, как я кончил отделку и уборку дома (из которого действительно вид на широкие поля¹) и получил разом «Гражданина» за 2 первые недели, я очень что-то охотно взялся писать (так охотно, что от долговременного моего равнодушия и не ожидал) и написал бы много *разного* и, надеюсь, занимательного, если бы опять-таки тот же кн. Мещерский сразу опять не окатил бы меня ушатом холодной воды. Ну как же можно класть промежутки *по целой неделе* (а может быть и больше) между одной статьей и другой, когда они, все *пять* (уже посланных) и 6-я еще не оконченная, тесно связаны между собою!? Если это денежный расчет, то лучше бы все шесть статей напечатать одну за другой через 2, много 3 дня расстояния и потом прямо написать автору, что больше 5-6 он его статей в месяц помещать не может; тут ничего обидного нет, и автор был бы покоен и соображал бы с этим

свой труд. Но с характером князя решительно не сообразишься. Судя по духу его приглашений и еще более Ваших, судя по тому, что Вы Кристи писали (как мне Кристи это позднее сообщил),² что «главный» сотрудник буду я, я думал, что *только* пиши я, а статьи будут *беспрестанно* и *немедленно* помещаться, и вдруг после 1-ой статьи (2 ноября) получается 6 №№ (до 8-го) и второй статьи нет. Заметьте, что он сам, когда отказался и от оклада мне в 3000 и от 500 р. на подъем в Москву, писал, чтобы уж я за то был бы покоен, что статьи будут все *немедленно печататься* и деньги тотчас высылаться. Хороша немедленность! Нужна же мне нравственная поддержка и вещественное вознаграждение в этом деле. Вы знаете, я говорил не раз, что из-за одних так называемых «убеждений» я писать уже потому имею мало охоты, что не уверен, *нужны ли* кому-нибудь особенно мои эти «убеждения»? Я убежден твердо в том, что *мне нужно* физическое спокойствие для моего изможденного недугами тела, что мне *нужны* простор в доме, правильность и тишина, я убежден, что я *должен* содержать сколько есть сил посты, молиться утром и вечером, платить за всенощные и за чтение часов в доме, когда раны на ногах не позволяют ездить в церковь, должен советоваться во всех сомнительных случаях с отц(ом) Амвросием, должен поминать о всех грехах моих (считая в том числе и лично неприязненное чувство к покойному Каткову за то, что он недостаточно поддерживал меня). Это все верно! А чтобы верить в пользу и в действие моих политических писаний, нужна та «иллюзия» успеха, о которой я и прежде Вам не раз говаривал, ну а какую же иллюзию подобного рода сохранишь с нашими *консервативными* редакторами, когда они, расхваливая и обещая одно, делают беспрестанно совершенно противоположное. Я прошу Вас, Третий Иванович, если Вы хотите облегчить мне впредь сношения с «Гражданином», войдите хоть сколько-нибудь сами в посредничество между мною и редактором. Пусть он назначит максимум, сколько статей ему в месяц посылать с тем уговором, *чтобы уже они все в течение месяца помещались непременно*

но (я исключаю, конечно, из этого все то, что случайно будет найдено не подходящим по содержанию; получая газету, автор может же понимать, чего редакция при всей снисходительности печатать уже не может, и за подобную случайность — я не сочту себя вправе быть в претензии). Но я при моей точности, при ясности моих мыслей, при моей иногда даже и преувеличенной исполнительности (я ею и на службе отличался) просто понять не могу, что происходит в таких характерах и умах, как кн. Мещерский, и почему у них бывает такая резкая, грубая и нестерпимая непоследовательность. И это решительное непонимание, как с ними поступать, чтобы добиться от них хоть $\frac{1}{2}$ той исполнительности и ясности, которую имеешь сам, иногда просто приводит в отчаяние! Кажется бы, будь деньги другие для банка и еще для кой-каких особых потребностей, не стал бы и писать! Ведь как хотите, это несносно: писать мне — «Вы знаете, как я ценю Вашу душу и Ваше перо и т. д.» и потом отступаться от одного, отступаться от другого, забывать 20 раз обещанные оттиски, терять прекрасные стихи прекрасного юноши, посвященные этому человеку,³ которого душу он ценит, и т. д. И когда человек этот все-таки не отказывается работать для его редакции, несмотря на то, что он *сильно оскорблен* всеми этими невниманиями, когда этот человек посылает ему статью, которая приводит его в восхищение, опять-таки возвращаться на свою «блевотину»⁴ и по целым неделям заставлять его за 1000 верст ждать *второй* статьи и воображать: «когда же после этого выйдет 3, 4, 5??» — это ужасно! Этого и Катков не делал со мною, до тех пор пока я же сам не вооружил его *лично* против себя весьма оскорбительными о нем отзывами и *при таких близких ему людях*, которые не могли этого не передать ему!

Я никогда в печати не лгал и в самом деле (ошибочно или нет) считая кн. Мещерского человеком убежденным и искренним,⁵ но думаю, что над ним нужна какая-нибудь палка, и никто, мне кажется, кроме Вас, этой нравственной палки над ним держать не может, особенно в делах

со мной. *Возьмите ее*, Третий Иванович. Признаюсь — я было увлекся опять, не давайте его бестолковой небрежности гасить опять этот огонь, которым Вы сами дорожите. Если он будет печатать *скоро, много, за опечатками* построже смотреть и *все остальное* хорошо исполнять (т. е. так, чтобы я «чувствовал»,⁶ у кн. Н. Н. Голицына *я чувствовал*, и иногда у Каткова), — то Вы не раскаетесь, уверяю Вас, в Вашем посредничестве — *я еще лучшего не сказал, все берегу куда-то*. А то верьте, что я теперь словно стыжусь, зачем я вышел из своего равнодушия и увлекся! Я стыжусь и жалею, что нет пока другого источника или другого прибежища, где бы со мной поступали повежливее. И сейчас опять вижу мой слепой *fatum*,⁷ ибо логики не вижу в поведении князя. До того верю в этот странный *fatum*, что даже и в Вас иногда сомневаюсь и думаю: «а ну как и он вместо того, чтобы вознегодовать в мою сторону и выгоду, примет сторону редактора, да еще на меня рассердится — зачем я смею быть недовольным, что мною вертят так и этак?»

Ну что делать! — Сказано: «проклят человек, надеющийся на человека и утверждающий силу мышцы своей на нем, и блажен уповающий на Господа».⁸

Будем уповать на Господа, что Вы будете на моей стороне и не рассердитесь на меня.

Пожалуйста не будьте строги к моим цитатам из Св. Писания и Св. отцов; я их *очень люблю* и они часто незаменимы, но едва ли я хоть одну помню с полной точностью.

Вы между прочим сообщали мне, что не будете теперь писать для «Гражданина», однако я думаю, что передовая статья «о духовенстве» Ваша?⁹ Ошибся я или нет?

Статьи И. И. Кристи о литературе¹⁰ дельны и справедливы, но сухи и холодны: хочу ему сделать выговор.

И монахам иным здесь очень понравилась моя 1-я статья, а они ведь все (читающие газеты) на Каткова чуть не Богу молятся, и вообрази-

те, что он из них многих насчет «фанариотов» с толку сбил. Никак и не втолкуешь того, что даже и против них. И некому об этом даже, кроме нас с Вами (да пожалуй, И. И. Кристи) об этом и толковать. Просто туман. Посмотрим, как Вам покажется конец моей 5-ой статьи, в которой я впервые взялся Мих(аила) Ник(ифорови)ча в этом деле изобличить.¹¹ Я думаю, что Вы будете этой первой и легкой попыткой довольны, *если доживете до того дня, когда этот увалень соберется ее обнародовать!*

«Искренний, убежденный» — все это так, и все-таки, когда кто-нибудь другой был потолковее, куда бы лучше. И почему это на Н. Н. Голицына никто не обратит *настоящего* внимания, не постигаю!

Будьте здоровы и справедливы ко мне по-прежнему.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 22—27.

Цитируется: 8, 970,

971, 999—1000.

Ваш К. Леонтьев. Ответ на п. 162.

¹ Леонтьев отсылает к описанию этого вида в первой статье цикла «Записки отшельника» (см.: 8, 234).

² См. в письме Кристи от 8 октября 1887 г.: 8, 1306.

³ Речь идет о стихотворении Александрова «Чародей». См. примеч. 2 к п. 134.

⁴ Аллюзия на 2 Пет. 2: 22.

⁵ Отсылка к словам в первой статье из цикла «Записки отшельника»: «...я *имею основания* находить <...> что кн(язь) Мещерский в подобных случаях всегда был искреннее, справедливее и прямее гениального московского самодура» (8, 239—240). «Московским самодуром» здесь назван М. Н. Катков.

⁶ См. примеч. 6 к п. 17.

⁷ Рок (лат.).

⁸ Иер. 17: 5.

⁹ Речь идет о статье «О духовенстве» (Гр. 1887. 3 нояб. № 34. С. 1), служившей редакционным предисловием и дополнением к напечатанной в том же номере заметке «О наследственности белого духовенства» (Там же. С. 2).

¹⁰ Имеется в виду цикл статей: Кр. <Кристи И. И.> Литературное обозрение // Гр. 1887. 1 окт. № 1. С. 3; 8 окт. № 8. С. 3; 15 окт. № 15. С. 3; 22 окт. № 22. С. 3; 29 окт. № 29. С. 3; 12 нояб. № 43. С. 3; 19 нояб. № 50. С. 3; 26 нояб. № 57. С. 3; 10 дек. № 71. С. 4.

¹¹ Речь идет о статье «Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова». См.: 8, 998.

27 ноября 1887 г.,
Оптина пустынь

27 ноября 1887 г. Оптиная пустынь.

Пишу Вам, Третий Иванович, вот по какому поводу: в последней статье моей (из посланных уже кн. Мещерскому), озаглавленной «Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова», есть одно место, которое мне очень захотелось подвергнуть Вашей предварительной цензуре. Это то место, где я говорю о нападках Каткова на греческое духовенство, вспоминая о том, что он не так давно даже и права султана защищал против Вселенского Патриарха.¹ Я ведь и в самом деле, быть может, только вообразил это. Вы верно лучше и тверже подобное дело помните. Мерещится мне, что заметку эту Катков напечатал во время последней борьбы Патриарха с Портой за некоторые судебные, кажется, права. Я помню, что подчеркнул и вырезал это, но, к несчастью, значительная часть бумаг и книг моих еще не привезена сюда из Москвы. Написать-то я в статье — написал об этом, с разными приличными оговорками,² и поспешил послать, но потом подумал, лучше бы было, если бы Вы взяли у князя статью эту и проверили бы это место (оно в конце статьи, на обороте страницы). И очень будет жаль, если я ошибся в факте и только вообразил его, ибо, конечно, по существу дела я ничуть не ошибся, как Вы и сами это знаете. Если же я и Вас опоздал предупредить, и сам в факте ошибся, то делать нечего. Я и так не боюсь Петровского и всех «агтелов» его:³ Ужасно мне досадно одно (это мой *fatum*), что я не успел написать все это еще при жизни Каткова. Отец Кристи, не понимая, что это такое может консерватор возражать Каткову, еще прошлой ранней весной убеждал меня написать о «Патриархии»⁴ и т. д. и взялся это издать особой брошюрой на свой счет.⁵ Но болезнь и подавляющие материальные заботы помешали мне тотчас же за это взяться, а теперь Катков умер и слепые его приверженцы могут вообразить, что у него были бы в запасе какие-

нибудь несокрушимые аргументы против подобных новых мыслей. Аргумент может быть один: «не слишком ли мы уж плохи для того самоотречения, которого потребует большая сила и преобладание Церкви».⁶ Спешу кончить, чтобы не опоздать еще больше.

Теперь два слова о другом: из двух студентов, о которых Вы согласились позаботиться, в настоящее время надо заботиться *только об Александре*: он курс уже окончил и его оставили при университете пока без стипендии, так как это зависит исключительно от Министерства. Что касается до Уманова, то он немного светренничал и волновался слишком заблаговременно. Узнавши от меня, что я и об нем хлопочу, он теперь опомнился мне написать, что ему надо прежде окончить курс и что ранее декабря 88-го года об его стипендии и не следует хлопотать.⁷ Я же сам их университетских порядков вовсе не знаю. Впрочем, быть может, это и не ветренность, а просто он в первом находящемся у Вас письме «изливал» мне душу свою, прося только совета и никак не воображая, что *и без Каткова* можно что-нибудь для него сделать.

Об Александре же я могу только еще раз *просить* Вас,⁸ ибо *напоминать* Вам о подобного рода делах, я знаю, не надо. Вы и так все помните. (Не была ли Ваша матушка *немка*? У Вас уж слишком все твердо, ясно и основательно для чистого великоросса. Вы не поверите, до чего мне надоели эти «русские» характеры — это ужасно!) Россию, я думаю, еще спасает то, что у царской фамилии много немецкой, а в дворянстве татарской крови. .

Будьте здоровы и оставайтесь неизменным по-прежнему к верному и преданному Вам

К. Леонтьеву.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 27—28.
Впервые (фрагмент):
8, 1000—1001.

¹ Указанное место см.: 8, 294. Источник (статью «Московских ведомостей») установить не удалось. Возможно, подразумевается история отставки патриарха Иоакима III, назревавшей с осени 1883 г. и последовавшей 30 марта 1884 г. Султан, при котором это происходило, — Абдул-Хамид II.

² Ср.: «Боюсь ошибиться... Кто знает, быть может, это только игра моего воображения, подозрительно с этой стороны настроенного (...). Очень трудно судить решительно о мнениях писателя, которого газетные статьи еще не собраны в книгу...» (8, 294).

³ Обыгрывается вопрос священника к крещаемому из последования Таинства крещения: «Отрицаешься ли сатаны и всех аггелов его?»

⁴ Подразумевается Вселенская Патриархия.

⁵ Позднее И. В. Кристи снабдил своего сына средствами на издание другой леонтьевской брошюры. См. п. 180.

⁶ Подразумевается: преобладание Церкви над государством.

⁷ Имеется в виду письмо Уманова от 19 ноября 1887 г. (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 18—23).

⁸ Просьба о помощи Александрову содержится в п. 161.

165

Филиппов — Леонтьеву

29 ноября 1887 г.,
Петербург

СПб. 29 ноября 1887.

Дорогой Константин Николаевич.

Сей час два раза кряду читал жене и сыну Вашу нынешнюю статью «Гражданина»¹ и сей час же послал курьера скупить у соседних продавцов газет все нумера сегодняшнего «Гражданина». Не говорю уже о себе; но если бы Вы видели своими очами сознательный восторг моей жены и испытанное ею счастье, то сами пережили бы, (если можно) так выразиться, счастливую минуту. Всю глубину и широту Вашей мысли, величественное спокойствие тона, художество речи и ее мужественную откровенность, чуждую уверток и оговорок, способность, не впадая в наглую самоуверенность, взглянуть сверху вниз на наши высшие газетные авторитеты,² наконец, всестороннюю и беспристрастную оценку и недавних событий,³ истинный смысл коих доньше остается для всей почти России тайной, созданного теми событиями нашего настоящего положения и видов на будущее, — все это сложное значение Вашей ста-

ты она, женщина политике чуждая, «разженне восприяла» (выражение Св. Исаака Сирина),⁴ и у нас сегодня просто домашний праздник.

Разрешение я получил⁵ и постараюсь воспользоваться им без замедления.

Действовать на кн. Мещерского очень трудно, но я не пропускаю никакого случая говорить ему о Вас. И сегодня пишу ему о Вашей статье, которая подняла и мой временно унывший дух.⁶

Жду сильного впечатления в правительственных кругах; Гирс должен быть в восторге. И за пределами России Вашу статью оценят и порадуются, что Вы только необыкновенный писатель, а не действующее в правительстве лицо. Феоктистов с женою и ее любовником,⁷ а также «евнух Миртилл иль новый Копроним»,⁸ погрузятся в глубокую печаль. Сей последний принимал все доступные ему меры, чтобы заградить мне путь; но на этот раз все его клеветы оказались бессильны.

21 ноября вспоминал священную обитель,⁹ приютившую Вас, и всех прежде почивших ее отцев,¹⁰ за тем и ныне пребывающих во спасении подвижников ее, заочно вверял себя и весь дом мой заступлению их святых и богоприятных молитв. И Вас видел умным оком в их сонме, не без дружеской зависти сопоставляя свое многоятежное житие с Вашим отрадным спокойствием, которое представляется мне отражением мирного и безмолвного пребывания Оптинских молитвенников.

Пустынным непрестанное божественное желание «бывает» мира сущим суетного кроме.¹¹

Заканчаю письмо мое дружескою просьбою полегче относиться к некоторым небрежностям кн. Мещерского, которого исправить нельзя, но который созданием действительно, а не в призрачной мечте, православному изданию получил право не только на нашу признательность, но и на благодарность Церкви. Со временем все уладится, и цена на Вас в вещественном смысле должна высоко подняться; а пока да будем, по апостолу, «довольни сущими».¹²

Брату Ерасту, по духовному же возрасту, отцу, мое сердечное приветствие и о Христе лобзание.

Вам от всей семьи восторженные приветы.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Последний возглас в Вашей статье я заменил бы сими словами: Тебе, Господи, правда, нам же стыдение лица.¹³

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 49—50.

Впервые

(с сокращениями):

8, 990—992.

¹ Филиппов откликается на публикацию в «Гражданине» последней части статьи «Мой исторический фатализм» (1887. 23 нояб. № 54. С. 3; 29 нояб. № 60. С. 4). 10 декабря он рекомендовал эту и следующую статью цикла вниманию А. Ф. Кони (см.: 8, 992).

² Имеются в виду «Московские ведомости».

³ Подразумевается так называемый Болгарский кризис 1885—1887 гг.

⁴ Выражение из 1-го Слова подвижнического («Об отречении от мира и о житии монашеском») св. Исаака Сирина. См.: Святаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего ниневийского, Слова духовно-подвижнические... С. 6. Ср. в рус. переводе: «И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речение, заключающее в себе сокровенную духовную силу, пламенно приемлет содержание сего речения» (Творения Аввы Исаака Сириянина. С. 5).

⁵ Вероятно, речь идет о разрешении сотрудничать в «Гражданине». См. примеч. 1 к п. 149.

⁶ Письмо не выявлено.

⁷ М. Н. Островский. См. п. 133.

⁸ Речь идет о К. П. Победоносцеве. Евнух Миртил — персонаж поэмы А. Н. Майкова «Два мира» (1872—1882), фаворит Нерона. Копроним (навозоименный, греч.) — прозвище Константина V Исавра (719—775), византийского императора-иконоборца.

⁹ Т. е. в день Введения Пресвятой Богородицы во храм (престольный праздник Оптиной Введенской пустыни).

¹⁰ Цитата из ектении об упокоении («прежде почивших отец и братий наших»).

¹¹ Цитата из первого антифона первого гласа (воскресная утренняя).

¹² Ср.: 1 Тим. 6: 8.

¹³ Немного измененная цитата: Дан. 9: 7. В такой форме ее приводил и св. Филарет Московский.

15 декабря
1887 г., Оптина
пустынь

15 декабря 1887 г. Оптина Пустынь.

За разными теми мелкими препятствиями, которым подвержен постоянно болеющий человек, я немного опоздал, Третий Иванович, выразить Вам всю мою признательность за Ваши *ободдряющие* письма. Рад, **очень** рад, что многоуважаемой Марье Ивановне и милому Сереже моя статья доставила удовольствие. Марью Ивановну по этому поводу постарайтесь убедить, что я бы не мог так хорошо написать это, если бы не *предпочитал длинный армяк куцой жакетке*,¹ а Сережу предупреждаю, что, может быть, скоро появится в «Гражданине» еще целый ряд статей моих в защиту и прославление военных. Первая статья будет озаглавлена «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой, или кто нужнее и кто из них лучше?»² Вывод, разумеется, что нужнее и лучше Вронский. Впрочем, обстоятельства сложились случайно так, что, писать мне это *сейчас* или не писать, зависит от князя Мещерского больше, чем от меня. *Все то же* — деньги! Меня только что известили из Москвы, что пенсию теперь не выдают после нового года, а только 1-го февраля, а первого февраля выдадут за два месяца. Поэтому я написал Мещерскому об этом и предупредил его, что если он не может (или вернее *не хочет*) выслать мне сверх 82 р. с(еребром), которые он мне должен за последние *три* фельетона, еще 200 р. *авансу*, то волей-неволей я поскорей возьмусь окончить для «Русск(ого) Вестн(ика)» мои воспоминания о Тургеневе, чтобы было чем прожить январь. Это легче уже потому, что листа на 3-4 уж готово, и надо только исправить. Писать о Тургеневе (и *о том* времени, когда я о Боге вовсе перестал думать) мне очень скучно, но делать нечего. *Почти* все те 295 р. с(еребром), которые Мещерский мне прислал за 5 фельетонов, пошли на уплату невольных прошлогодних долгов в Москве, сделанных во время почти *полугодового*

отсутствия и жалования и пенсии и до сих пор еще не вполне выплаченных. А тут опять *сюрприз* с пенсией. Вы знаете, конечно, что князь за ту самую статью, которая Вам так понравилась,³ «подарил», так сказать, мне 100 р. на чай. Я был рад и признателен ему, но он не мог не испортить мне хоть немного и этого удовольствия своей беспорядочностью. Я летом писал ему, что желаю 12 к. с(еребром) (предлагаемые им за *безыменные* передовые статьи) получать и за фельетон; он не возразил, а теперь самовольно считает по 10 к(оп). Весь счет мне спутал, и мне на досуге предстоит еще проверить, полно ли, *сто ли* в присылке его лиших, считая даже и по 10 к(оп). Я очень тягочусь всем этим и ни у Каткова, ни у Маркса в «Ниве» никогда очень точно не считался, доверяя их точности, ну а с ним приходится бухгалтерией заниматься. Все это путаница и потеря времени! Но это все еще не беда сравнительно с тем, какое тяжелое ужасное впечатление производит на меня непристойная полемика «Моск(овских) Ведом(остей)» с «Гражданином».⁴ Конечно, на стороне «Гражданина» была сначала только неосторожность и ненужное замечание о непригодности Петровского в преемники Каткову,⁵ а потом уже вовсе непристойное и несправедливое замечание о недостатке патриотизма в «Моск(овских) Вед(омостях)».⁶ Почему же это? И почему кн. Мещерский, печатая *внизу* газеты мои укоры Аксакову и Каткову за *монополию* патриотизма *известного рода*,⁷ *наверху* требует, чтобы те непременно поставляли патриотизм в том, чтобы как дубина, подобно ему, зря лезть на Бисмарка...⁸ (Нет, как хотите, а он все-таки *глуп*.) Конечно, он не прав уже потому, что *начал* делать такие замечания органу охранительному. Вам известно также, что я и *Вашиим* *последним загадочным строкам* в поминании Каткову⁹ еще летом не сочувствовал, опасаясь, что это без нужды увеличит число Ваших врагов (и так как Вы представляете собою *принципы* весьма серьезные, то враги Ваши по человеческой немощи становятся более или менее и врагами этих принципов). Помните, я одно время хотел писать брошюру: «*Лже-пророк Достоевский*»,¹⁰ и Вы мне сказали: «не прибавляйте без

нужды количества наших врагов; многие, которые теперь хоть не *против* нас, а тогда они станут *(конец письма не сохранился)*.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 29—31.

Цитируется: 6, 574;
8, 992, 1007—1008.

Ответ на п. 165.

¹ См. примеч. 10 к п. 151.

² Вторая часть заглавия в окончательный вариант не вошла. Сведения о первой публикации см. в примеч. 9 к п. 168 а. Следующее по времени леонтьевское «прославление военных» в «Гражданине» появилось не скоро — в статье «Не кстати и кстати» (1889; см.: 8, 627—628), которая первоначально предназначалась для другой газеты, «Русское дело».

³ См. п. 165.

⁴ См., например: *Бывший сотрудник «Московских Ведомостей»*. Вы были правы (Письмо в редакцию) // Гр. 1887. 8 дек. № 69. С. 1. На эту статью С. А. Петровский отвечал в подпередовой от 9 декабря (МВед. 1887. 10 дек. № 340. С. 3).

⁵ См. заметки в рубрике «Дневник»: Гр. 1887. 12 окт. № 12. С. 3; 13 окт. № 13. С. 2 (в особенности первую из них).

⁶ Имеется в виду «Дневник» от 3 декабря (Гр. 1887. 4 дек. № 65. С. 3), в котором кн. Мещерский отвечал на выпады «Московских ведомостей» и защищал своих сотрудников — Филиппова и Леонтьева. До этого в заметке из рубрики «Газеты» говорилось, что после смерти Каткова «Московские ведомости» «перестали существовать в смысле органа его мыслей» (Там же. 30 нояб. № 61. С. 2). Резко обострившийся к этому времени конфликт двух изданий позволил Вл. Соловьеву применить в письме к М. М. Стасюлевичу от 6 декабря 1887 г. такое сравнение: «Два главные консервативные органа России, по-видимому, решились изобразить из себя тех двух волков, которые так погрызлись, что одни только хвосты остались» (Соловьев. Письма. (Кн. IV). С. 32). «Недостаток патриотизма» — формула из цензурного предостережения газете «Русь» от 26 ноября 1885 г. (см. примеч. 8 к п. 98).

⁷ Имеется в виду статья «Мой исторический фатализм» из цикла «Записки отшельника» (см. примеч. 1 к п. 165), в которой, среди прочего, Леонтьев упрекает Аксакова и Каткова за их действия «противу канонов Церкви (...) в пользу славянских демо-гогов» (8, 274). Ср.: «Оба столпа нашей патриотической печати, Катков и Аксаков (...) гремели противу „фанариотов“ каких-то; оба, присвоив себе как бы монополию патриотизма, обязывали всех иметь непременно *тот сорт* патриотизма, который был у них и который на этот раз оказывался самым дюжинным, общеевропейским, то есть *либеральным*» (8, 273—274).

⁸ Речь идет о заметке в рубрике «Газеты», начинающейся словами: «Читает ли когда-нибудь кн. Бисмарк русские провинциальные газеты? Иные статьи иных наших „захолустных“ изданий могли бы подействовать на канцлера, страдающего невралгией, положительно *наркотически*» (Гр. 1887. 23 нояб. № 54. С. 3). В том же номере «Гра-

жданина» Леонтьева должна была по-настоящему возмутить передовая «Вестник мира» (о новоизбранном президенте Франции Сади-Карно) (Там же. С. 1).

⁹ Имеется в виду статья «Памяти М. Н. Каткова». См. п. 152, 154.

¹⁰ См. п. 47.

21 декабря
1887 г., Петербург

167
Филиппов — Леонтьеву

СПб. 21 декабря 1887

Дорогой Константин Николаевич!

Я «Моск(овские) Вед(омости)» не читаю и потому не могу судить о их полемике с «Гражданином». Недоумеваю, в чем и как он мог быть побежден. Во всяком случае Вы напрасно думаете, что мир между ними был бы возможен. Союз «Гражданина» со мной возбудил к нему непримиримую ненависть Победоносцева, который не остановился даже пред позором личного доноса.¹ Между тем Петровский и «М(осковские) Вед(омости)» состоят под прямым его покровительством, и Феоктистову приписывают и высоко оплачиваемое сотрудничество. Итак, для мира двух охранительных изданий требуется моя разлука с «Гражданином». Имейте это в виду, и тогда все возбуждаемые Вами вопросы потребуют иной постановки. Может быть, Вы не знаете, что я писал И. Д. Делянову очень решительное письмо о том, как трудно будет ему и членам совещания² оправдать пред совестью и Государем передачу «М(осковских) В(едомостей)» людям без имени и без прав на преемство Каткову,³ и что это письмо он показал всем членам совещания. В письме же сказано было: «не уступайте дурным и низким советам». Какой же тут мир! С Островским и Феоктистовым мы уже совсем не видимся; о настроении Победоносцева предоставляю рассудить Вам самим.

За всем тем тут не было бы большой беды, если бы полемика в «Гражд(анине)» велась лучше: ибо противные в сущности убеждения на моем суде ценнее нравственно, чем грубая подделка и низкий подмен.

Идти в ногу с Петровским и Сувориным, которые оба торгуют нашей святыней, я был бы не в силах; а искажение и унижение нашего священного символа принесло бы и приносит ему более вреда, чем объявленная ему прямая война. Еретик вреднее язычника. От Каткова даже нам пришлось бы оборонять верховное начало нашего исповедания — Церковь; во сколько же раз увеличилась опасность для Церкви при его епигонах. Где же тут возможность мира? И не грех ли сопоставлять с сими епигонами Достоевского, который мог иного не понять в Христианстве, но с Феофаном⁴ заключить мира не мог. Меня испугало тогда Ваше заглавие «Лжепророк», в котором заключалось несравненно более обвинения, чем в Достоевском было вины. А против полемики с ним вообще я не нашел бы возражений: она даже была нужна. Вот Гр(афа) Толстого не грех назвать так! Это действительно лжепророк! Из сказанного истекает то заключение, что помочь Кн. Мещерскому можно лишь сокрушительным движением во фланг неприятелю, которое доступно только Вам. Я обязался воздерживаться от полемики и держаться постоянно на высоте крупных вопросов. Мне было бы приятно узнать, какое впечатление на благочестивых иноков Оптиной произвела моя передовая: «Призвание России на Востоке».*⁵ Не поможет ли ряд таких статей исправлению их воззрений на наши отношения к Вселенскому Престолу и болгарам? В известном письме Хомякова ко мне есть превосходное положение о господстве в наше время ересей чувства (по поводу Ж. Занд);⁶ и это нападение на фанариотов, проистекая из племенных пристрастий, можно подвести под понятие о ереси чувств. И еще у нас толковали (даже Гиляров), что «филетизм», как греховное заблуждение, выдуманно на Константинопольском соборе 1872 г. *ad hoc*!⁷ Вот тема, достойная Вашего пера и ума!

Вы нередко говорите о необходимости, для пользы дела, заменить в «Гражданине» Кн. Мещерского другим лицом, как будто предполагая,

* 9 дек(абря).

что это зависит от того или другого государственного человека. Между тем он имеет вполне самостоятельное положение, против которого самые настойчивые посягательства Вашего тезки⁸ оказались бессильны. Об этом, следовательно, надобно перестать думать, как о вещи невозможной и непростительной. Неудобства его характера должны быть забыты при мысли о том, что его же характером создана для нас возможность говорить о Церкви и Ей служить, которой мы не имели прежде. У Каткова самые основные положения Вашего катихизиса не нашли бы приюта; про Аксакова и говорить нечего. Несмотря на многолетнюю близость мою с Катковым, я не написал в «М(осковские) В(едомости)» ни одной строчки. Аксаков взял у меня однажды напечатать письмо к Вселенскому Патриарху о делах единоверия и не напечатал.⁹ Судите же, как дорого должно быть для нас и как важно для дела, что для обороны отовсюду боримой Церкви нам дан орган. Запинаться при этом о недостатки Кн. Мещерского было бы малодушием. Посылка ста рублей была внушена ему очень хорошим чувством. Вы так часто говорите о недостатках своих (т. е. денежных), о важности для Вас даже небольших сумм; он и приложил к 12 к. за строчку 100 р. за такую статью, о которой во всякой другой стране, умеющей читать, *on feruit du bruit*.¹⁰ Тут не было вовсе «на чай». А если, вместо 12 к., он рассчитал Вас по 10 к., то на это исправление есть простое средство; что же этим тяготиться? Написали бы к нему, и были бы удовлетворены.

О моих намеках на предсмертные проступки Каткова, по получении от Вас приговора о них старцев, как о преждевременных, я замолчал. Но коль скоро Вы еще раз к ним возвращаетесь, то и я еще раз скажу Вам: нельзя было оставить без всякого возмездия обиды, нанесенной его и нашему Государю перед лицом всего мира; и нельзя было, как мне кажется, мягче и нежнее заявить о столь важной вине, чем как это удалось мне. Нужно войти глубже в мои чувства к Государю, Которого я чту и люблю не по одной обязанности подданного, но и по свободному и бескорыстному движению сердца. И мне очень горько за других, хотя и отрадно за

себя, думать, что в деле между оскорбленным Государем и оскорбителем опричником я один только — в печати, конечно — был верен Государю, другие примкнули к расходившемуся газетчику. Что Государь отпустил ему вину, за то да будет сугубо благословенно имя Его! Он прощал свое, а нам прощать за Его счет — сие есть близь предательства, от негоже да избавит нас Преданный нас ради!

Пишу это без страстных движений, почти накануне исповеди, к которой готовлюсь, дабы в наступающий день моего рождения (24 дек(абря)) иметь счастье вкусить от трапезы Господней. Прошу Вас простить мне, аще что переписал,¹¹ и просьбу о том обращаю к благочестивым обитателям благословенной пустыни, Вас приютившей: дабы любовию, как ризою, покрыли они срам моей наготы, а богоприятными молитвами исходатайствовали мне неосужденное причащение божественной Чаши.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов. Ответ на п. 166.

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 18—21 об.
Цитируется: 8, 992.

¹ О чем идет речь, установить не удалось. Скорее всего, о каком-либо нелицеприятном отзыве Победоносцева о Филиппове в разговоре с Государем.

² Подразумевается совещание о том, кому будет передано издание «Московских ведомостей».

³ Речь идет о С. А. Петровском и помогавшем ему В. А. Грингмуте.

⁴ Имеется в виду: не склонен был подчинять церковное государственному, как то делают последователи Феофана (Прокоповича).

⁵ Программная статья Филиппова, опубликованная без подписи как передовая (Гр. 1887. 16 дек. № 77. С. 1). Основная мысль ее близка высказанному Леонтьевым в свое время в статье «Храм и Церковь»: «От Болгарии, куда нам нельзя ступить ногой, хотя бы нас туда охотно пустили и даже настойчиво звали, от болгарского народа, с которым — в настоящую по крайней мере минуту — порваны наши духовные связи, все заботы и помыслы наши должны обратиться к потрясенной болгарским расколом Церкви, к уврачеванию ран, нанесенных Ей при нашем явном и даже напоказ выставляемом содействии, к восстановлению наших собственных отношений к четырем патриаршим престолом единоверного Востока, нарушенным нашим потворством бесчинному мятежу и забвением святейших заветов и преданий вселенского православного общежи-

тия. <...> Церковь была основанием союза христианских народов Балкан между собою и с нами, союза прежде всего духовного, а затем и политического. Вместо священной церковной хоругви подняв там грубый племенной стяг, мы внесли расстройство не только в жизнь самой Церкви, но и во взаимные отношения населяющих Балканы народов, развратили свою политическую мысль, низвели Россию, дотле общую покровительницу и мать повсюду сущих православных племен, до роли пристрастной сторонницы одного из них, оплевавшего нас на другой день после своего освобождения, и отворили настежь двери всем разрушительным и растлевающим влияниям на дела и народы Балкан наших прирожденных западных врагов».

⁶ Письмо, опубликованное впервые в «Русской беседе» (1856. Кн. IV), затем в полном собрании сочинений Хомякова (М., 1861. Т. 1). Вошло также в «Сборник Т. Филиппова» (с. 298—314).

⁷ Для данного случая (*лат.*). В одной из своих работ Филиппов цитировал передовую статью «Современных известий» от 18 июня 1872 г. (см.: Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. С. 201—202; отмечено в комментарии А. П. Дмитриева к переписке Гилярова и Филиппова: Историко-философский ежегодник. 2008. М., 2009. С. 337). Ср. также в письме Гилярова к Филиппову от 20 октября 1872 г.: «... Цареградский патриарх мог без собора обойтись. <...> Собор ли подчинил Болгарскую церковь Константинопольскому престолу? <...> Чтоб отпустить болгар *совсем*, для этого достаточно было доброй воли. <...> ... никто не мешал дать болгарам <...> всё, больше чего нельзя желать, и для *этого* не нужно никакого собора. Собор оказывается нужным только по нежеланию патриархата дать всё, другими словами, по его властолюбию и корыстолюбию» (Там же. С. 334).

⁸ Имеется в виду Победоносцев.

⁹ Речь идет о «Признательном приветствии единоверцев Вселенскому патриарху Иоакиму III», написанном Филипповым и включенном в его книгу «Современные церковные вопросы» (с. 462—463).

¹⁰ Поднялся бы шум (*франц.*).

¹¹ Если написал что-нибудь лишнее (*ц.-сл.*).

168

Леонтьев — Филиппову

28—29 декабря
1887 г., Оптина
пустынь

28 декабря 1887 г. Оптина Пустынь.

«Во первых сих строках» честь имею поздравить Вас, Третий Иванович, с Новым 88 годом и с близкими именинами (4 января?). Письмо Ваше от 21 декабря получил. Статью Вашу (не от 9 декабря, как Вы писа-

ли, а от 16-го) «*Призвание России*»¹ прочел самый лучший здесь читатель от(ец) Макарий благочинный (Струков из дворян). Но я его еще не видел, потому что очень редко выезжаю. Отцу Анатолию (скитоначальнику) пошлю эту *вырезку*.² «Гражданина» я ему потому не посылаю, что он очень занят духовничеством, и еще потому, что он *только что стал приходить в себя* от благоговейного до ребячества пристрастия ко всему Катковскому и сам толком не знает еще, что значит «Фанариоты», употребляет это слово чуть не с ужасом!

Отцу Амвросию постараюсь сам прочесть, хотя вследствие изнеможения его и моих собственных недугов мы видимся редко...

О Мещерском больше спорить не буду из уважения к Вам, так как это Вам, видно, неприятно. Но, к сожалению, остаюсь при своем, что для *благого-то дела* именно приятно было бы видеть избранным лицо более даровитое и распорядительное. А сам-то я лично, конечно, ничего особенного против него не имею, даже жалею его, и, благодаря его за подарок в 100 р., написал ему, что я и на 10 коп. согласен, только уж прошу хоть в этом иметь впредь *порядок* и не изменять беспрестанно условия все по *нисходящей лестнице*, а то этак и до 5 к. дойдем. А так как я *вообразить* себя очень полезным писателем уже давно не в силах (полезный имеет влияние, а я своего не вижу еще), то пишу для выгод, для того, чтобы *платить долги, для того*, чтоб заплатить за *лошадь*, напр(имер), или перевезти летом сюда из глухого села тела матери и любимой тетки и т. п.³ Так уж все забывать, как Мещерский делает, и все *спускаться, да спускаться* подешевле для редактора мне неудобно. Ваши слова об его «самостоятельном положении» и о том, что желать его смены даже и *непростительно*, — я понял, кажется, вполне. Но никак не могу видеть и при этом понимании ничего в этом желании *непростительного* (!), но даже вижу нечто похвальное в мечтах об умении лучше выбирать людей для благого дела.

Нынешний «Гражданин» очень похож на одежду, часть которой сшита ½ из шелка и бархата (хорошие статьи Ваши, Кристи,⁴ о губернаторах⁵ и др(угие)), а ½ из линючего и дешевого ситца (самого редактора,

«о душе» в педагогии,⁶ Дневник⁷ и т. д. Внешняя политика, напр(имер), г-на П. К.⁸ — ужасно *швах* тоже). Но разумеется, и в этом заштопанном виде — успеха (за неимением лучшего) я все-таки ему желаю.

За Вас и за дело я очень рад, что Вы можете писать, и все статьи о Церкви вырезаю и наклеиваю в особую книгу.⁹ Сочувствую также, что Вы воздерживаетесь от полемики, я буду подражать Вам: не раз я порывался вступить *горячо* за князя (столь же благонамеренного, сколько и бездарного), но, Слава Богу, тоже воздержался. Приятная лень и беспрестанные воспоминания о «суете сует» взяли верх! Я рассуждаю так: коли он так высоко поставлен и так самоуверен, так «*en principe*»¹⁰ без меня обойдется, а *личной преданности* моей он пока еще не заслужил (хотя за 100 р. я ему очень признателен), вот Кристи, который был у меня здесь на сочельник и Рождество, так он, узнавши, что Мещерский платит *мне* столько же, сколько и *ему, начинающему*, — ужасно возмутился. Я же сказал ему: «ах милый мой, для моих личных нужд и целей с меня и этого довольно, был бы только аккуратен и исполнял бы кой-какие мелочи, о которых я иногда прошу; а ждать себе вознаграждения и вообще успеха сообразно с тем, что во мне люди признают, — это уж невозможно. Это я видел только от Ник(олая) Ник(олаевича) Голицына и больше не увижу! Тот *себя* стеснял и все прибавлял, а не убавлял. Это уж, видно, от Бога, и на это я особенно не ропщу: Мне при *аккуратной* *высылке* и по 10 к., но без страха, что *он*, бестолковый, что-нибудь *опять забудет* и напутает — очень было бы и так хорошо!»

Ну, *простите*, хоть для Нового Года. Хотел *не спорить*, но увлекся. Нельзя и не разгорячиться немного; разве я не вижу в Вашем письме, что Вы все-таки через *него* мною недовольны? Ну, Бог с *ним*, с бедным князем, попавшим не на свое место! я бы не желал, чтобы он был «яблоком раздора», *даже и малейшего*, между нами. Это было бы для меня *ужасно*! Но ведь «враг» так силен, и наша дружба *по источнику* своему именно «Сатане-то» должна быть очень неприятна! Бог с ним, Бог с ним с князем, не стоит он того, чтобы *нам* так много о нем спорить! Пусть это бу-

дет в последний раз. Вперед без какой-нибудь *особой* крайности не буду Вас беспокоить жалобами на его, так сказать, *неисправимость*, я буду как-нибудь сам перебиваться с ним.

Да вообще и прежде (в последнее особенно время) я писал все это Вам больше в виде *беседы*, чем в надежде на то, что Вы его исправите. Правда, весною я думал, что он будет только «вывеской» и послушным орудием в *Ваших* руках. А как только узнал, что он так *самостоятелен*, так, разумеется, мои чувства к «Гражданину» переменились, вместо надежды на что-то блестящее и солидное явилось только скучное примирение с неизбежным злом бездарности и добрых правильных *чувств* при совершенном неумении облечь их в умные и доказательные *мысли*. Пошла прежняя его топорная работа «Дневника» и т. п.

Ну да я и сам грешен и за грехи наказан. По-настоящему давно бы не надо ничего *светского* писать, но те *практически-нравственные* цели, о которых я выше говорил (перевозить сюда тела родных, долги в Москве и кой-где еще), заставляют писать, а раз пишешь — пробуждается множество таких чувств, которых бы я вовсе не желал в себе видеть! Что же делать, когда я, напр(имер), от июня до декабря уплатил 800 с лишком р. с(еребром) и, конечно, большую часть на деньги Мещерского, и только меньшую — из пенсии. Быть может, наконец, Господь и освободит меня от этой «светской» литературы и в особенности от газетной. Остается только около 1000 с небольшим теперь; если постараться писать, то в год и это можно уплатить. А новых больших долгов здесь нет причины делать: здесь пенсии достаточно на спокойное житье. Я так рад подолгу ничего не писать! Все как-то *чище* на душе!

Будьте здоровы, желаю Вам всяких радостей и успехов на Новый 88-й год. Марью Ивановну тоже честь имею поздравить.

Ваш К. Леонтьев.

29 декабря. Вчерашний день вечером получил «Гражданина» и неожиданно восхитился дельной и ясной передовой статьей об *Австрии*.¹¹

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 31—34.

Кто же это вставил такой кусок дипломатического пу-де-суа¹² в патриотическую затрапезу бедного князя? Наконец-то «я слышу речь не мальчика, а мужа».¹³

Интересно бы знать.

К. Леонтьев.

Ответ на п. 167.

¹ См. примеч. 5 к п. 167.

² Леонтьев выделяет «вырезку» курсивом как «чужое слово». Он не любил слов вроде «передовица» и называл их «хамскими». По-видимому, слово «вырезка» тоже относилось у него к этому разряду лексики.

³ Ф. П. и Ек. Б. Леонтьевы были похоронены в с. Велино. Леонтьев мечтал перенести их прах в Оптину, но не успел это осуществить.

⁴ См. примеч. 10 к п. 163.

⁵ Речь идет о статьях: Наши губернаторы // *Гр.* 1887. 15 окт. № 15. С. 1; 22 окт. № 22. С. 1; 26 окт. № 26. С. 1; 29 окт. № 29. С. 1; 2 нояб. № 33. С. 1; Н. Н. О губернаторской власти // Там же. 23 нояб. № 54. С. 1; 25 нояб. № 56. С. 1; 27 нояб. № 58. С. 1; 1 дек. № 62. С. 1; 5 дек. № 66. С. 1 (подпись в № 58: N. N.; в № 62 без подписи).

⁶ Имеется в виду помещенное в рубрике «Дневник» письмо за подписью «Из студентов Моск. Дух. Академии», где вопрос о душе воспитанника рассматривался как важнейший в воспитании (Там же. 27 нояб. № 58. С. 3). О необходимости «внести душу и сердце в нашу бедную русскую школу» говорилось также в передовой статье «Мечта» (Там же. 19 окт. № 19. С. 1), вызвавшей множество откликов.

⁷ Рубрика в «Гражданине», введенная в 1876 г.

⁸ Имеются в виду «Политические заметки» (*Гр.* 1887. 2 дек. № 63. С. 1; 5 дек. № 66. С. 1; 9 дек. № 70. С. 1; 16 дек. № 77. С. 1; 19 дек. № 80. С. 1; 21 дек. № 82. С. 1). Возможно, их автором был П. А. Кулаковский, подписывавшийся тем же криптонимом в «Русском вестнике».

⁹ Местонахождение этой тетради с вырезками (Леонтьев обычно использовал тетради большого формата) неизвестно.

¹⁰ В принципе (*франц.*).

¹¹ Речь идет о статье «Венгерская программа» (*Гр.* 1887. 25 дек. № 86. С. 1), в которой Леонтьев мог одобрить мысль о том, что Австрия не должна указывать России, что той делать на Балканах. Возможно, тому же, понравившемуся Леонтьеву, автору принадлежала и статья «Двадцатилетняя годовщина австрийской конституции» (Там же. 29 дек. № 89. С. 1).

¹² От *франц.* *rou-de-soie*; плотная тафта.

¹³ Ставшие крылатыми слова из драмы Пушкина «Ворис Годунов».

168 а
Леонтьев — М. И. Филипповой

31 января 1888 г.,
Оптина пустынь

31 января; 88 г.; — Опти(на) Пусты(нь).

Милостивая Государыня
Марья Ивановна, —

Я к Вам дерзаю со всепокорнейшей просьбой. — Простите! Есть некая госпожа *Детлова*, Екатерина Николаевна, стараниями Тертия Ивановича она (в 85-м, кажется, году) была назначена Начальницей женск(ой) Прогимназии в гор(од) *Немиров* (кажется — Подольской Губ(ернии)).¹ — Я ее знаю с детства; мы были соседями по имениям (проданным благодаря *прогрессу*).² — Это одна из самых замечательных известных мне женщин, по нравственной высоте характера, по уму и такту и по мужеству души, жестоко испытанной жизнью. — Я ужасно был признателен Т(ертию) И(ванови)чу за то, что он ее устроил и этим дал и мне возможность услужить ей. — Должность, которую она занимает, была бы, конечно, достаточна для благоразумной опытной и одинокой женщины, если бы, как явствует из некоторых данных, ей бы теперь не приходилось *рассчитываться* за прежнее, истинно страшное свое положение. Прошу Вас вообразить только следующее: незадолго до устройства своего в Немирове, она жестоко больная и всеми покинутая жила в маленьком бездоходном имениеце своем, оставшемся от общего их семейного погрома (у отца ее, очень хорошего хозяина, было больше 800 душ; а после эмансипации шаг за шагом все пошло прахом); болела она долго; никто за ней не ходил,³ питалась хлебом и часто жила в простой избе, и тоска ее была до того велика, что она *ползала по избе из угла в угол*, только для того, чтобы переменить место своего страдания. — Она очень скрытна, и, значит, уж и ее терпение истощилось, если она решилась мне это рассказать! — По-видимому, она тогда принуждена была задолжать, чтобы съездить раза два в Москву и Петерб(ург) и

хлопотать об должности и т. п. и, должно быть, теперь ей приходится расплачиваться за это из небольшого жалованья (400 р. с(еребром)). — Будьте так добры и великодушны, Марья Ивановна, утешьте этим и меня, постарайтесь Христа ради — через каких-нибудь влиятельных дам, с которыми Вы знакомы, чтобы ее перевели в *Польшу* и повысили бы в *Начальницы Гимназии*. — Самому Т(ертию) И(ванови)чу я не пишу, потому что духу не хватает; — он так *неусытно* заботился обо мне и в течение *стольких лет*, и даже стольким другим (в том числе и этой Детловой)⁴ по моей рекомендации сделал добро⁵ (и обещал даже и еще другим сделать — напр(имер), *двум студентам хорошего направления*)⁶, что надо и совесть знать и не обременять его через меру. — К тому же, хоть я не живу в Петерб(урге); — но достаточно опытен, чтобы знать, что человеку государственному и влиятельному, имеющему вдобавок *особые убеждения*, которые необходимо «проводить в жизнь», — надо соблюдать, так сказать, *некоторую экономию* в своих воздействиях на других высокопоставленных лиц; и если на мелочи (хотя бы и благотворительные) истратишь силу своего влияния, то в случае более важного и более общего дела — можешь⁷ остаться без влияния. — Я так всегда судил и потому не имею дурной привычки обвинять *не подумавши* государственных людей и вообще людей с весом, если они иногда отказываются сделать то и другое частное доброе дело. — Это вообще говоря; — а насчет Т(ертия) И(ванови)ча нечего и распространяться; его *чувство меры*, я думаю, всем известно, и он во имя добра личного — скорее уж всегда готов переходить за *черту этого собственного чувства меры*, чем не доходить до черты. — С этой точки зрения я и к Победоносцеву снисходителен; я только *подозреваю*, что он по сухости сердца — не любит для личного добра *даже и приближаться* к черте *должной экономии* ходатайств и влияния. — И на себе это испытал, в то время, когда он даже был почти в дружеской со мной переписке.⁸ — Но *именно опасаясь* личной в себе досады, не хочу *решать*, что он со всеми таков, каков был со мною. — Можно ошибиться и согрешить.

Вот почему, Марья Ивановна, я решился обратиться в этом случае к Вам. — Не сомневаюсь, что Вы, при Ваших добрых христианских чувствах, сделаете, *что возможно*; а на невозможное — никто не обязуется.⁹

Еще прошу Вас, если Вы заблагорассудите ответить мне, то потрудитесь сообщить — нравятся ли мои фельетоны о *Вронском*, *Толстом*, «*Войне и Мире*» и т. д.¹⁰ *Серее* Вашему и самому Т(ертию) И(ванови) чу. — *И в какой мере*. — В удалении ведь слухи о сочувствии — большое ободрение для труда!

Я знаю, что я более подробным разбором романов невольно отвлекся от публицистической моей цели — некоторого «апофеоза» военных и столь искренно любимого мною «милитаризма»; но я вернусь к этому потом. — А критикой собственно я увлекся потому, что меня давно *душат* мои особые взгляды на вред от гоголевщины в нашей литературе.¹¹ — Нельзя разорваться, и я все ждал, чтобы кто-нибудь другой¹² до этого *додумался* и специально бы этим занялся. — Говорил и *своим* студентам, Александрову и Кристи; но они еще не в силах выразить то, что *вкусом* начали понимать. — И хотя они со мною, видимо, согласны, но взяться еще не умеют смело и прямо за это дело. — Кристи дерзнул только сказать, «что похвально, что молодые таланты оставляют грубые выражения à la Gogol»;¹³ а другой, Александров, в «*Русском Деле*» разбирает повести Короленко,¹⁴ не умея еще тоже придаться к случаю, чтобы указать на то, что без внимания пропускалось всей нашей критикой за 30 с лишк(ом) лет. — Увидал я это,¹⁵ не вытерпел и поступил так, как поступил отец «Иртеньев» в «*Детстве и Отрочест(ве)*» Толстого. — Увидал он, что Николенька с Соней *не так* танцует мазурку; взял Соню у него и показал *как надо танцовать*.¹⁶

Мне очень любопытно было бы знать, какое впечатление производит на Т(ертия) И(ванови)ча моя критика и моя несколько дерзкая манера говорить о Гоголе.¹⁷

На этой почве я гораздо менее самоуверен, чем *в политике*. —¹⁸ И это понятно: поневоле станешь самоуверенным, когда почти все¹⁹ и проро-

чества, и советы мои немного позднее исполняются. — (Теперь — я пророчу войну и очень жалею не *Россию*, а *славу* любимого мною (как любят идеал) Бисмарка;²⁰ нарвется он на роковой *племенной* вопрос²¹ и будет потом предан анафеме немцами.²²) В эстетической критике я гораздо больше в себе сомневаюсь; — ибо не вижу еще торжества моих вкусов... Хотя и тут уже заметна некоторая склонность к любимому мною пути — т. е. более изящному и простому взгляду на жизнь. — *Без вывертов натуральной школы...*

Прошу Вас, Марья Ивановна, не взыскать за то, что письмо так длинно: когда-то, я помню, Вам мои *(письма)* нравились, и Вы сами мне это говорили; — может быть, и это не слишком обременит Вас.

С глубоким почтением имею честь быть —

покорн(ый) слуга К. Леонтьев.

Автограф: ГАРФ.

Ф. 1099. Оп. 1.

Ед. хр. 3075.

Цитируется: 6, 642,

643; 8, 1008.

¹ См. рекомендательное письмо Леонтьева о ней (п. 87).

² См. примеч. 2 к п. 87.

³ Далее зачеркнуто: «и».

⁴ Далее зачеркнуто: «через».

⁵ Далее зачеркнуто: «что».

⁶ Речь идет об Александрове и Уманове.

⁷ Перед этим начато и зачеркнуто: «н».

⁸ Возможно, имеется в виду обмен письмами в 1881 г.

⁹ См. примеч. 6 к п. 129.

¹⁰ Речь идет о статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (Гр. 1888. 15 янв. № 15. С. 4; 19 янв. № 19. С. 3; 24 янв. № 24. С. 4; 28 янв. № 28. С. 4), вошедшей в цикл «Записки отшельника». Скорее всего, Филиппову в рукописи в это время уже было знакомо и продолжение цикла: статья «„Анна Каренина“ и „Война и мир“», вскоре напечатанная в той же газете (Там же. 2 февр. № 33. С. 4; 6 февр. № 37. С. 3; 9 февр. № 40. С. 4). Последняя не была окончена и впоследствии составила II и III главы большой статьи о Толстом «Анализ, стиль и веяние».

¹¹ Впервые к этой теме Леонтьев обратился в 1863 г.

¹² Далее зачеркнуто: «эти(м)».

¹³ Мысль Кристи передана Леонтьевым не совсем точно. В первой статье «Литературного обозрения», которое Кристи вел в «Гражданине» в октябре — декабре

1887 г., он заметил, что в современном общественном сознании происходит «реставрация Пушкина», которая «уже принесла свои плоды». «Но еще больше плодов можно ожидать в будущем. Лучшее знакомство с Пушкиным, его большее распространение в русском народе будет иметь громадное влияние на внутреннее содержание и на внешнюю форму русской мысли, русского слова. Мы возвысимся духом, мы перестанем мыслить чужими идеями, будем жить национальными идеалами, речь наша очистится от карикатурных выражений, от неудачного подражания гоголевскому реализму и его грубым выражениям, новые молодые писатели найдут в Пушкине силу для выхода с ложного пути своих предшественников. Да, в Пушкине наше литературное возрождение, Пушкин наш учитель — и долго, долго будет им» (Гр. 1887. 1 окт. № 1. С. 3).

¹⁴ Речь идет о статье: Александров А. Молодые таланты в русской беллетристике. I. Владимир Короленко // РД. 1888. № 1. С. 12—14. Статья обсуждалась в переписке Леонтьева с Александровым.

¹⁵ Далее зачеркнуто: «и».

¹⁶ Имеется в виду гл. XXII («Мазурка») в повести Л. Н. Толстого «Детство». Танцевал Николенька мазурку не с Сонечкой, как вспоминал Леонтьев, а с одной из княжон Корнаковых.

¹⁷ Леонтьев обвинял Гоголя в одностороннем освещении жизни («Как у нас все скверно!»), называл его: «гениальный урод» (8, 298), «мрачный призрак (...) некрасивый, злобно-насмешливый, уродливый, „выхолощенный“ какой-то, но страшный по своей все понижающей силе» (8, 306), заявлял, что Гоголь «наложил» на русскую литературу «свою великую, тяжелую и отчасти все-таки „хамоватую“ лапу» (8, 304).

¹⁸ Далее начато и зачеркнуто: «Э(то)».

¹⁹ Далее зачеркнуто: «мои с(оветы)».

²⁰ Леонтьев относил Бисмарка к числу людей гениальных (8, 81, 280), «крайне сильных в своей выразительности и влиянии» (ср.: 8, 218). «Мне дорог Бисмарк, — писал он в 1889 г., — как явление, как характер, как пример многим, хотя бы и доказано было, что он нам безусловный враг» (8, 618). Но историческую роль Бисмарка Леонтьев сравнивал с ролью Наполеона: «... дать толчок дальнейшему смешению, где сословий и классов, где провинций или независимых государств одного племени; но результат их деятельности все тот же еще огромный шаг ко всеобщей ассимиляции» (8, 515; см. также: 8, 591, 618).

²¹ Ср. в статье «Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова» (1887): 8, 280—281, 284—286.

²² Ср. в статье «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1888): «В побежденной же Германии (кем бы то ни было (...)) непременно поднимет голову крайне либеральная партия, общественное мнение обрушится на Бисмарка, на „милитаризм“, и повторится здесь история Бонапартов (...) Германское государство (...) сделает сильный шаг к мещанской республике» (8, 534).

22 февраля
 1888 г., Петербург

СПб. 22 февраля 1888.

Дорогой Константин Николаевич.

Письмо Ваше, направленное к жене,¹ такого содержания, что ей отвечать на него никак нельзя: Детлову устроить она не может,² и моих суждений о Ваших критических отзывах передать не могла бы. Это все мои дела, а потому и отвечаю я, пока вкратце.

Детлову устроить в Варшаве не могу, ибо хлопочу за кн. Несвицкую, которой и обещано уже место Бологовской (дочь И. В. Киреевского), когда сия получит один из институтов, что ей уже обещано.³

Критические статьи Ваши некоторыми своими сторонами огорчили меня глубоко. Гоголь Вами не понят.⁴ Им, по моему мнению, заключился цикл наших литературных богов: он был последний идеалист, с возвышенным и строгим, в последние годы даже священным, настроением. На всех последующих наших писателей, не исключая и гр. Толстого, легла печать реалистического тления; конечно, «Война и Мир» гораздо свободнее от этого мертвящего влияния, чем прочие произведения самого Толстого и его сверстников. То обстоятельство, что литературный реализм возник вслед за Гоголем и истек как будто из его творений, не может быть поставлен в вину ему. Это значило бы: *(пропуск в копии, вероятно, для греч. или франц. текста.)* Это наша вина, что мы в родню ему приписали Белинского и его выводков. В этом и объяснение загадочному для многих сожжению⁵ «Мертвых Душ». Когда он увидел, в какой союз он попал без своей вины, то он осудил свою деятельность и разорвал все связи с своими эпигонами. Несомненно, что высокое, уже чисто аскетическое настроение его за последние годы могущественно содействовало сему разрыву и осуждению. С высоты «Лестницы», которая особенно его восхищала и которую он переписал своею рукой,⁶ желая глубже за-

печатать в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве. Что касается в частности «Мертвых Душ», то они вообще ему плохо удались: в них есть шарж; типы Собакевича, Плюшкина, Коробочки, Манилова неудачны; только Чичиков и Ноздрев дышат как живые. Но его мелкие комические вещи поразительны: «Коляска», «Нос», «Невский проспект». «Шинель» тоже истинно трогательная вещь, исполненная в строгом художественном стиле. А давно ли Вы читали «Рим»?⁷ На эту высоту зрения никто из его последователей не восходил. Одна страница «Страшной мести» стоит целой библиотеки. Еще два обвинительных пункта:

1) Можно ли оскорблять «Войну и Мир» сравнением с «Анной Карениной»?⁸

2) Каратаев стоит над всем, что создал Толстой.⁹

Ваш искренний Т. Филиппов.

НВ. Мало пишете;¹⁰ но, правду сказать, и у меня опускаются руки.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271.

Л. 51—51 об.

Цитируется: 8,

1008—1009.

¹ См. п. 168 а.

² Просьба, высказанная Леонтьевым в п. 168 а.

³ М. И. Бологовская с 1886 г. служила в Варшавской гимназии. На этом месте, судя по ее письмам к Филиппову, она оставалась и в 1892 г.

⁴ См. примеч. 17 к п. 168 а.

⁵ В копии ошибочно: «сближению».

⁶ О сохранившихся выписках Гоголя из «Лестницы» см.: *Воропаев В. А., Виноградов И. А. Комментарии // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 8. С. 828—829.*

⁷ Повесть «Рим» (1842) выделял из произведений Гоголя и Леонтьев (см., например: 6, 128). См. также примеч. 12 к п. 170.

⁸ Филиппов откликается сразу на две статьи Леонтьева о Толстом (см. примеч. 10 к п. 168 а). В статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» два великих романа, собственно, не сравниваются, а оцениваются как равные по достоинству: «Трудно решить, который из этих романов художественно выше и который политически-полезнее. (...) ...не знаешь, которому отдать предпочтение *во всецелости его*» (8, 309). Но во второй статье автор замечал, что эти романы «не только можно, но и

должно друг другу равнять» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 234), и признавался, что отдает первенство «Анне Карениной»: «... Роман этот — в своем роде такое совершенство, которому и по необычайной правдивости, и по глубине его поэзии ничего равного нет ни в одной европейской литературе XIX века. Есть стороны, которыми он стоит выше „Войны и Мира“» (Там же. С. 228).

⁹ Платон Каратаев в обсуждаемых статьях Леонтьева не упоминался. Филиппов или не заметил, что в статье вскользь упомянут, так сказать, однофамилец толстовского героя — персонаж «Записок охотника» «некрасивый Каратаев Тургенева» (8, 310), или же откликнулся на замечание Леонтьева о восхвалении Толстым «простых и скромных» героев (8, 306). Отметим, что толстовский персонаж не вызывал нареканий Леонтьева. Напротив, в одной из статей для «Варшавского дневника» «солдат Каратаев» появляется в ряду тех героев, кто для автора «лучше того „среднего“ мещанского типа, к которому прогресс теперь сводит мало-помалу всех и сверху и снизу, и маркиза и пастуха» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 95).

¹⁰ Действительно, после бодро начатого осенью 1887 г. цикла «Записки отшельника» в работе Леонтьева наступил перерыв.

170

Леонтьев — Филиппову

26 марта 1888 г.,
Оптина пустынь

26 марта 88. Оптиная Пустынь.

Уже не посетуйте на меня, Третий Иванович, что я позволяю себе представить на Вашу предварительную цензуру весь ряд статей о Влад(ими-ре) Соловьеве и Данилевском.¹ Я думаю, я надеюсь, что Вы не потяготитесь для общего блага. Что же мне делать? Я не только не богослов, я даже вообще не ученый. Про меня Астафьев, может быть, и справедливо говорит: «Леонтьеву помогает то, что он не специалист; от этого он смелее и как лунатик ходит по крышам и не падает». Но он это говорил про мои 6 глав «Прогресс и Развитие» (в «Виз(антизм) и Сл(авянст)-во»),² а они писаны в 74 году; с тех пор прошло 14 лет. Тогда, после Афона, попавши в Царьград — обновилась, вследствие этой антитезы, «яко орля юность моя».³ Я тогда верил пламенно в мое будущее, был очень страстен и вместе с тем только что возрожден искренней верой и потому ходил в полусне по крышам. Теперь иное, я покойнее, бесстрастнее и

к себе гораздо *недоверчивее*. Без Вашей цензуры я не решился бы, кажется, печатать этого. Кн. Мещерскому, как и большей части редакторов, довериться нельзя. «Недурно, умно, с направлением не особенно расходится». И довольно — *печатать!* От Вас я жду почти *беспоощадной строгости* к себе: я знаю, как Вы дорожите моим именем — и я *прошу* Вас быть строгим ко мне с этой истинно-дружеской точки зрения.

Щадя Ваши *глаза*, я предложил Эрасту Кузьмичу переписывать мне (за 10 % со ста р.), и батюшка от⟨ец⟩ Амвросий благословил нашу сделку. Это полезно и для избежания тех убийственных опечаток, которыми так часто страдает «Гражданин».

Фельетонов под *этим заглавием* будет много (10-11), 8 уже написаны, 2 следующих за *этими* кончает завтра Эраст Кузьмич. И я их тоже немедленно вышло. 3 фельетона о Платоне⁴ писал почти наобум; библиотеки моей все еще не привезли из Москвы.

По окончании возражений Соловьеву — думаю разбить на фельетоны тоже для «Гражданина» прежде еще (в 85 году) начатую работу мою о Данилевском⁵ — то есть более подробное определение, что в нем верно и что надо видоизменить.

От⟨ец⟩ Амвросий, когда я у него просил благословения на выбор следующей работы и перечисляя предметы, сказал мне: «Пишите прежде то, что Вы называете *историческим* пророчеством об России».⁶

Вообразите, что я стал колебаться (по недоверию к себе ли, или по недоверию к *справедливой* оценке других — не знаю) — и вдруг эта статья Вл. Соловьева⁷ неожиданно навела меня внешним толчком именно на тот труд, на который и старец указывал.

«Внутренние чудеса!», как говорил Хомяков.⁸

От кн. Мещерского я получил одну за другой две телеграммы. *Умоляет* присылать что-нибудь и не молчать.

Про себя-то я не молчал и давно уже написал 11-12 фельетонов⁹ — чисто-эстетического разбора «Войны и Мира» и «Анны Карениной»,¹⁰ но нашло это сомнение и «в силе» и «в правде»¹¹ своей и отложил это

пока для исправления. Насчет Гоголя — это одно недоразумение. Само собою разумеется, что я с Вами согласен и насчет «Рима» и насчет «Шинели» и насчет «Страшной мести». Да я мимоходом и оговорился об этом раз или два в скобках.¹² Вы верно забыли. Но я все-таки очень признателен Вам за Ваши замечания. Значит, я недостаточно выразил ту разницу, которую я полагал между этими произведениями Гоголя и «Мертвыми Душами», если даже и Вы не заметили! При поправке большой отложенной статьи¹³ приму это к сведению.

Впрочем, если бы Вы потрудились заглянуть на досуге в мои «Воспоминания о Тургеневе» в «Русск(ом) Вестнике», то там есть яснее об этом же (т. е. о Гоголе и его отрицании) (стр. 271—275, «Русский Вестник» март).¹⁴ Почти то же, что Вы говорите.

В заключение об Эрасте Кузьмиче. Я на него не нарадуюсь (дай Бог не сглазить!), так он здесь на месте. И старцы, видимо, им очень довольны. Я вижу его редко, сам не выезжаю до Пасхи, а он болтаться не любит! но когда вижу его у себя, радуюсь за него и на него и очень скорблю, что так мало дворян в монастырях. Что ни толкуй, а лишь бы они понесли телесные трудности — и средние из них лучше всего этого купечества, которым полны наши обители.

Будьте здоровы и меня грешного по-прежнему любите.

Ваш К. Леонтьев.

¹ Имеется в виду статья «Владимир Соловьев против Данилевского», над которой Леонтьев работал с конца февраля 1888 г. Она вызвана появлением в февральской книжке «Вестника Европы» начала статьи Вл. Соловьева «Россия и Европа» (см. примеч. 134 во вступительной статье, с. 49) и впервые опубликована в «Гражданине» (1888. 8 апр. № 99. С. 3; 11 апр. № 102. С. 4; 14 апр. № 105. С. 4; 16 апр. № 107. С. 3—4; 21 апр. № 112. С. 4. 24 апр. № 115. С. 4; 1 мая. № 120. С. 3; 9 мая. № 128. С. 4; 18 мая. № 137. С. 4; 21 мая. № 140. С. 4; 28 мая. № 147. С. 4; 2 июня. № 152. С. 4). Отклик Филиппова на первые главы леонтьевской статьи, прочитанные в рукописи, — в п. 172.

² П. Е. Астафьев высоко ценил «теоретические» главы книги Леонтьева «Византизм и Славянство», которые тот неоднократно планировал издать отдельной брошю-

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 37—39. Фрагмент

впервые: Материалы.

С. 493—494 (здесь:

28 марта). Цитируется:

6, 385; 7, 674;

8, 1024, 1009—

1010, 1075.

рой, и в 1885 г. популяризировал высказанные в этих главах идеи в своих публичных лекциях. См.: 8₂, 891.

³ Пс. 102: 5. Эту же цитату в связи с пережитым в Царьграде Леонтьев приводил и в «Моей исповеди» (6₁, 229).

⁴ Имеются в виду первые главы статьи о Соловьеве, где Леонтьев отвечает на упрек Соловьева Данилевскому за то, что теории последнего не «крылаты» подобно теории государства Платона, а «ползучи», т. е. «крепко держатся за данные основы общества и никогда не поднимаются на значительную высоту над современною им жизнью» (Соловьев Вл. Национальный вопрос в России. Изд. 2-е, доп. М., 1888. (Вып. 1). С. 114—116).

⁵ Работа осталась незавершенной. После смерти Леонтьева среди его бумаг была найдена рукопись, озаглавленная «О Данилевском» (упомянута в «Описи бумаг и сочинений К. Н. Леонтьева» под № 9. — РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 6), но ее местонахождение в настоящее время неизвестно. Известно также, что Леонтьев обещал Страхову в 1886 г. написать о нем и о Данилевском, а в ноябре 1887 г. готовил для цикла «Записки отшельника» статью «Гипотеза Данилевского и мои мечты» (см.: 8₂, 1023). Это заглавие, сообщенное в письме к одному из учеников (Я. А. Денисову), а также указание в комментируемом письме к Филиппову на 1885 г. позволяют связать замысел работы о Данилевском с заветным планом Леонтьева, о котором говорится дальше.

⁶ Подразумевается оставшийся нереализованным замысел Леонтьева: книга о национальной культуре и семи ее основах (см. п. 94 и примеч. 6 к нему).

⁷ Имеется в виду начало статьи Соловьева «Россия и Европа» (см. примеч. 1). Окончание появилось в апреле (см. с. 49), Леонтьев отвечал и на него.

⁸ Источник не установлен.

⁹ В копии: «фельетона».

¹⁰ Эти главы стали основой позднейшей работы Леонтьева — «Анализ, стиль и веяние» (1889—1890).

¹¹ Аллюзия на крылатые слова св. Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде».

¹² Ср.: «... Мрачный призрак Гоголя (не Гоголя „Гараса Бульбы“, „Рима“ и Вакулы, а Гоголя „Мертвых Душ“ и „Ревизора“) ...» (8₁, 306).

¹³ Имеется в виду переработка незавершенной статьи «„Анна Каренина“ и „Война и мир“», первые главы которой были опубликованы в «Гражданине» (см. примеч. 10 к п. 168 а).

¹⁴ См.: 6₁, 734—735, 737—738.

12 апреля 1888 г.,
Петербург

171
Филиппов — Леонтьеву

СПб. 12 апреля 1888.

Дорогой Константин Николаевич.

Ваша душа точно подслушивает мысли и ощущения, обитающие в моей, так что на сей раз как бы обличаются слова Апостола: «кто весть яже суть в человеце, точию дух человека, живущий в нем»?¹ Оказывается, что и духу чужого человека дается проникнуть в дух ближнего, как в свою внутреннюю храмину. Ни в чем, даже в оттенках, ни малейшего разногласия: этим мы обязаны своей верности духу и заветам единой Церкви. Если же при этом сообразить, как мало в православной России мы встречаем единомысленных нам союзников — даже и в нашем клире: то что из этого следует заключить? «Что не все желательное правдоподобно». Во всяком случае скажу с Филаретом: «но лучше мечтать сим образом, нежели любомудрствовать противоположным сему образом».²

Пишу наскоро, чтобы не замедлить выражением моего признательного восторга, которое, как должную дань и смиренное приношение, прошу принять с любовью и с мысленным братским лобзанием. Вот пригодился же и «Гражданин», и кн. Мещерский. Где же нашли бы приют такой искренний и сердечный — Ваши мысли, если б его не было с его изданием? Ведь и у него бывают иногда минуты литературного вдохновения, рождающие прекрасные и по духу, и даже по внешнему изложению, статьи, как например сегодняшний дневник,³ письмо Молчанова⁴ и т. п.

Мне дышится легче, когда я Вас читаю. Хотел было, несколько дней тому назад, сделать одну оговорку в одной из первых Ваших четырех статей, в которой говорится о национальной Церкви, как об одном из сильнейших орудий нашего обособления от Европы, и хотя говорилось это

от имени Данилевского, которому и принадлежит эта несообразность, но без всякой Вашей на эти слова заметки или поправки.⁵ Я предпочел подождать дальнейших статей Ваших и хорошо сделал: все исправилось само собой.

А мысль о национальной Церкви — одна из проклятых и наиболее опасных в настоящее время, ожидающая Вашей нещадной казни. Хороши бы мы были, если бы папе и Соловьеву, стоящим за всемирную, вселенскую — в их понятии — Церковь, предложили на вымен какую-то смысла не имеющую «национальную» Церковь. Им осталось бы прерзительно улынуться и отвернуться от нас.

Сей час пишу Страхову и Мещерскому о моих впечатлениях.⁶

Брату Ерасту (да простит мне он это гордое именование) пишу передать мою о нем радость (это о нем сказано: «и будеши великий купец»⁷), как о подражателе Господа Иисуса, приходившего, не да послужат ему, но послужится.⁸ Он попал в переписчики, и мой Апостол (Тертий, празднуемый в один день с ап. Ерастом — оба от 70-ти)⁹ тоже был переписчиком — переписывал послание к Римлянам и там, рядом с поклонами ап(остола) Павла, написал и свое приветствие, ныне от меня к Вам обращаемое.

Целую вы аз Тертий, написавый послание сие о Господе.¹⁰

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271.
Л. 53—54.
Впервые
(в сокращении):
8, 1025—1026.

¹ 1 Кор. 2: 11. Филиппов откликается на статью «Владимир Соловьев против Данилевского».

² С небольшими неточностями цитируется «Слово по освящении храма Явления Божией Матери преподобному Сергию...», произнесенное в Троице-Сергиевой Лавре 27 сентября 1842 г. См.: *Филарет, митр. Московский и Коломенский*. Творения. М., 1994. С. 212.

³ «Дневник» (рубрика кн. Мещерского в «Гражданине») от 11 апреля (Гр. 1888. 12 апр. № 103. С. 3—4) был посвящен приближающейся смерти Германского императора Вильгельма I и ее возможным последствиям в отношениях России и Германии.

⁴ О какой статье идет речь, установить не удалось.

⁵ Филиппов имеет в виду следующее место из статьи Леонтьева: «Ведь всякая национальная религия есть (по Данилевскому) самая существенная основная черта культурного обособления...» (8, 324). См. коммент.: 8, 1038.

⁶ Письма не выявлены.

⁷ Цитата из Великого покаянного канона св. Андрея Критского: «Бди, о душе моя! Изрядствуй якоже древле великий в патриарсах, да стяжеша деяние с разумом, да будеши ум зряй Бога, и достигнеша незаходящий мрак в видении, и будеши великий купец» (песнь 4). «Великий в патриарсах» — праотец Иаков.

⁸ Ср.: Мф. 20: 28.

⁹ Т. е. в день Собора 70 апостолов, 4 (17) января.

¹⁰ Рим. 16: 22. См. примеч. 3 к п. 16.

172

Леонтьев — Филиппову

29 апреля 1888 г.,
Оптина пустынь

29 апреля 88, Оптиная Пустынь.

Христос Воскресе, Третий Иванович! Я оттого несколько опоздал с поздравлением с Пасхой¹ и выражением благодарности за Ваше последнее ободрительное письмо, что хотел сделать все это за один раз вместе с отправкой при этом письме прилагаемых 2-х новых фельетонов.² Теперь речь идет о русской науке, как видите.³ Кроме этих двух слишком больших, к сожалению, фельетонов, будет *еще три* все о том же. В одном из следующих будет много о православной учености.⁴ Эти три будут покороче прилагаемых. Пусть кн. Мещерский не горюет, что некоторыми слишком длинными фельетонами я отнимаю у него много места доходного (через объявления). Что ж делать! И так мне все кажется, что я не слишком ясно пишу, а если разбивать их на 3-4 расстояния, то у многих читателей ничего не останется в голове. Не знаю, как Вы скажете, не дать ли *эти только 5* фельетонов «о науке» еще Н. Н. Стрехову на прочтение и даже на исправление? — Он ведь энциклопедия, особенно по естественным наукам. А ведь я почти все пишу по старой памяти — для точных справок у меня здесь вовсе книг нет. Интерес у нас с ним в защите Данилевского общий. Правда — у меня есть достаточно оснований думать, что у него ко мне есть какое-то *физиологическое*

*стихийное отвлечение.*⁵ (Он доказал это всегдашним нежеланием оказать мне какую бы то ни было критическую поддержку, за исключением одного раза, когда Ф. Н. Берг *уговорил* его написать в «Русский мир» разбор моего «Византизма», да и то он, отзываясь очень лестно о положительной Православной стороне моего труда — *ни слова* не сказал о главном — о моей гипотезе *триединого процесса развития и вторичного упрощительного смешения*; ни за, ни против).⁶

Но он все-таки человек все знающий, убежденный и добросовестный. И для общей цели вероятно с удовольствием исправит мои фактические ошибки. Я бы и сам написал ему письмо, но так как я уже решился *безусловно на Вашу волю* предоставить весь ряд этих статей, и сверх того знаю по опыту, как все подобное в Петербурге делается легко и скоро (особенно когда замешаетесь Вы), то полагаюсь вполне на Вас. Пошлете или не пошлете ему, как угодно. Вы видите, что я даже печатно заявляю, как я мало боюсь обвинений в частных ошибках,⁷ а все-таки *мне самому очень досадно*, что я не могу, например, указать точнее ни на сроки и года некоторых открытий, или выхода некоторых капитальных ученых трудов. Вот хоть бы года открытия *ячеек*⁸ — *кажется*, 40 года, и только. А кроме того, называя Швана хозяином этого дела, я не уверен, не изменила ли мне память. Помню, что, *кажется*, после Швана, гораздо более его известный и блестящий Шлейден — много потрудился над растительными ячейками.⁹ И все-таки не без основания не доверяю себе. С 60-х годов я почти совершенно бросил заниматься естественными науками, и что помню, то все относится к 50—40—30—20 годам. А в общих моих возражениях Соловьеву, конечно, я прав. Он совсем уж увлекся своим Католическим фанатизмом, и мои ему заметки о *сроках* прежде всего важны, мне кажется.

По окончании 5-ти фельетонов о «науке» будет один о *национальной мистике* (как выраж(а)ется Соловьев),¹⁰ а потом 2, я думаю, о *литературе нашей*.¹¹ Ну — тут я буду в своей сфере — и ошибок уж не опасаясь. После же литературы думаю еще в одном или двух фельетонах сделать

общи́й конечный сокращенный вывод или просто *перечень* афористический всего того, что было сказано. И конец.

От С. Ф. Шарапова получил на днях письмо, в котором он выражает свое удовольствие по поводу моих Солов(ьеву) возражений, но находит, что я еще слишком *ценю его!*¹² Понимаете — это *его искусственный* Аксаковский тон («Папешский дух», «Туфля» и т. д.).¹³ Он, конечно, во многом притворщик и, будучи по натуре человеком скорее практическим и хитрым, находит видимо выгодным представляться пламенным идеалистом Аксаковского стиля, но пренебрегать им не следует по многим причинам, между прочим потому, что он охотно дает в «Русском Деле» пристанище всей «моей» молодежи — Александрову, Уманову и тому Фуделю, который издал этой зимой весьма талантливую брошюрку о «Русской молодежи» в духе Достоевского,¹⁴ а теперь вступил со мною в переписку и желает стать даже и *формально* Православным.¹⁵

Еще новость: не знаю, говорил ли Вам И. Д. Делянов, что я рискнул сам просить его об Александрове,¹⁶ но решительность моя была удачна. На Страстной я получил от него (от И(вана) Д(авыдовича)) письмо с извещением, что «он просил Попечителя Московского Учебного Округа назначить Анатолию Александрову 600 р. стипендии».¹⁷ Это было хорошее *красное яичко* к Пасхе. Разумеется, я поспешил благодарить не только самого Министра, но и Любимова¹⁸ («Николашку», как Вы его зовете), ибо и он пособлял в этом... Кстати сказать, я узнал из надежного источника, что бешеную против Вас статью этим летом¹⁹ писал совсем не Любимов, а другой человек; и по отношениям его к Каткову, и по отношениям к Вам, — ему менее чем кому бы то ни было следовало бы это делать — *Васильев!*²⁰ Боже, до чего эти несчастные «сотрудники»²¹ продажны! *Любить* Каткова он не мог, после известного весьма подлого и мелочного поступка с ним Мих(аила) Ник(ифорови)ча;²² Вам он был обязан. Но стоило Петровскому небось по 5-6 к. за строку ему дать — и бешеная защита готова! Петровский — это какой-то твердый и лукавый болгарин по натуре. «Кутопонирос антропос»²³ — и всех их по-видимо-

му забрал в руки. Влад(имир) Андр(еевич), который своими *секретными* (от Каткова) статьями в еженедельном «Гражданине» доказал свое нам сочувствие²⁴ — не смеет обнаружить своих любимых «идей» и теперь в «Моск(овских) Вед(омостях)», потому что Петровский ненавидит «идеально» наши взгляды и сверх того лично терпеть меня не может особенно за одну мою (правда, что дерзкую и не совсем христианскую) с ним выходку в минуту раздражения. Жаль, что такой трудолюбивый ученый, умный и Православный человек, как Грингмут, так закабалился для содержания семьи... Я не думаю, чтобы он притворялся в своем нам сочувствии: какая бы ему, Катковскому, в этом корысть? И при Каткове он рисковал раздражить его против себя, посылая тайно свои статьи в мою пользу в «Гражданин».

Будьте здоровы. Марью Ивановну и все Ваше семейство честь имею поздравить с Светлым Праздником. У нас тут все зелено и прекрасно. Мне *очень хорошо!* Благодарю Бога! Эраст Кузьмич уже в *рясофоре* — от(ец) Эраст.²⁵ «Гражданин» читает. Монах он все лучше и лучше. Весело и душеспасительно на него смотреть. Ваше письмо он тоже читал и радовался.

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 39—42.
Впервые (фрагмент):
8₂, 1026—1028.
Цитируется: 6₂, 614.

Ответ на п. 171.

¹ Пасха в 1888 г. пришлось на 24 апреля.

² Речь идет о продолжении статьи «Владимир Соловьев против Данилевского». См. примеч. 1 к п. 170.

³ Один из пунктов «посмертной» полемики Соловьева с Данилевским касался вопроса о «национальности в науке». Соловьеву представлялась бездоказательной мысль, развиваемая Данилевским в VI главе его книги; кроме того, он заявлял, что современная русская наука находится в упадке. Теме науки посвящены главы IX и X леонтьевской статьи и несколько глав, оставшихся незавершенными и неопубликованными. В черновой рукописи одной из них есть примечания, сделанные Филипповым (см.: 8₂, 1066).

⁴ Эти главы не были написаны.

⁵ Подозрения Леонтьева были справедливы, что подтвердилось позднее свидетельствами В. В. Розанова. Откликаясь в 1915 г. на посмертную публикацию очерка Ле-

онтьева об Ап. Григорьеве, тот писал: «Ну, ясно *почему* Страхов не напечатал этой статьи. Из личных сношений и разговоров мне известно, что как он, так и Рачинский, решительно не выносили Леонтьева, не любили говорить о нем, не желали никакого распространения его сочинениям ...» (Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 614. (Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. Т. 7)).

⁶ Речь идет о статье: Н. С. <Страхов Н. С.> О византизме и славянстве // Русский мир. 1876. 20 мая. № 137. С. 1—2. Страхов сосредоточился в ней, главным образом, на раскрытии понятия «византизм».

⁷ Ср. в главе IX статьи «Владимир Соловьев против Данилевского»: «Нужна *точность* заглавий, нужны года изданий и т. п. Иначе найдутся люди, которые будут рады воспользоваться самой неважной ошибкой подобного рода. (...) Положим, всякий, кто „пишет“, должен быть готов перенести всякие ненужные придирки, но на все есть мера; и не боясь чересчур чужой недобросовестности, надо опасаться, из уважения к истине, собственной неосторожности. (...) Человек приучается все более и более бояться ошибок и убивает этой боязнью в себе ту силу фантазии и то дерзновение мысли, без которых невозможны ни замечательные открытия, ни великие гипотезы» (8, 372—374).

⁸ Сомнения привели к тому, что в печатном тексте десятой главы открытие ячеек (ядер клетки) лишь упомянуто в ряду других знаменательных научных открытий (8, 386). Кроме того, в одной из незавершенных глав среди «общих основ» и научных истин названо и то, что «существуют микроскопические *ячейки*» (8, 409).

⁹ На самом деле, последовательность научных открытий в этой области была иной: изучения ядер растительной клетки М.-Я. Шлейденом стали основой для дальнейших разработок теории клеток Т. Шванном. Леонтьев был знаком с трудом Шлейдена «Растение и его жизнь» (1847). См.: 6, 21.

¹⁰ Леонтьев имеет в виду следующее место из III главы статьи Соловьева «Россия и Европа»: «... Если наша философская мысль обнаруживает теперь мистическое направление (...) то она наверное никаких плодов не принесет *на почве нашего национального мистицизма*» (Соловьев Вл. Национальный вопрос в России. (Вып. 1). С. 138).

¹¹ Главы о литературе не были написаны. Тема «национальной мистики» затронута в незавершенных главах IX и X.

¹² Шарапов написал Леонтьеву 23 апреля, приглашая его выступить в «Русском деле» против Соловьева «во имя малых, которые жестоко соблазняются». См.: РА. 2004. № 1. С. 122—123.

¹³ Ср. в передовой статье Шарапова от 13 февраля 1888 г.: «Он (Соловьев) думает, что доказав общность культур романо-германской и славяно-русской (...) он докажет нам тем самым возможность примирения православия с католицизмом и приведет этим путем русский народ в Рим для лобзания папской туфли (...). Неужели г. Соловьев, восприяв в себя „дух папешский“, придет к тому же роковому пределу, у которого

остановились теперь со страхом народы Западной Европы?» (РД. 1888. 13 февр. № 7. С. 6).

¹⁴ Речь идет о брошюре О. И. Фуделя, подписанной криптонимом «N. N.», «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли» (М., 1888; вышла в декабре 1887 г.). О влиянии на него Достоевского см.: *Фетисенко О. А. Достоевский, «русские мальчики» и «православные немцы» («Годы учения» Иосифа Фуделя) // Достоевский: Материалы и исслед.* СПб., 2010. Т. 19. С. 203—221.

¹⁵ В эпистолярный диалог с Леонтьевым Фудель вступил через своего однокурсника Уманова. Сначала Уманов сообщал подробности о нем в своих письмах, потом Фудель решился написать в Оптину пустынь сам. Его первое письмо датировано 2 апреля 1888 г. Фудель отвечал в нем, в частности, на слова о своей брошюре из не дошедшего до нас письма Леонтьева к Уманову (о «формализме» и «мистике» в Православии): «Прежде всего я, Константин Николаевич, от формализма Православия не отказываюсь и не смотрю на мистическую сторону религий легкомысленно. Я пощусь, говею, по монастырям люблю ходить, не потому, что „надо-де исполнить обряд“, а потому, что глубоко верую в эту сторону религии и не отделяю в религии моральную сторону от мистической. Но таким я (признаюсь) стал *недавно*, не более двух лет тому назад (...). Тем не менее и до сих пор я плохой сын Церкви, потому что каждый христианин с моим умственным развитием *должен* очень много знать, вообще *сознательно* жить в Церкви (т. е. перечитать все творения св. отцов, знать Церковную Историю и т. д.). Этого-то у меня и нет, но я льщу себя надеждой заняться *как следует* своим церковным воспитанием тотчас же по окончании университета (и надеюсь, Вы не откажетесь руководить мною в этом)» (*Преемство от отцов*. С. 63—64).

¹⁶ Черновик письма к И. Д. Делянову он переслал 5 февраля на прочтение Александрову, а само письмо в тот же день было отправлено в Петербург. См.: *Александров*. С. 32—33.

¹⁷ Местонахождение письма Делянова неизвестно. Попечителем Московского учебного округа был в то время гр. П. А. Капнист.

¹⁸ Н. А. Любимову Леонтьев писал об Александрове и Уманове 3 февраля 1888 г. (см.: *Александров*. С. 33). Любимов ответил только 23 марта открытым письмом (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 3. Ед. хр. 4), получив от Леонтьева «любезный выговор в открытом письме за долгое молчание» (письмо к Александрову от 30 марта; *Александров*. С. 36). Открытка пришла в Оптину пустынь 29 марта, и на следующий день в письме к Александрову Леонтьев целиком привел ответ Любимова, сообщавшего, что все стипендии распределены, но «*Александров имеется в виду*» (Там же).

¹⁹ Подразумевается лето прошлого 1887 г. О статье см. примеч. 2 к п. 153.

²⁰ Речь идет о Н. В. Васильеве.

²¹ Участь журнально-газетного «сотрудника», который пишет «много, но к сроку и отчасти по заказу», кто «бегаёт сломя голову с утра до вечера по городу» (6,

44), «обивая пороги редакций» (6, 108), издавна не пользовалась сочувствием Леонтьева.

²² В начале 1884 г. Васильев ушел из «Московских ведомостей» и готовился к основанию газеты «Голос Москвы». В Москве широко распространилось литографированное письмо его к Т. С. Морозову (одному из жертвователей на новую газету), в котором давалась нелицеприятная оценка редакционной политике Каткова, а роль автора письма в формировании лица «Московских ведомостей» сильно преувеличивалась. Катков ответил уничижительной для Васильева статьей (МВед. 1884. 8 марта. № 67), заранее подорвавшей репутацию «Голоса Москвы» как газеты, претендующей на серьезность. Как видим, этот инцидент не помешал Васильеву позднее вернуться в катковскую редакцию.

²³ Лукавый человек (*греч.*). Ср. о греке-патриоте Исаакидесе в романе «Одиссей Полихрониадес»: «Человек этот был вовсе не умен; но он был тем, что мы зовем „кутопонирос“ — глупо-хитрый человек» (4, 232).

²⁴ По всей вероятности, кроме статьи о Леонтьеве (о ней см. примеч. 1 к п. 129), В. А. Гринмут поместил в «Гражданине» и другие работы. С приобретением — после смерти Каткова — более самостоятельной позиции в «Московских ведомостях» необходимость сотрудничества с другими изданиями для него, казалось бы, отпала. Тем не менее и в дальнейшем он писал под псевдонимом, например, в журнале «Русское обозрение» (что оставалось секретом даже для Леонтьева и Филиппова; см. примеч. 11 к п. 203).

²⁵ Филиппов после этого написал о. Эрасту поздравление с принятием пострига в рясофор, за что тот благодарил его в ответном письме от 15 мая 1888 г. (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1599. Л. 29—30 об.). После пострижения в иночество, при котором даются первые обеты, послушник носит рясу и камилавку (становится «рясофорным послушником» или «рясофорным иноком»), отсюда название «постриг в рясофор».

173

Леонтьев — Филиппову

23 мая 1888 г.,
Оптина пустынь

23 мая 88, Оптиная Пустынь.

Душевно благодарю Вас, Тертый Иванович, что Вы вспомнили о моих именинах и поздравили меня.¹ Не положит ли Господь Вам на сердце посетить еще раз нашу пустынь?² Какая была бы радость мне видеть Вас в моем здешнем доме! М(арье) Ив(анов)не мое почтение и детям Вашим

мой привет. Продолжать и кончать остальное о Влад(имире) Соловьеве³ пока не буду больше. Наскучило. Мещерский стал теперь *слишком расставлять мои фельетоны* (на 8-9 дней!). И мне кажется, что я *машу деревянным мечем по пустому месту!* Займусь теперь по благословению «Егип(етским) Голубем» для «Русского Вестника» и для «Прибавления» кн. Мещерского.⁴ Кому придется. А мне нужно к 1/2 августа 600 р. для поездки в Москву и Петербург на 2 месяца.⁵ Кто ни поп, тот и батька.

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 42—43.

¹ Вероятно, Филиппов поздравил Леонтьева телеграммой 21 мая.

² В следующий раз Филиппов посетит Оптину пустынь в июле 1891 г. (см. п. 209).

³ Речь идет о статье «Владимир Соловьев против Данилевского».

⁴ Продолжать «Египетский голубь» для «Русского вестника» Леонтьев решил еще в 1885 г., но вскоре и Катков переменял решение, и сам автор понял, что ему не хочется возвращаться «к действительности собственного прошедшего» (5, 838). В конце 1887 г. новый редактор «Русского вестника» Ф. Берг уговаривал его закончить эту вещь и даже послал на нее аванс. Возможно, после этого и было написано несколько глав (см.: 5, 400—461). Прибавление — «Литературное приложение к газете „Гражданин“».

⁵ Поездка не состоялась. В Москве Леонтьев побывал после этого в следующий раз в 1890 г.

174

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич!

3 октября 1888 г.,
Петербург

Как быть с Соловьевым? Задача очень трудная, но предложенная Провидением на решение, между прочим, и нам с Вами! Подумаемте вместе и попросим у отцев советов и молитв! Соловьев в своей «L'idée Russe» договорился до странных, даже смешных нелепостей,¹ и труд не в том, чтобы найти ему возражения: их сколько хочешь! Как объяснить дело всенародно, не оскорбляя ни *нашей* (т. е. русской) иерархии, ни мирской

власти, которая только унаследовала, а не сама создала, все вопиющие пороки нашего церковного положения. К порокам прежнего времени, коренящимся в сатанинских действиях Петра и Феофана и в их последствиях, приложился «в последние дни»² новый гнусный и чрезвычайно опасный порок филетизма,³ порожденный и вскормленный болгарским мятежом против Церкви и нашим ему покровительством. Прежде была надежда (у благочестивых и размышляющих людей), что наступит когда-либо минута, когда язвы нашего церковного управления и положения исцелятся при помощи и содействии единоверных нам церковей Востока, коим и мы, в свою очередь, могли бы оказать в чем-либо помощь. А болгарские события,⁴ оборвав наши связи с Востоком,⁵ создали наше одиночество, которым мы начинаем еще нагло гордиться. Катков не раз повторял, что Россия и Православие — одно и то же. Победоносцев идет по его стопам и измышляет все, что может повести к окончательному разрыву нашему с Востоком. С другой стороны, Русский иерарх, встречая Государя, говорит Ему: «Просвети лице твое на нас!», «да знаменается на нас свет лица твоего!»⁶ И за это никто не извергает из сана, им опозоренного; никто даже и не подумает обличить и наказать его, а того и гляди, дадут ему следующую ленту, или бриллианты на клобук!⁷ Вот ведь чем силен Соловьев! Харьковский Амвросий, бывший московским викарным, по случаю убийства Императора Александра II, говорил речь, в которой приводил на память слушателям последние слова Государя. «Холодно!» — сказал Государь. «Не напоминают ли вам эти слова голгофского „жажду“?» «Домой скорее! Там умереть!» «Не напоминает ли вам это голгофского „совершишася“?»⁸ — Когда я объяснил ему весь позор этого богохульства, он прислал мне извинительное письмо, подписавшись: «Кающийся грешник Амвросий»;⁹ но потом, переговорив, должно быть, с Победоносцевым, при свидании со мною, возвратился на блевотину свою.¹⁰

Кто-то (меня уверяли, что Победоносцев), по смерти В(еликой) Кн(ягини) Елены Павловны, написал в «Гражданине»: — «К ней можно от-

нести слова Евангелия: „Когда будет вознесена от земли, всех привлечет к себе“». ¹¹ А это Господь про Себя сказал и про свою крестную смерть!

При венчании на царство нынешнего Государя Митр(ополит) Исихор к Нему применил слова из Послания ко Евреям: «Аз буду Ему во Отца, и Той будет мне в Сына». ¹² А эти слова Божественный Павел приводит в доказательство того, что Иисус был Сын Божий, и ставит их в ряд с другими выражениями:

«Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя». ¹³ «Егда же вводит Первородного во вселенную, глаголет: и да покланяются Ему вси Ангели Божии!» ¹⁴

Таким образом выходит, что положительные выводы Соловьева опрокинуть можно, и это не так трудно; но этим удовлетворить Правде и успокоить возмущенное православное чувство отнюдь нельзя. Это наглое, не наказуемое и даже вознаграждаемое поругание Божия величия и Его святыни — все же это не вымысел, а быль (факт), непрерывно длящийся. Как тут быть? Чего требует от нас христианский долг? Подумайте об этом поприлежнее, посоветуйтесь и напишите мне.

Статьи Ваши в «Гражданине» ¹⁵ очень нравятся не одному мне. Освежают!

Прошу Вас передать старцам мой земной поклон, да покроет меня их любовь и молитва.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 3 окт(ября) 1888.

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 22—25.
Впервые:
Христианство. 4.
С. 402—404.

¹ Письмо появилось по прочтении Филипповым французской брошюры Вл. Соловьева «L'idée russe» — отдельного издания его лекции о русской идее, прочтенной в парижском салоне кн. Е. Г. Волконской.

² 2 Пет. 3: 3; 2 Тим. 3: 1.

³ От греч. φυλετισμός, племенничество. Идея устройства Церкви по национальному признаку, осужденная как ересь на Поместном Константинопольском Соборе в сентябре 1872 г.

⁴ Имеется в виду греко-болгарская церковная распря.

⁵ Подразумевается: с Восточными Патриархиями, прежде всего, с Константинопольской.

⁶ Цитаты из (заключительной) молитвы первого часа («Христе, Свете истинный...»).

⁷ Подразумеваются орденская лента и крестик из драгоценных камней на архиерейском (черном) или митрополичьем (белом) клобуке. Против наград для духовенства выступал Гиляров-Платонов. В мае 1881 г. он писал: «Установленные для духовенства гражданские награды, начиная со скуфей и кончая орденами, составляют вообще главнейшее из зол, которым страдает наша церковь и которым обусловлен упадок духовенства» (Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы Веры и Церкви. М., 1906. Т. II. С. 262). С введением наградных отличий, объяснял Гиляров, пастырь обращается «все более и более во внешнего приставника», а паства смотрит на него «как на внешнюю принадлежность храма, параллельную высокой колокольне, густому колоколу, богатому иконостасу, а к стати и голосистому дьякону» (Там же. С. 264).

⁸ Ин. 19: 28, 30.

⁹ Среди сохранившихся писем еп. Амвросия (Ключарева) к Филиппову письма с такой подписью обнаружить не удалось.

¹⁰ Аллюзия на 2 Пет. 2: 22.

¹¹ Ин. 12: 32. В статье Победоносцева эта цитата приводилась корректнее, чем запомнилось Филиппову: «Она уже взята от земли; но как сложились, по кончине, в ровную, спокойную красоту черты лица Ее, живые и подвижные, так сложится на вечную Ее память милый Ее образ, величавый, сияющий мыслию, и всех привлечет к себе» (К. П. <Победоносцев К. П.> 9 января 1873 года // Гр. 1873. 15 янв. № 3. С. 58).

¹² Евр. 1: 5. Этой цитаты в приветственной речи митрополита Исидора (по крайней мере в печатном ее варианте) не было. Впрочем, мессианские аллюзии в ней присутствовали. Ср., например: «Жив Господь, изрекший чрез пророка: *Возставлю пастыря овцам единого, и упасет я, — раба Моего Давида, той упасет я и упокоит* (Иезек. 34, 23). (...)... Сам Вышний, владеющий царством человеческим, внушает Избранному Своему: *Довлеет ти благодать Моя* (2 Корин. 12. 9). *Предо мною еси присно* (Иса. 49, 16)» (МВед. 1883. 16 мая. № 134. С. 6).

¹³ Пс. 2: 7; Деян. 13: 33; Евр. 1: 5, 5: 5.

¹⁴ Евр. 1: 6.

¹⁵ Речь идет о статье «Национальная политика как орудие всемирной революции (Письма к О. И. Фудель)» (Гр. 1888. 14 сент. С. 1; 16 сент. № 258. С. 1; 19 сент. № 261. С. 1; 20 сент. № 262. С. 1; 23 сент. № 265. С. 1; 27 сент. № 269. С. 1; 30 сент. № 272. С. 1; 3 окт. № 275. С. 1; 7 окт. № 279. С. 1).

4 октября 1888 г. Оптиная Пустынь.

Давным-давно, *давным-давно* я от Вас, Третий Иванович, не получаю ни строки. Утешьте меня одним из тех дорогих и милых писем Ваших, которые меня столько раз ободряли и утешали в самые жестокие минуты моей прежней жизни (о которой иногда и вспомнить мне страшно, но вспоминаю и нарочно и невольно об ней часто, чтобы лишний раз воскликнуть: «Благослови душе моя Господа и не забывай всех воздаяний Его!»¹). Было бы с моей стороны и грехом и даже глупостью не ценить того, я думаю — редкого в наше время — покоя и душевного и телесного, которым я здесь наслаждаюсь, но это касается личной жизни; если же обратить внимание на литературную деятельность мою, то Вы сами знаете это и видите — перемены к лучшему мало. Все продолжаешь писать как будто бы *по воде*. Не заметно *следов*.² Вы, конечно, можете спросить по этому поводу, что я сам у себя нередко спрашиваю: «неужели нельзя *привыкнуть* к этому равнодушию читателей и к этой несправедливости критики в течение *стольких лет*?» Как не привыкнуть! Конечно, привык в том смысле, что это ничуть не волнует меня. Но и не волнуясь (уже *давно!*), нельзя же не чувствовать вовсе разницы в своем положении, когда видишь сочувствие, слышишь какие-нибудь одобрения или вовсе не видишь и не слышишь *ничего!* Начинаются невольно сомнения — «*нужно ли все это?*» «Хорошо ли?» Не напрасен ли труд? Не взяться ли за что-нибудь другое и т. д. Меня многие зовут «художником».³ Я этого не люблю. И хотя это правда, что я эстетик довольно тонкий и критик весьма строгий к себе и к другим, но я никогда не соглашусь, что чистое «искусство» выше «проповеди» в том смысле, что писатель должен больше дорожить своими художественными произве-

дениями, чем своими религиозными или политическими убеждениями. Если бы «Переписка Гоголя с друзьями»⁴ была *сама по себе хороша*, то я был бы совершенно согласен с ним, понимал бы вполне его отвращение от прежней деятельности и сочувствовал бы ему. Но я недавно вздумал перечитать эту переписку, и что же? — грубая, какая-то изломанная и напыщенная *манера* его оттолкнула меня от этих писем, точно так же, как она оттолкнула меня в 51-м году, когда я в первый раз с этой перепиской познакомился (37 лет расстояния и все то же впечатление!). Эта досадная манера не мешает мне, впрочем, понимать его *существенное чувство*, его *основания*. И в самом деле, большая разница для внутреннего чувства нашего художественное произведение и сочинения *убедительного*, так сказать, характера.

Если бы человек даже пожертвовал бы всем в своей личной жизни для того, чтобы написать прекрасный роман, поэму или драму, и встретил бы только равнодушие и холодность, то, судя себя с высшей христианской строгостью, он мог бы сказать себе: «что же тут важного? *Так и нужно!* При успехе и популярности, с которыми вдобавок в наше время большею частью связано и богатство, я бы легче забылся, „вознесся“ и т. д. „Блажен муж, которого Ты, Господи, наказываешь!“»⁵

Но можно ли так *просто*, так не сложно отнестись к делу, когда речь идет не только о религиозной, но даже и о политической проповеди, о так называемой «публицистике»? Нет, здесь невозможно *так чисто* отделить *свое самолюбие от дела*. Когда дело касается только искусства — человек может приравнять себя к молодой женщине, которая желала бы привлечь внимание на свою красоту, ловкость и т. д. Это ей не удалось, она огорчилась; ей стыдно, но она набожна, помолилась, смирилась и утешилась. «*Я виновата*, одна я! Это тщеславие и это не нужно!» Когда же дело идет о публицистике, то писателя можно скорее уподобить такой матери или воспитательнице, которая *не может даже разубедиться в истине своих слов* и видит, что на проповедь ее не обращают дети или

юноши никакого внимания. Имеет ли она основание тут упрекать себя *только в самолюбии*, в гордости, в тщеславии? — В *некоторой примеси*, весьма может быть даже тонкой — да! Но не больше. Иначе это будет уже не то здоровое самоукорение, которому учат нас духовные наставники, а будет одна из тех болезненных и уродливых придилок к самому себе и другим, которыми так изобилует наша литература (особенно у Достоевского, Толстого в первых его вещах и у Тургенева).

Обвинять себя только в самолюбии, в желании «успеха для успеха» не имеет основания ни добросовестная мать, ни убежденный проповедник. Тут есть одно прекрасное средство проверить свою совесть; рада мать, если видит, что гувернантка или начальница училища лучше берется за дело, чем она? Если рада, то, конечно, совесть ее чиста. Рад писатель, увидавши, что другой, более его способный или счастливый, — говорит с успехом почти то же, что он «вопиял в пустыне»⁶? Если рад, то он чист совестью. *Я всегда был рад*, когда это случалось. Примеров мог бы привести много. Но Бог с ними! Хочется *плоды* видеть. И самое удаление мое сюда, столь полезное и для души, и для здоровья, и для досуга — имеет в себе, однако, ту невыгодную сторону, что по целым месяцам никакого даже частного словесного мнения не слышишь, ни за, ни против! *Цепенеет* мысль, и начинаешь сомневаться в самых основаниях своей деятельности... Больше распространяться об этом не буду! Вы все и так поймете.

Мещерский платит деньги очень хорошо, но он имеет 1000 раз случай напомнить обо мне и никогда этого не делает. Всех лучше Ишарпов: он во многом не согласен со мною, но чаще других поминает обо мне.⁷ Прошлого года, зимой — хоть Вы письмами Вашими одушевляли меня, а теперь и Вашего мнения не слышу давно! Скучно!

Будьте здоровы и почаще вспоминайте «отшельника».⁸ Мыслей и старых, не обнародованных, и вовсе новых так много, что я не знаю, что мне с ними делать! Сил и времени недостает! По вечерам все пассьянс

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 43—46.

раскладываю, *выучился*. Век живи — век учись. Дожил и до пассьянсов!⁹
Les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas!¹⁰

Ваш К. Леонтьев.

Марье Ивановне мое глубокое почтение, а Сереже поцелуй.

¹ Пс. 102: 2.

² Об этом же говорится и в начале статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции». Ср.: «В мои года писать прямо и преднамеренно для печати, какая, скажите, может быть особая охота, если не видеть сильного сочувствия, если не *ощущать* ежедневно своего влияния. (...) я разучился воображать себя очень нужным и полезным; я имею достаточно оснований, чтобы считать свою литературную деятельность если не совсем уже бесплодной, то во всяком случае *преждевременной* и потому не могущей влиять непосредственно на течение дел» (8, 498, 500).

³ Ср. в п. 80.

⁴ Речь идет о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (СПб., 1847).

⁵ Пс. 93: 12.

⁶ Измененная цитата Ис. 40: 3; Мф. 3: 3 (см. также аналогичные места в др. Евангелиях).

⁷ В первой половине года Леонтьеву были посвящены следующие статьи «Русского дела»: Аристов П. Леонтьев и его гадания (По прочтении статьи «Еще русский мыслитель» // РД. 1888. 10 янв. № 2. С. 14—15; М. А. Гальперсон А. М.) Новости литературы (Русский вестник, февраль и март 1888 г.) // Там же. 16 апр. № 16. С. 14—15; Шарпов С. Ф.) Чужие мысли и недомыслия // Там же. 22 апр. № 17. С. 22—23. Аристов спорил со статьей «П. Волженского» (см. примеч. 10 к п. 161), Гальперсон откликнулась на очерк «Тургенев в Москве», а сам редактор — на статью «Владимир Соловьев против Данилевского». Отвечая 4 мая 1888 г. Шарпову на его первое письмо, Леонтьев, между прочим, благодарил его за критические статьи неизвестных ему сотрудников «Русского дела»: «... Не могу согласиться во всем с этими *более пламенными, чем умными и толковыми* зовами моими; — но ведь и брань — даровая реклама. — И если человек находит распространение своих идей полезным, то он должен и *подобную* рекламу находить не лишней, между прочим» (РЛ. 2004. № 1. С. 126).

⁸ Отсылка к названию цикла статей «Записки отшельника».

⁹ Ср. в письме к Розанову от 19 июня 1891 г.: «... до прошлого года я считал тот день *потерянным*, в который я не писал; теперь таких дней множество (...) материальные условия жизни позволяют мне забывать о „вознаграждений“; а для „влияния“, которо-

го, при всем желании утешить себя иллюзией, я нигде открыть не могу, — не желаю отказываться даже и от гран-пасьянса, который можно раскладывать по целым часам» (Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. С. 366. (Собр. соч. Т. 13))).

¹⁰ День на день не приходится (*франц.*). Буквально: Дни сменяются, но не походят друг на друга.

176

Леонтьев — Филиппову

10 октября 88 г. Оптина Пустынь.

10—11 октября
1888 г., Оптина
пустынь

Я только что отправил Вам письмо,¹ Тертый Иванович, с просьбой *оживить* меня каким-нибудь добрым словом, как пришло Ваше с *чересчур уже* оживляющим и волнующим предложением возражать Соловьеву. Сказать в ответ я имею *многое!* У старца вчера я был и говорил ему об этом обстоятельстве, он принимает и сам все это очень к сердцу и благоговаяет меня испытать в этом деле свои силы. Письма Вашего я с собой не брал, ибо не знал, достаточно ли он бодр теперь, чтобы в него вникнуть. Но сегодня приглашу к себе Эраста Кузьмича, отдам ему письмо, и так как он теперь почти постоянно находится при от⟨це⟩ Амвросии, то ему и удобнее выбрать минуту, когда старец посвежее и менее изможден. Вы желаете, чтобы советы старческие касались бы не только меня, но и Вас. Вот для этой-то цели Эраст Кузьмич может быть полезнее меня: как человек здоровый и состоящий при от⟨це⟩ Амвросии. Мне же подняться в дурную погоду из дома целая история. Впрочем — «спеши медлительно» — это стало моим правилом в старости.² Вопросы, затронутые Соловьевым, до того важны, что этой борьбе не скоро конец. Она, вероятно, еще *только начинается!* Еще недавно я не видал ни одного человека, которого бы можно было назвать учеником его, а нынешним летом я здесь познакомился с Алекс⟨андром⟩ Петровичем Соломон (или Соломоном?), сыном сенатора;³ он (т. е. сын) *очень* умен и

образован, но предался учению Соловьева⁴ до того, что позволяет себе во время первого выноса даров⁵ *про себя* прежде всех помянуть: «Светлейшего Отца нашего папу Римского Льва XIII-го да помянет» ... Он сознавался в этом отцу Амвросию, и старец сказал ему только: «берегитесь, чтобы не погрешить!» Один ученик — немного, но ведь я его встретил здесь, в удалении! А завтра их будет, кто знает, и десять!⁶ Мои мысли и чувства (укоренившиеся во мне уже, вероятно, неизменно) таковы, что у меня *прежде всего* является страх того *обыкновенного* прозаического «буржуазного» европеизма, которого так справедливо боялся Герцен.⁷ *Разумеется*, это тогда, когда дело идет не о моем личном спасении, а о вопросах общественных. *Раз уже нет надежды*, чтобы все люди стали более или менее хорошими *Православными*, то (и не говоря уже о Католичестве!) приятнее было бы видеть, чтобы они были хорошими мусульманами, буддистами, скопцами, мормонами, хлыстами и т. д., чем обыкновенными европейскими тружениками, съезжающимися на либеральные какие-нибудь заседания. Уж если неизбежно, чтобы огромная часть людей уклонилась от *той веры, которую я для моего личного спасения* за гробом считаю истинной, если необходимо, чтобы все эти миллионы людей до самого конца света служили началам ложным, то пусть лучше они *смирятся* перед бесами, чем перед таким общим идеалом, как европейский средний *хам*! Этот самый Влад(имир) Соловьев, с которым мы за последние годы в Москве были очень близки и дружны, писал мне однажды из Петербурга так (по поводу одного совета, который я ему дал письменно, *раскрывши предварительно Варсонофия Великого*): «я Вам верю больше *того-то* и *того-то* (больше Страхова напр(имер), *потому-то* и т. д.), потому что Вы в этих случаях говорите не свое, а на основании Св. Отцов. С этой стороны — я ценю Вас гораздо больше чем Достоевского. Достоевский *горячо верил в существование религии* (как это зло и справедливо!) и нередко рассматривал ее в телескоп как отдаленный мир, но никогда не сумел встать на настоя-

щую религиозную точку зрения. Вы же хоть одной ногой стоите крепко на религиозной почве (*другая находится в области эстетики*)». ⁸ При-знаюсь, что это письмо его доставило мне *большое* удовольствие и я его не только храню, но, как Вы видите, *почти* наизусть это запомнил (да-леко его искать, а то бы я выписал бы это место в точности). Место об одной «ноге в области эстетики» — хотя и остроумно, но не знаю, на-сколько справедливо? *Эстетика* ли это только во мне или что-то более глубокое, тоже *мистическое*, только другого рода? И что такое сама э-стетика? Не есть ли прекрасное, как говорит Данилевский, *духовное на-чало в материи*? ⁹ И чем же мерять все то, что под мерило Православия не подходит, как не *этого рода* *духовным мерилом*. ¹⁰ *Общества* людские разве нельзя тоже рассматривать как *одухотворенную материю*? Мы все так и делаем; нельзя историю буддизма мерять и ценить посредством христианского догмата, а посредством какой-то общей *эстетической мистики* можно и должно. В Диоклетиане есть поэзия, в нем есть сила и красота, с точки зрения этой общей эстетики и он был гораздо ме-нее вреден Христианству, чем Сади-Карно, ¹¹ или даже *верующий* лично Лютер... и т. д. Вот с этой-то точки зрения, *от которой я и отделаться не в силах*, не переставая быть самим собою, я и опасаюсь прежде всего, что проповедь Соловьева, *примирая с Европой* даже и тех из них, кото-рым претит *безбожная западная демократия*, сослужит службу не столь-ко папству, сколько этому самому безбожию и этой самой демократии. Боюсь, что и его учение — такой же самообман, как и та самая «на-циональная политика», с которой я старался в последних статьях моих сорвать маску. ¹²

Если бы многие у нас так бы искренно ненавидели и западную де-мократию, и в России все то, что на нее похоже, как ненавижу я, то, ко-нечно, шаг за шагом пришли бы, если бы не сразу к вере, то хоть к сла-вянофильской *любви к Православию*, а за любовью этого рода легко последует и *личная* потребность живой, *богобоязненной Веры!* И тогда

бы вся история будущей России приняла бы иное направление. Вот естественный порядок моих мыслей. И *это* должно будет неизбежно просвечивать в моем возражении. С той же точки зрения, о которой Вы говорите, я писать не умею: для этого надо быть учение, специальное меня. *Этим-то* всего бы лучше Вам самим заняться. Даже и те *предосторожности* (не оскорбить слишком иерархию и высшую власть), о коих Вы упоминаете, Вы соблюсти сумеете лучше моего, как по Вашей «мерности»¹³ (такту), так и по близости Вашей ко всем подробностям дела. Одно другим, мое и Ваше — будет дополняться. Это *мое* мнение. А что скажет от(цу) Эрасту от(ец) Амвросий, о том сделаю приписку. Вообще я раньше декабря за это трудное дело взяться не могу. Во-1-х надо кончить начатое. Вскоре я вышлю Мещерскому второй ряд статей «Опасности панславизма».¹⁴ Всех писем 13.¹⁵ Все уже готовы, но надо еще *пересмотреть* их. В них идет дело о том, что и у нас, и в Турции в 19 веке произошло *то же самое*, что на Западе. И сверх того надо еще написать 6-7 писем заключения: «*как же быть и на что нам надеяться?*»¹⁶ Только по окончании всего этого можно будет приняться за возражение Соловьеву. Это раз. 2-е, я не знаю, где достать его книгу «L'idée Russe» и другую брошюру его «Россия и Вселенская Церковь»¹⁷ (кажется так?) Я знаю об них только по статьям «Моск(овских) Вед(омостей)» и «Гражданина».¹⁸ Но ведь так нельзя... Нужны сами книги. Не потрудитесь ли Вы их мне достать и выслать? — *Просто* ведь нельзя их купить: вероятно они запрещены? Ничего я этого наверное не знаю, сидя здесь.

В заключение прибавлю, что хотя писать я буду и потому, что от(ец) Амвросий благословляет, и потому, что Вы одобряете, и потому, что *двум-трем* людям — не более — быть может, и будет польза, но *как бы удачно* я за дело ни взялся, особенного влияния все-таки не будет. Такова уж судьба! Как *широко* ни бери — все результат узок. Я часто думаю, что я пишу только для Мещерского и для *Вашего* удовольствия. Вот и

«национальный вопрос» Вы считаете, что многим *нравится*. Во-1-х, «нравится» — это *очень мало* и слабо для вопроса истинно *страшного*; а во-2-х — что ж они все *молчат*, если нравится? У самого Мещерского недавно на днях было письмо некоего К....ва.¹⁹ *Очень умное, очень верное*, о том, чтобы мы думали о *себе*, о *России*, о *Босфоре*, а ни на румынских бояр, ни на славянских мужиков не надеялись бы. Ведь не пришло же на ум и этому К.... напомнить ни о книге моей,²⁰ ни об этой самой последней моей статье? Ведь он то же говорит, только *мельче судит, уже обхватывает... Все-то так...* И не поймешь причины. Разве опять *таинственную* отыщешь! А *резонной* и *простой* нет! Не то чтобы подлость, а что-то иногда и вроде этого. Какое-то *предательство* русской беззаботности и русского невнимания. Наскучит! Шарапов лучше всех, тот и бранит, и судит, и хвалит.²¹ Ведь критика и для собственного нашего *понимания* полезна. Лучше видишь слабые стороны свои и исправляешься. Ну, больше ничего пока. Завтра припишу о старце и буду ждать или книги Соловьева, или хоть указания, где их купить.

11 окт<ября>. Сейчас был у меня от<ец> Эраст с Вашим письмом и ответом от<ца> Амвросия. Батюшка находит, что: «*Вам писать нужно*». Он совершенно согласен с Вами, что слабые стороны, которыми страдает наша церковная жизнь, исторически унаследованы, но что, разумеется, Соловьев не имеет права на основании уклонений и ошибок некоторых иерархов, считать Церковь лишенной святости. Примеры этому всегда бывали, а Церковь оставалась Святою. Так передал мне от<ец> Эраст. Последний сверх того от себя прибавляет, что тексты, приведенные Вами, имеют больше *риторическое*, чем *существенное* значение и вредить они уже потому могут мало, что большинство даже и образованных людей тех оттенков не понимают, которые Вам ясны, как знатоку. Признаюсь, и я с ним согласен: не укажи Вы мне на все это, я бы и не приметил. Так себе «уподобление» и только. «Земная иерархия есть отражение небесной» и т. д.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 46—51.

Впервые:

«Я не умею
иначе...» (Письмо

К. Н. Леонтьева

Т. И. Филиппову от

10 октября 1888 года) /

⟨Подгот. текста

Г. Б. Кремнева;

примеч. Г. Б. Кремнева

и С. В. Хатунцева) //

Подъем. 2001. № 11.

С. 210—214; в 2000 г.

подготовлена

публикация,

вышедшая лишь

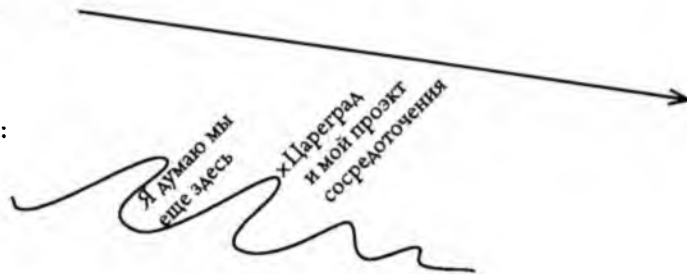
в 2002 г.:

Христианство. 4.

С. 404—408.

Иногда мне кажется, что Вы уж слишком мрачно смотрите на наши Церковные Дела. Я думаю, что все еще надолго поправимо. И хотя, разумеется, *все идет к концу*. Но ведь этот путь не такой

А такой:

Я, впрочем, не раз об этом Вам говорил. И на этот раз в статье о Соловьеве выскажу все до конца, *не принимая даже ничуть в расчет, приятно ли это будет самому греческому духовенству или нет*. Иначе же, если я по-прежнему буду умалчивать из «дипломатии» о самых главных моих надеждах,²² то лучше и не писать... Я не умею иначе.

Будьте здоровы, храни Вас Господь.

Ваш К. Леонтьев.

Ответ на п. 174.

¹ См. п. 175.

² Слова имп. Августа. Ср.: 4, 116; 6, 58.

³ Отец А. П. Саломона, Петр Иванович, был сослуживцем Филиппова и К. К. Зедергольма (будущего о. Климента) по канцелярии Св. Синода при гр. А. П. Толстом. Их семья каждое лето приезжала в Оптину пустынь — сперва к старцу Макарию, затем к его преемнику Амвросию (см.: 6, 413). Одна из дочерей П. И. Саломона (Евдокия) стала летом 1917 г. монахиней Шамординского монастыря. Со старшим поколением семьи Леонтьев был знаком еще с 1870-х гг. (П. И. Саломон даже приглашал Леонтьева остановиться у него, когда тот соберется в Петербург; об этом см. в письме к Губастову от 15 апреля 1875 г.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 12 об.), но с А. П. Саломоном и его женой Евгенией Владимировной знакомство состоялось лишь в 1888 г.

⁴ А. П. Саломон был в числе ближайших друзей Вл. Соловьева.

⁵ Т. е. на великом входе, когда поминается патриарх (в то время в России — Св. Синод) и правящий архиерей.

⁶ О растущем влиянии Соловьева даже на придворные круги см. в письме к Фуделю от 19 января — 1 февраля 1891 г. (*Преемство от отцов*. С. 269—270).

⁷ Сходные высказывания о Герцене см.: 7, 100, 122; 8, 182, 183, 443; 8, 155, 199.

⁸ Письмо, которое пересказывает здесь Леонтьев, было написано в 1885 г.; опубликовано Н. В. Котрелевым (*Вестник РХД*. № 158. 1990. С. 149—150). Автограф: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 227.

⁹ Слова «Красота есть единственная духовная сторона материи» стали эпиграфом к посмертным изданиям книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (начиная с издания 1888 г.).

¹⁰ Об этом в июле 1888 г. Леонтьев развернуто писал Фуделю. См. в письме от 6—23 июля: *Преемство от отцов*. С. 76—80.

¹¹ Этот пассаж перекликается с замечанием в п. 14 о том, что для Церкви угнетатели-турки были менее вредны, чем европействующие освободители. При османском гнете, как при языческих императорах-христианоборцах, рождались мученики, крепла вера. При «средних европейцах» и «легальных революционерах», к каковым Леонтьев относил и упомянутого им здесь президента Франции (о котором, между прочим, ходили слухи, что он даже не крещен), христианская жизнь разлагается изнутри, а вера угасает.

¹² Имеется в виду статья «Национальная политика как орудие всемирной революции».

¹³ «Ваша мерность» — принятое обращение ко Вселенскому патриарху. Ср. о Филиппове в п. 168 а: «...его чувство меры (...) всем известно» (с. 488).

¹⁴ Статья была опубликована под названием «Плоды национальных движений на Православном Востоке» (*Гр.* 1888. 3 нояб. № 306. С. 1; 8 нояб. № 311. С. 1; 12 нояб. № 315. С. 1; 24 нояб. № 327. С. 1; 28 нояб. № 331. С. 1; 1 дек. № 334. С. 1; 5 дек. № 338. С. 1; 9 дек. № 342. С. 1; 16 дек. № 349. С. 1; 20 дек. № 353. С. 1; 21 дек. № 354. С. 1; 31 дек. № 363. С. 1; 1889. 7 янв. № 7. С. 1; 13 янв. № 13. С. 1; 10 февр. № 41. С. 1; 14 февр. № 45. С. 1).

¹⁵ В итоге было напечатано 16 писем (глав), две главы (в рукописи их номера — XVI и XVII) остались в черновике и впервые с небольшими неточностями были опубликованы Г. Б. Кремневым: *Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство*. М., 1996. С. 564—566.

¹⁶ Третья часть цикла не была написана.

¹⁷ Книга вышла в мае 1889 г.; Леонтьеву о ней писал Губастов. См.: 8, 1038—1039.

¹⁸ В «Московских ведомостях» о новых работах Соловьева регулярно сообщал полизмировавший с ним Ю. Н. Говоруха-Отрок. Здесь же Леонтьев имеет в виду передовую статью «Москва, 29 сентября» (в оглавлении указана под заглавием «Новоявленный пророк» (*МВед.* 1888. 30 сент. № 271. С. 2) и статьи в «Гражданине»: Чужие мысли. Последнее слово антирусского мыслителя // *Гр.* 1888. 24 авг. № 235. С. 1; Два чудака // Там же. 6 окт. № 278. С. 1 («чудаки» — Л. Толстой и Вл. Соловьев).

¹⁹ Имеется в виду статья: Кр...ков К. С. <Красильников К. С.> Доколе же будем мы парить шизыми орлами под облацы? Публицистам «Московских Ведомостей» // Гр. 1888. 5 окт. № 277. С. 1—2. Основная мысль статьи такова: «Наша задача на Балканском полуострове в настоящее время должна заключаться (...) только в подведении счетов наших политических должников, болгар и румын, а не в фантазировании...» (Там же. С. 2).

²⁰ Подразумевается сборник «Восток, Россия и Славянство».

²¹ См. примеч. 6 к п. 175.

²² Речь идет о необходимости взятия Царьграда.

177

Филиппов — Леонтьеву

12 октября
1888 г.,
Петербург

СПб. 12 окт(ября) 1888.

Дорогой Константин Николаевич!

Наши письма, очевидно, встретились в пути. Я понимаю вполне Вашу жажду мысленного обмена и очень рад, что в впечатлении, какое производят на питерского читателя (строки) Ваших последних статей, могу сообщить Вам одни приятные, даже очень приятные вести. Камергер Юзефович, не зная, как Вас лучше похвалить, говорит мне: «Не правда ли, что статьи Леонтьева напоминают лучшую пору Каткова?» Выражение глупое, но очень для Вас лестное. Глупое же оно потому, что Вам как бы в особую честь поставляется сходство с Катковым, которого, к Вашей выгоде, вовсе и нет. Катков вовсе не был, как Вы, мыслителем самостоятельным, извлекающим из своих душевных глубин новые, освежающие современников мысли и положения: он никогда не торговал своим товаром, но был гениальным справщиком чужих понятий, с цыганскою наглостью бравшим их за себя. По скольким предметам он за известный период своей деятельности говорил да и нет, полу-да и полу-нет, и всегда с пеной у рта, «каким-то демоном внушаем»,¹ как будто бы он защищал идею, им зачатую, выношенную и порожденную. Выбрав свои глав-

ные темы из матерны обруганного им славянофильского катихизиса, он не только не почувствовал к ним признательности, столь естественной для человека, воспользовавшегося чужим добром, но даже посматривал на них через плечо.

У Вас же ничего нет краденого, — подобно Ахиллу, Вы имеете право сказать:

ἀτὰρ ἦν ποτὲ δασιμὸς ἱκῆται,
σοὶ (Каткову) τὸ γέρας πολὺ μείζον, ἐγὼ δ' ὀλίγον τε φίλον τε
ἔρχομαι ἔχων ἐπὶ νῆας, ἐπὶ κὲ κάμῳ πολεμίζων.²

Посему не скорбите о ограниченности области Вашего успеха, паче же радуйтесь о ней, помышляя о том, как стыдно было бы иметь успех в наше время, способное идти лишь за лжепророком. Видь, аще не плача достойна суть окаянная оная времена, в няже — увь! — достигоном.³ Отрадна и может быть будет спасительна задержка того разрушительно-го направления, по которому Россию устремляли к отверзтой пропасти освободители, но недостаточно задерживать, необходимо дать своему времени, вместо вредной пряной пищи, прохлаждающее,⁴ освежающее и утверждающее, Богом благословенное ястие и питье. Негодны прежние деятели, ныне рассыпавшиеся по странам;⁵ покажите же вы, их приемники, кто вы и в чем ваша вера. Я не раз говорил некоторым из них: «не забудьте, что вы — последняя ставка; что если не избудет правда ваша паче Сквозника-Дмухановского и почтенного Держимордова,⁶ то неизбежная нужда воззовет вновь к деятельности пока отдыхающих, но зорко стрегущих ваши деяния соперников». Как будто охранителям нечего дать народу, кроме насилия и угроз! Как будто Церковь должна на веки остаться в настоящем невыносимом во всех отношениях положении! Как будто школа обречена навсегда стонать под игом своенравных и корыстных руководителей, управляющих ею от имени доброго, но бессильного министра!⁷ И многое множество этих «как будто»!

А то богохульное раболепство, образцы которого предъявлены Вам в моем последнем письме! Жду ответа Вашего и особенно старцев! Когда древние римляне причисляли к богам своих императоров, они поступали несомненно мерзко; но, в облегчение их вины, можно припомнить, что подобное обоготворение истинно высокому и благородному человеку было вовсе не в честь, а скорее в стыд: ибо что за радость быть произведенным в чин плута Ермия,⁸ или явного прелюбодея Зевса!⁹ Но когда у Истинного Бога крадут Ему Единому подобающую честь, повергая ее к стопам человека, тогда нет смягчающих обстоятельств, и преступление не имеет пределов. «Чести Моея иному не дам!»¹⁰ глаголет Бог Ревнитель.

Обнимаю Вас.

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 26—29.

Ответ на п. 175.

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ Цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие IV, явл. 4).

² Цитата из «Илиады» Гомера (I, 166—169). Ср. в переводе Н. И. Гнедича: «... Всегда, как раздел наступает, / Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным / В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством» (указано В. Б. Прозоровым).

³ Источник не установлен. «В няже» — в которые (ц.-сл.). Эту же цитату Филиппов использовал и в письме к А. Ф. Кони от 10 декабря 1887 г. (ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1775. Л. 6).

⁴ Далее зачеркнуто: «и».

⁵ По сторонам (ц.-сл.).

⁶ Имена героев гоголевского «Ревизора» «встроены» в цитату: Мф. 5: 20.

⁷ Речь идет о Деянове.

⁸ Имеется в виду Гермес.

⁹ Возможно, аллюзия на происшествие со свв. апостолами Варнавой и Павлом, которых жители Листры приняли за спустившихся на землю Зевса и Гермеса (Деян. 14: 11—13).

¹⁰ Ис. 42: 8.

10 ноября 88 года. Оптиная Пустынь.

Позвольте, Третий Иванович, еще раз подвергнуть Вашей *строгой* цензуре (т. е. я *желаю*, чтобы она была строга) — эти 4 главы.¹ Опасаюсь каких-нибудь грубых фактических ошибок и продолжаю верить, что Вы не потяготитесь просмотреть и отправить потом князю. Выписал себе «Внешнюю политику Николая I» Татищева,² потому что с 13 главы начнется речь как о племенных «движениях» самих единоверцев наших с 60-х годов, так и об изменении в характере *нашей* политики (вообще не мы вели их, а они нас! *Либерально!*). Как я за это возьмусь — увидите. Но замечу только, что Татищев искренно ли, или по какой-нибудь досаде, по славянофильскому методу жалуется, что при Александре I и Николае I вели политику иностранцы и называет это «чудовищным»...³ Я же имею дерзость сопоставить такого рода два грубых и неотразимых факта: с одной стороны всё русские имена: Горчаков, Игнатъев, Лобанов, Новиков, Сабуров, а с другой небывалое дотоле расстройство церковных дел (т. е. главных для России) на Православном Востоке.

Придется и это Вам просмотреть.

Первую Вашу статью против В. Соловьева с радостью прочел,⁴ но потом Вы замолкли. Что это значит?

У нас здесь всё слава Богу. Отец Эраст всё *утверждается*, и его очень уважают в скиту. Он уже теперь служит примером во многом давним постриженникам.

Только одно уж пересолил: не хочет смаркаться в платки, а выучился *насилно* у других смаркаться в полу подрясника.

Вот небольшой пример тому, как вредно то, что в нашем духовенстве дворян так мало сравнительно с прасолами и семинаристами! Вместо того чтобы, учась у них вере, смирению и т. п., подавать им пример бла-

говоспитанности (что опять-таки для общих дел Церкви и паствы необходимо) — они (дворяне) заражаются их грубостью. Досадно! А религиозность в обществе несомненно растет. Недавно молодой князь Туркестанов (*очень умный*) поступил в скит.⁵ Двое из «моих» студентов этим летом приезжали не только ко мне, но и *благословляться* к от(цу) Амвросию на собственные важные начинания: один на весьма невыгодный брак лишь для *прекращения* блудной связи,⁶ а другой — для вопроса: идти ли ему в священники.⁷ Первому старец велел венчаться, а второму подождать. Хотя Вы и выразили прошлого года явное нежелание вмешиваться в мои дела с Мещерским, однако все-таки пожалуюсь на него: слишком *расславляет* мои статьи! Подозревая в этом весьма простибельный денежный расчет, я ему не раз писал, что я и так имею привычку делать длинные паузы между одной (*целой*) статьей и другой... Должно ужасно слабеть впечатление у занятых и рассеянных столичных читателей. Сам телеграфирует мне: *жду продолжения чудных писем!*⁸ А пришли «чудные» письма — объявление Цимсена заняло все место.⁹ Буду, конечно, и ему писать еще, и еще, и еще об этом. Такой «пахидерм»¹⁰ этот человек! Только оригинальностью его и утешаюсь! За это люблю его. Искренность религиозного чувства и «гарнисты»;¹¹ истинное барство с одной стороны и грубость с другой, прямота и «медный лоб»¹² и т. д. По крайней мере — *характер!*

Деньги высылает правильно и щедро.

Ваш К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 52—53.

Цитируется:

Христианство. 4.

С. 408; 8, 1159,

1075—1076, 1077.

¹ Имеется в виду статья «Плоды национальных движений на Православном Востоке».

² Речь идет о книге С. С. Татищева «Внешняя политика Императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны» (СПб., 1887).

³ Такого в точности высказывания в книге Татищева обнаружить не удалось. Укажу несколько сходных мест: «К сожалению, ему (Имп. Николаю I. — О. Ф.) недостава-

ло того могучего орудия, помощью которого великая Екатерина так высоко подняла в свое время значение русского имени в Турции, в Польше, во всей Европе: дипломатов, русских умом и душой» (Там же. С. 220—221); «Единственными представителями и проводниками русского влияния в балканских землях были, по выступлении наших войск, дипломатические чиновники, большею частию не русские по воспитанию и всему умственному складу, чуждые народным верованиям, стремлениям, обычаям, нравам. Они не только не сочувственно, но как бы недоверчиво и враждебно относились к православному населению, следуя в данном случае примеру, подаваемому им самими руководителями нашей дипломатии» (Там же. С. 334). См. также: Там же. С. 414—419, 463—464.

⁴ Речь идет о статье без подписи «Запрещенная книжка (*Idée russe*. Русская Мысль). В. Соловьев» (Гр. 1888. 30 окт. № 302. С. 1); впервые атрибутирована Филиппову мною (*Христианство*. 4. С. 408—409).

⁵ Кн. Б. П. Туркестанов.

⁶ Александров в сентябре 1888 г. женился, по благословию старца Амвросия, на Авдотье Тарасовне, девушке «из низов», невоспитанной, некрасивой, грубоватой, но глубоко преданной ему. См.: 8, 1076—1077.

⁷ В августе 1888 г. в Оптину пустынь приехал с женой О. И. Фудель, окончивший в том году юридический факультет Московского университета и поступивший на службу в губернское правление. Священником он стал только летом следующего года. Его воспоминания о первом посещении монастыря см.: *Преемство от отцов*. С. 448—455.

⁸ Имеется в виду статья «Национальная политика как орудие всемирной революции».

⁹ Имеется в виду занявшее почти половину газетной полосы объявление «Состояние счетов Государственного банка» (см.: Гр. 1888. 27 окт. № 239. С. 4). Кстати, оно было повторено и в день написания этого письма. См.: Там же. 10 нояб. № 313. С. 4.

¹⁰ Толстокожий (*греч.*).

¹¹ Намек на историю, случившуюся летом 1887 г., когда обнаружилась связь кн. Мещерского с горнистом Кавалергардского полка. При получении известия о том, что Мещерскому дана большая субсидия на издание ежедневной газеты, В. П. Гаевский записал в дневнике: «В это же время Мещерский попался в мужеложстве, — специальность, в которой он давно известен. {...}... назначение Мещерскому в то же время субсидии объясняется в публике тем, что ему всемилоостивейше разрешено заниматься мужеложством не раз в неделю, а ежедневно» (РНБ. Ф. 171. Ед. хр. 1. Л. 52 об.; запись от 23 сентября 1887 г.).

¹² Калька с *франц.* идиомы «front d'airain».

2 января 1889 г.,

Оптина пустынь

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 53—54.

179

Леонтьев — Филиппову

1889 года 2-го января. Оптиная Пустынь.

Константин Николаевич Леонтьев имеет честь поздравить Тertia Иванаовича со днем ангела и с Новым 89 годом. Молит Бога дожить, чтобы увидеть Царьград русским и Вас Обер-Прокурором.

180

Леонтьев — Филиппову

7 апреля 1889 г.,

Оптина пустынь

7 апреля 89. Опт(ина) П(устынь)

Христос Анести,¹

Тертий Иванаович!

Давно я и сам Вам не писал и Ваших тонко-каллиграфических и всегда оживляющих меня писем не получал! Захотелось поздравить Вас (и глубокоуважаемую Марью Иванаовну) и побудить Вас к ответу. Я ничего не знаю о Вас, как Вы здоровы и как дела вообще? Видел несколько времени тому назад в «Гражданине», что Вы благодарите всех тех, кто «вспомнил о Вас 10 февраля».² Но, что значит это 10 февраля: ни вспомнить, ни иначе сообразить не мог. Ехал было в конце февраля или начале марта один из «моих» юношей в Петербург.³ Он Вам еще неизвестен: «новый», приезжал летом сюда ко мне знакомиться и с тех пор стал руководиться у от(ца) Амвросия. Он тоже собирается в священники, и вероятно гораздо скорее, чем Кристи, достигнет этого;⁴ так как он на богословие не претендует, а готовится к простому экзамену⁵ и сверх того у него нет того множества сопротивлений и помех, которые приходится одолевать Кристи. Фамилия его Фудель; замечательно надежный, твердый человек, холодный и высоко-честный идеалист, германский дух на православной почве. Вот я ему дал к Вам карточку, но ему пришлось

отложить поездку в Петербург, и кстати просил его узнать, что такое случилось 10-го февраля? Печальное или приятное? Очень важное или среднее? Новое или старое? Скажите. Что касается до меня, то я здесь живу хорошо, по-прежнему, ум мой не только не дремлет, но работает гораздо охотнее и покойнее, чем в Москве; здоровье лучше; забот вещественных гораздо меньше; досуга и простора гораздо больше. Жаль только, что никак не доберусь *до сих пор* до самых главных моих мыслей. Еще многое я не досказал. На это много есть разных причин, но я надеюсь скоро с ними справиться. Вообразите, между прочим, я зимою колебался, за какой мне большой из 3-х начатых трудов ⁶ приняться; спросил от(ца) Амвросия, он велел *с молитвою бросить жребий, и вышло* — писать *роман*!⁷ Конечно — в христианском духе. Признаюсь, в мои годы — это страшно! Начнешь — не скоро кончишь. Но делать нечего — если такова воля Божия! Надо будет летом взяться за продолжение.

С Оптиной все пока *in statu quo*.⁸ Только дворян, слава Богу, все прибавляется. Осенью поступил еще молодой князь Туркестанов,⁹ *очень* умный и пока идет хорошо. Что касается до отца Эраста, то это просто образцовый, безукоризненный инок! Монахи радуются на него. Подкрепи его Господи! Он уже и теперь Оптиной очень полезен.¹⁰

А что Вы скажете насчет *всеобщего* молчания о моей брошюре?¹¹ В «Моск(овских) Вед(омостях)» *личная* ненависть ко мне Петровского, но *другие*? Кристи ведь издал ее на *свой* счет и всюду разослал. Как же наконец, это «*convention tacite*»¹² понять? Если бы были статьи, он бы мне их вырезал и выслал бы.¹³ Губастов из Вены пишет, что он тоже ничего в моих литературных делах не понимает. «Я, говорит, зачитываюсь? Чего же они в России *еще хотят*».¹⁴ Это его слова. Я ему советую обратиться к духовному объяснению,¹⁵ ибо, мне кажется, рационально подходящее, *теперь*, в 89 году, невозможно? Ну, *какое*, напр(имер), скажите хоть Вы? Ведь не слабо же? Не сбивчиво и темно? Современно, ясно, ново: имеет и большое практическое значение, как всякая верно выраженная теория, из *фактов* выведенная, а не из мечты...

Не вражда ли у всех *ко мне*? Этого вовсе нет... Влад(имир) Соловьев *восхищается* — и молчит (Кристи пишет, что Соловьев говорит: «его у нас не оценят»),¹⁶ Грингмут *восхваляет*¹⁷ и не пишет, не разбирает и т. д. и т. д.

Ума не приложу! Какое, право, счастье быть христианином и жить «под старцем». Другой бы из себя выходил... А я, конечно, не радуюсь этой неправде,¹⁸ *в прямом смысле*, но в косвенном (духовном), если и не радуюсь, то весьма легко утешаюсь многим другим. Вот денежная сторона — это хуже всего! Кристи истратил 200-300 р. с(еребром) и, вероятно, брошюра у него с рук нейдет. Это ведь всякого издателя и всякого друга даже отобьет? «Энигма»!¹⁹ Мудрый Эдип, разреши.²⁰

Обнимаю Вас и целую *трижды*!

Ваш К. Леонтьев.

¹ Христос воскресе (*греч.*).

² Вслед за столбцом телеграмм в одном из номеров «Гражданина» было помещено объявление: «Т. И. Филиппов искренно благодарит тех, кто благоволил вспомнить о нем по поводу 10 февраля» (Гр. 1889. 21 февр. № 52. С. 2). Ответ Филиппова на вопрос Леонтьева см. в п. 181.

³ Речь идет об О. И. Фуделе.

⁴ Фудель стал священником в июле 1889 г. в Вильно, а Кристи, с 1884 г. бывший вольнослушателем Московской духовной академии, встретил там неожиданные препятствия при сдаче магистерских экзаменов в 1888 г. Вместо обычного экзамена по специальности Кристи пришлось сдавать экзамены за весь курс духовной академии, причем некоторые профессора прямо давали ему понять, чем объясняется такое отступление от обычных правил: не только тем, что экзаменующийся не принадлежал к духовной среде и был кандидатом университета. Кристи повредила дружба с Вл. Соловьевым и защита его в статье «Чему учит теория развития догматов?» (ПО. 1887. № 2. С. 286—314). В 1889 г. он сдал эти экзамены в Санкт-Петербургской духовной академии, но рукоположения во священники уже не искал.

⁵ Такие экзамены у ставленников обычно мог принимать сам правящий архиерей.

⁶ Здесь могут иметься в виду книга о «будущей культуре» (см. п. 94, 170), статья о Толстом, роман «Подрути». Или — в другом раскладе — статья о Толстом, роман и

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. кр. 1025.

Л. 54—56.

Цитируется:

ПЛ. 2002. № 4.

С. 158.

автобиографические записки, называемые обычно Леонтьевым — с оглядкой на «Замогильные записки» Штаббриана — «посмертными» (в 1889 г. были начаты записки «Мое обращение и жизнь на Св. Афонской горе»).

⁷ Имеется в виду роман «Подруги».

⁸ В постоянном положении (*лат.*).

⁹ См. п. 178.

¹⁰ Будучи формально лишь письмоводителем старца Амвросия, о. Эраст фактически был юристом и Оптиной пустыни и Шамордина.

¹¹ Брошюра «Национальная политика как орудие всемирной революции» была издана Кристи на средства его отца. Вышла в начале февраля 1889 г.

¹² Молчаливое соглашение (*франц.*).

¹³ 24 апреля Кристи писал Леонтьеву: «Действительно возмутительно равнодушные печати к Вашей брошюре. Противные хамы!» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 21 об.).

¹⁴ Леонтьев вспоминает письмо Губастова от 10 декабря 1888 г.: «Очень Вам благодарен за присылку статей Ваших, появившихся в „Гражданине“. Я уверен, что они так же мудры и основательны, как и те, которые в „Сборнике“ и которыми я достаточно не читаюсь и не надивляюсь Вашей проницательности. Все главнейшие политические комбинации нашего времени были Вами предсказаны уже 6-8 лет тому назад. А сколько еще предсказаний на будущее! Неужели „Сборник“ не разошелся? Просто непостижимо. Чего же после этого читающей публике еще нужно? Жаль, что немцы не знают по-русски, а то бы они лучше нас оценили Ваши политические рассуждения» (Там же. Ед. хр. 112. Л. 16).

¹⁵ Леонтьев пересказывает свой ответ Губастову, датированный 22 декабря 1888 г. (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 176—178).

¹⁶ Имеется в виду письмо Кристи, в котором тот приводил слова Соловьева о леонтьевской брошюре «Национальная политика ...»: «... он говорит, что за границей Вы бы имели гораздо более умов сочувствующих, а здесь смотрят как будто это парадокс» (цит. по: 8, 1133). Леонтьев отчеркнул эту фразу на полях карандашом.

¹⁷ Об этом также Леонтьеву сообщил Кристи (в том же письме). По словам Кристи, Грингмут прочитал ему «целую лекцию» по поводу брошюры (см.: 8, 1133).

¹⁸ Аллюзия на 1 Кор. 13: 6.

¹⁹ Загадка! (*греч.*).

²⁰ Неточная цитата из посвященного А. А. Дельвигу стихотворения Пушкина «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы? ...» (1829). Должно быть: «Хитрый Эдип, разреши!»

16 апреля 1889 г.,
Петербург

Филиппов — Леонтьеву

Ἀληθῶς ἀνέστη ὁ Χριστός¹

Дорогой Константин Николаевич!

10 февраля исполнилось 25 лет моей службы в Г<осударственном> Контроле. Я юбилея не справлял, так что моя старшая дочь² узнала об этом двадцатипятилетию только из газет 11 ф<евраля>;³ но тем не менее из многих мест и от многих лиц получил приветствия,⁴ за которые и благодарил. Теперь снова приходят ко мне поздравления с получением Д<ействительного> Т<айного> С<оветника>,⁵ которое и Вас, без сомнения, порадует.

Итак, Вы видите, что *мои* собственно дела идут очень хорошо. Скорбь, которую я испытал от перемены в судьбе сына (по болезни — varicosele⁶ — он должен был оставить П<ажеский> Корпус и ныне готовится в лицей⁷), теперь утихла, вместе с его нравственным успокоением. Остальное все, слава Богу, очень хорошо! Про общие дела тоже ничего дурного сказать нельзя; есть даже много приятного. Так, напри<м>ер, перемены благоприятные в Сербии;⁸ вообще твердое и спокойное ведение иностранных дел Самим Государем, принесшее уже плоды и обещающее новые успехи в будущем. Потом поразительный переворот в нашем финансовом положении, при явной помощи свыше совершенный высокодаровитым и много сведущим Вышнеградским.⁹ Все это предметы для радости и залого твердого государственного нашего положения.

Только в области церковного управления, сверх прежних бед, прибавляется новый «ох и горе». Прочтите мое письмо от сего же числа к о. Ерасту.¹⁰

Удивление Ваше общему молчанию в сво<ю> очередь возбуждает удивление во мне. Вы предлагаете твердую пищу беззубому читателю, который привык питаться ожевинами. Строгое, самостоятельное суждение,

призывающее ум к работе и раскрывающее новые стороны в предметах, на которые взгляды — хотя и односторонние и пошлые — уже установились, производят в современном читателе ощущение болезненное. Он привык гоготать — прежде с западниками, позже с Катковым, — так ему подавай «уру»; без этого он жить не может. Он и Ашинову¹¹ рад, и его экспедицию приветствует!¹² Ну, что же Вы с этим поделаете! И не Вас одних не читают! Роман, вероятно, прочтут все и даже хвалить будут, но холодно. Это Ваша доля и Ваша честь! Обнимаю.

Автограф: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1035.

Л. 9—10 об.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 16 апр(еля) 1889

Ответ на п. 180.

¹ Воистину воскрес Христос (*греч.*).

² М. Т. Филиппова.

³ См., например: *НВр.* 1889. 12 февр. № 4655. С. 2.

⁴ Ряд подобных приветствий сохранился в фонде Филиппова в ГАРФ. Вот, к примеру, фрагмент из письма В. Астафьева от 23 февраля 1890 г.: «Царь царей видел Ваши труды и усердие, Он ведает, что во всем Вы искали Ему служить, в духе слова Его (Колос. 3, 23. 24) — в немощи, конечно, но и в уповании на помощь Его, — Он и воздаст верному рабу Своему, по богатству милости Своей, не оставит Вас без Своей помощи святой и в остальные дни Вашего странствия земного» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1409. Л. 1).

⁵ Сохранилось, например, написанное через несколько дней, 21 апреля, поздравительное письмо от о. Эраста (Вытропского): ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1599. Л. 39—39 об.

⁶ Варикозное расширение вен.

⁷ Имеется в виду Императорский Александровский лицей.

⁸ Имеется в виду произошедшее 6 марта 1889 г. отречение от престола в пользу сына Александра сербского короля Милана Обреновича. При 13-летнем новом короле было назначено регентство. Эти события внушали надежду на улучшение отношений России с Сербией, впрочем, тогда не оправдавшихся. В марте 1889 г. А. А. Киреев записал в дневнике: «Дуралей Филиппов совершенно бестактен, все восхваляет Милана!» (РГБ. Ф. 126. Ед. хр. 11. Л. 135 об.). По-видимому, подразумевается, что «восхваляет» именно за отречение.

⁹ И. А. Вышнеградскому удалось уменьшить бюджетный дефицит, увеличить золотой запас, укрепить курс рубля, начать выкуп железных дорог в казну.

¹⁰ Письмо не выявлено. Судя по ответу Леонтьева (п. 182), Филиппов сообщал о. Эрсту о готовящихся изменениях в законодательстве — о расширении оснований для разводов и облегчении условий, разрешающих разведенным вступать в новый брак. Возможностью подобных реформ был обеспокоен и Киреев. Еще в феврале 1884 г. он спорил Победоносцевым о церковном законодательстве и отступлениях от него: «Я его усовещивал, укорял за те послабления, которые делаются в брачных делах (некоторые священники венчают лиц, заведомо лишенных права вступать в брак), он мне все отвечает, что нужно оставить „окошки“, что если слишком настойчиво сильно проводить все церковные законы, то пожалуй доведешь дело до того, что вызовешь целую революцию против Церкви. (...) Какие ужасные слова! В них выражается вся шаткость правительственных взглядов на самые серьезные дела, *взглядов Государя!*» (Там же. Ед. хр. 9. Л. 305).

¹¹ От начала абзаца до этого слова — подчеркнуто карандашом.

¹² Политический авантюрист Н. И. Ашинов («вольный казак», как он себя именовал), пользовавшийся финансовой поддержкой московского купечества и одобряемый патриотически настроенной прессой, предпринял в 1886—1889 гг. несколько экспедиций в Абиссинию, якобы добиваясь присоединения оной к России. В январе 1889 г. отряд Ашинова занял разрушенную крепость Сагалло на берегу Таджурского залива и поднял над ней русский флаг. Территория, однако, оказалась принадлежащей Франции, и спустя недолгое время крепость была обстреляна французскими военными судами, а «вольные казаки» депортированы. Международный скандал, тем не менее, был замят, поскольку его обострение не было выгодно ни России, ни Франции. Наказание, ожидавшее Ашинова в России, было очень мягким: он был выслан в Саратовскую губ., где еще долгое время находился под надзором полиции. См.: Хренков А. В. Эфиопская «миссия» Николая Ашинова (по неопубликованным документам архивов Москвы и Ленинграда). М., 1987; Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999.

182

Леонтьев — Филиппову

27 апреля 1889 г.,
Оптина пустынь

27 апреля 1889 года. Оптиная Пустынь.

Тертий Иванович!

В начале мая едет по своим делам в Петербург Фудель, о котором я уже Вам писал.¹ Он явится к Вам с моей карточкой, помеченной еще в феврале или марте.² Пожалуйста, не потяготитесь его принять и наста-

вить его отчески. С Вами *одним* я советовал ему говорить совершенно откровенно и руководиться безусловно Вашими советами. Я предупредил его также, что если вследствие каких-либо неблагоприятных обстоятельств Вам нельзя будет *прямо* ему содействовать, то одни советы и указания Ваши стоят другой протекции.³ Митрополит Иоанникий видимо не желает допустить его до священства в Московской епархии,⁴ и теперь Фудель возлагает все надежды свои на пр(еосвященного) Леонтия Варшавского (тем более, что его родные в Польше и мать его даже католичка, которую он не отчаивается обратить).⁵ Я же написал ему, что пр(еосвященный) Алексей, который теперь в Петербурге, в Синоде пожалуй будет ему полезнее.⁶ Впрочем, Вы все это лучше моего знаете.

Победоносцеву я, впрочем, написал сам рекомендательное письмо, пусть с ним едет. Вам известно, что Победоносцев еще недавно (несмотря на мою дружбу с Вами и на посвящение Вам книги) был очень благосклонен ко мне, писал мне очень любезно, купил для семинарии 60 экземпляров моего сборника⁷ и говорил Елизавете Степановне Кротковой обо мне с сочувствием, жалуясь только, что я «мечтатель», думаю о «восстановлении патриархии», о какой-то новой организации на Босфоре и т. п.

(Заметим кстати, что Елизавета Степановна, по ее уверению, сказала ему на это: «да, слава Богу, что мечтает! Вы здесь с Вашей казенщиной всякое мечтание можете убить. Но хорошо ли это?»).

Из всего этого я имел право заключить, что нет еще данных думать, что моя рекомендация Фуделю пользы не принесет. Написал и Саблеру, который в бытность свою здесь летом 87 года был ко мне чрезвычайно внимателен.⁸

Но все-таки я советую Фуделю прежде всего к Вам явиться. Ему предлагают уже заранее место в Лесном монастыре⁹ (женском) не духовником — для этого есть старый священник¹⁰ — а помощником игуменьи для борьбы с католичеством.

Меня очень пугает возобновление болезни гр. Д. А. Толстого и поездка Захарьина в Петербург. Страшно за будущность *сословных ре-*

форм без него.¹¹ Я с патриотической точки зрения — возлагаю на них большие надежды и даже признаюсь, что у меня сложилась такая мысль или, вернее, полу-мысль, полу-чувство: *возрождение сословной неравноправности в России, присоединение (более или менее скорое) Царьграда и осуществление на Босфоре того, что Победоносцев зовет моей мечтой* (т. е. централизации церковного управления) и *сохранение общинного владения землей у крестьян* (вопреки грубым и легкомысленным взглядам на общину, которые по ограниченности своей и близорукости своей допускает на стр(аницах) «Гражданина» наш князь Мещерский¹²): эти три основы (конечно, при самодержавии) — эти условия в моих глазах суть *мерила* того, имеет ли Россия особую от Запада будущность, или она только лет на *сто*, не более, помоложе Франции¹³ и пойдет позднее туда же, т. е. к *чорту*... (в нигилистическую республику, например).

Кто может заменить гр. Толстого для этой цели — не знаю! И очень горюю... Кроме того — здесь в Оптиной на днях прошел другой очень неприятный слух, должно быть состоящий в связи с болезнью Толстого: будто бы *Саблер* будет обер-прокурором Св. Синода,¹⁴ потому что Победоносцев назначается *Министром Внутренних Дел*! Второе, по-моему, еще ничего, я не имею никаких оснований опасаться этого. Но *Саблер* обер-прокурором — вот что мне кажется *мелким и ужасным*. Он не произвел на меня серьезного впечатления. Константин Петрович во всяком случае человек серьезный, который и смолodu был лично религиозен. Но *Саблер*! Верить не хочется!

Он именно правитель *канцелярии* и больше ничего.

Впрочем, эти слухи *дамские*.

Вы пишете относительно моих сочинений, чтобы я оставил всякую надежду¹⁵ «видеть правду на земле живых!»¹⁶ и что «твердая пища» оригинальных мыслей, которые я предлагаю «беззубым», по Вашему мнению, читателям, ставит их в тупик и производит с ними даже «болезненное» ощущение.

Трудно к этому привыкнуть, Третий Иванович, сколько ни смиряйся перед волей Божией. Вы знаете, однако, что есть и много почитателей, но одни из них не пишут вовсе для печати, другие еще голоса не приобрели, а третьи *не хотят позаботиться* о распространении тех идей, чувств и вкусов, которым они приватно горячо сочувствуют. Так что с точки зрения *практической* можно иногда даже и Комарову с К° сказать небольшое спасибо за то, что хоть «психопатом» печатно зовет.¹⁷ Досадно только то, что меня делают слишком уж во всем «солидарным» с «Гражданином».¹⁸ Я *во многом* — никак не могу с ним согласиться... И *войны*, например, жду не дождусь;¹⁹ хороша эта «политика выжидания», — но дай Бог, чтобы она стала, *наконец*, невозможной.

Вообще сказать, «Гражданин» иногда очень хорош, делен, поучителен, умен, а иногда ужасно непоследователен, сам себе противоречив и неприятен *беспрестанной недоконченностью мысли*. Видно, что *жрецы*, которые по очереди садятся в «идол»²⁰ — довольно разнообразны, — а сам общий дирижер небрежен, ленив, и хотя он и «целен» — это правда, но ведь цельность бывает нередко и дубовата. Положим, «на безлюдье и Фома дворянин», а все-таки иногда грустно!... Не то бы нужно, и не то бы *можно*!

Относительно проектов «о разводе», о которых Вы пишете,²¹ я не судья. Помню, однако, что Янинский митрополит Софроний говорил мне в 70-м году, что у них разводит легко всякий епископ и без прелюбодеяния: достаточно *взаимного соглашения неуживающихся* супругов; им дают сроки для вразумления, или чтобы дать время одуматься, а после троекратной отсрочки и троекратного настояния с их стороны — разводят. Относительно права вступать в новый брак — не помню. Вообще сказать, у нас в России семейная жизнь *издавна* в большинстве случаев — так некрасива, несимпатична, неблагоприятна,²² что право не знаешь, чего и желать для нее! Об этом предмете я решительно *не умею* судить. Обстоятельства мои сложились так, что и я живу чем-то вроде семейной жизни, но что ж мне делать — семья никогда моим идеалом (даже и

хорошая) для меня самого не была! С тех пор как я стал *веровать*, я стал смотреть на семью как на своего рода *аскетическое* учреждение, которому, *по страху Божию*, надо подчиняться и только.²³

В заключение сознаюсь Вам, что очень бы желал *оставить* *вовсе* всякие статьи для «Гражданина» и для всяких журналов и заняться одними лишь *посмертными* писаниями.²⁴ При занятии последним будет до гроба (видимо столь уже близкого, ибо я все и на *ноги* слабею) сопровождать меня какая-то иллюзия, что *после* одумаются и многие, очень многие, если не все станут смотреть на меня так, как смотрите Вы, Ив. Ив. Кристи, этот самый Фудель, Александров (который теперь трудится над статьей: «Два художника мысли»,²⁵ т. е. Л. Толстой и я), и кой-кто еще там и сям. И кроме этой загробной и ребяческой, быть может, но все-таки утешительной мечты, есть еще надежда, что успею я оставить подробные записки о моей столь разнообразной и наполненной жизни, о встречах моих и делах со столькими известными и замечательными людьми, то любимые мною лица, которых я жалею, потому что они *ничего не имеют*, получают доход с этих записок,²⁶ более верный и обильный, чем от других моих сочинений, которым вот и Вы сами *никогда не сулите настоящего успеха!* Вы говорите: «это Ваша *доля* и Ваша *честь*». Доля — согласен, но почему же *честь*? Не поздоровится от такой чести!²⁷ Все-таки невозможно писать постоянно только для десятка друзей, которые (*кто знает?*), быть может, и пристрастны ко мне по любви личной. Благодаря любви ли, уму ли очень тонкому и дружбой вдобавок подкупленному — читают между строчками моими, а *других* я увлечь и убедить не умею... Что толку мне в том, что *через 5-10-15 лет* большинство начинает говорить и делать то, что я говорил, — ни один не помянет меня, и я сам знаю, что они правы не поминая, ибо, *не меня они изучая* — ждали только времени из боязни или других практических соображений, чтобы дальше развить мою мысль; *вовсе нет*, я был не наставником, а только вечно не признанным и вечно не *читанным* даже пророком... Все те люди, которые говорят позднее то самое, что говорил я раньше, не у меня это вы-

читали, но *сами дошли* до тех же мыслей²⁸ под влиянием *обстоятельств жизни* и хотя выразили их гораздо хуже моего, но во время *действуемое*.²⁹ Я вижу издали «сучок», догадываюсь, что это бревно, и говорю о нем, они видят прямо бревно, когда оно уже близко и приходят в ужас или радуются, если бревно полезное. Но о *моем сучке* они все-таки не слышали и потому вполне правы, что и не хотят вспомнить меня.

Помириться с этим можно только в области высших духовных помыслов, что я и делаю, ибо как видите и *знаете давно*, лично я не раздражен и не убит духом и считаю *личную мою жизнь* в старости очень *счастливой*, благодаря отцу Амвросию, Вам, Деянову, Гагарину, Дм(итрию) Анд(реевичу) Толстому и кой-кому еще.

Но, если *вещественные некие обстоятельства* позволят, употребляю все усилия, чтобы избавить себя от бесплодного участия в современной умственной борьбе!.. Где же польза? Сам Мещерский печатает, *просит* писать, — деньги (*кой-какие*, если говорить строго и житейски, *очень хорошие* — если говорить смиряясь и духовно) высылают, но разве я на него самого имею *настоящее влияние*. — Он беспрестанно противоречит мне в других статьях и сам, и устами сотрудников своих. Вы скажете: «я слишком много требую» ... Я отвечу: я ничего от него не требую, я Вам, как *неизменной опоре и другу*, *исповедуюсь* в том, какие и какие обстоятельства подавляют меня и заставляют даже мечтать о *материальной* возможности надолго умолкнуть в печати.

Не велик грех пожилой девушки, помолившись усердно поутру за литургией — вечером ездить на балы, но ведь и мы с Вами больше ее будем уважать, если она, убедившись, что она уже никому не нравится и что с ней никто даже и танцевать не хочет, перестанет ездить на танцевальные вечера ... Вот если у нее нет достаточных средств к жизни и она ездит «за деньги», чтобы вывозить молодых, то это уж *нужда*, а не *охота* и не *претензия*. Охоты нет, *претензии* ошибочные пора оставить, а об устранении *кой-каких побочных нужд*, требующих добавок к пенсии (для личной жизни вполне достаточной), надо усердно Богу молиться!

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 56—62.

Цитируется:

6, 260, 674.

«Время близко!»³⁰

Обнимаю Вас крепко — и ужасно жалею, что Сережа не может быть «воином»! Такая это мне досада! Что ж мне делать! Я даже (уж простите Христа ради) и Ашинову очень сочувствовал. — Ужасно желал, чтобы он помог «монофизитам» — Абиссинии — прогнать итальянских хамов из Массавы...³¹

Ответ на п. 181.

Ваш К. Леонтьев.

¹ См. п. 180. 15 апреля 1889 г. Фудель сообщил Леонтьеву, что хочет «числа 5—7 мая» поехать на десять дней в Петербург для встречи с архиепископом Леонтием Варшавским (*Преемство от отцов*. С. 140).

² Рекомендательные карточки к Филиппову и кн. Мещерскому Леонтьев послал Фуделю 1 марта (Там же. С. 121). Тогда его поездка не состоялась.

³ 22 апреля Леонтьев писал Фуделю: «Филиппов, к сожалению, на Побед(оносцева) не может прямо действовать, ибо „враг“ (истинно — так!) посеял между ними раздор за идеи, обратившийся потом, как водится, и в личную неприязнь. Но он *более всех* может быть полезен Вам своими советами и указаниями. — Он *очень* изобретательного ума человек, с глубоким знанием и Петербурга, и церковных дел, и человеческого сердца. (...) На него Вы можете *вполне* положиться» (Там же. С. 141).

⁴ См. об этом в письме Фуделя от 15 апреля (Там же. С. 137—138).

⁵ По свидетельству Л. А. Тихомирова, это удалось далеко не сразу: мать о. Иосифа «приняла православие лишь в угоду сыну, на склоне дней» (*Тихомиров Л. А. Тени прошлого*. Очерк 8. Отец Иосиф Фудель // Дом Русского Зарубежья. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 3 об.—4).

⁶ Фуделю Леонтьев писал: «...у Преосв(ященного) Алексея гораздо больше идеализма и доброты, чем у Леонтья» (*Преемство от отцов*. С. 142).

⁷ Об этом Леонтьев сообщал и кн. К. Д. Гагарину 30 августа 1886 г. (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 15 об.).

⁸ См. примеч. 10 к п. 151.

⁹ См.: *Преемство от отцов*. С. 124—125, 131—132, 139—140. Речь идет о Леснинской женской общине, учрежденной в 1884 г. в с. Лесна Яновского уезда Седлецкой губ., на месте явления чудотворной иконы Пресвятой Богородицы (1683). В октябре 1885 г. сюда прибыли настоятельница и первые насельницы. С 26 октября 1889 г. община стала именоваться Леснинским первоклассным Богородицким монастырем. В 1915 г. монастырь был эвакуирован на петербургское подворье и в Понетаевский монастырь Нижегородской епархии, а впоследствии в монастырь Жабки в Бессара-

бии. После присоединения Бессарабии к Румынии в 1921 г. леснинские монахины переехали в сербский монастырь Хопово, а в 1944 г. — во Францию, в местечко Фуркё. С 1967 г. монастырь находится вблизи деревни Провемон.

В 1889 г. в общине, ведшей большую благотворительную деятельность, не хватало священника-миссионера и преподавателя Закона Божия. Начальница общины монахиня Екатерина (Ефимовская) обратилась за помощью в прискании такого священника к С. А. Рачинскому, с которым была знакома и коего глубоко почитала. Рассчитывая на то, что Рачинский передаст ее просьбу своему другу Победоносцеву, 9 апреля 1888 г. она писала: «Беря во внимание, что у нас два причта и нет прихода, оно довольно и несправедливо, что ни тот ни другой священник не может преподавать в школе. Но что делать — один и мог бы по своим способностям и знанию, да слишком дряхл. (Об этом священнике см. примеч. 10. — О. Ф.) А другой совершенно неуч — прошел лишь один-два класса училища, не был вовсе в семинарии; из псаломщиков попал в диакона, а затем ему обещали рукоположить его во священника, если он на свой счет выстроит себе в Лесной дом (ибо причт с открытием общины увеличился; жить же ему оказалось нелегко). Так и сделалось. Служит он плохо — отпуска никогда запомнить не может, часто ошибается во время служения. Дом выстроил он на нашей земле, без формального разрешения. По закону дом наш; и Владыко так на дело и смотрит. Но о. Лука очень волнуется. Продал бы он охотно нам дом свой и ушел. Но не легко с Владыкой о таком деле говорить. Могу я сделать это дело и помимо Владыки; найти покупателя, который заплатит деньги и дом нам отдаст. Но нужно заменить о. Луку человеком достойным, могущим быть полезным и школе и самому делу нашему. В здешней епархии едва ли можно кого-нибудь найти. Из другой епархии преосвященный Леонтий брат не любит и по просьбе моей, конечно, не возьмет. Зато если бы могло явиться „давление свыше“, проще — если бы захотел того Константин Петр(ович), то дело уладилось бы легко» (РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 43. Л. 11—12). Мать Екатерина писала дальше, что охотно дождалась бы времени, когда окончит семинарию «Старчик» (прозвище одного из любимых учеников Рачинского А. П. Васильева, учившегося тогда в Вифанской семинарии при Троице-Сергиевой Лавре): «Нужно ли говорить Вам, как были бы мы счастливы, если бы мог быть у нас Старчик. (...) Мы с радостью подождали бы его выхода из семинарии, и до поры до времени мирились бы с о. Лукой. (...) Вопрос об удалении о. Луки и замене его священником из Великодержавии самый в настоящее время для нас важный (...). Если Старчик согласен поступить к нам, то мы его и ожидаем, а Вас просим исподволь приготовить Констан(тина) Петровича к этому нашему плану, и добиться, чтобы он попросил пр(еосвященного) Леонтия принять в свою епархию свящ(енника) из России» (Там же. Л. 12, 14). На Фуделя как соответствующего ожиданиям молодой общины кандидата настоятельнице мог указать упомянутый в том же письме Н. М. Горбов (после его письма настоятельница и обратилась к Рачинскому), последователь Рачинского, хорошо знавший московскую церковную молодежь и в том числе Фуделя.

¹⁰ Речь идет о священнике Матфее. За два года до этого начальница Леснинской общины инокия Евгения (будущая игуменья Екатерина) сообщала Рачинскому 25 августа 1886 г.: «К нам приезжает старик священник; перл здешнего края. Когда он поступил на тот приход, с которого его теперь переводят в Лесную, в церковь не ходил никто. Целый год служил он ежедневно для ангелов, в пустой церкви; а когда он шел на служение, в него бросали грязью. Через три года церковь уже едва могла вместить число прихожан. Он был священником при женском монастыре в Подольской губ. и знает монастырские порядки, что для нас тоже очень дорого. Будет свой старец-руководитель» (Там же. Ед. хр. 36. Л. 95 об.—96; письмо от 25 сентября 1886 г.).

¹¹ Гр. Д. А. Толстой добивался пересмотра законодательств о земском и городском самоуправлении, под его управлением был разработан институт земских участковых начальников, но проведение в жизнь этих контрреформ началось уже после смерти министра. «Сословными» Леонтьев называет толстовские реформы потому, что они были нацелены на укрепление государственной роли дворянского сословия.

¹² Леонтьев имеет в виду статью «По государственному хозяйству», в которой говорилось, что вопрос о крестьянском землевлaдении еще совершенно не разработан в России (Гр. 1889. 22 апр. № 110. С. 1).

¹³ Позднее в статье «Над могилой Пазухина» (1891) Леонтьев напишет:

«Все человечество старо. (...)

Не молоды и мы. Оставим это безумное самообольщение!

Быть в 50 лет моложе 70-летнего старика — еще не значит быть юным.

Быть исторически немного (быть может, лет на 100) моложе Франции, Англии, Германии — еще не значит быть молодым государством, а тем более молодой нацией, как думают у нас многие» (8, 449). Ср. также: 6, 78; 7, 436.

¹⁴ Этого поста В. К. Саблер достиг лишь в мае 1911 г. и занимал его до 4 июля 1915 г.

¹⁵ Реминисценция из «Божественной комедии» Данте (Inferno, III, 9).

¹⁶ Ср.: Пс. 26: 13.

¹⁷ Речь идет об отклике на брошюру «Национальная политика как орудие всемирной революции» в передовой газеты «Свет», посвященной осложнившимся в то время отношениям России и Румынии: П. С.-Петербург, 13 апреля // Свет. 1889. 14 апр. № 89. С. 1). В личности Леонтьева автор статьи подмечал «болезненно настроенное воображение, объясняющее его психологические парадоксы». 22 апреля Леонтьев писал об этом И. Фудею: «...»Свет“ бестолковым психопатом меня назвал...» (Преемство от отцов. С. 142).

¹⁸ Автор передовой статьи говорил о леонтьевской «Национальной политике...» как о лучшей иллюстрации «юродивости» газеты «Гражданин» (Свет. 1889. 14 апр. № 89. С. 1).

¹⁹ Подразумевается: войны, которая принесет завоевание Царьграда, а с ним — надежду на появление «новой восточной культуры» и нового государственного устройства.

²⁰ Аллюзия на басню И. А. Крылова «Оракул» (1807).

²¹ Леонтьев комментирует здесь прочтенное им письмо Филиппова к о. Эрсту (Вытропскому).

²² О «слабосемейственности» великорусов (любых сословий) Леонтьев писал неоднократно. См., например: 6₁, 10—11; 6₂, 49—50; 7₁, 314—318.

²³ Высказывания на эту тему есть и в леонтьевской публицистике. См., например: 6₂, 50—51; 8₁, 439—442.

²⁴ Имеется в виду обработка начатых еще в 1870-е гг. «записок».

²⁵ Предназначалась эта статья для задуманного осенью 1888 г. московским кружком учеников Леонтьева сборника. 11 декабря 1888 г. (год установлен по содержанию) один из них, Уманов, сообщал: «Фудель хочет писать об Иване Киреевском. — Александров — о Л. Толстом, о Вас и о Гоголе. — Кажется еще и о Достоевском. — О всех вместе» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 43). Фудель уточнял в письме от 23 декабря: «Что Александров будет писать в Сборник — не решено еще, но, кажется, он соглашается уже писать о двух „художниках мысли“» (Преемство от отцов. С. 119). Сборник не был издан, а статья осталась ненаписанной.

²⁶ Ср. в письме Леонтьева к О. А. Новиковой от 30 мая 1889 г.: «... надо будет приняться за подробные и вполне откровенные посмертные записки и о себе самом, и о стольких замечательных людях, с которыми я имел сношения в разных местах и на разных поприщах моей прежней, практической деятельности. — Я думаю, это будет труд, не лишенный интереса» (цит. по: 6₂, 260).

²⁷ Перифразированное «Не поздоровится от эдаких похвал» («Горе от ума», действие III, явл. 11).

²⁸ Леонтьев имеет здесь в виду прежде всего А. Д. Пазухина (ср. п. 205).

²⁹ Ср. с ирмосом девятой песни Богородичных ирмосов («Отверзу уста моя...»): «... Тогда убо образуемое, ныне же действуемое...»

³⁰ Откр. 1: 3.

³¹ В копии: «Массовы». Массав (Массау) — город в Эритрее (Северной Эфиопии), бывшей с 1885 г. итальянской колонией. «Вольный казак» Ашинов слал отсюда в декабре 1885 г. корреспонденции в русские газеты, сообщая о том, что его отряд будет помогать абиссинскому (эфиопскому) негусу Иоанну II освобождать Эритрею от итальянцев. Эти сообщения с «сочувствием» были приняты не только Леонтьевым, но Аксаковым, Гиляровым-Платоновым, Сувориным, Катковым и многими другими. На самом же деле, негус не только не давал Ашинову никаких полномочий, но в 1886 г. даже потребовал его выдворения из страны.

19 июля 1889 г.,
Оптина пустынь

19 июля 1889 г. О⟨птина⟩ П⟨устынь⟩.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025. Л. 62.

Честь имею поздравить Вас со вступлением в Управление Госуд⟨ар-
ственным⟩ Контролем.¹ Смотрю, впрочем, на это не как на цель, а как на
средство для *целей более важных* и Вас более достойных... *Sapienti sat!*²

К. Леонтьев.

¹ 14 июля 1889 г. Филиппов был назначен временно управляющим Государствен-
ным контролем, сменив на этом посту Д. М. Сольского, переведенного в свою очередь
на должность председателя Департамента законов, занимаемую до него внезапно скон-
чавшимся бар. А. П. Николаи. Леонтьев узнал об этом из сообщения в «Московских
ведомостях» (1889. 16 июля. № 194. С. 2) и «Гражданине» (1889. 15 июля. № 194.
С. 3). Московская газета сообщала новость как слух («Говорят, что...»). О том, что
предшествовало назначению, см. примеч. 5 к п. 186. Утверждение в должности госу-
дарственного контролера произошло 25 июля после состоявшейся накануне встречи
с Государем.

² Разумеющему достаточно! (лат.).

20 июля 1889 г.,
Оптина пустынь

20 июля 89. Опт⟨ина⟩ П⟨устынь⟩.

Вчера я, Тертий Иванович, послал Вам краткое, но *многознаменатель-
ное* поздравление со вступлением в Управл⟨ение⟩ Госуд⟨арственным⟩
Контролем, а сегодня узнал, что графиня Анна Георгиевна скончалась¹
и что Вы ее душеприказчик. Поэтому это второе письмо пишу Вам в Мо-
скву — в ее дом, полагая, что 1-е мое письмо пролежит в Петербурге,
пока Вы туда вернетесь из Москвы. Здесь я вот что хочу сказать, так как
может случиться, что графиня, подобно многим богатым и благотвори-

тельным людям, назначила особую сумму для раздачи бедным, то я особенно рекомендую Вам некую Таисию Семеновну *Латышеву*,¹ 60-(летн) юю вдову, живущую в *доме Братолюбивого общества*,² около *Новинского бульвара, в Девятинском переулке*. Цеховая или мещанка. Я ее знаю с детства: женщина безусловно честная, очень религиозная, теперь без сил и средств; с молодой дочерью 18 лет, которая хотя и кормит ее, но сама здоровьем очень слаба. Нельзя ли старухе дать 200-100 рублей: у нее они на вздор не пойдут, а на приданое дочери, или на что-нибудь более солидное. Вы и мне этим доставите большое утешение. Конечно, вся эта просьба имеет смысл только в случае назначения *особой* суммы для раздачи. Зная, как Вы сами добры, я не извиняюсь, что обеспокоил.

Назначение Ваше меня радует не столько само по себе (*так оно радует только за Вас лично*), но еще более потому, что оно дает Вам случай *приближаться* чаще⁴ и откроет (дай Господи!) Вам позднее путь *туда, куда нужно* для блага России и всего Востока.⁵

Аминь!

Ваш неизменный и преданный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 62—63.

¹ Гр. А. Г. Толстая скончалась 17 июля 1889 г. См. объявление: *МВед.* 1889. 19 июля. № 197. С. 1.

² Ср. с отзывом о Т. С. Латышевой, не названной по имени, в письме Леонтьева к Л. А. Тихомирову (конец октября — начало ноября 1891 г.): «Года три тому назад умерла одна женщина, которая 7 лет прожила у меня в доме экономкой (в Москве). — Она была *несравненно* богомольнее меня, хотя была мне ровесница и телесно много слабее меня; — не зная грамоте, — она в Церкви была так внимательна, что знала наизусть целые отрывки из Акафистов, Канонов и т. д.» (Письмо К. Н. Леонтьева о старчестве // *РО.* 1894. Т. 29, окт. С. 816—817; уточнено по автографу: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2). Адресат письма установлен мною. См.: 8₂, 1259.

³ Имеется в виду дом Братолюбивого общества снабжения в Москве неимущих квартирами в Б. Девятинском переулке. Общество было основано в 1859 г. известной благотворительницей кн. Н. Б. Трубецкой, с которой Леонтьев познакомился в 1874 г.

⁴ Подразумевается: чаще говорить с Государем.

⁵ Т. е. к обер-прокурорству в Синоде.

4 августа 1889 г.,
Оптина пустынь

4 августа 89. Оптина Пустынь.

Наконец-то Вы назначены Госуд(арственным) Контролером, Тертий Иванович!¹

После первого моего поздравления здесь прошли слухи о некоем «Петрове»,² которые меня сильно смутили и огорчили, но я все-таки верю как-то в Вашу «звезду» и не хотел отчаиваться.

Оптимизм мой оправдался, слава Богу!

Исполать и Мещерскому за его «Дневник» по поводу Вашего назначения...³ Я рад двояко: за Вас лично, рад повышению, прибавке денежных средств (тысяч 20 будет или меньше?), за дела рад, потому что, надеюсь, можно будет *при случае кому* следует говорить и не об одних «счетах».⁴

Приятно также мне было по поводу Вашего назначения убедиться, что Вас и в провинции гораздо больше знают, чем я думал в моем удивлении. Не удивительно, что Оболенские Вас знают, но порадовало меня то, что один судебный следователь (Ионин) и один из богатых московских фабрикантов, весьма при этом образованный (Якунчиков), весьма сочувствует Вашему назначению.

Вы знаете, до чего поздно наши ленивые и невнимательные соотчичи узнают *о тех именах*, о которых знать надлежит для развития правильных гражданских чувств.

Приятно было читать и в «Гражданине» выдержки из «Нового Времени» в высшей степени Вам благоприятные!⁵ Даже «Моск(овским) Вед(омостям)» за Вас от Суворина досталось...⁶ «Так исправляется наш век».⁷ В 87-м или 86-м году, когда мы виделись с Вами в Москве, Вы рассказывали мне подобное исправление Суворина. Вы сказали мне, что он заговорит другое, когда найдет это удобным и выгодным. Так и вышло!

Недоставало бы только одного (пока — *до лучшего!*) — выжить бы как-нибудь *Петровского* из «Моск(овских) Вед(омостей)» и заменить его таким редактором, который бы несколько менее считал бы себя обязанным катиться так гладко и кругло на велосипеде по Катковскому Шоссе. Есть какая-то глупая французская песенка: «Faut d' la vertu, pas trop n'en faut!» И я говорю: «Faut du Катков, pas trop n'en faut».⁸ *Особенно по церковному вопросу* — в виду грядущих и даже неизбежных (вопреки всем миролюбивым фразам) — великих событий.

У меня есть *двое* людей на уме для замены *Петровского*.⁹ Это, конечно, «так» я говорю, в виде пробного шара.

Кто-то мне здесь сказал, кажется *Оболенская*,¹⁰ будто Вы будете душеприказчиком графини *Анны Георгиевны (Толстой)*, вот почему я послал Вам два поздравления: одно в Петербург, а другое в Москву, в дом покойницы, с просьбой дать одной вдове 200 р.¹¹ Но сама *Оболенская* — мать, вернувшись с похорон *Анны Георгиевны*, сказала мне, что это была ошибка. Прошу великодушно извинить, что доверился ложным слухам и напрасно беспокоил Вас.

Все Ваше почтенное семейство — *искреннейшим* образом — поздравляю. Помози Вам Господь!

Ну, а мне, видимо, *пора* еще в *большую отставку* выйти: в отставку из литературы. Почему? На словах сказал бы Вам многое, письму предавать как-то не хочется. Впрочем, Вы и сами все с полу-слова поймете.

Вам неизменно преданный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.
М/п копия: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1025.
Л. 63—65.

¹ См. примеч. 1 к п. 183. О Высочайшем повелении, опубликованном 26 июля, Леонтьев узнал из помещенной в «Московских ведомостях» телеграммы. См.: *МВед.* 1889. 27 июля. № 205. С. 2.

² Эти слухи были небезосновательны. См. п. 186 а.

³ Речь идет о заметке в рубрике «Дневник» (Гр. 1889. 26 июля. № 205. С. 3). Кн. Мещерский писал в ней о Филиппове, подчеркивая, что близко знаком с ним более тридцати лет, говорил о трудных его молодых годах, об искренности убеждений, о его

церковности, которая вызывает недовольство у многих. Назначению Филиппова посвящен и следующий «дневник»: Там же. 27 июля. № 206. С. 3.

⁴ Ср. в п. 184.

⁵ В рубрике «Газеты» (Там же. 29 июля. № 208. С. 1—2) цитировалась статья «Нового времени» «Т. И. Филиппов» (НВр. 1889. 28 июля. № 4817. С. 1).

⁶ В статье говорилось: «Литературною деятельностью своею он не угодил почему-то „Московским Ведомостям“, которые метали одно время на него свои громы, когда громы были еще в распоряжении редакции Страстного бульвара» (НВр. 1889. 28 июля. № 4817. С. 1).

⁷ Цитата из романа «Евгений Онегин» (гл. шестая, стр. IV).

⁸ Без добродетели нельзя, но не переборщи (...) Без Каткова нельзя, но не переборщи (*франц.*). Ср.: 8₂, 137.

⁹ Леонтьев говорит о Кристи и Грингмуте.

¹⁰ Имеется в виду кн. Д. П. Оболенская.

¹¹ Речь идет о Т. С. Латышевой.

186

Филиппов — Леонтьеву

4 августа 1889 г.,
Петербург

СПб. 4 августа 1889.

Дорогой Константин Николаевич!

Ранее не мог благодарить Вас за поздравление и добрые желания, за недосугом.¹ Исполняю этот приятный долг теперь, с покорнейшею просьбою склонить Оптинских подвижников оградить меня своими богоприятными молитвами от искушений, *необходимо* сопряженных с приращением власти и чести. «Едва обретается человек, могий терпети честь, аще нравы и равноангелен есть».² Я пока не ощущаю этих неизбежных, как свидетельствует Св. Исаак, движений и даже смирился пред величием свыше сошедшего дара; нахожусь в кротком и мирном настроении, непрерывно благодаря Божию милость. Но врагу известно и обычно правило: *reguler pour mieux sauter*.³ Он может усыпить на время бдительность, дабы подстеречь минуту, ему удобную, и достигнуть своей цели. Посему и ишу заступления старцев: не неразумеваем бо умышлений его.⁴

Обстоятельства, при коих состоялось мое назначение, поразительны.⁵ Не имею права передавать подробностей; скажу лишь одно: что, узнав их, Вы исполнились бы умиления и признательности Богу за дарование нам такого Царя. По совершенно особенным обстоятельствам, я покорнейше прошу О. Архимандрита отслужить молебен Св. Иоанну Воину.⁶ Скажите о сем некогда брату, а ныне отцу Ерасту, и он все исполнит.⁷

Победа над противодействиями моему назначению составляет общую радость по своему общему смыслу.

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Р. S. Я не душеприкащик Графини и *ничего* не знаю о ее распоряжениях. Напишите о Вашей бедной Княжне Голицыной (Алекс<андре> Влад<имировне>)), которая действительно ее душеприкащица, в дом Графини.⁸

Автограф: РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1035.
Л. 30—30 об.
Цитируется:
8², 1018.

Ответ на п. 183—
185.

¹ В первые дни после назначения государственным контролером Филиппов почти не отвечал на поздравительные письма и телеграммы. С. А. Рачинскому, например, он ответил только 16 октября, уже на второе письмо, объясняя задержку так: «Не писал ранее, ибо поздравлений было слишком много, так что я никого не благодарил, кроме тех Преосвященных, которые благоволили меня поздравить» (РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 48. Л. 95).

² Цитата из «Слова 1. Об отречении от мира и житии монашеском» преп. Исаака Сирина. См.: Святаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего ниневийского, Слова духовно-подвижнические... С. 1. Ср. в русском переводе: «Едва ли найдется, а может быть, и вовсе не найдется, такой человек, который бы, хотя будет он и равноангельный по нравам, мог вынести честь...» (Творения Аввы Исаака Сириянина. С. 1). Ответ о. Амвросия на эти слова см. в примеч. 7. Леонтьев приводил ту же цитату в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (8, 309).

³ Отступить, чтобы лучше прыгнуть (*франц.* пословица).

⁴ 2 Кор. 2: 11.

⁵ Назначению Филиппова государственным контролером противился его главный недруг Победоносцев, предлагавший на этот пост А. А. Половцова. Но Государь вызвал к себе Филиппова, говорил с ним и через два дня подписал указ о его назначении. См. об этом: Глинский Б. Б. Период твердой власти (Исторические очерки). I. Внутренняя политика России в эпоху восьмидесятых годов // ИВ. 1912. Т. 130, нояб. С. 767—768;

Кольшико И. И. Великий распад. СПб., 2009. С. 80. Победоносцев обещал Рачинскому в письме от 30 октября 1889 г. рассказать при встрече подробности карьерного прыжка Филиппова: «...темная и извилистая история его возвышения, которую когда-нибудь расскажу вам, и вам противно станет» (РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 49. А. 13—13 об.). В изложении Филиппова темным представлено как раз поведение Половцова. Приведем его письмо к жене от 10 июля 1889 г.:

СПб. 10 июля 1889.

Мой милый друг!

Вчера на свадьбе Кн. Долгорукой с Кн. Трубецким я видел Государя и Государыню вблизи. Государь несколько раз смотрел на меня своими добрыми, веселыми и ласковыми глазами. Половцев сказал мне, что о Сольском ему повелено готовить указ; а затем спрашивает: «А кто же на его место? Я знаю, что Петров не будет». — «Да про Вас еще говорили в бывшее время». — «Помилуйте, где же мне в мои лета садиться за указку и учиться. Из какой бы это радости?»

Потом подходит Кн. Николай Сергеевич: «Ну, Т(ертый) И(ванович), поздравляю!» — «Что же такое?» — «Да Сольский назначен!» — «А дальше?» — «Никого, кроме Вас, не называют».

Ах да! Половцев мне сказал: «Конечно, Вы будете назначены. Сольский никого, кроме Вас, не назовет. Вы же 11 лет уже Товарищем. У Вас все права!»

Со свадьбы я поехал на обед к Сольским. Он встретил меня словами: «Прежде всего кончим же дела». Пошли в кабинет, и он начал с того, что вручил мне пакет, присланный от М(инист)ра Ф(инансо)в. Потом объявил мне, что он получил приглашение от Государя, и ни в какие другие объяснения не вступал. Я спросил его, не приехать ли мне завтра узнать о последствиях; но он отклонил, сказав, что он мне напишет. Они не очень рады, но и не опечалены. Краткость и сухость объяснений со мной объяснить не умею, да и не тружусь над этим. Сегодня должно все решиться и к вечеру я могу уже знать свою участь. Помолимся и получим мир, с предчувствием успеха, предоставив все воле Промыслителя Бога.

Если дело решится в нашу пользу, то телеграфировать буду единым словом: «Поздравляю».

Сейчас иду встретить О. Алексия. Это также очень кстати.
Целую, обнимаю и благословляю вас.

Ваш Т. Филиппов

(ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. Л. 49—50 об.). Необходимые примечания к этому письму: 9 июля 1889 г. состоялось бракосочетание княжны М. А. Долгоруковой, внучки кн. С. А. Долгорукова, к семье которого был близок Филиппов, и кн. Ю. И. Трубецкого,

сына кн. И. Ю. Трубецкого и кн. О. Е. Трубецкой. Николай Сергеевич — дядя невесты, кн. Н. С. Долгоруков.

⁶ Молитвенно обращаться к этому святому рекомендовал Филиппову его духовник, о. Алексей Колоколов. Вечером 10 июля Филиппов встречал его, возвращающегося со Святой Земли (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 3142. Л. 50 об.), а уже в 5 ч. утра 11 июля писал жене: «О. Алексей надеется и посоветовал мне молиться мученику Иоанну Воину, как разрешителю всех коварств и клевет» (Там же. Л. 55). Между прочим, Филиппову преодолеть интригу Победоносцева помогал соименный св. Иоанну Воину И. Н. Дурново. Например, 24 июня Филиппов «конспиративно» сообщал об этом жене: «Змий блюдет мою пятю, но и за ним зорко и строго блюдет И(ван) Н(иколаевич), чему я был очевидный свидетель сегодня...» (Там же. Л. 29).

⁷ От слов «По совершенно особенным...» подчеркнуто карандашом. Письмо Филиппова Леонтьев показал о. Эрасту, а тот — старцу Амвросию. 9 августа, поздравляя Тертия Ивановича с высоким назначением, о. Эраст писал: «Оканчивая письмо это (третьего дня), получил я от К. Н. Леонтьева письмо Ваше от 4 августа, к нему писанное. И по желанию Вашему служили молебен Мученику Иоанну Воину в Скиту вчера и в Монастыре сегодня» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1599. Л. 41—41 об.). Далее о. Эраст приводил слова старца Амвросия: «„Есть нечто единственное, чему противиться не имеем силы“ (говорили Иоанну Лествичнику страсти). „Есть ли ты пред Богом искренно себя будешь укорять, то презришь нас как паутину“.

Это ответ о. Амвросия на Ваше слово из Исаака Сирина» (Там же. Л. 41 об.—42). Старец цитировал «Слово 23. О безумной гордости» из «Лествицы» преп. Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы: «Есть только одно, чему мы не имеем силы противиться (...) если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину» (23: 38; цит. по многократно переиздававшемуся переводу Оптиной пустыни).

⁸ Неизвестно, исполнил ли Леонтьев этот совет.

187

Леонтьев — Филиппову

25 августа; 89; Оптина П(устынь)

25 августа 1889 г.,
Оптина пустынь

Так как несомненно, что латинское изречение: «honores mutant mores»¹ (которое я случайно от кого-то слышал в Москве, а не сам *вычитал* его) к такому сердечному человеку, как Вы, Третий Иванович, относиться не может (чему между прочим служит доказательством и

последнее письмо Ваше) — то я, грешный, хочу по прежним примерам² просить Вас быть для меня и на этот раз «духовным» цензором.

Я сам не знаю почему именно — я нахожусь в большом смущении, посылая Кн. Мещер(скому) эти последние главы мои об Отце Макарии Афонском.³ — Вообразите, что этих глав было даже не две, а *пять* ... Все были уже переписаны От(цом) Эрастом; и вся наша работа пропала. — Я последние три сегодня разорвал — и, кой-как оборвавши вторую, хочу — непременно остановиться.⁴ — Но если и в этих 2-х Вам что-нибудь не понравится — я буду очень рад, если Вы бросите и их в Вашу корзинку, не отсылая к Мещерскому.

Что-то беспорядочное, не полное, и совершенно не соответствующее *тому, что* я бы хотел сказать про этих двух людей (*обративших* меня); особенно про Отца Иеронима.

Множество разных чувств и соображений обуревают меня⁵ по этому поводу, но больше всего я останавливаюсь на той мысли, что я вначале еще, приступая к этой работе, не взял благословения на нее у Отца Амвросия! — Мысль о том, что это труд чисто-православный, на который он без сомнения даст свое благословение — должно быть, сбила меня с моего обычного пути.

Мне теперь мой труд до того противен, что мне все кажется — он и другим полезен и приятен не будет.

Не потяготитесь же, умоляю Вас, — Третий Иванович, пробежать эти 2 главы и распорядиться ими по Вашему усмотрению; пошлете ли Вы их в «Гражданин» или уничтожите и статья останется без обещанного конца — я буду всяким Вашим приговором доволен ...

У меня есть и другое еще дело, о котором мне вскоре придется с Вами советоваться, — *несравненно* более важное, чем эта во всяком случае неудачная статья; но сегодня я так себя плохо чувствую, что не в силах об этом и начать речь ...

Отец Эраст сказал мне, что он немедленно исполнил Ваши поручения насчет молебна и сам писал Вам.⁶

Прилагаю при сем письмо Директора Калужского Общества Взаимного Кредита Павла Тимофеевича Бутчика;⁷ в нем идет речь и об Вас.⁸ — Первую 1/2-ну я перечеркнул; в ней трактуется о несносном и давнем долге моем (в 1200 р.) в Банк; долге, не дающем до сих пор полной возможности избавиться от «житейских попечений»⁹ настолько, насколько того требует душа моя. — Вторая же половина письма доказывает Вам наглядно, как я был прав, утверждая, что и в провинции есть много людей, сочувствующих Вашему назначению Государственным Контролером.

Читали ли Вы брошюру А. А. Киреева «Народная политика как основа порядка. Ответ г. Леонтьеву».¹⁰ Как слабо! Но хоть и за то спасибо, что возражает.

Прося Вас простить, что обременяю Цензурой — остаюсь все тот же

неизменно Вам преданный К. Леонтьев. Ответ на п. 186.

Автограф: ГАРФ.
Ф. 1099. Оп. 1.
Ед. хр. 2084.
Л. 1 — 2 об.
Цитируется:
6, 585.

¹ Часть крылатого изречения «Honores mutant mores, sed raro in meliores» («Почести изменяют нравы, но редко в лучшую сторону» (лат.)).

² Далее начато и зачеркнуто: «б(ыть)».

³ Речь идет об очерке Леонтьева «Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на Горе Афонской» (Гр. 1889. 12 июля — 5 сент.; см. 6, 583).

⁴ В цитированной ниже (в примеч. 6) записке к о. Эрасту Леонтьев сообщал: «Статья об О. Макарии слава Богу — кой-как окончена! Теперь нам обоим надолго отдых; — остается ждать только денег от Мещерского. — Через месяца 2 пожалуй добьемся» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 8). О переделках в очерке см. в письме к о. Эрасту от 8 июля (цитируется: 6, 584).

⁵ Далее зачеркнуто: «; — но».

⁶ Леонтьев не знал о том, что 9 августа о. Эраст уже ответил Филиппову (см. примеч. 7 к п. 186) и послал ему 24 августа записку, написанную карандашом: «Всечестный Отец Эраст, я собираюсь писать Т(ертию) Иванычу. — Что ему написать о молебне Иоанну Воину? — что все было вовремя исполнено или нет» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 8). Видимо, это была уже вторая записка с этим вопросом. Первая, без даты, на которую о. Эраст, вероятно, не успел ответить, также сохранилась: «Всечестный батюшка От(ец) Эраст, я собираюсь писать Тер(тию) Ив(ановичу) Филиппову. —

Могу ли я сообщить ему, что Вы тогда же исполнили желание его — отслужить молебен — Иоанну Воину? — Дело шло через меня и я должен ему и об этом ответить.

Гр(ешный) К. Леонтьев.

А я все не удовлетворен как-то моей статьей об Афонских старцах» (Там же. Л. 17).

⁷ Далее начато и зачеркнуто: «гд(е)».

⁸ Письмо сохранилось. См. п. 187 а.

⁹ Выражение «житейские попечения» отсылает здесь к Херувимской песни Божественной литургии («Всякое ныне житейское отложим попечение»).

¹⁰ Изданная отдельной брошюрой статья, впервые напечатанная в «Известиях Славянского благотворительного общества» (1889. № 28, 29). См. о ней: 8₂, 1137—1141.

187 а

8 августа 1889 г.,
Калуга

П. Т. Бутчик — Леонтьеву

Многоуважаемый
Константин Николаевич.

Наконец Вы откликнулись из Вашей пустыни. Чрезвычайно приятно получить от Вас письмо и еще приятнее исполнить все по письму.

Благодарствуйте за Ваши подробности о Ваших литературных трудах и вместе с тем за доверие, выраженное ко мне. Итак, доверие за доверие и полное исполнение Ваших дел. Когда наступят сроки векселей, то соблаговолите поступить, согласно Ваших соображений. В Обществе кредита будет все исполнено по Вашему желанию.

Восторженные строки Вашего письма относительно Тertia Ивана-вича приняты были мною с большим удовольствием. Более 20 лет тому назад я встретил учителя Филип(п)ова в Павловске у Академика Перевощикова¹ и затем по субботам встречал его в квартире Перевощикова в Петербурге в здании Академии Наук. Помню его рассуждения по филологии языка и в то же время никогда в голову мне не приходило, что это будущий государственный Контролер.

В мои посещения Петербурга я встречал Тertia Ивановича у Сенатора Кудрявцева² и он всегда относился ко мне благосклонно.

Радуюсь Вашей радости, что вполне русский человек получил такой высокий пост.

Будьте здоровы и трудитесь для пользы и блага человечества и не забывайте искренне преданного поклонника Вашего

П. Бутчика.

8 августа 1889 г.

Калуга

Чтобы быть русским, надо быть православным (изречение Т(ертия) И(вановича) в статье «Отец Климент»³).

Автограф: ГАРФ.
Ф. 1099. Оп. 1.
Ед. хр. 21.

¹ Речь идет о Д. М. Перевощикове, с которым Филиппов через жену был в свойстве.

² Знакомство автора письма с Е. А. Кудрявцевым могло завязаться в бытность того калужским вице-губернатором (1857—1862).

³ В книге «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни» Леонтьев приводил рассказ о. Климента о начале своего обращения: «В университете у меня были два друга (...) покойный поэт Б. Н. Алмазов и Тertia Иванович Филиппов (...). Они оба много говорили мне о русском духе, о русской народности, о русской поэзии ... Однажды я сказал: „Тertia Иванович, сделай меня русским“. — „Для этого прежде всего надо стать православным“, — отвечал он. Вот это желание обрусеть косвенно тоже помогло моему обращению» (6, 254—255).

188

Леонтьев — Филиппову

3 сентября; 1889 г.; Оптина Пустынь.

3 сентября
1889 г., Оптина
пустынь

Итак, Тertia Иванович — приступаю к изложению того важного для меня дела, о котором я упомянул в последнем письме моем.¹ — Мне бы хотелось при жизни моей *освидетельствовать жену мою* и наложить на нее опеку по слабоумию. — Хотя за последние года она стала много ров-

нее и рассудительнее; но состояние ее все-таки внушает мало доверия, и я боюсь, что после моей смерти — она уедет в Крым и попадет снова в руки родных своих: или брата, простого греческого рыбака и картежника, или в руки сестер, из которых одна совсем дура, а другая очень хитрая. — Надо поэтому всячески постараться удержать ее здесь, под крылом Оптинских духовников и моих родных, которые ее все любят и жалеют разумно. — Я говорил об этом со здешним Предводителем, известным и Вам лично — Кн. Ал(ексеем) Дм(итриевичем) Оболенским, и он полагает, что Губернатор Булыгин согласится на те меры, которые я предлагаю для избежания некоторых неудобных и ненужных формальностей. — Но приступить к этому — я не буду пока *Вы не скажете мне, что она через это признание ее слабоумной не лишится хорошей пенсии.*

Боюсь пересолить излишней об ней заботой и думаю так:

— Быть может, и ей после меня² дали бы все 2500 р(ублей) с(еребром), как дали вдове Достоевского, который имел только литературные заслуги, а сам, как я, государству не служил.³ — Если будут живы и у дел некоторые из тех людей, которые обо мне старались, то они, вероятно, и ее из любви ко мне не оставят — и можно будет придумать какие-нибудь другие средства (частные, приватные) для удержания ее здесь. — Конечно — эти средства не так верны, как официальная опека; — но... если..., узнавши, что она признана слабоумной, высшие власти скажут: «Так довольно с нее и 600 р. с(еребром) для содержания ее в доме душевно-больных!» — хорошую услугу я ей сделаю!

Вот, Тертый Иванович, что смущает меня и останавливает. — Быть может — даже есть и законы на это, мне неизвестные — и желая сделать лучше, я рискую, по незнанию, все испортить. — Здесь есть Иеромонах из дворян От(ец) Макарий Струков; он смолоду служил в Депут(атском) Собрании, замечательн(ый) законник; обделывал и обделывает до сих пор и для монастыря и даже по приязни и для частных лиц, множество трудных дел. — Он говорит: «Ну, кто там в Петерб(урге) будет справляться о том, каково умственное ее состояние; — ⁴ захотят так и

дадут пенсию». — Но долгий опыт жизни научил меня осторожности и некоторому недоверию; — «а если он ошибается?»

Повторяю — если есть *малейшая опасность* с этой стороны, то лучше дело опеки и слабоумия вовсе оставить. — Характер у нее в высшей степени мягкий, неустойчивый и поддающийся влияниям; всё *на минуту*. — Если, с Божией помощью, племянница моя родная,⁵ живущая здесь уже давно на строгом монашеском положении, под руководством старца, да еще Князь Вяземский, здешний помещик и Предс(едатель) Управы (которого я об этом просил), — возмутся за ней (*без меня*) присматривать, то, быть может, они сумеют при ее бесхарактерности — и доброте — удержать ее от губельного для нее и духовно, и вещественно — переселения в Крым. — А пенсию при этом ей могут дать хорошую. — «Le mieuх est l'ennemi du bien!»⁶ — Собственно мое это рассуждение, прибавлю, освящено благословением старца. — От(ец) Амвросий сказал тоже, чтобы я не приступал к делу освидетельствования и опеки, *без Вашего совета*. — Довольно об этом. — Как Вы скажете, так и будет!

Позвольте теперь утрудить Вас другим, чужим, но тоже близким моему сердцу делом. — На днях я получил письмо от Кн. Ник(олая) Ник(олаевича) Голицына. — Он пишет мне, что был у Вас, что Вы приняли участие в его затруднительном положении и просит и моего у Вас ходатайства. — Он полагает, что мое мнение не лишено веса в Ваших глазах.⁷ — Боюсь, впрочем, чтобы Вы не сочли меня в этом случае пристрастным, благодаря тому, что я не раз (если помните) говорил Вам, до чего он благородно со мной поступал в Варшаве в 80-м году. — Не по-Катковски! — Он (т. е. Голицын) имел в виду *цель, идею* — и спрашивал у меня только: *сколько мне нужно*, чтобы бодро и спокойно писать, что мне вздумается! — На этом основании, не считая строчек и не соблюдая своих выгод на текущий день, — он в Варшаве давал мне в месяц — 350 р. с(еребром) от января до мая; а от мая до октября (по уговору) 150 р. с(еребром) — потому что я летом жил в Кудинове своем и сам находил, что в своей деревне больше не нужно. — Когда же из лю-

бопытства сочли по строчкам — то вышло, что и по высшей плате я ни разу в месяц не мог написать больше чем на 175 р. с(еребром). — Считал он эти строчки — вовсе не для того, чтобы действительно сводить счета, а так, как говорят купцы Островского — прикащикам: «Ты чувствуй!» — И я чувствую... Разумеется — из того, что человек с горячими убеждениями, будучи редактором, поступал так с писателем, — которого он ценит; — еще не следует, что он на всякую, довольно высокую должность годится. — (Хотя — и *это* весьма характерная черта с точки зрения искренности и силы убеждений.) — Но я сужу его не столько по этой частной черте, сколько вообще по совокупности его качеств: опытен, учен, умен, даровит, смел, трудолюбив, был уже *Вице-Губернатором в Западном Крае*; — консерватор до упрямства, пожалуй, ... барин, Князь... Я решительно даже и понять не могу — почему его так затерли, забыли и забросили. — Его хромота не мешает ему даже быть настолько подвижным, насколько это необходимо на многих высших должностях. — По-моему — он был бы и Губернатором превосходным и думаю, что он на *пролётке* мог бы справиться с «народным движением» лучше многих *двуногих* Губернаторов наших. — Я так это говорю; ибо не знаю даже какую именно должность он ищет. — Слышал, будто бы он лишился должности Вице-Губернатора за горячность или вспыльчивость. — Наверное не помню; что-то в этом роде... Но если это и так? Во-1-х, это было давно: «les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas»;⁸ — и дух времени изменился; и человек сам постарел с тех пор.

Да и мало ли превосходных людей и деятелей, которые вспыльчивы. — Во всяком случае — (устраняя⁹ по возможности даже мое личное к нему чувство) — не могу не сказать — жаль, что пропадают и тратятся, вероятно, на заботу о пропитании столько сил умственных и нравственных. — У нас всё твердят: «людей нет, людей нет!»¹⁰ — А узнавать и отыскивать людей *вовремя*, пока у них еще не истощились силы — немногие умеют. — Вы, Третий Иванович, из числа *этих немногих, очень немногих*, умеющих вовремя узнавать людей и вместе с тем — Вы не из

тех государственных людей, которые заботятся только о своем ведомстве; — думаю, что ведомство Ваше — для Вас только средство более или менее удобное для служения общей отчизне нашей *как и где случится*, когда и где Бог поможет и приведет. — Вот почему, помимо давнего единомыслия и искренней дружбы, соединяющих сердца наши, я и не боюсь обременять вас подобными рекомендациями...

Прилагаю при сём еще одну (и последнюю)¹¹ статью, в дополнение некролога Отц(а) Макария Афонского. — Заметку о *греках*.¹² — Для нее также ваша «цензура духовная» необходима, и если Вы и ее разорвете, то я, пожалуй, что и рад буду. — Все мне в этой статье было сначала не «по душе»... Вражье смущение это что ли, потому что статья *полезна*¹³ *читателям*; — или напротив того, наказание Божие за то, что не благословился у старца, приступая к ее началу, и *мне не полезно* так делать — не знаю. — Только все мне в ней немножко *претит*. — «Слабо; нехорошо; ошибочно; — не духовно; пошло и т. д.».

И здесь — Ваш суд да будет без апелляции!

Простите, что беспокою; — сами избаловали меня вечным участием; ну, я и верю, что все будет принято по-старому — *хорошо*!

Кристи тоже радуется Вашему назначению; пишет мне об этом.¹⁴

Я недавно получил *окольными* путями книгу Соловьева «la Russie et l'Eglise Universelle».¹⁵ — Не знаю — читали ли Вы ее? — Там есть одна небольшая глава «Projet d'une quasi-papaute à Constantinople — ou à Jerusalem».¹⁶ В ней без имен упоминается и о нас с Вами. — «Мысль о создании анти-папства в Константинополе — такая пустая и несбыточная мысль, что я бы не стал и опровергать ее, если бы ее не защищали в России некоторые почтенные писатели».¹⁷ — Из уважения к нам, он говорит, что мы думаем о пустяках.

Ловко!

В другой своей брошюре: «L' Idée Russe» — он говорит еще, что не то важно, что думает о себе нация; а то, что об этой нации думает Бог.¹⁸ — Кто ему открыл, что думает Бог об России?

Мои пророчества тем уже лучше его — пророчеств, что, во-1-х, я не берусь говорить за Бога, а говорю только *от себя*, от своего слабого разума и говорю *условно*, т. е. так:

— «Если Россия не пойдет с Церковной стороны более или менее тем путем, на который указываем мы с Вами; — с сословной более ил(и) мене(е) тем, на который указывали покойный Дм(итрий) Андр(еевич) Толстой и Пазухин; — а с бытовой и эстетическо(й), тем, на который приглашали ее Хомяков и Данилевский (а за ними и я), — то разумеется, что ей, России, не останется выбора между Влад(имиром) Соловьевым и Антихристом; между подчинением Папству и увлечением самым крайним нигилистическ(им) антихристианским движением.

Что-нибудь одно из трех: или 1) *Особая культура*, особый *строй*, особый *быт*, подчинение своему Церковному Единству; или 2) *Подчинение* Славянской государственности Римскому Папству; или 3) *Взять в руки* крайнее революционное движение и ставши во главе его¹⁹ — стереть с лица земли буржуазную культуру Европы. — Недаром — построилась и не достроилась еще — эта великая государственная машина, которую зовут Россией... Нельзя же думать, что она до самой (до неизбежной во времени все-таки) до гибели и смерти своей доживет только как политическая, т. е. как механическая — сила, без всякого идеального, хотя бы и самого ужасного, но все-таки идеального — влияния на историю».

Об организации Восточно-Церк(овного) Единства — теперь еще не годится слишком ясно писать. — Я и жду. — А так как война, конечно, с часу на час близится и не возгореться — и не может даже: — то, если буду жив в ту минуту, когда Турция так или иначе, за нас (?!!) или против нас (что в 1000 раз вернее) — будет в нее вовлечена, то я тотчас же составляю об этом секретную Записку, которую через Вас и представляю Государю Императору.²⁰ — А печатать ясно — это значит — предпочитать свое литературное тщеславие — священному и великому делу.

Я не берусь, подобно Соловьеву, решать, что думает о России Бог; но сам я полагаю, что каков бы путь ни избрала Россия после того великого переворота, который и ужасает всех и вместе с тем неотвратно близится — мы должны указывать на 1-й путь — *обособления* — и делать для обращения Славянства на него — все что можем.

Я так и моим молодым людям говорю.

К сожалению, только трое остались мне верны: Кристи, Фудель, Александров. — (Он готовится в профессора Русск(ой) литературы и провел здесь летом 1 ½ месяца.) — *Новых* «улавливать» отсюда нельзя. — В Москве — у меня их было уже около 15-ти; — и говоря, что остались верны только *трое*, я не хочу сказать, что без меня остальные все стали либералами или нигилистами; — нет, *слухи* о них очень *хорошие*; — но так как все остальные ни переписки со мной не ведут, ни сами ко мне, подобно этим трем, не ездят, — то, разумеется, *нового* в *старом* духе уж им ничего не говоришь. — В этом смысле Ив(ан) Дав(ыдович) Деянов был прав, сожалая, что я не у Троицы-Сергия поселюсь, а в Оптиной. — Но видно — такова воля Божия!... И без меня — обойдутся.... *Общий дух* веет все хороший пока, слава Богу!

А только еще раз, подражая Катону,²¹ скажу: «Петровский из „Моск(овских) Вedom(остей)“ должен быть изгнан; и *Грингмут* должен быть сделан редактором их». *Сам-то* он и не *подозревает* моих на него видов; он бы даже испугался бы; — но он, знаете, как Никодим, *ученик тайный*, и нам с Вами еще при жизни Каткова горячо сочувствовал; но не *смет*; — и материально связан, ну, и *дорожка* Катковская (она же попроще и полегче) протоптана.

А бедный наш Князь Влад(имир) Петр(ович) все-таки бездарен и нетонок. Одной твердости мнений все-таки недостаточно... Все-таки он — «суррогат» за неимением лучшего пока... И защищает он все достойное защиты честно, твердо и смело; но *непривлекательно* и не *убедительно*... Сам-то я хоть и досадаю на него, но люблю его лично; — дело — страдает — вот беда!

Автограф: ГАРФ.

Ф. 1099. Оп. 1.

Ед. хр. 2084.

Л. 3—6 об.

Фрагмент впервые:

Христианство. 4.

С. 413. Фрагмент:

Материалы.

С. 494—496.

Цитируется:

6, 585—586, 674;

8, 1046,

1325—1326.

Хорошо бы и в Москве иметь *своего* редактора!

Посылаю Вам свой портрет, снятый здесь, довольно удачно.²² —

И прошу Вас, Третий Иванович, *разоритесь* рублей на 10-15 — *пришли-те мне Вашу большую фотографию*, такую, чтобы в зале моей над диваном повесить. — Ведь это ужасно, что у меня нет Вашего портрета!

Марье Ивановне мое глубокое почтение; Сергея Тertiевича целую. — Барышне Вашей * мой привет.²³

Ваш К. Леонтьев).

¹ См. п. 187.

² Далее зачеркнуто: «дадут».

³ Та же подробность сообщена в приложении к духовному завещанию («Мои посмертные желания», 1891): «Надо, конечно, хлопотать о полной пенсии (2500 р. с.). — Достоевского вдове — дали 2500 р. с., хотя муж вовсе не служил, а только писал. — Но во всяком случае можно надеяться на 1/2-ну» (6, 40). В итоге весной 1892 г. Е. П. Леонтьевой было назначено «ежегодное пособие» в 500 руб. серебром (6, 672).

⁴ Далее начато и зачеркнуто: «дадут».

⁵ Речь идет о Е. В. Самбикиной.

⁶ Лучшее враг хорошего! (франц.).

⁷ 18 июля 1889 г. кн. Голицын, отвечая на неизвестное нам письмо Леонтьева, поведал о своей неустроенности: «Получаю крошечное содержание в Департаменте Полиции, где мне дали большую историко-литературную работу. Если еще не бедствую, то, вероятно, это последует в самом непродолжительном времени, если не поможет Бог! Обращался к Тertiю Ив(ановичу), прося места: ничего не вышло. После окончания Евр(ейской) Комиссии, остался на бобах. Жена уж с год как состоит Инспектрисою Смольного монастыря, где воспитывается и дочка; я же живу с сыном, которому уже 19 лет. Будущее неизвестно. (...)

Не забывайте меня. Напишите Тertiю Ив(анови)чу обо мне словечко. По правде — следует ли мне пропадать без дела и без гроша?! Fiat voluntas Tua (Да будет воля Твоя, — лат.)» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 13 об.—14 об.).

Вслед за этим князь «был более 2 недели в Москве». В его отсутствие пришло письмо Леонтьева, ответ на которое, к сожалению, не датирован (это и есть то письмо, о ко-

* Прошу великодушно простить *старости* — стал забывать имена тех, кого из *новых* знакомых редко вижу.

тором Леонтьев упоминает Филиппову как о полученном «на днях»). Большая часть этого письма посвящено сообщению подробностей о новой встрече с Филипповым:

«Я был на днях у Тертия Ивановича, в новом его помещении, министерском (так сказать) доме, на Мойке. Он, как и прежде, весьма сочувственно отнесся к моему заявлению, и так как имеет в виду подходящее местечко, то он и написал в тот же день начальствующему лицу. Сего последнего я не видел еще, и не знаю — будет ли толк. А Вас все-таки прошу написать Тertiю Иван(ови)чу; просьба *со стороны* все-таки имеет более веса, чем просьба заинтересованного лица. А Вы ведь меня знаете хорошо, а он Вас ценит весьма высоко и горячо. Это уже мне достаточно известно.

А был я у Т(ертия) Ив(анови)ча еще вот по какому поводу: давал ему как бы отчет о моей московской поездке, которая не могла не интересовать его. Скажу Вам, по секрету (с запрещением передавать о том Губастову или кому-нибудь), что после моего к Вам письма, Божиим изволением, в *будущем*, предвидится для меня некая льгота, облегчение, не смею сказать — успокоение и обеспеченность! Скончалась в Москве двоюродная тетка моя гр. Анна Егор(овна) Толстая, после которой, в числе других, и я наследником. Капитал отдала она большую частью приближенным и церквям; а имение — наследникам. Последних очень много; надо выжидать 6-месячный срок; потом — делиться, и тут-то и лежит главное препятствие, потому что доли наследственные не равномерны, есть малоолетние, имение в 4-х—5 уездах и проч. На все это потребуются 3-4 или более лет. Но всё-таки, *будущее* светлее, и, может быть, мне дано будет умереть уплатив долги. Тертiй Иван(ови)ч был, в течение долгих лет, другом Графа Тол(стого) и Графини (она, впрочем, ничего ему не оставила). Он мне дает добрые советы — как поступать. Имение сдано, по нашей (наследников) просьбе — в Опеку. И вот свершилась Божия воля! А я так жаловался Вам в последнем письме! Но пока, все-таки, остаюсь при прежнем нуле, и служба для меня необходима в течение еще нескольких лет, а, может быть, и навсегда, если только хватит на уплату долгов. Поэтому, еще раз прошу горячего заступничества за меня у Т(ертия) Ив(анови)ча, который человек с сердцем, и, может быть, в состоянии для меня что-нибудь сделать. Последнее — довольно, впрочем, трудная задача. Друзей и покровителей у меня нет. Считают меня стариком, которого поскорее надо спустить, а не то что давать ход. Пенсии я никакой не выслужил, состоя 9 лет *причисленным* к Министерству, хотя и работал не менее, полагаю, тех, кто занимал штатные должности» (Там же. Л. 15—16 об.).

⁸ День на день не приходится (*франц.*).

⁹ Перед этим зачеркнуто: «и без».

¹⁰ Подобные жалобы были особенно часты в устах Победоносцева.

¹¹ Далее зачеркнуто: «главу».

¹² Текст этой главы или дополнения к мемуарному очерку о старце Макарии Афонском утрачен.

¹³ Далее зачеркнуто: «людям».

¹⁴ Кристи писал Леонтьеву 15 августа: «... как я необычайно радуюсь за Т. И. Филиппова, радуюсь за „тенденцию“. Я кончил ему телеграмму „и большим надеюсь влиянием на ход дорогих нам интересов“» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 25).

¹⁵ «Россия и Вселенская Церковь» — книга Вл. Соловьева на французском языке, изданная в Париже в 1889 г. и запрещенная в России; краткое изложение второй и третьей частей задуманной им трилогии «Истории и будущности теократии». Леонтьев получил эту книгу от Губастова, который писал ему из Вены 15 июля, что вышлет ее «на днях» (Там же. Ед. хр. 112. Л. 25).

¹⁶ «Проект чего-то вроде папства в Константинополе или в Иерусалиме» — 10-я глава упомянутой книги Соловьева.

¹⁷ Ср. в переводе Г. А. Рачинского: «Что мысль найти на Востоке центральное управление для Вселенской Церкви или поставить восточного анти-папу — что эта межеумочная мысль не представляет ничего серьезного и практического, это достаточно видно из неспособности ее приверженцев прийти к соглашению, даже в смысле теоретического проекта или *pium desiderium* (благочестивого желания, лат.), по следующему вопросу: кому из церковных иерархов Востока могла бы быть вручена эта загадочная миссия? (...) Если мы намерены здесь (...) произнести суд над этими грустными утопиями, то, конечно, не в виду какого-либо присущего им значения, ибо таковое сводится к нулю, а исключительно из уважения к некоторым почтенным писателям, которые с отчаяния пытались противопоставить эти фикции истинной идее соединения Церквей» (Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь / Пер с франц. Г. А. Рачинского. М., 1911. С. 164).

¹⁸ Ср.: «... идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Соловьев В. Русская идея / Пер. с франц. Г. А. Рачинского // Вопросы философии и психологии. 1909. № V (100). С. 324).

¹⁹ Леонтьев опирается здесь на крылатые слова, источник которых установить не удалось: «Сопротивляйтесь движению — и оно вас раздавит, возглавьте его — и вы будете господствовать». По-французски это изречение приводится в романе «Одиссей Полихрониадес» (4, 396). Ср. также в «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге»: «... Необходимо опередить (...) изношенную духом Европу; — стать во главе движения; ... из „последних стать первыми“ в мире» (8, 9).

²⁰ Ср. об этом же в письме Ф. П. Чуфрина к Филиппову от 28 ноября 1891 г. (Приложение 3, с. 649).

²¹ См. п. 161.

²² Имеется в виду последняя фотография Леонтьева, снятая В. Ф. Мейснером летом 1889 г. в Козельске. См. вклейку, ил. 2.

²³ Речь идет о М. Т. Филипповой.

6 октября 89 г. *Опт⟨ина⟩ П⟨устынь⟩*

Маленькое письмецо Ваше, Третий Иванович, давно уже получено и отцу Амвросию немедленно было прочтено.¹ Случайно присутствовал при этом и 2-й Оптинский старец от⟨ец⟩ Анатолий (скитоначальник). И оба старца и мы с от⟨цом⟩ Эрастом искренно радовались Вашему смирению и Вашей столь правильной богобоязненности. О. о. Оптиские — и я грешный — будем все за Вас молиться. Я же с моей стороны уверен, что все у Вас пойдет хорошо, *именно потому*, что Вы во дни успехов и счастья *так твердо* помните о Боге и несколько даже «пугаетесь», как Вы говорите. 18-тилетняя близость моя к монашескому учению и долгая жизнь «под старцами» — дает мне некоторое право считать себя в этого рода тонких духовных вопросах довольно опытным. Дай Бог всякому испытать этого рода высокие, идеальные «испути»! Это верный психологический признак тому, что у человека крепки страх Божий и та степень смирения, которая необходима всякому христианину, нищий ли он или сановник...

За Вас я радуюсь всячески — и духовно, и по-мирски; и за повышение (которое Бог даст, *не Вам одним* будет выгодно, а многим и для *многого*), за себя же немножко скорблю и тревожусь по случаю того же письма Вашего. У меня раз, еще в Москве, и *заказное* большого размера письмо пропало. Боюсь, не случилось ли того же и со *вторым* моим к Вам письмом?

Вы были всегда так точны, а в этом Вашем письме (с портретом, за который усердно благодарю) даже не сказано что-нибудь вроде: «*о других делах напишу после*».

Там была, между прочим, и рукопись для Мещерского (о греческом подвижничестве на Афоне),² представленная на Вашу предваритель-

ную цензуру и была еще *покорнейшая просьба* объяснить мне, можно ли позволить себе признать официальным порядком жену мою или «слабоумною» или «расточительною», не рискуя лишить ее пенсии после смерти моей.

Что рукопись не напечатана — это мне более чем все равно, я даже очень рад, потому что всю свою статью об от(це) Макарии Афонском считаю слабою и писал ее через силу, по одному лишь чувству долга. О рукописи этой говорить не стоит, разве только для того, чтобы извиниться перед Вами, что беспокоил пустяками.

Но дело об освидетельствовании жены, об опеке над ней и о риске лишить ее этим пенсии — Вы понимаете, как для моей совести важно?

Известный Вам князь Ал(ексей) Дм(итриевич) Оболенский, здешний предводитель, и Губернатор Булыгин находят, что опеку наложить на нее не трудно, но я не могу позволить себе и шагу в этом смысле сделать, пока не получу от Вас успокоительного ответа. Здесь недавно гостил сенатор Петр Ив(анович) Соломон, я и с ним советовался, он полагает, что наложение опеки ничуть не помешает правительству дать жене моей после моей смерти какую угодно пенсию, но прибавил, что я очень хорошо сделаю, если посоветуюсь с Вами и не буду без Вас ничего предпринимать насчет опеки.

Дело в том, если есть малейший риск лишить ее пенсии и даже повлиять на ее уменьшение, то лучше и оставить вовсе мысль об опеке. Ее душевное состояние не таковое, чтобы опека была *необходима*, она *только полезна*. Она (жена т. е.) ничего в практической жизни не смыслит: стала под старость совсем как дитя: куда нужно — денег не хочет расходовать, куда не нужно — тратит; страдает постоянной жаждой к перемене мест; заниматься ничем прилежно не может: ни одно чувство у нее больше 10 минут не держится.

Я боюсь, чтобы после смерти моей она не уехала навсегда в Крым, где у нее есть брат, рыбак и картежник, и очень глупые сестры. Было бы очень горько, если бы она попала при своей беззащитности и доверчи-

вости в их руки. Здесь же есть кому за ней смотреть, и самая близость Оптиных духовников, которых она инстинктивно чтит, очень для нее полезна. Здесь и без меня найдутся опекуны благородные и добросовестные, и моя душа будет успокоена сознанием, что она не брошена на произвол судьбы. Все это, конечно, при пенсии. Лучше пенсия без официальной опеки, чем опека без пенсии. В крайности, Бог даст, и без опеки добрые люди здесь справятся с ней и удержат ее от безрассудства. Разумеется — Господних судеб не изменишь, но всякому желательно умирая чувствовать, что долг совести исполнен. С этой точки зрения и от(ец) Амвросий сочувствует этим хлопотам моим и благословляет их. «Fait ce que doit, advienne que pourra!»³ Буду ждать терпеливо ответа Вашего; положи Вам Господь на сердце не забыть и моего дела среди такого множества разнообразных забот, обременяющих Вас.

Прошу передать Марье Ивановне мое глубокое почтение и детям Вашим мой привет.

За портрет донельзя признателен, жаль только, что нынче всё стали делать такие блестящие фотографии; я предпочитаю тусклые, те, которые покрываются каким-то платиновым раствором, они больше блестящих похожи на гравюры.

Пошли Вам Господь здоровья и сил душевных на новом поприще Вашем, которое (продолжаю пророчествовать) мне представляется лишь средством, а не целью. (Царьград — и Вы у кормила корабля церковного — вот цель!)

Остаюсь по-старому любящий Вас и неоплатный Ваш должник

Грешный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 65—68.

Цитируется: 6, 586.

¹ Местонахождение этого письма неизвестно. Однако сохранилось письмо Леонтьева к о. Эрасту (Вытропскому) от 24 сентября 1889 г., сопровождавшее передачу старцу Амвросию писем Филиппова и о. И. Фуделя:

«Посылаю Вам 2 письма: от Т. И. Филиппова и другое от Отца Иосифа Фуделя из Белостока.

Прочтите 1-е батюшке, так как Т(ертий) И(ванови)ч просит его св. молитв» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 20).

² См. примеч. 12 к п. 188.

³ *Делай что должно, и будь что будет!* (*франц.*); одна из любимых пословиц Леонтьева, девиз рыцарей Круглого стола. В полном виде звучит так: «*Fait ce que dois, advienne que pourra. C'est commande au chevalier*» (Делай что должно, и будь что будет. Вот заповедь рыцаря).

190

Филиппов — Леонтьеву

14 октября
1889 г., Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Положение мое очень изменилось относительно досуга: по-прежнему исправным быть не могу. Не советую опеки учреждать; дело может запутаться, и кто же будет его распутывать, когда нас с Вами не будет среди живых? Можно придумать известную форму для поручения Вашей предполагаемой вдовы особенным заботам избранного Вами лица, — что может облегчить его вмешательство в ее дела.¹ Для таких особенных случаев очень удобный путь через Канцелярию прошений до престола.²

Обнимаю Вас и земно кланяюсь старцам.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 14 октября 1889.

«Гражданину» скажу, что стыдно ему Ваши статьи оставлять в забвении.

¹ Леонтьев последовал этому совету. В четвертом пункте завещания, датированного 20 января 1890 г., говорилось:

«Племянницу мою *Екатерину Васильевну Самбикину* и *Князя Алексея Алексеевича Вяземского* — прошу иметь попечение о несчастной жене моей *Елизавете Павловне Леонтьевой*.

Немедленно по смерти моей принять меры для исходатайствования ей пенсии от Правительства. — И впоследствии иметь о ней заботу, ибо она неспособна к разумно-

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 46.

Ответ на п. 188 и 189.

В копии ошибочно
датировано 1887 г.

му распоряжению денежными средствами и вообще к соблюдению собственных интересов какого бы то ни было рода» (6₂, 37). В сделанной же 1 августа и также, как и само завещание, нотариально заверенной приписке обязанности попечительства снимались с Е. В. Самбикиной и передавались М. В. Леонтьевой (6₂, 38). Завещание было ей исполнено. М. В. Леонтьевой удалось выхлопотать пенсию (нераздельно для вдовы Леонтьева и для себя как ее попечительницы; см.: 6₂, 672—673) и содержать Елизавету Павловну до ее кончины.

² Канцелярия прошений, на Высочайшее Имя приносимых, переживала как раз в то время период реформирования. В 1895 г. она была соединена с Собственной Е. И. В. канцелярией.

191

Леонтьев — Филиппову

10 января 1890 г. *Опт⟨ина⟩ П⟨устынь⟩*

Давно я Вам, Третий Иванович, не писал. На святках я был и болен, и очень занят окончанием давно уже (около 1 ½ года) залежавшейся у меня статьи, которую *наконец* и отправил сегодня Бергу для «Р⟨усско-го⟩ В⟨естника⟩». ¹ Если она ему не понравится, я просил его отослать ее в Москву к *тому* Бобарыкину, который (на деньги Морозова ²) издает «Русск⟨ое⟩ Обозр⟨ение⟩» ... Он мне приятель, здешний, Козельского уезда помещик и весьма хорошего направления человек. Вот главная причина, почему я так долго ничего не писал для «Гражданина». И даже теперь, по окончании этого большого (эстетического) труда, который меня одинаково сильно и тяготил, и занимал — я не ручаюсь, что буду в силах скоро что-нибудь приготовить и *придумать* для «Гражданина». Во всяком случае, могу обещать, что *весь* 90-й год не пройдет для «Гражданина» без моих статей, хотя бы для того, чтобы *даром* получать его. Я, напр⟨имер⟩, взял теперь обыкновение записывать разные афоризмы, ³ которые мне приходят на ум в более досужные дни (когда я подолгу отдыхаю, не знаю отчего, от длинного ли труда, или вернее от того чувства оскорбления, которое *всегда* следует за бесплодным обнародованием по-

1890

10 января 1890 г.,
Оптина пустынь.

добного труда). Эти афоризмы можно бы от времени до времени соединять и собирать в виде «Записок Отшельника»,⁴ но признаться, и тут задуматься надо. Некоторые из них просто ужасны, а между тем я иначе уже мыслить не умею. Все они, напр(имер), дышат глубокой ненавистью к *чистой этике*;⁵ удобно ли это печатать вообще? Но что же мне делать, если для меня монастырь (не Оптинский, а какой хотите, хоть средневековый), монастырь, в котором искренняя вера и особого рода поэзия соединялись бы с сильными страстями, тайными пороками и даже и скрытыми преступлениями — лучше, чем кружок очень честных рациональных и моральных «пиджачников»! Все то, что я пишу для *себя*, без ближайшего намерения печатать — более или менее в таком роде. Иначе мне скучно. Это надо взять в расчет. Но разумеется, что между такими заметками найдут(ся) все-таки и годные для «Гражданина». Таких же длинных статей, какие я писал для «Гражданина» в 87 и 88 году, лучше для газеты вообще не писать. Какая польза? Все (почти) говорят — это *парадоксы*,⁶ и влияния они не имеют *даже и на князя Мещерского и его сотрудников*, ибо читая «Гражданин», я беспрестанно вижу, что они или противоречат мне, или повторяют мои *давние* мысли, никогда и не беспокоясь напомнить о моих книгах и статьях. А между тем Сборник мой «Вост(ок), Росс(ия) и Сл(авянст)во» попросили книж(ные) маг(азины) *взять назад*, ибо вовсе перестали почти продаваться. Для *кого* же писать? Для 10-15 человек? Ах, верьте, Третий Иванович, что, если бы не одно *вещественное* обстоятельство,⁷ то я с истинной радостью оставил бы всю эту *текущую* литературу и писал бы свои посмертные записки, чтобы не скучать и не быть без дела!

Об этом *вещественном* обстоятельстве скажу Вам пояснее, чтобы Вы не судили меня строго за то, что я не могу много писать для «Гражданина». У меня от *прежней жизни* осталось 1500 р. с(еребром) долга (1200 в банк, а 300 — по совести — небогатому человеку⁸), который меня связывает и требует *срочных* забот. Прошедшей весной я обратился к от(цу) Амвросию за советом, что мне начать (писать), когда я окончу

ту статью, которую я сегодня Бергу отправил. (Я надеялся кончить ее в июле, но неожиданная смерть от⟨ца⟩ Макария Афонского, которому я столько был обязан, *принудила* меня прервать это дело и заняться его некрологом.⁹) Я говорил от⟨цу⟩ Амвросию о *трех* разных планах, и все три имели в виду главным образом уплату этих 1500 р. О. Амвросий благословил мне помолиться и бросить *жеребий*. *Жребий выпал начать роман (в правосл⟨авном⟩ духе, конечно)*.¹⁰ В мои годы это очень трудно... Борьбы и труда я предвижу очень много уже по самому богатству материала в памяти моей. Путаются между собой три сюжета,¹¹ один богаче другого, и мне хочется выбрать *самый бедный*, для легкости. *Окончу* ли я его, это «не сказано» (жеребием), но что *начать* его я *должен* после жребия, Вы с этим согласитесь. Откровенно Вам признаюсь, что я даже решился не слишком серьезно заботиться о художественном достоинстве этого романа, а только о том, во-1-х, чтобы христианское учение было в нем настоящее, а не «маргариновое» (как у Достоевского),¹² а во-2-х, о том, чтобы вышло поскорее *столько листов, сколько нужно*, чтобы уплатить эти 1500 р. с⟨еребром⟩ и быть уже *совершенно свободным*. Я отказался от городской жизни и не скучаю (я и *предвидел*, что скучать не буду); я отказался около года тому назад от мяса и не горюю, отказался от выездов на воздух вторую зиму — и не тягочусь этим безмолвием по 6-ти месяцев подряд. Откажусь, быть может, с *Божией помощью* конечно, и от той незатейливой *семейной* жизни, за которую пока еще держусь, т. е. буду тут *где-нибудь* жить один; откажусь, если Господь по милосердию Своему поддержит меня, и от того, что я называл «текущей» литературой. Аминь! Аминь! Аминь!...

Боже, как душеспасительно было бы *забыть* (не памятью ума — это невозможно, а сердцем) ту *неправду*, которой я столь давняя жертва и которая Вам-то уж более чем кому-нибудь знакома!

Старое все сердцем забыть, при молитве и безмолвии, возможно, *если не подвергать себя более новым тяжелым впечатлениям*, все в том же старом роде! «Вырви око твое, если оно соблазняет тебя». ¹³ И все это зави-

сит от этих 1500 р. Надо скорее их приобрести... Надо *написать листов 15*, а там, хорош ли он будет, *кончен ли он даже будет* (это между нами, как на духу, из соображений практических) — это уж не важно. Писал я и хорошее, но что же вышло? Я не смею даже надеяться найти издателя для полного издания «Одиссея Полихрониадеса»!¹⁴ Вот Ону пишет мне, что если бы издали всего «Одиссея» отдельно, то он непременно постарался бы, чтобы он был переведен и по-гречески, и по-турецки. Он писал мне между прочим, что «Одиссей» в этнографическом отношении гораздо *точнее* многих европейских ученых сочинений.¹⁵

Ну — а могу я отсюда найти издателя? Лучше и не трудиться!

Остается восклицать: «Боже, избавь меня *сперва* от этого долга в 1500 р., а потом и от *литературы* этой!» Видите — вот и это обстоятельство — препятствие для постоянной работы на «Гражданин». А сочувствовать я, конечно, ему во многом сочувствую. С точки зрения патриотической, я радуюсь особенно тому, что, видимо, и разные бездарные и безличные люди набили теперь руку писать в охранительном духе... А то было совсем разучились. В Москве, верьте, мне даже некоторые редакторы на это неумение жаловались.

Дай Бог Вам здоровья, семейного благоденствия и всего лучшего на новый 90-й год — и не забывайте *уж слишком*.

К. Леонтьев.

¹ Речь идет о статье «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого». Ее первая публикация: РВ. 1890. № 6. С. 245—277; № 7. С. 234—268; № 8. С. 205—244. Первая глава, не изданная Бергом, была помещена Леонтьевым в «Гражданине» (см. примеч. 32 к п. 197).

² Речь идет о Д. И. Морозове.

³ Тетради под названием «Отрывки и разные мысли» (1889—1890) сохранились в частной коллекции.

⁴ Название цикла статей Леонтьева в «Гражданине» (1887—1891).

⁵ Чистая этика — то, «что философы (подразумевается прежде всего И. Кант. — О. Ф.) зовут личной, автономической (то есть самовольной, само-узаконяющейся) нравственностью» (7, 82), этика рациональная, не основанная на каких-либо рели-

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 68—72.

Цитируется:

4, 967—968;

6, 584;

8, 1117—1118.

гиозных установлениях, «освобожденная (...) от всякого мистического влияния» (8, 171—172; ср.: 6, 50; 7, 170—171, 314, 316; 8, 440—441, 532), «гражданская» этика (8, 532), «голая и сухая утилитарная нравственность» (7, 349). В статье «Не кстати и кстати» Леонтьев прямо называет ее «безбожной» этикой (8, 634). Чистая этика — это и «практическая мораль» (в пример Леонтьев приводил конфуцианство; см. письмо к Александрову от 3 мая 1890 г.: Александров. С. 96), и «яд, самый тонкий и самый могучий из всех столь разнородных зараз, разлагающих постепенным действием своим все европейские общества» (7, 82), поскольку порождает «новый род идолопоклонства» — «поклонение человеческой личности» (7, 81). В статье «Культурный идеал и племенная политика» Леонтьев объяснял, что избегает «писать о чистой этике, о любви и т. д. (ибо эта сторона дела трудами других у нас обеспечена) ...» (8, 259). Чистой этике у Леонтьева противопоставит «высшая этика» (8, 386) христианского аскетизма.

⁶ См. примеч. 17 к п. 182.

⁷ Подразумевается необходимость расплатиться с долгами.

⁸ Имеется в виду кавас Яни Папас.

⁹ Речь идет об очерке «Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской» (1889; 6, 748—781).

¹⁰ О жребии, указывающем на необходимость писать роман «Подруги», и о других планах см. п. 180 и примеч. 6 к нему.

¹¹ Ср. в п. 205 о трех незавершенных романах.

¹² Подчеркивается оттенок искусственности, ненатуральности, суррогатности (все эти признаки характеризуют заменитель масла — маргарин), отличавший, по мнению Леонтьева, «новое христианство», к которому он причислял Достоевского и Л. Толстого. См. также примеч. 107 во вступительной статье (с. 39).

¹³ Измененная цитата: Мф. 5: 29.

¹⁴ См. об этом: 4, 963—968.

¹⁵ Речь идет о письме М. К. Ону от 26 апреля 1889 г. См.: 4, 965.

192

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич!

6 марта 1890 г.,
Петербург

Наконец я испытал, что такое настоящие недосуги, как Вы познали полный досуг и совершенную свободу. Вы можете писать, когда вздумаете; я, когда выберется свободная минута. Тем не менее Вы ведете себя со мной en egal¹ и ждете ответа: черта дворянина, но не из похвальных.

И теперь бы писать не следовало за недосугом; но я не утерпел, чтобы не поделиться с Вами радостью о статьях Дм. Самарина («Нов(ое) Время» №№ 14 и 20 февр(аля) и 6 марта), обличивших злостную и лживую сторону рассуждений Вл. Соловьева.² Честь этого обличения могла бы принадлежать и Вам, если бы догадались о крайней необходимости этого дела. Соловьев смешал древних славянофилов с Катковым, взгляд которого на Церковь был прямою противоположностью их воззрению. Они ошибались в применении общих начал к историческим явлениям, но не в самых началах. Я помню отвратительную выходку Каткова или Леонтьева³ в «М(осковских) Вед(омостях)» против И. Аксакова, который ставил духовное или церковное начало над государственным: «И. Аксаков грубому государственному единству предпочитает свое возвышенное nichts».⁴

У меня в доме все благополучно и по службе тоже.⁵ Прошу передать мои почтительные приветствия о. Архимандриту, о. Амвросию и о. Ерасту, яко молитвенникам о моей расслабленной и рассеянной душе.

В Г(осударственном) Совете приступили к рассмотрению представления М(инист)ра Вн(утренних) Д(ел) о земских учреждениях.⁶ Чай, живя там, что-нибудь слышите; написали бы в «Гражд(анин)» для общей пользы. Гряди ко мравию, лениве, и от того научися.⁷

Ваш искренний Т. Филиппов.

Р. S. Как идет Ваш роман?⁸ Если Вы принялись за него, то ищите прежде правды, а 1500 р. приложатся Вам.⁹ Как же, взявшись за роман, не заботиться о художественности. Это истинный грех!

СПб. 6 марта 1890.

¹ На равных (франц.).

² Речь идет о статье Д. Ф. Самарина «Поборник вселенской правды» (НВр. 1890. 14 февр. № 5015. С. 2; 20 февр. № 5021. С. 2—3; 28 февр. № 5029. С. 2—3, 6 марта. № 5035. С. 2—3), перепечатанной вскоре в виде отдельной брошюры.

³ Имеется в виду П. М. Леонтьев.

⁴ Nichts — ничто (нем.); здесь как термин философии Гегеля, противоположность «чистому бытию». В 1865 г. Катков писал о газете Аксакова: «День», отзываясь «с презрением об интересе государственного единства, противопоставляет этой грубой действительности возвышенное *Nichts*, под именем „единства и цельности народного духа“...» (МВед. 1865. 11 марта. № 54. С. 2). Аксаков отвечал на этот выпад в передовой статье своей газеты от 20 марта того же года (см.: Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. Т. II: Славянофильство и западничество. 1860—1886. С. 314—316).

⁵ Филиппов скрыл от Леонтьева только что пережитые тревожения: зимой 1889/1890 гг. противники Филиппова А. А. Абаза и Д. М. Сольский пытались добиться отстранения его от недавно полученного поста государственного контролера.

⁶ Положение о губернских и земских учреждениях было утверждено Высочайшим указом от 12 июня 1890 г.

⁷ Притч. 6: 6. Мравий — муравей (ц.-сл.).

⁸ Имеется в виду начатый в 1889 г. роман «Подрути».

⁹ Аллюзия на слова «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, а сия вся приложатся вам» (Мф. 6: 33).

193

Леонтьев — Филиппову

14 марта 1890 г.,

Оптина пустынь

14 марта 1890 г. Опт(ина) П(устынь).

Несколько дней тому назад, Тертый Иванович, я только что (скрепя сердце) собрался обеспокоить Вас несколькими словами по поводу прилагаемого при сем письма от Эбермана,¹ как совершенно неожиданно (подчеркиваю!) получил Ваше.

Об Эбермане потом, о себе прежде. Я не только подчеркиваю слово неожиданно, но и решительно протестую против обвинения в том, что я хочу третировать Вас en egal² в деле переписки. Достаточно сопоставить: Петербург и Оптину, службу и жизнь в отставке на пенсии, чтобы не претендовать на равноправность в переписке или на равенство досуга... И это еще не бравши в расчет ни рода службы, ни степени ее (чем

выше, тем труднее — кто ж этого не знает, — и смотря по роду службы на одинаковых степенях — разница в озабоченности — бывает большая; знаю по опыту: доктор, цензор, консул *там*, где мало подданных и тяжб. Конечно, последнее досужнее всего).

Я даже и сам стал гораздо реже писать Вам теперь, именно потому, что писать часто не считаю себя вправе обременять. Понять не могу, почему это Вам показалось, что я рассчитываю на частые ответы!

За извещение о статьях Дм(итрия) Фед(оровича) Самарина³ искренно благодарю. Я уже послал 1 р. в р(едакцию) «Нов(ого) Вр(емени)», чтобы мне их выслали заказным. Почему я сам Вл. Соловьеву не возражал? По многим причинам — не чувствую себя *в силах*. Во-1-х, я не сижу без дела и ко «мравию», право, мне не за чем идти.⁴ Ползими я был занят окончанием очень трудной статьи для «Русск(ого) Вестн(ика)» («Анализ, стиль и веяние»), которую и отправил Бергу в январе, в начале... (А он, замечу мимоходом, до запрошлой недели не решался даже и прочесть ее, потому что *рукопись объемиста*... Лестно и ободрительно!) Написать эту статью было почти необходимо, чтобы уже раз навсегда отделаться от некоторых (идиосинкразических) мыслей и взглядов на русскую литературу, мыслей, которые тревожили меня *около 30 лет*,⁵ а высказывать их приходилось кой-когда только между прочим и преимущественно московской молодежи... Потом принялся за ту повесть, о которой Вы знать желаете («Подруги» — история *обращения* нескольких лиц к Православной вере). Написал глав 6, 7⁶ и должен был оставить на время, для некоторых более обдуманых художественных, религиозных и психологических соображений, ибо увы! Хотя вопреки, уж извините, Вашему взгляду на то, что пренебрегать художественностью мне *истинный* грех, я бы *очень желал* пренебречь ею во имя других, гораздо более *священных* (уплата банку имеет тесное отношение к моей *духовной* жизни) соображений. Но не могу достичь до этого равнодушия! И все-таки забочусь о ней. Потом пораженный, как и многие здесь, поступлением в скит двух молодых двоюродных братьев (Шидловского и Черепано-

ва), обеспеченных, образованных и женатых на красивых женщинах (которые тоже обе пошли в монахини)⁷ — я испросил благословение у от(ца) Амвросия написать для «Гражданина» статью — «Добрые вести» (о возрастающей у нас религиозности) — и на днях посылаю ее Мещерскому.⁸ Если Вы при этом возьмете в расчет постоянные и неисцелимые недуги, частые бессонницы, которые утомляют мозг, богомольные обязанности, которые я в моей полумонашеской жизни должен же хоть сколько-нибудь исполнять, совершенное безмолвие здесь зимой и упорное пренебрежение к моему имени всех редакций, не исключая и «Гражданина», который по несколько раз в год мог бы (*теперь именно*) указывать на мои многочисленные предсказания и предвидения (и вероятно делал бы это, если бы тонкость, заботливость и ум у князя были равны его смелости и искренности), и, наконец, необходимость заблаговременно думать о сроках погашения этого анафемского банка (ведь они не дают возможность сесть на полгода подряд за *сплошную* и серьезную работу). Если Вы возьмете все это в совокупности в расчет, то Вы не только раздумаете посылать меня ко «мравию», но верно подивитесь, как еще много жизни в моем уме. Чтобы справедливо судить меня, не надо ни на минуту забывать *главного*, то есть той «*несоразмерности моей неизвестности с моими дарованиями*», на которую Вы сами так красноречиво жаловались в 87 году в «Гражданине»⁹ и о которой еще недавно писал довольно бестолково, хотя и пламенно (спаси его Господи!) бедный м-сье Чернов (Портье-д'Арк) в «Revue nouvelle» и в книжке своей «*L'esprit national en Russie sous Alexandre III*».¹⁰

Ведь я сам дивлюсь иногда, как меня эта непостижимая несправедливость критики не довела до совершенного молчания. Видно, в самом деле есть *что* сказать свое. Что касается до возражений Соловьеву, то неужели меня можно сравнивать с Д. Ф. Самариным? Я нахожу, что у нас больше обращают внимание на то, *кто* написал, чем на то, *что* написано. Самарин поставлен так, что его очень простое слово будет иметь *практический* вес. Я же *просто* — писать не умею, начну возражать Соловь-

еву, сам улечу далеко, далеко, и скажут опять, как у Комарова про *национальную политику* мою: психологические парадоксы,¹¹ а те критики и ценители, которым я *понятен* (напр^{имер}), Н. Н. Страхов или Грингмут, занимающийся *внешней* политикой в «Моск^{овских} Вед^{омостях}», человек *лично* православный и очень тонкий эстетик), — те предадут меня посредством *молчания*: Страхов по какому-то предубеждению против меня, весьма даже загадочному и таинственному, а Грингмут, который в душе даже по церковному вопросу больше согласен с Вами и со мной, чем с Катковым, предаст меня страха ради Катковской «тени» и из-за куска хлеба у Петровского, который *лично* меня (не без основания) ненавидит. (До того, что даже *объявления, за которые я деньги платил*, он будто по ошибке помещал не по условию в невыгодном месте.) А Дм^{итрий} Ф^{едорович} напишет: «практический деятель» и т. д. будет *действительная* польза! Все, что Вам вздумалось бы мне (*на досуге*) когда-нибудь против этого сказать — я приму лишь за утешения и ободрения дружбы, и все буду подозревать, что в душе Вы думаете: «конечно, он прав, что не верит в пользу своих трудов».

Теперь об Эбермане. Вот видите, Третий Иванович, еще не получивши Вашего письма, я уже «скрепя сердце» и смущенный собирался послать Вам его письмо, с самыми краткими объяснениями, для отклонения от себя всякой ответственности за доuku, причиняемую Вам. Правду ли он пишет, я не знаю; думаю, что выдумывать он не решился бы, но зная или хоть догадываясь, до чего Вы должны быть заняты, я на минуту вообразил даже, что чиновники эти Благово и Коротнев вздумали подшутить над ним, но потом, подумавши еще, не счел себя вправе остановиться на такой мысли и решился послать Вам его собственное письмо. Почерк его, хоть и мелкий, гораздо разборчивее моего. *Не послать* — я счел бы вдвойне дурным поступком: это было бы и недостатком моей доброты по отношению к нему, и недостатком *доверия к Вашей доброте вообще*. Прибавить от себя могу только то, что *статей*, о которых он пишет, я вовсе не знаю, а стихи его, особенно «Мороз», мне действитель-

но нравятся.¹² Когда я читаю эти стихи об узорах мороза на окнах бедного жилища и богатых фантазиях нуждающегося поэта, при виде этих узоров, — я *понимаю его чувства, я верю* им, зная и его обстоятельства, и склад его ума. А когда я читаю *стариковские* новейшие стихи Фета и Майкова, я ничего не понимаю и ничего не чувствую.¹³ А им везде есть место, а Эберману — нигде.¹⁴ Вот опять то же: *кто*, а не *что*?

Отчего не напишу о земстве и т. п.? С октября у меня не был никто из главных земских деятелей, которые, однако, со мной хороши и довольно близки. Поэтому дельного и *просвещенного* ничего не слышу, а что-нибудь такое неопределенное от прислуги или от простых монахов. «В Стенине¹⁵ (деревня) посек уж кн. Вяземский (зем⟨ский⟩ нач⟨альник⟩) двоих за буйство». ¹⁶ Или: я слышал, мужики, которые посерьезнее, говорят: «Ну, теперь уж, брат, не дадут тебе так пьянствовать, теперь держись!» Заходил ко мне урядник (из бедных дворян) и рассказывал, *что мужики очень присмирели*, хотя еще никаких особенных даже и распоряжений не было, а боятся. Вот *ни слова* даже более этого не слышал. Достаточно ли этого? К тому же, Вы знаете, я не умею об одних фактах писать, как обыкновенный корреспондент: это мне мука! Сейчас увлекусь рассуждениями общими о *сословности*, об ее не каком-нибудь временно-юридическом, а об вечно-физиологическом, психологическом, органическом значении. Вспомню невольно и о своих 6 главах «Прогресс и развитие» (в «Виз⟨антизме⟩ и Сл⟨авянст⟩ве») и *непременно* опять впаду в искушение ропота на нашу критику и по этому поводу... Да ведь и невозможно иначе! Я не бесстрастен же! *Chassez le naturel* (молитвой, постом, досадой на свое собственное пристрастие к земному) — а это «*naturel*», т. е. авторское самолюбие — «*revient au galop!*»¹⁷ Не могу писать о *фактах*. Мне нужно или молчание или полная разнузданность мысли. Конечно — разнузданность в тех железных пределах, в которые ее ставит моя богобоязненность.

В заключение расскажу Вам нечто о двух людях, весьма противоположных, об от⟨це⟩ Амвросии и о гр⟨афе⟩ Л. Н. Толстом. Толстой недавно

приезжал сюда на 1 сутки для свидания с сестрой,¹⁸ которая, собираясь стать монахиней, гостила тут для того, чтобы пользоваться наставлениями от⟨ца⟩ Амвросия. Приехал он из своего имения через Белев на своих с двумя дочерьми и племянницей.¹⁹ Он в одиночку правит на одних санках и с ним одна дочь, в других правит племянница и другая дочь. Был у от⟨ца⟩ Амвросия, благословения не принял, а попросил позволения поцеловаться с ним, старец поцеловал его, а потом *кался*, т. е. обвинял себя в минутной слабости и сказал, что с Л⟨ьвом⟩ Н⟨иколаевичем⟩ надо обращаться как «с язычником и мытарем».²⁰ Ко мне Т⟨олстой⟩ также пришел (в Москве он не бывал у меня, хотя я у него был раз по делу чтения в пользу Эбермана в 84 году);²¹ был чрезвычайно любезен, просидел часа два с лишком и все время спорил о вере. Так как тут *цензуры* не было,²² и он мог говорить все ясно, то я между прочим спросил: Вы, значит, в Троицу не верите? А он: «Голубчик К⟨онстантин⟩ Н⟨иколаевич⟩! Как же я буду верить в *Нее*, когда *Ее* нет!» На Христа он смотрит по-Ренановски: как на человека почти божественного, которому подобного не было и т. п.²³ Я возразил ему: «А если Он не Бог, то зачем я Его буду слушаться? Я, напр⟨имер⟩, сознаюсь, никогда не был расположен к целомудрию и половой морали; без веры в Божеств⟨енность⟩ Христа и в развитое из Еванг⟨елия⟩ учение Церкви — на что бы я стал исправляться? А я исправил много самое *воображение* мое, никак не благодаря старости, ибо Вы знаете, что старики нередко чувственнее и гораздо изобретательнее молодых, если у них нет внутренней узды». На это он ответил так: «я не отвергаю пользы Православия и даже старчества: от⟨ец⟩ Амвросий милый старец, я его очень уважаю, и в Ваше исправление я верю, разница между нами та, что я пью сам чистую Еванг⟨ельскую⟩ воду, а Вам нужно, чтобы эту воду Вам пропустил монах сквозь воронку, в которой много лишнего, песку и всякого сора; я питаюсь прямо ртом, а Вам ставят *клизтир* питательный. Это не беда, конечно, если нравственный результат хорош. Но Вы грешите против Вашего разума», — прибавил он еще. Я признаюсь, в свободной беседе с глазу на глаз ожидал чего-

нибудь более глубокого и нового, но оказывается и из этой беседы то же, что и из статей его, что этот человек, столь оригинальный и характером, и в творчестве художественном, в учении своем ничуть не самобытен! Боже! Какая старая песня! *Разум, мораль* и т. д. И какая бесплодная! Так как сестра его рассказывала мне с досадой, что он не только дочерей своих обратил в свое безбожие, но и на крестьян в своем имении начинает иметь влияние, то на прощаньи я сказал ему еще вот что: «Жаль, Л(ев) Н(иколаевич), что у меня мало фанатизма. А надо бы написать в Петербург, где у меня есть связи, чтобы Вас сослали в Томск и чтобы не позволяли ни графине, ни дочерям Вашим даже и посещать Вас, и чтобы денег высылали Вам мало. А то Вы положительно вредны!» А он, вообразите, простирает ко мне обе руки и с жаром восклицает: «Голубчик К(онстантин) Н(иколаевич)! Напишите ради Бога, чтобы меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу Вас, напишите!» Я верю искренности этого восклицания: ему хочется пострадать за свою веру и тем усилить действие своей проповеди.²⁴ Я думаю, что он прав по-своему. Другое дело какой-нибудь *только* энергический, но умом ничтожный и безымянный нигилист: того сегодня повесили, а завтра забыли. А его не забудут, поэтому, пожалуй, и лучше, что его оставляют на воле. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы помешать ему сеять плевелы свои в крестьянской среде? Отчего бы Тульскому епископу,²⁵ *разузнавши предварительно*, действительно ли некоторые крестьяне Ясной Поляны прежде ходили в церковь, а после его убеждений ходить перестали (сестре его, Мар(ье) Ник(олаевне), говорила это одна из дочерей его, а М(арья) Н(иколаевна) мне), — прислать бы туда для увещания толкового священника, если в Ясной Поляне нет церкви, или если приходской неспособен? Разумеется, минуя всякую полицию. А его самого почему бы (думал я также) Государю не вызвать в Петербург и не сделать ему кабинетных внушений, как делал иногда Ник(олай) Пав(лович)? Конечно, тут есть одно «дипломатическое», так сказать, соображение. Если Тол-

стому *хочется* ссылки, то он и Государя не послушается. Не послушается Государя, тогда уж в самом деле придется сослать и усилить еще более его популярность. Десяток мужиков, правда, предоохранишь, а сотни образованных юношей привлечешь к нему. Теперь, по крайней мере, многие сострадательные и щедрые молодые люди отвращаются от него потому, что слышат, что он сам не делает *ровно никаких дел «любви»*: деньгами никому не помогает, о местах просят — не хлопочет, не рекомендует; жене, как слышно, позволяет тоже быть очень скупой и т. п. Не верен сам проповеди любви, а сошли его, окажется верным проповеди безбожия. Ergo²⁶ — я думаю, что начальство право в том, что многое ему спускает, но все-таки о «меньшей-то братии»²⁷ надо бы подумать. И как он сам, Толстой (если это правда) — не подумает своими же словами: «мужик бедный не умеет пить Еванг(ельскую) воду без той „засоренной“ воронки, из которой даже Леонтьев предпочитает ее пить. Лишу я мужика воронки, лишу и *воды*: лишу и воронки, и воды, лишу великого утешения. Не зло ли я ему сделаю?» Попробую даже написать ему это самое.²⁸ Кто знает? «*fait ce que doit, advienne que pourra!*»²⁹

Теперь об от(це) Амвросии. Около *бывшего* моим Кудинова в Межцовском уезде есть деревня Карманово г. Раевского;³⁰ в Карманове есть молодой мужик Егор; был в солдатах, и пришлось ему в числе других 15 человек вынимать жребий, кому возвращаться домой с билетом. Он помолился: «Илья пророк! Отец Амвросий! *Успенье Божией Матери!*³¹ помогите, чтобы домой уйти!» Жребий выпал сообразный его желанию. Егор обещал сходить в Оптину. Возвратившись домой, стал, как водится, откладывать, забывать. Вдруг он тяжело заболевает. Лежал долго, но в памяти. Конечно, стал каяться и снова молиться. Однажды лежит он и видит — входит старичок-монах в коротенькой свиточке, в старой шапочке, подходит и говорит ему: Бог тебе поможет, а исполнить обещание надо. И ушел. Были родные в избе, *но кроме его никто не видал*. Так как это было *не во сне* (что свидетельствуют и родные, т. е. что он не спал), то его это сильно поразило, конечно. Вскоре после этого он

поправился, рассказал родным о видении своем, и так как он не только никогда самого от(ца) Амвросия не видал, но *даже и портрета его*, а слышал, что у помещика есть карточка, то пошел к Раевскому и увидал, что *это тот самый старичок!* На днях он пришел сюда и старец его принял. Когда он рассказал ему все, от(ец) Амвросий сказал ему: «это по твоей вере — Бог тебе послал и за то, *что ты не пьяница, в семье хорошо живешь и черным словом никогда не бранишься*». Это и Егора и нас всех особенно поразило. Действительно Егор таков и *никогда дурными словами не ругается!* Отец же Амвросий до этого свидания, конечно, и понятия об нем не имел (его деревня верст 70 отсюда).

Относительно явлений и вообще чудес, я, разумеется, не скептик по принципу, уже потому, во-1-х, что *не смею* им быть, а должен бы считать себя вовсе не годным для них, так сказать, неподготовленным, испорченным и т. д., если бы и самому мне не пришлось испытать весьма замечательные вещи во время многочисленных и разнородных моих болезней. Мои случаи были гораздо менее поразительны, чем случай с Егором, но это потому, вероятно, что и без всякой натяжки лжесмирения, нельзя не признать, что этот юноша Егор несравненно чище и достойнее меня: не ругается, не пьет, жене верен, молод, сердцем прост, нет у него за спиной целой ноши — *беззаконного прошлого*; ему Бог послал и видение, и пример удивительной прозорливости старца; я же на себе испытал только быстрые прекращения болей и других страданий от чудотворных икон³² и *от могилы Опт(инского) Старца Макария*. (Говорил Толстому, он смеется: «погрешаете, К(онстантин) Н(иколаевич), против разума!»)

Я верю, конечно, в чудеса, но не верю, чтобы они в *наше* время могли часто случаться. Думаю, что нравственная и умственная почва наша вообще плохо для их восприятия подготовлена, быть может, и Сам Господь в виду того, что конец мира все близится и близится, не желает уж слишком *Себя обнаруживать*. И всегда помню слова Св. Нифонта Цареградского (которые Вы верно гораздо прежде и тверже меня знали:

«что в последние века знамений не будет так много, как теперь (т. е. в его время), но зато люди, которые будут внутренним деланием служить Богу, выше знаменосных отцев станут в Царствии небесном»³³ (цитата не по букве, а лишь по смыслу). Оно так и быть должно: человечество, несмотря на возможные и даже очень сильные временные реакции в пользу правильного и неправильного супернатурализма,³⁴ будет опять «яко пес на блевотину»³⁵ возвращаться к материализму и рассудочности и, наконец, *плоды древа познания погубят окончательно древо жизни* (земной). Так ведь и по Гартману даже выходит (торжество рассудка, самосознания, познания — приведет ко всеобщей гибели).³⁶ Сил для веры не будет, а будет *сознание*, что без *этих сил* и без веры тоска! Конечно, общий ход таков, но слава Богу, *мы*, русские, теперь на временном, *благоприятном* извороте пути,³⁷ и не будь я давним послушником от(ца) Амвросия, который ни за что не позволит мне обнародовать этот случай с Егором, а будь я просто верующим и духовного ему подчинения на себя не принявшим человеком, то я бы напечатал это, отчасти как важное дополнение к всему тому, что Вы прочтете в моей статье «Добрые вести».

Вот и все пока! Каково письмо? Я писал его два утра от 10 до половины второго каждый раз, тем более, что старался, для Ваших слабых и *столь многим*, а не Вам одним, нужных глаз писать покрупнее и почище. Совершенно согласен, что уж с этой стороны нельзя Вам со мной равняться; Вы если бы и пожелали, то не можете по два утра жертвовать для беседы со мной. Но как хотите, а приятно бы мне хотя по 3-4 письма в год получать и от Вас. Особенно с *самыми величайшими похвалами моему таланту*. В моем положении это электризует хоть сколько-нибудь, тем более, что Вы умеете хвалить правдоподобно и очень *объяснительно*, хотя, *к сожалению*, обыкновенно очень кратко. Ведь чем больше, тем лучше; с этой стороны *теперь* избаловать меня уже нельзя, поздно, а только можно подкрепить. Очень рад, что в семье Вашей все благополучно, но продолжаю сожалеть, что милому Сереже varicosele³⁸ не позволяет быть

военным. Жрец и воин! Мой лозунг! Марье Ивановне мое глубочайшее почтение. От(ец) Эраст в беспрестанных разъездах по делам Шамардинской ж(енской) общины, созданной от(цом) Амвросием. Он *чрезвычайно полезен* здесь и монах истинно примерный. Приветы и поклоны Ваши передал, также и просьбы о молитве за Вас.

Ваш неоплатный должник и грешный молитвенник К. Леонтьев.

Р. С. Однако событие — отставка Бисмарка!³⁹ Радуюсь, радуюсь и паки радуюсь!⁴⁰ Единственный толковый противник наш не у дел, теперь бестолковые заварят кашу. Дай Господи! дожить до войны и до присоединения Царьграда. Бисмарк умел нам вредить, не доводя до войны. Посмотрим, как этот вертопрах Вильгельм II извернется. При нынешних условиях исторических тот нам больше вредит, кто слишком задерживает разрешение Восточного вопроса, чем тот, кто какой-нибудь неосторожностью зажжет пожар. А *готовность* — наша? Когда же мы бывали *готовы* вполне? А все ростем. *Готовы* мы будем и без напряжения тогда, когда на Босфоре будет Великий Князь русским наместником, а Т. И. Филиппов там же *Полномочным Императорским Комиссаром по Церковным делам Востока!* «Не у явися, что будем»⁴¹ (так ли или не верно цитировал?). Слова г. Филиппова самого в 87 году, по поводу того же Царьграда, сказанные мне, Леонтьеву.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 72—82.

Фрагмент о Толстом впервые:

Леонтьев К. Н. Из

эпистолярного

наследия: Письмо

к Т. И. Филиппову /

Публ. и примеч.

Г. Б. Кремнева //

Трибуна русской

мысли. 2002. № 3.

С. 120—127.

Цитируется: 8,

1090—1091.

Ответ на п. 192.

¹ Это письмо Филиппов Леонтьеву не возвратил, и его местонахождение неизвестно. Основной корпус писем В. М. Эбермана к Леонтьеву см.: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288.

² См. примеч. 1 к п. 192.

³ См. примеч. 2 к п. 192.

⁴ Леонтьев откликается на шутовое пожелание в п. 192.

⁵ Ср. в п. 168 а.

⁶ Одна из редакций повести «Подруги» обрывается на пятой главе (5, 555—566).

⁷ См. также письмо к о. И. Фуделю от 11 февраля 1890 г.: *Преемство от отцов*. С. 182 (то же: 8, 1070—1071).

⁸ Статья из цикла «Записки отшельника» опубликована: Гр. 1890. 22 марта. № 81. С. 1—2; 24 марта. № 83. С. 2; 28 марта. № 87. С. 2; 7 апр. № 95. С. 2.

⁹ Речь идет о заметке в рубрике «Дневник»: *Гр.* 1887. 3 мая. № 36. С. 13—14 (см. Приложение 1). В ней, в частности, говорилось: «Размеры литературной известности Леонтьева вовсе не соответствуют силе его замечательных и разнообразных дарований» (с. 637).

¹⁰ Речь идет о статье А. Портье д'Арка, подписанной псевдонимом «А. Tchernoff», «Un portrait littéraire russe: M. Constantin Léontieff» (Русский литературный портрет: г. Константин Леонтьев) (*La Nouvelle Revue.* 1889. Т. 58, № 2. 15 juin. P. 754—764), вошедшей в следующем году в его книгу «L'esprit national en Russie sous Alexandre III», опубликованную под псевдонимом «A. Doverine». Вырезку из французского журнала (она сохранилась: ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 20) Леонтьеву прислал кн. Н. Н. Голицын, сообщив в письме от 6 июня 1889 г. некоторые сведения об авторе статьи: «Вчера послал к Вам последний выпуск „Nouvelle Revue“, со статьей, трактующей специально о Вас. Автор ее (псевд[оним] „Чернов“) некто: М-г Alexandre Portier d'Arc, преподаватель фр[анцузского] языка в Институте (прежде — в Лицее), жил долго на Востоке, по профессии, собственно — журналист (издавал *l'„Abeille de la Roumanie“*), был изгнан из Румынии, и т. д. Теперь постоянно корреспондирует в „Nouvelle Revue“ о России, в смысле политики национальной» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 12). Эту статью перевел в том же году А. Александров и написал на основе ее третьей главы свою статью, руководствуясь и устными замечаниями, и пометами Леонтьева. Опубликовать эту работу своевременно не удалось. Ее материалы вошли в более позднюю статью о Леонтьеве (*РВ.* 1892. № 4. С. 250—285).

¹¹ Леонтьев вспоминает здесь о передовой статье (см. примеч. 17 к п. 182; подробнее см.: 8₂, 1136). Поразительно, что ровно через год с того дня, когда он написал об этой старой статье Филишпову, в той же петербургской газете появится новый выпад на старый лад, с тем же мотивом «парадоксов», на этот раз — отклик Н. А. Любимова на его статью «Над могилой Пазухина» (см. примеч. 27 к п. 205). Не исключено, что автором передовой статьи 1889 г. также был Любимов.

¹² О стихотворении Эбермана «Мороз» Леонтьев упоминал и в письме к Александрову от 15 января 1888 г. (Александров. С. 28). Ср. в письме Эбермана к Леонтьеву от 23 января 1889 г.: «Очень Вы меня обрадовали доброй памятью о моем хотя морозном, но не ледяном детище; а за аттестацию ему не знаю как и благодарить; если Ваше мнение когда-нибудь стало бы общим, мне больше и не надо» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 25).

¹³ Ср. об этом в письме к Александрову от 3 мая 1890 г.: «Наши старые поэты все давно уже какими-то рвотными конфетками нас угощают, и Фет, и Майков...» (Александров. С. 95).

¹⁴ Эберман печатался иногда под псевдонимами (Вольмар и др.) в «Московских ведомостях» и в «Гражданине». Еще в 1888 г. он занялся составлением сборника своих

стихотворений и 11 декабря писал Леонтьеву: «Теперь собираю свои стихи, и к удивлению моему они не кажутся мне такими слабыми (и даже противными), как большею частию казались прежде (...). Когда соберу да перепишу, а это последнее не скоро, — пришлю Вам, если не откажетесь прочесть. У меня „в проекте“ представить рукописный сборник стихов в Академию Наук: там существуют ежегодные премии, и в этом году кому-то что-то выдано, а рукописи кроме того и печатаются на академический счет. Не знаю только как это делается, чтобы быть принятым на ежегодный Конкурс премий... специальное название которых знал да забыл. Думаю адресоваться к Третью Ивановичу, как будет в Москве, и переговорить, тогда, разумеется, буду и Вас просить не отказать в участии к моим детищам» (ГАМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 23 об.—24). Неизвестно, решился ли тогда Эберман «адресоваться» к Филипову. В письме, которое Леонтьев переслал Филипову, по-видимому, шла речь и о несостоявшемся издании сборника.

¹⁵ Деревня в Козельском уезде в двух верстах от Козельска.

¹⁶ Земским начальникам было разрешено применять телесные наказания. Часто они злоупотребляли этим своим правом. Кристи в письме к С. А. Рачинскому от 21 января 1891 г. приводил случаи таких злоупотреблений, о которых узнал, вероятно, от своего отца, председателя Кишиневского земского собрания, и предваряя свой рассказ словами, кои едва ли одобрил бы Леонтьев: «Знаете, я боюсь, что мы возвращаемся к Николаевским временам» (РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 56. Л. 117—118).

¹⁷ Франц. пословица, русский аналог которой — крылатые слова из переведенного Н. М. Карамзиным финального двустушия басни Ж. де Лафонтена «Кошка, ставшая женщиной»: «Гони природу в дверь, она влетит в окно».

¹⁸ Сестра писателя, Мария Николаевна, с осени 1889 г. жила в Белевском женском монастыре, часто приезжая к старцу Амвросию в Оптину пустынь и Шамординский монастырь. В последний она поступила в 1892 г., в 1912 г. за день до смерти приняла постриг в схиму с сохранением имени Мария. А. Н. Толстой (Леонтьев познакомился с ним в апреле 1878 г. в Москве; см.: 6, 615) приезжал в Оптину пустынь 28 февраля 1890 г. В тот день он сделал ироничную запись в дневнике: «Был у Леонтьева, прекрасно беседовали...» (Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 51. С. 23). В августе 1883 г. Толстой говорил о Леонтьеве Г. А. Русанову: «Я знаю Леонтьева, он раза два был у меня в Москве, и мы не очень, кажется, понравились друг другу» (Русанов Г. А. Поездка в Ясную поляну // Толстовский ежегодник. (М.,) 1912. С. 69). О поездках Толстого в Оптину пустынь см.: Из записок графини Софии Андреевны Толстой под заглавием «Моя жизнь». Четыре посещения гр. Льва Николаевича Толстого монастыря «Оптина Пустынь» // Толстовский ежегодник 1913 года. (СПб., 1914). Отд. III. С. 3—7.

¹⁹ Толстого сопровождали дочери Татьяна и Мария и племянница В. А. Кузминская.

²⁰ Мф. 18: 12. Те же слова Леонтьев применит в октябре 1891 г. к Вл. Соловьеву (см. письмо Ф. П. Чуфрина к Филиппову от 28 ноября 1891 г.; Приложение 3, с. 649).

²¹ Эти чтения в доме С. П. Хитрово устраивали Леонтьев и Вл. Соловьев. Толстой, несмотря на долгие уговоры, отказался в них участвовать (сославшись на то, что «наше предназначение не кухмистерское какое-нибудь»), о чем Леонтьев неоднократно впоследствии вспоминал, приводя этот случай в доказательство того, что «граф вовсе не добр». См., например: *Розанов В. В. Литературные изгнанники*. С. 359. Вспоминал об этом эпизоде и другой его участник, Вл. Соловьев. Его рассказ колоритно передан в позднейшем мемуарном очерке. См.: *Дризен Н. В. Литературные воспоминания*. Среди интересных людей // *Весь мир*. 1918. № 32/33. С. 13.

²² Намек на службу Леонтьева в Московском цензурном комитете.

²³ Здесь подразумевается книга Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863). В незавершенном романе «Подруги» отец героини, атеист и либерал Львов, дарит ей книгу Ренана со словами: «Вот тебе прекрасная, великая книга. — Поэзии, которую ты любишь, в ней сколько угодно; — а бредни поповские все выбьет...» Но оказывается, что «и Ренан (...) принес пользу»: «равнодушие и презрительное забвение он заменял хоть человечески глубоким уважением и любовью» (5, 559). Соня «впервые стала думать о Христе и любить его» (5, 561; характерна здесь не прописная, а строчная буква, подчеркивающая отношение героини к Спасителю пока лишь «как к человеку»).

²⁴ Ср. с записанным Ф. Ф. Фидлером 22 марта 1897 г. отзывом Я. П. Полонского о Толстом: «У него адское самолюбие! Сперва он добивался лавров гениального беллетриста и добился их по праву; затем он хотел быть вторым лицом после Христа, чем он, по его мнению, и стал; и, наконец, теперь он жаждет славы мученика, но тщетно. Он даже писал письма к министру юстиции и шефу жандармов, призывая их к исполнению своих обязанностей: т. е., чтоб они его арестовали... (...) Да, для него всегда было важно одно: чтобы о нем говорили» (Фидлер Ф. Ф. Литературные силуэты. III. Я. П. Полонский // *Новое слово*. 1914. № 5. С. 37).

²⁵ Тульским и Белёвским епископом был в то время Никандр (Покровский).

²⁶ Следовательно (*лат.*).

²⁷ Меньшей братией называли «народ».

²⁸ По-видимому, это намерение Леонтьев не осуществил.

²⁹ Делай что должно и будь что будет (*франц.*). См. примеч. 3 к п. 189.

³⁰ Речь идет об имени детей О. Г. Раевского (см.: 5, 894—895). Брат его Константин Григорьевич с 1864 г. жил в Оптиной пустыни и перед смертью был пострижен в монашество. Одна из сестер Раевских, Людмила (близкая подруга М. В. Леонтьевой), стала в конце 1880-х гг. монахиней Шамординского монастыря.

³¹ Успение (15 августа) было престольным праздником в ближайшем к Карманову приходе — храме села Велино (см.: 5, 792).

³² Поворотным моментом биографии Леонтьева стало исцеление летом 1871 г. от холеры после молитвы перед принесенной с Афона иконой Пресвятой Богородицы. В Москве он постоянно посещал часовню Иверской Божией Матери у Воскресенских ворот Кремля и одобрял обычай возить эту чудотворную икону по домам («подымать Иверскую»).

³³ Имеются в виду следующие слова св. Нифонта: «... в последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди их знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царстве Небесном окажутся большими Отцов, прославившихся знаменами...» (Из жизни святого Нифонта Цареградского // *Варсануфий Великий, Иоанн, преп.* Руководство к духовной жизни... С. 495).

³⁴ «Для непонимающих: „супер-натурализм“ — учение обо всем *сверхъестественном*, вера в *сверхъестественное*. Будет это вера правильная или нет, все равно. (...) ... все это (...) несравненно лучше, чем *общечеловеческая земная польза* (рассудочный утилитаризм) ...» (8, 444).

³⁵ Притч. 26: 11; 2 Пет. 2: 22.

³⁶ Сходную цитату из книги Э. фон Гартмана «Религия будущего» Леонтьев приводил в одной из своих статей (7, 170).

³⁷ См. леонтьевский чертеж в п. 176, с. 520.

³⁸ Варикозное расширение вен.

³⁹ Отставка Бисмарка последовала 20 марта (н. ст.) 1890 г. Ср. в незавершенной статье «Чужим умом»: «Долго за величественной фигурой Бисмарка — не замечались слабые стороны — построенного им здания; но великан удалился — и Германия — перестает мало-помалу быть страшной...» (8, 492; ср. также: 8, 9). Думая не об отставке, но о возможной близкой смерти «железного канцлера», Леонтьев в статье «Национальная политика как орудие всемирной революции» делал такой же прогноз: «Сам Бисмарк велик, но Германия стала мелка; со смертью этого истинно великого, но рокового мужа — ничтожество слишком уже *уравненного и смешанного* немецкого общества обнаружится легко в государстве, наскоро сколоченном его железной рукой» (8, 525). «Умри завтра Бисмарк, я бы воскликнул: — „погибла Германия!“ Без Бисмарка она не найдет подлежащего ей безвредного пути» (8, 536).

⁴⁰ Аллюзия на Флп. 4: 4 («Радуйтесь выну *всегда* о Господе и паки реку: радуйтесь...») и задостойник Св. Пасхи («Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дева, радуйся, и паки реку: радуйся...»). В форме, более близкой к источнику (т. е. со словом «паки»), встречается в письмах к Александрову от 3 мая 1890 г. (Александров. С. 92) и к о. И. Фуделю от 11 апреля 1891 г. (Преемство от отцов. С. 314).

⁴¹ См. примеч. 8 к п. 23.

22 мая 1890 г.,
Оптина пустынь

22 мая 1890 г. Оп<тина> п<устынь>.

Я вполне оценил, Тертый Иванович, то доброе чувство, которое побудило Вас прислать мне поздравительную телеграмму.¹ Я понимаю, что Вы этим хотели сказать мне: «я все тот же в сердце моем; но обстоятельства переменились, и для прежних дружеских бесед — я уже не имею времени!»

Понял, оценил и не знаю, *как* благодарить!

Да — это почти полное прекращение переписки с Вами — большое для меня испытание! При том нерешительном отношении ко мне критики, которое Вам известно, — Вы можете себе вообразить — как поддерживали меня Ваши письма. Кроме Вас, да двух-трех юношей (Фуделя, Александрова и Кристи, теперь и этот ненадежен: очень болен, *мозг* расстроен²), ни от кого никогда почти ни худого, ни хорошего мнения не услышишь. Частным образом — от множества; даже из *Архангельска*!³ Не будь какого-то непобедимого сознания, что у меня есть «свое слово» — конечно, давно бы утомился бы на воде писать.

Недавно еще приятель и *единомышленник* — Астафьев брошюру мою «Национальная политика» принял за *нападение на национальность* вообще!⁴ Признаюсь, меня это сильно огорчило в моем уединении!

Хотя и очень поздно, но собрался возразить, и на днях вы прочтете в «Гражданине» две главы: «Ошибка г. Астафьева»...⁵ Ведь это, в самом деле, затмение ума!

В июньской книжке «Русск<ого> Вестн<ика>» начнется большая моя статья: «Анализ, стиль и вяние» (эстетический этюд). Мне захотелось сразу покончить с критическими моими (особыми) и давними взглядами на нашу литературную школу. Худы ли, хороши эти взгляды, — пусть они не пропадают. Мне наскучило выражать их только в разговорах в течение целых 30 лет!

Теперь я с *этой стороны покоен* и никогда уже больше к художественной критике возвращаться не буду.

Вот если бы Ваши практические заботы хоть на этот раз дали Вам роздых и возможность написать мне — как Вы это находите? Я напишу Бергу,⁶ чтобы он представил Вам оттиск.

Большая возня заочно с этими редакторами! Всё они забывают, ни о какой просьбе не помнят; уж о Мещерском и говорить нечего! Это отец всякого беспорядка и всякой бестолковости в делах! Кроме денег, от него решительно ничего не добьешься. Но и Берг стал теперь много небрежнее прежнего, и я не ручаюсь, что он моей просьбы не забудет.

О «*мире міра*»⁷ продолжаю не молиться... Молюсь же о *бранных случайностях и успехах* и о том, чтобы дожить до взятия Царьграда.

Sapienti sat!⁸

Ваш неизменный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 87—88.

Цитируется:

8, 1231, 1260.

¹ Филиппов поздравил Леонтьева с днем ангела (21 мая).

² Кристи в 1889 г. перенес второй инсульт (первый случился еще в 1885 г.), тяжелую инфлюэнцу с осложнениями и серьезное нервное расстройство, которое в 1890—1891 гг. продолжало обостряться, что привело в итоге к неизлечимой душевной болезни.

³ Архангельский корреспондент Леонтьева не установлен.

⁴ Имеется в виду характеристика воззрений Леонтьева в статье Астафьева «Национальное самосознание и общечеловеческие задачи» (РО. 1890. № 3. С. 267—297; в отд. изд., вышедшем в марте 1890 г. одновременно с книжкой журнала, получила название «Национальность и общечеловеческие задачи»). Статья была направлена главным образом против Вл. Соловьева, лишь в одном месте (Там же. С. 277—278) Астафьев как бы мимоходом, но весьма чувствительно задел и Леонтьева. История дальнейшей полемики подробно изложена в преамбулах к леонтьевским статьям «Культурный идеал и племенная политика» и «Кто правее?» (8, 1200—1217, 1229—1260).

⁵ Гр. 1890. 26 мая. № 144. С. 3; 29 мая. № 147. С. 4. Вошло позднее в статью «Кто правее?» (8, 64—79).

⁶ Речь идет о Ф. Н. Берге.

⁷ Имеется в виду одно из прошений Великой (мирной) ектении: «О мире всего міра и благостоянии святых Божиих Церквей Господу помолимся».

⁸ Разумеющему достаточно! (лат.).

29 мая 1890 г.,
Петербург

195

Филиппов — Леонтьеву

Дорогой Константин Николаевич!

Самобытность ума есть высокое отличие и Божия печать, но жить с этим даром труднее! И, по-моему, не то особенно горько, что твоей мысли не понимают; крайняя беда наступает с той минуты, как начинают ее признавать и своим неумелым прикосновением сдирать ее эмаль.

*O imitatores, servum pecus, ut mihi saepe
Bilem, saepe jocum vestri movere tumultus.¹*

Меня вовсе не радует, например, что «Н(овое) Время» признало верность Вашего взгляда на болгар, выраженного в 1873 г.² Всю ли Вашу мысль оно восприняло? Нет! даже менее десятой ее доли. И даже эта доля поместилась в собирательном уме этой газеты рядом и даже слип с такими другими мыслями, которые с ней ничего не имеют общего и от которых Вы, конечно, отвернетесь с омерзением. Поверьте, лучше два, три, полдюжины действительных, подлинных единомышленников, чем 40 000 признающих Сувориных.³

Пишу Вам перед отъездом в Москву, куда отправляюсь до суб(б)оты или воскресенья; останавлиюсь в «Дрездене».⁴

Сын мой только что выдержал экзамены в лицей и тем доставил нам блаженное успокоение. Молю старцев вознести о нем благодарение к Престолу благодати и исходатайствовать ему утверждение в вере и искусство в делании заповедей Божиих. Прочее же да приложится, аще будет на то Божия воля. По возвращении из Москвы, я буду иметь гораздо

более свободы и тогда напишу еще и еще. Есть о чем. А пока обнимаю и убеждаю писать и печатать, хотя бы и для меня одного.

Ваш искренний Т. Филиппов.

СПб. 29 мая 1890.

Это письмо Леонтьев переслал в Белосток на прочтение о. Иосифу Фуделю, сопроводив поместной красными чернилами:

От Т. И. Филиппова. —

Прочтите, скажите ваше мнение о роде предлагаемых утешений? И возвратите. —
(Там же. Л. 31).

Автограф: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1035.

Л. 31—32 об.

Ответ на п. 194.

¹ Цитата из 19-го послания из первой книги «Посланий» Горация. «О подражатели, скот раболепный, как суетность ваша / Часто тревожила желчь мне и часто мой стих возбуждала!» (пер. Н. Гинцбурга).

² Речь идет о статье: П. ⟨Прокофьев В. А.⟩ Россия и греко-болгарская распря // НВр. 1889. 12 июля. № 4801. С. 2. См. о ней: 8, 1265.

³ К этому месту Леонтьев сделал приписку для о. И. Фуделя красным карандашом: Невозможное требование от автора! Тем более от публициста. Если веришь в свои идеи, как же не желать им влияния? —

А если не веришь — не надо и писать. —

(РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1035. Л. 32).

⁴ Гостиница «Дрезден» (бывш. «Север») на Тверской площади в Москве (дом, предположительно постройки XVIII в., перестраивался в 1830 г., в 1930-е гг. еще раз основательно перестроен и «включен» в новое здание; современный адрес: Тверская пл., 2/6). О прибытии в Москву и затем об отъезде Филиппова сообщили «Московские ведомости» (1890. 31 мая. № 148. С. 3; 2 июня. № 150. С. 2). Суббота — 2 июня.

196

Леонтьев — Филиппову

26 июня 1890 г.,

Оптина пустынь

26 июня 1890 г. Опт⟨ина⟩ П⟨устынь⟩.

Тертий Иванович!

Я долго не отвечал на Ваше маленькое письмо из Москвы¹ потому, что Вы обещали по возвращении в Петербург написать мне побольше и даже выразились так: «есть о чем!»

И хотя я плохо верил, чтобы Вам удалось при теперешних обстоятельствах исполнить Ваше желание побеседовать со мною по-старому, но все-таки полагал, что надо подождать.

А тут явился ко мне с визитом и с поклоном от Вас старик Щеглов и говорил между прочим о том, до чего Вы теперь разнообразно заняты. К слову сказать, старичок очень незанимательный; мы с ним обменялись визитами да встретились раз в лесу и только, не тянет к нему.

Возвращаясь к вопросу о Ваших письмах. Я до сих пор волнуюсь, когда вспомню, что Вы прошлого года заподозрили меня на минуту в намерении равнять мою досужность с Вашей.² Пожалоста, расстаньтесь с этой мыслью навсегда. Я даже нередко ужасаюсь при мысли о том, что и я случайно мог бы быть вынужден жить так деятельно, как живут в Петербурге наши государственные деятели! Где же тут равняться с ними; особенно мне, которого жизнь теперь так размеренна, свободна и досужна!

Но ведь одно дело «претендовать», а другое дело «радоваться», когда неожиданно видишь на конверте Ваш мелкий и красивый почерк! Желать — хоть изредка — Ваших писем и оживать духом, получая их — этого Вы никак запретить мне не можете!

Вы говорите, чтобы я «хотя бы для Вас одного писал бы и печатал бы». Вы видите, пишу и печатаю больше и чаще многих других писателей и даже прибавляю — куда и деваться иногда не знаю с чрезмерным обилием и новых мыслей и разнообразных воспоминаний: детских, ученических, помещичьих, медицинских, сердечных (весьма *особенных!*), военных (в *Крыму*, 54—57³), консульских, цензорских, литературных, афонских и т. д. и т. д. Куда все это деть? Когда *успеть* и при досуге в 60 лет все это людям передать?

Вот и теперь готовлю понемногу и надеюсь к осени этой окончить 1-ую часть довольно большого романа (*успею ли* весь дописать?). Основной смысл всего труда можно будет позднее выразить в общем заглавии «*Пути Господни*»; но так как я начал издали, где чуть видные «тропин-

ки» обещают вывести моих героев и героинь на «Царский Путь Креста Господня»,⁴ — то я первую половину хочу назвать попроще: «Подруги»,⁵ а теперь обдумал только 1-ую часть 1-й половины, полагаю, что и в первой половине будут *три части*. Первая происходит в русском имении в начале 70-х годов, 2-я часть в Константинополе, третья большею частью в уездном городе, около *небольшого* монастыря (нарочно, чтобы не сказали, что я «целиком» Оптину описываю) ... Но до этого еще далеко; я и с первой частью 1-й половины едва-едва справляюсь. Очень тяжело иногда на сердце и все от обилия своеобразного материала, данного жизнью и самобытным на эту жизнь воззрением.

Видите — пишу! Но откровенно (и между нами) сознаюсь, что пожалуй и брошу эту затею, если мало-мальски буду недоволен исполнением, и вернусь опять скоро к публицистике, которая гораздо для меня теперь легче. Пуще всего я в романах тягочусь *необходимостью* помнить о читателях и в угоду им беспрестанно строить эти разговоры и изображать движения вместо того, чтобы излагать почти все от себя в форме длинного рассказа. Читать не будут, и что еще важнее для *моей главной и ближайшей цели*, и редакторы, как люди практические, испугаются скуки и дадут меньше за лист... Да! Я имею в виду прежде всего теперь разделаться с банком и тогда я буду уже совершенно свободен — писать *что* хочу и *когда* хочу. И даже, пожалуй, и совсем не писать, а только молиться да отдыхать! Статьями этого не дождешься; статьи помогают только медленному погашению, а мне эти *сроки*, эти узы нестерпимо наскучили; я молился, благословлялся у старца, по его совету бросал жребий и выпал жребий писать *эту повесть*.⁶ Но писать еще не значит «окончить». Занимательно будет начало; Цертелев, говорят, заплатит щедро (200—250 за лист). Уплату 1100 р. с(еребром) в банк; удовлетворю и другим *давним требованиям совести*⁷ (есть и такие, увы!) ... И тогда что Бог даст.

Вот мои последние «литературные» новости. Надеюсь недели через две прочесть первые 6 глав у княгини Дарьи Петровны Оболенской; сын ее Алекс(ей) Дм(итриевич) превосходный судья, быть может, будет

здесь к тому времени и Алекс(андр) Петр(ович) Соломон; он тоже знаток; есть здесь и другие «образованные читатели». Боюсь только одного, чтобы моя собственная строгость и мой эстетический идеализм не взяли бы верх над практическими расчетами; увижу, что *не особенно* восхищаются — пожалуй, сожгу! И опять за то же — за статьи, да за медленное «погашение»!

Отца Эраста я давно не вижу. Он по делам Шамардинской общины (которой ктитор⁸ от(ец) Амвросий) — ездил куда-то далеко (чуть ли даже не до Петербурга?), вернулся, два-три дня пробыл, и опять его от(ец) Амвросий куда-то услал.

Завидую крепко и его телесным силам, и его умению приносить и ски-ту, и старцу, и Шам(ардинской) общине прямую и несомненную пользу. Это не то что мои писания. Московские книгопродавцы совсем нынешний год отказались от моего сборника «Восток, Россия и Славянство», и часть книг заколочена в сундуках у меня, часть в Москве у приятеля.⁹ Именно, что пишу только для Вас, для двух-трех *близких мне лично* юношей, да для разных «погашений».

Поневоле нередко приходит мысль, что Вы и эти юноши, и человек 20 еще каких-нибудь в России — заблуждается по сердечной ко мне любви, придавая мне какое-то значение.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

л. 89—92.

Ваш навеки К. Леонтьев.

Внешней политикой начинаю быть недовольным. *Слишком уж* ровно и медленно!!

Имею необходимость просить Ваших советов о 2-3-х делах, но отлагаю до другого раза, чтобы сразу не обременить.

Ответ на п. 195.

¹ Леонтьев ошибся: письмо от 29 мая 1890 г. было написано Филипповым не в Москве, а перед отъездом в Москву.

² Ср. п. 192.

³ Работая над очерком «Сдача Керчи в 55 году», первоначально предназначавшимся для журнала «Нива», Леонтьев думал о возможном цикле рассказов о Крымской

войне: «Казацкие аванпосты», «Кавалерийская схватка», «Крепость Ени-Кале в 54 году» и др. (см.: 6, 555).

⁴ Название книги, переведенной о. Климентом (Зедегольмом) с лат. и неоднократно (с 1878 г.) издававшейся Оптиной пустынью. См.: 6, 427.

⁵ Роман «Подруги» остался незавершенным. Второй частью «всего труда» мог стать давно задуманный Леонтьевым роман «Святогорские отшельники».

⁶ См. п. 180.

⁷ Речь идет об оплате сделанных в Турции долгов.

⁸ Попечитель (ц.-сл.).

⁹ Имеется в виду Н. М. Бобарыкин.

197

Леонтьев — Филиппову

25 сентября 1890 г. Опт⟨ина⟩ П⟨устынь⟩.

25—26 сен-
тября 1890 г.,

Оптина пустынь

Наконец Вы вернулись в Петербург из Вашего странствия! Узнал на днях из газет.

И я странствовал немного. Прожил почти месяц в Москве, от 18 августа до 14 сентября; ¹ к 17-му вернулся домой, и вот уже ровно неделя, как я опять в тишине и на просторе и не нарадуюсь, что не слышу треска экипажей по мостовой, не вижу подлой «европейской» черной ненавистой озабоченной толпы; не сплю на несносных пружинных тюфяках; и избавился от железных дорог и нестерпимого их рабства! Стоило, право, ездить в столицу и пожить в ней хотя бы для того, чтобы испытать то чувство, которое я испытал, когда в карете четверней по-старинному (по-человечески) стал опускаться с Калужской горы к Оке и за Окой увидал опять те знакомые сердцу русские поля, по которым лежал мой путь в дорожную Оптину!

Хотя моя поездка в Москву не останется, вероятно, без некоторого следа и на литературных моих делах; ² но (как Вы, Третий Иванович, не раз уже от меня это слышали) я свою литературную деятельность за последнее время стал так презирать, что для подобных целей не позволил бы себе тратить деньги и утомляться; нужда была другая: медицинская.

Старец благословил меня повидаться со специалистом по моч(евым) орг(анам). Хочется умереть *не от этого*, хочется иметь «кончину живота» наименее «болезненную». ³ Глупость! Маловерие! Иллюзия! Все это так. Судьбы не избежешь и *рода* смерти сам себе не назначит и не сочинит тот, кто не желает быть самоубийцей... Сознаю, что глупо из-за этого и в мои годы ездить в столицу! Но... мало ли глупостей мы делаем в жизни, и я сделал глупость и повеселел!

На днях буду иметь честь и удовольствие послать Вам отсюда оттиски моей статьи в «Русск(ом) Вест(нике)»: «Анализ, стиль и вяение». ⁴ К сожалению, Ф. Н. Берг не досмотрел за корректорами и опечаток не меньше, чем бывает в «Гражданине». Я все их исправил. ⁵ Впрочем, Берг намеревается хлопотать об отдельном издании этой статьи; ⁶ он находит, что она имеет педагогическую ценность; то же находят и Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев и Гр(аф) Кутузов (поэт), ⁷ с которыми я виделся в Москве. Однако, по словам Берга, ни Любимов, ни Георгиевский с этим не согласны; они находят, что мои требования от «стиля» слишком строги и придирчивы. («Отчего — мол, и не сказать „развитой господин“?» ⁸) Интересно бы знать Ваше мнение; в особенности начиная с главы 10-й («Теперь о грубостях» и т. д.). ⁹ Все предыдущее написано мною для того только, чтобы иметь право сказать то, что сказано в этих последних главах. Влад(имир) Соловьев от них в восхищении и говорит, что большая заслуга моя эти указания на порчу слога лучшими писателями и еще на то, что как ни велик Толстой в «Войне и мире», но Гомером уже потому назвать его нельзя, что «духом времени» не дышит. ¹⁰

Во всяком случае, я рад, что высказал, наконец, в печати то, о чем еще 20-25 лет (и более!) тому назад думал один-единешенек на Критских скалах, ¹¹ на пестрых улицах Адрианополя, на берегах Дуная в Тульче; в тихой Янине и даже на Афонской горе («зашагал», «засопел», «поднимающая локти» и т. д.).

Теперь, согласны с этим люди умные или нет, — я доволен! И больше об эстетике (литературной) писать никогда не буду! Не знаю, что будет,

когда выйдет отдельное издание (не знаю даже, выдержит ли Берг характер в этом предприятии и не бросит ли он его при первых же затруднениях); но пока я, как водится, опять в «одиночестве»!¹² Два критика весьма оба ко мне благосклонные, Южный в «Гражданине» и Юрий Николаев (Говоруха-Отрок) в «Моск(овских) Вед(омостях)» начали было хвалить статью,¹³ пока речь в 1-й половине шла о вещах более избитых (о хорошем «Анализе» Толстого и т. д.), а как дошло дело до главного, до изуродования русского *стиля* — так и замолкли оба. Испугались, вероятно, ответственности. «Южный» даже вначале укорил меня за то, что я «не на хвост» натур(альной) школы нападаю, а «на голову» ее...¹⁴ Это не дурно... Да кто же мне велит заниматься «Лейкиными» и т. д. Я их и не знаю вовсе. На них даже и грех серьезному автору тратить дорогое время на склоне лет! Вот дурачок-то! А те, которые на словах хвалят (Кутузов, Соловьев и т. п.), заняты другим и писать об этом не станут. Вот и по этому новому поводу приходится мне еще раз припомнить одну детскую немецкую книжку, которую я никогда не забуду. В ней была картинка: ласточки летают, а по крыше бегают мыши; особняком и от тех и от других летит летучая мышь; плачет и жалуется немецкими стишками: «Ах я бедная летучая мышь! Ни ласточки, ни мыши не хотят играть со мной; ласточки говорят: „поди прочь, ты мышь!“ А мыши говорят: „поди прочь, ты птица!“».¹⁵ — Ну да видно уж так Богу угодно! «Заявить» факт добрым друзьям позволительно и даже, пожалуй что и *должно*. Но горевать, конечно, не следует; когда в спокойствии и благоустройстве нашей личной жизни Господь проявляет к нам Свое удивительное милосердие; — да и на людей (все с той же личной точки зрения) пожаловаться нельзя. Здесь я с монахами лажу хорошо, а в Москве все, начиная от вдохновенного автора «L'idée Russe», «Теократии»¹⁶ и кончая сторожами Цензурного Комитета,¹⁷ мне так обрадовались, что я даже удивился!

Отчасти во всем этом я вижу некоторое Высшее указание, что мне надо стараться поскорее избавиться от литературы и доживать «прочее время живота»¹⁸ жизнью исключительно духовной и сердечной, а ум-

ственную оставить. Уже года два я об этом денно и ночью помышляю; на этот раз и смирение, и некоторая гордость совпадают и действуют заодно; «не придавай себе много цены, отлично обойдутся и без твоих мнений; *memento mori!*»¹⁹ — говорят смирение и страх суда Господня. «*Не навязывайся*, — говорит гордость; — разве ты не видишь, что самые честные, умные и любящие тебя люди находят 1000 причин не писать об тебе ничего солидного, основательного и подробного; кто другим занят, кто не вполне согласен, кто любя тебя лично, боится оскорбить тебя, а не оскорбить не может, ибо некоторые из твоих взглядов его раздражают (напр<имер>), так поступает, по собственному сознанию, Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев, *обнимая и целуя меня даже*)».²⁰ И т. д. и т. д.

Критика серьезная нужна и пожилому писателю: пожилой может внять голосу истины и выучиться различать свои действительные заслуги от своих напрасных претензий! Тут не одно самолюбие, тут есть жажда самому прежде смерти понять: «на какой же полке стоишь?»

А раз это невозможно, лучше умолкнуть!

Но что делать с 1000 р. с<еребром> долга в банк и с 500 р. еще других, лежащих уж просто на совести? «Благодетелей» Бог не посылает. Я бы охотно смирился и принял бы искренний дар. И понял бы, что это, наконец, явное выражение воли Божией: *приказание* оставить, если не вовсе *перо*, то хоть *печатать*.

И вот под влиянием всех этих обстоятельств я молился и бросал жребий, и мне выпал жребий писать роман из русской жизни 70 и 80-х годов.²¹ Я его этим летом начал и уже запродам его Бергу по 200 р. с<еребром> за лист и с уговором тотчас же выплатить все по рукописи, как только она будет получена. Нужно только 8-10 листов, чтобы исполнилось мое теперь единственное страстное желание избавиться от этих 2-3 долгов!

Буду молиться, чтобы публицистика и все подобное *отошло* бы от меня! Буду надеяться, что роман этот избавит меня «от сети вражией»²² (т. е. от постоянного и неотвратимого *пока* — литераторства!).

Владыка Алексей Литовский через от⟨ца⟩ Фудель выразил мне желание иметь мою статью о Толстом. Исправил опечатки и послал ему при письме.²³ Боюсь, что он разочаруется, не думает ли он, что там идет речь главным образом о религии? ...

А у нас здесь (в обители) вот уже более месяца волнение монашеских умов. Скончался еще летом старый казначей от⟨ец⟩ Флавиан,²⁴ человек был железный, сухой, но подвижник великий и хозяин примерный. От⟨ец⟩ архимандрит Исаакий во что бы то ни стало хотел назначить казначеем благочинного отца Макария Струкова (из мелких дворян и замечательного практического юриста), но братия почти вся решительно восстала, через его тяжелый характер и пронырливость. От⟨ец⟩ Амвросий, как слышно, сказал: «где будет большинство братии, там и мой голос!» Значит, старец и братия против отца Макария, а настоятель один горой за него. Дело дошло до Св. Синода, и оттуда пришло приказание — предоставить избрание братии. Архимандрит, несмотря на свой преклонный возраст (81 год), не уступил сразу и, кажется, хотел с разрешения архиерея²⁵ еще раз сам писать в Синод, но на днях с ним сделался легкий удар: случайно ли, или от скорби и волнения — решить трудно. Только едва ли он встанет! Стар слишком.²⁶ Вот уже несколько дней, как он лежит, хотя и в сознании, но изнеможенный. А старца от⟨ца⟩ Амвросия уже с июля здесь нет, он в июле уехал за 12 верст отсюда приводить в порядок женскую Шамардинскую обитель, им самим созданную в течение всего 4-х лет и теперь весьма уже многолюдную. Сначала задержался делами и недугами, а теперь настала холодная погода, и он останется там на всю зиму. Волнение через это в Оптиной еще больше усиливается, враги отца Макария стараются всех уверить, что старец через него удалился. Хотя это, вероятно, вздор. Но и без всякой преднамеренности со стороны старца видно, что для Оптиной настали дни испытаний и переворотов после долгого мира и отсутствия важных перемен в личном составе начальства.²⁷

Теперь у всех у нас взоры устремлены на игуменскую келью, где кончается все земное поприще этот крепкий и прямой старик. И все мы думаем: «кто то его заменит?» Вопрос о казначействе таким образом отошел в сторону на второй план перед более важным.

Монахи, в среде которых преобладает, конечно, купечество, — уже указывают на одного или двух²⁸ из своей братии. И правда, что эти кандидаты — люди добросовестные и довольно духовные. Но увы! Мало ли что годилось 30 лет тому назад. Не то время, при теперешнем повороте столь многих образованных мирян к религии, в такую прославленную обитель нужен не хозяин и не «телесный» подвижник, а человек такой, в котором искренняя и тонкая чувством религиозность соединялись бы со светским (а не семинарским) воспитанием. Ах как жаль, что Вы разошлись с К. П. Победоносцевым! Вот хорошо бы, если бы на этот раз, оставивши выборы (купеческие) в стороне, кто-нибудь внушил бы членам Св. Синода прислать в настоятели *Отца Трифона* (князя Бориса *Туркестанова*), который недавно полагал здесь начало и потом послан иеромонахом в *Осетию*!²⁹ Не беда, что молод: дух хорош, старцу повиновался, Оптину любит, служит великолепно, умен и по-нашему образован и воспитан.

Мне-то самому ничего; я и с купцами здешними уживаюсь. Славы Оптинской жалко — вот что! Надо бы, чтобы дух обители попал в течение духа времени, благо это течение хорошо.

Впрочем, довольно. Как ни старался я писать покрупнее и почище, но с полстраницы начинаю сбиваться на скверный свой почерк и боюсь утомить Ваши очи!

Буду надеяться, что и у Вас отыщется часок для ответа не слишком уж лаконического. А не найдется, «понесем».³⁰ Марье Ивановне мое почтение.

Остаюсь Ваш искренний К. Леонтьев.

26 сентября. Я отдал все три оттиска в скит переплетчику слегка сбросюровать их, чтобы безопаснее была пересылка под бандеролью;³¹

вырезки же из «Гражданина», служащие предисловием к статье,³² под бандеролью посылать нельзя, и потому я их вложил сюда. Не понимаю, из чего хлопотал Берг, выбрасывая из «Р(усского) В(естника)» это предисловие!

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 92—98.

Цитируется во вступ.

статье и коммент.

к публ. письма

Леонтьева

к архиеп. Алексию

(Лаврову-Платонову):

РЛ. 2002. № 4.

С. 161, 166.

¹ Леонтьев ездил в Москву для консультаций с врачами и для возобновления связей в литературной среде.

² Леонтьев получил аванс за обещанную в «Русское обозрение» статью «Кто правее?», условились с Вл. Соловьевым о том, что тот будет отвечать на нее в том же журнале, завязал приятельские отношения с новыми сотрудниками «Московских ведомостей» Л. А. Тихомировым и Ю. Н. Говорухой-Отроком.

³ Цитируется прошение просительной ектении о «безболезненной, непостыдной, мирной кончине».

⁴ См. примеч. 1 к п. 191.

⁵ Один из таких исправленных автором экземпляров, подаренный Д. В. Аверкиеву, хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве (Ф. 65 (302). Оп. 5. Ед. хр. 96).

⁶ Отдельно (если не считать оттисков из «Русского вестника») эта статья была издана только в 1911 г. Александровым под измененным по требованию издательства названием: Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. М., 1911.

⁷ Речь идет о гр. А. А. Голенищеве-Кутузове.

⁸ Отклик на следующий фрагмент из статьи «Анализ, стиль и веяние»: «„Развитой господин“, „удивительный субъект“. (...) Лучше я произнесу какое-нибудь непристойное слово, чем вместо „умный человек“ позволю себе сказать „развитой господин!“» (Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 319). В исправленном автором оттиске последняя фраза отредактирована так: «Лучше я скажу „судно“ ...» (Гос. музей Л. Н. Толстого. Ф. 65 (302). Оп. 5. Ед. хр. 96).

⁹ Имеются в виду главы X—XV (в полной редакции статьи, с восстановлением не изданной в «Русском вестнике» главы, — XI—XVI). См.: Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 305—351.

¹⁰ Ср. в письме Леонтьева к Фету от 12 ноября 1890 г.: «Соловьев (Владим(ир)) находит большой моей заслугой то, что — я отвергаю „гомерический“ (это его слово) характер „Войны и мира“. — Но неужели есть и были у нас люди, которые уподобляли „В(ойну) и м(ир)“ Илиаде? — „Шекспир“! — (как воскликнул — Флобер) — я понимаю; — но Гомер — это странно. — Гомер прежде всего наивен; — а у Толстого — никогда наивности и тени ни в чем не было» (Письма К. Н. Леонтьева к А. А. Фету (1883—1891) / Публ. О. Л. Фетисенко // А. А. Фет: Материалы и исслед. М.; СПб., 2010. Вып. 1. С. 278—279).

¹¹ В декабре 1863-го — июле 1864 г. Леонтьев служил секретарем консульства на о. Крит.

¹² Напоминание о выражении «умственное одиночество» из посвящения Филиппову сборника «Восток, Россия и Славянство».

¹³ Имеются в виду статьи: Южный М. (Зельманов М. Г.) «О романах гр. Л. Н. Толстого», К. Н. Леонтьева // *Гр.* 1890. 8 июня. № 157. С. 4; 13 июля. № 192. С. 4; Николаев Ю. (Говоруха-Отрок Ю. Н.) Нечто о жизни и смерти. По поводу статьи К. Леонтьева «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» // *МВед.* 1890. 16 июня. № 164. С. 3—5. В обеих критический этюд оценен как выдающееся явление в русской литературе.

¹⁴ Соглашаясь со взглядом Леонтьева на «несносный реализм» приемов, М. Южный вспоминает в качестве примера «г. Лейкина» и замечает:

«Несносно именно то, что стоит в хвосте направления, а отнюдь не начало его, не вершина. (...) Но нет! Г. Леонтьев пишет и подчеркивает, что особенно несносна литература со стороны внешней манеры, языка, но не только в хвосте направления, но даже и в лице высших своих представителей.

С этим согласиться не легко» (*Гр.* 1890. 8 июня. № 157. С. 4).

¹⁵ Источник не установлен.

¹⁶ Речь идет о Вл. Соловьеве. «Теократия» — его книга «История и будущность теократии» (Загреб, 1887. Т. I), которую высоко ценил Леонтьев.

¹⁷ Известно имя одного из них, в 1880-е гг. часто выполнявшего различные поручения Леонтьева и даже порой ссужавшего его деньгами, — Я. Архипов.

¹⁸ Начало одного из прошений ектении.

¹⁹ Помни о смерти (*лат.*); девиз монахов-трапистов.

²⁰ Сходную подробность Леонтьев сообщал и о И. Фуделю. См.: *Преемство от отцов.* С. 241—242.

²¹ См. п. 180.

²² Ср.: «Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна» (Пс. 90: 3).

²³ См.: *Преемство от отцов.* С. 235; Письмо К. Н. Леонтьева к архиепископу Виленскому и Литовскому Алексию (Лаврову-Платонову) (от 23 сентября 1890 г.) / Подгот. текста З. Н. Ивановой; вступ. статья и коммент. О. Л. Фетисенко // *РА.* 2002. № 4. С. 157—166.

²⁴ Иеромонах Флавиан скончался 30 июня 1890 г. (см.: (Эразм (Витропский), мон.) Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 140).

²⁵ Епископом Калужским и Боровским в то время был Виталий (Иосифов).

²⁶ Ср. в письме к архиепископу Алексию: «Вот у нас здесь 4-й день как заболел (должно быть к смерти) 82-летний старец наш Архимандрит Исаакий. — Бог знает кто заменит его...» (*РА.* 2002. № 4. С. 165). О Исаакий, вопреки опасениям, поправился.

²⁷ Преп. Исаакий Оптинский принял управление монастырем еще в 1862 г.

²⁸ В копии: «одного из двух». Возможно, это опечатка, поскольку дальше речь идет именно о «кандидатах», а не об одном кандидате. В результате казначеем был избран иеродиакон Ксенофонт, а благочинным о. Герасим. См.: *Эразм (Вытropicкий), мон.* Историческое описание ... С. 140—143 (на с. 142—143 приводятся письма старца Амвросия, относящиеся к этому времени).

²⁹ Послушник Борис Туркестанов был в 1889 г. назначен преподавателем Александровского миссионерского духовного училища в г. Ардон в Осетии. 31 декабря 1889 г. в Тифлисе он был пострижен в монашество с именем Трифон, а 6 января рукоположен в иеромонахи. См. также: 8, 1081—1082.

³⁰ Здесь в значении «стерпим, выдержим». Леонтьев употребляет слово из монашеского речевого обихода. Ср.: «Ты не *понесешь* этой книги (...) ты еще легкомыслен» (7, 141).

³¹ Леонтьев обладал повышенной аккуратностью и терпеть не мог помятых посылок. См., например, указания в письмах к о. И. Фуделю от 30 мая — 1 июня и 18 октября 1890 г.: *Преемство от отцов*. С. 220, 237.

³² Имеется в виду статья «По поводу моих статей „Анализ, стиль и веяние“» (Гр. 1890. 8 июня. № 157. С. 1; 9 июня. № 158. С. 1; в названии была допущена опечатка: вместо «моих статей» напечатано «тона статей»).

198

Филиппов — Леонтьеву

СПб. 23 окт(ября) 1890.

23 октября
1890 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Пишу к Вам только за тем, чтобы подать о себе весть. Я и все мои — слава Богу! — здоровы и благополучны. Лето провели (я, жена и Сережа) в дальних и любопытных странствиях. Теперь наступила Контрольная страда, и мне решительно некогда сказать, что думаю о Вашем труде. Отлагаю это до досуга. Напишите мне о старце Исаакии;¹ и если Вы его видите, то испросите мне его благословение и прощение. Ему же передайте мой земной поклон, если не трудно, собственным действи-

Автограф: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 270.
Цитируется: РЛ. 2002.
№ 4. С. 162.

тельным поклоном. О. Амвросию и брату Ерасту мои сердечные приветствия.

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ О тяжелой болезни настоятеля Оптиной пустыни шла речь в п. 197.

199

Леонтьев — Филиппову

1 ноября 1890 г.,
Оптина пустынь

1 ноября 1890 г. *Опт(ина) П(устынь)*.

Исполняя желание Ваше, Третий Иванович, сообщаю Вам, что архимандрит от(ец) Исаакий поправился *пока* настолько, что раза два, кажется, служил ... Но, конечно, человеку 82-й год, надеждой эта поправка быть не может... Сообщу ему письменно о том, что Вы мне поручаете. Сам я его не вижу: ему теперь не до визитов, а я вот уже третий год с октября до половины апреля не выхожу на воздух, потому что мой неизлечимый 20-тилетний *ларингит* решительно не выносит резких перемен, и с тех пор, как я обрек себя в затворничество по зимам, мне гораздо лучше.

Если бы я ходил к от(цу) Исаакию, то я, разумеется, для Вас и вследствие Вашего поручения — и телесно передал бы ему Ваше «земное поклонение», но так как я сам-то вовсе не *поклонник его* и нахожу *такой тип* начальника в наше время более вредным, чем полезным (для обители столь прославленной), то и очень рад, что мне не придется этого сделать. А в записке, конечно, непременно напишу.¹

Отца Амвросия я тоже, к прискорбию моему, давно не вижу: он с июля в 15-ти верстах отсюда, в Шамардинской женской общине, и так как он в холодное время выезжать не в силах, то и пробудет там до лета.² Без него Оптиная совершенно опустела: все ищущие его советов и благословения люди останавливаются теперь в Шамардине и до Оптиной не доезжают. *Несколько гостиниц даже заперли.*

Отец Эраст, несмотря на свои 65 лет, в постоянных разъездах «по послушанию», хлопочет об одном очень большом наследстве в пользу Шамардина.³ Приедет сюда на неделю какую-нибудь и опять его отец Амвросий отправит!

Примерный монах! Я его очень уважаю. Да и не я один, а все единогласно отдают ему справедливость.

Будьте здоровы и не забывайте уж совсем неизменного к Вам в чувствах

К. Леонтьева.

Марье Ивановне мое глубокое почтение, милого Сережу целую. А он, пожалуй, уж и целый Сергей Тертиевич теперь стал? Должно быть ему уж лет 17-18 теперь?⁴

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 99—100.

Ответ на п. 198.

Леонтьев исполнил свое обещание, а преп. Исаакий, в свою очередь, 24 ноября благодарил Филиппова за его беспокойство: «Приятным долгом имею честь принести Вашему Высокопревосходительству усерднейшую мою благодарность, во-первых за участие моего бывшего нездоровья, о чем мне сообщил г. Леонтьев, тоже о привезенном Эраста, который проживает в Скиту Оптиной Пустыни» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1905. Л. 12—12 об.).

³Преп. Амвросий оставался в Шамордино до своей кончины, последовавшей 10 октября 1891 г.

⁴Имеются в виду хлопоты о наследстве М. А. Золотухиной, в которых поучаствовали и сам Леонтьев. См. его заметку «Противоцерковность Курского (Дворянского) монастыря» (8, 180—181).

⁵9 ноября 1890 г. С. Т. Филиппову исполнилось 19 лет.

200

Леонтьев — Филиппову

18 ноября 1890 г.,

Оптина пустынь

18 ноября 1890 г. Опт(ина) П(устынь).

Я, Тертий Иванович, опять к Вам с рекомендацией, но дело такой важности, что Вы, конечно, на меня за это не посетуете.

Есть в Москве некто Михаил Демьянович Политов, русский грек, торгующий уже давно стеклами на Никольской (вместе с другим братом); средства у него хорошие, и между прочим, он двоюродный брат моей жене. Но это вовсе не важно, а важно то, что он, по его уверению, лет уже 20 тому назад *открыл случайно Греческий огонь*¹ и может посредством известного рода насоса производить огненный дождь ужасающей силы. Этот дождь не гаснет и на воде. Когда он 20 лет тому назад тайно открыл это старику отцу своему и показал ему действие огня, то старик до того ужаснулся при мысли о гибельности этого состава, что взял с сына клятву не открывать хоть пока он жив секрета даже и русскому Правительству. Отец несколько лет тому назад умер, и Мих(аил) Дем(ьянович) ездил прошлого года в Петербург и представлялся Военному Министру и, кажется, и Морскому.² Если Вы удостоите принять его (*по карточке, которую я ему пошлю*), то он сам подробно все расскажет и покажет даже переписку свою с начальством. По его словам, опыт, который делали в Петербурге над старой лодкой (в море), со стороны *силы* огня увенчался полным успехом, но упрекают *его моряки в том, что дождь не далеко берет*. Политов справедливо, мне кажется, возражает на это, что сильные снаряды для дальнего вержения огня инженеры могут придумать. Приняли его вообще ласково, но дело остановилось ни на чем. Какой-то военный говорил ему, что такого сильного разрушительного средства у нас потому не примут, что мол «генералам и полковникам тогда делать будет нечего, ибо посредством такого огня всякий может уничтожать неприятеля». Это мнение глупое, конечно; я же думаю о другой причине, более правдоподобной, о *нашем русском умственном страхе* перед всем оригинальным и *своим*: «Европой не испробовано и не одобрено», тут и очевидность не спасает; «лучше не рисковать!» Греческий консул в Москве, узнавши об этом, предлагал Политову продать секрет *Афинскому Правительству*, «дадут не менее двух миллионов, я ручаюсь», говорил он. Но Политов человек весьма благородный, он нашему Государю *самому* (в присут-

ствии лишь одного военного Министра) готов даром открыть секрет, а греческому Правительству он *без разрешения Государя* (так он говорит) не продаст его ни за какие миллионы. Может быть — он и заблуждается, а может быть и нет. Помните — есть даже какое-то пророчество о том, что Константинополь будет отнят от турок *тогда, когда снова будет найден Греческий огонь*. Теперь Политов снова собирается попытать счастья в Петербурге и, зная о моих к Вам отношениях, просил рекомендации в надежде на то, что Вы откроете ему такие *ходы*, о которых он сам, простой московский купец, и представления не может иметь. Он просил, а я счел *долгом* исполнить его просьбу.

Я предпочел (по какому-то смутному практическому инстинкту) не ему в руки давать это письмо, а послать его заранее заказным, ему же отправлю *только свою надписанную карточку*.

Сокрушаюсь о неожиданной кончине Преосвященного Алексея!³ Правду сказал кто-то (не Вы ли?) в «Гражданине» — «Гнев Божий».⁴ Истинно — гнев Божий! А *другие* живут! И все только «*охраняют*»!⁵

Ваш неизменный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 100—101.

¹ Греческий огонь (жидкий огонь) — горючая смесь, которую невозможно погасить водой, применявшаяся византийцами в морских сражениях и при осаде крепостей; ее секрет утрачен.

² Имеются в виду П. С. Ванновский и Н. М. Чихачев.

³ Архиепископ Алексей (Лавров-Платонов) скончался в Вильно в ночь с 9 на 10 ноября 1890 г. Леонтьев узнал об этом из газетных сообщений (см., например: Кончина архиепископа Алексия // *МВед.* 1890. 13 нояб. № 314. С. 2). Ставленник владыки Алексия, о. И. Фудель, 11 ноября написал о своей и общецерковной утрате (*Преемство от отцов.* С. 244), но еще до получения этого письма, 14 ноября, Леонтьев писал ему: «Много думаю и об Вас по этому поводу. <...> Вы знаете, как я уважал и любил Владыку и как Ваше дальнейшее меня сильно озабочивает» (Там же. С. 245).

⁴ Леонтьев угадал: цитируемая им заметка «Печальное слово!» принадлежала Филиппову (см. п. 201). Приведем ее целиком: «Краса иерархии, надежда церкви, мужественный заступник и оберегатель целости божественных установлений, безмолвный учитель истинного христианства, образ смирения и любви, архиепископ Виленский и

Литовский Алексей, в ночь с 9-го на 10-е ноября внезапно скончался. Метки стрелы гнева Божия, праведно на нас движимого!» (Гр. 1890. 12 нояб. № 314. С. 1). «Гнев Божий» (Пс. 77: 31).

⁵ Эти раздумья отозвались впоследствии в статье Леонтьева «Над могилой Пазухина» (ср.: 8, 445).

201

Филиппов — Леонтьеву

22 ноября 1890 г.,
Петербург

Дорогой Константин Николаевич.

Я очень рад познакомиться с г. Политовым и буду ему служить чем и как могу.

Автограф неизвестен.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271.

Л. 51—51 об.

О меткости стрел гнева Божия слова мои.¹ Мне же принадлежит и другая <статья>, в «Гражданине» напечатанная о почившем.² Читали ли Вы ее? Многие были ею тронуты. Я потерял в новопреставленном близкого и верного друга. Мир Вам.

Ответ на п. 200.

Ваш искренний Т. Филиппов.

¹ См. примеч. 4 к п. 200.

² Речь идет о некрологе «Архиепископ Виленский и Литовский Алексей» (Гр. 1890. 13 нояб. № 315. С. 1; без подп.).

1891

202

Леонтьев — Филиппову

4 января 1891 г.,
Оптина пустынь

4 января 1891 года Опт<ина> П<устынь>.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025. Л. 87.

Записка на визитной

карточке.

Константин Николаевич Леонтьев честь имеет поздравить Е<го> В<ысокопревосходительст>во Тертия Ивановича Филиппова со днем Ангела. Sapienti Sat.¹

¹ Понимающему достаточно (лат.).

27 января 91 г. Опти(на) П(устынь).

Недавно только я получил, Терт(ий) Иван(ови)ч, письмо от Мих(аила) Дем(ьяновича) Политова; ¹ в нем он выражает мне свой восторг, как по поводу приема, которого Вы его удостоили, так и по поводу *весьма выразительного* обещания, данного Вами, не забыть и не оставить его дело на произвол судьбы. Меня очень эти известия обрадовали! Обрадовали они меня двояко: во-1-х, тем, что доказывают мне: «Мой Т(ерт(ий) И(ванови)ч» — все *тот же* Т(ерт(ий) И(ванови)ч), *каким я его знал*, и у него „honores non mutant mores“». ² (Ужасно люблю латинские поговорки, но употребляю их не без колебаний, потому что не тверд в латыни и всегда боюсь уподобиться тем «Коломенским моншерам», которые, спрашивая у барышень, нет ли у них охоты кататься, выражались по-французски так: «n'avez vous pas la chasse d'aller vous rouler?»). ³ Это одна радость.... А другая, конечно, то, что *дело* самое, столь важное (если в нем есть действительный толк), все-таки нынешний год на лучшей дороге, чем было год тому назад. Все-таки есть какая-нибудь надежда. Очень бы интересно знать, *что именно* мешает Военному министру сделать хоть *один* опыт в большом размере. Ведь только *опыт* и нужен, а на что *сейчас* знать *состав*?

Судя по письму Политова — Менделеев препротивную роль тут играл. Да чего и ждать от этих «ученых». Грешный человек — терпеть их не могу... И Менделеева в особенности, хотя видел его только раз, 30 лет тому назад (в 61 году, в Петербурге на вечернем сборище у Полковника Писаревского, ⁴ ныне директора Телегр(афного) Училища ⁵). Он (т. е. г-н Менделеев) услышавши, что кто-то упомянул о Лорде Байроне в виде примера своеобразного развития личности, воскликнул с презрением: «Что такое Байрон? Ну, произведения его могут иметь ценность, но

личность?! Какой-то джентльмен, барин, *который путешествует!...*» С тех пор ненавижу этого человека того рода *идеальной, не личной* ненавистью, которая, я думаю, и не особенно грешна.

Простите мне это нечаянное отступление моей «словесной» невоздержности... С Менделеевым — Бог с ним (чтобы не сказать *хуже!*), лучше обратимся к *тому делу*, по которому собственно я и решился опять Вам докучать. (Оговорюсь, однако: Вы добро любите делать, когда возможно, поэтому, может быть, и докуки особой Вам от этого не будет, и на меня Вы не подосауете, Бог даст, за то, что *еще одна особа* явится к Вам с *моей карточкой*.)

Особа эта — племянница Отца Эраста — *Антонина Александровна Томилина*.⁶ Кажется, вдова, наверное не знаю, но знаю, что у нее есть ребенок, и она поэтому в дом идти учительницей и т. п. не может, а нуждается и ищет места другого рода, по найму по счетной части, на железной дороге или в контроле и т. п.

Она просила, конечно, самого отца Эраста рекомендовать ее Вам, но он, не делая ни шагу без благословения старца (и к тому же опасаясь донельзя впутываться сам в мирские — (оказывается по его словам, что родственников у него достаточно, и если он даст себя втянуть с ними в переписку и разные мирские заботы, то весь строй его скитской жизни будет ниспровергнут... я понимаю его боязнь. Родные — для монаха беда), — даже и самые добрые дела), — обратился с вопросом к отцу Амвросию: Отец же Амвросий возложил это «послушание» на меня, грешного. И я вот за его молитвами — дерзаю!

Я пошлю ей мою карточку, а там да будет воля Ваша.

Писал мне Фудель о свидании своем с Вами и о том, что Вы советуете мне весной приехать в Петербург лечиться у Вревского.⁷

Путешествие в Петербург и прожиток там в течение месяца (напр<имер>) — это станет рублей по меньшей мере 500! Если бы они и случились бы у меня (чего вовсе не предвидится), то не грех ли был бы их тратить на это в 60 лет? И замечу *главное* — при моем настрое-

нии, по которому я за жизнь хоть и держусь по животному инстинкту, или по тому роду чувства, которое французы очень мило зовут «*la douce habitude d'exister*»,⁸ но уж значения-то факту моего существования никак предавать не могу, вследствие обстоятельств, которые Вам *давно и очень хорошо* известны; они ведь таковы, что у всякого бы крылья отшибли и всякую мечту о «полезности», «весе», «влиянии» и т. п. из головы бы выбили давным-давно! Продление моего существования, кроме естественной и глупой потребности *жить* как-нибудь да только бы жить, может иметь для меня только еще одно значение, Вам-то, *разумеется*, понятное: *духовное* значение. «Не готов, еще не очистился. Господь милосердствует и долготерпит!» И только... «Не по грехам нашим наказал Ты нас»⁹ между прочим и непостижимым *бесплодием* того дела, которому мы посвятили лучшие наши силы... Не по *грехам*, конечно, но очень мало и милостиво, но все-таки *наказал*, а не утешил.

Утешений *очень* много, но они совсем другого рода, *не литературные*.

Можно и должно верующему (и старому вдобавок человеку) довольно весело даже мириться с недугами, но ведь здоровьем их не назовешь... И боль они все-таки причиняют. Так и это... Где ж тут увлекаться мыслью, что я имею как бы право тратить на дальние поездки с *медицинской* именно целью? Уж лучше без иллюзий: есть деньги, есть кой-какие силы — *бери купе*, кареты где нужно и поезжай в Петербург повидаться с друзьями и знакомыми. Это дело другое; простительная, быть может, *немоцъ* сердца и *легкомыслие* слишком до сих пор живого ума... И только...

Бесполезная в сущности и мне и другим поездка в Москву стала мне тоже около 500 р. с(еребром), из коих пришлось по 200 р. с(еребром) забрать вперед у Берга и у Цертелева... Теперь — хочешь не хочешь — *ниши* и подвергайся волей и неволей новым оскорблениям, или оскорблениям пренебрежения и молчания, или обидам непонимания и предательства от одних, от других же брани. (Оригинально, оригинально, оригинально, парадоксы, парадоксы.¹⁰ Или ни слова.) Только одному Алексею

Семеновичу Ионину (Spectator'у «Русск(ого) Обозрения») спасибо за его честные обо мне поминания!¹¹ Всегда был прямой и благородный человек. Нет, Тертый Иванович, я еще слишком терпелив, поверьте!

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 2980. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 102—105.

Пожелав Вам всего наилучшего, остаюсь по-прежнему Ваш всем сердцем

К. Леонтьев.

¹ Местонахождение неизвестно. О М. Д. Политове см. в предыдущих письмах.

² Начало крылатого выражения «Honores mutant mores sed rare ad meliores» (Почести меняют нравы, но редко в лучшую сторону, *лат.*).

³ Не имеете ли Вы охоты пойти Вам кататься? (искаж. *франц.*).

⁴ Леонтьев был в это время хорошо знаком с Н. Г. Писаревским, близким другом его брата Владимира.

⁵ Имеется в виду Техническое училище Почтово-телеграфного ведомства.

⁶ Сохранилась недатированная карандашная записка Леонтьева о Эрсту, посланная, видимо, в тот же день, что и письмо к Филиппову:

Всеч(естный) От(ец) Эрст!

Филиппову письмо послано. — И Ант(онине) Алекс(андровне) я уж сам напишу с рекоменд(ательной) карточкой; адрес ее есть в письме. — Только это надо послать несколько дней позднее, чтобы дать Филиппову время подумать.

Греш(ный) К. Леонтьев

(РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 13).

Исполняя данное старцем Амвросием послушание позаботиться о г-же Томилиной, Леонтьев обратился с ходатайством о ней не только к Филиппову, но и к своему новому молодому знакомому, И. И. Колышко, ближайшему помощнику кн. Мещерского в «Гражданине», служившему в Министерстве путей сообщения. 27 февраля тот писал: «На Ваше письмо я не отвечал до сих пор, потому что ждал все рекомендуемой Вами особы, г-жи Томилиной. Но до сих пор не дождался. Вы можете быть вполне уверены в моем искреннем желании быть ей полезным, но насколько это желание осуществится в практическом смысле — не могу знать. Все конторы и Правления переполнены женщинами-труженицами, и кто раз зацепился, держится уже крепко. Только случай может очистить вакансию. Такого случая я и буду ждать, или в конторе у Князя, или в Правлении какой-либо из железных дорог, с которыми у меня есть кой-какие сношения. А когда он явится — Бог знает. Итак, милейший и добрейший Константин Николаевич, не разочаровывайтесь пока насчет моей готовности сделать доброе дело, если оно в моей власти и силе» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 7—7 об.). В итоге рекомендованная Леонтьевым особа все же получила место в одном из провинциаль-

ных учреждений Государственного контроля. 2 мая Кольшко сообщал: «Г-жа Томина получила место при Контроле в г. Кременчуге и уже уехала туда. Я помог ей чем можно было» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 2).

⁷ См.: *Преемство от отцов*. С. 259—260 (письмо от 4—8 января 1891 г.; о. Иосиф виделся с Филипповым в декабре 1890 г.). Филиппов способствовал популяризации «целителя» бар. Н. И. Вревского, лечившего простой невской водой. Так, 23 января 1891 г. он переслал Мещерскому «открытое письмо бар. Вревского» с просьбой напечатать его в «Гражданине» (РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 5). О Вревском идет речь и в следующем письме, от 29 января (Там же. Л. 6). Кн. Мещерский защищал Вревского от обвинений в шарлатанстве еще в 1886 г. См.: *Дневник*. Среда, 17-го декабря // Гр. 1886. 21 дек. № 102. С. 14—15.

⁸ Сладкая привычка жить (франц.).

⁹ Пс. 102: 10.

¹⁰ Ср. в письме к о. И. Фуделю от 23 мая 1890 г.: «В газетах и журналах за последние года, правда все чаще и чаще — стало попадаться мое имя — но как? — „Оригинальный“, всегда „оригинальный“ — „блестящий беллетрист (!!)“; — или „политические парадоксы“; или „новый Оптинский отшельник“... „Художник слова“... А на счет самой сути дела — скользнут кой-как. — Не знают как и взяться! — Ну, разве это критика?!» (*Преемство от отцов*. С. 212). За неделю до этого, 16 мая, Леонтьев сетовал в письме к тому же корреспонденту: «Мне очень грустно (...) когда я вспоминаю, что даже и Вы (с Вашей независимостью) почему-то нашли нужным назвать „парадоксами“ мои мнения (...). — Что такое парадокс? Это значит: мысль странная, новая, удивительная и больше ничего. — Но у нас, в робкой литературе нашей, — это название „парадокс“ есть почти порицание; — все привыкли соединять с ним представление о чем-то непрактическом, причудливом, ненужном и даже почти безумном. (...) Всякая великая мысль сначала кажется толпе парадоксом. — Но Вы не толпа» (Там же. С. 208).

¹¹ Леонтьев ошибочно приписывал А. С. Ионину статьи В. А. Грингмута в «Русском обозрении», подписанные псевдонимом Spectator, в частности обозрение «Текущие вопросы международной политики». См. подробнее: 8, 1261—1262.

204

Филиппов — Леонтьеву

8 марта 1891 г.,
СПб. 8 марта 1891. Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

На благую минуту душа Ваша зачала и породила нынешнюю статью «Записки отшельника» IV.¹ Сей час писал я И. Н. Дурново,² что она

достойна внимания Государя по глубине и самобытности мысли и по своему государственному значению. Не один же³ я испытал радость и получил пользу от Вашей статьи! Что же Вы скучаете! Прочел ее жене и дочери Корибутовой,⁴ и они были поражены ее правдой и смелостию Ваших суждений. Сыну прочту особо (он готовится к репетиции), и он поймет ее и оценит во всю меру ее достоинства. Нельзя же ждать Вам такого успеха, какого достигает «Н(овое) Время», «что́ с камнем и деревом блудило»,⁵ или достигал Катков, «великий купец»⁶ и существенный искажитель истинного образа наших охранительных начал. Лучше малое праведнику паче богатства грешных многа:⁷ не о личной Вашей праведности говорю я, а о правде Ваших мыслей. Итак, пишите еще и еще, хоть изредка, это нужды нет; повторением слишком частым можно набить оскомину. Изредка же такая истинно свободная, *безбоязненная* речь производит впечатление ободряющее, праздничное, как «упования исполнена».⁸ Упования не суетного, не человеческого, почивающего на произвольном обоготворении народного характера, а истинно Христианского, церковного. Я едва ли могу уступить кому бы то ни было (древним ли Славянофилам, Достоевскому ли) в любви и уважении к Русскому народу; но те черты, которые я чту в нем благоговейно, воспитаны и утверждены в нем Церковью, Которой и подобает то поклонение, которое мимо Ея вздумали воздавать самому народу и ему одному. Это своего рода передержка.

Теперь о Церкви. Может быть после того, что Вы сказали о смертной опасности от смешения сословий,⁹ Вам следовало бы сказать и о необходимости — еще более настоятельной — восстановления Церкви хотя бы и не во всем подобающем Ей велелепии¹⁰ (что по нашим временам невозможно), а по крайней мере в известной степени, хотя бы только почина в этом стремлении со стороны Верховной Власти, Которой Церковь нужнее воздуха.¹¹

Целую и обнимаю Вас. Мои Вам кланяются и Вас приветствуют. Старцам земное поклонение.¹² О. Ерасту братское целование. Сегодня сподобился общения с Господом Иисусом.

Ваш Т. Филиппов.

Это письмо Леонтьев посылал, видимо, через о. Эраста, старцу Амвросию в Шамордино. Старцу адресованы его пометы синими чернилами. Под датой рукой Леонтьева: «*Письмо Т. И. Филиппова*».

Автограф: РГИА.

Ф. 728. Оп. 1.

Ед. хр. 4.

Л. 20—21 об.

М/п копия: ГЛМ.

Ф. 196. Оп. 1.

Ед. хр. 271. Л. 55.

Впервые: *Нестор*.

С. 187—188.

¹ Речь идет о заключительной части статьи «Над могилой Пазухина» (Гр. 1891. 8 марта. № 67. С. 1). Особым благодарственным письмом на нее отозвался и редактор «Гражданина». См.: 8₂, 1093.

² «И. Н. Дурново» подчеркнуто двумя чертами, далее до конца предложения — одной чертой. На полях примечание: «*Министр Внутр(енних) Дел*».

Письмо Филиппова к И. Н. Дурново не выявлено. Упоминание о нем есть в постскрипту к письму кн. Мещерскому от 10 марта 1891 г.: «О статье Леонтьева писал Ивану Николаевичу (Дурново), как о достойной внимания Государя» (8₂, 1092).

³ Над «же» Леонтьев в скобках написал: «(же)»; на полях его рукой примечание: «Он букву **ж** очень неразборчиво пишет».

⁴ Н. Т. Корибут-Дашкевич.

⁵ Иер. 3: 9.

⁶ Цитата из Великого покаянного канона преп. Андрея Критского. См. примеч. 7 к п. 172.

⁷ Пс. 36: 16.

⁸ Стилизация под библейский язык.

⁹ Ср. в статье «Над могилой Пазухина»: «Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого *расслоения* общества, без *всех* возможных настойчивых и неустанных попыток к восстановлению расшатанного сословного строя нашего, — русское общество <...> помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути *всесмещения* и — кто знает? <...> мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабоцерковных, — родим того самого антихриста...» (8₂, 458—459).

¹⁰ Великолепие (ц.-сл.).

¹¹ От слов «И так пишите еще» отчеркнуто слева на полях, рядом поставлен крестик.

¹² Предложение подчеркнуто двумя чертами, над словом «Старцам» слева и справа: «**NB**».

29 марта 1891 г.,
Оптина пустынь

205
Леонтьев — Филиппову

29 марта 91 г. *Опт(ина) П(устынь)*.

Вы, конечно, очень обрадовали меня Вашим письмом, Тертый Иванович. Года должно быть полтора тому назад я получил от Фета-Шеншина восторженное письмо по поводу моей брошюры «Национальная политика».¹ Он приравнивал ее (по размеру задачи) к Эйфелевой башне² и прибавил следующие слова: «так как Вы, вероятно, пишете не для нас дураков (т. е. публики русской), а для людей власть имеющих, то сообщая Вам то-то и то-то...» Это то-то значит, что покойный Новосильцев (неизвестный мне лично), придворный чин и сосед Фету по имению, поверг эту книжку мою на благоусмотрение Государя: «чтобы он мог на досуге во время путешествия прочесть ее».³

По правде сказать, хоть мне и понравилась резкая выходка Фета («не для нас дураков»), но писал я и пишу обыкновенно вовсе не мечтая, как он думает, о влиянии на сильных мира сего. Я пишу (как я и не раз Вам, кажется, признавался) чаще всего с какой-нибудь нравственно-практической целью, или даже просто хозяйственной. Погашение и % внести в срок в анафемский Калужский банк, с которым связала меня судьба 17 лет тому назад, лошадь купить, чтобы летом по окрестностям кататься (так как *ходить* далеко я уже не в силах); к Рождеству и Пасхе близких утешить, бедным кой-каким помочь; племянницу в Орловском монастыре содержать,⁴ старый, престарый долг сюрпризом заплатить уже забывшему его доброму кредитору и т. п. Вот для чего я пишу или, точнее сказать — *печатаю*. (*Писать* — можно бы с истинным и несравненно большим удовольствием *посмертные* записки свои.⁵) Но мыслей своих («вздорных парадоксов») у меня много: не знаю иногда куда их деть; вот сижу иногда и думаю: «Для того-то нужно 50 р., для того-то 25 ... и т. д. О чем бы теперь написать?»

Решу, под каким-нибудь впечатлением, о том-то, и пишу. И что же мне делать, если редакторы, издатели, критики и т. п. люди, от которых, как там ни толкуй, наше имя больше всего зависит, — отучили меня смотреть на мою деятельность, как на нечто серьезное по весу и влиянию. Мне все кажется, что те именно, которые могут горячо сочувствовать духу моих писаний, сами и без меня все это *теперь* понимают. А иные даже и *давным-давно* понимали, напр(имер) *хоть бы Вы*. Возьмем еще для примера тех же покойных гр. Д. А. Толстого и Пазухина.⁶ Разве они знали мои сочинения? Толстой, как мне наверно известно, главным образом положился (когда взялся так твердо за дело моей пенсии⁷) на слова князя К. Д. Гагарина,⁸ а Пазухин тоже в первый раз в глаза мои книги увидал в 87-м году,⁹ когда я же ему их дал, после знакомства нашего у того же Гагарина. Однако они и без моего влияния начали делать именно то дело, о котором я едва мечтать смел. Вижу, что *пока* Россия идет (*почти*) во всем превосходно, и радуюсь самой живой гражданской радостью. Но идет она так благодаря исторической судьбе своей и *другим людям*, а никак не благодаря мне. Что толку, что многие стали теперь называть меня «пророком» (между прочим, даже и здешний очень бойкий становой). Влад(имир) Анд(реевич) Грингмут, один из близких Каткову людей, заведующий ныне отделом иностранной политики в «Моск(овских) Вед(омостях)», несколько лет тому назад напечатал в ежедневном «Гражданине» статью обо мне (*тайком от Каткова*, ибо боялся его гнева за то, что Грингмут находил меня в ней правее его по греко-болгарским делам); (Вы, вероятно, помните эту статью: «По поводу одной ошибки Тургенева», еще Вы сами сносились на нее в Вашей обо мне заметке в «Дневнике» «Гражданина»¹⁰). Грингмут там выразился так: «Вообще промежуток времени, когда новая (или великая — не помню: Есть у меня эта статья его, да далеко искать... некогда, пишу на память) мысль перестает казаться парадоксом и не стала еще общим местом, — не велик, но Леонтьев даже и этим промежутком не наслаждался. Когда он 15-10 лет тому назад писал против болгар, никто не хо-

тел его слушать, а теперь (в 86) все до того согласны с его мнениями, что находят — не стоит об этом толковать...»¹¹ Верно! Баттенберги, Каравеловы, Кобургские, Стамбуловы — повлияли на перемену взглядов в России, а не я; может быть, Вы еще могли иметь по этой части прямое влияние в Петербурге, потому именно, что Вы живете в Петербурге и давно на виду... А я? Вот я вам что, Т(ертый) И(ванович), скажу... Вы советуете мне написать об *освобождении Церкви*. Давно мечтаю об этом. Мечтаю еще написать и другое: «Союз Восточный и Союз Славянский» (*Антитеза*: первый — величие и крепость, второй — гибель; первый — *естественное* своеобразие, второй — подражание Италии и Германии; первый — новый период созидания, 2-й — обыкновенная либеральная революция).¹² Членами Союза Восточного под рукой России должны состоять: 4 православные королевства: Греция, Румыния, Пансербия,¹³ Болгария; 2 мусульманских: Персия и Турция (состоящая из *остатков* Азиатской Турции, Сирии, Палестины, Аравии и Египта с изгнанием англичан и международной нейтрализацией Суэзского канала). Царьград с надлежащим округом — Русское наместничество (*Византийское*); Соборная централизация Восточных Церквей; в этом союзе — единоверные (все 4) государства конституционные и эгалитарные (иначе они не «понесут»,¹⁴ им без этой *возни* скучно будет, а это *опаснее* всего!), а 2 иноверных — *самодержавные* и по-своему, так сказать — *церковные*.¹⁵ Я думаю, Вам теперь и из этого грубого абриса видно — то *равновесие* влияний взаимных (и враждебных, и дружественных — *все равно!*), которое я имею в виду. Разумеется, что это возможно только после счастливой и кровопролитной войны, которой, конечно, не миновать — рано или поздно.

Предполагаю, что противниками нашими будут: Австрия, Германия, Италия, Турция и Англия, союзниками: Франция, Сербия, Черногория и может быть Греция (если ей обещать все острова, много в Македонии и т. д. кроме Царьграда, а то и обмануть один раз — не грех «во славу Божию»).

При таком сочетании сил — я в победе нашей уверен, по многим (*историческим* более, чем *цифровым*, соображениям) причинам, о которых здесь умолчу.

Францию можно вознаградить и Тунисом с Триполи,¹⁶ и Бельгией, и, пожалуй, и в Италии чем-нибудь (ей же будет хуже — *не переварить!*). Австрию изгнать из Боснии и Герцеговины и *раз навсегда* обратить ее *очи с юга на север*, чтобы *сохраненные* Габсбурги стали бы для нас оружием противу смирившихся Гогенцолернов.¹⁷ Это *естественно* и согласно с преданиями, а чехи, хорваты и даже несносные *либеральные* хамы галицийские хохлы — как знают... На взгляды А. А. Киреевых, Шараповых¹⁸ и т. д. смотреть Государю незачем.

Вот что нужно! Это *призвание!* А такая конфедерация, в которую войдут *милльонами* либеральные, конституционные и католические — мадьяры, хорваты, чехи, поляки и т. д. ... — это *революция*. Это гибель России! В чем будет тут *духовное* единство? Где *архитектоническое*, *архистатическое* равновесие — реально-политических сил? Не в *однородности* же славянских языков искать *истинного* единства? Не в *численном* же перевесе славянского *племени* видеть силу и спасение? Еще Василий Великий по поводу неудачного соединения двух каких-то провинций в Империи говорил: «не в количестве (жителей) надо искать основания, а в *самой сущности вещей*».¹⁹

Вся эта масса либеральных людей в Союзе *Западном*, как католиков, так и православных (только *по имени* большею частью) соединится в усилиях с нашими внутренними либералами, с жидками, с нигилистами, чтобы подкопаться и под Церковь, и под самодержавие. В союзе же *Восточном* — с одной стороны (с *европейской*) будет *единство Веры* с *различием* в политическом строе (4 конституции), с другой — *Единство монархических принципов* при различии Веры. Католиков и либералов будет *гораздо* меньше, и они будут подавлены.

Вот мой взгляд, долгими годами выношенный. *Печатать* этого не следует. Но можно подать через Вас секретную записку Государю.

Или даже, чтобы писать еще *вольнее* — обратиться прямо к Вам в форме большого и подробного письма (тут есть и переписчик великолепный!), а Вы письмо это и поднесете Государю...²⁰ Через Министра Иностранных Дел²¹ — избави Боже! И Гирс, и Шишкин (я думаю) слишком мелки для такого взгляда. А Капнист — это кукла, не глупая, но и не умная, строго говоря. Они только повредить делу могут. Вы меня спросите: «почему я не возьмусь за это». *Не могу, не могу*, без сильного внешнего толчка. Или война, или откуда-нибудь с неба 3000 на уплату долгов чтобы упали, потому что именно с тех пор как я стал для своих главных нужд обеспеченнее, голос совести моей стал несравненно строже относительно старых долгов, и я его заглушить не в силах. Я с тех пор как живу в Оптиной, уплатил уже около 3000! (Считая, конечно, и %, и погашение в банк; это уж не совесть, а неизбежность.) И вот — как только задумаю или такие «мемуары» Государю подавать, или продолжать один из *трех* начатых (в разное время) и брошенных романов *в Православном духе*,²² так сейчас и скажу себе: «Ну, без моих проектов Россия обойдется, как обходилась до сих пор, а чтобы роман продолжать, мне нужно года два подряд статьи мелкие бросить». И то и другое гадательно, а *деньги* за статью Мещерскому, Бергу или Цертелеву²³ *верны*, со всеми своими добрыми плодами.

Вот в чем препятствие: *во мне самом*... В настроении, которого я победить не могу, да и не очень желаю.

А не то, чтобы я собственно «скучал», как Вы предполагаете.

Все это, разумеется, не мешает мне Ваше сочувствие по-прежнему горячо ценить и тому радоваться, что Государь обратит на статью внимание.²⁴

Те «христиане» наши, которые «на сахарной воде»²⁵ и думают, что «любовь» состоит в давании всем *воли*, очень бы удивились, а может быть, и вознегодовали бы, если бы узнали, что отец Амвросий, который по слабости и множеству забот почти ничего уже не читает, — эту статью мою *два раза* прочел и видимо очень доволен моей «строгостью». И когда один живущий здесь верующий юноша (*из новых*, экс-нигилист

по взглядам),²⁶ сказал ему: Вот в «Свете» Комарова издеваются за это над К(онстантином) Н(иколаевичем),²⁷ — то от(ец) Амвросий очень горячо ответил: «важность не в „Свете“ каком-нибудь, а в Государе и в людях, подобных Филиппову». Истинно духовные люди вовсе не так сентиментальны и на мужика ничуть «Богу не молятся»!

От племянницы отца Эраста получил письмо, из которого с радостью узнал, что Вы обещали подумать о ней.²⁸ Она, конечно, беспокоится, но я написал ей, что аккуратнее Вас и памятьливее на добро едва ли найдется человек в России (никогда не догадался я спросить: мать Ваша не была ли немка?²⁹ *Argiogi* ³⁰ — думаю, что немка: Вы с точки зрения культурной в высшей степени русский,³¹ но в темпераменте Вашем совсем не видно тех несносных русских недостатков, которые бесят на каждом шагу и во всех слоях и которые хороши разве только тем, что делают народ и общество наше непригодными для свободы и равенства!)

Пиппу и кончаю еще две статьи для «Гражданина».³²

Марье Ивановне прошу передать мое глубокое уважение. Я с удовольствием прочел в книге *Кольшико* об ее цветах на Парижской выставке.³³ И это навело меня на мысль послать ей на Пасху дюжины 2 яиц моей краски, которая тоже славится и годилась бы на выставку.³⁴ Есть малахитовые, есть китайского фарфора, яшмовые и т. д. Доедут сохранно, но к 1-му дню едва ли поспеют, потому что неудобно красить их слишком заблаговременно, — портятся и нельзя их долго в корзинке держать, потому и сквозь скорлупу проходит тяжелый запах. А здешние дамы, как монахини, так и помещицы, подолгу их в корзинах с мохом держат и всем показывают. Мне бы желалось, чтобы и Мария Ивановна удостоила бы их точно такой же чести. Тщеславие и гордость моя гораздо живее этим затрагиваются, чем статьями. Статьями другие приобрели больше моего и денег, и влияния, и славы. Ну, а уж яйца красить, как я, не умели ни Катков, ни Аксаков, ни Достоевский, ни Салтыков!...

Ваш неизменный К. Леонтьев.

Автограф неизвестен.

М/п копия: РГАЛИ.

Ф. 1099. Оп. 1.

Ед. хр. 1025.

Л. 105—111.

Впервые: *Нестор*.

С. 188—193.

Ответ на п. 204.

Р. С. Князь-то как горячо заступился за меня против скоморохов «Нов(ого) Вр(емени)».³⁵ Меня это очень тронуло. Вл. Соловьев собирается печатать (кажется, в «Русск(ой) Мысли») статью «Идейный Консерватизм», где главная речь будет обо мне.³⁶ Но как, не знаю... Кажется, и так, и этак! Посмотрим!

НВ. Я старался, сколько мог, чтобы почерк был получше. Писал медленно, лучше не мог.

¹ Местонахождение письма неизвестно. Леонтьев сообщал о нем также прот. И. Фуделю. См. след. примеч.

² Ср. с пересказом этих же слов в письме к о. И. Фуделю от 23 мая 1890 г.: «...Фет, который выразился в письме про мою брошюру (<...> так — „назвать эту книгу хорошей — нельзя; — этого мало; — как нельзя назвать Эфелеву башню — просто высокой“» (*Преемство от отцов*. С. 212).

³ В путешествии по финским шхерам И. П. Новосильцов, давно интересовавшийся публицистикой Леонтьева, сопровождал королеву элинов Ольгу Константиновну, через которую и надеялся преподнести брошюру Леонтьева Государю. 17 июня 1889 г. он писал Фету: «Экземпляр, мною прочтенный, я дал Королеве, она же передаст Государю, которому во время плавания в шхерах финляндских будет досуг прочесть хорошие добрые мысли...» (Письма И. П. Новосильцева к А. А. Фету. Ч. III (1888—1890) / Публ. Е. В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 278; уточнено по автографу: ИРАИ. Архив Фета. № 20 288, ч. 4. Л. 202). К сожалению, попытка оказалась безуспешной. «Государю не удалось читать Леонтьева, — писал Новосильцов 2 сентября, — я подумал, Королева это сообщит Царю, она мне сообщила, что сама читала его и ей показалось скучным чтение и потому она и не давала читать Царю! Вот тебе и Леонтьев(а) рассужде(ния). Он политически пишет умно, но тяжело для чтения *всякого*» (Там же. С. 282; уточнено по автографу: Л. 210 об.).

⁴ Речь идет о М. В. Леонтьевой, жившей в Орловском Введенском женском монастыре.

⁵ См. п. 180 и примеч. 6 к нему, п. 191.

⁶ «Тех же» потому, что о них шла речь в понравившейся Филиппову и обсуждаемой здесь статье Леонтьева «Над могилой Пазухина».

⁷ Гр. А. А. Толстой поддержал ходатайство о назначении статскому советнику Леонтьеву «усиленной» пенсии за литературные заслуги. 25 октября 1886 г. он писал министру финансов Н. Х. Бунге: «Леонтьев имеет (<...> особое право на поддержку и внимание Правительства. По справедливости может быть он причислен к числу писа-

телей, которые, не ища популярности и минутного успеха, твердые сознанием долга, приносят значительную пользу своими произведениями. (...) По вопросам внутренним является он энергическим поборником основных начал духовной и государственной жизни русского народа, Церкви и Самодержавия...» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 61 об., 62 об.).

⁸ Т. е. на его рекомендацию Леонтьева. Кн. К. Д. Гагарин был тогда товарищем министра внутренних дел.

⁹ Ошибка памяти; должно быть: в 1886 г. Позднее Леонтьев в Петербург не приезжал.

¹⁰ Речь идет о статье Грингмута «К. Н. Леонтьев как беллетрист» (см. примеч. 1 к письму 129). Ссылку на нее см.: *Филиппов Т. И.* Дневник // *Гр.* 1887. 3 мая. № 36. С. 14 (то же: с. 637 наст. изд.).

¹¹ Ср. у Грингмута: «Странная судьба постигла г. Леонтьева. В то время, когда он произносил свои пророчества, никто ему не верил (...). Теперь же, когда пророчества г. Леонтьева сбылись (...) теперь находят его образ мыслей столь естественным, что о нем и говорить не стоит» (Там же. 5 февр. № 11. С. 7).

¹² Леонтьев не успел реализовать этот замысел.

¹³ Леонтьев предвидел образование Югославии, но в свою Пансербию включал и Черногорию.

¹⁴ Здесь «не понесут» в значении «не выдержат без уклонения в грех». См. примеч. 30 к п. 197.

¹⁵ В 1870-е гг. Леонтьев следовал за Погодиным и Данилевским, предполагавшими расширение Славянского союза за счет греков, румын и мадьяр (*Погодин М. П.* Сочинения. М., 1874. Т. 4: Ист.-полит. письма и записки... С. 120; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995. С. 308; ср.: 7, 180), но позднее он счел возможным дополнение этого союза и мусульманскими странами (см.: 8, 359).

¹⁶ Тунис являлся французской колонией с апреля 1881 г.; Ливия (со столицей Триполи) стала итальянской колонией в 1912 г.

¹⁷ Идея «сохранения» Австрии, «предварительно, конечно, жестоко проученной» (8, 539), неоднократно высказывалась Леонтьевым в 1880-е гг. В таком духе он собирався в 1888 г. писать статью для шараповского «Русского дела» (см.: *РА.* 2004. № 1. С. 126).

¹⁸ Эти публицисты названы здесь рядом как идеологи панславизма.

¹⁹ Император-арианин Валент, желая стеснить православных, разделил область Каппадокию, архиепископом которой был св. Василий Великий, на две части и поставил епископом во вторую арианина Анфима. Св. Василий ответил на это назначением новых епископов в маленькие города формально «не принадлежащей» ему территории. Так, его друг св. Григорий Богослов стал епископом городка Сасимы, а брат, св. Григорий — епископом Ниссы. К этому времени и относятся приведенные Леонтьевым слова о количестве жителей.

²⁰ Леонтьев уже однажды предпринимал попытку обратиться к Государю через письмо к «частному лицу». 1 сентября 1889 г. он написал А. А. Фету о значении национальной одежды, предлагая проект обязательного введения ее в России для придворных и чиновников. Через друга Фета, И. П. Новосильцова, Леонтьев надеялся сделать этот проект известным Александру III. «Письмо это, разумеется, можете показать Новосильцову, — советовал он Фету. — А еще лучше, если велите (...) *снять копию с той части моего письма, которая обозначена звездочками (...)*. И пусть Новосильцов на всякий случай эту копию возьмет с собою. (...) *... если — судьба —* то и Новосильцов найдет прекрасный случай показать (...) этот отрывок (...) Государю. — *Если судьба —* то впечатление у Государя — останется» (Письма К. Н. Леонтьева к А. А. Фету (1883—1891) // А. А. Фет: Материалы и исслед. Вып. 1. С. 275).

²¹ Им в то время был упомянутый далее Н. К. Гирс.

²² «Две избранницы», «Пессимист» и «Подрути».

²³ Т. е. в «Гражданин», «Русский вестник» или «Русское обозрение».

²⁴ Речь идет о статье «Над могилой Пазухина».

²⁵ Один из вариантов часто использовавшегося Леонтьевым фразеологизма «на розовой воде». Синонимично «розовому христианству», которое Леонтьев понимал как христианство сентиментальное и суррогатное, «маргаринное» (ср. в п. 191).

²⁶ Имеется в виду Ф. П. Чуфрин. В июне 1891 г. Леонтьев писал о нем: «...мещанин; бывший народный учитель (...)». Хотел застрелиться. — Обращен Отц(ом) Амвросием и теперь нам, старикам, далеко до его веры! — Имеет значительные философские способности; — но без подготовки» (Леонтьев К. Н. (Список верующих) / Публ. О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. С. 313).

²⁷ Имеется в виду отклик на статью «Над могилой Пазухина» в издававшейся В. В. Комаровым газете «Свет»: Н*** (Любимов Н. А.). Отголоски // Свет. 1891. 14 марта. № 60. С. 3. См. подробнее: 8, 1096—1097.

²⁸ Речь идет об А. А. Томилиной. Местонахождение ее письма неизвестно. См. п. 203 и примеч. 7 к нему.

²⁹ Однажды все-таки Леонтьев задал этот вопрос. См. п. 164.

³⁰ Заранее (лат.).

³¹ Ср. с ранним отзывом о Филиппове в письме к М. В. Леонтьевой от 4 апреля 1878 г. (см. во вступительной статье, с. 22).

³² Имеются в виду статьи «Славянофильство теории и славянофильство жизни» и «Достоевский о русском дворянстве».

³³ См.: Колюшко И. И. Парижская выставка 1889 года. СПб., 1889. С. 402—405.

³⁴ Леонтьев предавался этому своему увлечению с огромным размахом. Ср. в письме к В. А. Попыриковой от 4 апреля 1888 г.: «Яиц покупаю здесь 500 и буду с половины 6-й недели красить со страстью» (РВ. 1898. № 1. С. 490).

³⁵ Речь идет о статье в рубрике «Дневник» (Гр. 1891. 24 марта. № 83. С. 4), полемическом отклике на резко негативную статью нововременского публициста В. К. Петерсена (А—т ⟨Петерсен В. К.⟩. Заблуждение отшельника // НВр. 1891. 20 марта. № 5408. С. 2—3). См. подробнее: 8, 1093—1096.

³⁶ См. также в письмах к Фуделю от 2 и 11 апреля и от 10 июля 1891 г. (Преемство отцов. С. 312, 314, 320). Статья не была написана. В январе 1892 г. Соловьев опубликовал в «Русском обозрении» статью «Памяти К. Н. Леонтьева» (№ 1. С. 352—358; переизд.: К. Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 20—26).

206

Филиппов — Леонтьеву

25 апреля 1891 г.,
Петербург

Воистину Христос Воскресе.

Жена сердечно благодарит Вас и находит, что Вы замечательный художник, с чем я решаюсь Вас поздравить: ибо она сама высокая художница.

Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ.
Ф. 196. Оп. 1.
Ед. хр. 271. Л. 54.

Ваш Т. Филиппов. Ответ на п. 205.

СПб. 25 апреля 1891.

207

Леонтьев — Филиппову

26 апреля 1891 г.,
Оптина пустынь

26 апреля; 91. Опт⟨ина⟩ П⟨устынь⟩.

Воистину Воскресе!

Благодарю сердечно, Третий Иванович, за Ваше доброе поминание имени моего в телеграмме к архимандриту. Он мне ее прислал.

Радуюсь также за племянницу от⟨ца⟩ Эраста, которая совершенно счастлива, как видно из ее ко мне последнего письма.¹

Все хорошо, все прекрасно... Только две вещи смущают меня: яйца мои пошли не в четверг, как я хотел, а *только в субботу!* Это вина монаха, заведующего здешней почтой, а не моя. К тому же все боюсь, не по-

бились ли? А другое это то, что князь Мещерский без толку печатает корреспонденции об *Афонских дрязгах*.² Хоть бы с Вами посоветовался.

Нет, как хотите, он иногда ужасен своею бестактностью.

Что писать об этих пустяках; это было, есть и *будет*.

Надо взять Царьград, и тогда греки притихнут, а до тех пор надо молчать и не сбиваться с *этой стороны* на «Катковщину».

Ваш К. Леонтьев.

¹ Местонахождение письма неизвестно. О Томилиной см. п. 203.

² Речь идет о письме некоего Тар—ова, по всей видимости, жителя Киева (место указано как «К—ъ»), помещенном в разделе «Мысли и факты» (Гр. 1891. 20 апр. № 110. С. 1). Здесь говорилось о национальных распрях между афонскими монахами, вспоминалась греко-грузинская тяжба о праве владения Иверским монастырем, процессы против Андреевского и Ильинского скитов, рассказывалось о финансовых махинациях монастыря Эсфигмен по отношению к зависимой от него русской Свято-Николаевской келлии.

208

Филиппов — Леонтьеву

6 июля 1891 г.,
Калуга

Калуга. 6 июля 1891.

Дорогой Константин Николаевич!

Живу под Калугой, в сосновом бору,¹ с 1 июля и сегодня собрался было совсем в Оптину, но неудовлетворительное состояние здоровья не дозволило тронуться в путь. А лошади были уже заказаны. Надеюсь все-таки 9 июля с раннего утра выехать, о чем прошу Вас сообщить О. Архимандриту и Кн. Оболенскому — если это будет для Вас удобно (чуть-чуть не написал «угодно» — *s'il vous plaît, if you please*²). И лета, и недуг хотя и легкий, требуют некоторого ухода и попечения. Меня же на этот раз влечет в Оптину не одно желание повидаться с ее обитателями и некоторый долг, нечаянно на меня возложенный Промыслом. Буду

просить у Вас совета и помощи. О. Ераст в скиту ли? Или с О. Амвросием?³ Если мне придется ехать в Шамордино, то я предпочел бы быть там на обратном пути.⁴ Посему приятно было бы мне застать О. Ераста в Оптиной.

После страшной жары наступил суровый холод: сегодня целый день сидел в бурке. Сережу сегодня проводил в Самарские страны на воды. Со мною жена и все семейство замужней дочери.⁵

Обнимаю Вас.

Ваш искренний Т. Филиппов.

Автограф: РГАЛИ.

Ф. 290. Оп. 2.

Ед. хр. 63.

На л. 2 об.

карандашная

помета Леонтьева:

Т. И. Филиппов

¹ Филиппов, вероятно, остановился в имении Н. Д. Деянова (брата министра И. Д. Деянова) Железники (Железняки), впоследствии принадлежавшем его зятю кн. В. М. Голицыну. Из Петербурга он выехал 26 июня, отправившись сначала во Ржев (см.: *Гр.* 1891. 27 июня. № 176. С. 2).

² Если Вам угодно; с Вашего позволения (*франц., англ.*).

³ Т. е. в Шамордино или Рудневе (где находилась монастырская дача). О. Эраст был в это время в отъезде. Ему часто приходилось уезжать по делам, возлагаемым на него старцем Амвросием.

⁴ О встрече Филиппова со старцем см. во вступительной статье (с. 57—58).

⁵ М. И. Филиппова, Н. Т. Корибут-Дашкевич, ее муж В. О. Корибут-Дашкевич и дочери — Мария, Наталия, Ольга, Вера. Пятая внучка Филиппова, Елена, родилась позднее, в 1894 г.

Считаю полезным предупредить Вас, Третий Иванович, что Архимандриту всегда очень спать хочется после этих ранних обедов, и потому Вы не верьте ему, если он будет Вас удерживать. — И чем раньше Вы пожалуете ко мне, тем во всех отношениях будет лучше.

А я туда уж не пойду; — всё это *не мои часы*, и вчерашнее подобие ужина лишило меня сна... Да и жажда всю ночь мучала. — Я теперь могу жить только как машина.

Я обедаю¹ ровно в 3 часа и очень жалею, что не догадался вовремя перебить Вас у них. — Повар мой не хуже ихнего.

Автограф: ГАРФ.

Ф. 1099. Оп. 1.

Ед. хр. 2084. Л. 11. Филиппов в этот день находился в Оптиной пустыни.

Ваш К. Аеонть(ев).

¹ Перед этим начато и зачеркнуто: «у(жинаю)».

Приложения

⟨К. Н. Леонтьев⟩

Современные Церковные Вопросы: Т. Филиппова.
Петербург. 1882. in 8. Стр. IV, 463

Под этим заглавием в Петербурге вышла недавно книга, заслуживающая самого серьезного внимания. Т. И. Филиппов собрал в ней как статьи свои, напечатанные в разное время и в разных периодических изданиях, так и свои чтения в «Обществе Любителей Духовного Просвещения». Книга состоит из двух частей: первая посвящена исключительно *Греко-болгарскому вопросу*; вторая преимущественно так называемому *единоверчеству*. Итак, сущность книги, ее главный интерес — это *раскол*; раскол в России и раскол на Востоке. Сам автор, впрочем, уже эпитафией своим указывает на драгоценное его православному сердцу желание:

«Не победити ищем, но прияти
братию, их же разлучением
терзаемся».

(Григорий Богослов)¹

Рассматривая оба отдела книги г. Филиппова (т. е. первый о греко-болгарской распре и второй о русском расколе староверчества), мы с первого раза замечаем в них в одно и то же время и глубокое единство, и резкую противоположность.

К *болгарскому эманципационному*, так сказать, *расколу* автор относится весьма строго и даже недоброжелательно; к *русскому же расколу старообрядчества* он, напротив того, благоволит и является в некоторых отношениях его защитником. Вот в чем противоположность двух частей этого замечательного труда. Единство же духа у автора заметнее всего в том, что он считает Вселенский Собор (или вообще *Соборы*) единственным и наилучшим средством для окончания всех этих раздоров и для воссоединения как русских старообрядцев, так и болгарских

«филетистов».* Мы сказали, что г. Филиппов к русскому староверчеству благосклонен, а к болгарскому отпадению от Вселенского патриарха относится строго, почти враждебно: это вовсе не значит, чтоб он, с одной стороны, находил старообрядцев канонически правыми, а с другой — отрицал бы права болгар на церковную независимость в известных пределах.

Автор, видимо, находит мысль Греческого Собора 1872 года² правильнее, чем взгляды, господствующие в Русской Церкви на старообрядцев и единоверие. Господствующая Русская Церковь (после проклятия 1667 года³) преследовала староверов, по мнению автора, не за одно *преслушание* и отделение, не за *нежелание* только последовать за *прогрессивными реформами* (что было бы лучше), но и за *самые объекты* отделения, за *самое сохранение старых обрядов* (за «двухперстное сложение» и т. п.). «Единоверие» есть, конечно, большой шаг к примирению; «единоверческая Церковь» признана в том смысле, что староверы со своей стороны *добровольно подчиняются* нашей иерархии, но *обряды* сохраняют старые; епископы же и священники господствующей Церкви имеют право служить в единоверческих церквях по старому обряду и по старопечатным книгам. Но «единенье» не полно. Мы, например, *причащаться* в единоверческой церкви не должны (разве в случае смертной опасности). И единоверцы не покойны совестью, ибо проклятие 1667 года с них не снято восточными патриархами.

Г. Филиппов справедливо желает *совершенного слияния* староверов с нами под одною иерархией, с позволением им сохранить свои обряды.

Различие обрядов всегда допускалось Православной Церковью.

Но для достижения этого автор находит наилучшим средством — созвание Вселенского Собора. Восточные иерархи (преимущественно греческие), по мнению г. Филиппова, могли бы своими мнениями в этом случае принести нам, русским, немало пользы.

* Φυλετισμος — *племенность*: Константинопольский Собор 1872 года счел себя вправе дать такое название болгарскому расколу, потому что болгары созидали свой сепаратизм на основании чисто *племенном*, независимо от местности и других обстоятельств.

Для примера автор указывает на майнотов⁴ старообрядцев (в Малой Азии), которые недавно допущены Вселенским патриархом до полного общения с Православною Церковью, при сохранении ими древле-русских обрядов и книг.⁵

Таковы мнения г. Филиппова о русском расколе. К расколу болгарского «филетизма» автор, сказали мы, относится иначе. — Он находит, что греческое духовенство было несравненно правее болгар. Г. Филиппов почти с самого начала греко-болгарской распри явился энергичным защитником канонических прав Вселенского патриарха. Можно не соглашаться с ним, можно ему не сочувствовать, но должно признать независимость и стойкость, с которыми он неуклонно защищал свою мысль.

С нашей стороны, не входя здесь в разбирательство Греко-болгарского вопроса, скажем только, что между русским расколом и отделением болгар есть, между прочим, одна существенная разница. Русский раскол есть заблуждение, но заблуждение *искреннее*, наивное, беспристрастное, по существу своему *религиозное*, безо всяких тайных целей. В болгарском отделении движение было только по имени — «церковным», цель же была политическая — *как-нибудь отделиться от греков в провинциях смешанного населения* (во Фракии, Восточной Румелии, Македонии). Объяви Россия войну Турции в 70—71 году (в самое время Галло-Прусской войны), церковной распри бы не было. Значительная часть Болгарии (если не вся), освобожденная от турецкой власти, *законно* отделилась бы и от патриарха не на племенном, а на административно-политическом основании. Греки *по духу канонов* не могли бы тому препятствовать. И теперь для окончательного умиротворения греко-болгарского несогласия, точно так же как и для регулирования староверчества, г. Филиппов считает Вселенский Собор единственным и спасительным средством. Русские иерархи явились бы на соборе естественными и бесстрастными примирителями в чуждой нам распри наших либеральных или политикующих единоверцев, а греческое духовенство могло бы быть правдивым и опытным посредником в пререканиях Русской господствующей Церкви с ее *обрядовыми консерваторами* отщепенцами.

В этой взаимной помощи почтенный автор надеется найти источник обновления для Православной Церкви.

Таково содержание книги г. Филиппова. Конечно, мы коснулись (и то слегка и очень поверхностно) только самой сущности этого серьезного труда; не входя в оценку подробностей, обнаруживающих замечательную ученость автора.

Цель этой заметки не в том, чтобы входить непременно в рассмотрение основательности или ошибочности всех мнений автора, а лишь в том, чтобы привлечь внимание читателей на этот капитальный вклад в сокровищницу нашей церковной литературы.

Рецензия была перепечатана в журнале «Странник» (см. примеч. 4 к п. 59) с незначительными разночтениями в первой части (снятие почти всех курсивов, пропуск первого предложения, а также слов «и глубокое», «этого замечательного труда», «духа» и предложения «Различие обрядов всегда допускалось...», заменой слов «драгоценное его православному сердцу желание» на «основную мысль своего издания») и радикальным сокращением второй половины (противопоставление болгарского и русского раскола). От второй части текста (после слов «обрядов и книг») фактически оставлено несколько фраз.

Автограф неизвестен.

Впервые: *Мвед.* 1882.

19 марта. № 78. С. 4

(подпись: N. N.).

Републикуя рецензию по тексту «Московских ведомостей», я считаю необходимым восстановить прописные буквы в словах «Церковь», «Собор», «Вселенский Собор», поскольку именно такое написание встречается в автографах Леонтьева.

¹ См. примеч. 90 во вступительной статье (с. 32).

² Имеется в виду Поместный Константинопольский Собор, состоявшийся в сентябре 1872 г.

³ Клятвы Поместного Собора 1666–1667 гг. были сняты лишь Поместным Собором Русской Православной Церкви 1971 г.

⁴ Русские казаки, старообрядцы-беглопоповцы, жители с. Майнос (Магалыч, Бин-Эвле) в Малой Азии на южном берегу Мраморного моря.

⁵ О присоединении майносов ко Вселенской патриархии Филиппов писал в статье «Вести из далекого старообрядческого уголка» (Голос. 1872. № 95. С. 5; то же под заглавием: Присоединение к единоверию некрасовцев // Странник. 1872. № 9. С. 204–207). Но об окончательном их присоединении можно было говорить лишь к 1880 г. (см. подробнее: 6, 498–501).

Дневник

Среда, 29-го апреля

С особенною радостью услышал, что в прошлый вторник в Комитете министров рассматривалось дело о назначении пенсии поэту-художнику и мыслителю, К. Н. Леонтьеву, и прошло согласно с желанием г. министра внутренних дел.¹

Размеры литературной известности Леонтьева вовсе не соответствуют силе его замечательных и разнообразных дарований. Как художник, он должен быть поставлен рядом с высшими представителями русской литературы последних десятилетий. Его горе в том, что все его художественные произведения взяты из жизни балканских христиан, которая слишком мало занимает русского читателя и русскую критику. Однако нашлись и между нашими критиками такие, которые уразумели истинную силу его высокого литературного таланта и коих отзывы «Гражданин» привел недавно в одном из своих номеров.²

По полноте и яркости изображения первое место среди его произведений принадлежит его очаровательной поэме из жизни загорских греков, «Одиссей Полихрониадес», которая, конечно, оставляет за собою прочие мелкие его повести и рассказы: «Капитан Илия», «Дитя души», «Аспазия Ламприди», «Паликар Костаки». Но и эти художественные творения исполнены живой, первобытной прелести и составили бы радость всякой самой богатой европейской литературы. Я не сомневаюсь, что о них знала бы вся Европа, если бы с ними познакомился такой критик, как Мелхиор Вогюэ,³ очевидно их не читавший.

Как публицист, Леонтьев имеет еще большее значение. Сборник его рассуждений, изданных под заглавием «Восток, Россия и Славянство», а также «Византизм и Славянство» должны быть настольною книгою всякого русского человека, который желает понять подлинную сущность балканского вопроса и уразуметь весь горький смысл событий последнего времени.

С другой стороны, в вопросах внутренней политики нашего отечества, которым посвящены его многочисленные статьи, помещенные в «Варшавском Дневнике» за время издательства кн. Голицына, Леонтьев является представителем и вдохновенным жрецом священных охранительных начал, на которых стоит и держится Русская земля и Русское государство. По чистоте исповедания, по глубине и самобытности воззрений, никого из современных русских писателей невозможно поставить над ним. Искренность его убеждений и одушевленное изложение их дает ему власть над юными умами, которые пленяются им в послушание веры и под его руководством набираются сил, дабы явиться в свою очередь на защиту церковных и государственных основ Русской земли, со всех сторон осаждаемых разнообразною враждебною ратью и унижаемых усердием их притворных и наемных последователей.

Разбор известного произведения гр. Л. Н. Толстого «Чем люди живы»⁴ заслуживал бы издания в десятках тысяч экземпляров, но даже и сотни оттисков его пролежали почти без спроса, между тем как фальшивый товар, покрытый знаменитым флагом, разошелся по всем углам России, искажая вкус читателей и растлевая их понятия. Для борьбы с этим совратителем, представшим недавно перед целою Россиею с своею бесстыжею и омерзительно пошлою драмой,⁵ нет человека более пригодного, чем К. Н. Леонтьев.

Обстоятельства и недуги мешали Леонтьеву продолжать его художественную и публицистическую деятельность и довершить давно задуманные им и вчерне набросанные произведения. Назначение ему пенсии даст ему средства в спокойствии ума посвятить остаток предопределенных ему лет исполнению задуманных планов и обогатить русскую литературу новыми произведениями, исполненными художественной красоты, высоких, поднимающих душу помыслов и мудрых государственных советов.

Впервые: *Гр.* 1887.

3 мая. № 36.

С. 13—14

(без подписи).

¹ Об истории назначения Леонтьеву пенсии см.: 6, 633–637.

² Подразумевается статья В. А. Грингута (см. примеч. 1 к п. 129).

³ Э.-М. Вогюз активно пропагандировал русскую литературу на Западе.

⁴ См. примеч. 108 во вступительной статье (с. 40).

⁵ Речь идет о драме Л. Толстого «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть», впервые опубликованной в 1887 г. издательством «Посредник».

Приложение 2

1

Письмо П. Е. Астафьева к Т. И. Филиппову

Глубокоуважаемый
Тертий Иванович;

17 сентября
1885 г., Москва

Только сегодня имел я у Евгения Михайловича Феокистова решительную аудиенцию, о результатах которой и спешу сообщить Вам в виду того интереса к моему делу, который Вы вчера имели доброту мне выразить. Я на днях *буду* назначен цензором, — хотя и на половинное только содержание, но и с соответствующим ему меньшим количеством работы. Во всяком случае это назначение дает мне такую поддержку, при которой я могу надеяться вздохнуть свободнее и с спокойным духом заняться изданием нескольких заготовленных работ, которые, по мере издания, поспешу представлять на Ваш высоко ценимый суд.

Поблагодарив Вас от глубины души за оказанное мне участие и поручив себя и впредь Вашему дорогому доброму вниманию, — счастлив случаю еще раз выразить Вам чувство глубочайшего уважения и нелицемерной преданности, с которыми имею честь назваться Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.

П. Астафьев

Автограф: ГАРФ.
Ф. 1099. Оп. 1.
Ед. хр. 1410.

1885 г. 17 сентября

2

Письмо преп. Исаакия Оптинского к Т. И. Филиппову

Ваше Превосходительство
Высокочтимый о Господе
Милостивый Государь
Тертий Иванович.

3 сентября
1886 г., Оптина
пустынь

Почтеннейшее и любезнейшее письмо Ваше от 10 августа и три экземпляра Ваших трудов, чрез Княгиню Дарью Петровну,¹ я имел честь

и утешение получить, за что позвольте принести Вашему Превосходительству глубочайшую мою благодарность. Ваше христианское внимание к нашей Св. Обители обязывает нас недостойных иметь Вас всегда в памяти в наших скудных молитвах ко Господу, о сохранении Вашего здоровья для пользы Православной Церкви. Да сохранит Вас Господь и укрепит силы Ваши.

Старцу Амвросию один экземпляр¹ передал, а о. Алексея Турбина теперь в Оптиной нет, он поехал к брату в Новгородскую Епархию.

Книгу Вашу «Современные Церковные вопросы» действительно я принял с любовью, но чтобы подвергнуть суждению моему, то имейте меня грешного отреченным,² ибо я человек не книжный.

Призывая на Вас благословение Божие, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства усерднейший слуга и богомолец

Архимандрит Исаакий.

3 сентября

1886 года

Оптина Пустынь

Автограф: ГАРФ.

Ф. 1099. Оп. 1.

Ед. хр. 1905. В деле хранится еще одиннадцать писем преп. Исаакия Оптинского к Филиппову (1887—

Л. 1—1 об. 1892).

¹ Речь идет о кн. Д. П. Оболенской, которая привезла в Оптину пустынь сборник Филиппова «Современные церковные вопросы» (СПб., 1882).

² Евангельская аллюзия (Лк. 14: 18).

Приложение 3

1

Письмо Е. С. Кротковой к Т. И. Филиппову

19 ноября 1891 г.,
Сергиев Посад

Грустное событие положило начало переписке нашей, Многоуважаемый Третий Иванович.¹ Но, желая по возможности удовлетворить потребности Вашей ведать более о усопшем друге, я спешу сообщить Вам, что знаю о последних месяцах и днях усопшего Константина Николаевича, в иноцех — брата Климента. По благословению усопшего Оптинского старца, отца Амвросия, Леонтьев, приняв тайное пострижение, раскассировал (по собственному его выражению) семью свою, т. е. жену отправил к племяннику, воспитанницу с мужем препроводил к его отцу, а сам, совершенно одинокий, в конце нынешнего лета переселился сюда,² дабы согласно благословению старца иметь возможность в случае нужды обращаться за советами хороших московских врачей по вопросу о хронической болезни, которой уже много лет страдал Леонтьев. О переселении его в наши веси я узнала лишь по приезде из деревни,³ во второй половине октября. Конечно, безотлагательно навестила его, зная, что он уже много лет по болезни запирался в свою клеть с наступлением осени до весенних теплых дней. Первое наше здесь свидание произвело на меня очень хорошее впечатление. Мы много беседовали по душе и о духе, как житейском, так и литературном. Вообще я нашла его в очень мирном настроении и весьма довольным своим устройством здесь, хотя первоначальное желание его было поселиться в Пещерах, близ Гефсиманского скита (но это не состоялось).⁴ Единственное лишение, тяготившее Леонтьева, весьма понятное мне, было — церковная служба, а потому мы озаботились утешить его и в этом отношении, устроив с некоторыми членами из академической братии службу у него на дому в кануны праздников и нарочитых дней. Так все шло мирно и ладно, как вдруг Леонтьев умудрился простудиться не выходя из комнаты.⁵ После причастия Святых Тайн на третий день болезни⁶ ему стало значительно лучше, хотя я, навестив его вечером, осталась недовольна его общим

видом и настроением. Он слишком легко смотрел на свою болезнь и на мое замечание, что напрасно обратился к столь малоопытному врачу, упорно доказывал, как он ему помог. Следующие за сим два дня я сама хворала и не могла навестить Константина Николаевича; но на вторые сутки приехал известный Вам Г. И. Замараев, который нашел его в бреду. Узнав это, я на следующее утро, несмотря на собственные недуги, собралась идти к больному, когда молодой священник о. Сергей Веригин пришел сказать мне, что он скончался, сподобившись вторично принятия Святых Таин и елеосвящения за ½ часа до кончины. Тут уже поднялся вопрос — *как и где* хоронить отшедшего, — ни родных, ни распорядителей, ни средств... Налицо оказалось менее 50 рублей. И вот мы *любви ради*, соединенными силами с от(цом) Ректором,⁷ монашествующею братиею Академии и Н. И. Субботиным складчиной приобрели могилу в Пещерах, близ храма Черниговской Божией Матери,⁸ и у нас в церкви Дома Призрения⁹ была совершена соборне¹⁰ отцом Ректором заупокойная служба и отпевание чинно и благолепно. Глубоко утешена я, что Дом Призрения имел случай достойно воздать тому, кто столь достойно послужил отечеству своим правдивым пером и столь искренно любил Православную Церковь. Привыкнув всматриваться и вдумываться во все меня окружающее и кругом меня совершающееся, я усматриваю Промысел Божий в том, что Леонтьев после житейских странствований семо и овамо¹¹ был приведен сюда для окончания многотрудных и многообразных дней своих; и мне же, знавшей его еще в студенческой форме, указано было воздать ему последний долг.

Получив письмо Ваше, добрейший Третий Иванович, я занялась обретением пути для исполнения желания Вашего, вполне разделяя Ваше нежелание подвергать интимно-дружескую переписку чуждому взгляду и посторонним комментариям. Зная, как искренно и глубоко был Вам благодарен почивший Константин Николаевич за *все* Вами содеянное к успокоению его с материальной стороны, я считаю тем более обязательным для близких его успокоить Вас исполнением Вашего законного требования, а потому, пригласив к себе племянницу его, Вам когда-то известную — Марью Владимировну Леонтьеву, я передала ей все

в точности и была утешена, встретив в ней полное понимание и совершенно правильное отношение к желанию Вашему. Вот что я узнала от нее: душеприкащиком К<онстантина> Н<иколаевича> состоит Николай Михайлович Бобарыкин, московский нотариус (Новинский бульвар, дом Котлерова). А Марья Владимировна — единственная наследница дяди, т. е. наследовать собственно *ничего*, кроме права на издание неизданных еще сочинений и попечительства о полоумной жене его, что и вынуждает бедную Марью Владимировну отправиться при первой возможности в Петербург для ходатайства о пенсии несчастной жене и ей самой, как ближайшей единственной сотруднице дяди в литературных трудах и оставшейся в настоящее время *без всяких средств*. А потому Марья Владимировна *лично* доставит Вам *все* письма Ваши, как только найдет их в бумагах дяди. Я уверена, добрейший Третий Иванович, что Вы в память Константина Николаевича не откажете в покровительстве и добром содействии Вашем бедной Марье Владимировне к облегчению *тяжкой обузы*, попадающей на ее руки в образе больной жены Леонтьева *без куска хлеба*.

Простите многоречие мое, на которое, впрочем, Вы сами меня вызвали, и примите уверение в совершенном уважении

готовой к услугам Вашим
Ел. Кротковой.

Написано под
диктовку
неустановленным
лицом, секретарем
Е. С. Кротковой,
подпись и дата —
автограф: ГАРФ.
Ф. 1099. Оп. 1.
Ед. хр. 2024.

Простите, что не собственноручно пишу, но слабость рук сему препятствует.

День кончины Митр<ополита> Филарета.

19-ое нояб<ря> 1891 г.

¹ Е. С. Кроткова отправила Филиппову телеграмму о кончине Леонтьева, в ответ на которую получила письмо, местонахождение которого неизвестно.

² См. ниже, примеч. 3 к п. 4.

³ Имеется в виду деревня Ельдигино, где находилась дача, принадлежащая Дому призрения, которым заведовала Е. С. Кроткова (см. примеч. 9).

⁴ См. об этом: *Преемство от отцов*. С. 326 (письмо Леонтьева к о. Иосифу от 5 сентября 1891 г.). Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре был основан в 1844 г. св. Филаретом Московским.

⁵ Другой ученик Леонтьева рассказывал об этом так: «На Константина Николаевича, всегда очень осторожного и предусмотрительного, нашло на этот раз какое-то непонятное затмение, и он поставил свой письменный стол так, что кресло пред ним пришлось довольно близко к окну. (...) И вот, сидя однажды за работой за письменным столом на своем кресле, близ окна, в жарко натопленной комнате (По письмам Леонтьева к племяннику мы знаем, что в Новой Лаврской гостинице было духовое отопление. — О. Ф.), он (удивительная для него неосторожность!) почувствовал, что ему очень жарко, снял с себя свою обычную суконную поддевку и остался одетым очень легко. Следствием было воспаление легких, от которого он очень быстро сгорел» (Александров А. А. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 373—374).

⁶ 9 ноября. Установлено по статье Ф. П. Чуфрина «Последние дни К. Н. Леонтьева в Троице-Сергиеве Посаде» (выходные данные см. в примеч. 2 к п. 4 в этом разделе).

⁷ Имеется в виду архимандрит Антоний (Храповицкий), незадолго до того дважды посетивший Леонтьева.

⁸ Пещерный храм в Гефсиманском скиту. Сама чудотворная Черниговская-Гефсиманская икона Пресвятой Богородицы находилась в первом пещерном храме этого скита — во имя св. Архистратига Михаила. Праздники в честь этой иконы — 15 сентября и 16 апреля ст. ст.

⁹ Дом призрения — благотворительное заведение при Троице-Сергиевой Лавре, основанное в 1842 г. и включавшее в себя два училища для бедных детей, приют для девочек, женские богадельню и больницу, амбулаторную для женщин и детей и странноприимный дом для бедных паломниц. В 1872—1873 гг. здесь была выстроена церковь Рождества Пресвятой Богородицы, в которой отпевали Леонтьева. С 1862 г. Домом призрения (с 1879 г. — Александро-Мариинский Дом призрения) заведовала Е. С. Кроткова.

¹⁰ О. Антонию сослужило шесть священников и два диакона. Это были о. Трифон (Туркестанов), о. Григорий (Борисоглебский), о. С. Веригин, о. Н. Толстой, а также настоятели приходской Рождественской церкви и церкви в Доме призрения, приходский диакон и диакон, служивший в Доме призрения и преподававший в училище для мальчиков — ученик С. А. Рачинского, о. Г. Толстой.

¹¹ Здесь и там (ц.-сл.).

Письмо М. В. Леонтьевой к Т. И. Филиппову

1 декабря
1891 г., ОрелВаше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Тертий Иванович.

Как только я имела возможность приступить к разборке писем разных лиц к покойному моему дяде Константину Николаевичу Леонтьеву, — я нашла письма к нему Вашего Высокопревосходительства — все отобранные самим дядей. —

Согласно выраженному Вами госпоже Кротковой желанию иметь Ваши письма обратно, — я спешу переслать их почтою Вашему Высокопревосходительству в полной целости.

Имею честь быть Вашего Высокопревосходительства
Всепокорнейшая слуга

М. Леонтьева.

1-го декабря 1891.¹
Орел.Автограф неизвестен.
М/п копия: ГЛМ. Ф. 196.
Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 56.¹ В копии ошибочно: 1892

Письмо Ф. П. Чуфрина, А. А. Александрова и др. к Т. И. Филиппову

12 ноября 1891 г.,
Сергиев Посад*Троице-Сергиев Посад, 12 ноября 1891 г.*

Ваше Высокопревосходительство!

Нам известно сердечное отношение к Вам почившего (12 ноября) К. Н. Леонтьева, а потому считаем удобным обратиться к Вам с сообщением нижеследующим.

У гроба покойного в настоящую минуту кроме нас, близко знавших покойного при жизни, никого из родственников нет, да и родственни-

ки, как и мы, — люди с крайне ограниченными средствами, — денег же на расходы по погребению у покойного не осталось. Мы в большом недоумении по поводу того, на какие средства похоронить покойного соответственно его положению. Известно нам, что покойный не получал пенсию за два последние месяца, книжка на получение пенсии находится у оптинского монаха Остиона,¹ которому было доверено получение пенсии из Козельского (Калужской губернии) казначейства, и желание покойного было получить большую сумму единовременно.² Нам предстоит сделать займ на расходы по похоронам. Но мы не знаем, можно ли и как это сделать, если можно, чтобы причитающейся покойному пенсией уплатить предстоящий долг.

Наша просьба к Вашему Высокопревосходительству: не найдете ли Вы возможным посодействовать в этом деле тем или другим путем.

У покойного осталась вдова, больная, — о чем упоминаем, чтобы обратить внимание Вашего Высокопревосходительства и на ее положение.

Отпевание предположено на пятницу, 15 ноября, которое имеет совершиться в приходском в Троице-Сергиевом посаде «Рождественском» храме; могила готовится на «Всех-Святском» в Троице-Сергиевом посаде кладбище.³

С истинным уважением имеем честь остаться готовыми к услугам Вашего Высокопревосходительства

Приват-Доцент Императорского Московского Университета
Анатолий Александров.

Профессорский стипендиат при Московской Духовной Академии,
Иеромонах Григорий.

Студент первого курса Московской Духовной Академии,
Иеромонах Трифон

Вольнослушатель Московской Духовной Академии
Священник Сергей Веригин
Федор Павлович Чуфрин.

Р. S. Решено окончательно: отпевание будет в «Доме Призрения»; погребение (могила) в Гефсиманском Скиту. Деятельное участие в по-

хорошах приняли: Профессор М(осковской) Дух(овной) Ак(адемии) Н. И. Субботин, Нач(альница) Дома Призрения Елизавета Степановна Кроткова и др.

Чуфрин

Автограф: ГАРФ.
Ф. 1099. Оп. 1.
Ед. хр. 1024.
Л. 3—4 об.
Письмо и
постскриптум
написаны рукой
Ф. П. Чуфрина,
подписи —
автографы.

¹ Сохранилось письмо иеродиакона Астиона от 31 октября 1891 г., в котором тот сообщал Леонтьеву, что «денги передал Варваре Лук(ь)яновне» и получил посылку (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 38). 14 ноября ученики Леонтьева узнали, что пенсия была получена Леонтьевым, и Чуфрин послал Филиппову удостоверяющую в этом телеграмму.

² На следующий день выяснилось, что Леонтьев успел получить пенсию, и Чуфрин послал Филиппову новое письмо: «Спешу исправить <...> ошибку. <...> Нам так сообщили. Оказывается, что он эту сумму, то есть за два месяца одновременно — получил» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1024. Л. 5).

³ Решение было изменено, о чем сообщено в постскриптуме. Причт Рождественского приходского храма принимал участие в совершении панихид по монаху Клименту в гостинице и в его отпевании.

4

Письмо Ф. П. Чуфрина Т. И. Филиппову

Ваше Высокопревосходительство!

28 ноября 1891 г.,
Москва

На письмо Вашего Высокопревосходительства ко мне писанное от 16 ноября¹ и полученное мною только теперь (27 ноября из Троице-Сергиева посада) имею честь сообщить следующее.

1. У нас была мысль сказать Вашему Высокопревосходительству о предсмертных днях и смертном часе Константина Николаевича, но забота о средствах для похорон была так существенна для нас, распорядительных сил по вопросу о похоронах было так мало, что прилично составить столь большого письма, какое требовалось, я не мог; но в первую же свободную ночь я составил описание предсмертных минут покойного и отослал для напечатания в «Гражданине» (где это и напечатано, кажется, в № 20 ноября).² К тому имею добавить следующее.

В сентябре месяце он приехал из Оптиной п(устыни) в Москву, для переезда к Препод(обному) Сергию.³ Все видевшие его в эту пору в Москве, друзья его и знакомые, были удивлены переменой в нем (нравственной), каковую заметили все.⁴ Непривычное для знавших К. Н. нравственное его спокойствие за себя и за свое дело, которому служил и отношение к которому со стороны литературы и общества всегда его волновало, очень заметная особенная радость свидания с друзьями, что заставляло его даже отступать от всех его привычек (поддерживал, например, разговор до 2-х, до 3-х часов ночи) — все это заставляло предполагать, что с К. Н. произошел какой-то нравственный переворот. Двум из своих близких он признался, что принял пострижение (тайное) и переживает неизведанное состояние. Рассказывал, что о. Амвросий торопил его переездом к Преп(одобному) Сергию и, сказавши, что время теперь и заветную мысль исполнить (постричься), дал К. Н-чу и денег на переезд (300 р.).⁵ — В сентябре я два раза приезжал из Москвы к К. Н-чу и в оба раза жил по три дня.⁶ Мирное, мягкое, радостное настроение его продолжалось; он не мог им нахвалиться и очень часто возвращался к разговору о незаменимости чувства, какое он переживает, о пользе «внимания себе».⁷ Жизненности у него было очень много. Обычный блеск его мысли, острота языка теперь были чарующи под влиянием переживавшегося им чувства. Я не могу забыть нашей поездки в прекрасную сентябрьскую погоду в Гефсиманию, к Черниговской, в Вифанию.⁸ Это была последняя его поездка, это были последние его восторги красотой природы мира — и он жил полною, непередаваемою пересказом, жизнью.

Умер старец Амвросий.⁹ — 22-го октября я приехал к К. Н-чу и пробыл у него три дня. На первый взгляд он был равнодушен к смерти старца.¹⁰ Он будто старался укрепить в окружающих эту мысль о его равнодушии. Но иногда не выдерживал, а после — прямо мне говорил, что «томно без старца», — но всякий раз, высказавшись так, хотел как будто взять назад эти свои слова. Но он положительно был спокоен. Начался спор (уже шел) в «М(осковских) В(едомостях)» с Вл. Соловьевым по поводу реферата «Об упадке средневекового мирозерцания».¹¹ К. Н-ч возбужденно следил за спором. Он возмущался мыслями Вл. Со-

ловьева. Хотел сам вступить в спор и начал уже статью. Но окончанию ее помешал, кажется, я, — сказавши, что большой шум о Соловьеве содействует увеличению его популярности. Написанные 4 страницы он, в мое отсутствие, разорвал (он так сказал мне).

2. Писал ли он что-нибудь о текущих вопросах в последнее время? Не знаю. Только во всяком случае не в Троиц(е)-Сергиеве. Во всякий мой приезд к нему он говорил мне, как рад, что старец благословил ему не писать, если не хочется, разве по большой нужде (денежной), а лучше исправлять прежнее и вообще приводить в порядок¹² что есть. Это К. Н. делал. Знаю, что он обрабатывал свою статью по поводу своей полемики с г. Астафьевым.¹³ Почти знаю, что публицистических начатых работ у него нет (разве по поводу спора «М(осковских) В(едомостей)» с Вл. С. Соловьевым, о чем он сказал, что разорвал, — кстати: он отрекался от Вл. С. Соловьева, говоря: «буди он мне яко язычник и мытарь»;¹⁴ — да еще статья по поводу полемики его с Астафьевым); — начатые романы из русской жизни *есть*, и еще — трепещу мысли, что К. Н-ч не успел изложить свою заветную мысль о взятии Царьграда и государственном устройстве России с Царьградом — центральная и вместе конечная мысль всего его дела. — «Об этом печатать нельзя», говорил он, — «это разве только запиской Самому Государю можно представить». — «Может быть, в посмертных моих записках оставляю».

Со всего имущества К. Н-ча до сих пор не сняты еще печати и завешание его находится в руках судебного пристава.

У меня есть *последние* его строки (писанные в конце октября) — два ответа на два вопроса из области Православно-христианской внутренней жизни человека.¹⁵ Он отвечал одному из своих знакомых, обратившемуся к нему с этими вопросами, и еще с другими, как заметно, на которые покойный или не успел ответить, или эти ответы у него в опечатанных бумагах. Ко мне же последние его строки попали не случайно. Имея иногда обыкновение проверять свои мысли (о религии и жизни религиозной) мнением другого, он иногда читал и мне в подобных случаях или присылал для прочтения — как это было в данном случае; возвратив это я не успел ему, потому что только в ноябре от него получил.

Продолжаю ответ на письмо Вашего Высокопревосходительства дальше. —

3. О сохранении и возвращении писем Вашего Высокопревосходительства к К. Н-чу обратно Вам мне говорила Елизавета Степановна Кроткова, когда я был еще в Троице-Сергиеве; я сообщил об этом племяннице покойного (Марии Владимировне Леонтьевой), которая дождалась в Троице-Сергиеве времени получения вещей покойного и завещания. 21-го ноября я выехал в Москву. Теперь я вторично сообщил об этом желании Вашего Высокопревосходительства душеприкащику покойного К. Н-ча, Николаю Михайловичу Боборыкину.

4. Сообщение о пенсии К. Н-ча за два последние перед его кончиной месяца в сборном нашем письме было неверно (нас ввели в заблуждение), и эту ошибку я торопился исправить письмом Вашему Высокопревосходительству от 14-го ноября (или 15-го?).¹⁶ Похороны были совершены с помощью Н. И. Субботина (профессор М(осковской) Д(уховной) Академии) и Е. С. Кротковой, позаботившихся о могиле для тела покойного, и с помощью средств от Н. М. Боборыкина; — долга не было произведено.

5. Вдова покойного по общему мнению не может быть признана вполне нормально умственно и со времени переезда К. Н-ча к Препод(обному) Сергию жила в прежней его квартире близ Оптиной п(устыни), под наблюдением воспитанницы Леонтьева, а потом и по настоящее время — у племянника покойного: Владимира Владимировича Леонтьева, адрес которого следующий: по Московско-Курской железной дороге станция *Лазарево*, помощнику начальника станции. Опекун над вдовой в завещании, кажется, не обозначена,¹⁷ но по мнению Н. М. Боборыкина, опека необходима. Указания Вашего Высокопревосходительства по поводу нее мною сообщены Н. М. Боборыкину, который таковые уже получил тем же, как и я, путем.

6. О желании Вашего Высокопревосходительства иметь записку о том, что был покойный для Православных церквей, я сообщил Н. М. Боборыкину, который сказал, что надо подумать об этом сообщая (разумея московских друзей покойного). С своей стороны я могу сказать об этом

следующее. Записку могут составить (искренно признающие дело покойного и близкие ему) Анатолий Александрович Александров (приват-доцент М(осковского) И(мператорского) Университета) или Н. М. Боборыкин, или я, автор этого письма. — И многие другие с любовью составили бы ее, но таковые, известные мне, все заняты обязательным делом (по службе). — А. А. Александров занят теперь вопросом о своем материальном положении, который заставляет его ехать в Петербург (по делу о зачислении его в штатные преподаватели Университета). Н. М. Боборыкин, очень занятый своими делами и мало занимающийся литературой (личным участием в ней), едва ли тоже поможет делу. Остаюсь я. Насколько будет по силам мне дело о К. Н-че — публицисте, и насколько позволят мне условия моей неустроенной жизни, я с охотой и любовью готов делать.

а) Но какого рода должна быть нужная записка? Если она должна быть изготовлена для перевода на греческий язык, то, следовательно, должна иметь в себе текст трудов покойного для Православных церквей, — я так думаю. В настоящую пору у меня есть только «Восток, Россия и Славянство» 1 и 2 тт. и «Климент Зедергольм». Подробного списка его трудов у меня нет. Кроме того, считаю нужным сообщить следующее. Некоторые из дальних по расстоянию друзей покойного сообщают свое желание приехать к Препод(обному) Сергию к 40-му дню по кончине К. Н-ча. Я думаю предложить им следующее (как и московским друзьям покойного): чтобы приготовили речи, которыми так или иначе, с той или другой стороны разбирался бы и разрабатывался литературный материал, оставленный покойным, — для популяризации его дела и трудов, с каковою целью все эти речи хорошо было бы напечатать.

б) Не найдете ли, Ваше Высокопревосходительство, удобным, чтобы отложить составление записки, о которой идет речь, — пока исполнится 40-й день кончины покойного К. Н-ча?

в) При этом письме решаюсь представить Вашему Высокопревосходительству речь, сказанную мною при погребении К. Н. Леонтьева³³ (произнесена была в измененном виде): не признается ли удобным напечатать эту речь в каком-нибудь периодическом издании. В «Москов-

ских Ведомостях» редактор не пропустит к напечатанию, для маленьких газет статья велика, с редакциями журналов я не знаком, а вещь имеет больше временный интерес. — Относительно речи я должен сказать несколько примечаний.

Так как Леонтьев К. Н., плотью и кровью воспринявший идею Православия и Русского Царизма, вмещающий в себе поэтому существеннейшие черты русского народа, с большим правом должен быть признан русским *народным* деятелем, чем Пушкин, но далеко не имеет *известности* Пушкина, то в речи необходимо было говорить словами и мыслями Леонтьева, популяризируя их.

Так как движение в Западной Европе к буддизму, а у нас к Христианству действительно ярки, то я много и говорю про это, потому что другие про это мало говорят и тем более, что мысли об этом пугают меня.

Так как приходится иногда слышать нападки *духовных лиц* (иногда и *некоторых*) на «Православие Леонтьева», то я и обращаюсь к *этим* духовным лицам в вызывающем тоне.

Имея честь быть с истинным к Вашему
Высокопревосходительству почтением
Ф. Чуфрин.

Москва, 28 ноября 1891 года.

Адрес: Москва. У Петровских ворот дом № 150/152 127; квартира № 2; ¹⁹ Феодору Павловичу Чуфрину.

¹ Местонахождение неизвестно. Филиппов отвечал на коллективное письмо от 12 ноября и письмо Чуфрина от 13 ноября 1891 г.

² Имеется в виду заметка: Ф. Ч. (Чуфрин Ф. П.). Последние дни К. Н. Леонтьева в Троице-Сергиеве Посаде // Гр. 1891. 20 нояб. № 322. С. 4.

³ Леонтьев выехал в Москву 25 августа 1891 г. (см.: *Преемство от отцов*. С. 324; письмо к о. И. Фуделю от 24 августа 1891 г.), там пробыл два с половиной дня, а 31 августа уже был в Сергиевом Посаде (Там же. С. 326; письмо от 5 сентября). Сначала он планировал свой отъезд на начало сентября (Там же. С. 323; письмо от 8 августа), но старец торопил его.

⁴ Ср.: «Все знавшие изумлялись переменой, происшедшей с ним в самое последнее время. Он стал спокойнее, тише, мягче. Нервность его и раздражительность как бы со-

Автограф: ГАРФ.
Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр.
1024. Л. 6—8 об.
В подготовке текста
к публикации
принимал участие
Г. Б. Кремнев.

всем исчезли» (*Говоруха-Отрок Ю. Н.* Несколько слов по поводу кончины К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: *pro et contra*. Кн. 1. С. 19); «Он был спокоен, радостен, оживлен» (*Поселянин Евг. (Погожев Е. Н.)* Леонтьев. Воспоминания // Там же. С. 197).

⁵ 8 августа (т. е. еще до пострига) Леонтьев писал о. И. Фуделю: «Нужные 300 р. с(еребром) Бог послал» (*Преемство от отцов*. С. 323). Деньги, по благословиению преп. Амвросия, дал Леонтьеву о. Эраст (Выгтропский). См. также с. 58.

⁶ Время первой поездки точно не известно. Вторая состоялась 20—22 сентября 1891 г. (см. примеч. 8). В посланной 14 сентября открытке Чуфрин писал: «Александр приносил письмо Ваше и мы прочитали его вместе. Я хотел тогда же поехать к Вам, но не было денег. Теперь бы поехал, — деньги есть, но ко мне приехали. Собираемся приехать с Ю. Николаевым» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 5).

⁷ Термин христианской аскетики.

⁸ Эта поездка состоялась 22 сентября 1891 г. (устанавливается по письму Леонтьева к Е. С. Фудель от 24 сентября; см.: *Преемство от отцов*. С. 329). Черниговская-Гефсиманская икона — см. примеч. 8 к п. 1 этого раздела. Вифания — приписанный к Троице-Сергиевой Лавре Вифанский скит (или Вифанский Спасов монастырь), основанный архиепископом, впоследствии митрополитом, Платоном (Лёвшиным) в 1783 г.

⁹ Старец Амвросий Оптинский скончался 10 октября 1891 г. Для Чуфрина, спасенного старцем от неверия, «нигилизма», желания самоубийства и ставшего его преданным духовным сыном, кончина духовного отца была настоящей катастрофой.

¹⁰ 20 октября 1891 г. Леонтьев писал племяннику Владимиру: «О кончине батюшки что сказать? Это и так понятно. <...> ...не раз еще, если проживу несколько лет, придется говорить себе: „Да — нет От. Амвросия!“ Но поразить меня эта весть не могла; — ему было 79 лет, и я готовил мысль мою и чувства к этой разлуке давно» (цит. по: 6, 598).

¹¹ Реферат был прочитан в закрытом заседании Московского психологического общества 19 октября, но запрещен к публикации. Леонтьев следил за полемикой с Соловьевым «Московских ведомостей». О реакции Леонтьева на выступление Соловьева см.: *Преемство от отцов*. С. 406—407.

¹² Ср. в письме Леонтьева к о. Иосифу от 10 июля 1891 г.: «Взял у батюшки благословение ничего не писать пока сильно не захочется; и не пишу, ибо ничуть не хочется» (Там же. С. 320).

¹³ Имеется в виду статья «Кто правее?». После решения об окончательном разрыве с Соловьевым, вызванного указанным выше рефератом, Леонтьев начал переделывать свою статью, переадресуя ее Д. Н. Цертелеву.

¹⁴ Мф. 18: 17.

¹⁵ Речь идет о письме, адресованном Л. А. Тихомирову и озаглавленном в посмертной публикации «Письмо К. Н. Леонтьева о старчестве» (см. примеч. 2 к п. 184).

¹⁶ Подразумевается письмо от 14 ноября. См. примеч. 2 к п. 3 этого раздела.

¹⁷ В завещании Леонтьев препоручает «попечение о несчастной жене» Е. В. Самбикиной и кн. А. А. Вяземскому (6₂, 37).

¹⁸ Речь «Над могилой Леонтьева» сохранилась в архиве Филиппова (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1025). Пересказ одного из ее фрагментов включен в упомянутую выше статью Чуфрина «Последние дни К. Н. Леонтьева ...» с заголовком «Оценка К. Н. Леонтьева одним из его близких». Позднее Чуфрин поместил в «Гражданине» статью: К портрету К. Н. Леонтьева (Мысли и воспоминания Ф. Ч.) // *Гр.* 1892. 4 марта. № 64. С. 4; 5 марта. № 65. С. 3—4.

¹⁹ Чуфрин остановился здесь «в третьем этаже» (эту деталь он подчеркивал несколько раз в письмах к Леонтьеву), когда приехал в Москву летом 1891 г.

Список иллюстраций

1. К. Н. Леонтьев. Фотография сер. 1870-х гг.
2. К. Н. Леонтьев. Фотография В. Ф. Мейснера. Козельск, 1889 г.
3. К. Н. Леонтьев. Фотография 1887 г. Литературный музей ИРЛИ
- 4—5. Т. И. Филиппов. Фотография С. А. Левицкого. Петербург, 1870-е гг. На обороте дарственная надпись Н. П. Барсукову: «Дорогому своему другу Николаю Платоновичу приносит Третий Иванович Филиппов. 14 августа 1886 года. С.-Петербург». Литературный музей ИРЛИ. Дарственная надпись публикуется впервые. Адресат установлен публикатором.
6. Т. И. Филиппов. Портрет работы неизвестного художника, написанный для галереи портретов государственных контролеров. Петербург, 1890-е гг. Холст, масло. Литературный музей ИРЛИ. Публикуется впервые.

Список сокращений

Архивохранилища

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГЛМ	Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея (Москва)
ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ЦИАМ	Центральный исторический архив г. Москвы

Печатные источники

<i>Аггеев</i>	Аггеев К., свящ. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909.
<i>Александров</i>	Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915.
<i>Алексеева</i>	Алексеева С. И. «Ржевский мещанин во дворянстве»: История семьи Третья Ивановича Филиппова (по данным отечественных архивов) // Вестник ПСТГУ. <Сер.> II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II: 2 (27). С. 7—27.
<i>В</i>	«Восток» (газета).
<i>ВД</i>	«Варшавский дневник» (газета).
<i>ВЕ</i>	«Вестник Европы» (журнал).

ГМ	«Голос Москвы» (газета).
Гр	«Гражданин» (журнал-газета).
ИВ	«Исторический вестник» (журнал).
ЛН	«Литературное наследство» (издание продолжается).
Материалы	Материалы к книге «Россия без Царя». О Патриархе Вселенском и Союзе Восточном. I. Из писем К. Н. Леонтьева Т. И. Филиппову / <Подгот. текста Р. А. Гоголева и Г. Б. Кремнева> //... И даны будут Жене два крыла: Сб. к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 488—500.
МВед	«Московские ведомости» (газета).
НВр	«Новое время» (газета).
Нестор	«Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) / Подгот. текста, вводная статья и коммент. О. Л. Фетисенко // Нестор: Ежекварт. журн. истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 1. С. 165—204.
ОЗ	«Отечественные записки» (журнал).
Памяти Леонтьева	Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Лит. сб. СПб., 1911.
ПО	«Православное обозрение» (журнал).
Преемство от отцов	«Преемство от отцов»: К. Н. Леонтьев и И. И. Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания / Изд. подгот. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012 (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Прил. Кн. I).
РВ	«Русский вестник» (журнал).
РД	«Русское дело» (газета).
РЛ	«Русская литература» (журнал).
РМ	«Русская мысль» (журнал).
РО	«Русское обозрение» (журнал).
СИ	«Современные известия» (газета).
Соловьев. Письма	Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. (и с предисл.) Э. Л. Радлова. СПб., 1908—1911. Кн. I—III; Соловьев Вл. Письма. Пб., 1923. (Кн. IV).
Фанариоты. I	Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И. С. Аксакова и Т. И. Филиппова (1870—1885) / Вступ.

- ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2006. № 1. С. 115—146.
- Фанариоты. 2.* Фетисенко О. Л. Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». П. Аксаков и Леонтьев // Русская литература. 2006. № 2. С. 146—160.
- Христианство. 4* Фетисенко О. Л. «Как быть с Соловьевым?» // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 398—415.
- Христианство. 5* Фетисенко О. Л. Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян»: (Старец Амвросий и о. Климент (Зедергольм) о богословских сочинениях А. С. Хомякова и Т. И. Филиппова) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 260—295.

Указатель имен

- А. К. («Церковный вестник») 53
- А. О. → Авсеенко В. Г.
- А. С. → Саломон А. П.
- А—т → Петерсен В. К.
- Абаза Александр Аггеевич (1821—1895), государственный деятель, председатель Департамента государственной экономии Государственного совета (1883—1892) 575
- Абаза Николай Саввич (1837—1901), государственный деятель, начальник Главного управления по делам печати (1880—1881) 137, 138, 148, 150, 151, 153—156, 167, 171, 195
- Абдул-Хамид II (1842—1918), турецкий султан (1876—1909) 470, 471
- Абих (урожд. де Гесс) Аделаида, вдова Г. В. Абиха 399
- Абих Герман Вильгельмович (Отто-Вильгельм-Герман; 1806—1886), геолог, академик Императорской Академии наук 399
- Август (Augustus) (до 44 г. до н. э. Гай Октавий, с 44 — Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 27 — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) (63 до н. э. — 14 н. э.), Римский Император (с 27 до н. э.)
- Августин Блаженный (Aurelius Augustinus, Аврелий Августин) (354—430), св., епископ Иппонийский, отец Церкви, богослов, философ, писатель 394
- Авдеев Николай Васильевич (? — ок. 1884), московский купец, владелец дома в Денежном пер., где в 1883—1887 гг. жил К. Н. Леонтьев 290
- Авдеева Анна Николаевна, дочь Н. В. Авдеева, домовладелица 287, 290, 299, 364
- Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905), драматург, прозаик, литературный критик 86, 89, 102, 603
- Авраам, св. праотец 150, 206, 207, 340, 341
- Авсеенко Василий Григорьевич (псевд. — А. О.; 1842—1913), прозаик, литературный критик, редактор газ. «Санкт-Петербургские ведомости» (1883—1896) 87, 280, 318, 319, 324, 327, 371, 392, 393, 411, 417, 442, 458, 459
- Аггеев Константин Маркович (1868—1919), священник, богослов 33, 300, 656
- Адам, праотец 359
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), славянофил, публицист, поэт, ред. журн. «Русская беседа» (1858—1859), издатель газ. «День» (1861—1865), «Москва» (1867), «Москвич» (1868), «Русь» (1880—1886), общественный деятель, председатель Славянского комитета (Славянского благотворительного общества) (до 1878), председатель правления Московского купеческого общества взаимного кредита (с 1874) 12, 15—18, 25, 26, 28, 30, 33, 42, 55, 59, 60, 66, 81, 84, 87, 88, 90, 91, 118, 192, 195, 197,

- 203, 208, 209, 217, 218, 222, 241, 275, 278, 283, 284, 297, 301, 324, 330, 332, 366, 367, 380, 381, 383, 384, 402, 415, 442, 476, 477, 480, 502, 543, 574, 575, 623, 657, 658
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), славянофил, публицист, историк, лингвист, поэт; брат И. С. Аксакова 384
- Аксаков Николай Петрович (1848—1909), публицист, литературный критик, писатель славянофильского направления, сотрудник газ. «Русское дело», «Русский труд», журн. «Благовест» 26
- Аксакова (урожд. Тютчева) Анна Фёдоровна, дочь Ф. И. Тютчева, жена И. С. Аксакова (с 1866), издательница его сочинений 330, 332
- Аксаковы, семья 301, 332
- Александр → Пронин А. Т.
- Александр I Павлович (1777—1825), российский император (с 1801) 525
- Александр II Николаевич (1818—1881), российский император (с 1855) 97, 122, 157, 178, 192, 196, 297, 508
- Александр III Александрович (1845—1894), российский император (с 1881) 23, 30, 31, 46, 133, 144, 175, 204, 219, 238, 240, 252, 259, 272, 293, 306, 341, 348, 369, 377, 379, 381, 399—401, 403, 404, 406, 407, 413, 414, 422, 424, 427, 428, 444, 446, 449, 478, 480, 481, 509, 532, 534, 544—546, 549, 550, 560, 577, 581, 582, 586, 608, 609, 616, 617, 621—624, 626, 649
- Александр Баттенберг (Battenberg) (1857—1893), принц Людвиг-Александр фон Баттенберг, князь Болгарии (1881—1886) 111, 367, 620
- Александр Невский (1220—1263), св. блгв. князь (память 23 нояб. (6 дек.) и 30 авг. (12 сент.)) 273, 417, 419, 429, 497
- Александр Обренович (Обреновић) (1876—1903), сербский король (с 1889), последний из династии Обреновичей; убит сторонниками династии Карагеоргиевичей 533
- Александра Фёдоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина; 1798—1860), императрица (с 1825); дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма, с 1817 жена вел. кн. Николая Павловича, впоследствии имп. Николая I 132
- Александров Анатолий Александрович (1861—1930), филолог, поэт, литературный критик, публицист, сотрудник газ. «Русское дело» и «Московские ведомости», редактор журн. «Русское обозрение» (1892—1898) и газ. «Русское слово» (1895—1898), приват-доцент Московского университета (1892—1898); ученик К. Н. Леонтьева, издатель его писем; в 1911 г. подготовил отдельное издание его статьи «Анализ, стиль и веяние» 5, 25, 26, 47, 61, 198, 302, 303, 401, 402, 404, 411, 440, 456—458, 462, 467, 469, 471, 472, 488—491, 502, 505, 526, 527, 538, 543, 561, 573, 586, 589, 590, 603, 644—646, 651, 653, 656

Александрова Авдотья Тарасовна
(1860-е — кон. 1930-х), жена
А. А. Александрова 527

Александровы, семья 457

Алексеева Светлана Ивановна 8, 56, 133,
290, 656

Алексей → Алексей (Лавров-Платонов),
архиепископ

Алексей Михайлович (1629—1676), рус-
ский царь (с 1645) 226, 227

Алексий (в миру Александр Федорович
Лавров-Платонов; 1829—1890), ар-
хиепископ Литовский и Виленский;
проф. канонического права Москов-
ской духовной академии (с 1864),
член комиссии по преобразованию
духовного суда (1872); овдовев, при-
нял в нояб. 1877 монашество; епископ
Можайский, второй викарий Москов-
ской епархии (с 1878), епископ Дми-
тровский, первый викарий Московской
епархии (с 1882), епископ Тавриче-
ский и Симферопольский (9 марта —
10 мая 1885), епископ (с 11 мая 1885),
а с 20 марта 1886 г. архиепископ Ли-
товский и Виленский, публицист, ав-
тор статей против реформы духовно-
го суда, член Славянского благотвори-
тельного общества 24, 47, 144, 146,
148, 178, 181, 183, 184, 188, 190, 191,
196, 226, 227, 535, 540, 601, 603, 604,
609, 610

Алексий (Алексей Павлович Турбин;
1856 — ?), отставной губернский сек-
ретарь; послушник Оптиной пустыни
(с 1883); впоследствии студент Санкт-

Петербургской духовной академии
359, 361, 362, 369, 640

Алмазов Борис Николаевич (1827—
1876), поэт, переводчик 555

Аловерт (Алаверт) Николай Павлович
(1847 — после 1917), журналист,
прозаик, издатель, ред. журн. «Ого-
нек» (1878—1886) 232, 234

Амвросий (в миру прот. Александр Иоси-
фович Ключарев; 1820—1901), еп.
Дмитровский, первый викарий Мо-
сковской епархии (1878—1882), еп.
Харьковский и Ахтырский (с 1882),
с 1886 в сане архиепископа, духовный
писатель, известный проповедник 24,
28, 146, 148, 183, 196, 508, 510

Амвросий Оптинский (в миру Александр
Михайлович Гренков; 1812—1891),
преп., иеросхимонах, ученик старцев
Льва и Макария Оптинских, старец
Оптиной пустыни, основатель Ша-
мординского монастыря, канонизи-
рован в 1988 г. 14, 39, 48—50, 53, 57,
58, 67, 89, 102—104, 107, 123, 124,
156—158, 161, 164, 166, 181, 281, 287,
288, 291, 304, 311, 321, 322, 325, 328,
337, 347, 350, 352—354, 358—363,
377, 400, 403, 425, 428—431, 435,
439—441, 446—448, 450, 452, 453,
456, 457, 466, 473, 480, 483, 495, 507,
509, 515, 516, 518—520, 524, 526—
529, 531, 539, 548, 549, 551, 552, 557,
565, 567, 568, 570, 571, 574, 577, 579,
580, 582—585, 587, 596, 598, 601,
605—607, 612, 614, 617, 622, 623, 626,
629, 640, 641, 648, 653, 658

- Анатолий Оптинский (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов; 1824—1894), преп., иеросхимонах, ученик старцев Макария и Амвросия, скитоначальник (с 1874), духовник Шамординского монастыря; причислен к лику местночтимых святых в 1996 г. и всероссийских — в 2000 г. 49, 104, 107, 281, 304, 311, 347, 441, 446, 447, 450, 452, 453, 473, 480, 483, 507, 509, 524, 548, 565, 567, 617
- Андрей Критский (VII в.), преп., Отец Церкви, гимнограф 308, 407, 500, 617
- Андросов Михаил, управляющий домом Н. В. Авдеева 290
- Анна, св., мать Пресвятой Богородицы 101
- Анненков Павел Васильевич (1813 или 1812 — 1887), литературный критик, мемуарист 93, 94, 257
- Антоний (в миру Андрей Гавриилович Медведев; 1792—1877), архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры (с 1831), духовник св. Филарета Московского; канонизирован в 1998 г. 321, 328
- Антоний Оптинский (в миру Александр Иванович Путилов; 1795—1865), преп., схиигумен, младший брат преп. Моисея Оптинского, в Оптиной пустыни с 1821 г., скитоначальник (с 1825), настоятель Малоарославского Николаевского Черноостровского монастыря (1839—1853), с 1853 г. жил на покое в Оптинском скиту; причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. 223, 347, 362, 364, 473
- Антоний (в миру Алексей Петрович Храповицкий; 1863—1936), иеромонах, инспектор Санкт-Петербургской духовной академии (1889); впоследствии (с 1918) митрополит Киевский и Галицкий, первоиерарх Русской Православной Церкви за границей; богослов, публицист, общественный деятель 51, 53, 54, 59, 642, 644
- Антропов Лука Николаевич (1841 или 1843 — 1881), драматург, критик 89
- Анфим (IV в.), архиепископ Тианский; арианин 625
- Анфим VI (Иоаннидис; 1772—1878), Вселенский патриарх (1845—1848, 1853—1855, 1871—1873) 482
- Апухтин, знакомый М. И. Бологовской и К. Н. Детловой 297, 301
- Аристов Павел Иванович, публицист, поэт, сотрудник газ. «Русское дело», журн. «Благовест» 514
- Архипов Яков, сторож Московского цензурного комитета 599, 604
- Асени, династия болгарских царей в 1187—1280 гг. 368
- Астафьев В., председатель петербургского Общества для распространения Св. Писания 533
- Астафьев Петр Евгеньевич (1846—1893), философ, публицист, литературный критик, профессор Катковского лицея, заведующий университетским отделением лицея, цензор Московского цензурного комитета (с 1885)

- 5, 28, 42, 68, 198, 217, 218, 231—234, 237, 239, 250—256, 258, 260, 261, 264, 289, 292, 303, 306, 344, 382, 392, 393, 462, 494, 496, 497, 590, 591, 639, 649
- Астион (в миру Авраамий Лодыгин; 1834 — после 1908), иеродиакон (с 1890) Оптиной пустыни, которому Леонтьев оставил в 1891 г. доверенность на получение пенсии; в 1893 г. перешел в Боровский Пафнутьев монастырь, где в 1894 г. рукоположен в иеромонаха; с 1904 г. наместник Боровского монастыря 646, 647
- Ахлестышева, московская домовладелица 268
- Ахматов Алексей Петрович (1817—1870), государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода (1862—1865) 13
- Ашинов Николай Иванович (1856 — после 1906), политический авантюрист, организовавший три экспедиции в Абиссинию 533, 534, 540, 543
- Базили Константин Михайлович (1809—1884), дипломат, писатель 111, 112
- Байрон (Вугон) Джордж-Нозл-Гордон (1788—1824), английский поэт 338, 339, 611, 612
- Балабанов Марко Димитров (1837—1921), болгарский политический деятель и писатель, издатель газ. «Век»
- Балакирев Милий Алексеевич (1837—1910), композитор, дирижер, управляющий Придворной певческой капеллой (1883—1894) 73
- Бальзак (Balsac) Оноре де (1799—1850), французский прозаик 92
- Барсуков Александр Платонович (1839—1914), историк, археограф, брат Н. П. Барсукова 232, 234
- Барсуков Николай Платонович (1838—1906), историк, архивист, биограф М. П. Погодина 9, 41, 229—232, 234, 246, 248, 261, 291, 655
- Бартенев Петр Иванович (1829—1912), историк, археограф, библиограф, ред.-изд. журн. «Русский архив» (с 1863) 12, 189, 203
- Баттенберг → Александр Баттенберг
- Бахметьев Николай Николаевич (1847—1902), секретарь редакции журн. «Русская мысль» 273—275
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик, публицист 392, 394, 492
- Белинский Михаил Адрианович, московский врач, коллежский советник 344, 346
- Белкина Ольга Александровна 38
- Беляев, неустановленное лицо 250
- Берг Николай Васильевич (1824—1884), поэт-переводчик, журналист, историк, ред. газ. «Варшавский дневник» (1874—1879) 81, 82, 85, 86, 90, 125, 129
- Берг Федор Николаевич (1840—1909), прозаик, публицист, поэт, ред. журн. «Нива» (1878—1887), «Русский вестник» (1887—1895) 17—19, 77, 79, 82—84, 86, 87, 91, 93, 96, 141, 144, 164, 168, 169, 203, 221, 223, 232, 234,

- 318, 324, 327, 369, 371, 372, 382, 386, 388, 389, 393, 411, 415—417, 442, 464, 501, 507, 569, 571, 572, 576, 591, 598—600, 603, 613, 622
- Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898), филолог, фольклорист, этнограф, профессор Харьковского университета (с 1879) 433
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), историк, акад. Имп. Академии наук (1890); в 1878—1882 гг. возглавлял петербургские Высшие женские курсы, получившие впоследствии его имя 18, 19, 72, 73, 83, 87, 131
- Бисмарк (Bismark) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815—1898), князь, рейхсканцлер Германской Империи (1871—1890) 28, 460, 469, 470, 476, 477, 490, 491, 585, 589
- Благово, чиновник Московской контрольной палаты 578
- Благодетель Григорий Евлампиевич (1824—1880), журналист, публицист, редактор журн. «Русское слово» (1860—1866. № 1) и «Дело» (1866—1880) 12
- Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891), графиня, камер-фрейлина имп. Марии Александровны, дочь гр. Дмитрия Николаевича Блудова (1785—1864) 117, 119, 134
- Бобарыкин (Боборыкин) Николай Михайлович, московский нотариус, издатель журн. «Русское обозрение» (1890—1892), козельский помещик, друг и душеприказчик Леонтьева 166, 333, 569, 596, 597, 643, 650, 651
- Богданович (урожд. Бутовская) Александра Викторовна (? — 1914), жена генерала от инфантерии Евгения Васильевича Богдановича (1829—1914), хозяйка салона в Петербурге; автор дневника 8
- Боде, барон, возможно, имеется в виду археолог бар. Михаил Львович Боде-Кольчев (1824—1888) 41, 264
- Бодянский Осип Михайлович (1808—1877), филолог, историк, ред. журн. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», член-корр. Имп. Академии наук (1854) 273
- Бокль Генри-Томас (1821—1862), английский историк и социолог-позитивист 274
- Бологовская (урожд. Киреевская) Мария Ивановна (1846 — ?), дочь И. В. Киреевского 285, 286, 290, 295, 298, 299, 301, 492, 493
- Бонапарты (Bonaparte), династия 491
- Борис Годунов (1552—1605), русский царь (с 1598) 486
- Борисов Иван Павлович, сельский учитель в Козельском уезде 109, 113, 114
- Бочаров Сергей Георгиевич 37, 38
- Боченков Виктор Вячеславович 13, 73, 348
- Брайт (Bright) Джон (1811—1889), английский государственный деятель либеральной ориентации, занимавший

- министерские посты в кабинетах У.-Ю. Гладстона 132, 133
- Брайт (Bright) (в замужестве Брайт Кларк) Хелен (1840—1927), английская суфражистка; дочь Дж. Брайта от его первой жены Элизабет Пристман (? — 1841) 132
- Будилович Антон Семенович (1846—1908), филолог-славист, ординарный профессор русского и церковно-славянского языков Варшавского университета, публицист 451
- Булах Н. А. (1823 или 1824 — ?), вдова надворного советника, гувернантка А. В. Мазуриной, державшая ее в корыстных целях в изоляции от общества, доведшая ее до слабоумия и распоряжавшаяся ее капиталами; приговорена в 1884 г. к ссылке в Сибирь 268, 447, 449, 453, 454
- Булыгин Александр Григорьевич (1851—1919), государственный деятель, выпускник Училища правоведения (1871), чиновник по особым поручениям при саратовском губернаторе (с 1873), зарайский уездный предводитель дворянства (1881—1887), тамбовский вице-губернатор (1886), калужский губернатор (1887—1893), московский губернатор (1893—1902), помощник московского генерал-губернатора (1902—1904), член Государственного Совета (с 1905), министр внутренних дел (1905), главноуправляющий собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям Императрицы Марии (с 1913), обер-шенк (1916), статс-секретарь; расстрелян рязанской ГубЧК 556, 566
- Бунге Николай Христианович (1823—1895), экономист, академик, государственный деятель, министр финансов (1881—1886), председатель Комитета министров (с 1887) 368, 369, 379, 380, 389, 624
- Бурбоны (Bourbons), королевская династия во Франции, Испании, Королевстве обеих Сицилий 445
- Буренин Виктор Петрович (псевд. — Х. Цередринов; 1841—1926), литературный и театральный критик, поэт, сотрудник газ. «Новое время» 416
- Бутчик Павел Тимофеевич, действительный статский советник, начальник калужской губернской почтовой конторы (1881—1883), директор Калужского Общества взаимного кредита 553—555
- Бывший сотрудник «Московских ведомостей» (Гр) 477
- Бычков Афанасий Федорович (1818—1899), историк-археограф, библиограф, палеограф, академик Имп. Академии наук (1869), правитель дел Археографической комиссии (1865—1873), помощник директора, а с 1882 г. директор Императорской Публичной библиотеки, председательствующий в Отделении русского языка и словесности Академии наук (с 1893) 71, 393, 395

В. → Эберман В. М.

Валент II (Флавий Юлий Валент, Flavius Julius Valens) (328—378), римский император (с 364); арианин 625

Валленрод Конрад фон (Konrad von Wallenrode) (между 1330 и 1340 — 1393), великий магистр Тевтонского ордена (1391—1393) 210, 332

Валуев Петр Александрович (1815—1890), граф (с 1880), государственный деятель, председатель Комитета министров (1879—1881) 137, 138

Ванновский Петр Семенович (1822—1904), генерал от инфантерии (1883), государственный деятель, военный министр (1881—1901), министр народного просвещения (1901) 608, 609, 611

Варнава (Иосия) (I в.), св. апостол (память 11 (24) июня и в Соборе 70 апостолов — 4 (17) янв.) 524

Варнава Гефсиманский (в миру Василий Ильич Меркулов; 1831—1906), преп., иеросхимонах, старец Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой лавре 60, 267, 301, 322, 431

Варсонофий (Варсануфий) Великий (кон. V — нач. VI в.), преп. (память 6 (19) февр.) 287, 290, 338, 516, 589

Варя → Пронина В. Л.

Василий, коридорный в «Лоскутной» гостинице 165

Василий Великий (ок. 329—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, Вселенский Отец и Учитель Церкви (память 1(14) янв. и в Соборе Трех

святителей — 30 янв. (12 февр.)) 240, 621, 625

Васильев Александр Петрович (1868—1918), священник (с 1892), протоиерей (с 1913); из смоленских крестьян, ученик Татевской школы С. А. Рачинского, окончил Вифанскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию (1893); первый настоятель царскосельского Феодоровского собора (1913), пресвитер собора Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце, духовник Царской семьи; расстрелян 541

Васильев Афанасий Васильевич (1851—1929), публицист, общественный деятель, секретарь Славянского благотворительного общества, неофициальный редактор панславистского журн. «Благовест» (1890—1891) 26

Васильев Иосиф Васильевич (1821—1881), протоиерей, настоятель посольской церкви в Париже (с 1846), изд. (совместно со свящ. Владимиром Гетте) журн. «L'Union chrétienne» («Христианское единство»), председатель Учебного комитета Св. Синода (с 1867) 13, 225—227

Васильев Николай Васильевич (1840-е — ?), публицист, с 1860-х гг. сотрудник «Московских ведомостей», ред.-изд. газ. «Голос Москвы» (1885); в 1870-е гг. — бухгалтер и библиотечник Практической академии коммерческих наук 25, 279, 282, 286, 502, 505, 506

- Васильев С. → Флеров С. В.
- Веригин Сергей Константинович (1868—1838), священник (с 1888, с 1905 — протоиерей), студент Московской духовной академии, один из молодых друзей К. Н. Леонтьева, участвовал в его отпевании; в 1907 г. перешел в католичество, настоятель русской католической церкви S. Lorenzo ai Monti в Риме (1910—1931) 642, 644, 646
- Верховский Иоанн Тимофеевич (1818—1891), протоиерей, историк старообрядчества, публицист, настоятель петербургской единоверческой Никольской церкви на Захарьевской ул.; в 1885 г. бежал из России и присоединился к старообрядцам Белокриницкой иерархии, хотя и не перешел в эту юрисдикцию официально, Св. Синодом в том же году был лишен сана; незадолго до смерти вернулся в Россию 73
- Веселаго Феодосий Федорович (1817—1895), историк русского флота, инспектор Московского университета (1854—1859), исправляющий должность помощника попечителя Казанского учебного округа, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (с 1860) 139, 140, 393
- Виктор-Эммануил (Vittorio-Emmanuele) II (1820—1878), первый король объединенной Италии 165
- Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903), живописец, профессор батальной живописи Императорской Академии художеств, создатель жанровых картин на сюжеты Отечественной войны 1812 г. 315, 327
- Вильгельм (Wilhelm) I Гогенцоллерн (1797—1888), германский император (с 1871) 413, 499
- Вильгельм (Wilhelm) II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918) 585
- Вильде-Вальде → Виллевальде Б. П.
- Виноградов Игорь Алексеевич 493
- Виноградова Елена Валентиновна 624
- Виталий (в миру Василий Александрович Иосифов; 1831—1892), епископ Тамбовский (1885—1890), Калужский и Боровский (1890—1892) 601, 604
- Владимир (? — 1015), св. равноап. великий князь, креститель Руси (память 15 (28) июля) 442
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский (с 1113) 53
- Владыкин, дядя Н. А. Уманова 462
- Вовчок Марко (наст. имя и фам. — Мария Александровна Вилинская-Маркович) (1833—1907), прозаик 92, 94
- Вогюэ (Vogue) Эжен-Мелькиор де (1848—1910), виконт, французский писатель и литературный критик 287, 288, 291, 637, 638
- Водовозов Василий Иванович (1825—1886), педагог, автор учебников и книг для народного чтения 113
- Волженский П. → Денисов Я. А., Уманов Н. А.

- Волконская Елизавета Григорьевна (1838—1897), княгиня, писательница, идеолог русского католического движения; на ее средства издан 1-й том книги Вл. С. Соловьева «История и будущность теократии» 509
- Волчанинов М. Г., с сер. 1884 г. владелец типографии в Москве (б. Типография М. Н. Лаврова и К^о) 282, 284
- Вольнов Иван, хозяин дачи в Мазилово под Кунцевым 280, 285
- Воронич Климент Иванович (1849—?), публицист, цензор Московского цензурного комитета (1885—1889), в 1889 и 1891—1897 гг. чиновник для особых поручений при Главном управлении по делам печати, в 1890 г. отдельный цензор по внутренней цензуре в Одессе 396, 398
- Воронцов-Вельяминов Павел Николаевич (1828—1880), цензор Московского цензурного комитета с 1871 г. 315
- Воропаев Владимир Алексеевич 493
- Воскобойников Николай Николаевич (1838—1882), публицист, сотрудник «Московских ведомостей» 159, 165, 432, 448
- Вревский (до 1872 г. Терский) Николай Ипполитович, барон, петербургский гомеопат, целитель; незаконный сын бар. И. А. Вревского (1813—1858), записанный в метрике как его воспитанник (И. А. Вревский и сам был незаконным сыном кн. А. Б. Куракина); в 1872 г. сыновьям И. А. Вревского было разрешено принять фамилию и титул их «воспитателя» 612, 615
- Вытропский Э. К. → Эразм (Вытропский)
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), государственный деятель, министр финансов (1 янв. 1887 — 30 авг. 1892), сторонник политики протекционизма 28, 341, 342, 389, 393, 395, 396, 401, 415, 422, 425, 532, 533, 550
- Вяземский Алексей Алексеевич, князь, председатель управы, уездный предводитель дворянства Козельского уезда (1881—1883), председатель земской управы Козельского уезда, земский начальник (1889) 557, 568, 579, 654
- Вяземский Павел Петрович (1820—1888), князь, государственный деятель, начальник Главного управления по делам печати (1881—1882), историк литературы, археограф; сын кн. П. А. Вяземского 181, 183—186, 194, 202, 210, 234, 245, 247
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт, критик, мемуарист 304
- Габсбурги (Habsburger), австрийская правящая династия (с 1282 герцоги, с 1453 эрц-герцоги, в 1804—1918 гг. императоры) 621
- Гагарин Константин Дмитриевич (1841—1916), князь, государственный деятель, калужский вице-губернатор (сер. 1870-х — 1878), тифлис-

- ский (1878—1883), а затем рязанский (1883 — 1 янв. 1886) гражданский губернатор, товарищ министра внутренних дел (1886—1889), приятель и корреспондент Леонтьева 197, 323, 324, 328, 329, 334, 346, 348, 349, 351—353, 356, 364—367, 369—371, 373, 375, 376, 378, 382, 388, 389, 394, 399—401, 404, 405, 407, 408, 412, 413, 417—422, 424—426, 435, 539, 540, 619, 625
- Гагарина (урожд. Аргиропуло) Елена Алкивиадовна (1849—1909, по др. свед. 1915), княгиня, жена кн. К. Д. Гагарина 328
- Гаевский Виктор Петрович (1826—1888), библиограф, историк литературы, литературный критик, чиновник Министерства народного просвещения (до 1862) 527
- Гальперсон (урожд. Эпштейн) Анна Михайловна (псевд. — М. А.; 1856—1902), журналист, критик, заведующая редакцией газ. «Современные известия» (1883—1887) 388, 514
- Гамбетта (Gambetta) Леон-Мишель (1838—1882), французский государственный деятель 28, 110, 132, 133, 240
- Гамбургер Андрей Федорович (1821—1899), дипломат, личный секретарь министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, чрезвычайный посланник и полномочный министр при Швейцарском союзе (1879—1896), начальник архива канцелярии МИД, статс-секретарь 21, 97, 100, 103
- Ганеман (Hahnemann) Кристиан-Фридрих-Самуэль (1755—1843), немецкий врач, основатель гомеопатии 207
- Гартман (Hartmann) Эдуард фон (1824—1906), немецкий философ-идеалист 37, 40, 195, 267, 268, 327, 584, 589
- Гегель (Hegel) Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831), немецкий философ 575
- Гедеон, прав., судья израильский (память в Соборе св. праотцев) 276
- Генкин Михаил, козельский земский и городской врач 255, 355
- Генрих (Heinrich) IV (1050—1106), германский король, император Священной Римской Империи 404
- Георгиевский Александр Иванович (1830—1911), педагог, государственный деятель, ред. «Журнала Министерства народного просвещения» (1866—1870) 598
- Георгий Победоносец (? — 303), св. вмч. (память 23 апр. (6 мая)) 444
- Герасим, монах, благочинный Оптиной пустыни (с 1890) 605
- Герцен Александр Иванович (1812—1870), публицист, издатель, прозаик, общественный деятель 53, 516, 521
- Гец Файвель Бенцилович (1850—1931), писатель, публицист, общественный деятель; приятель Вл. С. Соловьева 427
- Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель 336, 338, 339

- Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), фольклорист, историк 132
- Гиляров Федор Александрович (1841—1895), публицист, издатель; племянник Н. П. Гилярова-Платонова 33, 196
- Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), публицист, философ, изд. газ. «Современные известия» (1867—1887) 24, 33, 67, 118, 192, 196, 204—206, 208, 209, 296, 297, 300, 389, 479, 482, 510, 543
- Гинцбург Николай Семенович (1867 — после 1932), переводчик Горация 593
- Гирс Николай Карлович (1820—1895), государственный деятель, дипломат; посланник в Персии (1863—1869), посланник в Швейцарии (1869—1872), посланник в Стокгольме (1872—1875), управляющий Азиатским департаментом на правах директора (2 дек. 1875 — 28 марта 1882), товарищ министра иностранных дел (в те же годы), министр иностранных дел (с 1882) 28, 97, 99, 101, 102, 112, 162, 219, 415, 473, 622, 626
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857), композитор 280
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт, прозаик, драматург 126, 127
- Глинский Борис Борисович (1860—1917), публицист, прозаик 549
- Гнедич Николай Иванович (1784—1833), переводчик, поэт, драматург 524
- Говоруха-Отрок Юрий Николаевич (псевд. — Ю. Николаев; 1850—1896), литературный критик, прозаик 521, 599, 603, 604, 653
- Гогенцоллерны (Hohenzollern), династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918) 621
- Гоголев Роман Александрович 657
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), прозаик, драматург 10, 21, 28, 84, 88, 90, 92, 217 («Вий»), 228, 408, 489, 491—493, 496, 497, 512, 514, 523 («Ревизор»), 524, 543
- Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), граф, поэт, прозаик, драматург, государственный деятель, почетный академик Императорской Академии наук (1909) 598, 599, 603
- Голиаф (библ.) 404
- Голицын Владимир Михайлович (1847—1932), князь, московский губернатор (1887—1891); зять Н. Д. Деянова, владелец имения Железники Калужской губ. 629
- Голицын Николай Николаевич (1836—1893), князь, государственный деятель, подольский вице-губернатор (1872—1875), член Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в Империи законов под председательством гр. К. И. Палена (1883—1888), член Совета Крестьянского земельного банка (1890), историк, библиограф, публицист, ред. газ. «Варшавский дневник» (1880—1883) 122, 124—126, 128—133, 138,

- 141, 142, 145, 150, 154, 163, 182, 267, 313, 372, 377, 382, 432, 437, 450, 460, 463, 464, 468, 469, 484, 557, 558, 562, 563, 586, 638
- Голицын Николай Николаевич (1870—1910), князь, сын кн. Н. Н. Голицына 562
- Голицына Александра Владимировна (1831—1890), княжна, благотворительница, основательница Скорбященского монастыря в Москве, душеприказчица гр. А. Г. Толстой 549
- Голицына (урожд. гр. Толстая) Анна Матвеевна (1809—1897), княгиня, теща гр. Н. П. Игнатьева 219
- Голицына (в замуж. Пушкина) Варвара Николаевна (1873—1931), княжна, дочь кн. Н. Н. Голицына 562
- Голицына Евгения Александровна (1852—1919), княгиня, дальняя родственница и жена (с 1869) кн. Н. Н. Голицына, инспектриса Смольного института, начальница Ксенинского института 562
- Головин Александр Васильевич (1821—1886), государственный деятель, министр народного просвещения (1861—1866) 254
- Голохвастов (Голохвостов) Павел Дмитриевич (1838—1894), общественный деятель 223, 224
- Гомер (VIII в. до н. э.), древнегреческий поэт 523 («Илиада»), 524, 598, 603
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891), прозаик, мемуарист 312—314
- Гораций (Horatius, Квинт Гораций Флакк) (65 до н. э. — 8 н. э.), древнеримский поэт 139, 237, 239, 592 (Послания), 593
- Горбов Николай Михайлович (1859—1921), педагог, последователь С. А. Рачинского, публицист, автор учебников по русской истории 541
- Горбунов Иван Федорович (1831—1895), актер Александринского театра, прозаик, мастер устного рассказа 9
- Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, государственный деятель, министр иностранных дел (1856—1882), канцлер (с 1867) 14, 28, 96, 97, 99, 101, 102, 368, 525
- Градовский Александр Дмитриевич (1841—1889), историк права, публицист, сотрудник газ. «Голос» 132, 133
- Грамматчиков Сергей Александрович, коллежский советник, чиновник Государственного контроля, помощник генерала-контролера Департамента железнодорожной отчетности, литератор 26
- Греви (Grévy) Франсуа-Жюдит-Поль-Жюль (1807—1891), французский политический и государственный деятель, президент Французской республики (1879—1887) 110
- Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887), государственный деятель; товарищ министра финансов (с 1866), государственный контролер (1874—1877), министр финансов (1878—1880); один из покровителей Филиппова 101, 132, 133, 219

- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829), драматург, дипломат 522 («Горе от ума»), 524, 543 («Горе от ума»)
- Григорий VI (в миру Георгий Фуртуниадис; 1798—1881), Вселенский патриарх (1835—1840, 1867—1871) 16, 79, 106, 191
- Григорий (Gregorius) VII Гильдебранд (между 1015 и 1020 — 1085), Папа Римский (с 1073), инициатор реформ, направленных на укрепление Католической Церкви 404
- Григорий Богослов (ок. 329—389), св., Вселенский Отец и Учитель Церкви (память 25 янв. (7 февр.) и в Соборе Трех святителей — 30 янв. (12 февр.)) 32, 625, 633
- Григорий (в миру Николай Иванович Борисоглебский; 1867—1893), иеромонах (впоследствии архимандрит), студент Московской духовной академии, духовный сын преп. Амвросия Оптинского; знакомый К. Н. Леонтьева, участвовал в его отпевании 644, 646
- Григорий Нисский (ок. 335 — после 394), св., Отец Церкви; младший брат св. Василия Великого (память 10 (23) янв.) 625
- Григорий Палама, архимандрит, настоятель петербургской церкви св. Димитрия Солунского 172
- Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), поэт, литературный критик, мемуарист 6, 9, 10, 81, 504
- Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), востоковед, проф. С.-Петербургского университета, редактор «Правительственного вестника» (1869—1870, 1874—1880), начальник Главного управления по делам печати (1874—1880) 132, 133, 137—139
- Грингмут Владимир Андреевич (псевд.: Р. К., Spectator; 1851—1907), педагог, публицист, ред. газ. «Московские ведомости» 295, 296, 300, 391—394, 396, 397, 405, 460, 461, 481, 503, 506, 530, 531, 547, 548, 561, 578, 614, 615, 619, 625, 638
- Грингмуты, семья 503
- Грот Яков Карлович (1812—1893), филолог, академик Имп. Академии наук (1856) 219, 393
- Губастов Константин Аркадьевич (1845—1919), дипломат, мемуарист, коллекционер, член-учредитель Русского генеалогического общества (1897), друг К. Н. Леонтьева 5, 16, 19, 42, 62—64, 72, 75, 87, 88, 96, 103, 104, 121, 123, 124, 127, 128, 141, 143, 144, 146, 157, 163, 165, 166, 172, 182, 239, 271, 287, 288, 290—292, 343, 405, 406, 520, 521, 529, 531, 563, 564
- Гюббенет Адольф Яковлевич (1830—1901), государственный деятель, в 1870-е — 1880-е гг. директор департамента государственного казначейства, министр путей сообщения (1889—1892), статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор (с 1885) 222, 223

- А. → Даскалов Х. К.
 Д. М. → Минаев Д. Д.
 Давид (Х в. до н. э.), царь и пророк 510
 Даль Владимир Иванович (1801—1872),
 лексикограф, прозаик 5, 292, 394
 Данилевский Григорий Петрович
 (1829—1890), прозаик, поэт, критик,
 ред. газ. «Правительственный вест-
 ник» (с июня 1881) 183, 371, 373,
 403
 Данилевский Николай Яковлевич
 (1822—1885), философ, публицист,
 естествоиспытатель 49, 54, 112, 274,
 278, 302—304, 306, 307, 460, 494—
 497, 499, 500, 503, 504, 507, 514, 517,
 521, 560, 625
 Данилова Людмила Сергеевна 89
 Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—
 1321), итальянский поэт 542
 Дантес (Dantès, d'Anthès) Жорж-Шарль
 (1812—1895), барон де Геккерен,
 убийца А. С. Пушкина 431
 Дарвин (Darwin) Чарлз-Роберт (1809—
 1882), английский естествоиспыта-
 тель 26, 128
 Даскалов Христо (псевд. — Д.; ок.
 1820 — после 1861), болгарский врач,
 публицист 16
 Деллингер (Dellinger) Игнатий (1799—
 1890), немецкий богослов и историк
 Церкви, основатель старокатоличе-
 ского движения 144
 Дельвиг Антон Антонович (1798—1831),
 барон, поэт 531
 Деянов Иван Давыдович (1818—1897),
 граф (с 1888), государственный дея-
 тель, директор Императорской Пуб-
 личной библиотеки (1861—1865),
 товарищ министра народного просве-
 щения (1866—1874), министр народ-
 ного просвещения (1882—1897) 28,
 219, 277, 324, 357—363, 369, 373—
 375, 378—381, 397, 399—401, 403,
 404, 422, 425, 431, 433, 435, 436,
 457, 478, 502, 505, 523, 524, 539,
 561, 629
 Деянов Николай Давыдович (1816—
 1897), тайный советник, директор
 Лазаревского института (1856—
 1861); брат гр. И. Д. Деянова 629
 Денисов Яков Андреевич (псевд. —
 П. Волженский (совм. с Н. А. Умано-
 вым); 1862—1919), филолог-классик,
 один из молодых друзей Леонтьева
 в 1880-е гг.; студент Ломоносовского
 отделения Катковского лицея (до
 1880), студент Московского универ-
 ситета, посетитель «пятниц»
 П. Е. Астафьева, сотрудник газ. «Рус-
 ское дело», приват-доцент Москов-
 ского университета (с 1889), орди-
 нарный профессор Харьковского
 университета (с 1904); один из осно-
 вателей Харьковского отделения Рус-
 ского собрания 302, 303, 306, 411,
 459, 463, 497, 514
 Детлов Николай Николаевич, брат
 Ек. Н. Детловой 277
 Детлов Николай Петрович, отец
 Е. Н. Детловой, калужский (Мещов-
 ского уезда) и смоленский помещик
 276, 487

Детлова Анна Николаевна, сестра
Ек. Н. Детловой 277

Детлова Екатерина Николаевна
(1830-е — ?), в 1880-е гг. начальница
женской прогимназии в г. Немирове
Подольской губернии, приятельница
К. Н. Леонтьева 276, 277, 297, 298,
487, 488, 492

Детлова Елизавета Николаевна, сестра
Ек. Н. Детловой 277

Детловы, семья 277

Диккенс (Dickens) Чарльз-Джон-Гаффам
(1812—1870), английский прозаик
329

Дмитрий Донской (1350—1389), св.
блгв. князь (память 19 мая (1 июня))
89

Дмитрий Солунский (? — 306), св. вмч.
(память 26 окт. (8 нояб.)) 172

Диоклетиан (Diocletianus, Гай Аврелий
Валерий Диоклетиан) (243 — между
313 и 316), римский имп. (284—305)
517

Дмитриев Андрей Петрович 18, 24, 87,
482

Долгорукая, княгиня, приятельница
С. П. Хитрово (возможно, кн.
О. П. Долгорукова, сведения о кото-
рой см. на «Трубецкая М. А.») 282

Долгорукая (правильно: Долгорукова),
княгиня → Трубецкая М. А.

Долгорукий С. А., кн. → Долгоруков С. А.,
кн.

Долгоруков Александр Сергеевич
(1841—1912), князь, исправляющий
должность управляющего Экспедици-

ей церемониальных дел; сын кн.
С. А. Долгорукова

Долгоруков Владимир Андреевич
(1810—1891), князь, генерал от кавалерии,
генерал-адъютант, московский
генерал-губернатор (с 1865) 125, 261,
264, 288

Долгоруков Николай Сергеевич (1840—
1913), князь, полковник лейб-гвардии
Преображенского полка, флигель-
адъютант имп. Александра II, впослед-
ствии генерал-адъютант (1894), гене-
рал от инфантерии; сын кн. С. А. Дол-
горукова 550, 551

Долгоруков Сергей Алексеевич (1809—
1891), князь, государственный дея-
тель, статс-секретарь у принятия про-
шений (1864—1884), член Государ-
ственного совета (с 1871) 173, 257,
550

Долгоруковы, князья, семья 550

Дорот Шарль, владелец ресторана на
Ланском шоссе в Петербурге 195,
198

Дорофей Авва (кон. VI — нач. VII в.),
преп., аскетический писатель, автор
«Душеполезных поучений и посланий» 388

Достоевская (урожд. Сниткина) Анна
Григорьевна (1846—1918), жена
Ф. М. Достоевского, мемуаристка 556,
562

Достоевский Федор Михайлович (1821—
1881), прозаик, публицист 13, 15, 16,
21, 28, 33—48, 52, 66, 169, 181, 182,
184, 185, 195 («Братья Карамазо-

- вы»), 198, 229, 264, 314, 388, 393, 416, 434, 476, 479, 502, 504, 505, 513, 516, 543, 556, 562, 571, 573, 616, 623, 626
- Дризен (Остен-Дризен) Николай Васильевич (1868—1935), барон, историк театра, мемуарист 588
- Дринов Марин Стоянов (1838—1906), болгарский славист, общественный и политический деятель, профессор Харьковского университета, сотрудник «Русского вестника» 107
- Дунаева Елена Николаевна (1918—1996), историк литературы 89
- Дурново Василий Дмитриевич (1789—1833), калужский помещик; отец Леонтьева 8
- Дурново Иван Николаевич (1834—1903), государственный деятель, министр внутренних дел (1889—1895) 215, 551, 574, 615, 617
- Дурново Николай Николаевич (1842—1919), публицист, изд.-ред. газ. «Восток» (май 1879 — янв. 1886; в 1902 г. возобновлялась в Бухаресте под названием «Православный Восток»), церковно-общественный деятель, церковный историк; автор неизданных воспоминаний о Леонтьеве (частный архив, Москва); в 1860—1861 гг. служил в кирасирском полку, член Московского Славянского комитета (с 1872 г.), с 1874 — помощник секретаря; заведующий хозяйственной частью Сербского подворья в Москве (с 1874 г.), один из устроителей Константинопольского подворья (1883) 20, 23, 33, 104, 105, 107, 109, 110, 115—118, 124, 177, 180, 192, 196, 212, 213, 238—240
- Дурылин Сергей Николаевич (1886—1954), священник (с 1920), литературный критик, публицист, театровед, мемуарист, секретарь Религиозно-философского общества памяти Вл. С. Соловьева; автор нескольких работ о Леонтьеве 62—66
- Дюфор (Dufaure) Жюль-Арман-Станислав (1798—1881), французский государственный и политический деятель, член Французской академии, министр юстиции в правительстве Л.-А. Тьера и с 1876 г.; способствовал отставке М. Мак-Магона в 1879 г. 165
- Евгения, инокия → Екатерина (Ефимовская), игуменья
- Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868—1948), митрополит 454
- Егор, крестьянин д. Карманово Мещовского уезда Калужской губ. 582—584
- Егора семья 582, 583
- Егорий Храбрый → Георгий Победоносец
- Егоров Николай Георгиевич (1839—1902), статский советник, цензор Московского цензурного комитета, библиофил; служил в комитете с 1862 г., сначала в должности письмоводителя, затем секретаря 202, 204
- Екатерина II Великая (Екатерина Алексеевна, принцесса София-Фредерика-

- Августа Ангальт-Цербтская) (1729—1796), российская императрица (с 1762) 304, 527
- Екатерина (в миру графиня Евгения Борисовна Ефимовская; 1850—1925), игуменья, настоятельница Леснинской женской общины (с 1885), в 1889 г. преобразованной в Леснинский Богородичный монастырь; монашеский постриг приняла в 1887 г. 541, 542
- Екатерина Михайловна (1827—1894), великая княгиня, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, дочь вел. кн. Михаила Павловича (1798—1849) и вел. кн. Елены Павловны 273, 274
- Елена Павловна (урожд. принцесса Фредерика-Шарлотта-Мария Вюртембергская; 1806—1873), великая княгиня, жена вел. кн. Михаила Павловича, одна из основательниц Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и Русского музыкального общества; покровительствовала либеральным деятелям эпохи «великих реформ» 274, 508, 510
- Еленев Федор Павлович (1826, по др. свед. 1827 — 1900), прозаик, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (1860-е), позднее член Главного управления по делам печати 356
- Ераст, св. апостол, епископ Панадский (память 10 (23) нояб. и в Соборе 70 апостолов — 4 (17) янв.) 499
- Ераст Кузьмич → Эразм (Вытронский)
- Ефрем Сирий (IV в.), преп., аскетический писатель и гимнограф (память 28 янв. (10 февр.)) 329, 341
- Желябов Андрей Иванович (1851—1881), террорист-народоволец 127
- Жизневский Август Казимирович (1819—1896), археолог 127
- Жомини Александр Генрихович (1814—1888), барон, государственный деятель дипломат, старший советник Министерства иностранных дел (1856—1888), временно управляющий Министерством иностранных дел (25 апр. — 25 нояб. 1875) 97, 103, 314
- Жуков Константин Александрович 110, 112
- Загуляев Михаил Алексеевич (псевд. — L. V.; 1834—1900), журналист, беллетрист, переводчик 87
- Залетов Сергей Васильевич, помощник секретаря Московского цензурного комитета 356
- Замараев Григорий Иванович (1860—1902), воспитанник Катковского лицея, один из молодых друзей Леонтьева, беллетрист, публицист; служил в Туркестане, в канцелярии Орловского губернатора, в Петроградском статистическом комитете; автор мемуарного очерка «Памяти К. Н. Леонтьева» 57, 301—303, 326, 327, 332, 334, 336, 343, 642
- Зарубин Иван Иванович, врач, публицист, сотрудник газ. «Московские ведомо-

- сти» и «Голос Москвы», с авг. 1885 (после приостановки газеты в мае) — издатель «Голоса Москвы», в конце 1885 — 1886 гг. — ред.-изд. той же газ.; в нач. 1890-х — практикующий врач в Петербурге; изд. журн. «Будьте здоровы!» (1894—1899) и «Здоровье» (1900) с рядом бесплатных приложений 25, 212, 215, 284
- Заруцкий Кир Александрович, публицист, сотрудник журн.-газ. «Гражданин» 90, 91
- Захарьин Григорий Антонович (1829/1830—1897), врач-терапевт 535
- Зельманов Михаил Григорьевич (псевд. — Южный; 1869—1901), литературный критик, сотрудник газ. «Гражданин» 599, 604
- Зиновьев Иван Алексеевич (1835—1917), государственный деятель, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1883—1890) 373
- Золотухина Мария Александровна, дочь генерал-майора Александра Николаевича Золотухина (1819—1885), пожертвовавшая свое наследство Шамординскому монастырю 607
- Золя (Zola) Эмиль (1840—1902), французский прозаик 92
- Иаков, праотец 500
- Иван Давыдович → Делянов И. Д.
- Иванов, козельский уездный исправник в 1886 г. 354, 356
- Иванов М., журналист, сотрудник «Нового времени» 280
- Иванова Зинаида Николаевна 604
- Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807—1867), свт., епископ Ставропольский и Кавказский, богослов, аскетический писатель, переводчик 338
- Игнатъев Николай Павлович (1832—1908), граф (с 1877), генерал-адъютант, государственный деятель, дипломат; уполномоченный в Китае (1859—1860), директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1861—1864), посол в Константинополе (14 июля 1864 — 15 янв. 1877; до 25 марта 1867 — посланник), министр внутренних дел (1881—1882), член Государственного совета (с 1877) 17, 28, 97, 101—103, 119, 134—138, 157, 180, 182, 187, 189, 191, 194, 207, 210, 216—219, 222, 224, 367, 368, 415, 525
- Игнатъева (урожд. княж. Голицына) Екатерина Леонидовна (1842—1917), графиня, жена гр. Н. П. Игнатъева (с 1862) 216, 219, 368
- Иезекииль (VI в. до н. э.), пророк 510
- Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцев; 1803—1885), иеросхимонах, духовник Афонского Св.-Пантелеймоновского монастыря 302—304, 354, 437, 552, 554
- Из студентов Моск. Дух. Академии (Гр) 485
- Иисус Христос 6, 32, 37, 40, 73, 89, 91, 98, 105, 106, 172, 175, 195, 198, 210, 222, 225, 227, 247, 250, 252, 264, 293, 294,

- 317, 328, 332—334, 339, 341, 369, 381, 390, 417, 428, 430, 441, 442, 450, 474, 481, 488, 499, 500, 509, 510, 528, 530, 532, 533, 540, 580, 588, 617, 627, 653
- Иларион Оптинский (в миру Родион Никитич Пономарев; 1805—1873), преп., иеросхимонах, духовник Оптиной пустыни, скитоначальник; причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. 223, 347, 473
- Илия (IX в. до н. э.), св. пророк (память 20 июля (2 авг.)) 582
- Иноземцова, козельская домовладелица 95
- Иоаким III (в миру Христо Деведжи; 1834—1912), Вселенский патриарх (1878—1884, 1901—1912) 104, 106, 115, 118, 171, 172, 470, 471, 480, 482
- Иоанн II (1832—1889), абиссинский негус (с 1872) 543
- Иоанн Воин (IV в.), св. мч. (память 30 июля (12 авг.)) 549, 551, 553, 554
- Иоанн Дамаскин (ок. 655 — ок. 750), преп., Отец Церкви, богослов и гимнограф (память 4 (17) декабря) 10
- Иоанн Златоуст (ок. 350—407), св., архиепископ (патриарх) Константинопольский, Вселенский Отец и Учитель Церкви (память 13 (26) нояб. и в Соборе Трех святителей — 30 янв. (12 февр.)) 106, 341, 432
- Иоанн Кассиан Римлянин (? — 435), преп., аскетический писатель (память 29 февр. (14 марта)) 338
- Иоанн Лествичник (ок. 570—649), преп., аскетический писатель, автор книги «Лествица» (память 30 марта (12 апр.) и в 4-е воскресенье Великого поста) 198 («Лествица»), 362, 429 («Лествица»), 430, 492 («Лествица»), 493 («Лествица»), 551
- Иоанн Предтеча и Креститель Господень 34, 57, 106, 149, 604
- Иоанн Пророк (VI в.), преп. (память 6 (19) февр.) 290, 338, 589
- Иоанникий (в миру Иван Максимович Руднев; 1829—1900), митрополит; епископ Выборгский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1861—1864), епископ Саратовский и Царицынский (1864—1873), епископ Нижегородский и Арзамасский (1873—1877; с 1877 — архиепископ), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (1877—1882), митр. Московский и Коломенский (1882—1891), митр. Киевский и Галицкий (с 1891) 118, 429, 430, 439, 535
- Ионин Алексей Семенович (1837—1900), дипломат, консул в Янине (до 1868), посланник (министр-резидент) в Черногории (1878—1883), временный генеральный консул в Софии (1883—1884), посланник в Бразилии (с 1892); общественный деятель, публицист, драматург 613—615
- Ионин, судебный следователь в Калужской губ. 546
- Иосиф → Васильев И. В.

- Ираклионова М. И. → Филиппова М. И.
- Ираклионова Наталия Петровна (? — 1885), теща Т. И. Филиппова; ее муж — Иван Максимович Ираклионов (? — 1855), статский советник, правитель канцелярии Комиссии построения Храма Христа Спасителя 276
- Ирод I Великий (73—4 до н. э.), царь Иудейский 34
- Исаак, праотец 206
- Исаак Сирин (VII в.), преп., епископ Ниневийский, аскетический писатель, автор «Слов подвижнических» (память 28 янв. (10 февр.)) 430, 473, 474, 548, 549, 551
- Исаакий Оптинский (в миру Иван Иванович Антимонов; 1810—1894), преп., схиархимандрит, настоятель Оптиной пустыни (с 1862), причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. 68, 104, 162, 166, 347, 352, 354, 355, 357, 359, 361, 362, 428, 439—441, 450, 452, 453, 473, 509, 548, 549, 574, 601, 602, 604—607, 627—629, 639, 640
- Исаия (VIII в. до н. э.), пророк 106
- Исаия Авва (Исаия Отшельник, Исаия Скитский) (V—VI вв.), преп., египетский отшельник, аскетический писатель 338
- Исидор (в миру Иаков Сергеевич Никольский; 1799—1892), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1860—1892) 257, 509, 510
- Иуда 31, 308
- К. П. → Победоносцев К. П.
- К... в К. С. → Красильников К. С.
- Кабанов Иларион Егорович (Георгиевич) по прозвищу Ксенос (ок. 1820—1882), видный старообрядец, автор «Окружного послания» (1862) 71—74, 78—80, 147
- Каблиц Иосиф Иванович (псевд. — Юзов; 1848—1893), публицист, народник 26
- Казанский Петр Симонович (? — 1878), богослов и историк, профессор Московской духовной академии 298
- Калигула (12—41), римский император (с 37) из династии Юлиев-Клавдиев 128
- Кант (Kant) Иммануил (1724—1804), немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии 572
- Капнист Дмитрий Алексеевич (1837—1904), граф, дипломат, первый секретарь посольства в Константинополе; сенатор, тайный советник, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1891—1897) 622
- Капнист Павел Александрович (1842—1904), граф, государственный деятель, попечитель Московского учебного округа (1880—1895) 502, 505
- Каравелов Любен Стойков (ок. 1834—1879), болгарский политический деятель 107
- Каравелов Петко Стойчев (Стойков) (1843—1903), болгарский государ-

- ственный деятель, брат А. С. Каравелова 367, 620
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), русский писатель и историк 587
- Карбасников Николай Павлович (1852—1922), московский книгопродавец и книгоиздатель 234, 291
- Карнарвон Генри-Говард-Герберт-Молино (1831—1890), граф, английский государственный деятель, министр колоний (1866—1868, 1874—1880), автор книги «Друзы Гор Ливанских» 165
- Карпов Семен (Семен Карпович) → Сальников С. К.
- Карцев Ю. С. → Карцов Ю. С.
- Карцов Юрий Сергеевич (1857—1931), дипломат, публицист, мемуарист, член Русского народного союза Михаила Архангела; в кон. 1870-х гг. близко общался с К. Н. Леонтьевым, в 1911 г. опубликовал письма Леонтьева к семье Карцовых 102, 112, 314
- Карцова (урожд. Аблова) Екатерина Сергеевна (? — 1899), мать О. С. и Ю. С. Карцовых 102, 112
- Карцова (в замуж. Колодеева) Ольга Сергеевна (1856—1934), сестра Ю. С. Карцова 314
- Катакази Константин Гаврилович (1830—1890), дипломат, посланник в Вашингтоне (с 1869), в 1872 г. уволенный со службы без прошения; в 1884 г. вновь принят на службу, но не получил самостоятельного поста, жил в Париже; в 1887 г. послужил причиной международного скандала, устроив в газ. «Voltaire» публикацию о тайной переписке М. Н. Каткова с французским политиком радикального толка, президентом Палаты депутатов Ш.-Т. Флоке (1828—1896); Катков считал, что сам Катакази и был автором письма к Флоке 414
- Катков, один из сыновей М. Н. Каткова (возможно, Андрей Михайлович Катков (1863—1915)) 413, 428, 429
- Катков Михаил Никифорович (1817 или 1818 — 1887), публицист, изд. газ. «Московские ведомости» и журн. «Русский вестник» 14, 15, 17, 23, 28, 31, 33, 34, 44, 56, 60, 71, 72, 75, 83—86, 88, 90, 91, 93, 94, 96, 107, 108, 116, 121, 122, 124, 127—129, 132, 133, 141, 146, 147, 149, 150, 157, 159, 160, 162, 164—166, 178, 180, 188, 189, 192, 193, 197, 200, 201, 203—206, 209, 212—214, 216, 217, 221, 222, 225, 227, 232, 234, 236, 237, 239, 246—248, 252—254, 275, 279, 281, 288, 292, 295—297, 299—301, 303—305, 307, 308, 311, 314, 319, 320, 322, 324, 326, 330, 335—337, 339, 340, 344, 364, 366, 371, 381, 384, 385, 387, 391, 392, 401, 402, 404, 405, 412—415, 417—419, 423, 428, 429, 432, 435, 436, 439, 441—449, 455, 457—460, 466—472, 476—481, 483, 491, 502, 503, 506—508, 522, 523, 533, 543, 547, 548, 557, 561, 574, 575, 578, 616, 619, 623, 628
- Каткова зять 413, 428, 429

Катковы, семья 428

Катон Старший (Марк Порций Катон Цензор, Marcus Porcius Cato Sensorius) (234—149 до н. э.), древнеримский государственный деятель и писатель 464, 561

Катя → Самбикина Е. В.

Кашперова → Кашпирова С. С.

Каппирев Василий Владимирович (1836—1875), литератор, переводчик, ред.-изд. журн. «Заря» (1869—1872) 432

Кашпирова (урожд. кнж. Урусова) Софья Сергеевна, жена В. В. Кашпирова, издательница журн. «Семейные вечера» 76

Киприан (в миру Константин Эдуардович Керн; 1899—1960), архимандрит, богослов; издатель писем К. Н. Леонтьева к М. К. и Е. А. Ону 102, 103

Киреев Александр Алексеевич (1833—1910), публицист, церковно-общественный деятель 139, 224, 533, 534, 553, 621

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), славянофил, философ, публицист, критик 11, 12, 28, 285, 286, 290, 299, 330, 492, 543

Киреевский Николай Иванович (1848—?), сын И. В. Киреевского, лихвинский уездный предводитель дворянства 290

Климент (в миру Васил Друмев, 1841—1901), митрополит Тырновский, болгарский политический и государственный деятель 367

Климент (в миру Константин Карлович Зедергольм; 1830—1878), иеромонах, филолог, публицист, переводчик 14, 37, 58, 67, 78, 79, 120, 124, 161, 162, 193, 197, 230, 231, 287, 288, 291, 304, 520, 555, 597, 651, 658

Климов Иван Климович (? — 1912), крестьянин д. Лабеки Юхновского уезда, приобретший имение Леонтьева в 1882 г. 198

Клюшников (Ключников) Виктор Петрович (1841—1892), прозаик, критик, редактор журн. «Нива» (1870—1875, 1887—1892), «Кружозор» (1876—1878) 319

Кобургский → Фердинанд Кобургский
Ковалевский Евграф Петрович (1790 или 1792 — 1867), государственный деятель, министр народного просвещения (1858—1861) 426

Ковалевский Егор Петрович (1809, по др. свед. 1811 — 1868), директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1856—1861) 426

Коваленская (урожд. Карелина) Александра Григорьевна (1829—1914), детская писательница; двоюродная бабка А. А. Блока по линии матери 141, 143

Кожевников Василий Егорович (1840-е — ?), бывший старообрядец, автор воспоминаний о И. Е. Ксеносе 73

Кожухов Евгений Алексеевич (1824—1895), начальник Московского цензурного комитета (1879), член Совета

- Главного управления по делам печати (с 1883), председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета (1885—1895) 119, 120, 121, 123, 124, 126—131, 134, 137, 139, 140, 148—150, 152, 170, 181, 183, 185, 194, 202, 222, 241, 245, 248—250, 315
- Кожуховы, семья 126
- Козловский, козельский уездный врач, статский советник 354—356
- Козырев Алексей Павлович 290
- Колоколов Алексей Петрович (1836—1902), протоиерей (с 1876), один из известнейших петербургских священников, настоятель церкви Георгиевской общины сестер милосердия (с 1872), устроитель благотворительных заведений на Успенском острове на р. Волхов; духовник Т. И. Филиппова со второй половины 1880-х гг. 10, 550, 551
- Колумб (Columbus) Христофор (1451—1506) 384
- Колышко Иосиф Иосифович (псевд. — Райский; 1861—1938), прозаик, журналист 550, 614, 615, 623, 626
- Комаров Виссарион Виссарионович (1838—1907/1908), публицист, издатель, редактор газ. «Санкт-Петербургские ведомости» (1879—1883) и «Свет» (1882—1907) 154, 171, 172, 537, 578, 623, 626
- Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, судебный оратор, публицист, общественный деятель, меценат 43, 474, 524
- Коноплянцев Алексей Михайлович (1875 — после 1939), юрист, первый биограф К. Н. Леонтьева 62, 63, 66
- Константин Великий (Флавий Валерий; ок. 285—337), св. равноап., римский имп. (с 306) 296, 297, 300
- Константин V Копроним (719—775), византийский император (741—775), выступавший против иконопочитания 31, 33, 56, 67, 224, 329—331, 473, 474
- Константиновский Матфей Александрович (1791—1857), протоиерей, настоятель Ржевского Успенского собора (с 1849 г.) 10
- Корейша Иван Яковлевич (1780 или 1783 — 1861), московский юридический, более 40 лет провел в московской Преображенской больнице для душевнобольных 197
- Корибут-Дашкевич Валериан Осипович, член совета Государственного контроля (с 1890), зять Т. И. Филиппова 629
- Корибут-Дашкевич Вера Валериановна, внучка Т. И. Филиппова 629
- Корибут-Дашкевич Елена Валериановна, внучка Т. И. Филиппова 629
- Корибут-Дашкевич Мария Валериановна, внучка Т. И. Филиппова 629
- Корибут-Дашкевич Наталия Валериановна, внучка Т. И. Филиппова 629
- Корибут-Дашкевич Ольга Валериановна (1889—?), внучка Т. И. Филиппова 629
- Корибутова Н. Т. → Филиппова Н. Т.

- Корнарвон → Карнарвон
- Корнилов Иван Петрович (1811—1901), государственный деятель, член Совета министра народного просвещения (с 1864) 227
- Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), прозаик, публицист 489, 491
- Коротнев, чиновник Московской контрольной палаты 578
- Корш Валентин Федорович (1828—1883), публицист либерального направления, ред. газ. «Московские ведомости» (1856—1862) и «Санкт-Петербургские ведомости» (1863—1874) 225, 227
- Косик Виктор Иванович 66
- Котельников Владимир Алексеевич 5, 109
- Котлеров, владелец дома в Новинском пер., где К. Н. Леонтьев жил в 1880 г. 175
- Котрелёв Николай Всеволодович 25, 49, 521
- Кохановская Н. → Соханская Н. С.
- Кочетов Евгений Львович (псевд. — Евгений Львов; 1845—1905), публицист, сотрудник «Московских ведомостей», в 1880-е гг. — корреспондент «Нового времени» 393—395
- Кошевская (урожд. Майкова) Ольга Михайловна, знакомая Леонтьева, двоюродная сестра А. Н. Майкова 371, 372, 405, 406, 461, 464
- Кошелёв Александр Иванович (1806—1883), публицист, журналист, мемуарист, общественный деятель, издатель журн. «Русская беседа» (1856—1860) 11, 12, 290
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, изд. журн. «Отечественные записки» (1839—1867) и газ. «Голос» (1863—1884) 9, 77, 225
- Красильников Константин Сергеевич (псевд. — К. С. Кр...в), публицист, сотрудник газ. «Московские ведомости» и «Русское дело»; секретарь правления компании Богородско-Глуховской мануфактуры 519, 522
- Красовский Ипполит Феофилактович (ок. 1875—1899), журналист, прозаик, сотрудник газ. «Московские ведомости» и журн. «Русский вестник», секретарь редакции «Московских ведомостей» 206
- Кремнёв Григорий Борисович 17, 41, 66, 255, 520, 521, 585, 652, 657
- Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895), прозаик, мемуарист 141, 144, 289, 292
- Кривоблоцкий Николай Станиславович (? — 1890), секретарь Московского цензурного комитета 282, 354, 355, 357
- Кристи, семья 306
- Кристи (урожд. Нелидова) Александра Ивановна (? — 1888), сестра А. И. Нелидова, мать И. И. Кристи 388
- Кристи Григорий Иванович (1856—1911), московский гражданский губернатор, сенатор; брат И. И. Кристи 388

- Кристи Иван Васильевич (1825 — после 1902?), бессарабский помещик, отец И. И. Кристи 470, 472
- Кристи Иван Иванович (псевд.: Кр., П. Сергиевский; 1861—1894), историк, богослов, выпускник университетского отделения Катковского лицея со степенью кандидата, вольнослушатель Московской духовной академии, в Санкт-Петербургской духовной академии работал над магистерской диссертацией о св. ап. Павле; публицист, литературный критик, сотрудник газ. «Московские ведомости» (с 1882) и «Гражданин» (с 1884); племянник дипломата А. И. Нелидова; один из любимейших учеников Леонтьева 31, 48, 51, 52, 290, 302, 303, 306, 326, 343—345, 347, 379, 380, 383, 388, 392, 415, 419, 431, 433, 441, 442, 444, 460, 463, 464, 466, 468—470, 472, 483, 484, 489—491, 528—531, 538, 547, 548, 559, 561, 564, 587, 590, 591
- Кристи (урожд. кнж. Трубецкая) Мария Николаевна (1860, по др. свед. 1864—1926), жена Г. И. Кристи 388
- Кроткова Елизавета Степановна (1832—1906), дочь московского и симбирского помещика С. С. Кроткова (1806—1849) и П. П. Кротковой (урожд. Новосильцевой; 1806—1860), начальница Дома призрения при Троице-Сергиевой Лавре (с 1862); близкая знакомая Леонтьева и Филиппова 59, 61, 301, 302, 535, 641—645, 647, 650
- Кроткова (урожд. Мензе) Наталья Александровна (1839—1905), невестка Е. С. Кротковой, жена ее брата, штаб-ротмистра А. С. Кроткова (1838—1881); знакомая Леонтьева 268, 301, 303
- Крум (? — 917), болгарский хан (ок. 802—807 гг.) 368
- Круп (Krupp) Альфред (1812—1887), немецкий промышленник, расширивший основанное его отцом Фридрихом Круппом (1787—1826) металлургическое предприятие, производившее стальные пушки для прусской армии 418
- Крылов Иван Андреевич (1769, по др. свед. 1766 или 1768 — 1844), поэт, драматург 543
- Ксенос → Кабанов И. Е.
- Ксенофонт (в миру Василий Иванович Ключкин; 1845—1914), схииеромонах; послушник Оптиной пустыни (с 1869), монах (с 1876), иеродиакон (с 1884), избран в 1890 г. казначеем и тогда же рукоположен в иеромонахи; с 1899 г. настоятель Оптиной пустыни с возведением в сан игумена (с 1904 — архимандрит) 605
- Кудрявцев Евгений Александрович (1828—1905), сенатор; в 1857—1862 гг. каляужский вице-губернатор 555
- Кузминская Вера Александровна (1871—1940-е), племянница гр. Л. Н. Толстого 580, 587
- Кулаковский Платон Андреевич (псевд. — П. К.; 1848—1913), исто-

рик, филолог, публицист, общественный деятель 486

Л. С. → Слонимский Л. З.

Лабзин Яков Иванович (1827—1891), купец-благотворитель, владелец павловопосадской ситценабивной мануфактуры; его московская контора находилась в Москве на Ильинке в Теплыхрядах 155, 156, 178, 179, 181—184, 188

Лаврентьев Леонид Иванович (1837—1914), юрист, преподаватель Катковского лицея; в 1881—1885 гг. инспектор Московского учебного округа, с 1890 г. попечитель Дерптского (Юрьевского) учебного округа 253

Лавров (ректор) → Лавровский Н. А.

Лавров Михаил Николаевич, до 1884 г. — владелец типографии в Москве в собственном доме в Леонтьевском пер. (Типография М. Н. Лаврова и К°); в 1860-е — служащий типографии Московского университета, переводчик 281, 283

Лавровский Николай Алексеевич (1827—1899), филолог, ректор Варшавского университета (1883—1890) 451

Лазарь Четверодневный, епископ Китийский, св. прав. (память 17 (30) окт. и в Лазареву субботу) 120

Ламанский Владимир Иванович (1833—1914), историк, славист, этнограф, общественный деятель 18, 83, 87

Латышева (1871 или 1872 — ?), дочь Т. С. Латышевой 545

Латышева Таисия Семеновна (1828 или 1829 — 1889), бывшая крепостная Леонтьевых, в сер. 1880-х гг. кухарка и экономка Леонтьева в Москве 545, 547—549

Лафонтен (La Fontaine) Жан де (1621—1695), французский писатель 587

Лев (Leone) XIII (в миру Винченцо-Джорджо Печчи; 1810—1903), папа Римский с 1878 г. 516

Левицкий Сергей Львович (1819—1898), петербургский фотограф 655

Лейкин Николай Александрович (1841—1906), писатель-юморист, журналист 599, 604

Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин; 1822—1891), архимандрит; послушник (с 1852), а с 1852 г. иеромонах Оптиной пустыни; начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (с 1863), настоятель русской посольской церкви в Константинополе (с 1865), настоятель Ново-Иерусалимского монастыря (1869—1877), наместник Троице-Сергиевой лавры (с 1877), церковный историк и писатель 58

Леонид Оптинский (в миру Лев Данилович Наголкин, в схиме Лев; 1768—1841), преп.; иеросхимонах, старец Оптиной пустыни, причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., все-российских — в 2000 г. 223, 347, 473

Леонтий (в миру Иван Алексеевич Лебединский; 1822—1893), митрополит, епископ Ревельский, викарий Санкт-

- Петербургской епархии (1860—1863), епископ Подольский и Брацлавский (1863—1874, с 1873 — архиепископ), архиепископ Херсонский и Одесский (1874—1875), архиепископ Холмский и Варшавский (1875—1891), митрополит Московский и Коломенский (с 1891) 241, 257, 535, 540, 541
- Леонтьев Владимир Владимирович (1849 — ?), племянник К. Н. Леонтьева, брат М. В. Леонтьевой, урядник на станции Мятлево Рязско-Вяземской железной дороги (1880—1882), впоследствии конторщик на станции Орел-товарная, помощник начальника станции Лазарево Московско-Курской железной дороги, помощник начальника станции Троицкая Московско-Рязанской железной дороги 147, 148, 173, 176, 177, 186, 284, 298, 300, 323, 327, 329, 334, 348, 364, 622, 650, 653
- Леонтьев Владимир Николаевич (1818—1873), публицист, соиздатель журн. «Искра» и «Будильник»; брат К. Н. Леонтьева 101
- Леонтьев Николай Борисович (1784 — 1839 или 1840), отставной прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка; «юридический» отец Леонтьева 8
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1875), филолог-классик, профессор Московского университета по кафедре римской словесности, публицист, первый директор Лицея в память Цесаревича Николая, друг и сподвижник М. Н. Каткова 254, 574, 575
- Леонтьев-Щеглов (наст. фам. Леонтьев) Иван Леонтьевич (псевд.: Иван Щеглов), прозаик, драматург, пропагандист народного театра 10, 88
- Леонтьева Екатерина Борисовна (1787—1860-е?), тетка К. Н. Леонтьева 483, 485, 486
- Леонтьева (урожд. Политова) Елизавета Павловна (наст. отчество — Борисовна) (ок. 1842—1917), жена К. Н. Леонтьева (с 1861) 159, 166, 175, 203, 264, 281, 317, 321, 364, 432, 438, 555—557, 562, 566, 568, 569, 608, 643, 650, 654
- Леонтьева Мария Владимировна (1848—1927), племянница К. Н. Леонтьева; учительница в приюте при Орловском Введенском женском монастыре (с 1883) 6, 18, 21, 22, 61—65, 79—81, 87, 101, 103, 144, 148, 161, 164—166, 186, 242, 247, 334, 569, 588, 618, 624, 626, 642, 643, 645, 650
- Леонтьева (урожд. Карабанова) Феодосия Петровна (1794—1871), мать К. Н. Леонтьева 320, 370, 385, 388, 416, 436, 461, 483, 485, 486
- Леруа-Болье (Leroу-Beaulieu) Анатолий (1842—1912), французский публицист и историк 246, 248
- Лесаж (Lesage) Ален-Рене (1668—1747), французский писатель 84 («Жиль Блаз»), 87
- Лесков Николай Семенович (1831—1895), прозаик, публицист 10, 12, 36, 42, 43, 261, 264
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896), князь, дипломат, ис-

правляющий должность поверенного в делах (с 29 нояб. 1858) в Константинополе, посланник там же (10 июня 1859 — 14 марта 1863), товарищ министра внутренних дел (1867—1878), посол в Константинополе (22 апр. 1878 — 22 дек. 1879), Вене (13 июля 1882 — 6 янв. 1895), управляющий Министерством иностранных дел (26 февр. — 6 марта 1895) 97, 101, 104, 525

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), ученый, поэт, филолог 303

Лопухин Александр Павлович (1852—1904), богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, публицист 106

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), граф (с 1878), генерал-адъютант, государственный деятель, глава Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия (1880), министр внутренних дел (нояб. 1880 — май 1881) 151, 153, 157, 158, 167, 168, 170, 195, 222, 240

Луи-Антуан-Анри (Louis-Antoine-Henri, duc d'Enghien) (1772—1804), принц Конде, герцог Энгийенский, представитель младшей ветви Бурбонов 444, 445

Лука, священник Леснинской женской общины 541

Луночкин Андрей Валентинович 534

Львов Евгений → Кочетов Е. Л.

Любимов Николай Алексеевич (псевд. — Н.***; 1830—1897), математик, профессор Московского университета, публицист, сотрудник газ. «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Свет» 124, 193, 197, 392, 428, 502, 505, 586, 598, 626

Людмила → Раевская Л. О.

Лютер (Luther) Мартин (1483—1546), деятель Реформации в Германии, основатель одного из направлений протестантизма (лютеранство) 517

Лясковский Валерий Николаевич (1858—1938), публицист, историк литературы, автор книг «Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения» (впервые: Русский архив. 1896. Кн. 3. С. 337—510), «Братья Киреевские. Жизнь и труды их» (СПб., 1899), земский деятель; расстрелян 301

М. А. → Гальперсон А. М.

Мазурина Анна Васильевна, потомственная почетная гражданка г. Ржева, доведенная до помешательства и разоренная своей гувернанткой Н. А. Булах 449, 452, 453

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, переводчик 433, 440, 461, 473 («Два мира»), 474, 579, 586

Макарий (в миру Михаил Петрович Булаков; 1816—1882), митрополит, историк Церкви, богослов, проповедник; архиепископ Виленский и Литовский (1869—1879), митрополит

- Московский и Коломенский (с апр. 1879); автор «Истории Русской Церкви» 31, 104, 105, 148, 213, 216, 217, 225—227
- Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов; 1788—1860), преп., иеросхимонах, в Оптиной пустыни с 1834 г., скитоначальник (с 1841), начал дело книгоиздания и переводов святоотеческих трудов на русский язык, причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. 10, 11, 120, 223, 281, 347, 395, 473, 520, 583
- Макарий (в миру Михаил Евгеньевич Струков;? — 1900, по др. свед. 1908), иеромонах Оптиной пустыни, писмоводитель настоятеля, архим. Исаакия, благочинный монастыря (1880-е — нач. 1890-х), впоследствии (с 1893?) настоятель Можайского Лужецкого Ферапонтова монастыря 483, 556, 601
- Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин; 1821—1889), схиархимандрит, настоятель Св.-Пантелеймоновского Афонского монастыря 46, 89, 304, 552—554, 559, 563, 566, 571, 573
- Маклаков Алексей Николаевич (1838—1905), врач-офтальмолог, профессор Московского университета по кафедре глазных болезней, изобретатель тонометра для измерения внутриглазного давления 150, 151
- Мак-Магон (Mac-Mahon) Мари-Эдм-Патрис-Морис де (1808—1893), герцог де Маджента, французский государственный и военный деятель, маршал Франции (с 1859), президент Франции (1873—1879) 165
- Маков Лев Саввич (1830—1883), государственный деятель, министр внутренних дел (1878—1880), статс-секретарь, член Государственного совета (с 1881) 119, 136, 137, 315
- Максим Исповедник (580—662), преп., богослов и аскетический писатель, борец с ересью монофелизма (память 21 янв. (3 февр.) и 13 (26) авг.) 11, 210, 211
- Максимович Михаил Александрович (1804—1873) филолог, историк, фольклорист, поэт, ботаник; член-корр. Имп. Академии наук (с 1871); ред. журн. «Русская беседа» (1857—1858) 12
- Малютины, братья, владельцы банка в Калуге 118, 176, 198
- Мамай (1335? — 1381), темник (начальник десятитысячного воинского соединения), управлявший западной частью Золотой Орды 364
- Мамонтов, владелец «Лоскутной» гостиницы на Тверской ул. в Москве 75
- Мансуров Борис Павлович (1828—1910), государственный и общественный деятель, член Императорского Палестинского общества 254, 324, 329
- Мансуров Николай Павлович (1830—1911), государственный деятель, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (1866—

- 1880); брат Б. П. Мансурова 119, 134, 136
- Мария Пресвятая Богородица 53, 164, 247, 290, 294, 298, 359, 381, 454, 474, 499, 540, 543, 583, 589, 642, 644, 649
- Мария Александровна (принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессен-Дармштадтская) (1824—1880), российская императрица, супруга имп. Александра II (с 1841) 147
- Мария Магдалина (I в.), св. равноап. (память 22 июля (4 авг.)) 350
- Мария Феодоровна (принцесса София-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская) (1759—1828), российская императрица (с 1796), дочь принца Вюртембергского Фридриха-Евгения, с 1776 г. супруга вел. кн. Павла Петровича, впоследствии имп. Павла I 370, 385, 416, 436, 461
- Мария Феодоровна (принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмара; 1847—1928), российская императрица (с 1881), дочь датского короля Христиана XI, с 1866 г. супруга вел. кн. Александра Александровича, впоследствии имп. Александра III 550
- Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), прозаик, публицист 141, 203, 204, 206, 223, 288, 291, 292, 302, 304
- Марков Евгений Львович (1835—1903), прозаик, литературный критик, публицист 142, 144
- Маркс Адольф Федорович (1838—1904), книгоиздатель 324, 476
- Маттеи (Матеи, Mattei) Чезаре (1809—1896), граф, итальянский врач-гомеопат 151, 207, 210, 211, 256, 339, 341, 343
- Матфей, священник, духовник Лесинской женской общины (с 1889 г. — монастыря) в первые годы ее существования 535, 540, 541
- Маша → Леонтьева М. В.
- Медведев Лев Спиридонович, доктор медицины, московский врач, у которого лечился Леонтьев по возвращении из Турции 343
- Меж-Мурье (Mège-Mouriès) Ипполит (1817—1880), французский химик, изобретатель маргарина 39
- Мейснер Валерий Фелицианович, начальник ремесленной школы в Козельске, снявший последнюю фотографию К. Н. Леонтьева (1889); возможно, брат архитектора Александра Фелициановича Мейснера (1859—1935) 564, 655
- Мельников Александр Александрович (1827—1913), дипломат, вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1875—1883), посланник в Тегеране (1883—1886) 112
- Мельников Павел Петрович (1804—1880), инженер-генерал, строитель Николаевской железной дороги, министр путей сообщения (1866—1869), основатель нескольких благотворительных заведений в Любани, в том числе богадельни, которой

в 1870-е гг. заведовала Е. В. Самбикина, и приюта для сирот 104

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), химик, педагог, общественный деятель 611, 612

Менье Альфред де, французский поэт 305

Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), литературный критик, публицист, сотрудник газ. «Новое время» 42

Местр (Maistre) Жозеф-Мари де (1753—1821), французский публицист и политический деятель 239, 316

Меценат (Maecenas) (между 74 и 64 — 8 до н. э.), приближенный имп. Августа, покровитель поэтов; его имя стало нарицательным 237

Мещерский Владимир Петрович (1839—1914), князь, публицист, прозаик, издатель газ.-журн. «Гражданин» 9, 17, 23, 25, 28, 40, 56, 71, 73, 78, 80, 86, 200, 215, 220, 224, 226—228, 232, 235—242, 246, 288, 291, 295, 324, 361, 362, 370, 371, 379, 380, 385, 387, 393, 399, 402, 405, 406, 409, 416, 425, 427, 428, 436, 439—444, 448, 451, 455, 456, 458—462, 464—470, 473, 475—477, 479, 480, 483—486, 495, 498—500, 507, 513, 518, 519, 525—527, 536, 539, 540, 546, 547, 552, 553, 561, 565, 568, 571, 577, 591, 614, 615, 617, 622, 624, 628

Мещерский Петр Иванович (1802—1876), князь, отец кн. В. П. Мещерского 73

Милан IV Обренович (Обреновић) (1854—1901), сербский князь, в 1882—1889 гг. — король 533

Миллер Орест Федорович (1833—1889), историк литературы, фольклорист, публицист 452, 454

Минаев Дмитрий Дмитриевич (псевд. — Д. М.; 1835—1889), поэт-сатирик, пародист, фельетонист, переводчик 197

Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798—1855), польский поэт и драматург 210, 331, 332

Моисей Оптинский (в миру Тимофей Иванович Путилов; 1782—1862), преп.; настоятель Оптиной пустыни (с 1826); причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. 222, 223, 347

Молчанов Александр Николаевич (1846 — не ранее 1916), прозаик, публицист, журналист, сотрудник газ. «Новое время» 498

Монда (Monda) (наст. фам. Гунзбергер) Морис (1848—1936), ред. парижской газ. «Фигаро» 463

Морозов Давид Иванович (1849—1896), промышленник, председатель правления Компании Богородско-Глуховской мануфактуры, коммерции советник, меценат 569, 572

Морозов Тимофей Саввич (1824—1889), промышленник, мануфактур-советник, председатель Московского купеческого общества взаимного кредита (1869—1874), член совета Москов-

- ского купеческого банка, меценат 252, 257, 506
- Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), граф, писатель, церковно-общественный деятель 6
- Муравьев-Виленский Михаил Николаевич (1796—1866), граф, государственный деятель, генерал-губернатор Северо-Западного края (1863—1865); организовал подавление польского восстания 28, 132, 133
- Муркос Георгий Абрамович (1846—1911), сирийский араб, представитель Антиохийского Патриархата в России, писатель по церковным вопросам, переводчик 156, 214
- Муткуров Савва Атанасов (1852—1891), болгарский государственный деятель 367
- Н. Н. (Гр) 486
- Н. С. → Страхов Н. Н.
- Набоков Дмитрий Николаевич (1826—1904), государственный деятель, министр юстиции (1878—1885) 219
- Надсон Семен Яковлевич (1862—1887), поэт 411
- Назаревский Владимир Владимирович (1851—1919), цензор Московского цензурного комитета (с 1881 г.; в 1898—1909 — председатель), публицист, сотрудник «Московских ведомостей» 125, 202, 204, 247, 249
- Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte) (1769—1821), император французов (1804—1814, 12 марта — 22 июня 1815) 445, 491
- Начович Григор (1845—1920), болгарский политический и государственный деятель, министр иностранных дел (1886—1887) 212
- Неклюдов Василий Сергеевич (1818—1880), действительный статский советник, камергер, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» 88
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/1878) 77
- Нелидов Александр Иванович (1835—1910), дипломат, советник посольства в Константинополе (с 1874), посланник в Саксонии и герцогстве Саксен-Альтенбург (1879—1882), посол в Константинополе (1882—1896; до 15 июля 1883 — управляющий посольством), Риме (с 1897), Париже (с 1900) 326, 329
- Нерон (Тиберий Клавдий Нерон, Tiberius Claudius Nero) (37—68), римский император (с 54), из династии Юлиев—Клавдиев 474
- Несвицкая, княгиня, знакомая Т. И. Филиппова 492
- Нестор Киево-Печерский (Нестор Летописец) (? — ок. 1114), преп., первый русский летописец (память 27 окт. (9 нояб.)) 257
- Никандр (в миру Николай Иванович Покровский) (1816—1893), епископ Тульский и Белевский (с 1860, с 1873 — архиепископ) 581, 588
- Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович; 1827—1890/1891), архи-

- епископ, богослов, философ и проповедник; епископ Уфимский и Мензелинский (1876—1883), епископ Херсонский и Одесский (с 1883, с 1886 — архиепископ) 28, 47
- Никитин Сергей Александрович (1901—1979), историк 72
- Никодим (Ив.), св., тайный ученик Христа (память 2 (15) авг. и в Неделю жен мироносиц) 561
- Никодим (1827—1910), настоятель Иерусалимского подворья в Москве, архиепископ горы Фаворской (3 янв. 1882 — 3 авг. 1883), патриарх Иерусалимский (1883—1890) 176, 177, 179, 196, 216, 219, 220, 226, 228, 246, 256—258, 261—265, 413, 429
- Никодим (в миру Александр Михайлович Кононов; псевд. — А. Н.; 1871—1918), архимандрит, духовный писатель 10, 58
- Николаев Ю. → Говоруха-Отрок Ю. Н.
- Николаи Александр Павлович (1821—1889), барон, государственный деятель, председатель Департамента записок (1884—1889) 544
- Николай I Павлович (1796—1855), император (с 1825) 88, 133, 297, 337, 339, 525, 526, 581
- Николай Александрович (1843—1865), цесаревич, старший сын имп. Александра II 254, 303
- Николай Мирликийский Чудотворец (? — ок. 335), св. (память 6 (19) дек. и 9 (22) мая) 89, 222
- Николай Черногорский (Никола I Петрович Негош; 1841—1921), князь (1860—1910), затем король (до 1918) Черногории 367
- Николаша, Николай Кузьмич → Орлов Н. С.
- Николюкин Александр Николаевич 504
- Никон (в миру Никита Минов; 1605—1681), патриарх Московский (с 1652); низложен Большим церковным собором 1666—1667 гг. 227
- Никотин Федор Акимович, цензор Московского цензурного комитета 185, 202
- Нильский Иван Федорович (1831—1894), историк старообрядчества, профессор Санкт-Петербургской духовной академии 13
- Нифонт Цареградский (1440-е — ок. 1530—1535), св., патриарх Константинопольский (1486—1489, 1497—1498) 583, 584, 589
- Новиков Евгений Петрович (1826—1903), дипломат, историк, государственный деятель; советник посольства в Константинополе, в ноябре 1862 — июле 1864 исправляющий должность поверенного в делах, посол в Афинах (1865—1870), посол в Вене (1870—1879), посол в Константинополе (1879—1882), член Государственного совета 525
- Новикова (урожд. Киреева) Ольга Алексеевна (псевд. — О. К.; 1840—1925), публицист, общественная деятельница

ца 33, 41, 42, 198, 208, 209, 217, 218, 230, 246, 248, 264, 291, 543

Новосильцов Иван Петрович (1827—1890), штабс-майстер; приятель А. А. Фета 618, 624, 626

Оболенская (урожд. Трубецкая) Дарья Петровна (1823—1906), княгиня, жена государственного деятеля кн. Дмитрия Александровича Оболенского (1822—1881), мать кн. А. Д. Оболенского 352, 358, 359, 361, 546—548, 595, 639, 640

Оболенские, князья, семья 546

Оболенский Алексей Дмитриевич (1855—1933), князь, козельский предводитель дворянства, обер-прокурор Св. Синода (1905—1906); владелец с. Березичи в Козельском уезде 359, 546, 556, 566, 595, 626

Обренович → Александр Обренович; Милан Обренович

Овербек (Overbeck) Юлиан-Йозеф (Джозеф) (1821—1905), немецкий католический священник, богослов и церковный публицист, живший в Англии, перешедший сперва в лютеранство, сняв с себя сан, а в 1865 г. в православие и составивший проект православной литургии западного обряда 139, 140

Огарева → Тучкова-Огарева Н. А.

Ольга Константиновна (1851—1926), королева эллинов; дочь великого князя Константина Николаевича, жена (с 1867) короля эллинов Георга (Георгиоса) I (1845—1913) 624

Ольга Николаевна (1822—1892), великая княгиня, королева Вюртембергская (с 1864); дочь имп. Николая I 84, 88

Ону Михаил Константинович (1835—1901), дипломат, первый драгоман русского посольства в Константинополе, чрезвычайный посланник в Афинах (с 1889) 96—98, 100—104, 106, 355, 418, 572, 573

Оржевский Павел Васильевич (1839—1897), товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов (1882—1887) 215

Орлеаны (Orleans), младшая ветвь династии Бурбонов, к которой принадлежал король Луи-Филипп (1773—1850; правил в 1830—1848 гг.) 110 (орлеанизм)

Орлов Николай Сергеевич (наст. отчество Кузьмич) (нач. 1860-х—?), уроженец Козельска, слуга и воспитанник Леонтьева в 1870-е — нач. 1880-х гг. 109, 113, 114, 161, 166, 264, 266, 268

Орлова Федосья Прокофьевна (Феня), жена Н. С. Орлова; дочь повара Прокофия 114

Орловы-Давыдовы, гр., семья 388

Осипов Павел Васильевич (1824—1891?), промышленник, председатель Нижегородского ярмарочного биржевого комитета (1882—1891) 257

Осман-паша (Осман-Нури-Паша) (1832—1900), турецкий маршал, возглавлявший оборону Плевны во время рус-

- ско-турецкой войны 1877—1878 гг. 165
- Остион → Астион, иеродиакон
- Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург, театральный деятель 9, 89, 96, 100, 124, 154, 312—314, 326, 558
- Островский Михаил Николаевич (1827—1901), министр государственных имуществ (1881—1893), брат А. Н. Островского 100, 154, 187, 341, 399, 473, 474, 478, 479
- Островский Николай Федорович (1796—1853), отец А. Н. и М. Н. Островских 326
- П. («Свет») 537 («С.-Петербург, 13 апреля»), 542
- П. → Прокофьев В. А.
- П. Б. Д. → Соловьев Вл. С.
- П. К. (*Гр*), возможно, П. А. Кулаковский 484, 486
- П. Х. → Эберман В. М.
- Павел (? — 67), св. первоверх. апостол 91, 388, 498, 499, 509, 524
- Пазухин Алексей Дмитриевич (1845—1891), государственный деятель, публицист, идеолог сословной контрреформы гр. Д. А. Толстого 46, 47, 542, 543, 560, 586, 610, 617, 619, 624, 626
- Паисий (в миру Петр Иванович Величковский; 1722—1794), преп., аскетический писатель, переводчик; канонизирован в 1888 г. (память 15 (28) нояб.) 10, 58, 430
- Пантелеимон (Пантелеймон) (? — 305), св. вмч. и целитель (память 27 июля (9 авг.)) 222, 553, 573
- Папас Яни, кавас русского консульства в Янине 87, 573
- Паскевич Иван Федорович (1782—1856), граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал (1829), наместник Царства Польского (с 1831) 28, 132, 133
- Пастухов Николай Иванович (1822—1911), журналист, ред.-изд. газ. «Московский листок», один из родоначальников русской «бульварной печати» 284, 384, 387
- Перевошиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), академик Санкт-Петербургской Имп. Академии наук (с 1852), астроном, математик 554, 555
- Петерсен Владимир Карлович (псевд. — А—т; 1842—1906), публицист, сотрудник газ. «Новое время» 624, 627
- Петр (? — ок. 67), св. первоверх. апостол 91
- Петр I Великий (Петр Алексеевич) (1672—1725), русский царь (с 1682, правил с 1689), император всероссийский (с 1721) 51, 60, 308, 508
- Петр (в миру Федор Екаториновский; ? — 1889), епископ Уфимский и Мензелинский (1869—1876), Томский и Семипалатинский (1876—1883), с 1883 на покое в Оптиной пустыни; духовный писатель 355

- Петр Московский (? — 1326), свят., митрополит Киевский (с 1308) 118
- Петров Митрофан Петрович, коллежский секретарь, чиновник Департамента военной и морской отчетности Государственного контроля, литератор 26
- Петров Николай Павлович (1836—1920), генерал-лейтенант, председатель Временного управления казенных железных дорог (1888—1892), товарищ министра путей сообщения (с 1892); один из претендентов на пост государственного контролера в 1889 г. 546, 550
- Петровский Сергей Александрович (1846—1917), публицист, ред.-изд. «Московских ведомостей» после смерти Каткова 192, 197, 338, 428, 429, 432, 448, 460, 461, 470, 476—479, 481, 502, 503, 529, 547, 561, 578
- Пимен (в миру Петр Дмитриевич Мясников; 1810—1880), архимандрит, настоятель Николо-Угрешского монастыря (с 1853); местночтимый святой Московской епархии (прославлен в 2000 г.) 89, 102
- Пинуфий Авва, преп. 338
- Пирогов Николай Иванович (1810—1881), хирург и анатом, член-корреспондент Императорской Академии наук, публицист, государственный деятель 431
- Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), публицист, литературный критик 283
- Писаревский Николай Григорьевич (1821—1895), физик, инженер-электротехник, публицист, издатель газ. «Русский инвалид» и «Современное слово» (1862—1863), инспектор Телеграфного департамента (с 1868), директор Технического училища Почтово-телеграфного ведомства (с 1886); приятель В. Н. Леонтьева 611, 614
- Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881), прозаик, публицист, драматург 432, 434, 451, 454
- Плавт (Тит Макций Плавт, Titus Maccius Plautus) (сер. III в. — ок. 184 до н. э.), древнеримский комедиограф 391
- Платон (427—347 до н. э.), древнегреческий философ 495, 497
- Платон (в миру Петр Георгиевич Лёвшин; 1737—1812), архиепископ Московский и Калужский (с 1775; с 1787 — митрополит), митрополит Московский и Коломенский (с 1799); богослов, проповедник 653
- Плеве Вячеслав Константинович фон (1846—1904), государственный деятель, директор Департамента полиции (1881—1884), сенатор (с 1884), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1902) 215, 351
- Победоносцев Константин Петрович (псевд. — К. П.; 1827—1907), государственный деятель, член Государственного совета (с 1872), обер-прокурор Св. Синода (1880—1905), публицист, переводчик 7, 10, 23—25, 28,

- 31, 33, 39, 56, 61, 67, 133, 138, 140—142, 147, 152, 153, 158, 161, 166, 168, 172, 174, 175, 177—180, 182, 189, 191, 196, 217, 219, 221—224, 238, 240, 247, 259, 271, 272, 288, 294, 295, 298, 300, 302, 324, 330—332, 353, 377, 404, 413, 414, 423, 425—427, 452, 454, 462, 473, 474, 478—482, 488, 508, 510, 534—536, 540, 541, 549—551, 563, 602
- Погодин Дмитрий Михайлович (1836—1890), старший сын М. П. Погодина, владелец типографии 41, 176, 232, 234
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, прозаик, драматург, публицист, издатель, профессор Московского университета 9, 21, 41, 230, 625
- Погодин Петр Дмитриевич (1867 — ?), внук М. П. Погодина и племянник Т. И. Филиппова, историк-византист, секретарь Русского Археологического института в Константинополе; в 1890-е гг. чиновник особых поручений при государственном контролере (Филиппове); директор Александровской гимназии в Ревеле (с 1897), с 1912 г. помощник попечителя Казанского учебного округа 390, 391, 394, 395
- Погодина (урожд. Ираклионова) Елизавета Ивановна (1833—1907), сестра М. И. Филипповой, жена Д. М. Погодина, владелица типографии, ред.-изд. «Московской газеты» и газ. «Жизнь» 21, 285, 302
- Погожев Евгений Николаевич (псевд. — Евг. Поселянин; 1870—1931), духовный писатель, публицист, мемуарист; знакомый К. Н. Леонтьева 352, 653
- Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927), живописец 442
- Полетика Василий Аполлонович (1820—1888), публицист, изд.-ред. газ. «Биржевые ведомости» (1874—1878; в 1879—1881 гг. под назв. «Молва») 225, 227
- Полиевктова (урожд. Майкова) Наталья Михайловна, сестра О. М. Кошевской 406
- Полисадов Иоанн Никитич (1823—1886), протоиерей, настоятель Исаакиевского собора, проповедник; духовник Т. И. Филиппова 10
- Политов, брат Е. П. Леонтьевой 556, 566, 567
- Политов, брат М. Д. Политова 608,
- Политов Демьян, отец М. Д. Политова 608
- Политов Михаил Демьянович, двоюродный брат Е. П. Леонтьевой, московский купец, изобретатель 608, 609, 611, 614
- Политова Мария Борисовна, сестра Е. П. Леонтьевой 556, 566, 567
- Политова Фотиния Борисовна, сестра Е. П. Леонтьевой 556, 566, 567
- Политовы, семья 556, 567
- Половцов Александр Александрович (1832—1909), государственный деятель, статс-секретарь (с 1883), один из основателей и председатель

- (с 1879) Русского исторического общества 257, 413, 429, 549, 550
- Полонская Жозефина Антоновна (1844—1920), вторая жена Я. П. Полонского, художница, скульптор 431, 433
- Полонские, семья 433
- Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт, прозаик 431, 433, 588
- Помяловский Николай Герасимович (1835—1861), прозаик 283
- Понтий Пилат (Pontius Pilatus), римский наместник Иудеи в 26—36 гг. 295
- Попырникова (в замуж. Волкова) Валентина Александровна (? — 1908), издательница 626
- Портье д'Арк (Portier d'Arc) Александр (псевд.: А. Chernoff, A. Doverine), французский публицист, сотрудник журн. «Nouvelle Revue»; жил в 1880-е гг. в Петербурге как преподаватель нескольких средних учебных заведений 577, 586
- Прибиль (Прибыль) Яков Иванович (1812—1892), доктор медицины, действительный статский советник, цензор Московского цензурного комитета (с 1860-х) 130, 132, 148, 149, 152, 153
- Прозоров Вадим Борисович 129, 140, 240, 359, 427, 524
- Прокофий, кудиновский повар 114
- Прокофьев В. А. (псевд. — П.) 592 («Россия и греко-болгарская распря»), 593
- Пронин Александр Тимофеевич (1860-е — ?), крестьянин подмосковного с. Мазилово, муж В. А. Прониной (с 1884) 281, 283, 317, 334, 344, 377, 378, 438
- Пронин Константин (1885), первенец А. Т. и В. А. Прониных, скончавшийся в младенчестве 284
- Пронин Тимофей, крестьянин с. Мазилово, отец А. Т. Пронина
- Пронина (урожд. Сворова) Варвара Лукьяновна (ок. 1866—1950), дочь скотницы Агафьи (б. крепостной семьи Раевских), воспитанница Леонтьева 166, 264, 281, 283, 317, 438, 647, 649
- Пронина Мария Александровна (1887—?), дочь А. Т. и В. А. Прониных
- Пронины, дети А. Т. и В. А. Прониных 438
- Прутков Козьма, коллективный псевдоним гр. А. К. Толстого и бр. Жемчужниковых 347 («Кондуктор и тарантул»), 348
- Пуцыкович Валентин Федорович (1843—1909), секретарь редакции (1872—1873), а позднее ред. газ. «Гражданин», в 1877—1879 гг. изд. этой газ., с конца 1879 по 1881 г. издавал в Берлине газ. «Русский гражданин»; владелец типографии 79, 80, 90
- Пушкарев Н. А. 185
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт, прозаик, драматург, публицист, изд. журн. «Современник» 33, 34, 38, 43, 44, 48, 60, 66, 92, 149, 150, 308, 377, 385 («Евгений Онегин»), 388 («Евгений Онегин»), 431,

- 485 («Борис Годунов»), 486, 491, 530 («Кто на снегах возрастил...»), 531, 546 («Евгений Онегин»), 548 («Евгений Онегин»), 652
- Р. К. → Грингмут В. А.
- Радецкий Федор Федорович (1820—1890), генерал-адъютант 31
- Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) (1854—1928), философ 657
- Раевская Людмила Осиповна (1848 — после 1912), дочь О. Г. Раевского, с кон. 1880-х гг. послушница, а впоследствии монахиня Шамординского монастыря; приятельница М. В. Леонтьевой 103, 588
- Раевские, семья 588
- Раевский Константин Григорьевич (1802—1886), штабс-капитан, уездный судья Чернского уезда Калужской губ., последние годы жизни провел в Оптиной пустыни на добровольном послушании; брат О. Г. Раевского 588
- Раевский Осип Григорьевич (1814—1881), калужский помещик; сосед Леонтьева по имению 582, 583, 588
- Рахманинов Федор Иванович (1825, по др. свед. 1832 — 1880), цензор Санкт-Петербургского (с 1860) и Московского (с 1862) цензурного комитетов 130, 132, 149
- Рачинский Григорий Александрович (1859—1939), философ, публицист, переводчик, председатель московского Религиозно-философского общества, ред. изд-ва «Путь» 564
- Рачинский Сергей Александрович (1833—1902), педагог, публицист, общественный деятель 7, 301, 404, 414, 504, 541, 542, 549, 550, 587, 644
- Ренан (Renan) Жозеф Эрнест (1823—1892), французский писатель, историк, филолог 580, 588
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), композитор, дирижер, ректор Петербургской консерватории 242
- Розанов Василий Васильевич (1856—1919), писатель, публицист, религиозный мыслитель 5, 7, 26, 60, 67, 114, 503, 504, 514, 515, 588
- Русанов Гавриил Андреевич (1846—1907), толстовец, мемуарист 587
- Саблер Владимир Карлович (1847—1929), юрисконсульт Св. Синода (с 1881), управляющий канцелярией Синода (с 1883), товарищ обер-прокурора Синода (1892—1905), обер-прокурор (1911—1915) 429, 439, 440, 535, 536, 542
- Сабуров Андрей Александрович (1837—1916), государственный деятель, министр народного просвещения (1880—1881) 173
- Сабуров Петр Александрович (1835—1918), дипломат и государственный деятель, в 1870—1879 гг. посол в Афинах; брат А. А. Сабурова 525
- Савва (в миру Иван Михайлович Тихомиров; 1819—1896), ректор Московской духовной академии (1861), епи-

- скоп Можайский, викарий Московской епархии (1862—1866), Полоцкий (1866—1874), Харьковский (1874—1879), Тверской (с 1879; с 1880 — архиепископ); историк, археограф, мемуарист 257
- Сади-Карно (Sadi-Carnot) Мари Франсуа (1837—1894), президент Франции (с 1887) 478, 517, 521
- Садовский (наст. фам. Ермилов) Пров Михайлович (1818—1872), родоначальник актерской династии, актер Малого театра (1839), близкий к «молодой редакции» журн. «Москвитинин» 9
- Салиас де Турнемир де Турнефор (урожд. Сухово-Кобылина, псевд. Евгения Тур) Елизавета Васильевна (1815—1892), графиня, писательница, издатель-редактор газ. «Русская речь», хозяйка московского литературного салона 9
- Саломон Александр Петрович (псевд. — А. С.; 1853—1908), юрист, публицист, директор Александровского лицея; сын П. И. Саломона, друг Вл. С. Соловьева, духовный сын преп. Амвросия Оптинского 51—54, 515, 516, 520, 596
- Саломон (урожд. Никольская) Евгения Владимировна, дочь проф. Владимира Васильевича Никольского (1836—1883), старшая сестра Б. В. Никольского, жена А. П. Саломона 520
- Саломон Евдокия Петровна (1855 — после 1925), дочь П. И. Саломона, на-
сельница Шамординского монастыря (с июня 1917) 520, 596
- Саломон Петр Иванович (1819—1905), государственный деятель, чиновник Сената (с 1840), чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре Св. Синода (1858—1863), сенатор, член Государственного совета (с 1889); духовный сын преп. Макария и Амвросия Оптинских 515, 520, 566
- Саломон, семья 520
- Салтыков-Щедрин (наст. фам. — Салтыков, псевд. — Н. Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889), прозаик, публицист, издатель 328, 623
- Сальников Семен Карпович, владелец Готовских постоялых дворов в Мосальском уезде, старообрядец 72, 73
- Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901), общественный деятель, публицист, гласный московского земства; младший брат Ю. Ф. Самарина и издатель его сочинений 574—578
- Самарин Иван Васильевич (1817—1885), актер Малого театра (с 1837) 89, 96
- Самарин Петр Федорович (1830—1901), тульский помещик, брат Ю. Ф. и Д. Ф. Самариных 282
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), славянофил, философ, историк, публицист, общественный деятель 49
- Самарина (урожд. Евреинова) Александра Павловна (1836—1905), жена П. Ф. Самарина 282
- Самбикина Екатерина Васильевна (в монашестве Екатерина) (1842—1911),

- духовная дочь преп. Амвросия Оптинского, третья настоятельница Шамординского монастыря (с 1904); племянница К. Н. Леонтьева 103, 104, 166, 239, 321, 328, 400, 446, 447, 449, 557, 562, 568, 569, 654
- Санд (Sand) Жорж (наст. имя и фам. — Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван) (1804—1876), французская писательница 37, 92, 93, 479
- Сорова В. → Пронина В. А.
- Семевский Михаил Иванович (1837—1892), изд.-ред. журн. «Русская старина» (с 1870) 12, 386—389
- Сен-Симон (Saint-Simon) де Рувруа Клод-Анри де (1760—1825), граф, французский социалист-утопист 37
- Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1760—1833), преп. (память 2 (15) янв. и 19 июля (1 авг.)) 53, 198
- Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, сын имп. Александра II, московский генерал-губернатор (с 1891) 388
- Сергий Радонежский (в миру Варфоломей; ок. 1321—1391), преп.; основатель Троицкого монастыря, будущей Троице-Сергиевой Лавры (память 26 сент. (8 окт.) и 5 (18) июля) 333, 499, 648, 650, 651
- Сидоров Алексей Иванович 211
- Симеон (865—927), болгарский князь (с 893) и царь (с 919) 368
- Симеон Новый Богослов (ок. 949—1022), преп., аскетический писатель и гимнограф (память 12 (25) марта) 227, 332
- Скворцов Иван Васильевич (псевд. — И. Старов; 1855—?), церковный публицист 200
- Склобовский Димитрий Иванович, священник Рождество-Богородицкой церкви в г. Острогжске Воронежской губ., публицист, автор рецензии на книгу Филиппова «Современные церковные вопросы» 29, 239—242
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг., выдающийся полководец 222, 224, 415
- Слонимский Леонид (Людвиг) Зиновьевич (псевд. — Л. С.; 1850—1918), публицист, литературный критик, сотрудник (с 1877) и секретарь редакции (с 1883) журн. «Вестник Европы» 329
- Смирнов С. В. (? — 1901), петербургский врач-гомеопат, последователь Ч. Маттеи, автор книг о его системе электрогомеопатии 210, 211, 339
- Соколов, московский домовладелец 105
- Сократ (ок. 470 — 399 до н. э.), древнегреческий философ 431
- Соловьев Владимир Сергеевич (псевд. — П. Б. Д.) (1853—1900), философ, публицист, поэт, литературный критик 5, 7, 25, 28, 30, 32, 37, 40, 42, 43, 45—55, 66, 195, 201, 203, 251, 261, 274—276, 278, 279, 281, 283, 284, 286, 287, 290, 293, 294, 297, 298, 325, 344,

- 347, 383, 384, 388, 402—404, 427, 442, 477, 494—497, 499, 501—504, 507—509, 514—521, 525, 527, 530, 531, 559—561, 564, 574, 576—578, 587, 588, 591, 598—600, 603, 604, 624, 627, 648, 649, 653, 657, 658
- Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903), прозаик, литературный критик, старший брат Вл. С. Соловьева 28, 79, 87, 93, 110, 155, 160, 163, 164, 168, 169, 203, 442
- Соловьев Дамир Васильевич 66
- Соловьев Михаил Сергеевич (1862—1903), педагог, переводчик, младший брат и издатель Вл. С. Соловьева 404
- Соловьев Николай Яковлевич (1845—1898), драматург 19—23, 73—75, 79, 85, 86, 89, 95—97, 99—102, 105, 112, 115, 118, 166, 182, 183, 187, 198, 203, 239, 326, 368, 435, 440
- Соловьев Тимофей Павлович (1861—1911), богослов, философ, чиновник Государственного контроля 26
- Соловьева, врач, знакомая о. Эраста (Вытропского) 350
- Соловьева (урожд. Раевская) Варвара Осиповна (1861—1920?), жена Н. Я. Соловьева 435
- Соловьевы, семья Н. Я. Соловьева 435
- Сольская (урожд. Мясоедова) Мария Александровна (1840 — не ранее 1911), жена Д. М. Сольского 550
- Сольские, семья 550
- Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910), граф (с 1902), государственный деятель, государственный кон-
- тролер (1878—1889), председатель Департамента законов Государственного совета (1889—1893), председатель Государственного совета (1905—1906) 429, 544, 550, 575
- Сорокин, московский домовладелец 175
- София (в миру София Михайловна Болотова, в первом браке Янькова, во втором Астафьева; ок. 1846—1888), схигуменья, первая настоятельница Шамординского Казанского женского монастыря 350, 352, 448
- Софроний, митрополит Янинский в 1860-е — 1870-е гг. 537
- Соханская Надежда Степановна (псевд. — Н. Кохановская) (1825 или 1823 — 1884), прозаик 12
- Спенсер (Spencer) Герберт (1820—1903), английский философ и социолог 36, 183, 234
- Стамбулов (Стамболов) Стефан Николов (1854—1895), министр иностранных дел и глава правительства Болгарии (1887—1894) 367, 620
- Станислав (1030—1079), св. Католической Церкви, епископ Краковский; орден св. Станислава, учрежденный в 1765 г. королем Станиславом-Августом Понятовским, в 1831 г. был причислен к орденам Российской Империи 101
- Станиславский (? — 1887), убитый крестьянами управляющий имением Н. А. Тучковой-Огаревой 462
- Старов И. → Скворцов И. В.
- Старчик → Васильев А. П., прот.

- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), публицист, историк, ред.-изд. журн. «Вестник Европы» (с 1866) и газ. «Порядок» (1881—1882) 238, 240, 477
- Стоюнин Владимир Яковлевич (1826—1888), педагог, публицист, историк литературы 408
- Стоянов С., болгарский журналист, корреспондент «Московских ведомостей» в Филиппополе (Пловдиве) 111
- Страхов Николай Николаевич (псевд. — Н. С.; 1828—1896), философ, публицист, критик, член-корреспондент Императорской Академии наук (1890), фактич. ред. журн. «Заря» (1869—1872) 5, 6, 19, 28, 30, 48, 52, 79, 81, 83, 87, 94, 371, 377, 378, 380, 386, 393, 395, 442, 497, 499—501, 504, 515, 516, 578
- Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885), государственный деятель, дипломат; директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1864—1875) 101, 353
- Струве Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, публицист, политический деятель 37
- Субботин Николай Иванович (1827—1905), церковный историк, публицист, профессор Московской духовной академии, публицист, изд. журн. «Братское слово» 73, 200, 348, 642, 647, 650
- Суворин Алексей Сергеевич (псевд. — Незнакомец; 1834—1912), публицист, издатель газ. «Новое время» (с 1876), драматург 10, 61, 141, 144, 162, 225, 227, 234, 393, 394, 479, 543, 546, 592
- Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901), историк литературы, профессор Санкт-Петербургского ун-та (с 1860), академик Имп. Академии наук (с 1872) 378, 393, 395
- Таисия (в миру Татьяна Юрьевна Карцова; 1896—1995), монахиня, духовная писательница; дочь Ю. С. Карцова 352
- Тарасий (? — 806), патриарх Константинопольский, св. (память 25 февр. (10 марта)) 10
- Тар—ов (Тарасов?), автор письма в «Гражданин» об «афонских дрязгах» (1891) 628
- Тарновский Вениамин Михайлович (1839, по др. свед. 1837 — 1906) врач-венеролог, проф. Санкт-Петербургской медико-хирургической академии 342, 343
- Татаринов Валериан Алексеевич (1816—1871), государственный деятель, статс-секретарь (с 1858), государственный контролер (с 1864; как исправляющий должность — с 1 янв. 1863) 13
- Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906), дипломат, историк, публицист, переводчик 525—527
- Твердко Балканский, псевдоним хорвата, автора статьи о К. Н. Леонтьеве

- в «Современных известиях» 315, 327
- Теплов Владимир Александрович (? — не ранее 1908), дипломат, публицист; второй секретарь посольства в Константинополе (1879), впоследствии генеральный консул в Нью-Йорке, чиновник особых поручений при министре иностранных дел 212—216, 218, 222
- Теренций (Публий Теренций Афр; Publius Terentius Afer) (ок. 195—159 до н. э.), древнеримский комедиограф 391
- Терновский → Тарновский В. М.
- Тертий (I в.), апостол (память 10 (23) нояб. и в Соборе 70 апостолов — 4 (17) янв.) 120, 170, 499
- Тихомиров Лев Александрович (1852—1923), публицист, мемуарист; революционер-народник, член исполнительного комитета партии «Народная воля», в 1882 г. эмигрировал, издавал (вместе с П. А. Лавровым) «Вестник Народной воли»; в 1888 г. подал прошение на Высочайшее имя о помиловании и вернулся в Россию; сотрудник, а в 1909—1913 гг. редактор газ. «Московские ведомости»; в 1890—1891 гг. встречался и переписывался с Леонтьевым 5, 540, 545, 603, 653
- Тодори, кавас русского консульства в Янине 87
- Толстая (урожд. княз. Грузинская) Анна Георгиевна (1798—1889), графиня, жена гр. А. П. Толстого, благотворительница 12, 78, 120, 147—149, 151, 173, 174, 189, 191, 220, 228, 257, 268, 280, 359, 544, 545, 547, 549, 563
- Толстая (в замуж. Оболенская) Мария Львовна (1871—1906), гр. дочь Л. Н. Толстого 580, 587
- Толстая Мария Николаевна (1830—1912), графиня, сестра гр. Л. Н. Толстого, монахиня Шамординского монастыря 580, 581, 587
- Толстая (урожд. Бахметева, в первом браке Миллер) Софья Андреевна (? — 1892), графиня, жена гр. А. К. Толстого 187, 194, 274, 284
- Толстая (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844—1919), графиня, жена гр. Л. Н. Толстого 581, 587
- Толстая (в замуж. Сухотина) Татьяна Львовна (1864—1960), графиня, дочь гр. Л. Н. Толстого 10, 580, 587
- Толстой Александр Петрович (1801—1873), граф, генерал-лейтенант, государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода (1856—1862), член Государственного совета (с 1872) 12, 13, 16, 120, 228, 355, 359, 364, 520, 563
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875), граф, поэт, драматург, прозаик 10, 187, 273, 274
- Толстой Георгий Александрович, диакон церкви в Доме призрения при Троице-Сергиевой Лавры; из крестьян, ученик Татевской школы С. А. Рачинского, окончил Вифанскую семина-

- рию; участвовал в отпевании К. Н. Леонтьева 644
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода (1866—1880), министр народного просвещения (1867—1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (с мая 1882), сенатор 15, 16, 28, 47, 133, 212, 215, 219, 223, 224, 247, 323, 358, 368, 370, 374, 375, 377, 395, 401, 403, 422, 424, 425, 427, 435, 535, 536, 539, 542, 560, 619, 624, 637
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, прозаик, драматург, публицист 28, 33, 38, 40, 41, 43, 45, 47, 48, 66, 92, 114, 132, 144, 223, 224, 229, 264, 292, 314, 384, 385, 387, 432, 435, 463, 475, 479, 489—494, 495 («Анна Каренина», «Война и мир»), 497 («Анна Каренина», «Война и мир»), 513, 521, 530, 538, 543, 549, 572, 573, 579—583, 585, 587, 588, 598, 599, 601, 603, 604, 638
- Толстой Николай Алексеевич (1867—1938), выпускник Московского пажеского корпуса и Московской духовной академии, священник (с 1890), участвовал в отпевании К. Н. Леонтьева; в 1894 г. в Риме перешел в католичество восточного обряда с принятием сана хорепископа, в 1905 г. вернулся в Россию; расстрелян в Киеве 59, 644
- Толстые, гр., семья 388, 581
- Томилин, племянник о. Эразма (Вытропского) 361
- Томилаина Антонина Александровна, племянница о. Эразма (Вытропского) 612, 614, 615, 623, 626—628
- Тредьяковский Василий Кириллович (1703—1768), поэт, филолог 372
- Трепов Федор Федорович (1812—1889), генерал-адъютант, петербургский градоначальник (1873—1878) 212, 215
- Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892), московский городской голова (1877—1881); брат П. М. Третьякова 174, 179
- Трифон (в миру князь Борис Петрович Туркестанов; 1861—1934), иеромонах; епископ (с 1901), впоследствии митрополит Московский 526, 527, 529, 602, 605, 644, 646
- Трубецкая (урожд. Долгорукова) Мария Александровна (1869—1949), княгиня, жена кн. Ю. И. Трубецкого, дочь кн. А. С. Долгорукова и О. П. Долгоруковой (урожд. Шуваловой; 1848—1927) 550
- Трубецкая (урожд. Четвертинская) Надежда Борисовна (1815—1909), княгиня, основательница и патронесса благотворительных учреждений 545
- Трубецкая (урожд. бар. Мейендорф) Ольга Егоровна (1841—1902), княгиня, мать кн. Ю. И. Трубецкого 551
- Трубецкой Иван Юрьевич (1841—1915), князь, отец кн. Ю. И. Трубецкого 551
- Трубецкой Юрий (Георгий) Иванович (1866—1926), князь, впоследствии генерал-лейтенант 550

- Турбин, брат мон. Алексия (Турбина) 640
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), прозаик, драматург, поэт, публицист 9, 93, 94, 109, 113, 114, 172, 292, 349, 351, 352, 367, 385, 386, 388, 389, 391, 392, 394, 396, 397, 399, 405, 407, 436, 460, 463, 475, 494, 496, 513, 514, 619
- Тухолка Лев Федорович, государственный деятель, филиппопольский губернатор в период русского управления в освобожденной Болгарии (1878—1879), одесский градоначальник (1881—1882), директор департамента таможенных сборов, начальник Главного управления таможенного контроля 125
- Тучкова-Огарева (урожд. Тучкова) Наталья Алексеевна (1829—1913/1914), вторая жена (с 1849) поэта и публициста Н. П. Огарева (1813—1877), с 1857 г. гражданская жена А. И. Герцена; мемуаристка 462
- Тьер (Thiers) Луи-Адольф (1797—1877), французский государственный деятель, историк, президент Франции (1871—1873) 110 (тьеризм)
- Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф (с 1846), государственный деятель, министр народного просвещения (1833—1849), президент Императорской Академии наук (с 1818), член Российской академии (с 1831) 20
- Уманов Николай Алексеевич (псевд.: П. Волженский (совм. с Я. А. Денисовым), Н. У., Н. У—в; ок. 1863 — после 1914), юрист, публицист, сотрудник газ. «Русское дело» и «Московские ведомости», судебный следователь Инсарского уезда Пензенской губ.; ученик К. Н. Леонтьева 393, 395, 411, 457—459, 462, 463, 465, 471, 472, 488, 490, 502, 505, 514, 543
- Уманова (урожд. Владыкина), мать Н. А. Уманова 458, 462
- Умановы, семья 458
- Успенский Глеб Иванович (1843—1902), прозаик, публицист 432
- Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870/71), педагог, сторонник идеи воспитывающего обучения, составитель книги для чтения «Родное слово» (1864) 144
- Фаресов Анатолий Иванович (1852—1928), историк литературы, мемуарист 7, 26
- Фатеев Валерий Александрович 7
- Федоров Вениамин Яковлевич (1828 или 1829 — 1897), секретарь (1858—1865), чиновник для особых поручений при Главном управлении по делам печати (1865—1867), цензор (1867), председатель Московского цензурного комитета (с 1883) 245, 248, 250, 251, 255, 265, 277, 315, 323, 344, 345, 349—351, 353, 356, 366, 398
- Феня → Орлова Ф. П.
- Феокрит (кон. IV — первая пол. III в. до н. э.), древнегреческий поэт 531
- Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898), публицист, государ-

- ственный деятель, начальник Главного управления по делам печати (1883—1895), мемуарист 25, 146, 154, 181, 229, 245, 247—258, 265, 267, 269, 270, 272, 294, 307, 323, 329, 330, 341, 344—347, 349, 351, 353, 357, 359, 363, 368—370, 372—377, 390, 398—400, 403, 406, 413, 420, 421, 424, 425, 429, 473, 478, 639
- Феокистова (урожд. Беклемишева) Софья Александровна (1840-е — после 1918), жена Е. М. Феокистова 399, 473
- Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров; 1815—1894), св., богослов, духовный писатель, проповедник, переводчик; епископ Тамбовский и Шацкий (1859—1863), епископ Владимирский (1863—1866), с 1866 на покое в Вышенском монастыре Тамбовской епархии; канонизирован в 1988 г. 46
- Феофан (в миру Элеазар Прокопович; 1681—1736), архиепископ Новгородский, автор «Духовного регламента», проповедник, драматург 31, 45, 225, 227, 307, 308, 340, 341, 454 (Духовный регламент), 479, 481, 508
- Фералонтов Андрей Николаевич, московский издатель церковной литературы и книгопродавец, староста церкви Николы в Толмачах 238, 240
- Фердинанд I Кобургский (1861—1948), князь Болгарии (1887—1908), царь (1908—1918) 367, 620
- Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892), поэт, переводчик, публицист, мемуарист 5, 28, 48, 240, 377, 411, 433, 579, 586, 603, 617, 624, 626
- Фетисенко Ольга Леонидовна 5, 10—12, 14, 16, 26, 49, 56, 66—68, 88, 182, 184, 224, 248, 276, 307, 411, 505, 603, 604, 626, 657, 658
- Фидлер Федор Федорович (1859—1917), переводчик, мемуарист 588
- Филарет, болгарин, монах, гостинник Св.-Пантелеймоновского монастыря на Афоне в 1840—1850-х гг. 260, 264
- Филарет Московский (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783—1867), свт., митрополит Московский и Коломенский; канонизирован в 1995 г. 6, 9, 28, 56, 321, 328, 406, 407, 474, 498, 499, 643, 644
- Филипп II Македонский (382—336 до н. э.), царь (с 359) 103
- Филиппов Иван Филиппович (ок. 1795—1829), отец Т. И. Филиппова (как это часто практиковалось в те годы, родители «незаконных» детей записывались в метрических книгах их восприемниками, т. е. крестными), ржевский провизор, содержатель вольной аптеки (с 1819) 8
- Филиппов Сергей Тertiевич (1871—1922), сын Т. И. Филиппова, выпускник Александровского лицея (1893), камер-юнкер, впоследствии камергер, действительный статский советник; управляющий Контрольной палатой в Киеве (1894), чиновник для особых

- поручений при Министерстве финансов (1895—1898), скончался в Берлине 21, 62, 63, 146, 189, 257, 258, 263, 284, 341—343, 394, 420, 452, 464, 472, 475, 489, 506, 514, 532, 540, 567, 584, 605, 607, 616
- Филиппова Анастасия Николаевна (1804—1874), невенчанная жена И. Ф. Филиппова, мать Т. И. Филиппова 8, 73, 471, 623
- Филиппова (урожд. Ираклионова) Мария Ивановна (1836—1894), жена Т. И. Филиппова (с 1858) 10, 21, 23, 99, 125, 160, 189, 219, 223, 224, 239, 251, 254, 257, 263, 267, 271, 276—278, 285, 303, 309, 326, 337, 343, 349, 350, 377, 387, 389, 391, 394, 397, 399, 439, 440, 449, 472, 473, 475, 485, 487—490, 492, 503, 506, 514, 528, 550, 555, 562, 567, 585, 602, 605, 607, 616, 623, 627, 629
- Филиппова (в замужестве Пелисье, по др. свед. Пиалисье) Мария Тертиевна (1859—1896), старшая дочь Т. И. Филиппова 21, 160, 189, 239, 257, 263, 285, 290, 506, 532, 533, 562, 564, 567
- Филиппова (в замужестве Корибут-Дашкевич) Наталья Тертиевна (1860 — ?), дочь Т. И. Филиппова; глава управления Санкт-Петербургского общества поощрения женского художественно-ремесленного труда (1901—1904) 21, 160, 189, 239, 257, 263, 285, 506, 567, 616, 617, 629
- Филипповы, семья 99, 189, 257, 263, 452, 473, 503, 548, 617
- Философова (урожд. Дягилева) Анна Павловна (1837—1912), деятельница женского движения 1860-х гг., одна из создательниц Высших женских (Бестужевских) курсов (1878) 282
- Филофей (в миру Тимофей Григорьевич Успенский; 1808—1882), митрополит Киевский и Галицкий (с 1876); с 1857 г. был епископом Тверским и Кашинским (с 1861 в сане архиепископа), в этот период с ним и познакомился Филиппов 447, 449, 452—456
- Флавиан (в миру Феодосий Матвеевич Маленков; 1823—1890), иеросхимонах, казначей Оптиной пустыни (с 1862; утвержден в должности в 1865) 601, 604
- Флеров Сергей Васильевич (псевд. — С. Васильев; 1841—1901), педагог, театральный критик, журналист, сотрудник газ. «Московские ведомости» и журн. «Русское обозрение» 204 («Письма из Италии»), 206
- Флобер (Flaubert) Гюстав (1821—1880), французский писатель 603
- Фома (I в.), св. апостол (память 6 (19) окт.) 141, 143, 209, 416
- Фомин Сергей Владимирович 657
- Форстер (Forster) Уильям-Эдвард (1818—1886), британский государственный деятель, сторонник У. Ю. Гладстона 165
- Фудели, семья 535
- Фудель (урожд. Емельянова) Евгения Сергеевна (1865—1927), жена И. И. Фуделя 527, 653

Фудель Иосиф (Осип) Иванович (псевд. — N. N.; 1864/1865—1918), священник (с 1907 протоиерей), публицист, мемуарист, педагог; один из ближайших друзей Леонтьева в последние годы его жизни, изд. первого собр. соч. Леонтьева и автор статей о нем 5, 7, 55, 56, 61—63, 197, 255, 338, 345, 462, 502, 505, 510, 521, 526—530, 534, 535, 538, 540—542, 561, 567, 585, 589, 590, 593, 601, 604, 605, 609, 612, 615, 624, 627, 644, 652, 653, 657

Фудель (урожд. Червинская) Мария (1840-е — 1910-е), мать И. И. Фуделя 535, 540

Фудель Сергей Иосифович, сын прот. И. И. Фуделя, публицист, мемуарист 52

Фурье (Fourier) Франсуа-Мари-Шарль (1772—1837), французский социалист-утопист 37

Хатунцев Станислав Витальевич 520

Хитрова → Хитрово С. П.

Хитрово Михаил Александрович (1837—1896), дипломат, поэт; правнук М. И. Кутузова, приятель К. Н. Леонтьева 274, 355

Хитрово (урожд. Бахметева) Софья Петровна (1846—1910), жена М. А. Хитрово, племянница гр. С. А. Толстой; приятельница К. Н. Леонтьева и «муза» Вл. С. Соловьева 273, 274, 281, 282, 588

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), славянофил, философ, поэт,

публицист 11, 28, 49, 67, 275, 276, 384, 479, 482, 495, 560, 658

Хренков Андрей Вальтерович 534

Цанков Драган Кириаков (1828—1911), болгарский политический и государственный деятель 367

Цезарь (Caesar) Гай Юлий (102 или 100 — 42 до н. э.), римский диктатор, полководец, писатель 218

Цередринов Х. → Буренин В. П.

Цертелев (Церетелев) Дмитрий Николаевич (1852—1911), князь, философ, публицист, поэт, редактор журн. «Русский вестник» (1887—1889) и «Русское обозрение» (1890—1892) 595, 613, 622, 653

Цесаревич → Александр III Александрович, имп.

Цимсен Алексей Васильевич (1832—1889), государственный деятель, директор Особенной канцелярии по кредитной части, управляющий Государственным банком (1881—1889) 526

Цион Илья Фаддеевич (1842—1912), физиолог, публицист; согласно распространенным в 1887 г. слухам, по поручению М. Н. Каткова встречался в 1887 г. встречался в Париже с Ш. Т. Флоке (см. также справку о К. Г. Катакази) 414

Цитович Петр Павлович (1842—1912), ученый-правовед, государственный деятель, публицист, проф. Новороссийского (1873—1879) и Киевского

- (с 1884) университетов, ред. газ. «Берег» (1880) 135, 136, 142, 155, 169, 432, 434
- Чельцов Иван Васильевич** (1828—1878), историк Церкви, профессор Санкт-Петербургской духовной академии 13
- Чемоданов Михаил Михайлович** (псевд. — Добромыслов; кон. 1850-х — ?), карикатурист, сотрудник журн. «Свет и тени» и «Зритель» 186
- Черепанов Иван Петрович**, послушник Оптиной пустыни (с 1890) 576, 577
- Черепанова, жена И. П. Черепанова** 577
- Чернов → Портье д'Арк**
- Чернов Сергей Леонидович** 103
- Чернышевский Николай Гаврилович** (1828—1889), прозаик, публицист, литературный критик, общественный деятель, сотрудник журн. «Современник» 53
- Черняев Михаил Григорьевич** (1828—1898), генерал-лейтенант (1882), военный и общественный деятель, руководитель военных действий в Сербии (1876), публицист, ред. газ. «Русский мир» (1873—1878, совм. с Р. А. Фадеевым) 369, 372
- Четвериков Сергей Иванович** (1867—1947), протоиерей, духовный писатель 10
- Чистович Иларион Алексеевич** (1828—1893), историк Церкви, профессор Санкт-Петербургской духовной академии 13
- Чихачев Николай Матвеевич** (1830—1917), адмирал (1892), государственный деятель, министр морских сил (1888—1896) 608, 609
- Чуфрин (Чуффрин) Федор Павлович** (псевд. — Ф. Ч.; 1864 или 1865 — ?), педагог, публицист, духовный сын преп. Амвросия Оптинского; с 1892 г. вольнослушатель Московской духовной академии 564, 588, 622, 623, 626, 644—654
- Шарапов Сергей Федорович** (1855—1911), публицист, издатель газ. «Русское дело» (1886—1890), «Русский труд» (1897—1899) и др., прозаик, драматург, поэт, общественный деятель, сельский хозяин, владелец Сосновской мастерской лаутов, изобретатель 25, 26, 28, 248, 331, 332, 338, 348, 366, 367, 380, 442, 458, 459, 462, 463, 502, 504, 513, 514, 519, 621, 625
- Шатилов Иосиф Николаевич** (1824—1889), сельский хозяин, помещик Таврической и Тверской губ., общественный деятель, председатель Имп. Московского Общества сельского хозяйства 224
- Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа-Рене де** (1768—1848), французский писатель и государственный деятель 531
- Шванн (Шван, Schwann) Теодор** (1810—1882), немецкий физиолог, основатель клеточной теории 501, 504
- Шевич Иван Егорович** (1841—1912), каляужский губернатор (1871—1882),

- лифляндский губернатор (1883—1885), сенатор (с 1885), член Государственного совета (с 1903); племянник гр. А. Д. Блудовой 117, 119, 134
- Шевич (урожд. гр. Блудова) Лидия Дмитриевна (1815—1882), дочь гр. Д. Н. Блудова, мать И. Е. Шевича 119
- Шеврие Марселина Петровна, владелица гостиницы «Мир» в Москве 75
- Шекспир (Shakespeare) Уильям, английский драматург и поэт 603
- Шеллинг (Schelling) Фридрих-Вильгельм-Иосиф фон (1775—1854), немецкий философ 227
- Шереметев Василий Сергеевич (1882—1883), граф, сын С. Д. Шереметева, умерший во младенчестве 231
- Шереметев (Шереметьев) Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, общественный деятель, издатель, мемуарист 41, 229, 231, 232, 234
- Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888), государственный деятель, министр морских сил (с 1882), адмирал (с 1888) 219
- Шидловская (урожд. Шабельская; 1861—1918) Вера Николаевна, жена Б. В. Шидловского, основательница Ново-Тихвинской женской общины в Бирюченском уезде Воронежской губ. 577
- Шидловский Борис Вячеславович, послушник Оптиной пустыни (с 1890); двоюродный брат гр. С. А. Толстой 576, 577
- Шишкин Николай Павлович (1830—1902), дипломат, член Государственного совета, статс-секретарь 622
- Шишмарев Николай Михайлович, начальник Мятлевской станции Московской-Рязанской железной дороги 147
- Шлейден (Schleiden) Матиас-Якоб (1804—1881), немецкий ботаник 501, 504
- Шопенгауэр (Шопенгауер, Schopenhauer) Артур (1788—1860), немецкий философ 37, 40, 195
- Шредер Иван Николаевич (1835—1908), скульптор, свойственник К. Н. Леонтьева (брат жены В. Н. Леонтьева, М. Н. Леонтьевой) 315, 327
- Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф, государственный деятель, дипломат 189
- Шульце К., владелец типографии в Берлине 16
- Щеглов Дмитрий Федорович (? — 1902), историк, а педагог 594
- Щербакова Марина Ивановна 30
- Эберман Владимир Михайлович (псевд.: В., Вольмар, П. Х.; 1842 — ?), поэт, журналист; сотрудник газ. «Голос Москвы» (1885); сын английского подданного, родился в Нижнем Новгороде, в 1861 г. бежал из России, был наборщиком Вольной русской типографии в Лондоне, заподозрен в шпионаже, с 1864 г. жил в Тульче, учительствовал, служил в лавке, трактире,

- в 1866 г. тайно вернулся в Россию, содержался в остроге в Кишиневе, в 1869 г. должен был подвергнуться высылке из России в Англию, но там отказались его принять; в январе 1870 г. III Отделение разрешило ему остаться в России 279, 281—284, 286, 290, 361, 362, 372, 575, 578—580, 585—587
- Эберман Михаил, отец В. М. Эбермана 282
- Эберман Татьяна Ивановна, жена В. М. Эбермана 281, 282, 286
- Эберманы, семья 281, 282, 286
- Эдельсон Евгений Николаевич (1824—1868), литературный критик, сотрудник журн. «Москвитянин» и «Библиотека для чтения» 9
- Эдил, царь Фив в древнегреч. мифологии 530, 531
- Эйфель (Eiffel) Александр-Гюстав (1832—1923), французский инженер, строитель башни в Париже, названной его именем 618, 624
- Энгельгардт Николай Александрович (1866—1942), публицист, сотрудник газ. «Неделя», «Новое время», сын экономиста А. Н. Энгельгардта, приятель Вл. С. Соловьева 278, 279
- Энгиенский герцог → Луи-Антуан-Анри
- Эразм (в миру Эраст Кузьмич Выгтропский, в иночестве Эраст; 1828 или 1829—1913), монах; одноклассник Филиппова по Тверской гимназии, письмоводитель городнического правления во Ржеве; в 1886 г. посту-
- пил в Оптину пустынь (указ консистории о его вступлении в братство — 1899), письмоводитель преп. Амвросия Оптинского, заведующий канцелярией монастыря, автор-составитель «Исторического описания Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии)» (Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1902) 57, 58, 64, 348—350, 352, 354, 357, 358, 361, 362, 377, 379, 429, 433, 439—441, 443, 445—447, 450, 453, 456, 474, 495, 496, 499, 503, 506, 515, 518, 519, 525, 529, 531—534, 543, 549, 551—554, 565, 567, 574, 575, 596, 604—607, 612, 614, 617, 623, 627, 629, 653
- Эраст, Эраст Кузьмич → Эразм (Выгтропский)
- Ювеналий (в миру Иван Андреевич Половцов (Половцев); 1826—1904), архиепископ Литовский и Виленский (с 1898); послушник (с 1847) и монах (с 1855) Оптиной пустыни, сотрудник Иерусалимской миссии (1857—1861), настоятель Глинской пустыни (1861—1862), Коренной пустыни (1862), наместник Александро-Невской лавры (1867—1871), до 1884 г. — на покое в Оптиной пустыни; наместник Киево-Печерской лавры (1884—1892), епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1892—1893), епископ Курский и Белгородский (1893—1898); пере-

- водчик на русский язык «Лествицы» св. Иоанна Лествичника (1862) и творений преп. Петра Дамаскина (1874), один из соавторов перевода огласительных слов преп. Феодора Студита (1883), автор жизнеописания преп. Моисея Оптинского (1882) 154, 155, 160, 222, 223
- Южный → Зельманов М. Г.
- Юзефович Владимир Михайлович (1841—1893), государственный деятель, член совета Главного управления по делам печати, камергер (с 1879) 522
- Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888), математик, астроном, переводчик, редактор журн. «Беседа» (1871—1872) и «Русская мысль» (1880—1885), общественный деятель 34, 230, 247, 281
- Якунчиков Владимир Васильевич (кон. 1850-х — после 1917), московский фабрикант, потомственный почетный гражданин, кандидат права, действительный статский советник, член правления ряда московских банков, старший сын основателя Воскресенской Наро-Фоминской бумагопрядильной мануфактуры Василия Ивановича Якунчикова (1827—1907), владелец усадьбы Нара 546
- Aksakov I. S. → Аксаков И. С.
Alexandre III → Александр III
- Doverin A. → Портье д'Арк А.
- Gogol → Гоголь Н. В.
- Katkoff → Катков М. Н.
- Leroy-Beaulieu → Леруа-Болье А.
- N. (Русский курьер) 196
N. N., калужский корреспондент журн. «Братское слово» 348
N. N. → Фудель И. И.
- Saint-Cère Jacque, французский публицист, сотрудник газ. «Figaro» 463
Spectator → Грингмут В. А.
Strakhov N. N. → Страхов Н. Н.
- Tchernoff A. → Портье д'Арк А.

Указатель периодических изданий *

- «Берег» (СПб., 15 марта — дек. 1880), ежедн. газ.; ред. П. П. Цитович; на публикации этой газеты Леонтьев откликался в своих статьях в «Варшавском дневнике» 136, 137, 140—145, 169, 170, 432, 434
- «Беседа» (М., 1871—1872), ежемес. журн.; изд. А. И. Кошелев, ред. С. А. Юрьев 13, 281
- «Библиотека для чтения» (СПб., 1834—1865), ежемес. журн.; изд. с нояб. 1860 — А. Ф. Писемский, с 1863 — П. Д. Боборыкин, с 1865 изд.-ред. П. Д. Боборыкин и Н. Н. Воскобойников 13
- «Биржевые ведомости» (СПб., 1861—1879), ежедн. газ.; изд.-ред. К. В. Трубников, ред. В. А. Полетика 225, 227
- «Братское слово» (М., 1875—1899), журн. для изучения и критики старообрядчества; в 1875—1876 выходил 4 раза в год, в 1883—1899 — 2 раза в мес., кроме июня и июля; ред.-изд. Н. И. Субботин 348
- «Будильник» (СПб., 1865—1872; М., 1873—1917), еженед. сатирич. журн.; ред.-изд. с 1882 Е. Ю. Арнольд 186
- «Варшавский дневник», офиц. ежедн. газ., выходившая в Варшаве; в янв. — апр. 1880 г. Леонтьев был помощником редактора газеты кн. Н. Н. Голицына и основным автором издания (последняя публикация — в нояб.), цензором газеты был К. А. Губастов 23, 34, 35, 38, 61, 81, 82, 90, 124, 125, 129—133, 135, 138, 140—146, 157, 162, 176, 177, 182, 192, 196, 204, 235, 238, 239, 241, 242, 246, 248, 267, 268, 273, 278, 291, 292, 295, 377, 382, 402, 432, 433, 436, 438, 494, 557, 558, 638, 656
- «Вестник Европы» (СПб. (Пг.), 1866—1918), ежемес. журн.; ред.-изд. М. М. Стасюлевич 47, 49, 52, 54, 76, 200, 325, 329, 371, 496, 497, 656
- «Вестник РХД» (Париж, с 1925, с перерывом в 1932—1948 гг.), журн. 25, 49, 521
- «Вопросы философии и психологии» (М., 1889—1918), ежемес. журн.; ред.-изд. Н. Я. Грот 564
- «Восток» (М., 1879—1886), газ.; ред.-изд. Н. Н. Дурново; Леонтьев печатался здесь в 1879 г. 23, 104, 105, 107, 115—118, 124, 134—137, 180, 190, 191, 193, 196, 199, 200, 205, 206, 212, 213, 216, 240, 656

* Сведения об издателях и редакторах указываются только в хронологических рамках публикуемой переписки.

- «Голос» (СПб., 1863—1884), ежедн. газ.; ред.-изд. А. А. Краевский 133, 141, 144, 159, 225, 636
- «Голос Москвы» (М., 1885—1886), ежедн. газ.; в 1885 ред.-изд. Н. В. Васильев; Леонтьев поместил в этой газете очерк «Священник-убийца» 25, 48, 49, 276, 278—280, 282, 284, 286, 290, 294, 506, 657
- «Гражданин» (СПб., 1872—1914), газ.-журн.; ред.-изд. кн. В. П. Мещерский; еженед., с окт. 1887 — ежедн.; Леонтьев и Филиппов были сотрудниками этого издания 13, 16, 17, 25, 29, 31, 40, 44, 46, 47, 50, 52—54, 56, 67, 71—74, 76, 78—81, 84, 90, 91, 199, 200, 212, 220, 226—228, 230, 231, 236—239, 241, 242, 246, 247, 273, 304, 305, 319, 320, 325, 338, 343, 344, 362, 380, 388, 393, 394, 399, 401, 404—409, 411, 416, 425—429, 432—434, 436, 438, 440—444, 448, 450, 451, 455—457, 459, 460, 461, 464—469, 472, 474—480, 483—486, 490, 491, 495—500, 503, 506—510, 518, 521, 522, 527, 528, 530, 536—538, 542, 544, 546—548, 552, 553, 568—570, 572, 577, 585, 586, 590, 598, 599, 603—605, 609, 610, 614, 615, 617, 619, 625—629, 638, 647, 652, 654, 657
- «День» (М., 1861—1865), газ.; изд.-ред. И. С. Аксаков 575
- «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1834—1917) 13, 16
- «Заря» (СПб., 1869—1872), ежемес. журн.; изд.-ред. В. В. Кашпиров 94, 129, 432, 434
- «Зоря» → «Заря»
- «Зритель» (М., 1881—1885), ил. лит., худож. и юморист. Журн. (с 1884 — ил. журн. обществ. жизни и литературы); ред.-изд. В. В. Давыдов; Леонтьев был цензором этого издания 186, 278, 279
- «Известия Славянского благотворительного общества» (СПб., 1883—1888), ежемес. журн.; ред. Н. Н. Страхов 274, 554
- «Искра» (СПб., 1859—1873), сатирич. ил. журн.; изд.-ред.: Н. А. Степанов, Вас. С. Курочкин, с 1865 — Вас. С. Курочкин, ред. Вл. С. Курочкин 416
- «Исторический вестник» (СПб. (Пг.), 1880—1917), ежемес. журн.; ред.-изд. С. Н. Шубинский, с 1881 изд. А. С. Суворин 7, 12, 26, 442, 549, 657
- «Крутозор» (СПб., 1876—1878), еженед. журн.; изд. В. П. Ключников (1841—1892) 84

- «Молва» (СПб., 1879—1881), ежедн. газ.; ред.-изд. В. А. Полетика 141, 144
- «Москвитянин» (М., 1841—1856), — ежемес. журн.; изд.-ред. М. П. Погодин 9
- «Московские ведомости» (М., 1756—1917), ежедн. газ.; в 1851—1855 и 1863—1887 ред.-арендатор М. Н. Катков (до 1873 совм. с П. М. Леонтьевым), с 1887 — С. А. Петровский; в 1882 Леонтьев поместил здесь ряд статей 16, 44, 59, 84, 88, 107, 110, 111, 141, 156, 160, 161, 165, 187, 188, 190—193, 199, 200, 204—206, 209, 212, 213, 216, 251, 252, 264, 268, 292, 296, 417, 419, 427—429, 432, 433, 443—445, 447, 449, 454, 457, 458, 460, 461, 471, 474, 476—478, 480, 481, 506, 510, 518, 521, 522, 529, 544, 546—548, 561, 574, 575, 578, 586, 593, 599, 604, 609, 619, 636, 648, 649, 651—653, 657
- «Московский телеграф» (М., 1881—1883), ежедн. газ.; ред.-изд. И. И. Родзевич 192, 197
- «Нива» (СПб. (Пг.), 1870—1917), ил. еженед. журн. литературы, политики и соврем. жизни; изд. А. Ф. Маркс 77, 84, 168, 280, 304, 305, 318, 324, 371, 386, 387, 389, 411, 417, 477, 596
- «Новая Европа», междунар. обозрение культуры и религии, журн. 66
- «Новое время» (СПб. (Пг.), 1868—1917), ежедн. газ.; ред.-изд. с 1876 А. С. Суворин; газ. неоднократно откликнулась на публикации Леонтьева 10, 39, 61, 141, 144, 156, 170, 159, 225, 280, 394, 533, 548, 575, 576, 592, 593, 616, 624, 627, 657
- «Новости и Биржевая газета» (СПб., 1880—1906), ежедн. газ.; изд.-ред. О. К. Нотович 42, 47, 264
- «Огонек» (СПб., 1879—1883), еженед. ил. журн.; изд.-ред. Н. П. Аловерт 223, 234
- «Отечественные записки» (СПб., 1839—1884), учено-лит. и полит. журн.; изд.-ред. до 1868 А. А. Краевский, в 1860—1866 совм. с С. С. Дудышкиным; в 1868—1884 Н. А. Некрасов; ред. Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков, Г. З. Елисеев, с 1877 г. — Н. К. Михайловский 9, 76, 77, 657
- «Петербургские ведомости» → «Санкт-Петербургские ведомости»
- «Порядок» (СПб., 1881—1882), ежедн. газ. полит. и лит.; ред.-изд. М. М. Стасюлевич 240
- «Правительственный вестник» (СПб. (Пг.), 1869—1917), офиц. ежедн. газ.; ред. С. П. Сушков (1874—1881), Г. П. Данилевский 182, 292, 373, 403—405, 417
- «Православное обозрение» (М., 1860—1891), ежемес. журн.; изд. прот. П. А. Преображенский 238—240, 242, 442, 530, 657

«Прибавления к изданию творений св. отцов в русском переводе» (изд. Московской духовной академии; 1843—1917) 200

«Ремесленная газета» (М., 1885—1906), еженед. изд. с политипажами в тексте и с прил. отдельных рисунков, газ.; ред.-изд. К. А. Казначеев и А. Сюзев; Леонтьев был цензором этой газеты 387, 389

«Россия» (М., 1883—1890), еженед. ил. журн.; изд. О. М. и М. П. Уманец, с 1889 г. — И. И. Пашков 281—283, 311

«Русская беседа» (М., 1856—1860); изд. А. И. Кошелев, ред. (в разное время) Т. И. Филиппов, М. А. Максимович, И. С. Аксаков; 11, 12, 16, 154, 290, 482

«Русская литература» (Л. (СПб.), 1958 — изд. продолжается), журн. 26, 37, 38, 66, 67, 109, 338, 504, 514, 530, 603, 604, 625, 657, 658

«Русская мысль» (М., СПб., 1880—1918), ежемес. журн.; изд. В. М. Лавров, ред. С. А. Юрьев; с 1882 Леонтьев был цензором этого журнала 34, 143, 189, 190, 296, 300, 325, 329, 349, 351, 352, 366, 367, 371, 386, 389, 391, 394, 432, 436, 442, 624, 657

«Русская старина» (СПб. (Пг.), 1870—1918), ежемес. журн.; отв. изд.-ред. В. А. Семеvский при участии М. И. Семеvского, в 1877—1892 М. И. Семеvский 386, 388, 389, 442

«Русские ведомости» (М., 1863—1918), ежедн. газ.; основатель Н. Ф. Павлов 129

«Русский архив» (М., 1863—1917), ежемес. журн.; ред.-изд. П. И. Бартенев 189

«Русский вестник» (М., 1856—1887), ежемес. журн. лит. и полит.; ред.-изд. М. Н. Катков; после смерти М. Н. Каткова издавался в Петербурге, ред. Ф. Н. Берг (до 1896); Леонтьев на протяжении многих лет был одним из постоянных авторов журнала 13—16, 73, 76, 77, 79, 87, 89, 93, 94, 115, 120, 165, 188, 190, 192, 197, 199, 212—214, 246, 281, 289, 296, 304, 318, 326, 328, 351, 388, 432, 476, 496, 507, 569, 576, 590, 598, 603, 626, 657

«Русский курьер» (М., 1879—1889; 1891), ежедн. газ.; изд. Н. П. Ланин (с 1880), ред. В. Н. Селезнев 192, 196

«Русский мир» (СПб., 1871—1880), ежедн. газ. полит. и лит.; изд. В. В. Комаров; ред. (с 1873) М. Г. Черняев и Р. А. Фадеев; в 1878 Леонтьев поместил здесь две статьи 73, 77, 84, 86, 87, 89, 501, 504

«Русское дело» (М., 1886—189), газ.; ред.-изд. С. Ф. Шарапов 25, 26, 248, 331, 332, 348, 380, 388, 411, 458, 459, 462, 463, 489, 491, 502, 504, 505, 514, 625, 657

«Русское обозрение» (М., 1890—1898), ежемес. журн.; ред.-изд. Н. М. Боборыкин и Д. Н. Цертелев (до 1892), с октября (фактически с июля) 1892 — А. А. Александров 12, 506, 545, 569, 591, 614, 626, 627, 657

- «Русское слово» (СПб., 1859—1866), ежемес. журн.; изд. гр. Г. А. Кушелёв-Безбородко 283
- «Русь» (М., 1880—1886), газ.; ред.-изд. И. С. Аксаков; в 1882 здесь был помещен очерк Леонтьева «Пасха на Афонской горе» 25, 190, 192, 204, 205, 208, 209, 217, 330—332, 403, 404
- «Санкт-Петербургские ведомости» (СПб., 1728 — авг. 1914; затем «Петроградские ведомости»), ежен. газ.; с 1862 арендатор-ред. В. Ф. Корш 25, 42, 153, 154, 199, 200, 205, 206, 212, 225, 227, 238, 241, 279, 280, 304, 306, 318, 320, 327, 328, 392, 411
- «Свет» (СПб., 1882—1907), ежен. газ.; ред.-изд. В. В. Комаров 537, 542, 578, 586, 623, 626
- «Свет и тени» (М., 1878—1884), юморист. журн.; ред.-изд. Н. А. Пушкирев 185, 186
- «Семейные вечера» (СПб., 1864—1891), «журнал для детей и семейного чтения»; с 1891 под назв. «Литературные семейные вечера»; 2 книжки в мес.; в 1870—1891 изд. С. С. Кашпирева 76, 77
- «Современные известия» (М., 1867—1887), ежен. газ.; ред.-изд. Н. П. Гиляров-Платонов; в нач. 1880-х Леонтьев был цензором этой газеты; в 1887 здесь напечатан его очерк «Сдача Керчи в 55 году» 24, 190, 191, 196, 204—206, 208, 300, 316, 325, 351, 389, 409, 411, 417, 482, 657
- «София» (Новгород Великий, 1997 — изд. продолжается), ежекварт. журн.; 1992—1996 — газ. 10
- «Страна» (СПб., 1880—1883), ежен. газ.; ред.-изд. А. А. Полонский 141
- «Странник» (СПб., 1860—1894, 1901—1916), духовн. учено-лит. журн.; ред. свящ. В. В. Гречулевич (впоследствии архим. Виталий) 209, 636
- «Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания» (Воронеж, 1993 — изд. продолжается), журн. 66
- «Церковно-общественный вестник» (СПб., 1874—1886), журн.; ред.-изд. А. И. Поповицкий 200
- «Церковный вестник» (СПб. (Пг.), 1875—1917), журн. 53
- «Церковь» (М.), журн. старообрядческой митрополии 14
- «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (М., 1845—1848, 1858—1918), журн.; до 1877 ред. О. М. Бодянский 95, 273, 274

«Эпоха» (СПб., 1864—1865), ежемес. журн.; изд.-ред. М. М. Достоевский, с № 6 1864 издание семейства М. М. Достоевского, ред. А. У. Порецкий 416

«Български глас» (София, 1879—1883), болг. консервативная полит. газ.; изд. Гр. Начович 211, 212

«Еσπερος» (Лейпциг), греч. газ. 211

«Figaro» (Париж, с 1825 — изд. продолжается), франц. газ.; с 1866 г. ежедн.

«Journal de S.-Petersbourg» (СПб. (Пг.), с 1813 г.), газ. на франц. яз. (в 1813—1824 под загл. «Conservateur impartial»; подзагол. также менялись, в 1859—1904 — «Journal de S.-Petersbourg politique, littéraire, commercial et industriel»); офиц. (до 1824) орган Министерства иностранных дел 84, 88

«Nouvelle Revue» (Париже, 1879—1902), франц. журн.; изд. (до 1899) Ж. Адам (Adam) 577, 586

«Revue de deux Mondes» (Париж, 1829—1944), франц. журн. 291

Указатель произведений К. Н. Леонтьева

- Анализ, стиль и веяние 38, 490, 495—497, 529, 530, 570—572, 576, 590, 591, 598, 599, 601—605,
«Анна Каренина» и «Война и мир» 489, 490, 492—495, 497
Арестованный 280
Аспазия Ламприди 87, 103, 314, 326, 637
Благодарность (Немцы) 327
Болгарские дела и «Русские ведомости» 110, 129
Булавинский завод 327
«В сорочке родилась» (рец.) 141, 143
Византизм и Славянство 20, 58, 65, 72, 79, 88, 94, 95, 192, 204, 213, 247, 274, 289, 292, 300, 405, 494, 496, 497, 501, 579, 637
Владимир Соловьев против Данилевского 54, 494—504, 507, 514
Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской 46, 552—554, 558, 559, 565, 566, 571, 573
Восток, Россия и Славянство 27, 29, 35, 43, 60, 133, 143, 191, 196, 197, 268, 271—275, 283, 284, 286, 291, 293, 295, 296, 300, 303, 308, 314, 320, 324, 325, 327, 329, 330, 334, 343, 369, 371, 373, 378, 380, 381, 387, 393, 400, 404, 411, 459, 463, 464, 522, 570, 595, 604, 637, 651
Враги ли мы с греками? 119
Генерал Матвеев → Две избранницы
Грамотность и народность 81
Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой 460, 463, 475, 477, 489—494, 496, 497, 549
Две избранницы (Генерал Матвеев) 199, 223, 232, 234, 248, 281—283, 311, 626
Дитя души 76—78, 85, 109, 637
Добрые вести 577, 585
Достоевский о русском дворянстве 47, 623, 626
Египетский голубь 160, 166, 180, 183, 186, 188, 189, 195, 221, 232, 235, 237, 238, 287, 318, 319, 385, 507
Еще о греко-болгарской распри 16—19, 71—73, 75, 76, 78, 85, 86, 88, 90, 93, 94, 300, 407
Еще о «Дикарке» гг. Соловьева и Островского 313, 326
Женитьба по любви 327
Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге 24, 36, 181, 183, 233, 234, 434, 564
Записки отшельника 47, 445, 455, 460, 463, 475, 494, 497, 514, 570, 585, 615
Идеал всеобщего однообразия и последствия социального смешения на Западе → Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения

Из жизни христиан в Турции 84, 87, 91,
93, 95, 109, 113, 114, 157, 288, 313, 378

Как надо понимать сближение с народом?
37, 176, 177, 192

Капитан Илия 637

Г. Катков и его враги на празднике Пуш-
кина 34, 35, 60, 308

Консульские рассказы 328

⟨«консульские рассказы», цикл⟩ 278, 306,
318, 319, 328

Кто правее? 5, 34, 591, 649, 653

Культурный идеал и племенная политика
5, 573, 591

Лже-пророк Достоевский и его лже-хри-
стианское учение (нереализ. замысел)
35—41, 181, 476, 479

Майноские староверы 327

Мое обращение и жизнь на Св. Афонской
горе 531

Мои воспоминания о Фракии 115, 118

Мой исторический фатализм 460, 463,
472—474, 476, 477

Мой приезд в Тульчу 320, 328

Моя исповедь 88, 164, 407, 497

Моя литературная судьба (1874) 87, 94,
351

Моя литературная судьба (1874—1875)
17, 66, 87, 94, 197, 273

Над могилой Пазухина 46, 47, 542, 586,
610, 615—617, 622—624, 626

Национальная политика как орудие все-
мирной революции 5, 491, 509, 510,

514, 517, 519, 526, 527, 529—531, 542,
589, 590, 618

Национальный психический характер
русских, греков и юго-славян → Рус-
ские, греки и юго-славяне

Наше общество и наша изящная литера-
тура 88

Наши новые христиане 38, 40—43, 229,
231, 234, 238, 246, 248, 261, 264, 287,
304

Невольное пробуждение старых мыслей
и чувств 460, 463—465, 468

Не кстати и кстати 5, 433, 477, 573

Немцы → Благодарность

Несколько воспоминаний и мыслей о по-
койном Ап. Григорьеве 6, 81, 504

О. А. Новикова 209

О всемирной любви 35, 229, 291, 434,
440

О Данилевском (Гипотеза Данилевского
и мои мечты) (нереализ. замысел) 460,
463, 495, 497

О культурном значении славянофильства
(незаверш. замысел) 436, 437

О памятнике в Бозе почившему импера-
тору Александру II в Москве (Памят-
ник двадцатипятилетия царствования
Государя Императора, По поводу
устройства памятника в Бозе почив-
шему Императору Александру II
в Москве) 192, 196

Одиссей Полихрониадес 75—77, 83, 84,
87, 88, 90, 92, 93, 162, 204, 287, 289,
291, 292, 314, 326, 378, 506, 564, 572,
637

- Опасности панславизма → Плоды национальных движений...
- Оптинский старец Амвросий 48
- Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни 37, 120, 124, 162, 193, 197, 230, 287, 288, 291, 304, 555, 651
- Ошибка г. Астафьева 590, 591
- Паликар Костаки 637
- Памятник двадцатипятилетия царствования Государя Императора → О памятнике в Бозе почившему Императору Александру II в Москве
- Панславизм на Афоне 14, 15, 72, 79
- Панславизм и греки 14, 15, 72, 79
- Пасха на Афонской горе 217, 218, 251
- Патриарх или Папа? (нереализ. замысел) 48, 274
- Пембе 87
- ⟨Передовые статьи «Варшавского дневника»⟩ 38, 138, 204, 291, 314, 638
- Перелом. Правдивая история. Б. М. Маркевича (рец.) 204, 206, 223, 291 292
- Пессимист (Против течения, Пророк в отчизне) 115, 116, 118, 135, 140, 143, 305, 622, 626
- Письма о Восточных делах 29, 36, 223, 224, 238—240, 248, 320, 328, 407
- Письма отшельника 23, 110, 111, 134—137
- Письмо провинциала к г. Тургеневу 93, 94
- Плоды национальных движений на Православном Востоке 518, 521
- По поводу моих статей «Анализ, стиль и веяние» 603, 605
- По поводу рассказов Марко-Вовчка 94
- По поводу устройства памятника в Бозе почившему Императору Александру II в Москве → О памятнике в Бозе почившему Императору Александру II в Москве
- Подруги (Пути Господни) 39, 529—531, 571, 574—576, 585, 588, 594—597, 600, 622, 626
- Польская эмиграция на Нижнем Дунае 328
- Православие и Католицизм в Польше 232, 233
- «Премудрость созда себе дом...» (нереализ. замысел) 305, 495, 497, 529, 530
- Пророк в отчизне → Пессимист
- Против течения → Пессимист
- Противоцерковность Курского (Дворянского) банка 607
- Пути Господни → Подруги
- Разбойник Сотири 328
- Рассказ моей матери об Императрице Марии Феодоровне 280, 370, 385, 386, 416, 436, 461
- Рассказ смоленского дьякона о нашествии 1812 года 188, 189
- Русские, греки и юго-славяне 78, 79, 86, 89—91, 193, 197
- Святогорские отшельники (Афонский роман) (нереализованный замысел) 246, 248, 304, 305, 597
- Священник-убийца 279
- Сдача Керчи в 55 году 386, 389, 409, 410, 421, 596

Славянофильство теории и славянофильство жизни 47, 623, 626
«Современные церковные вопросы» (МВед) 67, 191, 204
«Современные церковные вопросы» (СИ) 29, 191, 208
Сочувствие и содействие 460, 463
Союз Восточный и Союз Славянский (нереализ. замысел) 620, 621
〈Список верующих〉 626
Список сочинений г. Леонтьева с характеристикой 376, 377
Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения 319, 327, 445
〈Статья по поводу Берлинского трактата; незаверш.〉 116
〈Статья — отклик на «реферат» Соловьева; уничтожена〉 649
〈Статья об Австрии; нереализ. замысел〉 625
〈Статья о братстве для борьбы против староверов; нереализ. замысел〉 116
〈Статья о Шамординском монастыре; нереализ. замысел〉 448, 450, 460, 463
Страх Божий и любовь к человечеству («Чем люди живы») 40, 220, 221, 223, 224, 226—229, 638
Судьба Бисмарка и недоделки Каткова 460, 463, 469, 472, 491
Сфакиот 86, 89

Территориальные отношения 119
Тургенев в Москве 349, 351, 367, 386, 388, 389, 436, 460, 463, 475, 496, 514

Хамид и Маноли 93, 94
Храм и Церковь 119, 240, 338, 481, 482
Хризо 87, 92, 94
Хронология моей жизни 277

〈Цензорский доклад о сб. «Взгляд назад»〉 66

Чем и как либерализм наш вреден? 132, 133, 238, 240—242, 246, 248
«Чем люди живы» → Страх Божий и любовь к человечеству
Четыре письма с Афона (Афонские письма) 6, (37), 78, 79, 86, 89—91
Что делать с Болгарией (незаверш.; уничтожена) 434
Чужим умом 589

Ядес

Suum cuique 460, 463

Dubia

Газета «Берег» о Вселенском Соборе 143, 145
«Современные церковные вопросы» (рец. в журн. «Странник») 209

Содержание

О. Л. Фетисенко. «Ревнители охранения обуреваемых святынь». О переписке К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова	5
Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891)	69
1875.	71
1876.	76
1878.	95
1879.	104
1880.	129
1881.	172
1882.	190
1883.	242
1884.	265
1885.	276
1886.	308
1887.	391
1888.	487
1889.	528
1890.	569
1891.	610
Приложение 1	
<К. Н. Леонтьев>. <i>Современные церковные вопросы</i> : Т. И. Филиппова	633
<Т. И. Филиппов>. <i>Дневник</i>	637
Приложение 2	
Письмо П. Е. Астафьева к Т. И. Филиппову	639
Письмо преп. Исаакия Оптинского к Т. И. Филиппову	639
Приложение 3	
Письмо Е. С. Кротковой к Т. И. Филиппову	641
Письмо М. В. Леонтьевой к Т. И. Филиппову	645
Письмо Ф. П. Чуфрина, А. А. Александрова и др. к Т. И. Филиппову	645
Письмо Ф. П. Чуфрина к Т. И. Филиппову	647
Список иллюстраций	655
Список сокращений	656
Указатель имен	659
Указатель периодических изданий	713
Указатель произведений К. Н. Леонтьева	719

Научное издание

Пророки Византизма

Переписка К. Н. Леонтьева
и Т. И. Филиппова (1875—1891)

Составление, вступительная статья,
подготовка текстов и комментарии
О. Л. Фетисенко

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Директор издательства Е. И. Гончарова
Редактор С. В. Березкина
Художник Е. П. Фокина
Технический редактор А. В. Осокин
Корректоры Е. А. Пережогина, П. В. Матвеев

Подписано в печать 30.11.2011 г. Формат 72 × 84 1/16.
Гарнитура Arno Pro. Усл. печ. л. 51,24.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 800 экз. Заказ № 1728

Издательство «Пушкинский Дом»
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Тел. (901) 315 49 11
Факс (812) 343 09 38
e-mail: pushkindom2008@yandex.ru
www.pushkindom.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28